МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ХОЛИКОВ Алексей Александрович

ПРИЖИЗНЕННОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ)

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
профессор, доктор филологических наук
Клинг Олег Алексеевич

МОСКВА – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение – 4

Глава I. Полное собрание сочинений: вопросы истории и типологии

§ 1. Основные типы и виды собраний сочинений – 36

§ 2. Полные собрания сочинений русских писателей: история возникновения и типологическая классификация – 37

§ 3. Полные собрания сочинений русских писателей: историческая классификация и функционирование – 41

§ 4. Прижизненные полные собрания сочинений русских писателей: типологическая классификация – 56

§ 5. Перечень прижизненных полных собраний сочинений русских писателей – 63

Глава II. Принципы описания теоретической модели прижизненного полного собрания сочинений как структурно-семантического единства

§ 1. Общие замечания – 70

§ 2. Текстологический подход – 70

§ 3. Историко-литературный подход – 81

§ 4. Поэтологический подход – 86

Глава III. Прижизненные полные собрания сочинений Д.С. Мережковского

III.I. Текстологический подход

§ 1. Общие замечания (состояние вопроса) – 108

§ 2. Типологическая характеристика – 128

§ 3. Состав – 130

§ 4. Принципы расположения текстов – 148

§ 5. Научно-справочный аппарат – 151

III.II. Историко-литературный подход

§ 1. Общие замечания – 160

§ 2. Причины выпуска и процесс подготовки изданий – 168

§ 3. Отзывы современников – 199

III.III. Поэтологический подход

Раздел 1. Содержательный аспект

§ 1. Тематический уровень описания с точки зрения запечатления в нем духовно-биографического опыта творца – 202

§ 2. Идейный уровень: эксплицитные связи – 345

Раздел 2. Формальный аспект: имплицитные связи

§ 1. Общие замечания – 358

§ 2. Устойчивые компоненты предметного мира и формы их выражения – 358

§ 3. Композиционные связи – 401

Заключение – 438

Приложение: роспись содержания полных собраний сочинений Д.С. Мережковского – 449

Библиография

§ 1. Источники, использованные при составлении списка прижизненных полных собраний сочинений русских писателей – 455

§ 2. Работы по книговедению и издательской деятельности – 463

§ 3. Работы по текстологии – 466

§ 4. Работы о Д.С. Мережковском – 468

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Актуальность исследования. Полные собрания сочинений как вид издания нуждаются в специальном теоретическом и историко-литературном изучении, поскольку принадлежат к наименее исследованным метатекстовым образованиям. Что касается *прижизненных* полных собраний сочинений (далее – ППСС), то даже книговеды выстраивают классификацию видов изданий без их учета[1], а литературоведы, в свою очередь, недостаточно внимания уделяют исследованию работы писателей над подготовкой полных собраний своих сочинений, не рассматривают на теоретико-литературном уровне смежную проблему соотношения авторских и редакторских составляющих творческого процесса.

В то же время собрания сочинений русских писателей рассматривали многие ученые: Д.Д. Благой, Б.Я. Бухштаб, А.Л. Гришунин, Н.К. Гудзий, Н.П. Лавров, С.П. Омилянчук, Е.И. Прохоров, Е.И. Рыскин, Л.А. Спиридонова и др.[2] При этом полные собрания сочинений интересуют литературоведов прежде всего в прикладном аспекте, когда ставится задача редакционно-текстологической подготовки того или иного издания либо оценивается ее решение (см. некоторые работы недавнего времени[3] таких исследователей, как А.Ю. Балакин, С.В. Белов, В.И. Глоцер, Р.С. Головина, Л.Д. Громова-

---

[1] См.: Типология изданий. М., 1990. С. 93 – 103.

[2] *Благой Д.Д.* Типы советских изданий русских писателей-классиков // Вопросы текстологии. Вып. 1. М., 1957; *Бухштаб Б.Я.* Проблема типологии литературно-художественных изданий // Книга: Исследования и материалы. Сб. 32. М., 1976; *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998; *Гудзий Н.* По поводу Полных собраний сочинений писателей // Вопр. лит. М., 1959. № 6; *Лавров Н.П.* Редакционно-текстологическая подготовка собраний сочинений советских писателей // Книга: Исследования и материалы. Сб. 11. М., 1965; *Омилянчук С.П.* Проблемы типологии собраний сочинений // Книга: Исследования и материалы. Сб. 18. М., 1969; *Прохоров Е.И.* Текстология: Принципы издания классической литературы. М., 1966; *Рыскин Е.И.* Основные издания сочинений русских писателей XIX века. М., 1948; *Спиридонова Л.* К вопросу о типах изданий // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009.

[3] Более ранние труды см.: *Лебедева Е.Д.* Текстология русской литературы XVIII – XX вв. Указатель советских работ на русском языке. 1917 – 1975. М., 1978; *Лебедева Е.Д.* Текстология. Вопросы теории. Указатель советских работ за 1917 – 1981 гг. М., 1982; *Лебедева Е.Д.* Текстология русской литературы XVIII – XX вв. Указатель советских работ на русском языке. 1976 – 1986. М., 1988; Советское литературоведение и критика. Теория литературы. Библиографический указатель. 1917 – 1967. Ч. 1 – 4. М., 1989; Советское литературоведение и критика, 1917 – 1925: Библиографический указатель литературы на русском языке. Ч. I – III. New York, 1994.

Опульская, В.Н. Дядичев, А.С. Крюков, Е.Г. Куликова, В.К. Лосская, Ю.М. Лотман, М. Нике, А.Н. Николюкин, Т.И. Орнатская, Е.Б. Пастернак, В.Д. Рак, Д. Савелли, С.И. Субботин, В.А. Туниманов, С.А. Фомичев, Г.М. Фридлендер и др.[4]).

Случай Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865 – 1941) в этой связи особенно показателен. Писателю удалось при жизни выпустить два полных собрания сочинений с минимальным хронологическим интервалом. Издания существенно различаются как по составу и композиции, так и по качеству подготовки. Представляется, что на их примере можно наиболее рельефно продемонстрировать методологические принципы изучения ППСС. Наконец, творчеством Мережковского крайне редко занимаются теоретики литературы, а его ППСС специально совсем не изучались. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена и этими лакунами.

Что касается общего состояния мережковсковедения, то работы о писателе стали появляться в конце 1880-х годов, когда молодой автор дебютировал как поэт (его первый сборник «Стихотворения (1883 – 1887)» вышел в 1888 году, хотя первая публикация – «Тучка» – увидела свет еще в

---

[4] *Балакин А.* Первый том академического Тютчева // Новый мир. М., 2004. № 5; *Белов С.В.* Полное собрание сочинений Достоевского: дополнения, ошибки, купюры // Достоевский в культурном контексте XX века. Омск, 1995; *Глоцер В.* Не то, не так, не там…: К выходу в свет двух томов Полного собрания сочинений Даниила Хармса // Лит. газ. М., 1997. № 38; *Головина Р.С.* Полное собрание сочинений и писем В.С. Соловьева // Науч. книга. М., 2000. № 2; *Громова-Опульская Л.Д.* Весь Лев Толстой // Науч. книга. М., 2000. № 2; *Дядичев В.* Есенин академический // Наш современник. М., 1996. № 7; *Крюков А.С.* О «полном научном собрании текстов» А. Ахматовой // Эйхенбаумовские чтения. Вып. 5. Ч. 2. Воронеж, 2004; *Куликова Е.Г.* Возвращение на родину: К выходу в России Полного собрания сочинений И.С. Шмелева // Книгочей. М., 2001. Вып. 7; *Лосская В.* Возможно ли и нужно ли издание «Полного собрания сочинений» Марины Цветаевой? // Рус. мысль. Париж, 1994. 8 – 14 дек. № 4056; *Лотман Ю.М.* К проблеме нового академического издания Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту. Таллин, 1987. С. 89 – 95; *Нике М.* О полном собрании сочинений Сергея Есенина // Рос. писатель. М., 2004. № 6; *Николюкин А.* Как издавать В.В. Розанова? // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003; *Орнатская Т.И.* Л.Н.Толстой. Полное собрание сочинений в ста томах. Художественные произведения // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 2004. Т. 63. № 1; *Пастернак Е.* «Старались сделать Собрание сочинений академическим» // Книжное обозрение. М., 2006. № 29/30; *Рак В.Д.* Новое академическое Полное собрание сочинений А.С. Пушкина // Вестник Рос. гуманит. науч. фонда. М., 1999. № 1; *Савелли Д.* Как издавать Полное собрание сочинений Бориса Пильняка // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003; *Субботин С.И.* О подготовке собрания сочинений С.А.Есенина // Новое лит. обозрение. М., 1993. № 5; *Туниманов В.А.* Академическое собрание сочинений и писем И.А. Гончарова // «Благой фонд, благое дело»: К 10-летию Рос. гуманит. науч. фонда. М., 2004; *Фомичев С.* Новое академическое Полное собрание сочинений Пушкина в системе источниковедческих изданий // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003; *Фридлендер Г.М.* О научных принципах и задачах академических изданий русских классиков (на материале Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1991. Т. 50. № 5.

октябре 1880-го) и критик (со статьей 1888 года «Старый вопрос по поводу нового таланта»). К моменту издания второго прижизненного «Полного собрания сочинений» (1914) литература о Мережковском (включая рецензии) насчитывала свыше 500 наименований. «Если бы собрать все, – утверждал в 1912 году М.А. Лятский, – что писалось о Мережковском, все, что напечатано о его литературном творчестве, о его религиозных взглядах и пр. – то составились бы, пожалуй, целые томы»[5]. Однако большую часть этих работ нельзя назвать научными. За редкими исключениями, к которым относятся исследования Н. Розанова («О “новом религиозном сознании” (Мережковский и Бердяев)», 1908), Б. Грифцова («Три мыслителя. В. Розанов, Д. Мережковский, Л. Шестов», 1911), А. Долинина (глава в издании под редакцией С.А. Венгерова «Русская литература XX века (1890 – 1910)», 1914 – 1918), они проходили по ведомству критики и публицистики. В силу обстоятельств (эмиграция, подготовка военной интервенции, антибольшевистские выступления в печати), обусловивших забвение писателя на родине, отечественное мережковсковедение начало активно развиваться только в постперестроечное время, хотя и до этого фамилия Мережковского проникала контрабандой в отдельные труды по Серебряному веку. Вспомним монографию В.А. Кувакина «Религиозная философия в России. Начало XX в.» (1980), книги «Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века: 1890 – 1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания» (1982), «Развитие реализма в русской литературе» (Т. 3. М., 1974 – раздел «Реализм и символизм» Е.В. Стариковой), «Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX в.» (1982) (статья той же Е.В. Стариковой «Интерпретации Д.С. Мережковского»), некоторые тома «Литературного наследства». В основном же в советские годы изучением жизни и творчества русского писателя занимались за рубежом. Многое было сделано такими исследователями, как C.H. Bedford, H. Björkell, J. Chuzeville, E. Clowes, I. Golik,

[5] *Лятский М.А.* Дмитрий Сергеевич Мережковский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. XI.

M. Gras, C. de Grève, P. Hart, O. Holovaty, G.R. Jahn, W. Lednicki, S. Levitzky, R.E. Matlaw, A. Pyman, B.G. Rosenthal, E. Salgaller, J.P. Scanlan, U. Spengler, H.A. Stammler, I. Svatonova, Z. Zakiewicz. За последние годы появились не менее значимые работы других иностранных ученых: N. Andrić, N. Caprioglio, P.G. Christensen, K. Cieślik, A. Dagnino, G.A. Davis, A. Dudek, J.S. Durrant, S. le Fleming, B. Fonseca, M.J. Fontenot, A. Frajlich, J. Friedman, R. Gamziukaite-Maziuliene, S. Garzonio, J. Grzymkowska, M. Iwińska, J.E. Kalb, L. Leszczenko, S.S. Lim, K. Lodge, Й.Д. Люцканов, O. Matich, T. Pachmuss, A. Pondopulo, E. Przechodzki, L. Senelick, C. Suszka, J. Szędzielorz, M. Węcowski. Однако теперь количество российских научных публикаций во много раз превысило зарубежные.

Каждый год в нашей стране появляются десятки новых исследований. Предварительная работа по составлению библиографического указателя к научным трудам о Мережковском была недавно проделана А.Г. Бойчуком в рамках издания: Русская литература конца XIX – начала XX века. Библиографический указатель. Том I (A – M). М., 2010. Однако формат большого коллективного труда объективно не позволил составителю учесть очень многие ценные исследования, появившиеся как за последнее десятилетие, так и раньше. Кроме того, Бойчук выборочно включил в библиографию не только научную литературу о Мережковском[6], но и критику, воспоминания современников, эпистолярий, сочинения самого писателя. Поскольку полный перечень написанного и опубликованного Мережковским до сих пор отсутствует[7], составленная библиография имеет безусловную ценность, но,

---

[6] См. также: *Николюкин А.Н.* Писатели и критики русской эмиграции о Д.С. Мережковском // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 560 – 564.

[7] См. также: *Ларин О.Я.* Хронологический указатель произведений Д.С. Мережковского // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 120 – 139; *Фомин А.Г.* Сочинения Д.С. Мережковского // Русская литература XX века (1890 – 1910). В 2 кн. М., 2000. Кн. 2. С. 405 – 411 (впервые – там же: т. II. М., 1915. С. 182 – 190); *Владиславлев И.В.* Русские писатели: Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX – XX ст. 4-е перераб. и значит. дополн. изд-е. М.; Л., 1924. С. 79 – 82; История русской литературы конца XIX – начала XX века. Библиографический указатель / Под ред. К.Д. Муратовой. М.; Л., 1963. С. 304 – 311; *Кумпан К.А.* Примечания // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 754 – 904; *Андрущенко Е.А.* Примечания // *Мережковский Д.С.* Драматургия. Томск, 2000. С. 674 – 761; *Колеров М.* Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887/1947. М., 2000; *Коростелев О.А., Николюкин А.Н.* Комментарии // *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: Статьи периода

повторим, не лишена значительных лакун.

Учитывая, что Мережковский был не только писателем (прозаиком и поэтом), но и критиком, публицистом, переводчиком, религиозным мыслителем, неудивительно, что на материале его творческого наследия свои кандидатские и докторские диссертации защищают – начиная с 1989 года – не только литературоведы[8] и лингвисты[9], но также философы[10], историки[11], культурологи[12], искусствоведы[13]. Лидерство принадлежит литературоведам, среди которых историки литературы преобладают над теоретиками. Фамилия Мережковского фигурирует в названиях более 20 книг на русском языке. Главы о писателе появляются в других монографиях и учебных пособиях. По нашим подсчетам, за последние два десятилетия опубликовано чуть менее тысячи научных статей о Мережковском. Тематический диапазон всех этих исследований чрезвычайно широк. Условно их можно разделить на две группы: работы, посвященные жизни, и работы, посвященные творчеству. Если о первых достаточно сказать, что к ним относятся работы биографического характера (прежде всего книги-жизнеописания В.Н. Быстрова, Ю.В. Зобнина, В.И. Хрисанфова, а также статьи Ф.Т. Ахунзяновой, Г.М. Бонгард-Левина, С.П. Бычкова, Т.В. Воронцовой, Б.И. Колоницкого, Н.Г. Коптеловой, О.А. Коростелева, А.В. Лаврова, Т.В. Марченко, Л.А. Мнухина, Т. Николеску,

---

эмиграции. СПб., 2001. С. 583 – 646; *Анастасьева И.Л., Домогацкая Е.Г., Певак Е.А.* Комментарии // *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. М., 2001. С. 459 – 508; Философское содержание русских журналов начала XX в. Статьи, заметки и рецензии в литературно-общественных и философских изданиях 1901 – 1922 гг. Библиографический указатель / Отв. ред. А.А. Ермичев. СПб., 2001; Философское содержание русских журналов начала XX в. Вып. 2. Статьи, заметки и рецензии в изданиях духовных и светских учебных заведений, общенаучных, критико-библиографических, общественно-политических и иных журналах. Библиографический указатель / Сост. А.А. Ермичев. СПб., 2006; *Андрианова М.Д., Мартынов Г.Г., Успенская А.В.* Примечания // Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы. Шарль Бодлер. Избранные стихотворения / Пер. с греч., ит., фр. Дмитрия Мережковского. М., 2010. С. 325 – 445.

[8] Т.А. Александрова, Е.А. Андрущенко, А.М. Атрохин, Е.Г. Белоусова, И.А. Билибина, В.Н. Быстров, И.В. Вальченко, А.М. Ваховская, Т.В. Воронцова, И.В. Гречаник, А.В. Дехтяренок, А.А. Журавлева, Е.Г. Кабакова, Т.Ю. Ковальчук, М.А. Ковыршин, Н.Г. Коптелова, Е.В. Корочкина, Ю.Р. Кричевская, О.Ю. Круглов, Н.В. Кузнецова, О.В. Кулешова, И.М. Михайлова, В.О. Михеев, А.Н. Михин, М.В. Мосиенко, Н.А. Никулина, Е.Ю. Осмоловская, Е.А. Осьминина, А.В. Петров, Л.З. Полещук, В.В. Полонский, Я.В. Сарычев, Н.М. Сергеева, Е.Г. Солнцева, Л.Н. Флорова, И.А. Хромова, М.А. Хуберт, А.В. Чепкасов, В.В. Шабаршина, Т.С. Шевчук.

[9] Т.А. Неверова.

[10] Н.В. Анненкова, С.Н. Белая, С.П. Бельчевичен, М.Г. Малашонок, И.К. Москвина, О.В. Пчелина, Н.А. Царева.

[11] А.А. Воеводина, Т.Н. Полевик, В.Л. Семигин, В.Н. Тараскина.

[12] И.Л. Анастасьева, Ф.Т. Ахунзянова, О.В. Десяткова.

[13] И.Н. Муравьева, В.В. Стебляк.

А.Н. Николюкина, Е.А. Осьмининой, Т. Пахмусс, В.В. Полонского, А.Л. Соболева и некоторых др.), то вторые нуждаются в более подробном комментарии.

Во-первых, исследователи сосредоточилась на изучении драматургии писателя[14], лирики и лироэпики[15], переводческой деятельности[16], прозы. Одни обращаются к романному творчеству[17], другие – к новеллистике[18]. При этом интерес большинства сосредоточен на первой трилогии Мережковского «Христос и Антихрист»[19], а также отдельных ее частях[20]. Многое сделано в изучении эмигрантской прозы писателя[21], в особенности – его биографических текстов[22].

Во-вторых, подробно исследуется критическое наследие Мережковского[23]. В частности, его работы о В. Белинском[24], Н. Гоголе[25], И. Гончарове[26], Ф. Достоевском[27], П. Кальдероне[28], М. Лермонтове[29],

---

[14] Е.А. Андрущенко, Д.И. Белкин, Е.В. Васильева, Ю.К. Герасимов, С.В. Игнатьева, О.Ю. Круглов, И.М. Михайлова, А.Н. Михин, И.Н. Муравьева, А.В. Петров, Н. Старосельская.

[15] А.Г. Бойчук, Г.А. Бялый, И.В. Гречаник, Е.А. Казеева, Т.Ю. Ковальчук, Л.А. Колобаева, Е.В. Корочкина, К.А. Кумпан, Е.П. Мстиславская, О.А. Проскурин, В. Рабинович, А.Г. Разумовская, С.В. Сапожков, Е.В. Синкина, А.В. Успенская, И.Н. Черников.

[16] А.В. Успенская.

[17] В.В. Анисов, И.А. Билибина, Т.И. Дронова, М. Задражилова, Л.А. Колобаева, Е.В. Корочкина, Е. Любимова, О.Н. Михайлов, А.Н. Михин, А.В. Петров, Д.В. Сажин, М.А. Слинько, А.В. Чепкасов.

[18] И.В. Вальченко, Н.И. Девятайкина, Е.А. Казеева, И.Я. Корчинская, В.Н. Москвичев.

[19] В.В. Анисов, Е.Г. Белоусова, Т.В. Воронцова, А.В. Дехтяренок, С.Г. Исаев, М.А. Ковыршин, Е.В. Корочкина, Е. Любимова, З.Г. Минц, Т.А. Неверова, Е.В. Севрюгина, Е.К. Созина, Л.Н. Флорова.

[20] Д.В. Абашева, Е.И. Абрамова, Э. Баццарелли, Е.Л. Бейлина, Е.Г. Белоусова, Д.Д. Благой, А.Н. Богословский, О.А. Богданова, О.П. Бодык, Е.В. Васильева, А.М. Ваховская, Т.В. Воронцова, М.П. Гребнева, О.В. Дефье, А.В. Дехтяренок, Л.Н. Дмитриевская, О.А. Дойкова, Т.И. Дронова, И.Ю. Искржицкая, Е.Г. Кабакова, И.А. Казилина, А. Казюкевич, Н.Б. Кепещук, В. Кипарский, Е.В. Корочкина, О.Ю. Круглов, Н.В. Кузнецова, Д.М. Магомедова, И.М. Михайлова, В.О. Михеев, В.Н. Москвичев, Н.О. Осипова, О.И. Плешкова, М.В. Покачалов, Л.З. Полещук, Г.М. Пономарева, И.А. Романова, Н.М. Сергеева, А.В. Скосырских, В.Е. Смирнов, А.Л. Соболев, И.А. Суханова, И.А. Хромова, Е.М. Юхименко.

[21] И.Л. Анастасьева, Е.А. Андрущенко, А.М. Атрохин, Ф.Т. Ахунзянова, И. Васильев, О.Р. Демидова, М.-Л. Додеро Коста, А.А. Дырдин, Е.Г. Кабакова, Т.М. Колядич, О.А. Коростелев, Е.В. Корочкина, Н.В. Кузнецова, О.В. Кулешова, А.В. Лавров, А.В. Млечко, А.Н. Николюкин, Н.А. Никулина, Т. Пахмусс, Л. Пильд, М.В. Покачалов, В.В. Полонский, А.В. Седов, Т.М. Солодова, В. Цыбин, В.А. Черкасов, Г.К. Шадракова.

[22] А.Н. Николюкин, Т. Пахмусс, В.В. Полонский.

[23] В.Н. Быстров, И.В. Гречаник, А.А. Журавлева, Е.Г. Кабакова, Н.Г. Коптелова, О.А. Коростелев, О.В. Кулешова, М.А. Слинько, Е.О. Федоренко, В.В. Шабаршина, Б.М. Эйхенбаум.

[24] Л.Н. Житкова.

[25] Т.А. Александрова, А.М. Ваховская, А.А. Журавлева, М.В. Подоплекина, В.В. Шабаршина.

[26] Л.И. Миночкина.

[27] Е.А. Андрущенко, Ч.А. Горбачевский, А. Дудек, А.А. Журавлева, В.А. Келдыш, Г.М. Фридлендер, В.В. Шабаршина.

[28] Е.А. Казеева.

[29] В.Е. Ветчинкина, А.А. Дякина, И.М. Ефимов, А.А. Журавлева, Н.Г. Коптелова, Ю.Р. Кричевская, С. Ломинадзе, В.М. Маркович, Е.А. Муртузалиева, Е. Соснина, Т.Т. Уразаева, И.Е. Усок, А.В. Чепкасов.

Н. Лескове[30], А. Мицкевиче[31], Монтене[32], Н. Некрасове[33], А. Пушкине[34], Сервантесе[35], Л. Толстом[36], И. Тургеневе[37], Ф. Тютчеве[38], Г. Успенском[39], А. Чехове[40] и др. Особняком стоят работы о сборниках статей Мережковского: «Вечные спутники»[41], «Было и будет: Дневник: 1910 – 1914»[42], «Больная Россия»[43], трактате «Л. Толстой и Достоевский»[44]. Отдельно анализируются эстетические взгляды критика[45].

Если говорить о проблемном поле исследований, то и на нем выделяются хорошо разработанные области, прежде всего Мережковский и символизм[46]. Под пристальным вниманием находится концепция культуры у Мережковского от дохристианских цивилизаций Востока и Запада до современности[47]. Еще лучше обстоят дела с анализом религиозной доктрины мыслителя с акцентом на идее «Третьего Завета» и «нового религиозного сознания»[48], отношении к язычеству[49], сектантству[50]. Нашла своих исследователей проблема эроса и

---

[30] Л. Пильд.
[31] А. Дудек.
[32] Е.А. Андрущенко, Н.А. Никулина.
[33] Е.А. Ермолин, Н.Г. Коптелова, А.В. Чепкасов.
[34] Е.А. Андрущенко, Н.В. Анненкова, Н.Г. Коптелова, С.И. Кормилов, В.Н. Крылов, А. Кулагин, Л.И. Миночкина, З.Г. Минц, В.В. Полонский, О.С. Попова, Я.В. Сарычев, Л.Г. Фризман.
[35] Е.А. Казеева.
[36] А.А. Журавлева, Я.С. Лурье, Е.Ю. Осмоловская, Я.В. Сарычев, В.В. Шабаршина.
[37] Н.Г. Коптелова, Л.И. Миночкина, Е.А. Муртузалиева, Л. Пильд.
[38] Е.А. Ермолин, Н.Г. Коптелова, А.В. Чепкасов.
[39] Н.Г. Коптелова.
[40] А.Л. Гришунин, Н.В. Капустин, Н.Г. Коптелова.
[41] Е.А. Андрущенко, А.В. Дехтяренок, А.А. Журавлева, И.С. Приходько.
[42] Е.Г. Домогацкая, Н.В. Королева, Е.А. Певак.
[43] С. Носов, С.Н. Савельев.
[44] Е.А. Андрущенко, А.А. Журавлева, П. Карден, М.Ю. Коренева, В.В. Шабаршина.
[45] Е.А. Андрущенко, В.В. Бычков, Т.И. Дронова, Л.Г. Фризман, Д.О. Чураков.
[46] В.В. Анисов, Н.В. Барковская, Н.А. Богомолов, В.Н. Быстров, Т.И. Ерохина, С.Г. Исаев, Л.А. Колобаева, Ю.Р. Кричевская, И.Н. Муравьева, В.Н. Тараскина, Н.А. Царева, Т.С. Шевчук, Ю. Шеррер.
[47] А. Алексеев-Апраксин, Е.А. Андрущенко, А.М. Балабеко, А.Н. Безруков, С.П. Бельчевичен, А.М. Ваховская, А.А. Воеводина, О.В. Десяткова, О.В. Дефье, Т.И. Дронова, А. Дудек, Л.Н. Житкова, Е.Г. Кабакова, Н.В. Кузнецова, М.Г. Малашонок, И.Н. Морозова, В.А. Никитин, Е.А. Осьминина, И.С. Приходько, О.В. Пчелина, С.В. Рассадин, С.Ф. Руднева, Е.В. Синкина, Е.Г. Солнцева, Т.Г. Фурман.
[48] Е.А. Андрущенко, Н.В. Анненкова, И.Н. Арзамасцева, А.М. Балабеко, Н.П. Банковская, С.П. Бельчевичен, О.Д. Волкогонова, И.В. Воронцова, П.П. Гайденко, И.В. Гречаник, А.А. Давыдова, В.Н. Жуков, М.А. Ковыршин, В.П. Кошарный, Е.М. Криволапова, В.А. Кувакин, О.В. Кулешова, О. Матич, Н.Г. Митина, И.К. Москвина, Г.Г. Муриков, В.А. Никитин, Т. Пахмусс, С. Петухова, О.В. Пчелина, Я.В. Сарычев, А.В. Седов, Н.М. Солнцева, В.В. Стебляк, С.Г. Степанов, В.Н. Тараскина, Н.А. Царева, И.Н. Шеров, Е.С. Элбакян.
[49] С.П. Бельчевичен, М.А. Ковыршин.
[50] А. Эткинд.

метафизики любви у Мережковского[51]. Все больше ученых занимается мифопоэтическими разысканиями[52], а также изучением художественной антропологии[53] и историософии Мережковского[54]. Наконец, взгляды мережковсковедов обращены к социальной доктрине писателя. В этой связи исследуются его общественно-политические установки, в частности – отношение к мещанству, интеллигенции, революции[55], участие в Религиозно-философских собраниях и Религиозно-философском обществе[56].

Относительно подробно изучаются биографические и творческие связи Мережковского с современниками: М. Алдановым[57], Л. Андреевым[58], И. Анненским[59], А. Белым[60], Н. Бердяевым[61], А. Блоком[62], В. Брюсовым[63], С. Булгаковым[64], И. Буниным[65], М. Гершензоном[66], З. Гиппиус[67], М. Горьким[68], Б. Зайцевым[69], Вяч. Ивановым[70], Г. Ивановым[71], А. Карташевым[72], А. Керенским[73], Г. Масперо[74], Б. Муссолини[75], П. Перцовым[76], А. Плещеевым[77],

---

[51] В.Н. Быстров, Е.А. Королькова, О. Матич, Я.В. Сарычев, А.Л. Трубчанинов.
[52] И.Л. Анастасьева, Н.В. Анненкова, Ю.В. Балакин, Т.Н. Бреева, Т.В. Воронцова, А.В. Дехтяренок, С.П. Ильев, И.Ю. Искржицкая, Б.И. Коваль, М.А. Ковыршин, М.Ю. Красильникова, З.Г. Минц, И.М. Михайлова, Е.А. Осьминина, Л.З. Полещук, В.В. Полонский, О.А. Прокопова, А.С. Рахманина, М.А. Слинько, А.В. Чепкасов.
[53] С.Н. Белая, А. Григорян, Лю Кунь, Я.В. Сарычев.
[54] Ю.В. Балакин, С.П. Бельчевичен, О.П. Бодык, Т.В. Воронцова, Т.И. Дронова, Е.В. Корочкина, И.М. Михайлова, Т.Н. Полевик, В.В. Полонский, В.Г. Тимофеева, Н.А. Царева.
[55] Е.А. Андрущенко, А.А. Воеводина, А. Дудек, Ю.Н. Егорова, Е.Н. Иваницкая, Е.А. Иванова, И.В. Купцова, А.В. Кушкова, Г.Ф. Михайлович, И.К. Москвина.
[56] А.А. Ермичев, О.Т. Ермишин, О.А. Коростелев, С.М. Половинкин, В.В. Полонский, В.В. Стебляк.
[57] Т.И. Дронова, О. Лагашина, Р. Рохманалиев.
[58] М.В. Козьменко, И.И. Московкина, В.Н. Чувакова.
[59] Г. Шелогурова.
[60] А.Г. Бойчук, В.Н. Быстров, С.П. Ильев, И.В. Купцова.
[61] Л.И. Душатина, М.А. Колеров, Т.И. Лузина, М.Е. Набокина, О.В. Пчелина.
[62] И.В. Гречаник, Е.В. Иванова, А.В. Кушкова, О.А. Лекманов, Д.М. Магомедова, З.Г. Минц.
[63] М.В. Бурлакова, А.В. Дехтяренок, А.С. Мезенцева, М.В. Покачалов, М.А. Слинько.
[64] К. Бурхарди, М.А. Колеров.
[65] И.А. Билибина, Т. Николеску, Я.В. Сарычев.
[66] А.В. Клишин.
[67] В.Н. Быстров, В.И. Хрисанфов, Е.П. Мстиславская.
[68] Т.Д. Белова, Ю.К. Герасимов, Н.Н. Примочкина, И.А. Ревякина.
[69] Н.И. Прозорова.
[70] Н.А. Богомолов, А. Дудек, М. Цимборская-Лебода.
[71] Н.А. Богомолов.
[72] И.В. Воронцова.
[73] Б. Колоницкий.
[74] Е.А. Осьминина.
[75] И. Винокурова, В.В. Полонский.
[76] А.В. Лавров.
[77] Н.Г. Коптелова.

М. Пришвиным[78], В. Розановым[79], Б. Савинковым[80], В. Соловьевым[81], Ф. Сологубом[82], Н. Чайковским[83], А. Чеховым[84] и др.

Не обойден вниманием вопрос о месте Мережковского в истории русской журналистики[85] в связи с участием автора в таких периодических изданиях, как «Новый путь»[86], «Весы»[87], «Вопросы жизни»[88], «Меч»[89], «Русская мысль»[90], «Современные записки»[91], «Грядущее»[92], «Сегодня»[93] и др.

Часть исследователей обнаруживает интертекстуальные и близкие к ним связи Мережковского с М. Бахтиным[94], М. Булгаковым[95], Г. Газдановым[96], Г. Гауптманом[97], Г. Ибсеном[98], И. Кантом[99], П. Лагерквистом[100], Л. Леоновым[101], О. Мандельштамом[102], Т. Манном[103], В. Маяковским[104], В. Набоковым[105], Ф. Ницше[106], Б. Окуджавой[107], Б. Пильняком[108], Г. Сенкевичем[109], А. Скафтымовым[110], А. Солженицыным[111], А.Н. Толстым[112],

---

[78] Н.П. Дворцова, М.А. Ковыршин.
[79] Ф.Т. Ахунзянова, Е. Глухова, Е.И. Гончарова, И.А. Едошина, А.Н. Николюкин, В.В. Полонский.
[80] Е.И. Гончарова, М.А. Колеров, К.Н. Морозов.
[81] Н.В. Анненкова, Е.В. Корочкина, А.Ф. Лосев, Э.Я. Мозговая, Н. Осипова.
[82] М.А. Никитина.
[83] Е.А. Осьминина.
[84] О.А. Клинг, С. Костюков, С.Н. Поварцов, В.В. Полонский, А.С. Собенников, Е.Д. Толстая, А.П. Чудаков.
[85] Ю.Р. Кричевская, Н.Н. Нартыев.
[86] И.В. Корецкая, Д.Е. Максимов.
[87] О.А. Клинг.
[88] М.А. Колеров, И.В. Корецкая.
[89] Х. Баран, М.А. Колеров.
[90] А.А. Гапоненков.
[91] А.В. Млечко.
[92] А.Л. Соболев.
[93] А. Гордин.
[94] Н.Д. Тамарченко.
[95] Т.И. Дронова, Е.Д. Толстая.
[96] Л.В. Сыроватко.
[97] Г.А. Тиме.
[98] Г.М. Фридлендер.
[99] Л.А. Калинников.
[100] Н.В. Кузнецова.
[101] А. Лысов.
[102] И.И. Низова.
[103] И.И. Девицкий.
[104] М. Йованович.
[105] А.В. Успенская.
[106] Н.В. Анненкова, Н.Н. Воронина, З.Р. Жукоцкая, Н.Р. Королева, М.Ю. Красильникова, Б.Г. Розенталь.
[107] Т.И. Дронова, А.В. Карстен, Н.М. Солнцева.
[108] В. Крючков.
[109] А. Казюкевич.
[110] Т.И. Дронова.
[111] М.Г. Петрова.
[112] И.М. Дуганова.

Л. Троцким[113], Ю. Тыняновым[114] и др.

Анализ некоторых работ предшественников мы позволим себе и в основной части диссертации. Здесь же необходимо отметить публикаторскую деятельность ученых, которая включает в себя текстологическую подготовку и комментирование как творческого, так и эпистолярного[115] наследия писателя. Хотя, по данным Российской книжной палаты, после 1917 года произведения Мережковского отдельными изданиями выходили около 100 раз, большая часть из них издана после перестройки и ориентирована на массового читателя.

Современное состояние мережковсковедения можно признать относительно неплохим, хотя многое из того, что должно быть сделано, ожидает своих подвижников. До сих пор отсутствует полная летопись жизни и творчества писателя (существующие хроники[116] – только первый шаг на этом пути), не издано академическое собрание сочинений (хотя есть хороший задел[117]). Эмигрантская проза Мережковского изучена гораздо полнее (написаны серьезные работы о таких произведениях, как «Рождение богов. Тутанкамон на Крите», «Тайна трех. Египет и Вавилон», «Тайна Запада. Атлантида – Европа», «Иисус Неизвестный», «Наполеон», «Данте» и др.), в то время как из доэмигрантских произведений исследователи, как правило, обращаются к первой трилогии «Христос и Антихрист», а из второй («Царство Зверя») чаще всего выбирают роман «Александр I» и пьесу «Павел I».

§ 2. Предмет и объект исследования. В своей работе мы исходим из того, что объект исследования как научная категория более широкое понятие и

---

[113] М.В. Михайлова.
[114] А. Блюмбаум, Т.И. Дронова.
[115] См. соответствующий раздел библиографии в конце работы.
[116] См.: Основные даты жизни и творчества Д.С. Мережковского // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 618 – 622 (при подготовке хронологии использованы материалы К. Колпакова); Основные даты жизни и творчества Д.С. Мережковского // *Зобнин Ю.В.* Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М., 2008. С. 397 – 428.
[117] Академическими (и близкими к ним) можно считать издания: *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000; *Мережковский Д.С.* Драматургия. Томск: Водолей, 2000; *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000; *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб.: РХГИ, 2001; *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб.: Наука, 2007. Хорошим подспорьем является антология: Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. В данном случае указания на издательства носят принципиальный характер.

представляет собой ту часть действительности, которая порождает проблемную ситуацию; а предмет исследования, в свою очередь, находится в границах объекта (более частное понятие), являя тот аспект проблемы, исследуя который, мы приближаемся к познанию целостного объекта. Как пишет В.Г. Кузнецов: «Объектом гуманитарного познания могут быть человеческое общество и его история, естественный язык и творения человеческого духа, выраженные посредством текстов. Поэтому непосредственным предметом гуманитарного познания являются тексты»[118]. Сходным образом высказывались М.М. Бахтин, относивший к «реальному объекту» гуманитарных наук – «социального (общественного) человека», а к предмету – «конкретные формы текстов и конкретные условия жизни текстов, их взаимоотношения и взаимодействия»[119]; и С.С. Аверинцев, говоривший о тексте как об «исходной реальности», которая дана филологии и существенна для нее[120]. Таким образом, *объектом* нашего исследования является прижизненное «Полное собрание сочинений» как структурно-семантическое единство и разновидность метатекста в творчестве русских писателей, а *предметом* – два прижизненных «Полных собрания сочинений» Мережковского. Следует сразу оговорить, что диссертация написана на стыке текстологии и теории литературы, но с уклоном в текстологию, представляя тем самым пример конкретного исследования. Именно текстологический анализ может дать литературоведу – специалисту по творчеству Мережковского много ценного: позволит публикаторам не ограничиваться отрывочными и широко растиражированными сведениями по истории текстов писателя; предоставит возможность точнее, чем раньше, проследить развитие взглядов автора на те или иные вопросы (как, например, в случае его отношения к произведениям А.П. Чехова или М. Горького); выявит дополнительный материал для разговора о творческой лаборатории Мережковского, который, как будет показано далее, часто руководствовался

---

[118] *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 128.
[119] *Бахтин М.М.* Проблема текста // *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 5. М., 1997. С. 321.
[120] *Аверинцев С.С.* Филология // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972. Стб. 973.

монтажным принципом в своей работе над текстом. Наконец, в современных условиях, когда текст, по образному выражению О.Г. Ревзиной, «“ускользает” от научных парадигм»[121] и происходит, по справедливому замечанию О.А. Клинга, «разрушение привычного понимания текста»[122], предлагаемое исследование может не только стать прологом к большой текстологической работе по изучению *всего* творческого наследия Мережковского, но и способствовать уяснению такой литературной формы бытования текста, как ППСС. История изданий (в том числе несостоявшихся) – важная форма функционирования литературы, а обращение авторов ППСС к современникам, отзывы критиков и литературоведов, раскупаемость тиражей касаются коммуникативной стороны творчества (в том числе вопросов читательского восприятия), позволяют судить об адресате и реальном читателе этих изданий. Таким образом, проблема *историко-функционального изучения литературы* – одна из важнейших в предлагаемом исследовании.

§ 3. Цель диссертации – описать теоретическую модель ППСС русских писателей как структурно-семантического единства на материале соответствующих изданий 45 авторов, подробно рассмотреть пути достижения искомого единства в двух ППСС Мережковского. Для этого поставлены следующие **задачи:**

- выявить ППСС русских писателей;
- реконструировать историю возникновения и функционирования полных собраний сочинений в русской литературе XVIII – XX веков;
- уточнить типологию полных собраний сочинений;
- разработать классификацию ППСС;

---

[121] *Ревзина О.Г.* Текст: ускользающий объект // Научные доклады филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. VI. М., 2010. С. 3.

[122] *Клинг О.А.* Текст в современном литературоведении: с «берегами» и «без берегов» // Научные доклады филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. VI. М., 2010. С. 16.

- теоретически сформулировать задачи комплексного научного рассмотрения ППСС и проиллюстрировать их на примере двух соответствующих изданий Мережковского;
- собрать архивные и опубликованные материалы о подготовке ППСС Мережковского;
- проследить за тем, как ППСС обретает статус структурно-семантического единства.

§ 4. Ограничения, накладываемые на решение задач. В теоретической части нас будут в первую очередь интересовать ППСС русских писателей, изданные на русском языке. Таким образом, в поле зрения не входят ППСС философов, политических и религиозных деятелей, ученых и всех тех, кто не писал художественные произведения. Мы не учитываем, к примеру, прижизненное «Полное собрание сочинений» П.Ф. Алисова, поскольку в него включены только публицистические работы критика и поэта, а также «Полное собрание сочинений, печатавшихся до сих пор за границей» Л.Н. Толстого или его же «Полное собрание сочинений, запрещенных русской цензурой» как не содержащие художественных текстов. В сферу внимания попадают только русские (писавшие по-русски) авторы художественных текстов XIX и XX веков, поскольку до этого, как удалось установить, ППСС в русской литературе не появлялись. Наконец, нас интересуют только те издания, в названиях которых присутствуют слова «Полное собрание сочинений», а не «Сочинения» (в том числе – относящиеся к серии «Полное собрание сочинений русских авторов», издававшейся А.Ф. Смирдиным) или «Собрание сочинений». Соответственно, исключительно по *формальному* принципу[123], за рамки

[123] Этот принцип теоретически значим и в контексте поэтики заглавий (разрабатываемой со времен С.Д. Кржижановского), и в свете поэтики авторской подписи. Единственная на сегодняшний день работа, написанная на эту почти не тронутую тему, принадлежит С.И. Кормилову. Наблюдения ученого над тем, как менялось расположение имени автора по отношению к заглавию отдельных произведений, полностью подтверждаются на материале ППСС русских писателей. Так, в досоветский период на титульных листах имя располагалось после заглавия («Полное собрание сочинений *Леонида Андреева*»). Позднее в издательской практике стали акцентировать личность автора («А. Бибик. Полное собрание сочинений»). По верному замечанию ученого, прежде «заглавие было в большей степени “визитной карточкой” произведения, чем имя автора, даже очень известное» (*Кормилов С.И.* Роль подписи автора при публикации литературного

выносятся прижизненные «Полное собрание стихов» К.Д. Бальмонта, «Полные собрания стихотворений» Н.В. Гербеля, Н.М. Минского, Я.П. Полонского, Д.М. Ратгауза, Д.И. Хвостова, «Полное собрание сочинений и переводов» В.Я. Брюсова, «Полное собрание драматических сочинений и переводов» А.Ф. Федотова, «Полное собрание повестей и рассказов» И.И. Ясинского и другие подобные издания.

§ 5. Материалом исследования стали ППСС таких авторов, как Л.Н. Андреев, Д. Бедный, А.П. Бибик, Ф.В. Булгарин, К. Булычев[124], И.А. Бунин, В.В. Вересаев, М. Вовчок, П.А. Вяземский, Н.Г. Гарин-Михайловский, К.Ф. Головин, И.А. Гончаров, М. Горький, Д.В. Григорович, А.С. Грин, С.И. Гусев-Оренбургский, Ф.М. Достоевский, П.В. Жадовский, Н.П. Жандр, В.Д. Залозецкий, Н.Н. Каразин, В.Г. Короленко, А.И. Куприн, А.Н. Майков, Д.С. Мережковский, Д.Л. Мордовцев, А.Н. Островский, С.П. Подъячев, Я.П. Полонский, К. Прутков[125], П.С. Романов, А.И. Свирский, А.С. Серафимович, С.Н. Сергеев-Ценский, Скиталец, И.В. Соколов, Вс.С. Соловьев, А.И. Сумбатов, С.Г. Фруг, А.П. Чехов, А.К. Шеллер-Михайлов, В.Я. Шишков, И.Г. Эренбург, С.С. Юшкевич, А.С. Яковлев. Введены в научный оборот архивные материалы, касающиеся издания двух ППСС Мережковского.

§ 6. Теоретическая и методологическая основа исследования[126]. Как известно, «научный метод выбирается лишь соответственно предмету исследования и перспективам его дальнейшего познания»[127]. Предмет, проблематика и связанные с ними цели и задачи диссертации определили

произведения // «Склонила Муза лик печальный…»: Памяти Николая Николаевича Пайкова. В 2 т. Т. 1. Ярославль, 2011. С. 19). Думается, немалую роль в этом сыграла коммерческая составляющая книгоиздания (заглавие определяло покупательский спрос). В советское время, после ликвидации частных издательств, выпуск книг перестал определяться вкусами читателей, рекламная функция заглавия отошла на второй план.

[124] Далеко не самый показательный пример для нашей темы.

[125] Особый случай, который являет собой в полном смысле слова цельное художественное произведение и не может быть рассмотрен в одном ряду с ППСС реальных людей, т.к. под псевдонимом скрывалось несколько авторов: П.П. Ершов, А.К. Толстой, В.М. Жемчужников, Александр М. Жемчужников, Алексей М. Жемчужников.

[126] В основу параграфа легли идеи, высказанные автором диссертации совместно с В.Е. Хализевым в статье: *Хализев В.Е., Холиков А.А.* Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2013. № 5. С. 116 – 139.

[127] *Хализев В.Е.* О составе литературоведения и специфике его методологии // Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс). М., 2001. С. 25.

методы нашего исследования. Учитывая важность и дискуссионность вопроса о методах, сразу оговорим, что под термином «метод» мы будем понимать «систематическую процедуру, состоящую из последовательности определенных операций, применение которых либо приводит к достижению поставленной цели, либо приближает к ней»[128]. Стремясь к системности исследования, мы поведем речь о трех типах применяемых нами методов: общенаучных (теоретических), общегуманитарных, литературоведческих.

Из общенаучных (теоретических) методов, необходимых для достижения поставленной цели, мы остановились на *абстрагировании* в двух разновидностях: 1) *абстракции отождествления*, когда у объектов некоторого класса выделяется определенное общее свойство, отвлеченное от остальных (в нашем случае речь идет о ППСС в творчестве русских писателей); 2) *изолирующей абстракции*, когда объекты рассматриваются отдельно, или самостоятельно, в отвлечении от их общих свойств и отношений (исследуются два ППСС Д.С. Мережковского).

Общегуманитарные методы, применяемые нами, могут быть охарактеризованы в терминологии моделей научного *объяснения* и *понимания*. Из всех известных моделей научного *объяснения* в гуманитарных исследованиях нами использованы *телеологические объяснения*, при которых основное внимание обращается на цели, смысл и намерения деятельности людей (в нашем случае – творческих личностей), а также *функциональные объяснения* – при выяснении роли и функции какого-либо элемента или подсистемы элементов в целостной системе (применительно к данному исследованию речь идет о роли и функциях отдельных текстов и групп текстов в составе ППСС Мережковского). Поскольку наиболее полное постижение уникальных явлений духовной жизни человека, к которым принадлежит творчество писателя, достигается через *понимание*, то, согласно В.Е. Хализеву, *«методологической основой»* гуманитарного знания, в том числе

[128] *Рузавин Г.И.* Методология научного познания. М., 2009. С. 6.

искусствоведения и литературоведения «становится (или близка к тому, чтобы стать)» *герменевтика*[129]. В качестве методологической основы для наук, изучающих духовную деятельность человека, *герменевтику* предложил В. Дильтей, развивший идеи Ф. Шлейермахера. Как методологическая основа, а не способ бытия (П. Рикер, Г.-Х. Гадамер) *герменевтика* может быть принята и сегодня (об этом свидетельствует высказывание В.Е. Хализева), но при существенных оговорках. Необходимо отказаться от игнорирования роли объективных закономерностей в возникновении и развитии явлений духовной культуры, признать невозможность «вживания» в мысли и чувства авторов прошлых эпох и согласиться со значимостью моделей *объяснения* в гуманитарном знании. «Объяснение, – по словам В.Г. Кузнецова, – с опорой на интерпретационные методики с целью понимания гуманитарных явлений (текстологических фактов, текстов) в системе их существования – вот подлинный двигатель гуманитарного познания. Объяснение предназначено для устранения непонимания»[130]. Предметом *понимания* может быть внутренний мир индивида, объективированный вовне, как это утверждал В. Дильтей, но психологическая трактовка не должна доминировать: «Собственно психологической задачей истолкования является понимание основного замысла произведения и отдельных его частей, исходя из знания особенностей жизни автора. Задача понимания основного замысла произведения решается при условии осознания факта “единства произведения и жизни автора”. А раз так, то произведение имеет прямое отношение и к другим моментам жизни автора, оно с ним неразрывно связано, поэтому понять его, не зная всей жизни автора, нельзя, как нельзя понять часть, не учитывая всей совокупности целого, в которое она входит»[131]. *Понимание* при этом не ограничивается раскрытием авторского смысла, оно, согласно М.М. Бахтину, носит диалогический характер: «Предмет гуманитарных наук – выразительное и говорящее

[129] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 14.
[130] *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 144. См. также: Герменевтика: история и современность. М., 1985.
[131] *Кузнецов В.Г.* Универсальная герменевтика // Словарь философских терминов. М., 2005. С. 606.

бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении»[132]. А потому: «Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения. Здесь познание направлено на индивидуальное»[133].

Из сказанного следует, что к другим общегуманитарным методам, которые мы стремились использовать, относится *идеографический* метод, развитый Г. Риккертом в рамках Баденской школы неокантианства (среди его сторонников следует выделить В. Виндельбанда, Х. Зигварта, У. Дрея), помогающий постичь объект в его уникальности с помощью логических средств, без апелляции к иррациональной интуиции. Результаты такого исследования будут иметь индивидуальное содержание (то, что свойственно для ППСС Мережковского может быть нехарактерно при обращении к ППСС других авторов).

Завершая перечисление общегуманитарных методов, допустимых в нашем исследовании, отметим, что, помимо так называемой *романтически-интуитивистской стратегии* гуманитарного знания[134], нам оказались близки положения *позитивистской стратегии* с необходимостью детализации исследовательской процедуры и применения описания и индукции, а также *структуралистской стратегии*, согласно которой значимыми оказываются отношения между элементами структуры. При этом мы не считаем, что детализация исследовательской процедуры должна быть предельной, применение описания и индукции наиболее предпочтительными[135], а отношения между элементами структуры объединяются в постоянную систему правил. Кроме того, для нас значимы не только отношения между элементами, но и отдельные элементы, ибо речь идет о собрании произведений, обладающих самостоятельной ценностью. В то же время призыв рассматривать

---

[132] *Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 5. М., 1997. С. 8.
[133] Там же. С. 7.
[134] См.: *Перлов А.М.* История науки: введение в методологию гуманитарного знания. Курс лекций. М., 2007.
[135] Как правило, мы не можем знать *всех* фактов. Будем надеяться, что в нашем случае неполная индукция носит научный характер, поскольку в ее основе лежит не простое перечисление, а отбор тех фактов, в которых распределение признака является заведомо неодинаковым.

предмет исследования как организованный системно позволяет пренебрегать теми качествами, которые системной нагрузки не несут.

Руководствуясь тем, что все известные литературоведческие методы довольно условны, ограничены определенными исходными когнитивными и социальными установками (а значит – ни один из них не может быть признан достаточным), мы сочли необходимым избрать для себя *координирующий подход* при выборе методологических установок, отказавшись от безоговорочного следования какому-либо одному методу, ориентируясь прежде всего на вненаправленческие теоретические построения и конкретные исследования отечественных литературоведов. В этой связи укажем на близкое нам суждение М.М. Бахтина: «…Литературоведение еще слишком молодо, чтобы можно было бы говорить о каком-то одном “единоспасающем” методе… Оправданны и даже совершенно необходимы *разные* подходы, лишь бы они были серьезными и раскрывали что-то новое в изучаемом явлении литературы, помогали более глубокому его пониманию»[136].

Против методологического монизма задолго до М.М. Бахтина выступил Александр Н. Веселовский. Эта грань деятельности лидера отечественного литературоведения XIX столетия до сих пор незаслуженно остается на периферии в отличие от трудов в русле культурно-исторической школы о западном Средневековье и Возрождении или исторической поэтики, основательно изученной. Между тем признание прав и насущности *разных* методов изучения литературы, методологический *плюрализм* – та сторона в теоретико-методологических установках Веселовского, которая оказалась глубоко значимой для исследователей начала прошлого столетия. Ученый не только не провозглашал какой-то метод единственно приемлемым, но, напротив, говорил о границах использования каждого из них. Так, обсуждая в 1890 году работу И.П. Созоновича и ее метод (понимание внехудожественных явлений как главного «источника» народно-песенных сюжетов), Веселовский

[136] *Бахтин М.М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 330 – 331.

замечал: «…метод не новый, но им надо пользоваться умеючи, памятуя, что он не исключительный и что, когда бытового критерия не хватает, необходимо браться за другой»[137]. Впоследствии, в 1900 – 1910-е годы, плюралистическая методология дала о себе знать в работе В.В. Сиповского «История литературы как наука» (1906): «Из всего высшесказанного видно, что новый метод (эволюционный. – *А.Х.*) может дать ценные и любопытные выводы, но с непременным условием, чтобы применять его осторожно и только в тех случаях, когда это действительно возможно»[138]. Подобная идея составила основу фундаментальной монографии А.М. Евлахова, в которой впервые в отечественном литературоведении предложен опыт систематического изложения научных и инонаучных методов[139]. Не менее показательны труды В.Н. Перетца, утверждавшего, что «универсального метода нет, есть различные методы, путем коих мы изучаем, исследуем материал, сообразно его качествам и поставленным заданиям. Методология каждой науки изучает и выясняет степень пригодности различных методов для получения научной истины»[140]. Ученый констатировал соответствие литературоведческих методов (их перечислено более десяти) различным граням литературной жизни. Были названы, в частности, методы эстетический, историко-психологический, этический, сравнительно-исторический, эволюционный. В том же ключе ровно на рубеже столетий высказался М.Н. Розанов. По его мнению, литературное произведение – это «явление в высшей степени сложное»: в нем сосредоточены «разнообразнейшие проявления духовной жизни человека» (элементы психологические, эстетические, биографические, исторические, философские, этические, социальные и т.д.). Следовательно, для каждого звена произведения нужен свой подход. Розанов призывал тщательно избегать односторонности и

---

[137] *Веселовский А.Н.* Мелкие заметки к былинам. XVI // Журн. М-ва нар. просв. СПб., 1890. Март. С. 29.
[138] *Сиповский В.В.* История литературы как наука. 2-е изд. СПб.; М., 1911. С. 47.
[139] *Евлахов А.М.* Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии. Т. 1 – 2. Варшава, 1910 – 1912. Т. 3. Р. н/Д, 1917. До Евлахова методологические концепции изучения истории литературы не излагались систематически, а представляли собой их краткий обзор в хронологической последовательности. См.: *Сиповский В.В.* История литературы как наука. СПб.; М., 1906; *Архангельский А.С.* Введение в историю русской литературы. Пг., 1916.
[140] *Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922. С. 8.

«пускать в ход различные приемы, исправляя недочеты одного метода при помощи других»[141].

Наиболее приемлемой, на наш взгляд, является необходимость использования *историко-генетического подхода* в рамках теоретического исследования. Этот подход берет начало от так называемого *«биографического метода»*[142] (сформировавшегося в трудах Ш.-О. Сент-Бева, но освобожденного от крайностей психологизма, трактуемого как вспомогательный, при котором биография рассматривается как один из источников художественного образа, значение и смысл которого шире «материала», использованного в произведении), суть которого может быть скорректирована суждениями А.П. Скафтымова о том, что «выяснению генезиса должно предшествовать статическое рассмотрение изучаемого явления, т.е. установление его признаков и свойств самих по себе, как они явлены в самом пребывании изучаемого факта»[143]. «Интерес к генетическому пониманию вещи, – пишет А.П. Скафтымов, – в человеческой мысли так же склонен, как и к познанию самой вещи в ее пребывании и значимости. Обе эти проблемы знания о мире вытекают из двух совершенно различных запросов нашего духа и не могут быть выведены одна из другой, и рассмотрение одной не устраняет необходимости изучения другой»[144]. Это суждение подтверждает объективную условность границ между теоретическими построениями и конкретными

---

[141] *Розанов М.Н.* Современное состояние вопроса о методах изучения литературных произведений // Русская мысль. М., 1900. № 4. С. 179, 182. Много позже, отвергая наметившуюся методологическую унификацию и ратуя за множественность научных подходов, выступал чрезвычайно одаренный и незаслуженно забытый литературовед начала XX века – А.Н. Вознесенский: «…методологический монизм мне кажется односторонним, разрешающим только лишь некоторые вопросы историко-литературной науки» (*Вознесенский А.* Метод изучения литературы // Труды Белорусского государственного университета в Минске. Минск, 1922. № 1. С. 132).

[142] Согласно критическому замечанию А.Н. Вознесенского: «…Sainte-Beuve придает большое значение материалам биографического характера и проявляет интерес к личности художника. Это обстоятельство дало повод проф. Евлахову и самый метод Sainte-Beuve'а назвать биографическим, выделив его в самостоятельную методологическую величину, отличную от метода психологического. Нам кажется такое выделение излишним, поскольку общие и принципиальные интересы этого ученого имеют определенный психологический уклон, что и дает основание причислять его к представителям данного метода» (*Вознесенский А.Н.* Классификация методов историко-литературной науки // Труды Белорусского государственного университета. Минск, 1925. № 6 – 7. С. 59).

[143] *Скафтымов А.П.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // *Скафтымов А.П.* Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 23.

[144] Там же. С. 32 – 33.

историко-литературными исследованиями. Как по этому поводу писал А.В. Михайлов: «Сложившееся различение *истории* и *теории* литературы как чего-то отдельного, обособленного друг от друга – условно, временно и скорее всего несостоятельно вообще. Теория не может относиться к чему-либо кроме данности литературы (того, что, как принято говорить, составляет ее "предмет" или "материал"), а такая данность – *существенно* историческая»[145]. Задолго до А.В. Михайлова о гармоническом сочетании исторического (диахронического) и теоретического (синхронического) подходов как «методологическом идеале» писал М.М. Бахтин[146]. «Как известно, – утверждает Н.А. Паньков, – в русской поэтике первым отграничил друг от друга теоретический и исторический подходы А.Н. Веселовский. Причем "исторический, генетический подход у Веселовского преобладал", однако изучение генезиса не являлось самоцелью: оно осознавалось как надежное средство для преодоления абстрактно-теоретических устремлений предшествующей научной традиции»[147]. К этому нужно добавить, что, сместив в последний период своей деятельности акцент с внелитературных факторов творчества и его «надличностных» начал на сами литературные произведения, Веселовский побудил ученых XX века (уже в его начале) к уяснению состава и структуры художественных текстов, к интенсивной разработке теоретической поэтики, а также к раздумьям методологического характера – о путях познания произведений в их многоплановости, богатстве, глубине. Эту наметившуюся у позднего Веселовского установку правомерно охарактеризовать как стадию создания *интерпретирующей поэтики* (в несколько ином значении данный термин – Interpretierende Poetik – встречается в XX веке у Макса Верли, представителя «цюрихской школы» литературоведения)[148]. Является ли эта поэтика, наряду с

---

[145] *Михайлов А.В.* Несколько тезисов о теории литературы // Литературоведение как проблема. М., 2001. С. 240.
[146] См.: *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929. С. 3.
[147] *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М., 2009. С. 356 – 357.
[148] Позже этот же принцип, получив развитие, отчетливо обнаружился в работах отечественных литературоведов самых разных мастей. К уже процитированному суждению А.П. Скафтымова 1923 года можно добавить несколько ярких примеров. Так, В.Ф. Переверзев в предисловии к своей книге о Гоголе (1914) заявлял: «Мой этюд будет иметь дело только с произведениями Гоголя и ни с чем больше, стремясь проникнуть

поэтикой исторической, одним из центров научного наследия позднего Веселовского – вот вопрос, на который, как нам думается, предстоит ответить в будущем. Но главное представляется достаточно ясным: ученый в конце жизни (не говоря об этом языком теоретика) пришел к своего рода синтезу *имманентного* и *контекстуального* рассмотрения литературных фактов. В поле его зрения оказались прежде всего сами творения писателей, но активно принимались во внимание также биографические и эпохальные явления, пришедшее в литературу наследие прошлого (в том числе далекого). Как в разработке исторической поэтики, так и в опытах поэтики интерпретирующей Веселовский был зачинателем, а не завершителем. Свидетельство тому – теоретико-литературные изыскания младших современников ученого, которые активно откликнулись на его устремленность к рассмотрению отдельных писателей и единичных литературных фактов.

Поскольку «соотношение жизни и произведения искусства должно устанавливаться не непосредственно, а через личность автора»[149], важным методологическим принципом явилось признание автора биографического и автора-творца неотъемлемыми понятиями литературоведения, без учета которых анализ художественного произведения не может представляться законченным. Несмотря на неравенство автора биографического (момента социального) и автора-творца (момента произведения), представляется существенным замечание А.П. Скафтымова: «Художник и человек в одном лице, это мир раздваивающийся, но не раздвоенный, не разрезанный, а только расходящийся концами. Если жизнь идеальных устремлений и реального пребывания являют собой два сосуда, то это все же сообщающиеся сосуды»[150].

как можно глубже в изучение особенностей их формы и содержания» (*Переверзев В.Ф.* Гоголь. Достоевский: Исследования. М., 1982. С. 45). В 1922 году А.Н. Вознесенский говорил о необходимости изучать литературу двояким образом: «С одной стороны, имеется в виду изучение ее как таковой, как имманентного явления… С другой же, – историко-литературной задачей является построение ее истории, изучение ее динамического состояния…» (*Вознесенский А.* Метод изучения литературы // Труды Белорусского государственного университета в Минске. Минск, 1922. № 1. С. 132).

[149] *Скафтымов А.П.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // *Скафтымов А.П.* Поэтика художественного произведения. М., 2007. С. 37.

[150] Там же. С. 35.

По крайней мере, после этого имеет смысл прислушаться к словам Д.С. Лихачева, полагавшего, что «в биографии писателя скрываются многие объяснения его произведений»[151].

Итак, наше исследование находится в русле такого рассмотрения словесных произведений, при котором активно учитывается личность писателя. По утверждению В.Е. Хализева, «правомерно говорить о присутствии в литературоведении XX в. его *персоналистской* ветви, пусть она и не нашла себе (по ряду внешних причин) программного выражения и не стала школой (литературным направлением)»[152]. Однако именно «здесь, в области персоналистского рассмотрения художественных (и не только. – *А.Х.*) произведений, специфически гуманитарный компонент научного знания явлен активно, широко и полно»[153]. В русле этого направления находятся прежде всего хорошо известные труды С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова, Л.Я. Гинзбург, Д.Е. Максимова, А.В. Михайлова, А.П. Скафтымова, В.Е. Хализева.

Применительно к литературе Серебряного века, в рамках которой сосредоточена значительная часть нашего материала, методологически значимыми являются, в первую очередь, работы Е.А. Андрущенко, Н.А. Богомолова, В.Н. Быстрова, Ю.В. Зобнина, В.А. Келдыша, О.А. Клинга, Л.А. Колобаевой, В.Н. Крылова, А.В. Лаврова, З.Г. Минц, М.В. Михайловой, В.В. Полонского, Н.М. Солнцевой.

§ 7. Научная новизна диссертации сводится к следующим результатам.

- Впервые составлен перечень ППСС русских писателей.
- Пересмотрена и существенно расширена типология полных собраний сочинений русских писателей.
- Разработана классификация ППСС русских писателей.

---

[151] *Лихачев Д.С.* О конкретном литературоведении // *Лихачев Д.С.* Избранные работы. В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 456.
[152] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 26.
[153] Там же. С. 27.

- Описана теоретическая модель ППСС как структурно-семантического единства, что имеет прямое отношение к развитию теории метатекста и «макротекстологии» (термин Д.С. Лихачева).
- На материале ППСС 45 авторов впервые сформулированы принципы комплексного изучения данного метатекстового образования и проиллюстрированы на примере двух ППСС Мережковского.
- Благодаря привлечению широкого круга источников рассмотрена история возникновения и функционирование полных собраний сочинений (не только прижизненных) русских писателей в литературе XVIII – XX веков.
- С учетом печатных, рассеянных в дореволюционной периодике, и архивных материалов (РГАЛИ, НИОР РГБ, РО ИРЛИ и др.) продолжено изучение рецепции творчества Мережковского профессиональным сообществом и широким читателем, а на примере двух ППСС писателя решается текстологическая проблема соотношения авторских и редакторских составляющих творческого процесса.
- Исследование феномена популярности Мережковского у современников впервые проводится на пересечении словесного и визуального рядов: с одной стороны, автобиографии и фотографии, а с другой – мемуара и карикатуры.

§ 8. Положения, выносимые на защиту:

1. Принципы построения (не говоря о содержании) ППСС индивидуальны[154]. Речь в данном случае идет не о новой научной категории, а о давно существующем, но не исследованном прежде литературном феномене.
2. ППСС представляют типологическую разновидность литературных метатекстов (ансамблевых, или составных текстовых, образований) и не

[154] Данное положение не противоречит частному наблюдению Г.О. Винокура над тем, что в композиционном отношении авторское собрание сочинений представляет собой не механическое соединение текстов, а определяется творческой индивидуальностью писателя (см.: *Винокур Г.О.* Критика поэтического текста. М., 1927).

являются формой художественной циклизации по совокупности содержательных и конституирующих признаков.

3. Изучение ППСС целесообразно вести одновременно с позиций текстологии, истории литературы и поэтики. При этом в исследовании ППСС с позиций текстологии научно значим и необходим «макротекстологический» подход.
4. Наибольший исследовательский интерес представляют авторизованные ППСС (появление которых стало следствием развития коммерческих отношений между издателями и авторами), завершенные и переиздававшиеся. Несмотря на недостатки (относительность полноты, слабость текстологической подготовки, ошибки, опечатки и адресованность прежде всего массовому читателю), такие издания ценны, поскольку отражают авторскую волю (а в случае переиздания – ее изменчивость) и оценку писателем собственного наследия (она проявляется уже в отборе и расположении текстов). Без тщательного изучения подобных изданий невозможно достичь глубокого понимания личности автора, его творчества и подготовить академическое полное собрание сочинений.
5. Анализ авторизованных ППСС представляет выявление содержательных моментов этой полисемантической структуры, собственно формальных компонентов, отражающих в своем единстве творческую волю автора, но главное – установление связей между ними. Формально-содержательные связи в данном случае выходят на первый план, поскольку они обеспечивают целостность всей конструкции. Анализ формы ППСС строится с опорой на константные и связующие компоненты предметного, композиционного и словесного уровней в границах всего собрания. Что касается изучения авторизованных ППСС в содержательном плане, то оно позволяет определить их семантические поля на тематическом и идейном уровнях, а также выявить между ними

эксплицитные (программное осуществление авторской воли) и имплицитные (подтекстовые) связи, образующие смысловой каркас. Учитывая первостепенность воли писателя как силы, организующей авторизованные ППСС, можно предположить, что тематический уровень наиболее интересен с точки зрения запечатления в нем духовно-биографического опыта творца.

6. Оба ППСС Мережковского относятся к числу авторизованных изданий, на что указывают обнаруженные нами прямые и косвенные доказательства.
7. Текстологическое изучение двух ППСС Мережковского дает основания для утверждения, что, несмотря на более качественную подготовку второго, ни одно из них не может быть положено в основу современного научного или академического издания без дополнительной критики текстов и тщательной проверки фактов.
8. Причины издания двух ППСС Мережковского лежат одновременно в двух плоскостях: творческой и финансовой.
9. В творчестве Мережковского в качестве источника для толкования художественных образов могут рассматриваться некоторые биографические факты.
10. Аналитическое рассмотрение константных компонентов предметного, композиционного и словесного уровней в границах отдельного прижизненного «Полного собрания сочинений» Мережковского позволяет говорить о двух системах семантических полей («пол» и «религия») с разветвленной сетью смысловых перекличек между ними, слагающейся из образов персонажей с соответствующими характеристиками и ценностными ориентациями, а также ситуаций, в которых они оказываются.
11. Имплицитные связи, выявленные в процессе анализа формы второго ППСС, доказывают, что Мережковский – исключительно

автореференциальный писатель, для которого характерно повторение, варьирование или противопоставление одних и тех же компонентов предметного, композиционного и словесного уровней. Благодаря обнаруженным кросс-референциям во многом обеспечивается восприятие всех произведений в собрании сочинений как единого текста.

12. Второе ППСС Мережковского в гораздо большей степени, чем первое, представляет собой структурно-семантическое единство.

§ 9. Теоретическая и практическая значимость. Проведенное исследование позволило уточнить общетеоретические представления о метатекстовых образованиях как структурно-семантических единствах и принципах их научного рассмотрения. Результаты работы могут использоваться в построении академической теории литературы (в разделах, посвященных проблемам генезиса литературного творчества, автора и форм его присутствия в тексте, статуса литературного произведения, его состава, композиции и принципов рассмотрения), дальнейшем изучении творчества Мережковского, а также при подготовке полного академического собрания сочинений писателя. Кроме того, материалы и выводы диссертации могут быть востребованы в практике вузовского преподавания: при чтении общих курсов «Введение в литературоведение» («Основы литературоведения»), «Теория литературы» и подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам текстологии и поэтики, историко-функционального изучения литературы (в том числе читательского восприятия).

§ 10. Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации излагались в докладах на международных научных конференциях в период с 2003 по 2013 год в России (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ), Италии (Università degli Studi di Padova), Швейцарии (Université de Lausanne), на Украине (Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды).

Принципы и результаты исследования апробировались в процессе преподавательской деятельности на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Основное содержание и выводы диссертации отражены в публикациях автора, среди которых:

Монографии

1. Холиков А.А. Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865 – 1919. СПб.: Алетейя, 2010. – 152 с.
2. Холиков А.А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: Текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. – 344 с.

Научные публикации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК РФ

3. **«Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный…»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому / Вступительная статья, публикация и комментарии А. Холикова // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 135 – 185.**
4. **Холиков А.А. О письмах русских писателей – эмигрантов первой волны к М. Хандамирову: К вопросу о русско-шведских культурных связях // Вопросы литературы. 2008. № 3. С. 335 – 345.**
5. **Холиков А.А. «Мало ли что из подлости можно сделать!»: Об эволюции взглядов Д. Мережковского на учение Л. Толстого // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 454 – 467.**
6. **Холиков А.А. [Рец.:] В.Н. Быстров Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 344 с. // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 494 – 497.**
7. **Холиков А.А. [Рец.:] Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907 – 1917. В 3 тт. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч.**

О.Т. Ермишина, О.А. Коростелева, Л.В. Хачатурян и др. М.: Русский путь, 2009 // Вопросы литературы. 2010. № 5. С. 490 – 493.

8. **Холиков А.А. [Рец.:] Клинг О.А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. 356 с. // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 486 – 487.**
9. **Холиков А.А. Полные собрания сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 116 – 123.**
10. **Холиков А.А. Д.С. Мережковский в истории русской литературы досоветского периода // Мир русского слова. 2011. № 1. С. 73 – 77.**
11. **Холиков А.А. Принципы научного изучения прижизненных полных собраний сочинений русских писателей // Филологические науки. 2011. № 3. С. 15 – 25.**
12. **Холиков А.А. Основные научные работы о Д.С. Мережковском: материалы к библиографии // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2011. Вып. 2 (24). С. 107 – 167.**
13. **Холиков А.А. Научно-справочный аппарат в прижизненных полных собраниях сочинений русских писателей (к постановке проблемы) // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 2. С. 38 – 45.**
14. **Холиков А.А. «Полное собрание сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии». Приложение к статье // Обсерватория культуры. 2011. № 3. С. 126 – 127.**
15. **Холиков А.А. Мережковсковедение: становление, развитие и современное состояние // Библиография. 2011. № 4. С. 114 – 122.**
16. **Холиков А.А. Авторское предисловие к прижизненному полному собранию сочинений Д.С. Мережковского: «рефлективный» аспект //**

Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 82 – 86.

17. Холиков А.А. *Пол* как «семантическое поле» во втором прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2013. № 3. URL: http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/431 (дата обращения: 23.03.2014).

18. Холиков А.А. Исследовательские возможности текстологии: случай Д. Мережковского // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 40 – 74.

19. Холиков А.А. «Религия» как сверхтема во втором прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. 79 – 87.

20. Холиков А.А. Русское академическое литературоведение начала XX века и традиция Александра Веселовского // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 5. С. 116 – 139. – В соавт. с В.Е. Хализевым.

Публикации в зарубежных журналах и сборниках

21. Kholikov A. Writer’s Biography: Genre without Rules // Social Sciences. 2009. № 2. P. 51 – 66.

22. Холиков А.А. «Авторские микротексты» в прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского (к постановке проблемы) // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 2012. Вип. 2 (70). С. 107 – 115.

23. Холиков А.А. *Автобиографическая заметка* Д.С. Мережковского как механизм самозапечатления в культурной памяти [Электронный ресурс] // AvtobiografiЯ: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa. Padova, 2012. № 1. P. 89 – 100. URL:

http://journals.padovauniversitypress.it/avtobiografija/content/refraction-self-autobiographical-forms-and-genres-and-memoirs-russian-culture-19th-and-20th (дата обращения: 23.03.2014).

24. Холиков А.А. Забытая история одного текста («Чехов и Горький» Д.С. Мережковского) // Діалогі молодих філологів: колективна монографія / Упор. і редктор О.А. Андрущенко. Київ, 2013. С. 52 – 61.
25. Холиков А.А. Трансформация памяти о писателе на пересечении словесного и визуального «пространств» [Электронный ресурс] // AvtobiografiЯ. Padova, 2013. № 2: The Space of Memory. Russian Auto-Biographical Genres and European Context. Part 1. P. 73 – 87. URL: http://journals.padovauniversitypress.it/avtobiografija/content/space-memory-russian-auto-biographical-genres-and-european-context-part-i (дата обращения: 23.03.2014).
26. Холиков А.А. Прижизненные полные собрания сочинений Д.С. Мережковского с точки зрения истории литературы [Тезисы] // Дев'ятнадцаті міжнародні читання молодих вчених пам`яті Л.Я.Лівщиця. Харків, 2014. С. 117 – 119.

Другие публикации по теме диссертации

27. Холиков А.А. Д.С. Мережковский и В.Я. Брюсов в спорах о Л.Н. Толстом // Брюсовские чтения 2006 года. Ереван, 2007. С. 429 – 435.
28. Холиков А.А. Мережковский Дмитрий Сергеевич // Русские писатели, XX век: биогр. слов.: А – Я / Сост. И.О. Шайтанов. М., 2009. С. 354 – 356.
29. Холиков А.А. «Автобиографическая заметка» Д.С. Мережковского: стратегия самосотворения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Т. 17. Сер.: Гуманитарные науки. Энтелехия. 2011. № 23. С. 46 – 50.
30. Холиков А.А. Литературоведение sub specie scientiae: ретроспективный взгляд из XXI века // Русская словесность. 2012. № 2. – Электронное приложение № 1/2012.

§ 11. Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, приложения (роспись содержания полных собраний сочинений Д.С. Мережковского) и библиографии, состоящей из 4 параграфов и 1328 наименований на русском и иностранных языках. Общий объем работы – 592 страницы.

ГЛАВА I. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ТИПОЛОГИИ

§ 1. Основные типы и виды собраний сочинений

Как известно, с точки зрения текстологии[155], в основу классификации изданий писательских сочинений кладется степень полноты их состава. Соответственно на практике сложились следующие виды: полное собрание сочинений, собрание сочинений (сочинения), избранные сочинения (избранные произведения, избранное), сборники произведений, отдельное издание одного произведения. «Вместе с тем, – уточняет Е.И. Прохоров, – вид издания не существует самостоятельно: он находится в прямой зависимости от типа издания и, характеризуя лишь степень полноты состава издания, не определяет качества текста в нем»[156]. «Оба классификационных ряда – типы и виды изданий, – читаем дальше, – тесно взаимосвязаны, в результате чего образуется все то множество форм изданий, с которыми мы встречаемся на практике»[157]. Напомним, что по типу собрания сочинений писателей могут быть научными, научно-массовыми и массовыми (популярными). Избранные сочинения, как и сборники произведений, – это издания прежде всего массовые. Однако для сборников существуют особые критерии отбора (жанровый, возрастной, тематический). Отдельное издание одного произведения может быть массовым, научно-массовым и научным (за редкими исключениями – академическим, например, «Гавриилиада» А.С. Пушкина под ред. Б.В. Томашевского). Но наиболее интересными для нас являются полные собрания сочинений, которые представлены всеми типами: академическим, научным, научно-массовым и даже массовым – поскольку понятие полноты исторически изменчиво и может

---

[155] Несколько иных взглядов придерживаются в книговедении: «…типом издания следует считать образец (существующий или мыслимый) для группы изданий, объединенных общим функциональным назначением, которое понимается как совокупность целевого назначения, читательского адреса, характера информации и структуры издания, а видом изданий – совокупность изданий, имеющих общее целевое назначение» (Типология книжных изданий. М., 1976. С. 9).

[156] *Прохоров Е.И.* Текстология: Принципы издания классической литературы. М., 1966. С. 197.

[157] Там же. С. 207.

использоваться только условно, в том числе для академического типа, ибо такое «издание абсолютно полно на уровне наших сегодняшних знаний о творческом наследии данного писателя»[158]. «Границы и жанровый состав литературного наследия писателя, – справедливо отмечает И.Л. Попова, – осмысляются теперь иначе, чем в первой половине XX в. То, что раньше оставалось за пределами собраний сочинений или могло быть включено лишь фрагментарно, в качестве материалов к комментарию, примеров или иллюстраций (маргиналии, дарственные надписи и т.п.), сегодня осознается неотъемлемой частью литературного творчества и составляет отдельные разделы изданий, претендующих называться полными. Такой же обязательной составляющей собраний академического типа становятся рисунки писателя или, к примеру, варианты филиграней – не в качестве иллюстраций, а как материал, без которого описание рукописей не может считаться ни корректным, ни полным»[159].

Притом что проблемами типологии собраний сочинений в советское время и позже занимались многие исследователи, полные собрания сочинений интересуют литературоведов не в теоретическом, а в прикладном аспекте (когда ставится задача редакционно-текстологической подготовки издания полного собрания сочинений того или иного писателя: Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др.). Между тем полные собрания сочинений заслуживают специального изучения и в теоретико-литературном, и в историческом плане.

§ 2. Полные собрания сочинений русских писателей: история возникновения и типологическая классификация

Поскольку мы говорим о полных собраниях сочинений писателей – авторов художественной литературы, закономерно возникает вопрос о

---

[158] Там же. С. 197.

[159] *Попова И.Л.* [рец.] Гоголь Н.В. ПСС и писем. В 23 томах. Т. 1. М.: Наследие, 2001. 920 с. // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 2003. Т. 62. № 2. С. 52 – 53.

разграничении произведений художественных и всей массы остальных текстов. Нам это тем более необходимо учитывать, что в России первые полные собрания сочинений стали появляться еще в XVIII веке, когда значение слова «писатель» отличалось от современного. Если сегодня писатель – это прежде всего автор произведений художественной литературы (в ее нынешних границах), то в XVIII веке писатель – это сочинитель в более широком смысле. Не случайно в «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772) Н.И. Новикова вошли авторы не только художественных, но и духовных сочинений. Если бы мы и сегодня ставили авторов поучительных речей и проповедей в один ряд с прозаиками и поэтами, среди первых полных собраний сочинений русских писателей оказались бы «Собрание всех сочинений…» (1786) архимандрита Макария, «Полное собрание поучительных слов…» (1784) Гавриила Бужинского или «Полное собрание сочинений…» (1801) преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. Однако в строгом смысле слова первым было изданное Н.И. Новиковым «Полное собрание всех сочинений…» (1781 – 1782) А.П. Сумарокова. По существу же идея полного собрания сочинений лежала уже в основании издания «Покойного статского советника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова собрание разных сочинений в стихах и прозе» (1778), которое целиком повторит издание «Полное собрание сочинений…» (1784 – 1787) М.В. Ломоносова. Безусловно, эти издания были подготовлены выпуском избранных сочинений, профессионализацией труда писателей, постепенным разрушением эстетической теории классицизма, становлением науки о литературе и развитием культуры русского общества. Возникла закономерная необходимость изучения всего творческого наследия писателей. «Ломоносовский трехтомник 1778 г., – пишет С.П. Омилянчук, – как явствует из предисловия к нему, предназначался уже прежде всего для учащихся и переводчиков, т.е. людей, занятых литературным трудом, изучением творчества автора. Еще ярче эта задача подчеркнута в особенностях замысла, построения и

состава “Полного собрания сочинений Д.И. Фонвизина”» (1830)»[160]. По мнению исследователя, уже к концу 1880-х годов возросшая дифференциация читательской аудитории приведет к появлению таких типов собраний сочинений, как научная и академическая, научно-массовая и массовая. В советское время издание собраний сочинений «превращается в государственное мероприятие идеологического, научного и культурно-исторического значения»[161]. Декретом о Государственном издательстве (от 11 января 1918 года) были впервые определены два типа советских собраний сочинений: «полное научное издание» и «сокращенное издание избранных сочинений». Как пишет Н.П. Лавров: «Полные научные издания должны были лечь в основу изучения русской литературы, предназначались они, естественно, в первую очередь литературоведам, и в обязательном порядке предполагали академическую подготовку текстов. Собрания избранных произведений адресовывались широкому кругу читателей, но считалось обязательным, чтобы тексты вошедших в них произведений были идентичны текстам в академических изданиях»[162]. Что касается полных собраний сочинений, то на практике их тип определялся запросами читательских групп. «Наша издательская практика свидетельствует, – читаем у того же Лаврова, – что ею был избран именно этот путь – систематическое совершенствование типов собраний сочинений, создание и развитие новых по мере роста культурного уровня советских читателей»[163]. Массовым было полное собрание сочинений Н. Щедрина (М.Е. Салтыкова) в 20 томах (М.; Л., 1933 – 1941). Подобные издания имеют вступительные статьи, адресованные неподготовленному читателю, и минимальный вспомогательный аппарат, необходимый для понимания текстов. Научно-массовым можно считать полное собрание художественных произведений Ф.М. Достоевского в 13 томах (Л., 1926 – 1930),

---

[160] *Омилянчук С.П.* Проблемы типологии собраний сочинений // Книга: Исследования и материалы. Сб. 18. М., 1969. С. 31.
[161] Издание собраний сочинений в СССР. М., 1976. С. 3.
[162] *Лавров Н.П.* Редакционно-текстологическая подготовка собраний сочинений советских писателей // Книга: Исследования и материалы. Сб. 11. М., 1965. С. 78.
[163] Там же.

подготовленное Б.В. Томашевским, К.И. Халабаевым и снабженное таблицами разночтений всех прижизненных изданий, а также дополнительными сведениями по истории текста. Иначе говоря, научно-справочный аппарат в таких изданиях более объемный, чем в массовых (где он может вообще отсутствовать). К научным относится полное собрание сочинений Н.Г. Чернышевского в 16 томах (М., 1939 – 1953). В отличие от академических, преследующих сугубо исследовательские задачи, научные полные собрания сочинений рассчитаны на более широкий круг читателей, содержат меньший вспомогательный материал и уступают по составу основного корпуса. Хотя, надо заметить, что состав и композиция, а также объем работы над подготовкой текста и характер научно-справочного аппарата являются «вторичными признаками, уже зависящими от задач и адреса издания»[164]. Наконец, академические полные собрания сочинений являются высшей формой научного издания: «Их отличает исчерпывающая полнота письменного наследия, критико-аналитическая подготовка текста, полный свод всех черновых и промежуточных вариантов, приписываемого предположительного материала, обстоятельный научный аппарат, включающий разнообразный критический комментарий. Предназначаются такие издания для узкого круга специалистов и должны помогать углубленному изучению творчества писателя (истории творчества и творческой истории текстов) и литературного процесса в целом»[165]. В качестве примера приведем академическое полное собрание сочинений и писем И.А. Гончарова в 20 томах, издаваемое ИРЛИ РАН с 1997 года. Следует сказать, что как в советское, так и постсоветское время выходили и выходят издания, претендующие на статус академических, однако еще Д.Д. Благой верно заметил, что «почти между всеми изданиями этого рода имеется, порой существенная, несогласованность»[166]. Вот почему основная масса работ, посвященных полным собраниям сочинений, касается вопросов

[164] Там же. С. 83.
[165] Издание собраний сочинений в СССР. М., 1976. С. 5.
[166] *Благой Д.Д.* Типы советских изданий русских писателей-классиков // Вопросы текстологии. Вып. 1. М., 1957. С. 11.

редакционно-текстологической подготовки изданий и носит не столько теоретический, сколько прикладной характер.

§ 3. Полные собрания сочинений русских писателей: историческая классификация и функционирование

Помимо классификации полных собраний сочинений по типу издания (академические, научные, научно-массовые, массовые), имеет смысл выстроить типологию подобных изданий в историческом срезе. В таком случае, кроме академических (появление которых в России связано с XX веком, когда текстология стала отчетливо оформляться как научная дисциплина в работах В.Н. Перетца, Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского и др. начиная с 1920-х гг.[167]), можно выделить *доакадемические* издания, часть из которых впоследствии послужила основой для академических. Условно доакадемические полные собрания сочинений могут быть разделены на *посмертные* и *прижизненные*.

Первые доакадемические полные собрания сочинений были посмертными, о чем уже говорилось в связи с изданием произведений А.П. Сумарокова, осуществленным Н.И. Новиковым, который стал пионером в этой области книгоиздания. По словам И.Ф. Мартынова: «Стремление сделать достоянием широких читательских кругов лучшие достижения отечественной словесности побудило Новикова задумать издание полных собраний сочинений русских писателей “одного после другого”. Первым среди них было названо имя А.П. Сумарокова, поэта и драматурга, духовно близкого ему своей гражданской непримиримостью, философским складом ума и приверженностью масонским идеям. “Доныне, – писал Новиков в объявлении о подписке на сумароковский десятитомник, – изданы и напечатанные многие его пьесы каждая порознь, от чего происходил великий труд в собирании оных, да

[167] Г.М. Фридлендер отмечал, что работа над созданием академических собраний сочинений русских писателей была начата в стенах Российской академии наук еще в XIX веке, но в то время она не имела строгой методологической опоры (см.: *Фридлендер Г.М.* О научных принципах и задачах академических изданий русских классиков (на материале Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1991. Т. 50. № 5. С. 401).

и ценами оные, по причине разбивчивости их, так увеличивались, что многие недостаточные любители российской литературы были не в состоянии получать их". Новое издание, за которое назначалась сравнительно невысокая цена, включало в себя как ранее напечатанные сочинения Сумарокова, так и оставшиеся после смерти писателя рукописи. Итогом большой, кропотливой работы Новикова и его сотрудников с сумароковским архивом была публикация трех книг ранее неизвестных читателям притч и двух томов "мелких прозаических" статей, памфлетов и черновых набросков "русского Расина"»[168]. Новиков преследовал, в первую очередь, просветительские цели, однако ориентация на демократические круги читателей обеспечила ему коммерческий успех. К моменту выхода второго издания полного собрания сочинений Сумарокова в 1787 году первоначальный тираж разошелся без остатка.

Немаловажной причиной популярности новиковских изданий послужила введенная им форма распространения книг – по подписке. Здесь надо заметить, что понятие «подписчик», или «пренумерант», появилось лишь в середине XVIII века и относилось оно вначале только к лицам, выписывавшим газеты, журналы, календари, а впоследствии – и непериодические издания[169]. Новиков сперва разрекламировал полное собрание сочинений Сумарокова в московских и петербургских газетах, назначив «весьма умеренную» подписную плату и взяв на себя расходы по пересылке книг иногородним подписчикам. В розничную продажу тома поступали по более высокой цене. «Выгоды, – пишет И.Ф. Мартынов, – полученные подписчиками сумароковского 10-томника, послужили лучшим доводом в пользу этой формы книжной торговли»[170]. Идея Новикова была впоследствии реализована многими книгоиздателями как до революции, так и в советское время. Но если, по утверждению Б.Д. Удинцева, «дореволюционный издатель реализовал подписные издания в рассрочку,

[168] *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 85.
[169] *Лясов В.Ф.* Возникновение рынка подписных изданий в России и книгораспространительская деятельность Н.И. Новикова // Книга: Исследования и материалы. Сб. 36. М., 1978. С. 73 – 80.
[170] *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 109.

стремясь прежде всего обеспечить себя заказами», то основная задача советских издательств, как писал тот же автор, – «организованно и максимально полно обеспечить потребителя»[171].

Преемником Новикова в истории русского книжного дела считается А.Ф. Смирдин. К этому времени в литературном производстве, по единодушному признанию исследователей, окончательно установились товарные отношения. И если для Новикова просветительские цели заслоняли собой коммерческий интерес, то Смирдин в сознании современников противопоставлялся ему «как новый чисто коммерческий тип издателя и книгопродавца»[172]. К середине XIX века затоваренность книжного рынка в стране и общеэкономический кризис поставили Смирдина на грань разорения. Одним из средств, к которым прибегнул энергичный издатель, были книжные лотереи, благодаря которым он выплатил старые долги и взял у правительства новую субсидию, чтобы воплотить в жизнь новаторскую идею – издание серии «Полное собрание сочинений русских авторов». Книги из этой серии выходили с 1846 года на манер французских изданий Жервэ Шарпантье по баснословно низкой цене (рубль за том). По мнению Н.П. Смирнова-Сокольского, идею своего издания Смирдин позаимствовал у В.Г. Белинского, который в связи с выходом в 1844 году девятого тома сочинений В.А. Жуковского сетовал на недоступность произведений писателей для тех, кто действительно читает и покупает книги. Сам же Белинский писал о смирдинской серии: «Почтенному нашему книгопродавцу А.Ф. Смирдину… приходило в голову много хороших мыслей к пользе русской литературы. Но никогда еще не приходило ему мысли издания в маленьком красивом формате, сжатою (компактною) печатью, полного собрания сочинений русских авторов… Это решительно блистательнейшая мысль, какая только попадала в голову русского

---

[171] *Удинцев Б.Д.* Издание и распространение подписных собраний сочинений классиков художественной литературы // Книга: Исследования и материалы. Сб. 2. М., 1960. С. 116.

[172] *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция (книжная лавка А.Ф. Смирдина). М., 1929. С. 90.

книгопродавца с тех пор, как существуют на Руси книгопродавцы!»[173] С 1846 по 1856 год Смирдин издал свыше 70 томов более чем 35 русских авторов. По словам Л.С. Кишкина: «Собрания сочинений некоторых из этих писателей, например, Аблесимова, Кантемира и Тредиаковского, были подготовлены впервые и сделал все это Смирдин по существу один. Если бы он осуществил только это, и тогда бы имел величайшую заслугу перед русской культурой. Одного этого было бы достаточно, чтобы потомки помнили о выдающемся русском книжнике»[174]. Несмотря на то что серия «Полное собрание сочинений русских авторов» имела некоторый успех, вырученных средств не хватало, чтобы покрыть долг. Кроме того, начинание Смирдина обладало существенными недостатками. «Справедливости ради, – утверждает И.Н. Розанов, – следует заметить, что издание “Полного собрания сочинений русских авторов” имело некоторые дефекты, от которых свободны были книги, издаваемые Смирдиным раньше. Во-первых, с редакционной точки зрения, исправности текста, количества опечаток и т.д. издание это пользуется у специалистов плохой репутацией. Во-вторых, это была первая и – увы! вызвавшая ряд подражаний – попытка, соблазняя читателя дешевизной, преподнести ему классиков в таком внешне непритязательном и неизящном (кроме формата) виде, на плохой бумаге и т.д. Это был первый показательный пример начала падения “книжного и издательского искусства”»[175]. Но главной причиной неудач Смирдина было то, что к середине XIX века книжная продукция стала поглощаться «толстыми» журналами, роль которых «в кризисе книжной промышленности начала сороковых годов не следует преувеличивать, но учесть необходимо, как своеобразное воздействие литературной формы (журнала) на экономический ряд»[176]. Поскольку в те годы эта причина еще не была столь очевидной, некоторые издатели пытались возродить смирдинскую

---

[173] *Белинский В.Г.* ПСС. В 13 т. Т. 10. М., 1956. С. 53 – 54.
[174] *Кишкин Л.С.* Честный, добрый, простодушный… Труды и дни Александра Филипповича Смирдина. М., 1995. С. 73.
[175] *Розанов И.Н.* Книга и люди в XIX веке // Книга в России. В 2 ч. Ч. II. М., 2008. С. 454.
[176] *Гриц Т., Тренин В., Никитин М.* Словесность и коммерция (книжная лавка А.Ф. Смирдина). М., 1929. С. 346.

серию. Первым среди них был М.О. Вольф, который решил продолжить выпуск «Полных собраний сочинений русских авторов».

Однако дело осложнялось тем, что себестоимость изданий Вольфа возрастала из-за повышения ставок авторского гонорара, стоимости материалов и редакторских работ, необходимость которых была осознана в связи с недостатками книг из серии Смирдина. «Стремясь избежать подобных огрехов, – пишет Е.А. Динерштейн, – Вольф поручал вести свои монументальные издания специальным редакторам. Правда, такие сотрудники в штате у него не значились, но их роль выполняли так называемые секретари. Когда в ответ на серию статей С.Ф. Либровича, посвященных состоянию книжного дела, в прессе раздались голоса: кто он такой, чтобы судить об этом предмете, то автор имел все основания заявить о своей кровной связи с предметом полемики. Именно за редакторским столом, готовя к изданию сочинения Даля, Писемского, Мицкевича, Лессинга, Гейне и многих других авторов, он начинал свою работу и по этому поводу неоднократно совещался с “лучшими и наиболее выдающимися русскими писателями… как Гончаров, Тургенев, Григорович, Лесков, Максимов и многие другие, к советам и указаниям которых внимательно прислушивался Вольф, выпуская в свет свои издания”»[177]. Помимо Либровича редакторами вольфовских изданий были А.Е. Разин, В.Р. Зотов, В.Н. Майков, П.Н. Полевой, М.Л. Песковский, Ф.Ф. Резенер, П.М. Ольхин и др.

Осуществить свой замысел полностью Вольф не успел. Как указывает Динерштейн: «Тому было немало причин: не хватило средств (на конец 70-х годов приходится покупка участка на Васильевском острове и постройка целого издательского городка), возникла необходимость в обновлении машинного парка (приобретение скоропечатных машин, паровых двигателей и т.п.), давала о себе знать конкуренция на рынке приобретения авторских прав. Все эти причины вынуждали его крайне осторожно вкладывать средства в свое

[177] *Динерштейн Е.А.* Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.). М., 2004. С. 182 – 183.

начинание»[178]. Несмотря на большую редакторскую работу, Вольфу, как и Смирдину, не удалось избежать погрешностей (ошибок, опечаток, искажений). К 1870-м годам стало очевидно, что осуществление смирдинской идеи в условиях капитализации книжного рынка на старых основаниях просто невозможно. Подтверждение тому – не только опыт Вольфа. Не имело успеха предпринятое Ф.Т. Стелловским «Полное собрание сочинений русских авторов», как и «Библиотека современных писателей» А.Ф. Базунова[179]. «Хорошо расходились, – поясняет А.И. Рейтблат, – произведения авторов с именем и нашумевшие публикации, но таких книг было очень мало; вторым, а тем более третьим изданием выходили очень немногие книги, собрания сочинений переиздавались обычно лишь через 15 – 20 лет. Поэтому, приобретая для издания какую-либо книгу, издатель отнюдь не был уверен в успехе. Отсюда низкие гонорары и низкие тиражи»[180].

Необходим был принципиально новый подход к делу, учитывающий возросшую роль периодических изданий (выпускать которые стало выгоднее и надежнее) в отношениях между словесностью и коммерцией. Подход этот применил издатель А.Ф. Маркс, который пустил полные собрания сочинений в качестве приложений к своему журналу «Нива». При этом нельзя забывать, что идея создания подобного периодического издания высказывалась еще Вольфом, у которого в 1864 году служил Маркс. «По существу, – поясняет Динерштейн, – речь шла о первом российском журнале для семейного чтения, подобном тем, что были так широко распространены в Германии. Предполагалось, что на его страницах будут публиковаться беллетристические

---

[178] Там же. С. 183.

[179] «Почему Базунов, – пишет С.В. Белов, – предпринял издание серии “Библиотека современных писателей”? Никаких документов на этот счет не сохранилось, но можно предположить, что от своего отца, который работал сначала приказчиком у А.Ф. Смирдина и которому Смирдин помогал в начальной стадии его собственной книготорговой деятельности, А.Ф. Базунов знал о широком издании Смирдиным современных ему русских писателей (не говоря уже о том, что издания Смирдина были в его магазине), и знал, конечно, о печальном конце этой филантропической затеи. Не исключено, что Базунов решил продолжить это благородное начинание Смирдина, хотя, надо сказать, что уже с самого начала многие скептики не верили в успех издательской серии Базунова “Библиотека современных писателей”» (*Белов С.В.* Издательская деятельность А.Ф. Базунова // Роль книги в демократизации культуры: Сборник науч. трудов. Л., 1987. С. 67).

[180] *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 260.

произведения (преимущественно переводные), биографии замечательных людей, известия из области наук, искусств, литературы, библиографические материалы и моды (картинки с пояснительным текстом)»[181]. Однако именно благодаря Марксу выпуск олеографий, а позднее – книг (в том числе полных собраний сочинений) в форме бесплатных приложений (их еще называли «премиями») к журналу стал характерным явлением второй половины XIX – начала XX века, хотя попытки совместить книгоиздательскую деятельность с журнальной из экономических соображений предпринимались также Г.Е. Благосветловым, М.Н. Катковым, Н.А. Некрасовым, М.М. Стасюлевичем и др. Успех распространения книг в форме приложений к журналам довольно подробно объясняет Рейтблат: «Уже приобщившись к чтению беллетристики и научно-популярных книг, “полуобразованный читатель” не склонен был тем не менее покупать регулярно соответствующие издания, так как, во-первых, они стоили довольно дорого, а во-вторых, он не ориентировался в них и не знал, какая книга для него представляет интерес, а какая нет (отметим в этой связи обычное использование в названиях книг для низового читателя зазывательных названий). Цена же книги была тесно связана с тиражом. Поэтому только гарантированный сбыт позволял значительно увеличить тираж книги и тем самым существенно снизить цену. В 1880-х гг., после ряда попыток, постепенно возник новый канал распространения книг – бесплатное приложение к журналам и газетам, рассчитанным на “промежуточные” слои читателей. Первыми ввели ежемесячные приложения в форме книг еженедельники “Мирской толк” (с 1880 г.), “Луч” (с 1881 г.), “Живописное обозрение” (с 1882 г.) и газеты “Свет” (с 1882 г.), “Гражданин” (с 1883 г.). “Родина” создала подобное приложение в 1887-м, “Нива” – в 1891-м, “Север” – в 1892-м. По сути дела, стоимость книги входила в подписную плату, но психологически для подписчика книга выступала как бесплатная, как приложение к оплаченному периодическому изданию. Тем самым подписчик

[181] *Динерштейн Е.А.* Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.). М., 2004. С. 146 – 147.

дешево получал книгу, соответствующую своим запросам. Журнал же, резко подняв свой тираж (из-за возросшей подписки) и не расходуя деньги на рекламу, оплату склада и торговых площадей, мог снизить себестоимость и в итоге продажную цену книги. В результате подписчик журнала “Родина” получал, например, за 4 р., помимо самого журнала и других многочисленных приложений, 12 книг (гарантированного для себя содержания), аналогичные которым в розничной продаже стоили не менее 50 к. каждая. Учитывая, что тираж беллетристической книги составлял тогда обычно 1200 или 2400 экз., а тираж “Родины” (и, следовательно, выходящих в приложении к ней книг) доходил до 120 тыс., можно представить, насколько более широкой была читательская аудитория “бесплатных приложений” по сравнению с обычными изданиями»[182].

К выпуску полных собраний сочинений писателей в качестве бесплатных приложений к журналу «Нива» Маркс пришел не сразу. В 1888 году он получил право увеличить подписную цену журнала и выпустить приложением к нему сборник повестей и рассказов (причем сборник он издал в том же году, а подписную плату повысил лишь на следующий). В это же время аналогичные сборники в виде приложений стали выпускать конкуренты Маркса. Нужно было искать новый коммерческий ход. Тогда и появилась идея приложений бесплатных полных собраний сочинений крупнейших русских писателей, которые могли стимулировать подписку на журнал. Обычно Маркс выпускал собрания сочинений двумя изданиями: одно тиражом не более 20 000 экземпляров по нормальной цене, а второе – в виде бесплатного приложения к журналу. Тираж определялся подписчиками, поэтому издателю приходилось учитывать их вкус. В год в виде приложений выпускалось не более двух собраний сочинений. Согласно оценке исследователя: «Время обесценило многие из выпущенных Марксом и его наследниками сочинений; вышедшие в наши дни издания значительно полнее, несопоставимо выше уровень их

[182] *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 110 – 111.

текстологической подготовки. Однако некоторые из “нивских” изданий никогда не потеряют своего значения, поскольку подготовлены самими авторами и выражают их последнюю волю (Чехов, Короленко), другие и по сей день служат основой для советских изданий (Бунин и Фет). Нельзя забывать, что некоторая часть включенных в издания Маркса произведений не вошла в современные собрания сочинений (Лесков, Полонский). Немалое число выпущенных фирмой собраний сочинений писателей так называемого второго ряда вообще не издавалось за годы Советской власти»[183].

По пути Маркса пошел И.Д. Сытин, издававший приложения к журналу «Вокруг света» (скромная подписная цена которого не позволяла выпускать достаточно полных собраний сочинений) и газете «Русское слово», а во время Первой мировой войны купивший у товарищества «А.Ф. Маркс» популярнейшую тогда «Ниву», годовые подписчики которой получали в виде премии полные собрания сочинений известных русских писателей. В конце концов, из дореволюционных издателей популярность Сытина осталась непревзойденной. С его именем была связана каждая четвертая выпущенная книга, не говоря уже о журналах и газетах. «Без преувеличения можно сказать, – полагает Динерштейн, – что его знала вся грамотная и неграмотная Россия. Даже в крестьянской избе, никогда не видевшей книгу, висел яркий, праздничный календарь или лубочная картинка, изданные его фирмой и отпечатанные в его типографиях»[184].

Что касается ППСС[185] русских писателей, то в отличие от посмертных они появились значительно позже (произведенный нами анализ источников показывает, что первым в этом ряду было «Полное собрание сочинений»

---

[183] *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 241.
[184] *Динерштейн Е.А.* И.Д. Сытин. М., 1983. С. 3.
[185] Исследованию прижизненных изданий, в частности, посвящена заметка, в которой речь не идет о полных собраниях сочинений: *Гуральник Е.Н.* Методика изучения прижизненных изданий как печатных источников литературы // Книговедение: Новые имена. М., 1998. Вып. 3. С. 72 – 74.

Ф.В. Булгарина в 7 томах, выходившее с 1839 по 1844 год)[186]. Как свидетельствует Т.Д. Кузовкина, Булгарин постоянно переиздавал свои произведения и выборочно включил в «Полное собрание сочинений» то, что было напечатано в первых четырех собраниях, прибавив пять вышедших до этого романов[187]. Отнесение ППСС к доакадемическим неслучайно. Хотя они и будут изредка выпускаться в советское и постсоветское время (когда на первый план выступят посмертные академические и научные полные собрания сочинений), но по своему типу такие издания не отличаются от аналогичных доакадемических (по преимуществу – массовых).

Появление ППСС, как нам представляется, стало прямым следствием развития коммерческих отношений между издателями и авторами. Только при Смирдине, который ввел в расчет стоимости выплату авторского гонорара как систему, сформировалось понятие «цены книги». Союз коммерции со словесностью строился отныне только на товарных отношениях. «Его характер, – по словам Динерштейна, – определялся спросом и конъюнктурой рынка. И только. Диктовать ему свои условия не могла ни одна из сторон»[188].

Надо сказать, что в России взаимовлияние «словесности и коммерции» не изучено должным образом. «Как происходит и в чем проявляется взаимодействие этих практик, – спрашивает современный исследователь в данной области, – на какие эмпирические исследования или теоретические работы можно опереться в его изучении? К сожалению, и отечественная филология оказалась не чужда представлений о враждебности “коммерции и словесности” и потому почти не предпринимала попыток исследовать позитивное воздействие экономики на литературу. Мы знаем работы, созданные в рамках формальной школы в конце ее существования, представляющие собой подборку эмпирического материала, но не содержащие

---

[186] Что касается зарубежных авторов, то, насколько известно, Пьер де Ронсар (1524 – 1585) был первым поэтом, который при жизни издал свое полное собрание сочинений, сгруппировав их по жанрам (см.: *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр? М., 2010. С. 172).

[187] См.: *Кузовкина Т.* Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. [Дисс. … д-ра философии по русской литературе] Тарту, 2007 (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis: 20). С. 62.

[188] *Динерштейн Е.А.* Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.). М., 2004. С. 208.

метода работы с ним. Неудачей закончились поиски таких методов, предпринятые школой, получившей прозвище “вульгарно-социологической”, в значительной степени из-за слабости ее теоретических предпосылок. И в современной актуальной критике мы видим высказывания о неприятии того, что почему-то называется “неомарксизмом”, нежелание связывать себя с “скомпрометированной” традицией, исследовать зависимость искусства от “низкой” реальности человеческой жизни»[189]. Действительно, долгие годы проблематику взаимодействия литературы и экономики изучали преимущественно за рубежом. Не удивительно, что в конце 1990-х годов в англо-американской науке возникло направление «новой экономической критики». «Такие критики, – пишет М.С. Макеев, – демонстрируют воздействие, которое оказывает, например, изменение рыночной цены печатной продукции и величины авторского гонорара на поэтику литературных произведений (от объема и жанра до языка и стиля); показывают влияние экономических условий существования писателя на его искусство; делают успешные попытки увидеть в тропах, риторических фигурах аналог экономических инструментов, а в художественных структурах – аналог экономических систем обмена и рынка. Сделан ряд работ, в которых исследуется воздействие института авторского права на формирование философской эстетики, влияние становления системы персонального кредита на художественное воображение, воздействие экономического понятия цены на понятие эстетических ценностей»[190]. Очевидно, что в разговоре о появлении и функционировании ППСС русских писателей проблему взаимодействия литературы и экономики невозможно обойти вниманием. Но поскольку русским литературоведением до сих пор не выработан надежный

---

[189] *Макеев М.С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009. С. 6.

[190] Там же. С. 7 – 8. См. работы последнего времени, посвященные той же проблематике: *Вдовин А.* Издательская экономика Ивана Гончарова (писатель и Морское министерство) // Новое лит. обозрение. М., 2013. № 124; *Федотов А.С.* А.Н. Островский и петербургский книгоиздатель Д.Е. Кожанчиков: история издания второго прижизненного собрания сочинений драматурга // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2013. № 6.

инструментарий в этой области, мы коснемся данной проблемы не столько в теоретико-методологическом, сколько в конкретно-историческом русле.

Обратимся в этой связи к важнейшему аспекту книжного дела – характеру взаимоотношений между издателями и авторами на разных этапах их развития. По мнению специалистов: «Изучение этих взаимоотношений позволяет глубже понять причины появления конкретной книги, выбор издателем той или иной ее тематики и оформления, смысл, который имела она для разных читательских групп. Издатель, выступающий выразителем социальной потребности, осуществляет отбор среди различных предлагаемых авторами рукописей: одни из них, исходя из содержания и качества исполнения, признаются достойными печати, другие бракуются и остаются неопубликованными. Разумеется, в результате издательских ошибок иногда выходят книги, которые оказываются никому не нужными (особенно часто это происходит в случае издания авторами собственных произведений), или, напротив, в рукописи остаются ценные произведения. В одни исторические периоды взаимоотношения авторов и издателей складываются сравнительно благоприятно, в другие – сопряжены с немалыми напряжениями и конфликтами»[191].

Начиная с третьей четверти XIX века читательская аудитория стала меняться как в количественном, так и в качественном отношении. Соответственно число авторов, профессионально занимающихся литературой, живущих на доход от продажи собственных сочинений, быстро выросло. По статистике: «Если в 1830 г. в литературной печати выступало примерно 260 авторов, а в 1855 г. – 300, то в 1880 г. – уже 700 (т.е. за первое двадцатипятилетие прирост составил 15%, за второе – 133%)»[192]. В результате такого количественного скачка повышалась роль литературы в обществе. Как отмечалось, основной формой организации литературной жизни в это время были периодические издания. Начиная с 1840-х годов особого расцвета

[191] См.: Книга в России, 1861 – 1881. В 3 т. Т. 3. М., 1991. С. 28.
[192] Там же. С. 29.

достигли журналы, а в 70-е с ними все более успешно конкурируют газеты. «О “смерти журнала”, – утверждает Г.В. Зыкова, – вытесненного газетой, начинают вслух и много говорить после успеха суворинского “Нового времени”, т.е. в конце семидесятых. Соперники Суворина понимают газету как форму более примитивную, более коммерциализированную, чем журнал; успех газеты свидетельствует о смене читательской аудитории, которая превращается в невежественную толпу»[193]. Если известных писателей, спрос на которых уже был сформирован в читательской среде, редакция стремилась привлечь с помощью авансов, то начинающими зачастую пренебрегали. Главными проблемами для любого автора были гонорар, выплата которого могла затягиваться, и цензура, имевшая право запретить публикацию. При этом гонорар превратился в неотъемлемый элемент литературного быта и зависел, в первую очередь, от читательского спроса. Издать произведение в периодике было значительно легче и выгоднее (если тираж журналов и газет мог составлять от 3 до 50 тыс. экземпляров, то тираж книг обычно не превышал 1200), чем выпустить его отдельной книгой. В то же время имели широкое распространение издания, подготовленные и выпущенные самими авторами.

В последней четверти XIX века основной формой связи авторов с издателями по-прежнему оставалась периодика. «Именно сотрудничество в газетах и журналах, – полагают исследователи, – позволяло литераторам наладить и закрепить контакты с издателями. Необходимо добавить, что специфику данного периода составляло выдвижение на первый план иллюстрированных еженедельников и газет, которые постепенно “оттесняли” толстые журналы на вторые роли. Подобные издания, частота выхода которых была значительно выше, чем у ежемесячников, нуждались в постоянных сотрудниках редакции, регулярно поставляющих материалы в номер (репортеры, фельетонисты, “передовики”, рецензенты, юмористы и т.д.)»[194]. Если издатель был уверен в продаже приобретенных рукописей, то у него

[193] *Зыкова Г.В.* Журнал как литературная форма. М., 2006. С. 33.
[194] См.: Книга в России, 1881 – 1895. СПб., 1997. С. 183.

могли сложиться с автором постоянные взаимоотношения, но на это могли рассчитывать только известные писатели. Некоторые издатели периодики выпускали книги своих знаменитых авторов с двоякой целью: получить прибыль и «привязать» к себе писателя. Как и прежде, было распространено издание произведений авторами за свой счет. «Характерной чертой описываемого периода, – по мнению ученых, – является тот факт, что ценным товаром становится собрание сочинений известного автора, а многие писатели в конце своего творческого пути получают за них значительные суммы»[195]. Хотя больших перемен в отношениях между издателями и авторами не наблюдалось, наметился существенный рост гонорарных ставок и спрос на собрания сочинений, что, в свою очередь, определило специфику развития следующего периода.

С 1895 по 1917 год существенно повысился уровень грамотности населения, в 1905-м была отменена предварительная цензура для большинства изданий, в результате еще больше увеличился спрос на печатную продукцию. Количество писателей, за собраниями сочинений которых охотились сами издатели, в начале XX века существенно выросло. По имеющимся сведениям, «К.Ф. Головин в 1911 г. за собрание сочинений получил от А.Ф. Маркса более 42 тыс. р. Бунин в 1917 г. продал собрание сочинений в 10 томах издательству “Парус” за 16,5 тыс. р., а Брюсов в том же году тому же издательству – собрание сочинений в 10 томах за 10 тыс. р. Вс.С. Соловьев в 1902 г. продал собрание своих сочинений для издания в качестве приложения к журналу “Север” за 10 тыс. р. (и 5 тыс. экз. тиража)»[196]. Однако жить на большие гонорары могли в первую очередь писатели реалистического толка и

[195] Там же. С. 187. «А.Н. Островский, – читаем далее, – в 1884 г. продал авторские права на свои сочинения (на одно издание) за 13 тыс. р., И.С. Тургенев в 1882 г. (на таких же условиях) – за 25 тыс. р., Г.И. Успенский в 1886 г. уступил права на все написанные к тому времени произведения за 19 тыс. р., И.А. Гончаров продал свое собрание сочинений за 35 тыс. р. У М.Е. Салтыкова-Щедрина фирма Салаевых была готова купить в 1889 г. собрание сочинений за 60 тыс. р. (сделка не состоялась из-за несогласия Щедрина с одним из пунктов договора, и он стал издавать их сам). Вдове Ф.М. Достоевского издатели давали за права на собрание его сочинений 10 – 12 тыс. р., однако она предпочла издать его сама (в 1881 – 1883 гг.), что дало 75 тыс. р. чистой прибыли (позднее она выпустила еще несколько изданий). Цены на собрания сочинений быстро росли. В 1896 г. за право собственности на все произведения Лескова А.Ф. Маркс заплатил его наследникам 75 тыс. р.» (там же).

[196] См.: Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С. 446.

представители массовой литературы. Иначе складывались отношения издателей с модернистами, читательский спрос на которых был невысок. Так, книги символистов издавались максимальным тиражом в 1 – 2 тыс. экземпляров за свой счет или на средства меценатов. Начиная с 1906 года ситуация изменилась в лучшую сторону, но коснулось это немногих писателей первого ряда. Чтобы иметь стабильный заработок, нужно были либо заниматься газетной поденщиной (писать рецензии и публицистику), либо обладать нелитературными источниками дохода. «Таким образом, – полагает Рейтблат, – будучи новаторами в эстетической сфере, в сфере литературного быта символисты придерживались архаичных (для конца XIX – начала XX в.) романтических антирыночных установок. В реальности, разумеется, прожить с такими установками было нельзя, поэтому, несмотря на все декларации, по мере расширения своей аудитории литераторы-символисты начинали входить в общую литературную систему и подчиняться законам рынка»[197].

В описываемый период отношения авторов с издателями обязательно оформлялись в договоре, который устанавливал тираж, размер гонорара и последовательность его выплаты, а также сроки предоставления рукописи и выхода книги, объем, право издательства на изменения в тексте и т.д. С наиболее ценными или постоянными авторами похожий договор заключали и некоторые периодические издания.

Можно сказать, что к советскому времени (и в этом сходится большинство исследователей) «в России сложились четкие и вполне “нормальные” формы взаимоотношений издателей и литераторов, характеризующие развитую литературную и книгоиздательскую систему: ориентация на спрос покупателя и подписчика, сравнительно высокое денежное вознаграждение за литературный труд, профессионализация писателей, договорное оформление их отношений с издательствами»[198].

---

[197] *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 316.

[198] См.: Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С. 448.

§ 4. Прижизненные полные собрания сочинений русских писателей: типологическая классификация

В типологическом отношении ППСС можно разделить на несколько групп. К первой относятся те, которые выходили (или должны были выйти) по инициативе и настоянию издателя. Известно, к примеру, что Вольф мечтал выпустить полное собрание сочинений И.А. Гончарова. По указанию Е.А. Динерштейна, «на сборнике “Жемчужины русской поэзии”, подаренном Вольфом писателю, сохранился любопытный инскрипт, свидетельствующий об этом намерении: “Маститому нашему беллетристу от будущего, может быть, его издателя. 8.VIII.75”»[199]. Однако более решительным и удачливым оказался И.И. Глазунов, пришедший к Гончарову с набором его сочинений и чеком на 60 тысяч рублей. Писатель не смог отказать. Любопытно, что при подготовке второго издания полного собрания сочинений Гончаров *по просьбе издателя* добавил еще один том, состоявший из «Воспоминаний» и очерка «Старые слуги». Другой случай – издание полного собрания сочинений Д.В. Григоровича. Это был первый значительный проект Н.Г. Мартынова, который приобрел авторские права на литературное наследие писателя в 1881 году. Как пишет И.А. Руденко: «В январе 1884 г. была объявлена подписка на Полное собрание сочинений Д.В. Григоровича в 10 томах. Издание предполагалось выпустить не позже 1 июня 1884 г., с портретом автора, гравированным на дереве Л.А. Серяковым. Оно включало 35 произведений писателя, созданных за 40-летний период, с 1843 по 1883 г., и расположенных в хронологическом порядке. Большинство из них впервые было опубликовано в журналах “Современник” и “Отечественные записки”. В издание не вошли несколько ранних рассказов Григоровича, часть работ по искусству, немногочисленные переводы и несколько очерков познавательного характера,

[199] *Динерштейн Е.А.* Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.). М., 2004. С. 184.

выпущенных автором под общим заглавием “Народные беседы”»[200]. В 1889 году Мартынов издал 11 том собрания, включив в него произведения последних пяти лет. Почти сразу вышло второе издание в 10 томах, отличавшееся только распределением произведений по томам. А в 1893-м Мартынов продал А.Ф. Марксу право издания полного собрания сочинений Григоровича в качестве приложений к журналу «Нива» на 1896 год. Мартынов также инициировал издание полного собрания сочинений А.Н. Островского. «По договору от 25 ноября 1884 г., – читаем у Руденко, – Мартынов приобретал право издания восьми томов сочинений драматурга (идентично изданию А.А. Краевского и Н.А. Некрасова 1874 г.) тиражом 3 тыс. экз.; кроме того, после распродажи наследниками Салаева девятого тома, право его издания также переходило к Н.Г. Мартынову. Условиями договора устанавливалась цена на продажу восьми томов (не выше 12 р.), и отдельными томами (не выше 2 р. 50 к. за том). Оговаривался и внешний вид издания: оно должно было быть точно таким (формат, бумага, шрифт), как и вышедшее в том же году Полное собрание сочинений Д.В. Григоровича. В собрание вошли сцены, комедии, драмы и исторические хроники (31 произведение), написанные в 1847 – 1871 гг.»[201]. Примечательно, что Мартынов просил у Островского пьесы, не вошедшие в прежнее его собрание, но получил отказ. Драматург не желал их печатать. В том же виде, что и полное собрание сочинений, Мартынов в 1886 году издал драматические переводы Островского. Наконец, еще один яркий пример проявления инициативы со стороны издателя – деятельность петербургского товарищества «А.Ф. Маркс». «Трудно, – полагает Динерштейн, – с полной определенностью сказать, чем была вызвана тенденция к расширению круга авторов “нивских” собраний сочинений. По сути дела, еще при жизни Адольфа Федоровича, наряду с сочинениями классиков, в качестве приложений стали выходить собрания сочинений писателей, которых нельзя

[200] *Руденко И.А.* Н.Г. Мартынов – издатель собраний сочинений русских писателей // Книга: Исследования и материалы. Сб. 85. М., 2006. С. 206.
[201] Там же. С. 211.

было при всем желании причислить к таковым. Преемникам Маркса ничего не оставалось, как, с одной стороны, восполнить пробелы прошлых лет и выпустить собрания писателей демократического лагеря, ранее не привлекавших внимания издательства, а, с другой, пустить в качестве приложений собрания сочинений наиболее популярных современников: Л.Н. Андреева, И.А. Бунина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, В.В. Вересаева и некоторых других писателей»[202]. Прекрасная иллюстрация – случай с В.Г. Короленко, огромная популярность которого стала главной причиной, побудившей издательство предложить писателю выпуск приложением к «Ниве» за 1914 год полного собрания сочинений в 9 томах. Автор согласился и заключил в 1912 году договор с издательством, хотя и полагал, что правильнее было бы говорить о «Собрании сочинений», так как оно было далеко не полным. «Поскольку, – считает Я.Е. Донской, – в это издание могло войти только 270 – 300 печатных листов, оно уже не имело права называться “полным”. Несмотря на возражения Короленко, издательство так и оставило – “полное собрание сочинений”»[203].

Инициаторами издания полного собрания сочинений могли выступать и сами писатели, у которых на определенном этапе творческой деятельности возникало желание объединить свои произведения. Это случалось довольно редко. Так, И.А. Бунин, являвшийся постоянным автором «Нивы», первым сделал предложение товариществу «А.Ф. Маркс». «Условия мои, опять-таки по многим исключительным причинам, будут весьма скромные, – писал он Л.Ф. Маркс 14 апреля 1913 г. – У меня имеется 10 довольно *больших* томов, из которых легко, особенно благодаря добавлениям, кои я намереваюсь сделать для этого *первого* полного собрания моих сочинений, – составить 12 <томов>.

---

[202] *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 234.
[203] *Донской Я.Е.* В.Г. Короленко и издательство А.Ф. Маркса // Книга: Исследования и материалы. Сб. 27. М., 1973. С. 120.

Если бы Вы ничего не имели против моего предложения принципиально, я мог бы приехать в Петербург для начала переговоров»[204].

Еще одним критерием, помогающим классифицировать ППСС, являются особенности редактирования текстов. В практике книгоиздания известны случаи, когда авторы (в силу разных причин) не участвовали в текстологической подготовке своих ППСС. Показательный пример (хоть и не связанный напрямую с нашей темой) – Л.Н. Толстой, предоставивший всем желающим право перепечатывать его тексты без своего авторского участия. Что же касается ППСС, то вспоминается случай Л.Н. Андреева. На подготовку его «нивского» издания 1913 года оставалось очень мало времени. Сам автор не изъявил желания в ней участвовать, поэтому в качестве составителя и редактора был приглашен К.И. Чуковский.

Другую группу составляют ППСС, подготовленные либо самими писателями, либо при их активном участии. Это в некотором смысле авторские издания, являющиеся результатом творческой деятельности писателя не только по созданию, но также отбору, расположению, а иногда и оформлению собственных произведений. Первым авторским собранием сочинений (хотя и не полным) считается «Собрание разных сочинений…» (1751) М.В. Ломоносова. Как показывает практика подготовки к изданию ППСС, писатель, согласно условиям договора, мог отказаться от услуг приглашенных редакторов (если таковые предоставлялись) и сам выполнял текстологическую работу. Так, А.П. Чехов не только инициировал издание полного собрания сочинений, но еще до переговоров с А.Ф. Марксом, намереваясь вначале сотрудничать с А.С. Сувориным, продумал план выпуска книг. При этом Чехов не хотел называть издание «Полным собранием сочинений», а предлагал сохранить нумерацию томов с отдельными заглавиями для каждого. Работая с Марксом, писатель настаивал на авторском редактировании. Он стремился следовать хронологическому принципу в расположении материала. Более

[204] Цит. по: *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 236.

половины произведений, написанных до 1888 года, Чехов забраковал. «Этот отбор, – считает Е.Н. Коншина, – свидетельствовал, что Чехов-редактор признавал в себе – авторе, только новеллиста и драматурга»[205]. При подготовке полного собрания сочинений Чехов не только отобрал, но также исправил некоторые из своих текстов, заменив более 40 заглавий. «Обращает внимание, – пишет Коншина, – прежде всего, тщательнейшая работа Чехова над языком и стилем произведений, очищение их от вульгарных выражений, провинциализмов, от бытового жаргона, иностранных слов, которыми он сильно грешил в ранние годы»[206]. Автор стремился не столько дополнить, сколько сократить написанное. Иногда он соединял несколько произведений в одно (так, «Учитель словесности» объединил одноименный рассказ 1894 года с «Обывателями» 1888-го). Другой пример связан с изданием полного собрания сочинений В.Г. Короленко. Издательство «А.Ф. Маркс» не предполагало, что писатель повторит труд Чехова и сам подготовит произведения к печати, поэтому предложило доверить составление и редактирование сочинений К.И. Чуковскому, который в то время служил внештатным литературным консультантом издательства. Однако автор не принял проект, разработанный приглашенным литератором[207]. «Короленко, – пишет Я.Е. Донской, – внес в этот план существенные изменения. Во-первых, он считал целесообразным, чтобы рассказы были сгруппированы по циклам: сибирские рассказы, украинские рассказы, волжские рассказы, а внутри тома размещались бы в хронологическом порядке. Во-вторых, он настаивал, чтобы его публицистические работы также группировались по тематическому

---

[205] *Коншина Е.Н.* Чехов-редактор (работа Чехова над составлением сборников и собраний своих произведений) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 10. М., 1965. С. 94.

[206] Там же. С. 95.

[207] Видимо, на начальном этапе подготовки издания К.И. Чуковский писал А.Е. Розинеру: «Пошлите Вл.Г. Короленке *мои* листки, не смущаясь их тоном. В.Г. меня знает. Я нарочно их подписал. Теперь выходит, как у Грабаря в Третьяковской Галерее. Те же картины, а перевесит их дельный (!?) человек – и совсем другое: куда лучше. Жаль, что нельзя на обложках печатать: *Сочинения Короленко и Чуковского*» (*Чуковский К.И.* Собр. соч. В 15 т. Т. 14. М., 2008. С. 317).

принципу»[208]. Не желая появляться перед читателем «в неряшливом виде» (а книги должны были выйти двухсоттысячным тиражом), автор проделал не менее колоссальную работу, чем Чехов: «Короленко вносил не только отдельные стилистические изменения и поправки в свои произведения, но многое из них заново переписал от начала до конца. В некоторые повести и рассказы писатель вводил новых героев, углублял характеристику действующих лиц, заострял их идейную направленность»[209]. Поскольку полное собрание сочинений было уже анонсировано, издательство торопило писателя. «Обещание “полного издания”, – писал Короленко, – обязывает дать и такие вещи, которые иначе я бы не печатал. Таков и “Ненастоящий город”. Я просто удивляюсь, как это плохо написано с внешней стороны. Пришлось пройти весь рассказ почти заново, сохраняя, конечно, те взгляды и общий характер. Таких вещей немало»[210]. Сложности были связаны с тем, что писатель во время подготовки издания находился сначала в Полтаве, а потом – за границей на лечении. Развязавшаяся война мешала регулярным связям с издательством, которое, в свою очередь, не проводило должной корректорской правки. Присланные Короленко рукописи сразу шли в набор. Наконец, цензура запретила публикацию части публицистических произведений писателя. «Тем не менее, – заключает исследователь, – выход первого собрания сочинений В.Г. Короленко явился большим событием в творческой биографии писателя. Для нас оно имеет поистине неоценимое значение, поскольку осуществлялось при непосредственном участии автора, который проделал в процессе подготовки издания титаническую работу по пересмотру и редактированию всего им написанного за 35 лет литературной деятельности (1879 – 1914). Это издание, отражающее волю писателя, является основополагающим для всех

[208] *Донской Я.Е.* В.Г. Короленко и издательство А.Ф. Маркса // Книга: Исследования и материалы. Сб. 27. М., 1973. С. 120.
[209] Там же. С. 122.
[210] Цит. по: *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 229.

последующих изданий»[211]. В заключение приведем еще один пример. И.А. Бунин при подготовке полного собрания сочинений настаивал: «Все мои произведения собираются и редактируются мною, Буниным, с тем, что я вправе включать в них необходимые с моей точки зрения поправки и изменения»[212]. Автор обращал внимание даже на оформление текста. В частности, он просил, чтобы каждая из трех частей «Деревни» начиналась с новой страницы. Однако это желание не было исполнено. Трепетное отношение к собственному творчеству и ответственность перед встречей с читателем – характерная черта Бунина. Когда в эмиграции М.Ф. Хандамиров вступил с ним в переписку от имени славистов Лундского университета (намеревавшихся перевести бунинские произведения на шведский язык), писатель ответил с прежней щепетильностью. «Вы пишете, – читаем в послании от 8 января 1923 года, – что **первым** томом Вы хотите выпустить “Деревню” и “Суходол”, т.е. оба романа (или “поэмы”) в **одной** книге, как есть это в последнем **русском** издании. Не спорю, а только спрашиваю: а не будет ли это в ущерб впечатлению – наличность в **одной** книге **двух** романов? Впрочем, повторяю, я не спорю, – Вам виднее. **Тверже несколько** мне хотелось бы усумниться (так! – *А.Х.*) в другом: не слишком ли это мрачно и не **слишком** ли экзотично (непонятно, чуждо для шведа) **начинать** знакомить меня со шведами именно этой книгой? Не лучше ли начать со сборника “Госп[один] из С[ан]-Фр[анциско]”, где будут и “общечеловеческие”, так сказать, рассказы – и чисто “русские”? <...> Если все-таки решите выпускать в первую, а не во вторую голову “Деревню” и “Суходол” – **выпускайте**: Вам опять-таки видней. Хотелось бы только, – с какой бы Вы книги ни начали, – чтобы она была снабжена моей автобиографической заметкой...»[213] Привлекает внимание не только авторское определение жанра «Деревни» и «Суходола», но и особое отношение писателя

[211] *Донской Я.Е.* В.Г. Короленко и издательство А.Ф. Маркса // Книга: Исследования и материалы. Сб. 27. М., 1973. С. 130.
[212] Цит. по: *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986. С. 237.
[213] Впервые: Slavica Lundensia. Lund, 1973. № 1. P. 121 – 123. Цит. по: *Холиков А.* О письмах русских писателей – эмигрантов первой волны к М. Хандамирову (К вопросу о русско-шведских культурных связях) // Вопр. лит. М., 2008. № 3. С. 343.

к первой встрече со шведским читателем, стремление быть понятым нерусской публикой, учесть ее потребности. «...Надеюсь, – пишет Бунин 19 февраля 1923 года, – что будут же сговариваться со мною, что именно переводить, и не будут переводить того, что я не хотел бы видеть **вообще** переведенным, ни на какой язык (из юношеских вещей, например)?»[214]

Наконец, ППСС могут быть разделены на – завершенные и незавершенные, а также переиздававшиеся и не переиздававшиеся. Отдельно следует упомянуть издания, подготовленные при участии автора, но полностью изданные уже после его смерти.

В дальнейшем нас будут интересовать ППСС русских авторов художественной литературы, изданные на русском языке. Произведенный анализ источников (см. Библиографию) позволил составить с учетом ограничений (см. Введение) следующий список.

§ 5. Перечень прижизненных полных собраний сочинений русских писателей

Андреев Л. Полное собрание сочинений *Леонида Андреева*. Т. 1 – 8. СПб.: А.Ф. Маркс, 1913.

Бедный Д. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 19. М. – Л.: Гос. изд-во, 1925 – 1933.

Бибик А. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 6. М.: Недра, 1928 – 1929.

Булгарин Ф. Полное собрание сочинений *Фаддея Булгарина*. Новое, сжатое (компактное) изд., испр. и умнож. Т. 1 – 7. СПб.: тип. Н. Греча – тип. К. Жернакова, 1839 – 1844.

Булычев К. (Можейко И.) [Полное собрание сочинений. Серия А: «Взрослая фантастика». Т. 1 – 15. Серия Б: «Детская фантастика». Т. 1 – 12. Ист. серия. Т. 1 – 5]. М.: Хронос, 1993 – 1999.

---

[214] Там же.

Бунин И. Полное собрание сочинений *И.А. Бунина*. Т. 1 – 6. Пг.: А.Ф. Маркс, 1915.

Вересаев В. Полное собрание сочинений *В.В. Вересаева*. Т. 1 – 4. СПб.: А.Ф. Маркс, 1913 (др. изд. – Т. 1 – 12. М.: Недра, 1928 – 1929; переизд. в 1929 – 1931 гг. в 16 т.).

Вовчок М. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 7. Саратов: кн. маг. «Саратовского дневника», 1896 – 1899.

Вяземский П. Полное собрание сочинений князя *П.А. Вяземского*. Т. 1 – 12. СПб.: граф С.Д. Шереметев, 1878 – 1896 (издано после смерти, но подготовлено при участии автора и с его позднейшими приписками и ранее опубликованной статьей).

Гарин(-Михайловский) Н. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 9. СПб.: Знание, 1903 – 1910. Т. 10 – 17, 19. СПб. – М.: Освобождение, 1913 – 1914 (изд. подготовлено и начало выходить при жизни автора).

Головин (Орловский) К. Полное собрание сочинений. [Т. 1 – 12.] СПб.: А.Ф. Маркс, 1902 – 1903.

Гончаров И. Полное собрание сочинений *И.А. Гончарова*. Т. 1 – 8. СПб.: Глазунов, 1884 (2-е изд. – Т. 1 – 9. СПб.: Глазунов, 1886 – 1889).

Горький М. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 6. Пг.: А.Ф. Маркс, 1917 – 1918.

Григорович Д. Полное собрание сочинений *Дм. Вас. Григоровича*. Т. 1 – 11. СПб.: Н.Г. Мартынов, 1884 – 1889 (2-е изд. Т. 1 – 10. СПб.: Н.Г. Мартынов, 1889 – 1890; 3-е изд., вновь пересм. и испр. авт. Т. 1 – 12. СПб.: А.Ф. Маркс, 1896).

Грин А. Полное собрание сочинений *А.С. Грина.* Т. 2, 5, 6, 8, 11 – 14. Л.: Мысль, 1927 – 1929.

Гусев-Оренбургский С. [Полное собрание сочинений]. Т. 1 – 16. Пг. – М.: Жизнь и знание, 1913 – 1918 (на тит. л. только загл. тома).

Достоевский Ф. Полное собрание сочинений *Ф.М. Достоевского*. Вновь просмотр. и доп. самим автором изд. Т. 1 – 4. СПб.: Ф. Стелловский, 1865 – 1870 (загл. на обл.: Сочинения *Ф.М. Достоевского*).

Жадовский П. Полное собрание сочинений *П.В. Жадовского*. Т. 1. СПб.: И.А. Сытенский, 1886.

Жандр Н. Полное собрание сочинений *Н.П. Жандра*. Т. 1 – 2. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1888.

Залозецкий В. Полное собрание сочинений *В.Д. Залозецкого*. Т. 1. Львов.: Г.А. и А.А. Полянские, 1907.

Каразин Н. Полное собрание сочинений *Н.Н. Каразина*. Т. 1 – 20. СПб.: П.П. Сойкин, [1904] – 1905.

Короленко В. Полное собрание сочинений *В.Г. Короленко*. Т. 1 – 9. СПб. – Пг.: А.Ф. Маркс, 1914.

Куприн А. Полное собрание сочинений *А.И. Куприна*. Т. 1 – 9. СПб. – Пг.: А.Ф. Маркс, 1912 – 1915.

Майков А. Полное собрание сочинений *А.Н. Майкова*. Изд. 4-е, испр. и доп. автором. Т. 1 – 3. СПб.: А.Ф. Маркс, 1884 (5-е изд., испр. и доп. автором. – Т. 1 – 3. СПб.: А.Ф. Маркс, 1888. В 3 т. на обл. 1889; 6-е изд., испр. и доп. автором. – Т. 1 – 3. СПб.: А.Ф. Маркс, 1893).

Мережковский Д. Полное собрание сочинений *Д.С. Мережковского*. Т. 1 – 17. СПб. – М.: М.О. Вольф, 1911 – 1913 (др. изд. – Т. 1 – 24. М.: И.Д. Сытин, 1914).

Мордовцев Д. Первое полное собрание сочинений *Даниила Лукича Мордовцева*. СПб.: И.П. Перевозников, 1901 – 1911 (изд. начало выходить при жизни автора; на тит. л. 1 – 5 т. загл.: Собрание сочинений *Д.Л. Мордовцева*; на обл.: Первое полное собрание сочинений *Даниила Лукича Мордовцева*; загл. 6 т.: Полное собрание сочинений *Даниила Лукича Мордовцева*; загл. 8 т.: Первое полное собрание сочинений *Даниила Лукича Мордовцева*; загл. 9 – 12 т.: Первое полное [удешевл.] собрание сочинений *Даниила Лукича Мордовцева*; загл. 13 – 15, 41 т.: Первое полное [удешевл.] собрание сочинений *Даниила Лукича*

Мордовцева; загл. 16 – 18, 42, 43, 51 – 53 т.: Первое полное [удешевл.] собрание сочинений *Даниила Лукича Мордовцева*; загл. 44 – 46 т.: [Первое посмертное удешевл.] Полное собрание сочинений *Даниила Лукича Мордовцева*. Каждый том имеет индивид. загл.).

Островский А. Полное собрание сочинений *А.Н. Островского*. Т. 1 – 8. СПб.: Н.Г. Мартынов, 1885 (см. также: Полное собрание сочинений *А.Н. Островского*. Драматические переводы. Т. 1 – 2. СПб.: Н.Г. Мартынов, 1886).

Подъячев С. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 11. М. – Л.: Земля и фабрика, [1927] – 1930.

Полонский Я. Полное собрание сочинений *Я.П. Полонского*. Т. 1 – 10. СПб.: Ж.А. Полонская, 1885 – 1886.

Прутков К. Полное собрание сочинений *Козьмы Пруткова*. СПб.: Алексей и Владимир Михайловичи Жемчужниковы, 1884 (2-е изд. – то же, 1885; 3-е изд. – то же, 1893; 4-е изд. – то же, 1894; 5-е изд. – то же, 1897; 6-е изд. – то же, 1898; 7-е изд. – то же, 1899; 8-е изд. – то же, 1900; 9-е изд. – то же, 1903). Особый случай, т.к. под псевдонимом скрывалось несколько авторов: П.П. Ершов (ум. 1869), А.К. Толстой (ум. 1875), В.М. Жемчужников (ум. 1884), Александр М. Жемчужников (ум. 1896), Алексей М. Жемчужников (ум. 1908).

Романов П. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 12. М.: Недра, 1928 (2-е изд. – М.: Недра, 1929 – 1930. Из 9 т. изъято «Право на жизнь, или Проблема беспартийности»).

Свирский А. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 10. М. – Л.: Земля и фабрика, [1928] – 1930 (до этого начало выходить изд.: Полное собрание сочинений *А.И. Свирского*. Т. 1. М.: М.Н. Прокопович, [1904]).

Серафимович А. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 15. М. – Л.: Гос. изд-во, 1928 – 1930 (др. изд. – Т. 1 – 11. М.: Федерация – Сов. лит-ра, 1931 – 1933. До этого начало выходить изд.: **Серафимович А.** Полное собрание сочинений. Т. 2, 3, 4, 8. М.: Коммунист, 1919. На тит. л. только загл. тома).

Сергеев-Ценский С. Полное собрание сочинений *С.Н. Сергеева-Ценского*. Т. 1 – 8. Л.: Мысль, 1928 (на тит. л. только загл. тома).

Скиталец С. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 6. СПб.: Знание, 1902 – 1912 (в 1 – 5 т. 1-го изд. общ. загл. отсутствует; в 4 т. 1-го изд. вых. дан.: СПб.: Общественная польза; в 5 – 6 т.: СПб. – М.: Освобождение; др. изд. – Т. 1 – 8. Пг. – М.: Жизнь и знание – Коммунист, 1916 – 1919. На тит. л. только загл. тома).

Соколов И. Полное собрание сочинений. Издание не посмертное. Т. 1. М.: [б. и.], [1919] (И. Соколов на протяжении трех лет – с 1919 по 1921 год – издал девять брошюр стихов и статей, одна из которых называлась «Полное собрание сочинений» и содержала вместо нумерации страниц буквы русского алфавита от «А» до «М»).

Соловьев Вс. Сочинения *Всеволода Сергеевича Соловьева*. Т. 1 – 7. СПб.: тип. т-ва «Общественная польза», 1887 (загл. на обл.: Полное собрание сочинений *Всеволода Соловьева*).

Фруг С. Полное собрание сочинений *С.Г. Фруга*. Т. 1 – 6. СПб.: Журн. «Еврейская жизнь», [1904] (6-е изд., значит. доп. – Т. 1 – 3. Одесса: Шерман, 1913).

Чехов А. Сочинения *А.П. Чехова*. [Т. 1 – 10.] СПб.: А.Ф. Маркс, [1899 – 1901] (загл. на обл.: **Чехов Ант.** Полное собрание сочинений. 2-е изд. – Т. 1 – 23. СПб.: А.Ф. Маркс, 1903 – 1916. Изд. подготовлено и начало выходить при жизни автора).

Шеллер-Михайлов А. Полное собрание сочинений *А.К. Шеллера (А. Михайлова)*. Т. 1 – 15. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1894 – 1895.

Шишков В. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 12. М. – Л.: Земля и фабрика, [1926] – 1929 (2-е изд. – Т. 1 – 5, 7 – 9. М. – Л.: Земля и фабрика, [1927] – 1929; из 2 т. исключен рассказ «Гроб», в 9 т. добавлена пьеса «Грамотеи»).

Эренбург И. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 4, 6 – 8. М. – Л.: Земля и фабрика, [1927 – 1928].

Южин (Сумбатов) А. Полное собрание сочинений кн. *А.И. Сумбатова*. Т. 1 – 4. М.: А.В. Думнов, 1900 [на обл. 1901] – 1909 (2-е изд. – Т. 1 – 4. М.: С.Ф. Рассохин, [1910]).

Юшкевич С. [Полное собрание сочинений]. Т. 1 – 14. СПб. – Пг.: Жизнь и знание, 1914 – 1918 (на тит. л. только частное загл. тома).

Яковлев А. Полное собрание сочинений. Т. 1 – 7. М. – Л.: Земля и фабрика, [1928] – 1929 (2-е изд. – Т. 6 – 7. М. – Л.: Земля и фабрика, 1931).

Из выделенных нами групп ППСС (выпускавшихся по инициативе издателя / писателя, в авторской / неавторской редакции, завершенных / незавершенных, переиздававшихся / не переиздававшихся) наибольший исследовательский интерес представляют те, которые были составлены и отредактированы самим автором (либо при его непосредственном участии), завершенные и переиздававшиеся. Несмотря на отмеченные недостатки (относительность полноты, слабость текстологической подготовки, ошибки, опечатки и адресованность в первую очередь массовому читателю)[215], такие издания сами по себе ценны, поскольку отражают авторскую волю (а в случае переиздания – ее изменчивость) и оценку собственного наследия (как минимум – через отбор и расположение текстов). Как правило, они не являются эквивалентом всего (с некоторыми оговорками) написанного автором на данный исторический момент и не совпадают с тем, что принято называть «творческим наследием» писателя. Без тщательного изучения подобных изданий невозможно достичь глубокого понимания личности автора, его творчества и, наконец, подготовить академическое полное собрание сочинений. К сожалению, литературоведы недостаточно внимания уделяют исследованию работы писателей над подготовкой полных собраний своих сочинений, не рассматривают на теоретико-литературном уровне смежную проблему соотношения авторских и редакторских составляющих творческого процесса.

[215] «Читая Чехова, – возмущался К.И. Чуковский в связи с выходом полного собрания сочинений писателя, которое начиналось как прижизненное, – я заметил в издании “Нивы” множество опечаток – ужаснейших» (*Чуковский К.И.* Собр. соч. В 15 т. Т. 14. М., 2008. С. 341).

«Между тем, – по справедливому утверждению Е.Н. Коншиной, – эта работа представляет собою один из важнейших процессов творческой лаборатории писателя, так как является последней стадией, завершающей внутреннее оформление автором своих книг, направляемых читателям, – процесс очень ответственный, если писатель относится вдумчиво и требовательно к своему творчеству и к своему общению с читателем и если сборником и особенно собранием сочинений он хочет договорить читателю то, чего не мог сказать отдельными произведениями»[216]. Следовательно, нам предстоит ответить на вопрос о принципах научного рассмотрения ППСС русских писателей.

[216] *Коншина Е.Н.* Чехов-редактор (работа Чехова над составлением сборников и собраний своих произведений) // Книга: Исследования и материалы. Сб. 10. М., 1965. С. 84.

ГЛАВА II. ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ПРИЖИЗНЕННОГО ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

§ 1. Общие замечания

Изучение ППСС русских писателей целесообразно вести с позиций текстологии, истории литературы и интерпретирующей поэтики. В данном случае мы исходим из трех феноменов в составе изучения литературного произведения, выделенных В.Е. Хализевым: «Это, во-первых, рассмотрение текстов как некой эмпирической данности, нередко требующее напряженной исследовательской работы (*текстология*). Во-вторых, это проблемно-систематизирующее изучение художественной формы, т.е. ее описание и анализ на основе данных *теоретической поэтики.* И, наконец, в-третьих, это смыслопостижение, т.е. *интерпретация*. Опираясь на терминологию М. Верли, суммируем сказанное об аспектах познания литературы: во-первых, это *текстовая филология* (Textphilologie); во-вторых, это *интерпретирующая поэтика* (Interpretierende Poetik), слагающаяся, в свою очередь, из описательно-аналитических процедур и интерпретаций как таковых; в-третьих, это *история литературы*»[217].

§ 2. Текстологический подход

При текстологическом подходе общие принципы изучения истории текста применяются под специфическим для ППСС углом зрения. В этой связи уместно напомнить слова Д.С. Лихачева о том, что «текстологов вообще» не существует и не может существовать: «Каждый текстолог связан со своим материалом, над которым он работает, и в известной мере связан этим материалом. Отвлекаясь от своей практической работы и пускаясь в область текстологии, текстолог продолжает находиться во власти материала своей

[217] *Хализев В.Е.* О составе литературоведения и специфике его методологии // Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс). М., 2001. С. 10 – 11.

узкой специальности, он рассматривает различные “казусы” из своей области»[218]. Очевидно, что текстологическое рассмотрение ППСС должно предшествовать двум другим этапам литературоведческой деятельности, поскольку именно оно создает прочный научный фундамент. А специфический угол зрения – это необходимость разбирать ППСС на «макротекстологическом» уровне, который, к сожалению, еще недостаточно хорошо разработан. Задачи «макротекстологии» как особого текстологического метода сформулировал Д.С. Лихачев. Применительно к печатным текстам нового времени они «состоят в изучении влияния на текст произведения включения его в какой-то большой сборник: в состав собрания сочинений, альманаха, серии и пр. Это включение может производиться самим автором, выбирающим и приспосабливающим текст для этого нового, более обширного издания, или редактором, выбирающим текст из нескольких авторских. Отношение автора при этом к своему тексту бывает более свободным и творческим, отношение же редактора более скованным (принцип следования издателем “авторской воле” играет в этом случае, хотя и не всегда, более или менее положительную роль)»[219]. Вне «макротекстологического» рассмотрения ППСС как сложного целого остается изучение истории каждого отдельного текста. Следовательно, за скобки выносится существенная часть работы по установлению текста: анализ всех разночтений, ошибок, цензурной истории, а также восстановление того, что современными учеными именуется «текстовым ореолом»[220] литературного произведения. Вот почему «макротекстология» является только частью текстологии и не имеет, по утверждению Лихачева, права на окончательные выводы: «Поэтому и термин этот может употребляться только

[218] *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк. М., 2006. С. 5.
[219] *Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А. и Боброва А.Г.* Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.). СПб., 2001. С. 277.
[220] «В текстовом ореоле могут закрепляться не только тексты, появившиеся в печати при жизни автора или относящиеся к беловым рукописям с малым числом поправок, но и текстологически вторичные фрагменты, то есть черновые тексты или тексты, отвергнутые автором и не пропущенные в печать. При этом текстологически вторичные фрагменты могут быть весьма важны как по эстетическим достоинствам, так и по их значимости для истории культуры» (*Пильщиков И.А., Перцов Н.В.* О лингвистических аспектах текстологии // Вопр. языкоз. М., 2011. № 5. С. 8 – 9).

условно. Чтобы подчеркнуть эту условность, приходится брать его в кавычки»[221]. Однако сам по себе «макротекстологический» подход научно значим и необходим. Осмелимся предположить, что в разговоре о ППСС как большой форме ему следует отвести ключевую роль.

Что касается общих текстологических задач, стоящих перед исследователем ППСС, то первой из них будет типологическая характеристика изучаемого издания, которая, как правило, опирается на внешние признаки и может носить сравнительный характер (если речь, к примеру, идет о нескольких ППСС одного автора). Во-вторых, необходимо тщательно проанализировать состав издания и оценить степень его полноты, которая, по словам специалистов, «всегда относительна, ограничена целевым назначением самого вида, т.е. может колебаться лишь от минимально необходимой (с точки зрения целевого назначения вида) до исчерпывающей, не достигая, однако, уровня абсолюта»[222]. В данном случае от ученого потребуется выявление произведений, опубликованных ранее, но не вошедших в ППСС. Задача может осложняться отсутствием полной научной библиографии того или иного автора. Вопрос о мотивах, по которым тексты не были включены, не должен игнорироваться. Однако вероятно, что ответ на него будет получен на следующих этапах работы, когда, по мнению Г.О. Винокура, удастся «выяснить, действительно ли художественные основания, а не какие-либо иные, для поэзии посторонние, определяют собою тот состав собрания сочинений, который дан самим автором. И здесь, таким образом, речь идет не о “воле автора” как механическом принципе, а о художественной критике, направленной на цельный контекст литературного наследства изучаемого писателя»[223]. Несмотря на то что ППСС вторичны по своей природе, складываются после создания составляющих их произведений, некоторые

[221] *Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А. и Боброва А.Г.* Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.). СПб., 2001. С. 276 – 277.
[222] *Омилянчук С.П.* Проблемы типологии собраний сочинений // Книга: Исследования и материалы. Сб. 18. М., 1969. С. 34.
[223] *Винокур Г.О.* Критика поэтического текста // *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы. М., 2006. С. 137.

тексты, включенные в собрание, могут публиковаться впервые, и это должно быть отмечено литературоведом.

Далее внимание исследователя акцентируется на композиции ППСС, которые представляют собой не только текстовый, но и книжный ансамбль. «Не будет преувеличением сказать, – пишет В.Н. Ляхов, – что композиция – это понятие, в котором как в фокусе сходятся многие интересы книжного искусства, пересекаются различные творческие тенденции, концентрируются важнейшие методические и теоретические идеи. Причина этого – единодушное признание за композицией права служить средством достижения целостности в книге, пресловутого “единства книжного организма”»[224]. Искусствовед вычленяет три композиционные системы: литературную (заложена в произведении), архитектоническую (вырастает на основе конструктивной организации книги), изобразительную (иллюстрации и украшения)[225]. Признавая наличие этих систем, Ю.Я. Герчук делает существенное уточнение: «Между этими основными элементами книжной структуры возникают два вида художественных взаимоотношений – внешние, пространственные, образующие формальную организацию книги, строящие ее архитектуру, и внутренние, смысловые, делающие эту структуру средством воплощения, раскрытия, интерпретации литературного содержания текста»[226]. Можно сказать, что речь сейчас пойдет об «архитектуре» ППСС, внешних связях между произведениями.

Еще в XIX веке на практике сложилось два основных подхода к расположению текстов в составе собраний сочинений: хронологический и жанровый. «При этом, – пишет Е.И. Прохоров, – следует заметить, что издательское понятие “жанра” не соответствует литературоведческому и по традиции в издательской практике установились следующие основные “жанровые” отделы: “стихотворения”, “поэмы”, “проза” (отдельно –

[224] *Ляхов В.Н.* Искусство книги. М., 1978. С. 137.
[225] Там же. С. 142.
[226] *Герчук Ю.* Художественная структура книги. М., 1984. С. 9.

художественная, критико-публицистическая и научная), “драматические произведения”, “письма”»[227]. Возможно, к этому списку «укрупненных» до видов литературного творчества жанров правомерно добавить отдел «переводы». Отталкиваясь от конкретных изданий, текстологи сформулировали несколько принципов расположения произведений: 1) хронологический (считается, что следование ему позволяет увидеть творческое развитие писателя); 2) систематический (по жанрам и циклам); 3) тематический (обычно применяется в изданиях массовых, выпускаемых для детей и созданных в учебных целях); 4) синтетический (жанрово-хронологический: по жанрам с расположением произведений внутри жанровой группы по хронологии, или хронологически-жанровый: по хронологии с подбором в пределах одного периода одинаковых по жанру произведений). Каждый из этих принципов имеет свои достоинства и недостатки, при этом литературоведу не следует ограничиваться констатацией. В перспективе изучения ППСС нужно объяснить установленный автором или редактором издания композиционный принцип[228]. Еще одна задача, стоящая перед исследователем ППСС с текстологической точки зрения, – охарактеризовать научно-справочный аппарат, который в минимальном виде может присутствовать не только в научно-массовых, но и массовых изданиях[229]. К научно-справочному аппарату ППСС относятся неавторские статьи критико-биографического характера, вспомогательные

---

[227] *Прохоров Е.И.* Текстология: Принципы издания классической литературы. М., 1966. С. 215.

[228] Согласимся с Н.Н. Зубковым: “Кроме процессов, происходящих при составлении любой книги, тут появляются еще два обстоятельства. Если, во-первых, в тексте, задуманном и представленном как единый, авторское отношение к нему может быть манифестировано в самом тексте и только в нем (через иронию, автополемику и проч.), то здесь оно может получить внетекстовую (книжную) материализацию. Во-вторых, если сборник складывается в течение длительного времени, возникает противоречие между динамикой его становления и статикой его тематической композиции – как желательной для автора, так и воспринимаемой в осмыслениях, от автора не зависящих. Поэтому выберет ли сочинитель хронологическое или тематическое построение сборника, он неизбежно усилит одно в ущерб другому» (*Зубков Н.Н.* Смысл и книга // Теория литературы. Т. II. Произведение. М., 2011. С. 114).

[229] О научно-справочном аппарате в посмертных и академических (или критических, согласно западной традиции) изданиях см.: *Барыкин В.Е.* Справочный аппарат изданий художественной литературы. М., 1978; *Быстрова О.* Справочный аппарат Полного собрания сочинений *(На материале Собрания писем М. Горького)* // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 690 – 697. Отдельная тема, редко привлекающая внимание исследователей, – история примечаний. В основном ей занимаются на материале посмертных, а не прижизненных изданий (см.: *Чернец Л.В.* Комедия А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся!» в зеркале примечаний // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Вып. IV. Иваново, 2013. С. 18 – 26).

указатели, комментарии. «Выбор типа комментария, – пишет Д.С. Лихачев, – зависит в первую очередь от характера произведения, нуждающегося в том или ином типе пояснений, и во вторую очередь – от типа издания, от целей, для которых оно предназначено»[230]. Говоря о комментарии вообще, Б.В. Томашевский выделял следующие рубрики: 1) историко-текстовый и библиографический; 2) редакционно-издательский, мотивирующий выбор текста; 3) историко-литературный; 4) критический; 5) лингвистический; 6) литературный (поэтика произведения); 7) «реальный», или исторический[231]. Лихачев предлагает менее дробную классификацию, называя комментарии текстологические, языковые, историко-литературные, реальные (биографические, исторические и пр.) и отмечая, что «в целях удобства пользования отдельные типы комментариев могут соединяться (например языковой и реальный; в этом случае сперва помещаются языковые комментарии, а за ними реальные)»[232]. Очевидно, что некоторые указанные Томашевским и Лихачевым виды на должном уровне могут быть реализованы только в научных и академических изданиях. Если же говорить о ППСС, которые носят массовый или научно-массовый характер, то в них научно-справочный аппарат либо совсем отсутствует, либо представлен в минимальном виде и в каждом случае индивидуален по своему составу. Что может в него входить?

Прежде всего распространены неавторские статьи критико-биографического характера. Ими снабжены ППСС Д.С. Мережковского (в I томе вольфовского издания помещена статья М. Лятского «Дмитрий Сергеевич Мережковский»), С.П. Подъячева (в I томе опубликованы очерки М. Горького «Семен Подъячев», И. Касаткина «На родине Подъячева», И. Кубикова «Творчество С.П. Подъячева»), А.И. Свирского (I том зифовского издания открывает статья И. Кубикова «А.И. Свирский»), А.С. Серафимовича (II том

[230] *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк. М., 2006. С. 155.
[231] *Томашевский Б.* Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928. С. 198.
[232] *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк. М., 2006. С. 154 – 155.

гизовского издания начинается с текстов Г. Нерадова «Жизнь и творчество А.С. Серафимовича», по техническим причинам не вошедшего в I том, и «На газетном посту», написанного для II тома; вступительным очерком Г. Нерадова «Художник Октября» открывается XIII том, а к томам VII и XIV идут статьи А. Зонина «О романе “Город в степи”» и «Корреспондент революции»), В.Я. Шишкова (литературно-критическая статья П. Медведева и тексты «От Издательства» в некоторых томах), И.Г. Эренбурга (литературно-критический очерк Л. Авербаха и вступительные статьи без подписей к отдельным томам), А.С. Яковлева (в I томе – очерк И. Кубикова «Александр Яковлев»). Полное собрание сочинений А.П. Чехова, подготовленное и начавшее выходить при жизни автора, сопровождается статьями А. Измайлова «Первые шаги “Антоши Чехонте”» и «А.П. Чехов» в 22-м томе. В ППСС Д. Бедного включено несколько подобных текстов: вступительная статья Л. Сосновского к I тому, очерк А. Ефремина «Несколько замечаний о стиле Д. Бедного» в начале XI тома и его же заключительные статьи к XIV и XV томам, а также статья «Поэзия Демьяна Бедного» в конце X тома. К неавторским текстам критико-биографического характера примыкают редакторские (издательские) предисловия и послесловия. В XVI томе того же ППСС Д. Бедного стоит послесловие А. Ефремина.

Информация, содержащаяся в таких текстах, довольно разнопланова, поэтому остановимся на конкретных примерах. В предисловии к ППСС М. Вовчка называются причины издания. Первая: «…многие читают и ценят нашего автора; но мы осмеливаемся думать, что немногие знают его вполне, немногие прочитали все его произведения, с первого до последнего, и потому немногие могут составить себе совершенно ясный отчет об общем смысле и направлении его деятельности, о типических особенностях его таланта и об его значении в нашей литературе»[233]. Иначе говоря, издатель руководствуется интересами читателя. Однако далее узнаем: «Есть еще одна, более важная

[233] Предисловие к первому изданию // *Вовчок М.* ПСС. Т. 1. Саратов, 1896.

причина, по которой мы можем считать наше нынешнее издание далеко не излишним. Многие повести, написанные Марком Вовчком на малороссийском языке, переводились и печатались во время отсутствия автора. Перевод, не просмотренный автором, часто оказывался далеко не точным; эти неточности иногда извращали основной смысл рассказа и набрасывали на него такой колорит, который совершенно не соответствовал намерениям и желаниям автора»[234]. Кроме того: «…различные обстоятельства места и времени, различные соображения редакций и других лиц, более или менее чуждые действительным интересам литературы и общества, вели за собою сокращения, искажения и тех рассказов, которые до сих пор известны читателям»[235]. Как видно, главная причина издания ППСС – устранение всяческих искажений и восстановление авторской воли. «Все издание, – говорят нам, – с первой страницы до последней, тщательно пересмотрено, выправлено и дополнено автором. Мысль автора выразилась теперь во всей своей чистоте и полноте, именно так, как хотел и умел выразить ее сам автор»[236]. В предисловии оговаривается строгий хронологический порядок внутри каждого тома и намечается план издания, который в итоге не был соблюден, и это несоответствие замысла и результата может стать отдельной темой исследования. Похожим предисловием (без названия) снабжено полное собрание сочинений П.А. Вяземского, из которого мы узнаем о степени участия автора в подготовке издания. Учитывая его труднодоступность, приведем текст целиком: «Главным пособием при собрании прозаических сочинений князя Петра Андреевича Вяземского послужил библиографический труд С.И. Пономарева: *Материалы для полного издания сочинений Князя П.А. Вяземского, в память шестидесятилетия его литературной деятельности 1808 – 1868*. Список прозаических сочинений покойного князя Петра Андреевича составляет вторую часть этого труда.

---

[234] Там же.
[235] Там же.
[236] Там же.

По указанию этого списка, из наших старых журналов извлечены все статьи князя Вяземского, которые затем пересмотрены были в Гомбурге самим автором и снабжены его замечаниями. Автобиографическое введение, которым начинается это издание, доставлено в Петербург весною нынешнего года. К участию в настоящем издании князь Петр Андреевич письменно пригласил: Я.К. Грота, А.Ф. Бычкова, покойного А.В. Никитенко и Н.П. Барсукова, причем последнего назначил, по собственному его выражению, “особенным душеприкащиком и издателем своего домочадства”»[237]. В предисловиях к III и IX томам этого издания обозначаются источники публикуемых материалов и порядок их расположения. Таким образом, данные предисловия частично выполняют функцию текстологического комментария. Издательским предисловием, оговаривающим хронологический порядок расположения лирических стихотворений, открывается I том ППСС Я.П. Полонского. Особый случай – полное собрание сочинений Козьмы Пруткова, которое только условно можно назвать прижизненным (ибо литературная маска не является реальным автором) и в котором довольно условный научно-справочный аппарат, поскольку тексты «От издателей» и «Биографические сведения о Козьме Пруткове» принадлежат самим создателям литературной маски. Причина, подтолкнувшая издателей к выпуску полного собрания сочинений, – протест против злоупотребления именем Козьмы Пруткова и предостережение публики от обмана: *«Во время приготовления к изданию настоящего полного собрания сочинений Козьмы Пруткова, до издателей дошел слух: 1) что в публике ходят по рукам рукописные, пасквильные и неприличные стихотворения, подписанные именем Козьмы Пруткова; и 2) что в журнале “Век” продолжается печатание статей, подписанных подложно этим же именем»*[238]. В «Биографических сведениях о Козьме Пруткове» *«перечислены те произведения Козьмы Пруткова, которые, принадлежа ему, не вошли в это*

[237] [Предисловие] // *Вяземский П.А.* ПСС. Т. 1. СПб., 1878.
[238] От издателей // *Прутков К.* ПСС. СПб., 1884. С. I.

собрание его сочинений, по соображениям издателей»[239], указаны источники биографических сведений и приведены сами сведения, наконец, раскрыты создатели литературной личности Козьмы Пруткова.

Несмотря на то что критико-биографические статьи могут выполнять функцию историко-литературного комментария, в ППСС нередко находятся собственно комментарии (примечания) как самостоятельная часть научно-справочного аппарата. Пример тому – ППСС Д. Бедного, П.А. Вяземского, Д.С. Мережковского (сытинское издание), С.П. Подъячева, Я.П. Полонского, А.С. Серафимовича. В них встречаются различные по качеству и полноте текстологические, языковые, историко-литературные и реальные комментарии. Некоторые, скажем прямо, далеки от беспристрастности. Вот что написано в примечаниях к стихотворению Д. Бедного «У могилы Тараса Шевченко»: «Царизм не только при жизни тиранил великого народного певца-революционера Тараса Шевченко, но и над мертвым не прекращали глумления. Запрещались какие-либо чествования памяти Шевченко на могиле. Там ставились полицейские, чтобы не допустить произнесения речей о Шевченке. Черносотенные газеты пытались уверить, что народные массы забыли Шевченко и равнодушны к его могиле. На это и дает ответ таким людям-свиньям настоящая басня»[240]. Но не стоит думать, что приведенный пример отражает сугубо советский подход к пропаганде. Функционально (не содержательно!) подобные комментарии приближаются к редакционно-издательским текстам в книгах символистов, которые (конечно, не в столь вульгарной форме) «служили наиболее выразительным средством пропаганды их философско-эстетических взглядов, их творчества, орудием литературной полемики»[241]. Как правило, комментарии в ППСС невелики, хотя бывают исключения. В частности – XIII том ППСС А.С. Серафимовича (гизовское издание), в котором комментарии к «Железному потоку» вбирают в себя

[239] Там же. С. I – II.
[240] *Бедный Д.* ПСС. Т. 1. М.; Л., 1925. С. 312.
[241] *Толстых Г.А.* Книготворческие взгляды русских поэтов-символистов // Книга: Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994. С. 215.

высказывания автора (по материалам беседы Г. Нерадова с Серафимовичем), критический обзор (отрывки из отзывов литературной критики, отзывы рабочих и ответы на них, переписка тов. Ковтюха с французским рабочим), характеристику Ковтюха, письма участников похода, примечания к тексту произведения, варианты и разночтения, перечень изданий романа, библиографию работ о нем.

Зачастую библиографический комментарий представлен указателями произведений и литературы о произведениях того или иного автора. Яркий пример – ППСС Д.С. Мережковского (сытинское издание), в котором, помимо перечня переводов публикуемых в отдельных томах произведений и рецензий на них, в последнем XXIV томе приведен «Хронологический указатель произведений и литературы о произведениях Д.С. Мережковского». Помимо библиографических, в ППСС можно найти указатели иного рода. Так, в XIII томе ППСС Д. Бедного помещен алфавитный указатель ко всем тринадцати томам (при этом в последнем XIX томе общий указатель отсутствует). За VIII – IX томами ППСС П.А. Вяземского следует «Азбучный указатель собственных имен», а в XII томе расположен алфавитный указатель к стихотворениям 1808 – 1877 годов. Алфавитные указатели произведений ко всем томам присутствуют в ППСС В.Г. Короленко, Д.С. Мережковского (сытинское издание), Я.П. Полонского. Аналогичный указатель к восьми томам из девяти сделан для ППСС А.И. Куприна. В ряду указателей стоит хронологическая канва жизни и творчества В.В. Вересаева (см. I том ППСС, выпущенного издательским товариществом «Недра»).

Особым видом справочной информации можно считать и другие приложения. К примеру, в каждом томе второго издания и четвертом – первого ППСС А.И. Сумбатова (Южина) читатель находит список с указанием времени постановки опубликованных пьес в Московском и Петербургском Императорских театрах, а также перечень с именами исполнителей главных ролей. Иногда к ППСС прикладывается список замеченных опечаток (например

ППСС П.А. Вяземского или Я.П. Полонского) и объявления, оповещающие об изменениях издательского плана. Так, в IX томе ППСС В.Г. Короленко читаем: «По независящим от автора и редакции обстоятельствам, не включены в “Полное собрание сочинений” следующие произведения: “Черты военного правосудия”, “Дело Глускера”, “Бытовое явление”, “О свободе печати” и “Судебная речь В.Г. Короленко”»[242]. Другой случай – вклейка во II томе 6-го издания ППСС С.Г. Фруга: «Стихотворения “Из Легенд Рая” не могли быть помещены во II томе по непредвиденным обстоятельствам и войдут поэтому в III том»[243]. Такие тексты оказывают помощь при изучении творческих и нетворческих составляющих воли автора (редактора или издателя).

§ 3. Историко-литературный подход

Исследование научно-справочного аппарата выводит нас к рассмотрению ППСС с точки зрения истории литературы. Оба подхода – текстологический и историко-литературный – важны в равной степени. Изучение истории текста, по мнению Лихачева, «не может подменить собой историко-литературного изучения памятника, и вместе с тем оно требует почти полного привлечения всех историко-литературных данных»[244]. Более того, говоря о теоретических задачах современной текстологии, М. Эспань доказывает, что изучение текста даже в его наиболее технических аспектах оказывается историческим расследованием. «Этот историзм, – читаем мы, – проявляется одновременно в нескольких областях:

– в области последовательно сменяющих друг друга изданий, вызывающих те или иные отклики у читателей (история восприятия);

– в неизбежном соотношении семантики произведения с тем конкретным историческим контекстом, в котором произведение возникло;

---

[242] *Короленко В.Г.* ПСС. Т. 9. Пг., 1914. С. 427.
[243] *Фруг С.Г.* ПСС. Т. 2. Одесса, 1913.
[244] *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк. М., 2006. С. 11.

– в области, которую условно можно было бы обозначить как биографический путь автора, насыщенный встречами, чтением, переговорами с издателями, внешними импульсами, в результате которых произведение увидело свет;
– наконец, в черновиках и беловиках, на разных уровнях письма и правки, что, собственно, и составляет непосредственную *историю текста*»[245].

Из этого следует, что черта, разделяющая текстологию и историю литературы, представляет, скорее, пунктирную линию. «В настоящее время, – доказывает А.М. Ушаков на примере подготовки полного академического собрания сочинений В.В. Маяковского, – как никогда раньше, становится очевидным, что без основательного "погружения" в текстологию того или иного писателя невозможно успешно продвигаться вперед в изучении истории русской литературы XX века. С другой стороны, без современного взгляда на исторический опыт литературы, без учета всей сложности тенденций, действующих в литературном процессе, всей противоречивости обстоятельств и идей, стимулирующих творческую работу писателей, без всего этого нельзя в полной мере понять текстологию того или иного художника слова. Иными словами, без тесной взаимосвязи этих двух областей филологической науки и вместе с тем без решительного и значительного продвижения исследовательской мысли вперед на обоих этих направлениях литературоведение в наши дни не может существовать как подлинно научная дисциплина»[246].

Главной точкой сближения текстологического и историко-литературного подходов является принцип контекста. «Под контекстом, – полагает А.Л. Гришунин, – следует понимать не только ближайшее окружение данного текста, но – гораздо шире – контекст всего творчества писателя: контекст

---

[245] *Эспань М.* О некоторых теоретических задачах современной текстологии // Современная текстология: теория и практика. М., 1997. С. 8.
[246] *Ушаков А.М.* История русской литературы XX века и современная текстология (из опыта подготовки полного академического собрания сочинений В.В. Маяковского) // Современная текстология: теория и практика. М., 1997. С. 87.

литературы, литературного процесса, идеологии, эпохи в целом»[247]. О важности принципа контекста для филологической критики текста говорили также В.В. Виноградов и Л.В. Щерба. По словам Гришунина, принцип контекста открывает возможность «суждения по аналогии»[248]. Но поскольку аналогия может трактоваться безмерно широко, Лихачев использовал понятие «литературный конвой».

Таким образом, историко-литературное изучение ППСС предполагает решение нескольких задач. Во-первых, следует выяснить причины, побудившие автора или издателя к выпуску ППСС, а также исследовать процесс подготовки такого издания. Во-вторых, необходимо вписать рассматриваемое ППСС в контекст, определив его место в творчестве автора, литературном процессе и даже эпохе, поскольку, по верному замечанию С.П. Омилянчука, собрания сочинений можно рассматривать «в качестве своего рода памятников национальной культуры, объективно отражающих уровень ее развития в тот или иной конкретный исторический период»[249]. Наконец, нужно охарактеризовать реакцию современников на выход ППСС.

У историко-литературного и текстологического изучения ППСС не только смежные задачи, но и общая проблема – разграничение авторской и редакторской составляющих издания. «История текста, – пишет Лихачев, – не есть история его внешних, случайных изменений. Основное, с чем должна считаться текстология, – это с замыслами и намерениями творцов текста (под творцами текста разумею всех, кто создает текст, – не только его авторов, но и редакторов – составителей редакций текста). Эти замыслы и намерения в конечном счете должны объясняться историей литературы и историей всего общества, но на известном этапе именно раскрытие этих замыслов является центральной и наиболее сложной задачей текстологии»[250]. Воля автора ППСС

---

[247] *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 134.
[248] Там же. С. 133.
[249] *Омилянчук С.П.* Проблемы типологии собраний сочинений // Книга: Исследования и материалы. Сб. 18. М., 1969. С. 43.
[250] *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк. М., 2006. С. 104.

должна быть не только разведена с волей редактора, но и тщательно изучена с точки зрения ее творческих и нетворческих составляющих. Это имеет непосредственное отношение к проблеме установления текста, поскольку, считает Гришунин: «Вмешательство в авторский текст постороннего лица, редактора, – также в большинстве случаев приходится расценивать как искажение текста, – как бы оно ни “улучшало” произведение»[251]. Данная проблема весьма значима, так как при выборе основного источника текста исследователи порой ориентируются на последнее прижизненное авторизованное издание, что не всегда оправданно. «Известно ведь, – пишет Л.Д. Громова-Опульская, – что при публикации и перепечатках, даже если они делались под наблюдением автора, оставалось много ошибок переписчиков, возникали цензурные и всякого рода иные искажения»[252]. За исключением случаев, когда прижизненное издание выходило без участия автора, в издательской практике встречаются формы активной (писатель прочитал и выправил текст) и пассивной (писатель только поставил под текстом подпись) авторизации. Как известно, авторизация всего собрания сочинений не обязательно означает авторизацию каждого отдельного текста. «При этом, – утверждает Л.А. Спиридонова, – в каждом конкретном случае важно *документально* установить меру участия автора в процессе подготовки того или другого печатного текста и очистить его от явных искажений»[253]. Документальными свидетельствами могут служить самые разные источники, главными из которых являются договоры издательств с писателями, а также издательская переписка. Изучая архивы литературно-художественных издательств в России конца XIX – начала XX в., С.Д. Воронин установил, «что документы издательства можно разделить на две основные части: делопроизводственную и творческую документацию. Делопроизводственная документация, отражавшая правовое, финансовое и хозяйственное положение

[251] *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 160.
[252] *Громова-Опульская Л.Д.* Весь Лев Толстой // Науч. книга. М., 2000. № 2. С. 115.
[253] *Спиридонова Л.А.* Выбор источника текста // Современная текстология: теория и практика. М., 1997. С. 38.

издательства, составляла ядро издательского архива и хранилась постоянно. Другая же часть архива, включавшая в себя творческую документацию, подвергалась распылению еще в процессе деятельности фондообразователя»[254]. Отсутствие документальных свидетельств (или их недостаточное количество) существенно осложняет исследовательскую задачу. В таком случае разграничить авторскую и редакторскую составляющие труднее (особенно в разговоре о составе издания, его композиции) и опираться в этом деле придется только на имеющиеся внутри ППСС сведения (авторские или редакторские предисловия, примечания и проч.). В данной ситуации помощь может оказать даже реклама, обычно помещаемая в конце издания. Известно, что уже в первые века существования печатной книги в ней появились рекламные элементы: «Выработанный в XVI веке строй титульного листа, с его обширным, аннотирующим сочинение, а не просто его называющим текстом и с выделениями крупным шрифтом основных, наиболее ударных строк, торжественный фронтиспис, на котором античные божества венчают бюст автора или демонстрируют в торжественной пантомиме атрибуты знания и славы, – это тоже своего рода реклама. И этой ранней рекламе, уже начинающей несколько форсировать голос, свойственна, как мы видим, установка на возвышенность и значительность рекламируемого предмета»[255]. Однако начиная с XIX века реклама не столько возвышает, сколько снижает книгу, делая ее продуктом массового потребления. Но это не значит, что ей следует пренебречь. Так, в конце одного из томов ППСС А.П. Бибика, выпущенного издательским товариществом «Недра», содержится реклама ППСС В.В. Вересаева с ценным указанием: «Все издание печатается на прекрасной плотной бумаге с художественными портретами автора и *под его непосредственным наблюдением* (курсив наш. – *А.Х.*)». Аналогичная информация содержится в рекламе ППСС П.С. Романова и В.Я. Шишкова.

---

[254] *Воронин С.Д.* Архивы литературно-художественных издательств в России конца XIX – начала XX вв. Выявление, методика реконструкции (на примере архивов издательств «Знание», «Скорпион», «Книгоиздательства писателей в Москве»): Автореф. дисс…. канд. ист. наук. М., 1987. С. 22.

[255] *Герчук Ю.* Художественная структура книги. М., 1984. С. 188.

Последнее выпущено издательством «ЗИФ». Помимо сведений об авторизации, в рекламных объявлениях могут оговариваться принципы расположения текстов. Например, в ППСС А.Н. Островского вместе с приглашением подписаться на многотомное издание читатель узнает о том, что «сочинения расположены в хронологическом порядке». Впрочем, подобные указания встречаются не всегда. Но если согласиться с мыслью Лихачева о том, что текстолог, изучая волю автора, должен оценивать ее «с точки зрения художественной и идейной»[256], то еще одним научным принципом, помогающим исследователю ППСС, будет интерпретирующая поэтика.

§ 4. Поэтологический подход

Нельзя не принять во внимание замечание В.Е. Хализева о том, что в мире интерпретирующей поэтики «много теоретически и методологически непроясненного»[257], особенно – в сфере постижения художественного смысла: «Постижение художественных смыслов, конечно же, чревато риском отступления от строгой научности. Но идти навстречу подобной опасности необходимо. Литературоведу (воспользуюсь самохарактеристикой О.Э. Мандельштама) подобает быть не в последнюю очередь “смысловиком”»[258].

Одной из главных задач интерпретирующей поэтики является выделение литературного произведения как явления искусства и ответ на вопрос о его художественной природе. Прежде чем говорить о возможности условного выделения ППСС как целостного литературного произведения, необходимо вспомнить, что, во-первых, в посттрадиционалистскую эпоху (время, когда стали появляться ППСС русских писателей) литературное произведение «не укладывается в однозначное жанровое определение, в нем переплетаются и взаимодействуют различные и порой разнородные жанрово-стилистические

---

[256] *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк. М., 2006. С. 107.
[257] *Хализев В.Е.* О составе литературоведения и специфике его методологии // Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс). М., 2001. С. 11.
[258] Там же. С. 20.

традиции»[259], а во-вторых, границы между отдельными произведениями могут быть подвижными и «не всегда обладают полнотой определенности»[260]. Как известно, понятие литературного произведения исторически изменчиво. Наука Нового времени (а вслед за ней – постклассическая эстетика) сломала привычные представления о гомогенности художественных произведений (совпадение их внутренней структуры с внешними границами уже необязательно) и «постепенно проторила путь к совершенно новой концепции открытой формы, прототипом которой можно считать не столько бесконечность вселенной, сколько незавершенность и открытость исторического времени»[261]. «Пластическая оболочка художественного произведения, – утверждает известный искусствовед А.Г. Раппапорт, – становится все более диффузной, внутренние и внешние его области взаимно проникают друг в друга, грань между ними оказывается неопределенной и в значительной мере устанавливается в самом опыте восприятия произведения, устанавливается субъективно и в движении»[262]. Яркий пример «открытой» формы – циклические образования в лирике, эпосе и драме, которые иногда претендуют на статус самостоятельных литературных произведений. На первый взгляд может показаться, что ППСС являются результатом циклизации как сознательного объединения произведений творцом или редактором либо по эстетическим, либо по любым внешним признакам. Подобно тому, как циклы подразделяются на авторские и неавторские, ППСС могут быть авторизованными и неавторизованными. Авторизованные ППСС, кажется, подпадают под определение авторского цикла, которое дал М.Н. Дарвин: «…группа *произведений*, составленная и объединенная самим автором по тем или иным принципам и критериям (*жанры, тематика, сюжеты, персонажи, хронотоп*) и представляющая собой своеобразное художественное

[259] *Гиршман М.М.* Произведение (искусства) // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 196.
[260] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 164.
[261] *Раппапорт А.Г.* К пониманию поэтического и культурно-исторического смысла монтажа // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. М., 1988. С. 18.
[262] Там же. С. 20.

единство»[263]. Если сравнивать авторизованные ППСС с такой циклической формой, как книга стихов (или прозы), то они тоже могут быть названы «своеобразным способом выражения авторского сознания и, одновременно, организации читательского восприятия»[264]. Как и в цикле, отдельные произведения, включенные в ППСС, сохраняют свою самостоятельность, их можно легко вычленить. Иначе говоря, целостность ППСС тоже вторична и ее так же нельзя воспринимать как простую сумму слагаемых произведений. Согласно концепции М.М. Гиршмана: «…в свете художественной целостности преодолеваются какие бы то ни было заранее заданные в произведении внешние границы эстетического разнообразия, но утверждается его внутренний предел. Он основывается на том, что при всех разнородных сочетаниях и обособлениях разделяющихся целых сохраняется индивидуально-творческий центр произведения и глубинная неделимость эстетического бытия, в нем осуществленного. В этом центре соединяется универсальная обращенность к полноте бытия и уникальность индивидуально-творческой позиции авторского сознания, так что скрепляющей основой мира оказывается индивидуально-неповторимое человеческое бытие, *целостная индивидуальность*»[265]. В нашем случае это индивидуальность автора, воплощенная в его произведениях.

Тексты в составе ППСС перестают быть равными себе. Отношения между ними выстраиваются по принципу монтажа в кино: «*…два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество*»[266]. Сопоставление двух монтажных кусков, по словам С.М. Эйзенштейна, больше похоже не на сумму, а на произведение: «На произведение – в отличие от суммы – оно походит тем, что *результат сопоставления качественно* (измерением, если хотите, степенью) всегда отличается от каждого слагающего элемента, взятого

[263] *Дарвин М.Н.* Цикл (в литературе) // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 292.
[264] *Дарвин М.Н.* Книга стихов // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 96.
[265] *Гиршман М.М.* Литературное произведение: Теория художественной целостности. М., 2007. С. 50.
[266] *Эйзенштейн С.* Монтаж 1938 // *Эйзенштейн С.* Избранные произведения в 6 т. Т. 2. М., 1964. С. 157.

в отдельности»[267]. Режиссер поясняет, что «это отнюдь не сугубо кинематографическое обстоятельство, а явление, встречающееся неизбежно во всех случаях, когда мы имеем дело с сопоставлением двух фактов, явлений, предметов»[268]. В том числе – литературных произведений. Таким образом, мы говорим о «монтаже» в расширенном толковании (как о формальном средстве связи отдельных частей в единое целое), а не в сугубо кинематографическом (как о склеивании кадров) или узко литературном (как о нарративной технике, «способе построения литературного произведения, при котором преобладает прерывность (дискретность) изображения, его “разбитость” на фрагменты»[269]).

Несмотря на поверхностное сходство, ППСС все-таки не могут рассматриваться как форма художественной циклизации по совокупности содержательных и конституирующих примет. В отличие от циклических образований ППСС – более широкое понятие. Во-первых, они включают в себя тексты независимо от их родо-видовой принадлежности (здесь могут быть и эпос, и лирика, и драма, и нехудожественные произведения) или особенностей речевой структуры (возможно наличие и стихотворных, и прозаических текстов), а во-вторых, ППСС в рамках творческого наследия одного писателя не противопоставлено более широкому корпусу текстов (за исключением другого ППСС того же автора, выпущенного позднее предыдущего). Таким образом, ППСС стоят над циклическими образованиями и могут включать их в себя. Целесообразно поэтому рассматривать ППСС *наряду* с циклами, книгами стихов/прозы, но *не в одном ряду* с ними. Соответственно мы не вправе говорить о ППСС как новом жанре (по аналогии с книгой стихов в поэзии Серебряного века) и художественном единстве в традиционном смысле этого понятия. Очевидно, что ППСС являются типологической разновидностью литературных *метатекстов* (ансамблевых, или составных текстовых,

---

[267] Там же. С. 158.
[268] Там же. С. 157.
[269] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 277. О литературном монтаже см., например: *Зверев А.М.* Монтаж // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. М., 2002; *Хуттунен Т.* Имажинист Мариенгоф: Денди. Монтаж. Циники. М., 2007.

образований). «Вполне естественно, – пишет В.С. Киселев, – что в течение долгого времени объектом литературоведческого изучения были только те разновидности метатекста, которые полностью укладывались в рамки художественной прозы или поэзии»[270]. Между тем художественная циклизация – не единственная возможность в образовании структурно-семантических единств, в состав которых входят как художественные, так и нехудожественные (публицистические, документальные и др.) тексты. Пример тому – авторские и коллективные журналы, альманахи, сборники, имеющие «эстетическое измерение, четко опознаваемое читателями и активно используемое авторами, редакторами или издателями»[271]. Строго говоря, метатекст – еще более широкое понятие, чем ППСС. С точки зрения Киселева, он является «конденсированной» моделью литературности и «вбирает в себя художественные и нехудожественные жанры, не проводит резкой грани между произведениями разных авторов, допускает текучесть состава, не обладает универсальными содержательными приметами, но при всем этом создает особую коммуникативную ситуацию, заставляющую воспринять отдельные его части как связанные неким центром, доминантой»[272]. Метатексты отличаются степенью единства, внутренней слитности: «…в авторском цикле она будет максимальной, в собрании сочинений – уже меньшей, в коллективном сборнике и альманахе она лишь предугадывается, а в журнале окончательно уходит в план реконструкции»[273].

Конечно, ППСС можно трактовать как комплекс произведений, объединенных под одной обложкой, не конкретизируя природу этого объединения. И, вероятно, с позиций интерпретирующей поэтики ППСС позволительно рассматривать не только в том случае, если оно было авторизовано. Творческая воля редактора (составителя, издателя) тоже

---

[270] *Киселев В.С.* Коммуникативная природа метатекстовых образований // Вестник Томского гос. ун-та. Бюллетень оперативной науч. информации. Томск, 2004. № 23. Март. С. 7.
[271] Там же.
[272] Там же. С. 8.
[273] *Киселев В.С.* Авторское начало в метатексте // Вестник Томского гос. ун-та. Бюллетень оперативной науч. информации. Томск, 2004. № 23. Март. С. 14.

представляет научный интерес как вид рецепции, а для обнаружения внутренних связей между произведениями не обязательно заключать их в полное собрание сочинений, даже если оно прижизненное, поскольку личность автора (сознательно или бессознательно) всегда будет выступать связующим звеном всего творчества. Так, многие писатели символистского круга воспринимали свои произведения как единый текст, отражающий этапы творческого и жизненного пути. Кратко говоря, неавторизованные ППСС правомерно рассматривать по аналогии с другими неавторскими объединениями, которые нельзя считать свободными от объективных связей, поддерживающих структурно-семантическое единство. Однако для нашей темы представляют интерес именно авторизованные ППСС, в подготовке которых явлено активное творческое начало самого автора, его воля. Только в таких случаях некоторые ППСС могут рассматриваться как большие формы, претендующие на статус самостоятельных литературных произведений, которые по определению должны быть созданы или санкционированы автором. При этом произведения связаны не просто личностью творца, но его творческой волей. Исследователю, в свою очередь, предстоит понять стратегию автора, воплощенную в тексте. «Группировка и компоновка автором ранее созданного, – пишет Хализев, – как видно, может оказаться весьма значимой в составе его деятельности: истолкованием собственного творчества, актом самопознания, своего рода исповедью»[274]. Таким образом, с точки зрения интерпретирующей поэтики об авторизованных ППСС можно говорить не только как о формальном (внешнем), но и содержательном (внутреннем) единстве.

Важнейшим для постижения смысла литературного произведения является понятие содержательности художественной формы. Об этом в своих работах говорили Й. Фолькельт и М.М. Бахтин. Впоследствии оно было детально развито Г.Д. Гачевым: «Нужно рассмотреть данное литературное тело

[274] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 165.

как целостность: от выявления той специфической жизненной ситуации, в которой только и именно оно должно было возникнуть; через рождающееся в сознании художника смутное художественное содержание – до кристаллизации его в предметность. Тогда форму мы и поймем не как одежду, а как отвердевшее содержание. И когда потом эта форма будет стоять как забронированная и непроницаемая схема, мы-то уж будем подозревать, какое содержательное море когда-то бушевало в ней и разбушуется при каждом новом творческом акте. И мы-то уж будем знать – пусть не все таящееся в ней ее содержание, конечно, но, во всяком случае, – всеобщий принцип его выявления»[275].

Итак, рассмотрение ППСС как большой формы представляет собой выявление содержательных моментов этой полисемантической структуры, собственно формальных компонентов, отражающих в своем единстве творческую волю автора, но главное – установление связей между ними. Формально-содержательные связи в данном случае выходят на первый план, поскольку именно они обеспечивают целостность всей конструкции.

В плане содержания ППСС – своеобразной большой формы – существен тематический уровень, доминанту которого составляет внехудожественная реальность. Рассматривая тематику в субстанциальном аспекте, Хализев выделяет в ней три начала: «Это, во-первых, онтологичские и антропологические универсалии, во-вторых, локальные (порой, однако, весьма масштабные) культурно-исторические явления, в-третьих, феномены индивидуальной жизни (прежде всего авторской) в их самоценности»[276]. Каждое из трех начал значимо для постижения смысла произведения, а все вместе они тесно связаны друг с другом. Но, учитывая первостепенность авторской воли как силы, организующей ППСС, можно предположить, что проблемно-тематический слой в таком случае наиболее интересен со своей экзистенциальной стороны, с точки зрения запечатления духовно-

[275] *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М., 2008. С. 20.
[276] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 86.

биографического опыта творца. «При этом, – поясняет Хализев, – художественное творчество выступает как самопознание, а в ряде случаев и в качестве акта сотворения художником собственной личности, как деятельность жизнетворческая»[277]. Отсюда неизбежность реконструкции автобиографического (и если говорить шире – биографического) пласта.

Не менее ощутимо воля автора (и его личность) явлена на идейном уровне. Творец понимается как носитель того или иного представления о бытии, выражающий в произведении собственные мысли и чувства. «Художественная идея (концепция автора), – пишет Хализев, – присутствующая в произведениях, включает в себя как направленную интерпретацию и оценку автором определенных жизненных явлений (что подчеркивали просветители от Дидро и Лессинга до Белинского и Чернышевского), так и воплощение философического взгляда на мир в его целостности, которое сопряжено с духовным самораскрытием автора (об этом настойчиво говорили теоретики романтизма)»[278]. Характеризуя идеологическую сторону литературного произведения, которая напрямую соотносится с авторской субъективностью, Д.С. Лихачев выделял два слоя. Во-первых, активное воздействие на читателей: «…слой вполне сознательных утверждений, мыслей, идей, которые автор стремится внушить своим читателям и в чем он пытается убедить или переубедить их»[279], во-вторых, пассивное. Это подразумеваемый слой («мировоззренческий фон»), который «начинает активно действовать и воздействовать на читателя только тогда, когда произведение переходит в другую эпоху, к другим читателям, где этот слой нов и необычен»[280]. В свою очередь, Хализев те же аспекты художнической субъективности называет «рефлективным» (активное воздействие автора) и «нерефлективным» («аксиоматические» представления писателя, «психоидеология» общественной группы, к которой он принадлежит,

[277] Там же. С. 91.
[278] Там же. С. 100.
[279] *Лихачев Д.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 130.
[280] Там же. С. 131.

его сексуальные комплексы, «коллективное бессознательное»)[281]. Не принижая значимость имперсональной стороны авторской субъективности, надо заметить, что для изучения идейного уровня ППСС как большой формы наибольшую ценность представляет «рефлективный» аспект, авторская преднамеренность, организующая смысловое единство. В этой связи справедливым представляется тезис Я. Мукаржовского о том, что «преднамеренность – это та сила, которая соединяет воедино отдельные части и придает смысл произведению»[282]. С учетом вторичности ППСС по отношению к входящим в него произведениям авторская преднамеренность обнаруживает себя вдвойне.

Таким образом, изучение ППСС в содержательном плане позволит определить его семантические поля на тематическом и идейном уровнях, а также выявить между ними эксплицитные (программное осуществление авторской воли) и имплицитные («подтекстовые») связи, образующие смысловой каркас. Основываясь на том, что «терминологизированию в составе литературоведческих текстов подобает знать свои границы»[283], и признавая право ученых на введение «“размытых”, т.е. строго не определяемых понятий» ввиду сложности объекта изучения[284], мы используем словосочетание «семантическое поле» (давно существующее в лингвистике в качестве термина с четкой дефиницией)[285] на правах *научной метафоры* или, строго говоря, *ситуативного термина*, который, не притязая на общезначимость для литературоведения, обладает «достаточной смысловой определенностью, но лишь в данном контексте»[286]. Таким образом, в нашем случае речь идет о самой

---

[281] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 102 – 103.

[282] *Мукаржовский Я.* Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве // *Мукаржовский Я.* Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С. 207.

[283] *Хализев В.Е.* О языке современного литературоведения // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 2011. Т. 70. № 2. С. 4.

[284] *Григорьев В.П.* Терминология литературоведческая // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972. Стб. 478. К месту напомнить мысль М.М. Бахтина о том, что тенденция немцев каждое слово превращать в термин начисто «обесстиливает» его (*Бахтин М.М.* Дополнения и изменения к «Рабле» // *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 5. М., 1997. С. 110).

[285] См.: *Васильев Л.М.* Теория семантических полей // Вопр. языкоз. М., 1971 № 5; *Щур Г.С.* Теории поля в лингвистике. М., 1974; *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2012.

[286] См.: *Хализев В.Е.* О языке современного литературоведения // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 2011. Т. 70. № 2. С. 5. Ранее предпринимались попытки ввести понятие семантического «поля» в контекст текстологии:

крупной смысловой единице, которая может быть выделена в составе ППСС, объединяющей компоненты содержания разных текстов по общим признакам. Подразумевается, что так называемые семантические поля связаны между собой, образуя идейно-тематическое единство.

Авторские предисловия ко всему ППСС, а не к отдельным произведениям, входящим в его состав[287], являются прямым способом выражения эксплицитных связей между семантическими полями. Обращенные к читателям, такие тексты выполняют общую коммуникативную функцию, но цели, преследуемые авторами, порой разнятся. Поскольку авторских предисловий к ППСС написано мало, имеет смысл на них подробно остановиться.

Во-первых, адресуясь к читателю ППСС, писатель может объяснять причины, подтолкнувшие его к изданию всех своих произведений. «Ныне автор, – признается И.А. Гончаров в предисловии к полному собранию сочинений, – отступает от прежнего намерения и возобновляет издание своих романов, так как требования на них в публике, вопреки его предположениям, не прекращаются, и сверх того, ему часто приходится слышать, лично выражаемые ему, по этому поводу, желания многих любителей русской литературы»[288]. Еще один пример – «Автобиографическое введение» П.А. Вяземского, в котором читаем: «…предлагаемое ныне собрание сочинений

«Понятие “поля” художественного произведения, которое “*не вполне определено, требует окончательной регулировки в самый момент освоения произведения*”, – помогает понять творчество не только как простое конструирование текста, но – как непрерывно регулируемое и заранее непредсказуемое исследование, в ходе которого и совершается подбор текстовых конструкций. Процесс этот в обратном порядке и в измененном виде повторяется затем читателем» (*Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 196, 384).

[287] При этом нельзя забывать о том, что авторские предисловия к отдельным томам не лишены ценной информации. Примером может служить небольшое предисловие к тринадцатому тому ППСС А.С. Серафимовича: «Текст к пятому изданию “Железного потока”, редактируемому тов. Нерадовым, мною выверен. Примечания к тексту согласованы с тов. Ковтюхом, которые он нашел совершенно правильными. Предисловие тов. Нерадова к “Железному потоку” нахожу правильно освещающим это произведение, историческую и классовую обстановку, в которой развертываются описываемые в “Железном потоке” события» (*Серафимович А.* ПСС. Т. 13. М. – Л., 1930 С. V). Другой пример – предисловие И.А. Гончарова к девятому тому его ППСС: «По желанию издателя моих сочинений, И.И. Глазунова, я предоставил ему, помещенные в последние два года, 1887 – 1888, в журналах “Вестник Европы” и “Нива”, мои литературные очерки, под заглавием “Университетские воспоминания”, “На родине” и “Слуги”, издать в отдельном, IX-м томе, в дополнение к “Полному собранию” моих сочинений в VIII томах» (*Гончаров И.А.* [От автора] // *Гончаров И.А.* ПСС. Т. 9. СПб., 1889 [без указания номера страницы]).

[288] *Гончаров И.А.* От автора // *Гончаров И.А.* ПСС. Т. 1. СПб., 1884. С. II.

моих предпринято не по моему почину и так сказать от меня заочно. Благоприятели предложили, а я согласился. Кàк и почему согласился я, читателям и публике знать в подробности не нужно. Это дело домашнее»[289]. В этом же предисловии содержится важная информация о самом издании: «Первый вопрос заключается в том: всего ли меня печатать, или только выборку из меня? С своей стороны я более держался последнего соображения. Но благоприятели мои, которые приняли на себя труд собрать воедино разбросанное стадо мое, порешили иначе. Покоряюсь воле их»[290].

Во-вторых, некоторые авторы используют предисловие в качестве завещания потомкам. Тот же Вяземский пишет: «Без суеверия и страха, сдается иногда и мне, что я выступаю с литературными регалиями своими на прощание с авторскою жизнью и со всякою другою. Эти регалии улягутся на подушках, которые будут сопровождать мой гроб. Мир им и мне!..»[291] Яркий пример авторского предисловия-завещания дает А.К. Шеллер (А. Михайлов): «В издание моих сочинений, появляющееся в настоящее время, войдут все написанные мною романы, повести и рассказы, которые я нашел сколько-нибудь возможным включить в полное собрание моих сочинений. Если бы после моей смерти понадобилось чем-нибудь пополнить это издание, то это будет сделано не иначе, как в виде выпуска в свет дополнительного тома или нескольких томов, смотря по надобности. Во всяком случае приобретающим теперь собрание моих сочинений не будет предложено нового собрания этих же сочинений, собранных в каком-либо ином порядке»[292].

В-третьих, в авторских предисловиях могут содержаться указания на автобиографический характер творчества. Об этом прямо говорят Д.С. Мережковский («…я только описываю свои последовательные внутренние

---

[289] *Вяземский П.А.* Автобиографическое введение // *Вяземский П.А.* ПСС. Т. 1. СПб., 1878. С. I.
[290] Там же. С. LV.
[291] Там же. С. III.
[292] *Шеллер А.К. (Михайлов А.)* Несколько слов о полном собрании моих сочинений // *Шеллер А.К. (Михайлов А.)* ПСС. Т. 1. СПб., 1894.

переживания»[293]) и П.А. Вяземский («Полное издание сочинений писателя есть, так сказать, и выставка жизни его»[294]).

Наконец, в-четвертых, писатель с помощью предисловия устанавливает связи между своими произведениями и предлагает схему написанного (как это делает Мережковский в сытинском издании ППСС) либо выражает отношение к собственному творчеству. Именно так поступает Гончаров: «При настоящем издании Собрания сочинений И. Гончарова, автор не лишним считает обратить внимание читателей на свою статью: **Лучше поздно, чем никогда**, помещенную в отдельно изданной им в 1881 г. книге, под заглавием: **Четыре Очерка**. В этой статье, написанной вслед за появлением в печати романа **Обрыв**, и предназначавшейся тогда для помещения, в виде предисловия к полному собранию его романов, если б таковое состоялось, читатели найдут собственный взгляд автора на значение последних»[295]. Далее приводится обширная цитата из названной статьи. О своем отношении к написанному рассказывает А.И. Сумбатов в предисловиях к двум изданиям ППСС: «Для театра и о театре написано мною все, что я решаюсь теперь, после долгих колебаний, представить в одном собрании на общественный суд.

Театр в моих глазах никогда не носил служебного характера по отношению к литературе; он всегда был для меня самостоятельным целым, со своими особенными законами и способами, путем которых он исполнял свое назначение и стремился к тем же целям, как и литература. Избирая *сцену*, а не *книгу* средством для передачи обществу своего замысла, автор, по-моему, обязан считаться с той огромной разницей в условиях, путем которых один и тот же замысел воспринимается зрителем в течение трех часов в зале, битком набитой другими людьми, через посредство самостоятельных художников сцены, и читателем в течение произвольного времени, в своем кабинете,

---

[293] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. V.
[294] *Вяземский П.А.* Автобиографическое введение // *Вяземский П.А.* ПСС. Т. 1. СПб., 1878. С. IV.
[295] *Гончаров И.А.* От автора // *Гончаров И.А.* ПСС. Т. 1. СПб., 1884. С. I.

наедине с книгой, которая непосредственно вводит читателя в личное соприкосновение с ее автором.

Этот взгляд на театр был всегда для меня руководящим началом во внешних приемах моей работы, – началом, которое объяснит, если не оправдает многое, что, несомненно, вызовет, может быть, и заслуженные мною упреки»[296].

Обобщая сказанное, важно подчеркнуть: не исключено, что авторская позиция (или установка), выраженная в теории, может остаться не реализованной на практике, и это предмет для специального исследования.

Что касается имплицитных связей, образующих смысловой каркас ППСС, то они проявляются на предметном, композиционном и словесном уровнях. Анализ формы ППСС может строиться только с опорой на константные и связующие компоненты каждого из трех уровней в границах всего собрания. Отсюда – неизбежный схематизм, компенсируемый преимуществами панорамного взгляда.

Теоретически в качестве константных и связующих компонентов могут выступать любые фрагменты формы. На предметном уровне, представляющем художественно освоенную и преображенную реальность, наибольшим потенциалом в этом смысле обладают персонажи (как носители устойчивых качеств) с их ценностными ориентациями. По словам Хализева: «Ценностные ориентации (их можно также назвать жизненными позициями) разнородны и многоплановы. Сознание и поведение людей могут быть направлены на ценности религиозно-нравственные, собственные, познавательные, эстетические. Они бывают связаны и со сферой инстинктов, с телесной жизнью и удовлетворением физических потребностей, со стремлением к славе, обретению авторитета и власти»[297]. Особое внимание к персонажам обусловлено тем, что в некоторых случаях их можно рассматривать как выразителей ценностных ориентаций самого автора, связывающего своей

[296] *Сумбатов А.И.* [От автора] // *Сумбатов А.И.* ПСС. Т. 1. М., 1900 [на обл. 1901].
[297] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 179.

личностью все тексты ППСС. «При сколько-нибудь серьезном освоении персонажной сферы произведения, – продолжает Хализев, – читатель неотвратимо проникает и в духовный мир автора. В образах героев он усматривает (прежде всего непосредственным чувством) творческую волю писателя. Соотнесенность ценностных ориентаций автора и героя составляет своего рода первооснову литературных произведений, их неявный стержень»[298]. В связи с персонажами интерес могут представлять их портретные, психологические, речевые характеристики, формы поведения в тех или иных ситуациях, материальное окружение (вещи, природа). Особую ценность представляет хронотоп, определяющий, по мнению М.М. Бахтина, художественное единство, обладающий эмоционально-ценностной окраской и выводящий в сферу смыслов. По уточнению Хализева, хронотопическое начало «“выводит” словесную ткань на образ бытия как целого, на картину мира»[299]. Под «картиной мира» в данном случае мы видим объективированное в произведении мировоззрение самого писателя. Понимаемый таким образом термин, по мнению Е.Р. Варакиной, «поможет избежать оценочных и нередко предположительных суждений о ценностных и философских ориентациях писателя и позволит сосредоточиться на тех представлениях об Универсуме и его законах, которые запечатлены непосредственно в художественном тексте»[300].

На словесном уровне языковые средства, выражающие авторские темы, идеи, концепции, в рамках ППСС интересны не сами по себе, а контекстуально, в аспекте композиции[301], которая представляется доминантным уровнем для анализа содержательной формы ППСС.

«Автора, – пишет Бахтин, – мы находим вне произведения как живущего своею биографической жизнью человека, но мы встречаемся с ним как с

---

[298] Там же. С. 185.
[299] Там же. С. 226.
[300] *Варакина Е.Р.* Картина мира в лирике Г. Иванова и архиепископа Иоанна (Шаховского). М., 2010. С. 16.
[301] Под композицией в данном случае понимается «взаимная *соотнесенность и расположение единиц изображаемого и художественно-речевых средств*» (*Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 263).

творцом и в самом произведении, однако вне изображенных хронотопов, а как бы на касательной к ним. Мы встречаем его (то есть его активность) прежде всего в композиции произведения…»[302] Выражая авторскую активность, композиция обеспечивает единство и целостность ППСС, к тому же она неразрывно связана с предметным и словесным уровнями.

Важнейшими композиционными приемами при построении ППСС являются повторы и их вариации. Согласно Хализеву: «Без повторов и их подобий (“полуповторы”, вариации, дополняющие и уточняющие напоминания об уже сказанном) словесное искусство непредставимо. Эта группа композиционных приемов служит выделению и акцентированию наиболее значимых моментов и звеньев предметно-речевой ткани произведения. Всякого рода возвраты к уже сказанному выполняют в составе художественного целого роль, подобную той, что принадлежит курсиву и разрядке в напечатанном тексте»[303]. Семантически насыщенные повторы, переходящие в мотивы[304] и представленные самыми разными формами (предметными, речевыми, текстовыми), являются не только композиционными связями, но и скрытым ключом к идейному и тематическому уровням, поскольку напрямую «соотносятся с миром авторских мыслей и чувств»[305]. Важно понимать, что с точки зрения повторяемости (функционально, а не семантически) мотив будет противоположен лейтмотиву. Согласимся с И.В. Силантьевым: «Признак лейтмотива – его обязательная повторяемость *в пределах* текста одного и того же произведения; признак мотива – его обязательная повторяемость *за пределами* текста одного произведения. При этом в конкретном произведении

---

[302] *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 403.
[303] *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 264.
[304] Под мотивом мы понимаем «*компонент произведений, обладающий повышенной значимостью* (семантической насыщенностью)» (*Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2009. С. 267). Поскольку это не единственное определение мотива, сошлемся на И.В. Силантьева: «Разнобой в определениях мотива в литературоведении и фольклористике во многом вызван именно тем, что исследователи смотрят на мотив с различных точек зрения – с точки зрения темы, события, фабулы, сюжета и т.д., в результате чего приходят к различному пониманию мотива. При этом каждая трактовка оказывается по-своему верной, потому что мотив действительно связан со многими аспектами литературного повествования и онтологически, и функционально» (*Силантьев И.В.* Поэтика мотива. М., 2004. С. 94).
[305] Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 230.

мотив может выступать *в функции лейтмотива*, если приобретает ведущий характер в пределах текста этого произведения»[306].

Не менее значимыми, чем мотивы, на уровне композиции оказываются со- и противопоставления образов, событий, языковых единиц, текстов. Главенствующий в рамках ППСС – «монтажный» принцип соотнесения компонентов формы (по сходству или контрасту), когда внутренние, ассоциативные связи более важны, чем внешние (пространственно-временные и причинно-следственные). Развивая определение А.А. Фаустова[307], под монтажом в данном случае мы понимаем соположение разнящихся по предметной отнесенности, структуре или генезису текстов и их элементов внутри ППСС. Если обратиться к понятийно-терминологическому аппарату нарратологии, ассоциативные связи при монтаже можно сравнить с приемом парадигматизации повествовательного текста. «Этот прием, – по В. Шмиду, – проявляется как в плане выражения, где он приводит ко всякого рода ритмическим и звуковым перекличкам, так и в плане изображения, в который он вводит систему тематических сходств и контрастов»[308]. Такого рода связи получили название «эквивалентности», подразумевающей как сходство, так и оппозицию затрагиваемых элементов: «Общее между сходством и оппозицией заключается в том, что соотносимые элементы идентичны по меньшей мере по отношению к одному признаку, а по отношению к другому – неидентичны»[309]. Поскольку выявление эквивалентностей не опирается на точные методы, оно носит интерпретационный характер и всегда частично. Учитывая принадлежность ППСС к метатекстовым образованиям, следует также подчеркнуть, что не каждое произведение в их составе имеет принципиальное значение. «Концепция целого здесь, – утверждает Киселев, – складывается динамически, через выдвижение на первый план тех или иных произведений

---

[306] *Силантьев И.В.* Поэтика мотива. М., 2004. С. 94.
[307] *Фаустов А.А.* Монтаж в литературе // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 130.
[308] *Шмид В.* Проза и поэзия в «Повестях Белкина» // *Шмид В.* Проза как поэзия: Статьи о повествовании в русской литературе. СПб., 1994. С. 20 – 21.
[309] *Шмид В.* Нарратология. М., 2003. С. 241.

(или отдельных мотивов) в рамках предполагающихся регистров восприятия»[310]. Отмеченная динамичность концепции и ее восприятия является, на наш взгляд, прямым следствием монтажа, который, согласно теории Эйзенштейна, «одновременно работает еще и на точном воссоздании первичного феномена движения, рождаемого рядом стоящими клетками – конечно, на новом уровне, по-новому и с громадным психическим преизбытком ощущения *образа* того же самого движения»[311].

Единство композиции обеспечивается не только ассоциативными связями. Оно может возникать на границах самостоятельных текстов, которые сопоставимы с «монтажными кусками». При этом «стыки» (места «склеивания») нуждаются в пристальном внимании со стороны исследователя. «Стык элементов, – пишет Раппапорт, – проблема актуальная для всех типов монтажа»[312]. Особую значимость она приобретает в том случае, когда расположением произведений внутри собрания занимался сам автор. В этой связи внимание следует обратить на «авторские микротексты», участвующие в монтаже: названия произведений и разделов, эпиграфы, посвящения, датировка и др. На материале символистских поэтических изданий Г.А. Толстых показывает важность таких микротекстов не только в качестве композиционных связей: «Они интерпретировали отношение поэта к собственным произведениям, выявляли общий авторский замысел книги, насыщали текст дополнительным содержанием, связывали его отдельные части воедино»[313]. Не меньшую структурообразующую роль берут на себя начало и конец как маркированные позиции текстов. Помимо указанных способов,

---

[310] *Киселев В.С.* Рецептивная структура метатекста // Вестник Томского гос. ун-та. Бюллетень оперативной науч. информации. Томск, 2004. № 23. Март. С. 35.
[311] *Эйзенштейн С.М.* Метод. В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 120.
[312] *Раппапорт А.Г.* К пониманию поэтического и культурно-исторического смысла монтажа // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. М., 1988. С. 16.
[313] *Толстых Г.А.* Книготворческие взгляды русских поэтов-символистов // Книга: Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994. С. 215.

композиционная целостность подчеркивается обрамлением ППСС: авторскими предисловиями, примечаниями, а также оглавлением[314].

Отсутствие целостности художественного мира в ППСС компенсируется единством личности творца и его стратегии, подключение к которой осуществляется непосредственно через авторские предисловия и примечания. Заметим, что к данным элементам обрамления неприменим термин «научно-справочный аппарат». Их нужно рассматривать как эстетический феномен.

Особый статус авторских предисловий заключается в том, что они одновременно оторваны от текстов и стремятся сохранить с ними связь[315]. Их главная функция по отношению к ППСС – комментирующая (возможно, с элементами интерпретации). Авторские примечания также заслуживают специального изучения не только как часть отдельного произведения (о чем уже написано не одно исследование), но и в составе ППСС, где они осуществляют свое эстетическое предназначение и могут выполнять несколько функций. Во-первых, коммуникативную (связывая автора и читателя), во-вторых, авторефлексивную (связывая автора и его тексты), в-третьих, гипертекстовую (связывая тексты между собой). Нам представляется довольно категоричным и нуждающимся в корректировке вывод, к которому приходит В. Мильчина: «…пережив расцвет в начале XIX века, примечания постепенно утратили свое былое значение и приобрели ту чисто служебную функцию, которую и сохраняют по сегодняшний день (полностью оторвавшись от автора и превратившись в “научный аппарат издания”)»[316].

Важнейшим связующим звеном в ППСС выступает оглавление, которое традиционно рассматривают как служебный и не всегда обязательный элемент.

---

[314] По отношению к некоторым из этих компонентов применим термин «паратекст» (введен Ж. Женеттом в 1982 году). Его использование представляется оправданным и в нашем случае, поскольку существует опасность метонимического сближения упомянутых рамочных и нерамочных компонентов отдельного произведения и всего ППСС. См. также: *Соколова Е.В.* Паратекст // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М., 2004. С. 306; *Кабыкина Ю.В.* Рамочные компоненты в композиции художественного текста. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: РЖ. М., 2007. № 2. С. 72 – 85.

[315] См. также: *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII – XIX вв.). М., 2007.

[316] *Мильчина В.* Поэтика примечаний // Вопр. лит. М., 1978. № 11. С. 247.

Вот почему литературоведческих работ, специально посвященных оглавлению, очень мало[317]. В то же время очевидно, что у оглавления ППСС полифункциональная природа. «Помимо ориентировки читателя, – считает Киселев, – т.е. коммуникативной функции, оно выполняет целый ряд функций нарративных. В плане синтагматики оглавление играет роль коды, ретроспективно возобновляя представление об элементах ансамбля и оркеструя их совокупное звучание. В плане парадигматики оно устанавливает отношения эквивалентности между текстами, выступающими теперь как цельные единицы, и закрепляет иерархичность метатекста в системе рубрикации»[318]. Кроме того, ученый демонстрирует, что оглавление можно воспринимать в качестве самостоятельного текста, который «путем концентрации определенной семантики работает на создание цельного мирообраза»[319]. Следовательно, в рамках ППСС как метатекстового образования имеет смысл говорить об особой роли заглавий в их соотношении друг с другом, которые пунктирно указывают на идейный и тематический уровни целого. «При этом, – утверждает Н.Ю. Веселова, – участие оглавления в смыслообразовании не зависит от того, насколько осознанно оно включено автором в структуру текста. Смыслообразующая функция может проявляться и помимо воли автора, так как она представляет собой объективно существующее, качественно новое свойство, приобретенное оглавлением в литературе нового времени»[320]. В нашем случае оглавление может выполнять обрамляющую и смыслообразующую функции, если оно относится ко всему ППСС, заключая его. Иногда функции отсутствующего оглавления выполняет рекламное объявление, содержащее роспись ППСС.

---

[317] См.: *Магазаник Э.Б.* Поэтика заглавия и оглавления // Материалы XXIII студ. науч. конф. Сер. 2. Самарканд, 1966. С. 14 – 15; *Веселова Н.* Оглавление в структуре текста, оглавление как текст: постановка проблемы // Поэтика заглавия: Сборник науч. трудов. М.; Тверь, 2005. С. 271 – 278.

[318] *Киселев В.С.* Метатекст как нарративное целое: элементы и структуры // Вестник Томского гос. ун-та. Бюллетень оперативной науч. информации. Томск, 2004. № 23. Март. С. 71.

[319] Там же. С. 72.

[320] *Веселова Н.* Оглавление в структуре текста, оглавление как текст: постановка проблемы // Поэтика заглавия: Сборник науч. трудов. М.; Тверь, 2005. С. 277.

Примечательно, что одну из главных ролей композиции при решении художественно-издательских задач отводили писатели символистского круга. «Композиция текстов художественных произведений в символистских изданиях различных видов (прежде всего, в авторских сборниках поэзии и прозы, в собраниях сочинений), – считает Толстых, – то есть разделение и объединение текстов, расположение их в определенной последовательности, была подчинена задаче создания нового контекста, отражающего отношение автора к совокупности текстов издания как к единому художественному целому; она осмыслялась деятелями данного литературного направления как важное средство выражения миросозерцания, идейных исканий автора, лейтмотива или системы его творчества, а также как способ рациональной или интуитивной организации восприятия текстов читателем. Индивидуальные композиционные принципы каждого автора-символиста находились в тесной связи с его поэтикой, с типом его художественного мышления»[321].

Через композицию в ППСС может реализовываться понятие писательского пути, связывающего воедино все тексты. По словам Д.Е. Максимова: «В одном случае можно говорить о пути писателя прежде всего как о его *позиции*, в другом, включающем и первый случай, – как о его *развитии*»[322]. Чем больше произведения того или иного автора тяготеют к автобиографизму, тем явственнее проступает его путь. Но самым важным в удержании внутреннего единства ППСС оказывается мироощущение автора, его «картина мира». Не случайно Киселев, трактуя метатекст как интертекстуальное образование, архетипом, порождающим ансамблевые целые, предлагает считать метафору «мир – текст/книга»[323]. В то же время нельзя забывать, что субъектом, легитимизирующим единство ППСС, как и любого

---

[321] *Толстых Г.А.* Книготворческие взгляды русских поэтов-символистов // Книга: Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994. С. 228.

[322] *Максимов Д.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 10.

[323] *Киселев В.С.* Метатекст как нарративное целое: элементы и структуры // Вестник Томского гос. ун-та. Бюллетень оперативной науч. информации. Томск, 2004. № 23. Март. С. 54. С этой метафорой удивительным образом перекликается название недавно вышедшего исследования: *Мильдон В.И.* Вся Россия – наш сад: Русская литература как одна книга. М., 2013.

другого метатекста, является не автор, а читатель, способный на основе авторского намерения соотнести данные ему тексты и выстроить их в единое целое. В результате реализуется схема Б.О. Кормана: «Автор биографический – автор как носитель концепции произведения – опосредующие его субъектные и внесубъектные формы – читатель как постулируемый адресат, идеальное воспринимающее начало – читатель как реально существующий социально-исторический и культурно-психологический тип»[324]. Иначе говоря, автор и читатель – это те два полюса, между которыми протянута ось целостности ППСС как большой формы, сложно организованного структурно-семантического единства, ведущими для формирования которого являются не всегда художественные, но эстетические[325] по своей природе принципы.

Любая теория проверяется практикой, и прежде чем обратиться к конкретному материалу, выразим предположение о бессмысленности классифицирующего представления о всех ППСС в русской литературе, поскольку, согласно проницательному суждению Гачева, «научное понятие о рождении литературных предметных структур и их специфическом содержании можно создать через конкретный анализ любой литературной целостности, живущей как саморазвивающийся организм»[326]. Очевидно, ППСС относятся к таким литературным целостностям, которые не поддаются строгой классификации еще и потому, что принципы их построения (не говоря уже о

---

[324] *Корман Б.О.* О целостности литературного произведения // *Корман Б.О.* Избранные труды. Теория литературы. Ижевск, 2006. С. 220.

[325] Вслед за В.В. Бычковым суть эстетического мы понимаем как специфическую систему «*неутилитарных* отношений субъекта и объекта, инициированных, как правило, конкретно-чувственным восприятием объекта субъектом, в результате чего субъект получает *духовное наслаждение* (эстетическое удовольствие, достигает *катарсиса*, блаженного состояния и т.п.), которое не является целью эстетического опыта, но всегда сопровождает его, ибо свидетельствует о том, что реально состоялся *конкретный* акт этого опыта: эстетического восприятия или творчества» (*Бычков В.В.* Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М., 2010. С. 214). Поскольку о художественном мы говорим в ситуации, когда в качестве эстетического объекта фигурирует произведение искусства, а в состав ППСС могут входить не только художественные тексты, то в нашем случае корректнее вести речь именно об эстетических принципах формирования целостности ППСС как большой формы. И если эстетика, согласно краткому определению В.В. Бычкова, это «наука о гармонии человека с Универсумом» (Там же. С. 36), то вполне обоснованным выглядит тезис В.С. Киселева о том, что «метатекст в своем последнем целом является вопросом, обращенным автором/читателем к смыслу мироздания и месту в нем человека» (*Киселев В.С.* Типология литературных метатекстов // Вестник Томского гос. ун-та. Бюллетень оперативной науч. информации. Томск, 2004. № 23. Март. С. 105).

[326] *Гачев Г.Д.* Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М., 2008. С. 21.

содержании) индивидуальны. Вот почему наша задача сводится не к провозглашению очередной научной категории, а к стремлению выявить давно существующий, но не исследованный литературный феномен и посмотреть, что дает его изучение для понимания творчества отдельно взятого автора.

ГЛАВА III. ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПОЛНЫЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

III.I. ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

§ 1. Общие замечания (состояние вопроса)

Несмотря на возрастающий интерес российских ученых к проблемам текстологии, наблюдаемый в последние годы, мы так и не выработали по-настоящему новую текстологическую программу. В одном из номеров «Вопросов литературы» М.П. Одесский с исчерпывающей аргументацией продемонстрировал, что «оригинальность текстологической программы, как правило, сводится к перманентно возобновляемому противостоянию “канонической” и “динамической” текстологии»[327]. Стоит ли в этой связи говорить о кризисе идей в текстологии, их исчерпанности, – вопрос для другой работы. Пока что ограничимся сухой констатацией: текстологи-практики количественно преобладают над теоретиками. Причина такого положения дел, кажется, в том, что, во-первых, текстологическая деятельность до сих пор воспринимается преимущественно как прикладная (когда исследователь сталкивается с необходимостью подготовить литературный памятник к изданию); а во-вторых, по меткому замечанию Одесского, в современной научной ситуации успех сочинения по текстологии обеспечивается не столько оригинальным подходом к ее «аспектам», сколько конкретными примерами[328]. Приведенное высказывание – выдержка из рецензии на книгу А.Л. Гришунина «Исследовательские аспекты текстологии» (1998). Это последний по времени труд обобщающего характера, ставший хрестоматийным наряду с работами Г.О. Винокура, Б.В. Томашевского, Б.М. Эйхенбаума, Е.И. Прохорова, С.А. Рейсера, Д.С. Лихачева и др. Здесь мы не ставим перед собой задачи

[327] *Одесский М.* Блуждания текстологии между «канонической» и «динамической» моделями // Вопр. лит. М., 2012. № 2. С. 294.
[328] См.: *Одесский М.* Признания посвященного // Новое лит. обозрение. М., 1999. № 36. С. 356 – 361.

проследить вековую историю текстологии, тем более что она прекрасно решена Одесским в упомянутой статье.

Считаем насущным, не размывая границ текстологии, остановиться только на тех проблемах, которые способны расширить исследовательское поле этой одновременно служебной и фундаментальной дисциплины на материале творческого наследия Мережковского.

На сегодняшний день есть только одно исследование обобщающего характера по близкой нам теме: монография Е.А. Андрущенко «Властелин “чужого”: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского» (2012). Ее автор не нуждается в представлении специалистам по творчеству Мережковского, поскольку именно она подготовила к изданию книги «Л. Толстой и Достоевский» (2000) и «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (2007)[329] в академической серии «Литературные памятники». Незадолго до этого Андрущенко, защитив докторскую диссертацию «Театр Д.С. Мережковского в контексте идейно-художественных исканий конца XIX – начала XX веков» (1998), опубликовала и подробно прокомментировала весь корпус драматургического наследия писателя[330]. Стараниями ученого в научно-популярных сериях переиздана историософская проза Мережковского[331].

Не что иное, как деятельность по изданию текстов, предопределила и материал, и структуру, и методологию данной монографии. «Она была задумана, – признается автор, – в связи с теми особенностями его (Мережковского. – *А.Х.*) текстов, которые, по нашему мнению, обнаружились при подготовке произведений к публикации»[332]. Следовательно, рассматривать книгу в отрыве от эдиционной практики было бы серьезной ошибкой. В то же

[329]На задней стороне обложки монографии, где приводятся биографические сведения об авторе, в годе издания данной книги допущена опечатка: указан 2008 вместо 2007.
[330]*Мережковский Д.С.* Драматургия. Томск, 2000.
[331]*Мережковский Д.С.* Тайна Трех. Египет – Вавилон. М., 2001 (2-е изд. М., – 2005); *Мережковский Д.С.* Тайна Запада. Атлантида – Европа. М., 2007; *Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. М., 2007. Кроме того, Е.А. Андрущенко совместно с Л.Г. Фризманом подготовила к изданию книгу: *Мережковский Д.С.* Эстетика и критика. В 2 т. Т. 1. М.; Харьков, 1994.
[332]*Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 3.

время Андрущенко в самом заглавии, выводящем на проблемы поэтики, заявляет о намерении преодолеть узко-утилитарное отношение к текстологии. «…Каждый литературовед, – утверждается в предисловии к работе, – “сам себе текстолог”»[333].

Первое, с чем сталкивается любой текстолог, это проблема выбора источника текста. В своей работе Андрущенко задействует большой арсенал имеющихся в распоряжении исследователя средств. Прежде всего она вовлекает нас в изучение сохранившихся и доступных автографов. Разумеется, подавляющая их часть (если иметь в виду собственноручные записи автором своих текстов) уже была включена ученым в комментарии к изданным книгам и здесь только републикуется[334]. Вместе с тем на страницах монографии мы встречаем прямые отсылки к архивным источникам, представляющим вспомогательную ценность.

Из эпистолярия Мережковского публикуется два фрагмента писем к А.С. Суворину, находящихся в РГАЛИ[335]. Первый – 1893 года – содержит изложение предварительного замысла сборника «Вечные спутники»[336]. Второй – 1900-го – любопытен интерпретацией трагедии Еврипида «Ипполит», которую писатель и переводчик мечтал увидеть поставленной в театре своего корреспондента[337]. Не менее интересна выдержка из послания Мережковского к Ф.Д. Батюшкову, обнаруженного в ОР РНБ[338] и написанного 29 августа 1912 года, т.е. в преддверии судебного разбирательства по поводу пьесы «Павел I»[339]. Наконец, отрывок из письма в издательство «Огни», хранящегося в ОР ИРЛИ РАН, показывает, как планы бежать из России вынуждали писателя торопиться

---

[333] Там же. С. 4.
[334] Причина, по которой вне поля зрения исследователя остались авторские корректуры, остается для нас неизвестной.
[335] При этом во втором случае допущена опечатка: вместо РГАЛИ, где хранится фонд А.С. Суворина (№ 459), дается отсылка с устаревшей аббревиатурой ЦГАЛИ.
[336] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 13 – 14.
[337] Там же. С. 195.
[338] В монографии указывается как РГПБ.
[339] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 146.

с набором и корректурой[340]. Из этого же архива Андрущенко впервые публикует подготовительный материал для одной из ранних рецензий на сборник «Вечные спутники»: «Тезисы мои для беседы о “Вечных спутниках” – тезисы к лекции о Мережковском» В.Д. Спасовича[341]. Фрагмент другой неопубликованной рецензии (на пьесу «Романтики») «Мир намеков и смыслов», извлеченный из ОР ИРЛИ РАН, проливает свет на творческий замысел Мережковского[342].

Установление текста, как известно, требует выявления *всех* его источников, а не только архивных и рукописных. Вот почему по-настоящему пристальное внимание ученый уделяет поиску авторизованных прижизненных публикаций писателя в периодике, сборниках и т.д., иначе говоря, печатным источникам. В случае с Мережковским наиболее авторитетными остаются дореволюционные своды, составленные О.Я. Лариным и А.Г. Фоминым. Однако, имея веские основания утверждать, что они нуждаются в предварительной проверке, покажем, как некритическое отношение к этим источникам не раз подводило исследователей и публикаторов.

Так, А.Н. Николюкин, комментируя при переиздании сборник «Грядущий Хам»[343], не стал утруждать себя дополнительными поисками и ограничился легко доступными указателями Ларина и Фомина. В результате приходится признать неточным примечание к статье «Грядущий Хам». Комментатор поясняет, что фрагмент публикуемого текста, соответствующий главам III – V, был помещен под названием «Мещанство и русская интеллигенция» в журнале «Полярная звезда» (1905. № 1), а дальнейшие главы (VI – VIII) с заголовком «Грядущий Хам» напечатаны в № 3 упомянутого журнала за тот же год. При этом отсутствует информация о другом фрагменте, соответствующем главе I и

[340] Там же. С. 200.
[341] Там же. С. 48 – 49.
[342] Там же. С. 168.
[343] *Мережковский Д.С.* Собр. соч. [Т. 6] Грядущий Хам. М., 2004.

впервые опубликованном под названием «Китай в Европе» в газете «Русское слово» (1905. № 233)[344].

Такая же ситуация – со статьей «Чехов и Горький», в примечаниях к которой называется только один из опубликованных прежде отрывков данного текста («О Чехове» в № 11 журнала «Весы» за 1905 год) и не восстанавливаются другие. Между тем в архивном фонде «Русского слова» хранятся письма Мережковского к Ф.И. Благову, редактировавшему газету. Из них, в частности, узнаем, что к 1905 году относится начало сотрудничества писателя в этом московском издании. «Глубокоуважаемый Федор Иванович, – читаем в послании от 5 мая, – я получил письмо от Григория Спиридоновича Петрова, который сообщает мне, что Вы мне писали и просили моего сотрудничества в “Русском Слове”»[345]. И далее: «Подойдет ли Вам тема, на которую у меня скоро будет и отчасти уже есть целый ряд очерков – а именно *“Чехов и Горький”* <…> я мог бы выслать Вам первую статью, которая у меня уже почти готова *“Чехов как художник”*»[346]. Спустя некоторое время, 15 июля того же года, Мережковский сообщает Благову: «На днях вышлю Вам статью о Чехове, которая у меня уже готова, но которую надо переписать»[347]. Через три дня статья была послана и сопровождена обещанием вскоре выслать следующую[348]. Действительно, в письме от 20 числа читаем: «<…> посылаю Вам *два* следующих фельетона 1) *Есть Бог или нет?* 2) *Откуда явился босяк?* Если возможно, соедините их в фельетоне под общим заглавием: *“Интеллигент и Босяк”*. Если же нет, то разделите, сохранив мои заглавия»[349]. Четвертую

[344] К сожалению, информация об этой публикации не приводится даже в специальной статье: *Корецкая И.В.* «Грядущий Хам» Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 136 – 149. Не исключено, что со временем будет обнаружен еще один претекст. Косвенным основанием для этого могут служить слова Мережковского в письме к Ф.И. Благову от 17 сентября 1905 года: «Повторяю усерднейшую просьбу: сблизить по возможности две статьи “С нами Петр” и “Грядущий Хам”. Хорошо бы даже пустить их в двух *соседних* номерах» (НИОР РГБ. Ф. 259. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 9).
[345] НИОР РГБ. Ф. 259. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 1.
[346] Там же. Л. 1 об. – 2.
[347] Там же. Л. 4.
[348] Там же. Л. 5 – 5 об.
[349] Там же. Л. 7.

статью Мережковский обещал отправить тогда, когда будут напечатаны первые две.

При сплошном просмотре подшивки «Русского слова» за 1905 год (который можно произвести и без архивных «наводок») обнаруживаем ряд забытых публикаций Мережковского: «Свирель Антона Бедного (Памяти Антона Чехова)» (№ 198), «Откуда явился босяк?» (№ 200), «“Дно” и “подполье”» (№ 207), «Босяк и христианство» (№ 219), «Отец лжи» (№ 226). Их сличение со статьей «Чехов и Горький» позволяет реконструировать историю создания этого текста в объеме, приближающемся к полному.

Основной текст статьи «Чехов и Горький» сложился к 1906 году и был опубликован в сборнике: I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906[350]. Впоследствии он без существенных изменений перепечатывался в составе двух ППСС Мережковского в 1911 и 1914 годах соответственно. Далее все цитаты приводятся нами по последнему авторизованному изданию с указанием в основном тексте тома и страниц[351].

Текст разделен на три пронумерованных римскими цифрами фрагмента. Он соткан, как лоскутное одеяло, из прежних публикаций в периодике и нескольких новых пассажей, совсем небольших.

Только третий раздел статьи, начинающийся с цитаты из пьесы «На дне» и заканчивающийся фразой: «Подумаем же о том, как бы остановить этот нож» (т. 14, с. 115), – почти целиком совпадает с публикацией Мережковского: О Чехове // Весы. 1905. № 11. С. 1 – 26. Если не считать минимальные и естественные для дореволюционных лет расхождения в орфографии и пунктуации, а также опечатки[352], то различия между двумя текстами обусловлены лишь стилистической правкой. Например:

---

[350] Описание приводится по титульному листу. Название на обл.: Грядущий Хам.
[351] *Мережковский Д.С.* Чехов и Горький // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14.
[352] Так, в последнем авторизованном издании читаем: «что, весу вас, есть и у анс» (Там же. С. 110) вместо: «все, что у вас, есть и у нас» (*Мережковский Д.* О Чехове // Весы. М., 1905. № 11. С. 21).

«О Чехове» (Весы. 1905. № 11)	«Чехов и Горький»
<…> кроме некоторых умственных и нравственных условностей, внешних покроев <…> и от последних покровов <…> (с. 1).	<…> кроме некоторых умственных и нравственных условностей, внешних покровов <…> и от этих последних покровов <…> (т. 14, с. 91).
Общая исходная точка интеллигента и босяка – догматика позитивизма (с. 1).	Мы видели общую исходную точку интеллигента и босяка – одну и ту же догматику позитивизма (т. 14, с. 91).
По произведениям его можно догадываться, с очень большою вероятностью <…> (с. 3).	По произведениям его можно только догадываться, хотя с очень большою вероятностью <…> (т. 14, с. 93).
<…> что и он сам, подобно зоологу <…> (с. 3).	<…> что он сам, подобно зоологу <…> (т. 14, с. 93).
В другом, от 30 декабря 1902 года <…> (с. 4).	Во втором, от 30 декабря 1902 года <…> (т. 14, с. 94).
<…> но последняя попытка неудачнее всех остальных (с. 9 – 10).	<…> последняя попытка неудачнее всех остальных (т. 14, с. 99).
Кажется, еще один шаг сознания <…> (с. 14).	Кажется<,> еще шаг сознания <…> (т. 14, с. 103).
Он умирает (с. 24).	Но умирает и он (т. 14, с. 113).
<…> говорит неизвестный человек <…> (с. 24).	<…> говорит неизвестный человек в рассказе того же названия <…> (т. 14, с. 114).

Еще одно отличие – в цитате из письма А.П. Чехова к С.П. Дягилеву от 30 декабря 1902 года, которая в статье «Чехов и Горький» приводится с меньшими купюрами (т. 14, с. 94).

Как видно, приведенные разночтения несущественны. Вероятно, поэтому Ларину (и всем последующим комментаторам) не составило труда обнаружить и указать в примечаниях данный претекст, не заметив другие, подвергшиеся более значительной переработке.

Печатными источниками центрального раздела статьи «Чехов и Горький» явились четыре газетных публикации, которые Мережковский механически соединил между собой.

В начало, открывающееся горьковской цитатой: «Я собрал бы остатки моей истерзанной души…» (т. 14, с. 72) – и до слов: «Не внутреннее босячество от внешнего, а внешнее от внутреннего» (т. 14, с. 74) – включены вторая и третья части статьи «Откуда явился босяк?», кроме усеченной газетной концовки: «Откуда же явилось внутреннее босячество? Об этом поговорим в следующих заметках» (Русское слово. 1905. № 200. С. 3).

Следующий фрагмент со слов: «Достоевский не имел никакого влияния на Горького» (т. 14, с. 74) – и до реплики Луки: «Я и жуликов уважаю… По-моему, ни одна блоха не плоха. Все черненькие, все прыгают!» (т. 14, с. 80) – целиком повторяет статью «“Дно” и “подполье”».

Далее вкраплен текст публикации «Босяк и христианство» от первой фразы: «Босяки Горького, несмотря на свою демократическую внешность, внутренние аристократы» (т. 14, с. 80) – и до последней: «И в этом хотении ничтожества обнаруживается последняя сущность босячества – служение “умному и страшному Духу Небытия”» (т. 14, с. 85).

Заключает второй раздел статьи «Чехов и Горький», начиная со слов: «Старец Лука, главный и, в сущности, единственный герой “На дне”…» (т. 14, с. 85) – текст заметки «Отец лжи».

Как видно, соединяя четыре текста, Мережковский не вносил никакой содержательной правки и специально не обрабатывал стыкующиеся фрагменты. Стилистические расхождения стремятся к нулю. Едва ли не единственный пример – правка статьи «Босяк и христианство», в результате которой были

сняты указания на источники некоторых цитат, а фраза: «Между интеллигентом, вернее, *полуинтеллигентом* и босяком…» (Русское слово. 1905. № 219. С. 3) – сокращена до: «Между интеллигентом и босяком…» (т. 14, с. 81).

Первый раздел статьи «Чехов и Горький» также сделан из нескольких фрагментов. Самый крупный из них имеет своим претекстом заметку «Свирель Антона Бедного (Памяти Антона Чехова)». Начиная с утверждения: «Чехов – законный наследник великой русской литературы» (т. 14, с. 63) – и завершая обещанием: «Каков бы ни был ужас конца, мы никогда не забудем пронзительно-унылую свирель Антона Бедного, которая напророчила этот конец» (т. 14, с. 69).

Занимаясь по преимуществу «склеиванием» готовых текстов, Мережковский допускает по отношению к одному из них элементы творческой переработки. Речь идет о первой части заметки «Откуда явился босяк?». Практически вся она, начиная со слов: «Правда о босяке, сказанная Горьким…» (т. 14, с. 62) – и заканчивая фразой: «…навсегда останется начертанным имя Горького» (т. 14, с. 63) – вошла в статью «Чехов и Горький». При этом автор исключил из газетной публикации два фрагмента, заменив их другими по своей сути:

«Откуда явился босяк?» (Русское слово. 1905. № 200. С. 3).	«Чехов и Горький» (т. 14, с. 62).
Горький – писатель в высшей степени замечательный, умный и талантливый, иногда почти гениальный.	О Горьком, как о художнике, именно больше двух слов говорить не стоит.
Может быть, я ошибаюсь, и это зависит от моего субъективного личного вкуса, но, чувствуя порою влечение к босяку во всей его	Все лирические излияния автора, описания природы, любовные сцены – в лучшем случае, посредственная, в худшем – совсем плохая литература.

ужасной наготе и правде, к босяку бунтующему, ненавидящему и проклинающему, – я никогда не мог полюбить босяка сентиментального, слезоточивого, босяка романтического, босяка с поэзией.	Впрочем, тем простодушным критикам, которые сравнивают Горького, как художника, с Пушкиным, Гоголем, Л. Толстым и Достоевским, все равно ничего не докажешь. Вообще босяк с поэзией напоминает Смердякова с гитарой, а русская критика – хозяйкину дочку Машеньку в светло-голубом платье с двухаршинным хвостом, которая слушает и восхищается: «Ужасно я всякий стих люблю, если складно». – «Стихи вздор-с», <–> возражает Смердяков. – «Ах нет, я очень стишок люблю», <–> ласкается Машенька.

Не обошлось и без стилистической правки:

«Откуда явился босяк?» (Русское слово. 1905. № 200. С. 3).	«Чехов и Горький»
Правда о босяке, сказанная Горьким, заслуживает самого серьезного внимания, но поэзия, которою он, к сожалению, считает нужным украшать иногда эту правду, кажется мне сомнительной.	Правда о босяке, сказанная Горьким, заслуживает величайшего внимания; но поэзия, которою он, к сожалению, считает нужным украшать иногда эту правду, ничего не заслуживает, кроме снисходительного забвения (т. 14, с. 62).
Но те, кто за этою сомнительною поэзией не видят в Горьком	Но те, кто за этою сомнительною поэзией не видят в Горьком

огромного явления общественного, жизненного, – ошибаются еще гораздо больше тех, кто видят (так! – *А.Х.*) в нем великого поэта. В произведениях Горького нет, или, по крайней мере, для меня нет, искусства; но в них есть то, что едва ли менее ценно, чем самое высокое искусство: в них – жизнь <…>.	знаменательного явления общественного, жизненного, – ошибаются еще гораздо больше тех, кто видит в нем великого поэта. В произведениях Горького нет искусства; в них есть то, что едва ли менее ценно, чем самое высокое искусство: жизнь <…> (т. 14, с. 62 – 63).
<…> пусть таких людей даже вовсе нет в действительности <…>.	<…> пусть таких людей нет в действительности <…> (т. 14, с. 63).

Что касается фрагментов, для которых не удалось обнаружить первопечатный источник (нельзя исключать, что это произойдет в будущем), то они помещены Мережковским в абсолютные начало и конец раздела, открывающего статью «Чехов и Горький». Первый – со слов: «Если бы теперь, когда для России наступает страшный суд истории…» (т. 14, с. 60) – и до оценочного суждения: «О Горьком, как о художнике, именно больше двух слов говорить не стоит» (т. 14, с. 62). Второй – с фразы: «“Есть Бог или нет” – этот вопрос Ивана Карамазова…» (т. 14, с. 69) – и до финального абзаца: «Внизу этой лестницы – чеховский интеллигент; вверху – горьковский босяк. Между ними ряд ступеней, которых еще не видит, но по которым уже идет русская интеллигенция» (т. 14, с. 71).

Спрашивается: что может дать литературоведу намеченный нами текстологический анализ?

Во-первых, позволит публикаторам сопроводить статью полноценным комментарием, а не ограничиваться отрывочными и широко растиражированными сведениями.

Во-вторых, предоставит возможность историкам литературы точнее, чем раньше, проследить эволюцию взглядов Мережковского на Чехова и Горького[353].

Наконец, в-третьих, история одного текста выявит дополнительный материал для разговора о творческой лаборатории писателя, который, как видно из приведенного примера (а он у Мережковского – не единственный!) руководствовался монтажным принципом в своей работе.

Учитывая сказанное, не должно казаться странным, что статья «Большевизм и человечество», которая большинством исследователей признается текстом скандального радиообращения Мережковского в поддержку Гитлера, представляет собой «компиляцию из фрагментов искаженного текста неопубликованного эссе Мережковского “Тайна русской революции” (о “Бесах” Ф.М. Достоевского)»[354]. Изготовить ее, вопреки мнению Ю.В. Зобнина, мог сам Мережковский, а не какое-то пропагандистское ведомство фашистской Италии. Еще в 1892 году, когда писатель только начинал свой творческий путь, А.Л. Волынский проницательно заметил, что компиляция (наряду с переводом) – «естественная сфера для дарования г-на Мережковского»[355]. Стоит ли удивляться, что в конце жизни искушенный компилятор и виртуоз в области литературного монтажа смастерил очередной текст из отрывков другого, да к тому же неопубликованного?

К сожалению, специалисты по творчеству Мережковского редко обращаются к жанру «истории одного текста» на материале критико-публицистических статей. Пожалуй, лучшие на сегодняшний день образцы представлены в монографии Андрущенко[356]. Там, где розыски первой публикации не увенчались успехом, как в случае с очерком «Ибсен», ученый

---

[353] См., например: *Гришунин А.Л.* Мережковский о Чехове // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999; *Ревякина И.А.* Мережковский о Горьком: против и за // Там же.

[354] *Зобнин Ю.В.* Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М., 2008. С. 386.

[355] *Волынский А.* Символы (песни и поэмы) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 32.

[356] См. также: *Гришунин А.Л.* Примечания [История текста Мережковского «Старый вопрос по поводу нового таланта (“В сумерках” и “Рассказы” Чехова)», 1888.] // *Чехов А.П.* В сумерках. Очерки и рассказы. М., 1986. С. 562 – 566.

оставляет предположение: «Возможно, ее обнаружение является делом будущего и исследователям удастся ее установить»[357]. Именно таким, вдумчивым и осмотрительным, должно быть отношение текстолога к своему предмету. На глаза попадаются только мелкие неточности. Судите сами. Автор монографии датирует 1893 годом статью Мережковского «Вместо предисловия (К трагедии “Эдип-царь”)», опубликованную в № 1 «Вестника иностранной литературы» за 1894 год[358]. Аналогичная ситуация – со сборником «Философские течения русской поэзии» (сост. П.П. Перцовым), который отнесен к 1895, а не 1896 году[359]. На с. 142 в библиографическом описании пьесы «Сильвио» пропущен № 5 (с. 57 – 75) журнала «Северный вестник», а в № 4 перепутаны страницы (правильные: 45 – 58). По какому-то недоразумению в главе «Претексты драматургии Д. Мережковского» отсутствуют сведения о первой публикации пьесы «Павел I» (СПб.: М.В. Пирожков, 1908). Вот, собственно, и все.

Следующий ряд вопросов – о составе изданий и расположении материала – особенно остро встает в связи с историей «Вечных спутников», которой посвящена первая глава рассматриваемой монографии.

В мережковсковедении не сложилось единого мнения относительно основного текста этой книги очерков. «Исследователь, приступающий к ее изучению, – признается Андрущенко, – оказывается перед необходимостью определиться, какой же текст он будет считать “Вечными спутниками” – тот ли, что издан в конце 1896 г., или тот, который вышел в свет в составе XVII – XVIII тт. Полного собрания сочинений писателя в 24 тт.»[360]. Иначе говоря, на что ориентироваться: первое или последнее прижизненное издание? За давностью *так* сформулированного вопроса избавим себя от необходимости приводить полярные аргументы текстологов, тем более что названный сборник

---

[357] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 36.
[358] Там же. С. 54.
[359] Там же. С. 64.
[360] Там же. С. 10.

переиздавался едва ли не всеми возможными способами (и в первой, и в последней редакциях, и даже фрагментарно, отдельными главами). Интересен не столько выбор Андрущенко (для несогласных имеется альтернатива), сколько его мотивация. В качестве таковой предлагается опора на задачи серии «Литературные памятники», с которой сотрудничал исследователь: «…целесообразнее было опубликовать в той редакции, в которой она и стала “памятником”, т.е. книгой, завоевавшей всеобщую известность и занявшей свое место в истории литературы»[361]. С одной стороны, звучит резонно. Во-первых, такой подход имеет традицию, о которой писал Гришунин: «Отступление от принципа последнего текста возможно и в том случае, когда читателю важно знать, каким произведение в свое время вошло в читательский оборот и в историю литературы, а не таким, каким автор по тем или иным причинам его потом переделал»[362]. Во-вторых, известно, что «Вечные спутники» пользовались большой популярностью у современников. Они «печатались в количестве от трех до десяти тысяч (!) экземпляров» и, по воспоминаниям З.Н. Гиппиус, вручались выпускникам средних учебных заведений вместе с документом об окончании курса[363]. С другой стороны, вызывают недоверие слова Андрущенко о том, что история текста «Вечных спутников», «претерпевшего многочисленные переработки, свидетельствует о нарушении самим Д. Мережковским, используя выражение Б. Томашевского, поэтической “системы”»[364]. Видимо, под поэтической «системой» подразумевается единство воплощения авторского замысла. Однако специальные разъяснения на этот счет отсутствуют.

Причины изменений, которые писатель вносил в сборник вплоть до 1914 года, Андрущенко устанавливает в процессе изучения истории текстов первого издания, в том числе на материале не вошедших в него статей. Кроме того,

---

[361] Там же. С. 12.
[362] *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 302.
[363] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 239, 241.
[364] Там же. С. 12.

косвенным свидетельством изменчивости читательских и исследовательских представлений писателя для автора монографии служит частотность употребления главных имен (Гете, Л. Толстого, Пушкина, Тургенева и т.д.). Тем не менее предпринятых усилий явно недостаточно, чтобы говорить о *нарушении* автором своей творческой воли в последнем прижизненном издании, которое, войдя во второе полное собрание сочинений Мережковского, не должно изучаться в отрыве от соседних текстов.

Анализ принципов отбора статей и порядка их размещения позволяет вести речь о расширении границ в работе текстолога. Имманентное рассмотрение литературного памятника, направленное в глубь его истории, следует дополнять контекстуальным. Вспомним еще раз Гришунина: «Только комплексный подход обеспечивает самое важное – позволяет видеть в трансформации текста не отдельные изменения-варианты, а наиболее общие мировоззренческие или литературно-технические тенденции, вызывающие всю систему изменений данного текста»[365]. Для «Вечных спутников» таким контекстом является последнее прижизненное собрание сочинений писателя. В нем проясняется то, что на первый взгляд кажется нелепостью или отступлением от «поэтической “системы”». Находясь в рамках этого издания, нельзя механически зафиксировать добавление в сборник новой статьи «Тургенев», поскольку данное изменение коснулось состава сразу двух книг. Включая текст в «Вечные спутники», Мережковский исключил его из «Больной России». Значит, текстолог вынужден комментировать оба факта! Однако и это не панацея, поскольку сохраняется текстологическая проблема с очерком «Гете». В 1915 году Мережковский ввел его в сборник статей «Было и будет. Дневник. 1910 – 1914» (1915), но – с изменениями и сокращениями, в том числе – цензурными. Здесь-то и уместно говорить о творческих и нетворческих составляющих воли автора. Между тем Андрущенко не прослеживает историю взятого нами текста за пределами «Вечных спутников». Впрочем, суть не в

[365] *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 132.

этом, а в том, что, как видно, контекст небольшой статьи способен перерасти границы даже полного собрания сочинений, хоть и прижизненного.

После всего сказанного может сложиться впечатление, что Андрущенко игнорирует волю автора. Разумеется, это не так. Деятельность Мережковского является организующим началом при критической проверке текстов. Из монографии читатель узнает о том, какие работы писатель использовал в качестве основы большинства трудов, попавших под «микроскоп» текстолога. Одно перечисление этих источников способно составить специальный указатель, от которого книга только выиграла бы (потребность в именном указателе ощущается еще больше). Любопытны, например, претексты «наполеоновских» страниц трактата «Л. Толстой и Достоевский»[366]. В случае с драматургией Андрущенко восстанавливает (там, где это возможно) источники даже незавершенных и не публиковавшихся при жизни автора пьес. Иногда поиски, напоминающие своей глубиной археологические раскопки, приводят ученого к неожиданным находкам. Так, претекст «Романтиков» – книга А.А. Корнилова «Молодые годы М. Бакунина. Из истории русского романтизма» (1915) – объясняет выбор заглавия пьесы, правомерность которого оспаривалась критикой[367].

Другим достижением источниковедческой экспертизы текстов Мережковского становится разграничение в них фактов и домыслов, порой граничащих с вымыслом. Андрущенко приходит к заключению, что писатель прибегает к домыслу в интерпретации записей Марка Аврелия[368] и некорректно пересказывает фрагмент из «Истории» Тацита[369]; что основой «пушкинской» концепции Мережковского был неподлинный текст «Записок» А.О. Смирновой[370]; что стремление подтвердить тезис о противоположности Л. Толстого и Достоевского приводит к неточностям и компиляции цитат из

[366] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 107 – 108.
[367] Там же. С. 161 – 162.
[368] Там же. С. 22.
[369] Там же. С. 110.
[370] Там же. С. 44 – 45.

разных писем[371]. Как выясняется, в историософской трилогии, созданной в эмиграции, Мережковский, не указывавший источников в большинстве своих сочинений, превращается в автора, скрупулезно фиксирующего издания[372]. Однако и это не гарантирует нам достоверности: форма оказывается «научной», а «доказательством является мифологизация»[373]. Наконец, в процессе критической проверки текстов ученый сталкивается с проблемой атетезы и ставит вопрос о принадлежности Мережковскому трагедии «Юлиан» («Смерть богов»), которая при жизни писателя не публиковалась, а машинопись хранится в ОРК и Р СПбГТБ[374]. Наряду со статьей «Большевизм и человечество», опубликованной после смерти писателя и вызвавшей споры об авторстве[375], это еще одна текстологическая загадка, точный ответ на которую пока не получен. В отношении стихотворного наследия работа такого рода проведена К.А. Кумпан и М.В. Гехтманом.

Как результат активной деятельности самого Мережковского в монографии сопоставляются разные редакции и варианты его произведений. При этом складывается впечатление, что Андрущенко недооценивает влияние посторонних факторов на авторский текст. Едва ли не единственный пример – цензурная история пьесы «Романтики»[376]. Однако ей не исчерпывается проблема. Нарушив заданные исследователем рамки и обратившись к более широкому контексту, мы убедимся, что вопиющий случай представляет сборник статей Мережковского «Было и будет. Дневник 1910 – 1914». «Сборник статей Мережковского, – объясняет А.В. Лавров, – вышел в свет во время мировой войны, когда, по законам военного времени, было реанимировано цензурное ведомство, которое немедля приступило к делу с надлежащим административным восторгом: на газетных полосах стали появляться в

[371] Там же. С. 90.
[372] Там же. С. 229.
[373] Там же. С. 236.
[374] Там же. С. 198 – 199.
[375] См.: *Холиков А.* Писательская биография: жанр без правил // Вопр. лит. М., 2008. № 6. С. 41 – 62.
[376] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 164 – 168.

изобилии белые пятна, а в книгах – аналогичные пустоты, заполненные точками. Над сборником “Было и будет” цензура поизмывалась всласть: в 24 статьях, его составляющих, сделаны 32 купюры различного объема – от нескольких слов до 11 строк печатного текста»[377]. Чуть более десяти лет назад книга была переиздана без восстановления цензорских изъятий[378], хотя сделать это не представлялось трудным при наличии публикаций в периодике. Тогда в разгромной рецензии Лавров с грустью сообщил, что «дело цензоров образца 1915 года живет и побеждает: руководствовавшиеся в свое время “текущим моментом”, они ненароком проявили заботу и о грядущих поколениях»[379]. И вот спустя десять лет А.Н. Николюкин как ни в чем не бывало повторяет «труд» незадачливых текстологов, републикуя сборник в изуродованном цензорами виде[380].

К числу других внешних факторов, способствовавших искажению текста, следует отнести еще два: редакторскую правку и типографские ошибки. Низкий уровень культуры массового книгоиздания и слабость текстологической подготовки – одна из примет дореволюционного времени. Книги Мережковского – не исключение: они пестрят орфографическими и пунктуационными неточностями, исправление которых не обязательно оговаривать в каждом *бесспорном* случае. Тотальное соблюдение требования «неукоснительного сохранения аутентичного режима правописания, то есть той системы правописания, в которой текст был создан»[381], может привести к тиражированию типографских оплошностей, которые преследовали

---

[377] См. рец.: *Лавров А.* Дмитрий Мережковский. Было и будет. Дневник 1910 – 1914. Невоенный дневник. 1914 – 1916… // Новая русская книга. СПб., 2001. № 3/4. С. 52 – 53.

[378] *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. М., 2001. На низком профессиональном уровне издание подготовили: И.Л. Анастасьева, Е.Г. Домогацкая, Е.А. Певак.

[379] *Лавров А.* Дмитрий Мережковский. Было и будет. Дневник 1910 – 1914. Невоенный дневник. 1914 – 1916… // Новая русская книга. СПб., 2001. № 3/4. С. 52 – 53. См. также: *Лавров А.* Проблемы научного издания творческого наследия русских писателей начала XX века // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 25.

[380] *Мережковский Д.С.* Собр. соч. [Т. 7] Больная Россия. М., 2011.

[381] *Пильщиков И.А., Перцов Н.В.* О лингвистических аспектах текстологии // Вопр. языкоз. М., 2011. № 5. С. 4. См. то же: *Перцов Н., Пильщиков И.* Проблемы текстологии русской литературы в лингвистическом освещении // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 920.

Мережковского с первых шагов в литературе. К тому же помощь редактора не избавляет произведение от типографских искажений, а текстолога от необходимости их идентификации.

О последнем этапе в работе публикатора – подготовке научно-справочного аппарата – говорить не приходится. Не потому, что в монографии отсутствуют вспомогательные указатели, а потому, что работа Андрущенко – не что иное, как развернутый комментарий (текстологический, историко-литературный, реальный), масштаб которого превосходит решение издательских задач и служит наглядным подтверждением тому, что эдиционный (прикладной) и научный (фундаментальный) подходы к литературному памятнику органично сочетаются. Более того, книгу о Мережковском правильнее всего назвать комментарием к комментарию. В процессе работы ученый не только поясняет «большое количество реалий, имен, названий произведений, явлений культуры: от античности до конца XIX в.»[382], но также критически пересматривает свою публикаторскую деятельность, исправляет допущенные при издании ошибки[383], признается в том, что сделать не удалось, и старается придерживаться предварительно сформулированного credo: «Мы стремимся представить текстологию и историко-литературный анализ как взаимосвязанные стороны процесса постижения особенностей поэтики писателя…»[384]

Случай Мережковского дает основания полагать, что исследовательские возможности текстологии шире, чем указывает Андрущенко. Предпринятую попытку связать ее с историей и теорией литературы нужно признать удачной, но реализованной не в полной мере. Одна из главных причин этого видится в ограничении материала.

Центром внимания у Андрущенко становятся отношения «свое – чужое» в текстах Мережковского. Вопреки желанию писателя мы проникаем в его

---

[382] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 68 – 69.
[383] Там же. С. 111, 142.
[384] Там же. С. 6.

творческую лабораторию, убеждаемся, что в качестве отправной точки для выстраивания собственной концепции он, с одной стороны, пользовался исследованиями о «герое», а с другой – его сочинениями. По крупицам восстанавливая процесс работы над произведением, Андрущенко показывает, какие выписки Мережковский делал на предварительном этапе (порой она комментирует даже цвет карандаша). Как выяснилось, готовя републикации, писатель шел путем сокращения комментариев к используемым цитатам. Это стало особенно ощутимо в период эмиграции, когда «чужой» текст у Мережковского окончательно заслонил «свой» и обнаружился уклон в сторону фрагментарности формы, краткости и афористичности.

Через характеристику приемов работы писателя с «чужим» словом (пересказ, цитату, реминисценцию, аллюзию, компиляцию, перевод, помещение прежних комбинаций-форм в новый контекст, создание оригинальных комбинаций, полемику с текстом «другого»[385]) проводятся связи с поэтикой творчества Мережковского. Их легко обнаружить в главе «Из чего “сделана” книга “Л. Толстой и Достоевский”», в которой подробно рассмотрен характер цитирования, или в разделе, посвященном претекстам пьесы «Павел I», где затрагивается проблема стилизации как способа создания новой художественной реальности «из чисто литературных элементов»[386]. Доказывая, что Мережковский был «глубоким начетчиком» (произведенный обзор источников помогает достоверно судить о круге его чтения), Андрущенко недвусмысленно намекает, что «писатель вряд ли бы хотел, чтобы был обнаружен и предъявлен читателю, например, плагиат»[387]. Здесь надо заметить, что в присвоении чужого текста Мережковский обвинялся уже при жизни (см.: Скриба. Что сей сон значит? (Нечто удивительное и нравоучительное) // Новости и биржевая газета. 1896. № 340). Однако сегодня ставить вопрос о

[385] Кстати, сама Андрущенко к полемике с предшественниками почти не прибегает. Исключение сделано для Т. Пахмусс, которая реконструировала текст сценария «Борис Годунов» согласно более чем спорным представлениям (Там же. С. 202).
[386] Там же. С. 130.
[387] Там же. С. 9.

плагиате было бы неуместно, поскольку, как сказано в монографии, «отношение Д. Мережковского к тексту побуждает говорить о том, что он в каком-то смысле предвосхитил некоторые особенности постмодернистской поэтики»[388]. От вопроса о плагиате рукой подать до истории литературы, поскольку текстология, как известно, «небезразлична к художественным достоинствам исследуемых произведений»[389], а вторичность творчества Мережковского, так называемая «литературность», являлась «специфической формой взаимоотношения с читателем»[390].

На периферии исследовательских интересов Андрущенко находятся метатекстуальные связи у Мережковского. На самом деле в текстологии и поэтике писателя они занимают не маргинальное, а центральное место. Данный аспект темы не сводится к спорадическому выявлению автоцитат и автореминисценций, как это представлено в монографии[391]. На самом деле метатекстуальные связи занимают не маргинальное, а центральное место в текстологии и поэтике Мережковского. Особенно наглядно кросс-референции обнаруживаются на примере ППСС, представляющих типологическую разновидность литературных метатекстов (ансамблевых, или составных текстовых, образований). Для рассмотрения таких изданий научно значим и необходим «макротекстологический» подход. Обратимся к нему специально.

§ 2. Типологическая характеристика

Мережковский – один из немногих писателей, кому удалось при жизни выпустить два «Полных собрания сочинений». Первое – в 17 томах (СПб.; М.: М.О. Вольф, 1911 – 1913), второе – в 24-х (М.: И.Д. Сытин, 1914). В дальнейшем для краткости будем говорить о ППСС-1 и ППСС-2 соответственно.

---

[388] Там же. С. 243.
[389] *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 88.
[390] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 238.
[391] Там же. С. 134, 151, 154 – 155, 162, 179, 185, 190, 195 – 196, 202 – 203, 234.

Оба издания относятся к разряду завершенных, но не переиздававшихся[392]. Если иметь в виду не только целевую аудиторию, но также качество подготовки текстов и справочный аппарат, то типологически ППСС-1, безусловно, является массовым, а ППСС-2 – научно-массовым (несмотря на некоторые погрешности: ошибки, опечатки, неточности – о которых см. далее). В историческом срезе эти издания следует характеризовать как доакадемические, хотя академическое полное собрание сочинений Мережковского до сих пор не подготовлено. На сегодняшний день мы имеем только массовые и научно-массовые собрания: *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. В 4 т. / Сост. и общ. ред. О.Н. Михайлова. М.: Правда, 1990. [Т. 1. Христос и Антихрист. Трилогия: I. Смерть богов (Юлиан Отступник). II. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. 1 – 9; Т. 2. Христос и Антихрист. Трилогия: II. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. 10 – 17. III. Антихрист (Петр и Алексей). Т. 3. Царство Зверя. Трилогия: I. Павел Первый. II. Александр Первый. Т. 4. Царство Зверя. Трилогия: III. 14 декабря. Рождение богов (Тутанкамон на Крите). Итальянские новеллы. Стихотворения.] *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. В 4 т. / Вступ. ст. [в 1 т.] В. Макарова. М.: Книжный клуб «Книговек», 2011. [Т. 1. Христос и Антихрист. Трилогия: I. Смерть богов (Юлиан Отступник). II. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. 1 – 9; Т. 2. Христос и Антихрист. Трилогия: II. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. 10 – 17. III. Антихрист (Петр и Алексей). Т. 3. Гоголь и черт: Исследование. Царство Зверя. Трилогия: I. Павел Первый. II. Александр Первый. Т. 4. Царство Зверя. Трилогия: III. 14 декабря. Рождение богов (Тутанхамон на Крите). Итальянские новеллы. Поэзия.][393] *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. [Т. 1] Иисус неизвестный / Редкол.: О.А. Коростелев и др.

[392] Если не учитывать «Полное энциклопедическое собрание сочинений» Мережковского на DVD-ROM: Версия 2.0 – («Электронная библиотека»): ИДДК.

[393] Несмотря на то что этот четырехтомник полнее предыдущего (за счет незначительного расширения корпуса стихотворений и включения исследования «Гоголь и черт»), качество его подготовки существенно ниже. Научно-справочный аппарат сводится в нем к популярной вступительной статье в первом томе, которая содержит грубые фактические ошибки, и алфавитному указателю произведений, вошедших в данное собрание сочинений.

М.: Республика, 1996. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. [Т. 2] Лица святых от Иисуса к нам / Редкол.: О.А. Коростелев и др. М.: Республика, 1997. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. [Т. 3] Тайна Трех / Сост. и подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. [Т. 4] Данте. Наполеон / Редкол.: О.А. Коростелев и др. М.: Республика, 2000. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. [Т. 5] Реформаторы. Испанские мистики / Редкол.: О.А. Коростелев и др. М.: Республика, 2002. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. [Т. 6] Грядущий Хам / Сост. и коммент. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений. [Т. 7] Больная Россия / Сост. и коммент. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2011.

§ 3. Состав

Сравнивая составы изданий[394], скажем сразу, что ППСС-2 полнее, чем ППСС-1, хотя хронологический интервал между ними минимальный: последний том ППСС-1 увидел свет в 1913 году, а первый том ППСС-2 – в 1914-м.

В ППСС-2 вошли все тексты, составившие ППСС-1 (см. роспись содержания обоих изданий в «Приложении»), за исключением критико-

[394] Речь пойдет только о словесных текстах (иллюстративный ряд не характеризуется). Согласно современной концепции, одним из требований, предъявляемых к текстологу, является «неукоснительное сохранение аутентичного режима правописания, то есть той системы правописания, в которой текст был создан» (*Пильщиков И.А., Перцов Н.В.* О лингвистических аспектах текстологии // Вопр. языкоз. М., 2011. № 5. С. 4). Относясь к данному подходу с уважением и не ставя перед собой цели академического издания произведений Мережковского, мы постараемся максимально, но не полностью приблизить к первоисточникам орфографию (за исключением вышедших из употребления букв, а также грамматических форм) и пунктуацию. В названиях и цитатах исправляются только очевидные, с нашей точки зрения, ошибки и опечатки. При наличии орфоэпического варианта (Бодлер/Бодлэр; По/Поэ; прачечная/прачешная и др.), как правило, сохраняется авторское написание. В иных случаях воспроизведение личных имен приведено к современной норме (например: Микеланджело, а не Микель-Анжело). Сохранение прописных букв в словах «Бог», «Антихрист», «Церковь», «Третий Завет» и т.п., обусловлено соблюдением воли Мережковского, придававшего данным лексемам особую значимость. Кроме того, известно, что в дореформенной орфографии прописная буква обладала большей смысловой нагруженностью (см.: *Каверина В.В.* Прописные буквы в истории русской орфографии // Древние языки в системе университетского образования: Исследование и преподавание. М., 2001). Во всех сомнительных случаях предпочтение отдается авторскому написанию. Согласимся, таким образом, с авторитетным мнением академика А.В. Лаврова: «Не стоит преувеличивать важность постановки того или иного знака препинания, кроме определенных случаев» (Круглый стол «Вторые академические собрания сочинений русских писателей». Составитель *Т. Трофимова* // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 1023).

биографического очерка Лятского (1912), стихотворения «Возвращение» (1909[395]), отсутствие которого могло быть случайным, поскольку в ППСС-2 включено более раннее произведение 1891 года под тем же названием. Похожая ситуация сложилась со стихотворением «Признание» (1894), не вошедшим в ППСС-2, видимо, потому, что его заглавие совпало с заглавием включенного сюда произведения 1886 года.

К числу добавленных текстов относятся: статьи «Желтолицые позитивисты» (1895), «Трагедия целомудрия и сладострастия» (1899), «Гете» (1913), новеллы «Железное кольцо» (1897), «Рыцарь за прялкой» (1895), «Превращение» (1897), а также «Вместо предисловия (К трагедии “Эдип-царь”)» (1894), «Изречения китайской мудрости» (1895), «Автобиографическая заметка» (1913) и стихотворные произведения. Среди них: «Поэту» (1883), «Герой, певец, отрадны ваши слезы…» (1883), «Кораллы» (1884), «На распутье» (1883), «Все грезы юности и все мои желанья…» (1884), «В борьбе на жизнь и смерть не сдамся я врагу…» (1883), «Порой, как образ Прометея…» (1884), «Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу…» (1887), «Любить народ?.. Как часто, полный…» (1887), «Тишь и мрак – в душе моей…» (1887), «Скажи мне, почему, когда в румяном утре…» (1886), «Осеннее утро» (1883), «Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу…» (1884), «Пройдет немного лет, и от моих усилий…» (1885), «Печальный мертвый сумрак…» (1886), «Как летней засухой сожженная земля…» (1887), «С потухшим факелом мой гений отлетает…» (1886), «От книги, лампой озареннной…» (1884), «Когда безмолвные светила над землей…» (1886), «Над немым пространством чернозема…» (1887), «Июльским вечером следил ли ты порою…» (1887), «Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть…» (1887), «К смерти» (1883), «Уж дышит

[395] Здесь и далее в скобках при стихотворных текстах сознательно приводится дата, указанная в ППСС-2. Если произведение не датировано, ставится дата первой публикации, за исключением специально оговоренных случаев. При этом следует иметь в виду, что даты при текстах, опубликованных в XXII и XXIII томах, «принадлежат издателям, которые механически повторяют даты из авторских сборников “Стихотворений” и “Символов”) или воспроизводят даты первой журнальной публикации (а не дату создания текста)» (*Кумпан К.А.* Примечания // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 762). Разумеется, это не относится к стихотворным текстам, опубликованным в XXIV томе впервые.

оттепель, и воздух полон лени…» (1888), «Летние, душные ночи…» (1888), «Смерть Всеволода Гаршина» (1888), «Кой-где листы склонила вниз…» (1888), «В темных, росистых ветвях встрепенулись веселые птицы…» (1888), «Восточный миф» (1888), «Мы в одной долине о любви мечтали…» (1889), «Дома и призраки людей…» (1889), «Трепетные зори…» (1889), «Как странник, путь окончив дальний…» (1891), «Как от рождения слепой…» (1891), «Я бы людям не мог рассказать, почему…» (1892), «Свет вечерний» (1892), «Певец» (1893), «В лесу» (1893), «Нет, ей не жить на этом свете…» (1893), «Спокойствие» (1893), «Серый день» (1893), «Неуловимое» (1893), «Цветы» (1893), «Белая ночь» (1894), «Развенчанный лес» (1894), «Краткая песня» (1894), «Пчелы» (1894), «Дети» (1894), «Эту заповедь в сердце своем напиши…» (1894), «Песня солнца» (1894), «Песня вакханок» (1894), «Поэт» (1894), «Зимний вечер» (1895), «То, чем я был» (1895), «Не надо звуков» (1895), «Родное» (1896), «Увы! Что сделал жизни холод…» (1896), «Перед грозой» (1896), «Зимние цветы» (1897), «Спокойствие» (1897), «Воля» (1897), «Синеет море слишком ярко…» (1897), «Поэту наших дней» (1884), «…Он сидел на гранитной скале…» (1885), «Порой, когда мне в грудь отчаянье теснится…» (1887), «Больной» (1885), «С тобой, моя печаль, мы старые друзья…» (1884), «Весна» (1885), «Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье…» (1885), «Совесть» (1887), «Пророк Иеремия» (1887), «Развалины» (1884), «Солнце» (1886), «Весь этот жалкий мир отчаянья и муки…» (1883), «На птичьем рынке» (1884), «“Христос воскрес”, – поют во храме…» (1887), «О жизнь, смотри – во мгле унылой…» (1885), «Часовой на посту должен твердо стоять…» (1886), «Сегодня в заговор вступили ночь и розы…» (1887), «В путь, скорее в далекий, неведомый путь!..» (1886), «О дайте мне забыть туманы и метели…» (1883), «Южная ночь» (1884), «На высоте» (1885), «В Альпах» (1885), «Черные сосны на белый песок…» (1887), «По ночам ветерок не коснется чела…» (1887), «Даль» (1885), «Ласковый вечер с землею прощался…» (1887), «Задумчивый Сентябрь роскошно убирает…» (1887), «Кроткий вечер тихо угасает…» (1887),

«В сиянье бледных звезд, как в мертвенных очах…» (1887), «В этот вечер горячий, немой и томительный…» (1887), «Пощады я молю! Не мучь меня, Весна…» (1886), «Природа говорит мне с царственным презреньем…» (1887), «И вот опять проносятся, играя…» (1884), «Здесь, в теплом воздухе, пропитанном смолою…» (1887), «После грозы» (1885), «В полях» (1884), «На Волге» (1887), «Молитва природы» (1883), «Меня ты, мой друг, пожалела…» (1885), «Мы идем по цветущей дороге…» (1886), «Ты читала ль преданья, как жгли христиан…» (1886), «В сумерки» (1884), «Я никогда так не был одинок…» (1883), «О дитя, живое сердце…» (1886), «По дебрям усталый брожу я в тоске…» (1886), «Не думала ль ты, что, бледный и безмолвный…» (1886), «Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя…» (1886), «…Потух мой гнев, безумный, детский гнев…» (1885), «Ищи во мне не радости мгновенной…» (1886), «Ариванза» (1886), «Из Альфреда Мюссэ» (1883), «Эрот» (1883), «Осень» (1884), «Голубка моя…» (1885), «Орваси» (1886), «Страшный суд» (1886), «Жертва» (1886), «Аллах и Демон» (1886), «Сакья-Муни» (1885), «Пир» (1884), «Из Горация» (1883), «Сон» (1884), «Юбилей А.Н. Плещеева» (1885), «Смерть Надсона» (1887), «Альбатрос» (1885), «Предчувствие» (1884), «В царстве солнца и роз я мечтал отдохнуть…» (1883), «Там, в глубине задумчивой долины…» (1885), «На даче» (1887), «Изображения на щите Ахиллеса» (1885), «Искушение» (1884), «Детям» (1883), «Смерть Клитемнестры» (1885), «Легенда из Т. Тассо» (1883), «На Тарпейской скале» (1884), «Смерть» (1891), «Вера» (1890), «Пророк Исайия» (1888), «Он про любовь ей говорил…» (1891), «Колизей» (1891), «Термы Каракаллы» (1891), «Сорренто» (1891), «Капри» (1891), «Праздник св. Констанция» (1891), «Везувий» (1891), «Тибур» (1891), «“Adio Napoli”» (1891), «Возвращение» (1891), «Небо и море» (1889), «У моря» (1889), «На южном берегу Крыма» (1889), «Монах» (1890), «Имогена» (1889), «Томимый грустью непонятной…» (1890), «Гимн красоте» (1889), «Семейная идиллия» (1890), «Возвращение к природе» (в авторской датировке – 1887, но полностью произведение было

завершено позднее)[396], «Конец века» (1891), «Ворон» (1890), «Чужбина-родина» (1914), «Осенне-весеннее» (1913), «Амалии» (1907), «Затихших волн сиянье бесконечно…» (1910), «Как наполняет храм благоуханье…» (1912), «Отшельник и Фавн» (1914), «Ночная песня странника» (1909), «Ужель мою святыню…» (1909), «Люблю иль нет, – легка мне безнадежность…» (1910), «Ты ушла, но поздно…» (1914), «О, как порыв любви бесплоден…» (1914), «Все кончается смертью, все кончается сном…» (1914), «Опять горит меж темных сосен…» (1914), «Не-Джиоконде» (1913), «И снилось мне: заря туманная…» (1912), «Да не будет» (1909).

К.А. Кумпан, издавшая и прокомментировавшая стихотворения и поэмы Мережковского, уже обращала внимание на то, что в ППСС-2 было включено стихотворение «Снег» (1894), написанное З.Н. Гиппиус и опубликованное ей под заглавием «Снежные хлопья»[397]. Кроме того, три стихотворения Мережковского оказались опубликованными дважды: «Что ты можешь? В безумной борьбе…» (1891; в XXII и XXIII томах), «Проклятие любви» (1895; в XXII томе на стр. 175 и там же на стр. 47 под другим заглавием – «Рабство любви»), «Нирвана» (1896; в XXII томе на стр. 182 и там же на стр. 49 без заглавия – «И вновь, как в первый день созданья…»). Дважды было опубликовано и стихотворение «Микеланджело» (1892), однако первый раз – как преамбула к одноименной статье XIX тома (без деления на строфы), а второй – как самостоятельное произведение в XXII томе. Наконец, наряду с полными текстами поэмы «Смерть» и драматической сказки «Возвращение к природе» фрагменты из них опубликованы в ППСС-2 в качестве самостоятельных стихотворений («Две песни шута» и «Morituri»).

Из всех добавленных в ППСС-2 текстов впервые были опубликованы: изъятые цензурой из первого поэтического сборника (1888) стихотворения «Пройдет немного лет, и от моих усилий…», «Аллах и Демон», «Юбилей

---

[396] Ранняя редакция под заглавием «Сильвио» опубликована: Северный вестник. СПб., 1890. № 2 – 5.

[397] Под именем Мережковского были опубликованы и другие произведения Гиппиус. См.: *Гехтман М.В.* Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М., 2007. С. 153.

А.Н. Плещеева», кроме того, оказались восстановленными все цензурные лакуны в других произведениях этой книги. К числу первых публикаций в составе ППСС-2 также относятся стихотворения «Амалии», «Отшельник и Фавн» (перевод из Гете), «О, как порыв любви бесплоден…», «Все кончается смертью, все кончается сном…», «Ночная песня странника» (перевод из Гете). В рамках ППСС-2 оформился и получил каноническое заглавие цикл «Итальянские новеллы». Приведенные факты уже доказывают авторское участие (о степени которого пока умолчим) в подготовке издания.

Еще одним отличием ППСС-2 стало наличие научно-справочного аппарата, включающего примечания, хронологический указатель произведений и литературы о произведениях Мережковского с их алфавитным перечнем и росписью содержания всех томов.

Относительность полноты ППСС-2 подтверждается тем, что Мережковский не стал включать в него многие из прежде публиковавшихся текстов. Вероятно, их наличие в составе издания могло нарушить ту стройную схему написанного, которую Мережковский предлагает в авторском предисловии ко всему собранию (см. об этом далее).

Во-первых, это довольно большой корпус поэзии. Помимо двух отмеченных текстов – «Возвращение» (1909)[398] и «Признание» (1894)[399] – в ППСС-2 также не вошли[400]:

Тучка // Живописное обозрение. 1880. № 40.

Осенние мелодии // Живописное обозрение. 1880. № 42 [цикл стихотворений: «Взглянешь на небо – туманы свинцовые…», «Природу летнею порой…», «Утомилися солнце с землей…», «Осень-плакса надоела!..»].

Нарцисс // Отклик: Литературный сборник в пользу студентов и слушательниц высших женских курсов города С.-Петербурга. СПб., 1881.

---

[398] Впервые опубл.: Речь. СПб., 1909. 4 октября; Современное слово. СПб., 1909. 4 октября.

[399] Впервые опубл.: Ежемесячное литературно-художественное приложение к журналу «Нива». СПб., 1894. № 12.

[400] Далее в хронологической последовательности за двумя косыми чертами приводятся выходные данные только первой публикации (перепечатки и разночтения не указываются), названия текстов, в свою очередь, сохраняются канонические, а значит не всегда соответствуют названию при первой публикации.

Завещание // Живописное обозрение. 1881. № 19.

Мрамор (Сонет) // Живописное обозрение. 1884. № 47.

Алонзо Добрый // Русская мысль. 1884. № 6.

Мудрецу // Русская мысль. 1884. № 11.

Из «Стихотворений в прозе» // Изящная литература. 1884. № 10 [публикуется 12 переводов Мережковского из Ш. Бодлера: I. Чужеземец. II. Опьяняйтесь. III. В толпе. IV. Химеры. V. Уже! VI. Фигляр. VII. Гавань. VIII. Игрушка. IX. Венера. X. Глаза бедняков. XI. Двойная комната. XII. Прочь из мира!].

После чтения // Живописное обозрение. 1885. № 2.

Машина // Живописное обозрение. 1886. № 19.

Два сонета // Наблюдатель. 1888. № 12 [1. Лилия. 2. Тайна].

«Сердце печальное, робкое сердце людское…» // *Мережковский Д.С.* Стихотворения (1883 – 1887). СПб., 1888.

Байрон // Красный цветок: Литературный сборник в память Всеволода Михайловича Гаршина. СПб., 1889.

«Когда гляжу я в даль морскую…» // Северный вестник. 1889. № 11.

Степь // Наблюдатель. 1889. № 11.

Грезы детства // Наблюдатель. 1889. № 12.

Старый Гуд (Осетинское предание) // Труд. 1889. № 10 – 12; Всемирная иллюстрация. 1889. Т. 42.

«Ты поклялась мне в любви…» // Живописное обозрение. 1890. № 1.

«Кто нам решит…» // Живописное обозрение. 1890. № 13.

«Как негодуют эти волны…» // Русская мысль. 1890. № 7.

«О, нет, молю, не уходи!..» // Русская мысль. 1890. № 9.

Сила человека (хор из «Антигоны» Софокла) // Сборник в пользу голодающих. М., 1891.

Туман // Русская мысль. 1891. № 1.

«Пусть темна моя дорога…» // Русская мысль. 1891. № 2.

Светляк // Артист. 1891. № 16.

На древнем форуме в Риме // Помочь: Вологодский сборник в пользу пострадавших от неурожая. СПб., 1892.

Сплин (Из Бодлэра) // Север. 1892. № 4.

Надгробные цветы // Труд. 1892. № 10.

Утренний гимн // Всемирная иллюстрация. 1892. Т. 48.

Обыкновенный человек // Труд. 1892. № 11.

Простое сердце // Сборник «Нивы». 1892. № 10 [без заглавия].

Тишина // Русское обозрение. 1892. № 10.

Ночь // Труд. 1892. № 12.

Венеция // Сборник «Нивы». 1892. № 2.

Гриндельвальд // Сборник «Нивы». 1892. № 3.

Пролог на небе (Из «Фауста» Гете) // Русское обозрение. 1892. № 3.

«Пастырь Добрый» (Легенда) // Живописное обозрение. 1892. № 13.

Два сонета Петрарки // Мир Божий. 1893. № 3 [1. «О красоте твоей молчать стыжусь, Мадонна…». 2. «Лукавый бог любви, я вновь в твоей темнице…»].

Бумажные цветы // Мир Божий. 1893. № 7.

Сеятель // Русская мысль. 1893. № 4.

Ювенал о Древнем Риме // Русская мысль. 1893. № 10.

Песня Маргариты (Гете) // Артист. 1893. № 30.

«Не надо желаний…» // Всемирная иллюстрация. 1893. Т. 50.

«Напрасно видела три века…» // Труд. 1893. № 9.

Родник // Русская мысль. 1894. № 1.

Нищий // Русская мысль. 1894. № 3.

Ода человеку // Русская мысль. 1894. № 4.

Песня во время грозы // Русская мысль. 1894. № 5.

Счастья нет // Русская мысль. 1894. № 7 [без заглавия].

Лев // Русская мысль. 1894. № 10 [под заглавием «Пророк (на мотив из Корана)»].

Октябрь // Север. 1894. № 43.

Надежда // Север. 1894. № 45.

Самому себе (Леопарди) // Всемирная иллюстрация. 1894. Т. 52 [с подзаголовком «(Из Джиакомо Леопарди)»].

Солнце и Сердце // Всемирная иллюстрация. 1894. Т. 52.

Царство Божие // Живописное обозрение. 1894. № 10.

Природа // Живописное обозрение. 1894. № 18 [два стихотворения: 1. «Когда под куполом огромного собора…». 2. «Когда же дивный храм природы…»].

Dies irae // Нива. 1894. № 2.

К женщине // Русская лира. Вып. 3. СПб., 1895.

Ласточки // Всемирная иллюстрация. 1895. Т. 53.

Слепая // *Мережковский Д.С.* Новые стихотворения: 1891 – 1895. СПб., 1896.

Средиземное море // *Мережковский Д.С.* Новые стихотворения: 1891 – 1895. СПб., 1896.

Сорренто // Северный вестник. 1896. № 7.

Часы // Живописное обозрение. 1899. № 10.

«Еще люблю тебя, родная…» // Живописное обозрение. 1899. № 17.

«Октябрьский снег первоначальный…» // Ежемесячное приложение к «Живописному обозрению». 1899. № 9; Домашняя библиотека. 1899. № 9.

Stabat Mater // Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта). СПб., 1899.

«Люблю мой камень драгоценный…» // Новый путь. 1904. № 7 [вместе со следующим стихотворением под заглавием «Два стихотворения»].

«Кто ты, он или она…» // Новый путь. 1904. № 7.

«Ослепительная снежность…» // Весы. 1906. № 3 – 4.

«Я всех любил, и всех забыли…» // Утро. 1908. 15 сентября.

Не говори // Душеполезный собеседник. 1909. № 6.

«В небе, зеленом, как лед…» // Италии: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине. М., 1909.

«На те холмы, в леса сосновые…» // Русская мысль. 1910. № 10.

«О, мука вечной жажды!..» // Русское слово. 1914. № 80.[401]

«Я от жажды умираю...» // Русское слово. 1914. № 80.

Во-вторых, в ППСС-2 отсутствуют публиковавшиеся ранее драматические произведения:

Гроза прошла (Драматические сцены в четырех действиях) // Труд. 1893. № 1.

Маков цвет (Драма в четырех действиях) // Русская мысль. 1907. № 11 [в соавторстве с З.Н. Гиппиус и Д.В. Философовым].

В-третьих, это художественная проза:

Пророк // Наблюдатель. 1891. № 12.

Лигейя // Труд. 1893. № 11 [перевод из Э. По].

Свидание (Рассказ из времен Юлиана Отступника) // Живописное обозрение. 1895. № 14. [402]

На новом Замоскворечье // Ежемесячное литературно-художественное приложение к журналу «Нива». 1895. № 6.

Княжна Диспина. Очерк из грузинской жизни // Ежемесячное литературно-художественное приложение к журналу «Нива». 1895. № 8.

Пир. Бытовая картина IV века по Р.Х. // Ежемесячное литературно-художественное приложение к журналу «Нива». 1896. № 8.

Любовь // Ежемесячное приложение к «Живописному обозрению». 1898. № 5.

Ангел // Ежемесячное приложение к «Живописному обозрению». 1899. № 1.

Наконец, в-четвертых, пропущен ряд литературно-критических и публицистических работ[403], а также открытых писем:

---

[401] Этот и следующий тексты могли не успеть войти в ППСС-2 по объективным причинам, так как относятся к 1914 году.

[402] В первый роман трилогии «Христос и Антихрист» этот текст по неизвестным причинам не вошел.

[403] Отсутствие в перечне текстов «Мещанство и русская интеллигенция» (Полярная звезда. СПб., 1905. № 1) и «Китай в Европе» (Русское слово. М., 1905. № 233) объясняется их включением в состав новой редакции статьи «Грядущий Хам», открывавшей одноименный сборник: I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб., 1906 (здесь и далее название приводится по титульному листу, тогда как на обложке сборника стоит только «Грядущий Хам»). Аналогичная ситуация – с текстом «Флоренция и Афины (Путевые воспоминания)» (Наше время. СПб., 1893. № 32 – 34), который с изменениями вошел в сборник «Вечные спутники» под заглавием «Акрополь»; а также «Царство Глеба» (Речь. СПб., 1909. № 279) и «Власть земли и власть неба» (Речь. СПб., 1909. № 286), включенные в расширенный вариант статьи «Иваныч и Глеб» (Речь. СПб., 1909. № 188) для сборника «Больная Россия». Наконец, это касается заметок «Свирель Антона Бедного (Памяти Антона Чехова)», «Откуда явился босяк?», «“Дно” и “подполье”», «Босяк и христианство», «Отец лжи», опубликованных в 1905 году в «Русском слове» (№ 198; № 200; № 207; № 219; № 226) и вошедших в статью

Старый вопрос по поводу нового таланта («В сумерках» и «Рассказы» Чехова) // Северный вестник. 1888. № 11.

Руссо // Русское богатство. 1889. № 11.

Рассказы В. Короленко // Северный вестник. 1889. № 5.

Памяти Тургенева // Театральная газета. 1893. № 8.

Памяти А.Н. Плещеева // Театральная газета. 1893. № 14.

Мистическое движение нашего века // Труд. 1893. № 4.

Неоромантизм в драме (Критический очерк) // Вестник иностранной литературы. 1894. № 11.

Новейшая лирика // Вестник иностранной литературы. 1894. № 12.

Крестьянин во французской литературе (Очерки. I. Бальзак. II. Мишле) // Труд. 1894. № 7; 1895. № 9.

Письмо в редакцию // Новости и биржевая газета. 1896. № 342.

Селение Винчи (Из путевого дневника) // Cosmopolis. 1897. № 2.

Я.П. Полонский // Мир искусства. 1899. № 1 – 2.

Праздник Пушкина // Мир искусства. 1899. № 13 – 14.

Письмо в редакцию // Новое время. 1899. № 8347.

Памяти А.И. Урусова // Мир искусства. 1900. № 15 – 16.

Письмо в редакцию // Новое время. 1900. № 8571.

Письмо в редакцию // Россия. 1900. № 254.

Письмо в редакцию // Новое время. 1901. № 8974.

Письмо в редакцию // Новое время. 1901. № 9248.

Отцы и дети русского либерализма. Письмо в редакцию. СПб., 1901 [отдельный оттиск из журнала: Мир искусства. 1901. № 2 – 3].

Письмо в редакцию // Мир искусства. 1902. № 4.

Что такое язычество? // Новое время. 1902. № 9543.

О новом значении древней трагедии // Новое время. 1902. № 9560.

«Чехов и Горький» (1906). Невключение в список статьи «Кольцов», вошедшей в сборник «Философские течения русской поэзии» (1896), составленный П.П. Перцовым, объясняется тем, что это републикация фрагмента из брошюры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893).

Ответ художнику А.Б. // Новый путь. 1903. № 2 [ответ на открытое письмо А.Н. Бенуа[404], опубликованное в том же номере].

О гигантах и пигмеях // Мир искусства. 1903. № 3.

Новый Вавилон // Новый путь. 1904. № 3.

За или против // Новый путь. 1904. № 9.

О свободе слова // Новый путь. 1904. № 10.

Умытые руки // Весы. 1905. № 9 – 10.

Робкий бунт // Русское слово. 1905. № 228.

Чудо // Русское слово. 1905. № 247.

«Штундист» // Русское слово. 1905. № 256.

О благородстве пролетариата (Ответ г. Минскому) // Свобода и культура. 1906. № 2.

Куда девалась моя шапка? (Новогоднее письмо к Витте) // Народное хозяйство. 1906. № 15.

О воскресении // Живая жизнь. 1907. № 1.

Письмо в редакцию [коллективное] // Русь. 1907. № 221.

Письмо в редакцию [коллективное] // Весы. 1907. № 8.

Сошествие в ад // В тихом омуте. СПб., 1908.

Письмо в редакцию [коллективное] // Речь. 1908. № 227.

Интеллигенция и народ // Речь. 1908. № 279.

Письмо в редакцию [коллективное] // Новая Русь. 1908. № 40.

Письмо в редакцию // Последние новости. 1908. № 41.

Письмо в редакцию [коллективное] // Слово. 1909. № 698.

Расколовшийся колокол // Русское слово. 1909. № 288.

Письмо в редакцию // Речь. 1909. № 60.

Письмо в редакцию // Новая Русь. 1909. № 60.

Письмо в редакцию [коллективное] // Обозрение театров. 1909. № 856.

Брат человеческий // Русское слово. 1910. № 13.

---

[404] Адресат раскрыт Д.Е. Максимовым.

Великий гнев // Русское слово. 1910. № 108.

Ночью о солнце // Русское слово. 1910. № 138.

Любовь к родине // Русское слово. 1910. № 142.

Балаган и трагедия // Русское слово. 1910. № 211.

Восток или Запад? // Русское слово. 1910. № 217.

Земной Христос // Русское слово. 1910. № 236.

Д.С. Мережковский о Л.Н. Толстом *(По телефону из Петербурга)* // Русское слово. 1910. № 252.

Страшное дитя // Речь. 1910. № 30.

Смерть Толстого // Речь. 1910. № 308.

Письмо в редакцию // Речь. 1910. № 314.

Зеленая палочка // Речь. 1910. № 319.

Письмо в редакцию // Речь. 1911. № 39.

Письмо в редакцию [коллективное] // Речь. 1911. № 277.

Национализм и религия // Речь. 1911. № 289.

Письмо в редакцию // Речь. 1911. № 299.

Письмо в редакцию // Биржевые ведомости. Вечерний вып. 1911. № 2161.

Письмо в редакцию // Русская мысль. 1912. № 5.

Новая пьеса Л. Андреева // Русское слово. 1912. № 289.

Два отречения // Русское слово. 1912. № 293.

Чего пожелать русским писателям на 1912 год // Речь. 1912. № 1.

Письмо в редакцию // Речь. 1912. № 146.

Осел и розы // Речь. 1912. № 308.

Письмо в редакцию // Речь. 1913. № 88.

Письмо в редакцию [коллективное] // Речь. 1913. № 279.

Как В. Розанов пил кровь // Речь. 1913. № 318.

Несоленая соль // Русское слово. 1913. № 9.

О черных колодцах // Русское слово. 1913. № 59.

На пути в Эммаус // Русское слово. 1913. № 87.

В. Розанов // Русское слово. 1913. № 125.

Некрасов (Заметка) // Русское слово. 1913. № 183.

Св. Елена // Русское слово. 1913. № 217.

Маленькие мысли // Русское слово. 1913. № 226.

Трагедия совести (Еще о Некрасове) // Русское слово. 1913. № 253.

Горький и Достоевский // Русское слово. 1913. № 286.

Больная красавица // Биржевые ведомости. Утренний вып. 1914. № 14520.[405]

О религиозной лжи национализма // Голос жизни. 1914. № 4.

Убийца лебедей // Церковно-общественный вестник. 1914. № 43.

Письма А.С. Суворину: 1903 – 1911 // Новое время. 1914. № 13606; № 13607; № 13608 [см. также: № 7928; № 7929; № 7930].

Письма в редакцию // Новое время. 1914. № 13606; № 13608; № 13610.

Суворин и Чехов // Русское слово. 1914. № 17.

Тайна Тютчева // Русское слово. 1914. № 43; № 47; № 49.

Мертвая точка // Русское слово. 1914. № 131.

Еще шаг грядущего Хама // Русское слово. 1914. № 149.

Два ислама // Русское слово. 1914. № 262.

Война и религия // Русское слово. 1914. № 276.

Письма в редакцию // Речь. 1914. № 25; № 27; № 29.

Письмо в редакцию «Daily Telegraph» // Речь. 1914. № 293.

Письмо в редакцию // Киевская мысль. 1914. № 70.

Письмо Ф.К. Сологубу // День. 1914. № 8.

Изменения коснулись состава некоторых авторских книг, включенных в собрания сочинений. В ППСС-1 и ППСС-2 статьи «Майков» (впервые в другой редакции и под заглавием «А.Н. Майков»: Труд. 1891. № 4), «Гончаров» (впервые под заглавием «И.А. Гончаров»: Труд. 1890. № 24) и «Достоевский» (впервые в другой редакции и под заглавием «О “Преступлении и наказании” Достоевского»: Русское обозрение. 1890. № 3), входившие в первое издание

[405] Эта и следующие публикации могли не успеть войти в ППСС-2 по объективным причинам, так как относятся к 1914 году.

брошюры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), исключены из него. Видимо, потому, что эти статьи еще раньше были отнесены автором к сборнику «Вечные спутники» (впервые с подзаголовком «Портреты из всемирной литературы»: СПб., 1897), составившему XIII том ППСС-1 и XVII – XVIII тома ППСС-2. Что касается этой книги, то в ППСС-1 из нее была исключена статья «“Дафнис и Хлоя”» (впервые под заглавием «О символизме “Дафниса и Хлои”»: Дафнис и Хлоя. Древнегреческий роман Лонгуса. Пер. Д.С. Мережковского. СПб., 1896, на обл. дата: 1895) и помещена в VI томе в качестве предисловия к переводу «Дафниса и Хлои». Такая же перестановка произведена в ППСС-2 (см. XIX том), однако здесь «Вечные спутники» вышли с тремя дополнительными статьями: «Трагедия целомудрия и сладострастия» (впервые: Мир искусства. 1899. № 7 – 8), «Тургенев» (впервые: Речь. 1909. № 51; в ППСС-1 опубликована в составе сборника «Больная Россия» в XII томе), «Гете» (впервые: Русское слово. 1913. № 144). Поскольку признаков нарушения авторской воли в данном случае не наблюдается, можно предположить, что состав «Вечных спутников» в ППСС-2 (последнее прижизненное издание) следует признать предпочтительным для последующих переизданий[406].

[406] В то же время сохраняется текстологическая проблема с очерком «Гете», который позднее Мережковский включит в сборник статей «Было и будет. Дневник. 1910 – 1914» (1915), но с незначительными изменениями и сокращениями, в том числе – цензурными, о чем свидетельствуют отточия. Таким образом, републикация текста не до конца отвечает авторской воле. С сожалением приходится констатировать, что сборник «Было и будет. Дневник. 1910 – 1914» уже дважды переиздавался (в 2001 и 2011 гг.) без восстановления цензорских изъятий, что легко сделать, заглянув в тексты первых публикаций статей. Интерес Мережковского к автору «Фауста» возник еще до создания очерка «Гете» и со временем возрастал. По верному указанию Е.А. Андрущенко, при определении места и роли Гете в творческом мире писателя стоит иметь в виду статью «Мистическое движение нашего века» (1893), а также исключенные фрагменты из первопечатной редакции статьи «Пушкин» (1896). После посещения дома Гете в Веймаре Мережковский писал в 1909 году О.А. Флоренской: «А Вы знаете “Фауста”? Т.е. по-настоящему, по-немецки? Это самое будущее, пророческое из всего, что написано за последние два века» (*Шутова Т.* «Да будут совершены воедино...»: Переписка Мережковских с О. Флоренской // Новый журн. Нью-Йорк, 2009. № 256. С. 114). Согласно воспоминаниям В.А. Злобина, в последние годы жизни писатель «собирает материал для книги о Гете. По поводу ее он как-то в шутку замечает: “Эти святые довольно-таки мне надоели. Напишу-ка я об язычнике Гете”. Но, увы! написать о Гете ему не суждено» (*Злобин В.А.* Тяжелая душа // *Злобин В.А.* Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М., 2004. С. 403). Некоторые ученые, хоть и условно, но с полным на то правом определяют творчество Мережковского как путь «от Ницше к Гете» (см.: *Коренева М.Ю.* Д.С. Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1991. С. 76).

Несмотря на то что работа «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (впервые: Весы. 1906. № 2 – 4) выходила отдельным изданием в 1906 году, в ППСС-1 она отнесена к сборнику «Грядущий Хам» (впервые: I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб., 1906[407]). Судя по всему, причиной такого механического объединения является то, что обе книги вышли практически одновременно в издательстве М.В. Пирожкова. В составе ППСС-2 к сборнику «Грядущий Хам» помимо «Пророка русской революции» добавлена статья «Желтолицые позитивисты» (впервые: Вестник иностранной литературы. 1895. № 3). Именно в таком виде этот сборник отвечает последней авторской воле и переиздается сегодня.

Наконец, внимания заслуживает книга «В тихом омуте» (1908), из которой по неизвестным нам причинам в ППСС-1 и ППСС-2 была исключена статья «Сошествие в ад», посвященная «Рассказу о семи повешенных» Л.Н. Андреева. Наличие авторской санкции на эту купюру требует дополнительной аргументации, однако усомниться в нем позволяет рекламное объявление к ППСС-1 с росписью содержания[408], в котором уже вышедший к тому времени XII том якобы включает эту статью. В «Хронологическом указателе произведений Д.С. Мережковского» к ППСС-2 «Сошествие в ад» тоже присутствует.

Подготовкой очередной книги критических статей «Было и будет. Дневник 1910 – 1914» (1915) можно объяснить отсутствие в ППСС-2 большинства текстов, которые впоследствии войдут в этот сборник (содерж.: На пути в Эммаус. Смерть Толстого. Зеленая палочка. Две России. Гете. Байрон. Св. Елена. Александр I. Страшное дитя. Земной Христос. Расколовшийся колокол. Два отречения. Религиозное народничество. Розанов. Суворин и Чехов. Национализм и религия. Кто убил? Горький и Достоевский. Несоленая соль. Восток или Запад? О черных колодцах. Ночью о солнце.

[407] Описание приводится по титульному листу. Название на обл.: Грядущий Хам.
[408] Данное объявление имеется на более дешевом издании без изящного коленкорового переплета. Цена томов в переплете для подписчиков существенно возрастала.

Мертвая точка. Маленькие мысли). Многие из них подвергнутся жесточайшим цензурным сокращениям (около половины пространства от общего объема книги).

Что касается других произведений, не попавших в ППСС-1 и ППСС-2, то их отсутствие вероятнее всего можно объяснить (как это сделал Лятский) тщательным авторским отбором и нежеланием Мережковского разрывать звенья одной цепи, нарушать непрерывную связь частей целого[409]. В то же время известна позиция К.А. Кумпан относительно стихотворных текстов: «Вопрос об авторском участии в поэтических томах второго “Полного собрания сочинений” (и последнего прижизненного собрания его поэзии) не вполне ясен»[410]. Если в ППСС-1 воспроизведено авторское «Собрание стихов: 1883 – 1910 г.» (1910), дополненное стихотворением «Возвращение» (1909), то в ППСС-2 поэтическое наследие представлено значительно шире (XXII – XXIV тома). Однако состав авторских сборников здесь нарушен. В XXII том, помимо книги «Стихотворения (1883 – 1887)» (1888), из которой исчезло «Сердце печальное, робкое сердце людское…», включены более поздние тексты конца 1880-х – начала 1890-х годов. В том же томе оказались произведения из «Собрания стихов (1883 – 1903)» (1904), за исключением вошедших туда текстов «Стихотворений» (1888), «Символов (песен и поэм)» (1892; в ППСС-2 помещены в XXIII томе) и стихотворения «Признание» (1894). Часть текстов из сборника «Новые стихотворения: 1891 – 1895» (1896) в ППСС-2 не попали, а оставшиеся вошли либо в ранней (журнальной), либо в поздней (в составе «Собрания стихов», 1904) редакции. Все это, не говоря об уже упоминавшихся нами дублях, неавторской датировке и других небрежностях, приводит современного текстолога к предположению, что авторское участие в поэтических томах ППСС-2 ограничилось передачей издателям доцензурной рукописи или корректуры первого стихотворного сборника (на это указывают

[409] *Лятский М.А.* Дмитрий Сергеевич Мережковский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. X.
[410] *Кумпан К.А.* Примечания // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 758.

восстановленные лакуны) и не публиковавшихся прежде поздних стихотворений (наряду со «Старинными октавами» вошли в XXIV том): «Нарушение авторской воли можно усмотреть и в том, что многие стихотворения, имеющие в авторских публикациях (в журналах и сборниках) и автографах строфическое членение, здесь, в целях экономии места, напечатаны без обозначающих строфы интервалов»[411].

Звучит убедительно, и очевидно, что состав поэтических томов ППСС-2 не может быть положен в основу научного и академического издания стихотворений Мережковского. Но значит ли это, что мы имеем дело с тотальным нарушением авторской воли? Думается – нет, если посмотреть на это не с позиций современной текстологии, а со стороны самого автора. Во-первых, представляется сомнительным тезис о том, что «издатели забыли (или не знали) о существовании наиболее значимого сборника Мережковского “Новые стихотворения” (1896) и не включили его в собрание»[412]. В примечаниях к XXII (поэтическому) тому сказано: «В 1896 г. вышло третье издание – *Д. Мережковский. Новые стихотворения. Изд. книжн. маг. Ледерлэ. СПБ. 1896*»[413]. Эта же информация содержится в «Хронологическом указателе произведений Д.С. Мережковского» в XXIV томе. Возможно, причина – не в издателях, а в авторе, который в поздние годы дистанцировался от декадентства. Во-вторых, до середины 1890-х годов Мережковский своим главным призванием видел именно поэзию. Когда П.П. Перцов уговаривал его написать статью о Пушкине для сборника «Философские течения русской поэзии» (1896), Мережковский «отнекивался: этот чудак считал себя тогда прежде всего поэтом – чуть ли в самом деле не преемником Надсона, а на критическое свое амплуа смотрел, как на случайное и вполне второстепенное»[414]. Однако, выпустив три авторских сборника, а также два «Собрания стихов», он перестал осознавать себя в качестве поэта. «Вы знаете, я

[411] Там же.
[412] Там же. С. 757.
[413] *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 195.
[414] *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. 1890 – 1902 гг. М., 2002. С. 157.

до чего дошел. – Еще в 1900 году признавался Мережковский. – Мне стихи чем-то лишним кажутся. Мне пищу для души подавай, а стихи чтó, детское»[415]. Стоит ли после этого удивляться, что писатель не отнесся к своей поэзии с академическим вниманием? Качество подготовки поэтических томов отражает если не волю автора, то его отношение к содержащимся в них текстам. Дополнительным аргументом в пользу этого служит публикация стихотворных произведений в трех последних книгах ППСС-2, на периферии собственного творчества[416].

§ 4. Принципы расположения текстов

Итак, мы подошли к вопросу об «архитектуре» рассматриваемых изданий, внешних связях между составными частями двух книжных ансамблей. В ППСС-1 четкий принцип распределения произведений отсутствует. Собрание начинается и заканчивается томами с художественной прозой (I – V, XV_2/XVI – XVII), между которыми неупорядоченно представлены переводы и переложения (VI, XIV), литературно-критические и публицистические работы (VII – XIII, XV), избранные стихотворения (XV). Иначе дело обстоит с ППСС-2, в котором почти всегда соблюдается систематический подход к расположению материала[417].

---

[415] *Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 116. Несмотря на явный отход от поэзии, Мережковский продолжал рифмовать. «В последние годы своей жизни, – пишет мемуарист, – он, лежа по вечерам у себя на кушетке, исправляет свои старые стихи – переставляет запятые, меняет слова, что-то вычеркивает, что-то прибавляет, потом отдает их в переплет» (Статья В. Злобина о З.Н. Гиппиус // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 337).

[416] В этом же ключе в связи с ППСС-1 высказался А.С. Долинин: «По-видимому, Мережковский сам знает слабые стороны своей поэзии и относится к ней довольно пренебрежительно. В полном собрании сочинений он счел нужным поместить такие мелочи, как “Предисловие к одной книге” или “Открытое письмо Бердяеву”, а поэзию свою почти всю исключил, отверг: из всей массы стихов едва выбрал несколько десятков стихотворений, которым еще можно придавать значение, и то, кажется, не с художественной стороны» (*Долинин А.* Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века (1890 – 1910). М., 2000. Кн. 1. С. 282). Между тем Брюсов в 1910 году выразил желание, чтобы Мережковский издал все написанные им стихи в полном собрании: «Это будет единственная, в своем роде, летопись исканий современной души, как бы дневник всего того, что пережила наиболее чуткая часть нашего общества за последнюю четверть века. Этот исторический интерес навсегда остается за стихами Мережковского, как бы сурово ни приходилось их критиковать с чисто эстетической точки зрения» (*Брюсов В.* Д.С. Мережковский как поэт // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 305).

[417] Далее при указании сведений о первой журнальной и отдельной публикациях мы не касаемся вопроса о различиях в составах текстов, поскольку он уже был нами рассмотрен.

Первые тома собрания (I – VIII) отданы художественной прозе. Это романы трилогии «Христос и Антихрист»: «Смерть богов (Юлиан Отступник)» (впервые под заглавием «Отверженный»: Северный вестник. 1895. № 1 – 6; отдельное издание – СПб., 1896; новое название появилось во втором издании – СПб., 1902 – и повторилось в третьем – СПб., 1906), «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (несколько глав романа опубликовано впервые: Начало. 1899. № 1 – 4; полностью впервые: Мир Божий. 1900. № 1 – 12; первое отдельное издание – СПб., 1901, второе – СПб., 1902, третье – СПб., 1906), «Антихрист (Петр и Алексей)» (черновые наброски к роману публиковались в альманахе «Северные цветы» (1903); полностью впервые: Новый путь. 1904. № 1 – 5, 9 – 12; Вопросы жизни. 1905. № 1 – 3; первое отдельное издание – СПб., 1905, второе – СПб., 1906). Кроме того, это произведения, которые впоследствии войдут в трилогию «Царство Зверя»: драма «Павел I» (впервые: Русская мысль. 1908. № 2; отдельное издание – СПб., 1908; в том же году в Берлине пьеса вышла под заглавием «Смерть Павла I») и роман «Александр I» (отрывки печатались в газете «Русское слово»; полностью впервые: Русская мысль. 1911. № 5, 6, 10, 11, 12; 1912. № 1, 3, 4, 10, 11, 12; отдельное издание в двух томах – СПб.; М., 1913, три издания).

В следующих томах ППСС-2 (IX – XVIII) разместилась критическая проза (историко-литературные и публицистические работы): трактат «Л. Толстой и Достоевский» (впервые: Мир искусства. 1900 – 1901 [все номера]; 1902. № 2; отдельное издание в двух томах – СПб., 1901 – 1902; второе издание первого тома – СПб., 1901, третье – СПб., 1903, четвертое – СПб., 1909; второе издание второго тома – СПб., 1903, третье – СПб., 1909); книги статей и самостоятельные исследования «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (отдельное издание – СПб., 1908), «Грядущий Хам» (отдельное издание под названием на титульном листе «I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький» – СПб., 1906); «Больная Россия» (отдельное издание – СПб., 1910); «Гоголь» (впервые под названием «Судьба Гоголя. Творчество, жизнь и

религия»: Новый путь. 1903. № 1 – 3; отдельное издание под названием «Гоголь и черт» – М., 1906, под названием «Гоголь. Творчество, жизнь и религия» – СПб., 1909); «В тихом омуте» (отдельное издание – СПб., 1908); «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (впервые под названием «Поэт сверхчеловечества. Лермонтов»: Русская мысль. 1909. № 3; отдельное издание – СПб., 1909); «Вечные спутники» (первое отдельное издание с подзаголовком «Портреты из всемирной литературы» – СПб., 1897, второе – СПб., 1899, третье разными выпусками – СПб., 1906 – 1908, четвертое – СПб., 1910); «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (отдельное издание – СПб., 1893).

Далее (XIX – XXI тома) идут переводы и переложения: цикл «Итальянские новеллы» (впервые под названием «Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV века» – М., 1902, второе издание – СПб., 1904)[418], объединенный в один том с «Дафнисом и Хлоей» (первое отдельное издание – СПб., 1896, второе – СПб., 1904); греческие трагедии (отдельное издание сборника – СПб., 1902)[419].

Заключает ППСС-2 (XXII – XXIV тома) корпус стихотворений (см. выше), «Автобиографическая заметка» (впервые: Русское слово. 1913. № 65). Единственным нарушением систематического принципа является включение в XXIV том «Изречений китайской мудрости» (впервые: Вестник иностранной литературы. 1895. № 1), которые логичнее смотрелись бы в ряду переводов и переложений.

---

[418] «Цикл “Итальянские новеллы”, – утверждается в предисловии к недавнему переизданию, – включает прежде всего переводы пяти изящных новелл XV в., в том числе шедевра новеллистики Возрождения – анонимной “Новеллы о Грассо, инкрустаторе и резчике по дереву” (под названием “Превращение”). Затем следует написанная самим Мережковским по итальянским источникам эпохи Возрождения повесть “Микель-Анжело”. Завершает цикл, как бы замыкая тему “золотого века” истории человечества, первый по времени перевод на русский язык новеллы Анатоля Франса “Святой Сатир”» (От редакции // Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы. Шарль Бодлер. Избранные стихотворения / Пер. с греч., ит., фр. Дмитрия Мережковского. М., 2010. С. 5 – 6; об источниках переложений см. в примечаниях к этому изданию).

[419] Ср. с прокомментированным переизданием: Эсхил. Софокл. Еврипид. Трагедии / Пер. с греч. Дмитрия Мережковского. М., 2009.

§ 5. Научно-справочный аппарат

Последний текстологический аспект, на котором следует остановиться – научно-справочный аппарат издания. В ППСС-1 его заменяет критико-биографический очерк Лятского[420] «Дмитрий Сергеевич Мережковский», отчасти перенимающий функцию историко-литературного и реального (а точнее – биографического) комментария, что может быть объяснимо принадлежностью данного собрания к разряду массовых. В свою очередь, научно-справочное сопровождение ППСС-2 выполнено на более высоком уровне, хотя и не лишено досадных погрешностей. Его подготовку издательство И.Д. Сытина поручило О.Я. Ларину.

Начнем с примечаний, которые приводятся после публикуемых произведений или сборников в конце томов: I, III, V, VI, VIII, XII, XIII, XV (объединены с примечаниями к XIV тому), XVI, XVIII (объединены с примечаниями к XVII тому), XIX, XXI (объединены с примечаниями к XX тому), XXII (относятся ко всем поэтическим произведениям, помещенным также в XXIII и XXIV томах). Скорее всего, по техническим причинам отдельных примечаний нет у «Изречений китайской мудрости» и «Автобиографической заметки», потому что они помещены в конце XXIV тома, и за ними сразу идут общие указатели. Информация, содержащаяся в этих примечаниях, соединяет несколько видов комментария: библиографический с элементами текстологического и реального. Об историко-литературном комментарии говорить не приходится, поскольку данное издание не снабжено в отличие от ППСС-1 критико-биографическим очерком. Его отсутствие

[420] М.А. Лятский – забытый литератор начала XX века, активно сотрудничавший с изд-вом т-ва М.О. Вольф. Среди его работ: Великие мира. Избранники истории всех времен и народов. Рассказы и очерки М.А. Лятского. Пг.; М., 1915; Великие мира. Серия 2. [Средние века] Исторические рассказы и очерки М.А. Лятского. СПб.; М., 1914 (Беспл. прил. к журн. «Задушевное слово»; вышло в 8-ми вып.); Великие мира. [Древняя история] Избранники истории всех времен и народов. Рассказы и очерки М.А. Лятского. СПб.; М., 1913 (Беспл. прил. к журн. «Задушевное слово»; вышло в 10-ти вып.); Моя первая книга обо всем / Сост. М.А. Лятский. СПб.; М., 1913 (Беспл. прил. к журн. «Задушевное слово»; вышло в 6-ти вып.); Родная старина: Картинки и рассказы из прошлого русского народа для маленьких детей / Сост. М.А. Лятский. Пг.; М., 1916 – 1917 (Беспл. прил. к журн. «Задушевное слово»; вышло в 8-ми вып.). Под ред. Лятского выходил перевод с французского военных рассказов Альфонса Доде под заглавием «В пороховом дыму» (Пг.; М., 1915).

компенсируется авторским предисловием в начале и «Автобиографической заметкой» в конце собрания.

Читатель ППСС-2 не только получает сведения о предыдущих публикациях текстов (при этом указываются выходные данные, изменения заглавий и т.п.), но и посвящается в дополнительные обстоятельства работы автора или издательской судьбы произведения. Из примечаний к I тому узнаем: «Роман “Смерть богов” написан был в 1893 – 4 гг. Попытки напечатать его в каком-нибудь из журналов не имели успеха, и, например, М.М. Стасюлевич, несмотря на рекомендацию А.Ф. Кони, категорически отказался поместить роман в “Вестнике Европы”»[421]. Там же читаем, что для отдельного издания 1896 года «роман был значительно переработан и от текста, помещенного в “Северном Вестнике”, сильно разнится: некоторые отрывки были опущены, другие были вновь написаны»[422]. Комментатор не уточняет, о каких пассажах идет речь, так как перед нами не академическое, а научно-популярное издание. Другой случай – примечания к V тому, в которых сообщается о неосуществленном намерении выпустить заключительную часть трилогии «Христос и Антихрист» под названием «Петр и царевич Алексей»[423]. Обширным реальным комментарием снабжена драма «Павел I». В нем подробно на четырех страницах повествуется об уголовном преследовании автора пьесы и ее издателя М.В. Пирожкова. Особую ценность для понимания писательской стратегии представляет цитирование последнего слова Мережковского, произнесенного им в зале суда: «*…Как нельзя Достоевского судить за суждения Раскольникова, как нельзя считать Библию атеистичной на основании того, что в псалмах Давида есть фраза “Нет Бога”, точно так же и вообще нельзя приписывать автору чувств и мыслей его героев, – а тем более в драме, где мысли автора скрыты более, чем где-либо. Как судить, кому сочувствует Шекспир в “Юлии Цезаре” – Бруту или Цезарю! Сочувствие*

[421] *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 353.
[422] Там же.
[423] *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 289.

художника – это его тайна, но мне незачем скрывать мои тайны. Я полюбил героя – Александра I, полюбил за его человечность, за его страдания, за его религиозность, за то, что он, по-моему, обижен и оклеветан, за то, наконец, что во имя христианского идеала он отрицал неограниченную власть»[424]. Здесь Мережковский выразил мысль, которой на практике следовал не часто (о высокой степени автобиографизма в его творчестве см. далее).

Иногда комментатор дает перечень переводов произведений Мережковского («Смерть богов (Юлиан Отступник)», «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», «Антихрист (Петр и Алексей)») на иностранные языки (французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, польский) и даже указывает зарубежные рецензии. Разительная неполнота в представлении этих сведений объясняется Лариным так: «Трудности регистрации переводов и литературы о русских писателях на иностранных языках и неполный список переводов Д.С. Мережковского в Императорской Публичной библиотеке лишили нас возможности дать абсолютно полные указания. Собранные нами материалы не исчерпывают богатого материала о Д.С. Мережковском на иностранных языках»[425].

Что касается работ на русском языке, то они помещены в «Хронологическом указателе литературы о произведениях Д.С. Мережковского», включающем книги (1889 – 1914), журнальные и газетные статьи (1888 – 1914). В общей сложности – более 200 наименований. Несмотря на то что в библиографии А.Г. Фомина, вошедшей в книгу «Русская литература XX века (1890 – 1910)» (под ред. С.А. Венгерова), эта цифра почти вдвое больше, труд Ларина – первое справочное пособие, посвященное Мережковскому. «Само собой разумеется, – признавался составитель, – что на полноту указаний мы не претендуем, так как достичь ее в отношении к автору, вызывавшему всегда в печати горячие споры, очень трудно»[426]. Помимо

[424] *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 280.
[425] *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 353.
[426] *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 119.

изданных к тому времени общих библиографий, Лариным были просмотрены комплекты журналов «Новый путь», «Вопросы жизни», «Мир искусства», «Весы», «Золотое руно» и отдельные номера таких периодических изданий, как «Северный вестник», «Cosmopolis», «Труд», «Вестник иностранной литературы», «Театральная газета».

Функцию библиографического комментария (частично дублируя примечания) выполняет «Хронологический указатель произведений Д.С. Мережковского» (1881 – 1913). Его главное отличие от библиографии, составленной Фоминым, в том, что он учитывает отдельные стихотворные публикации, но в первую очередь те, которые вошли в ППСС-2. Что касается публикаций иного рода, то Ларин указывает многие (хотя далеко не все) из не включенных в собрание. Есть среди них одна, пропущенная впоследствии Фоминым – «О гигантах и пигмеях».

За исключением непоследовательности, опечаток и мелких неточностей, отличающих многие ППСС, Лариным допущены и более серьезные ошибки. Прежде всего – в примечаниях.

Вопреки утверждению комментатора, Мережковский начал роман «Смерть богов (Юлиан Отступник)» не в 1893 году, а гораздо раньше. Согласно воспоминаниям Гиппиус, замысел этого произведения и начало работы над ним относятся к лету1890 года, что подтверждается и другими фактами[427].

В примечаниях к III тому при упоминании о публикации первых глав второй части трилогии «Христос и Антихрист» в журнале «Начало» не указан четвертый номер этого издания.

В примечаниях к V тому не говорится о том, что черновые наброски к роману «Антихрист (Петр и Алексей)» были опубликованы в альманахе «Северные цветы» (1903), хотя в «Хронологическом указателе произведений Д.С. Мережковского» об этом сказано.

---

[427] См.: *Соболев А.Л.* Мережковский в работе над романом «Смерть богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 33.

В примечаниях к VIII тому говорится о том, что отрывки из романа «Александр I» появились в печати в газете «Русское слово» только за 1911 год, хотя следовало также указать 1912 год, тем более что об этом сказано в «Хронологическом указателе произведений Д.С. Мережковского».

В примечаниях к XIII тому не даны сведения о публикации «Ответа на вопрос»: Век. 1907. № 19. Кроме того, для текста «Предисловие к одной книге» называется только первая публикация на французском языке в совместном с З.Н. Гиппиус и Д.В. Философовым сборнике «Le Tsar et la Révolution» (1907) и не указывается републикация на русском в другом коллективном сборнике: Религия и жизнь. М., 1908.

В примечаниях к XIV тому вместо сдвоенного № 10 – 11 журнала «Вопросы жизни» за 1905 год с публикацией статьи «О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву)» указан № 11. Кроме того, неполным следует признать библиографический комментарий к статье «Чехов и Горький», в котором называется только один из опубликованных прежде отрывков данного текста («О Чехове» в № 11 журнала «Весы» за 1905 год) и не указываются другие: «Свирель Антона Бедного (Памяти Антона Чехова)», «Откуда явился босяк?», «“Дно” и “подполье”», «Босяк и христианство», «Отец лжи» (см. Русское слово. 1905. № 198; № 200; № 207; № 219; № 226). Таким же неполным и неточным является примечание к статье «Грядущий Хам»: указывается, что отрывок этого текста, соответствующий главам III – V, был помещен под названием «Мещанство и интеллигенция» в журнале «Полярная звезда» (1905. № 1), а дальнейшие главы (VI – VIII) уже под названием «Грядущий Хам» напечатаны в № 3 того же журнала за тот же год. Во-первых, правильное название первого отрывка – «Мещанство и русская интеллигенция». А во-вторых, отсутствует информация о другом фрагменте, соответствующем главе I и впервые опубликованном под названием «Китай в Европе» в газете «Русское слово» (1905. № 233). Сведения об этих заметках отсутствуют и в «Хронологическом указателе произведений

Д.С. Мережковского», и библиографии, подготовленной А. Фоминым. Нет в них, как и в примечаниях, информации о том, что очерк «Св. София» до включения в сборник был впервые опубликован в газете «Русское слово» (1905. № 217).

В примечаниях к XVI тому статья «Еще о “Великой России”» без каких-либо пояснений стоит под газетным заглавием «Еще одна великая Россия».

В примечаниях к XVII и XVIII томам не приведены сведения о журнальной публикации очерка «Сервантес» под первоначальным заглавием «Дон Кихот и Санчо Панса»: Северный вестник. 1889. № 8 – 9. Также отсутствует информация о двух первых публикациях статьи «Майков»: 1) Труд. 1891. № 4; 2) в составе книги: О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб., 1893. Между тем в «Хронологическом указателе произведений Д.С. Мережковского» упоминания об этом есть. Фраза о том, что первое издание сборника «Вечные спутники» вышло в 1897 году, неточна, поскольку в действительности книга была опубликована в ноябре 1896-го, тогда как на обложке стоит «1897».

Не приведена информация о том, что претекстом очерка «Акрополь» была публикация «Флоренция и Афины (Путевые воспоминания)» (Наше время. 1893. № 32 – 34).

В примечаниях к XX и XXI томам называется сборник Мережковского «Символы» с ошибочной датой выхода: 1902 вместо 1892 года.

В примечаниях к XXII тому неверно сказано, что, во-первых, в ППСС-2 вошли все стихотворения, помещенные в авторских сборниках, и, во-вторых, приведенный комментатором ряд текстов не публиковался в составе отдельных изданий, в то время как часть этих стихотворений была опубликована в третьей поэтической книге 1896 года, а одно вообще не принадлежало Мережковскому (см. об этом выше).

В «Хронологическом указателе произведений Д.С. Мережковского» тоже присутствуют изъяны.

Искажено заглавие статьи «О “Преступлении и наказании” Достоевского»: пропущен предлог и название романа стоит в именительном падеже. В названии очерка из грузинской жизни «Княжна Диспина» ошибочно буква «п» заменена на «т». В подзаголовке бытовой картины «Пир» вместо IV указан XIV век.

В указатель включены произведения, написанные Гиппиус и напечатанные под именем Мережковского: «Никогда!», «Снег» (у Гиппиус известно под названием «Снежные хлопья»), «Все против всех», «Декадентство и общественность». При этом выходные данные двух последних приведены с ошибками: статья в «Золотом руне» (1906. № 1, а не № 4), статья в «Весах» (1906. № 5, а не № 3 – 4).

В числе публикаций 1901 года значится письмо в редакцию «Вестника Европы». Действительно, в № 5 этого журнала есть материал под заглавием «Школа нового типа в Париже. Письмо в редакцию» за подписью «М.» и с припиской «Париж». Однако этого недостаточно, чтобы отнести текст к публикациям Мережковского. Не случайно Фомин исключил его из своей библиографии. Вероятно, Ларин имел в виду «Письмо г. Мережковского» в разделе «Из общественной хроники», но в данном случае мы совершенно точно имеем дело с материалом другого автора, рассуждающего о письме Мережковского в редакцию журнала «Мир искусства» (1901. № 2 – 3).

Статья «Христианские анархисты» обозначена как публикация в «Русской мысли», тогда как на самом деле она вышла в «Речи», хотя год и номер указаны верно.

В росписи содержания к сборнику «В тихом омуте» вместо одной статьи «Лев Толстой и церковь» указаны две: «Лев Толстой» и «Церковь».

Ошибочно указаны номера газеты «Русское слово», в которой опубликованы статьи «Любовь к родине» (№ 141 вместо правильного № 142), «Св. Елена» (№ 226 вместо правильного № 217) и «Маленькие мысли» (№ 238 вместо правильного № 226).

Наконец, отсутствуют библиографические сведения об отдельном издании романа «Александр I» 1913 года и пропущены статьи, вошедшие в ППСС-2: «Асфодели и ромашка», «Реформация или революция», «Тургенев» – не считая ряд стихотворных произведений, некоторые из которых даже не вынесены в завершающие последний том «Алфавитный указатель произведений Д.С. Мережковского» и «Содержание полного собрания сочинений Д.С. Мережковского»: «Так жизнь ничтожеством страшна…», «Как наполняет храм благоуханье…», «Ужель мою святыню…», «Люблю иль нет, – легка мне безнадежность…», «Ты ушла, но поздно…», «О, как порыв любви бесплоден…», «Все кончается смертью, все кончается сном…», «Опять горит меж темных сосен…».

Таким образом, несмотря на более качественную подготовку ППСС-2, содержащиеся в нем произведения и справочный аппарат могут быть положены в основу современного научного или академического издания только после дополнительной критики текстов и тщательной проверки фактов. Об этом красноречиво свидетельствуют выявленные недостатки. Тем не менее сравнительный анализ двух изданий позволяет нам сосредоточиться на ППСС-2 как основном материале для последующих наблюдений и выводов, а к ППСС-1 обращаться только по необходимости.

Очевидно, создать новую текстологическую программу сегодня вряд ли возможно. Впрочем, потребность в ней уже осознается теми, кто имеет дело с электронными текстами. Как показал У. Эко, против всякого ожидания компьютер не сокращает черновые варианты, а умножает их количество, так что текстологам «придется восстанавливать столько фантомных версий, сколько было переходов от экрана к бумаге»[428]. В то же время случай Мережковского убеждает, что говорить о кризисе идей рано: «…исследовательское применение текстологии оказывает обратное

[428] *Карьер Ж.-К., Эко У.* Не надейтесь избавиться от книг! СПб., 2010. С. 111.

воздействие на ее самое, обогащая ее методически»[429]. Надеемся, что проведенное нами исследование станет прологом к большой текстологической работе по изучению творческого наследия Мережковского в полном объеме.

[429] *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 8.

III.II. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОДХОД

§ 1. Общие замечания

Рубеж XIX – XX столетий отмечен небывалым ростом числа авторских изданий, в которых разрозненные произведения объединяются в межтекстовые единства, претендующие на самостоятельное значение. Особого творческого успеха в этом отношении добились модернисты, о чем неоднократно писали исследователи Серебряного века. Речь идет не только циклах, но также книгах и сборниках прозы или стихов, задуманных как художественное целое. При этом наиболее показательные случаи относятся к поэзии.

В предисловии к сборнику «Urbi et Orbi» (1903) В.Я. Брюсов писал: «Книга стихов должна быть не случайным *сборником* разнородных стихотворений, а именно *книгой*, замкнутым целым, объединенным единой мыслью. Как роман, как трактат, книга стихов раскрывает свое содержание последовательно от первой страницы к последней. Стихотворение, выхваченное из общей связи, теряет столько же, как отдельная страница из связного рассуждения. Отделы в книге стихов – не более как главы, проясняющие одна другую, которых нельзя переставлять произвольно»[430]. А.А. Блок в рецензии на книгу Брюсова говорил о том же: «Это – прежде всего нечто *целостное*, столь же духовно-синтетическое, как лозунг древнего метафизика: “единое во многом”, простейшее в сложном»[431]. Установка на создание межтекстовых единств проявилась в творчестве как старших, так и младших символистов. «Урна» (1909) А. Белого, по словам Брюсова, – «редкий пример книги стихов, задуманной как целостное произведение, в которой форма заранее, сознательно, поставлена в определенную зависимость от содержания. Андрей Белый не во всех отношениях сумел осуществить свою задачу, но важно уже то, что он себе ее задал и другим указал на необходимость такого единства “книги стихов”, основанного на едином замысле, вместе

[430] Цит. по: *Брюсов В.* Собр. соч. В 7 т. Т. 1. М., 1973. С. 604 – 605.
[431] Цит. по: *Блок А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 532.

идейном и музыкальном»[432]. Спустя годы в предисловии к берлинскому изданию своих стихотворений Белый скажет: «Внутренне зная, что все, мной написанное, выражало во мне из внутреннего ядра, прораставшего немногими ветвями и лишь на периферии разветвившееся на множество отдельных листиков (стихов), – зная то, я постарался объединить стихи в циклы и расположить эти циклы в их взаимной последовательности так, чтобы все, здесь собранное, явило вид стройного древа: поэмы души, поэтической идеологии. Все, мной написанное, – роман в стихах: содержание же романа – мое искание правды, с его достижениями и падениями. Пусть читатель откроет сам содержание частей моего романа. Я даю ему в руки целое; понять, что представляет собою оно, – дело читателя»[433]. По такому же пути, готовя собственное «Собрание стихотворений» (1911 – 1912), шел Блок: «Тем, кто сочувствует моей поэзии, не покажется лишним включение в эту и следующую книги полудетских или слабых по форме стихотворений; многие из них, взятые отдельно, не имеют цены; но каждое *стихотворение* необходимо для образования *главы*; из нескольких глав составляется *книга*; каждая книга есть часть *трилогии*; всю трилогию я могу назвать “романом в стихах”: она посвящена одному кругу чувств и мыслей, которому я был предан в течение первых двенадцати лет сознательной жизни»[434].

Список примеров может быть продолжен. Однако для нашего разговора принципиальное значение имеет тот факт, что в начале прошлого века не меньшее внимание, чем циклу, книге или сборнику, писатели уделяли подготовке итоговых собраний сочинений. «Я никак не могу разделить взгляда, – утверждал Брюсов, – распространенного в наши дни, что “Собрания сочинений” лишь случайный конгломерат разных сочинений данного автора… настоящее понятие о данном авторе получается не из знакомства с его отдельными произведениями, даже не из его избранных работ, а именно из

[432] *Брюсов В.* Вячеслав Иванов. Андрей Белый // *Брюсов В.* Собр. соч. В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 307.
[433] *Белый А.* Вместо предисловия // *Белый А.* Стихотворения. Б.; Пб.; М., 1923. С. 9.
[434] *Блок А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 1. М.; Л., 1960. С. 559.

“Полного собрания сочинений”. Иная вещь, слабая сама по себе, не удавшаяся автору, или представляющая простое подражание другому, – на своем месте, в собрании сочинений получает смысл и значение. Недоговоренное на одной странице досказывается на другой, новая мысль объясняет прежнюю, случайно данный образ бросает свет на созданный раньше, и т.д. Только из “Собрания сочинений” облик писателя выступает вполне…»[435]

Если в конце XVIII – первой трети XIX вв., согласно концепции В.С. Киселева, метатекстовые образования «становились не просто способами подачи произведений, но осознанно художественными единствами, своеобразными синтетическими целыми, удовлетворяющими стремление русского сентиментализма и романтизма к энциклопедичности и универсальности»[436], то, осмелимся предположить, в эпоху культурной ломки рубежа XIX – XX вв., в условиях мировоззренческого и религиозного кризиса прижизненные собрания сочинений, в том числе полные, наряду с книгами стихов и прозы стали спасительной формой, «способной обнаружить какое-то неразрушимое единство в потерявшем внутренние связи мире»[437].

В этом отношении вызывают интерес книготворческие взгляды писателей Серебряного века. «Для символистов, – уверяет Г.А. Толстых, – органичным продолжением литературного творчества было книготворчество, то есть целенаправленное и осознанное участие литераторов в издательской деятельности; оно проявлялось и в формировании издательских планов, в определении издательской политики, и в редактировании, и в подготовке переводов. Однако наибольший интерес представляет участие авторов-символистов в подготовке к печати своих оригинальных сочинений, которое заключалось в поисках выразительных средств для адекватного воплощения замысла будущего издания, в наблюдении за процессом издания и печатания книги. Целью книготворчества символистов была авторская интерпретация

[435] *Брюсов В.Я.* ПСС и переводов. Т. 1. СПб., 1913. С. VII – VIII.
[436] *Киселев В.С.* Коммуникативная природа метатекстовых образований // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации. 2004. № 23. Март. С. 6.
[437] *Прохоров Г.С.* Книга прозы // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 96.

произведений литературы с помощью книгоиздания в соответствии с индивидуальными творческими задачами»[438]. Одной из целей русских символистов, как и любых новаторов от искусства, было стремление закрепиться на вершине литературного олимпа и завоевать всеобщее признание. Боевым орудием для ее достижения стала книга – главная, по словам А.В. Лаврова, категория в поэтической культуре русского символизма: «Репутации представителей этой литературной школы складывались, изменялись, возрастали и ставились под сомнение в прямой зависимости от того, какую судьбу в восприятии современников претерпевал очередной сборник стихотворений того или иного автора, претендовавший, как правило, на внутреннюю художественную цельность и структурную организованность»[439]. Особое место в деле продвижения книги на рынке, в борьбе за читателя символисты отводили заглавию[440]. Согласно мнению специалистов: «Одним из следствий революционного переворота, произведенного русским символизмом и следовавшими за ним модернистскими течениями в литературном процессе своей эпохи, стало изменение поэтики заглавий. Отношение к заглавию резко изменилось потому, что выход модернизма на литературную арену совпал, с одной стороны, с ростом общей культуры книгопечатания, появлением иллюстрированных изданий, менявших общий стиль оформления печатной продукции, а с другой – возникновением рекламы, влияние которой постепенно начинало охватывать самые разнообразные сферы деятельности. Совокупность этих причин привела к тому, что в области книгоиздания стало придаваться все большее значение именно обложке книги, главным компонентом которой являлось заглавие, что и

---

[438] *Толстых Г.А.* Книготворческие взгляды русских поэтов-символистов // Книга: Исследования и материалы. Сб. 68. М., 1994. С. 209.

[439] *Лавров А.В.* О книге Андрея Белого «Стихотворения» (1923) // *Белый А.* Стихотворения. М., 1988. С. 533. См. также: *Долгополов Л.К.* Александр Блок: Личность и творчество. Л., 1980. С. 118 – 119.

[440] Мы используем слово «заглавие» как синоним «названия», следуя лексикографической традиции. В то же время существуют попытки разграничить два этих термина в литературоведении. См.: *Веселова Н.Ю., Иванова Е.В.* Заглавие // Теория литературы. Т. II. Произведение. М., 2011. С. 199 – 229.

заставило изменить отношение к нему»[441]. И если в период «бури и натиска» символисты естественным образом тяготели к ярким, броским и даже экзотическим заглавиям для своих книг, то достигнув желаемого успеха, многие из них потянулись к вечному «бренду», задумав или осуществив выпуск полного собрания сочинений. Такой ход может рассматриваться как заключительная часть рекламной стратегии под названием «Классик при жизни».

У Мережковского установка на большую форму, проявившаяся в тяготении к составным текстовым образованиям, присутствовала изначально и заявила о себе во всех направлениях творческой деятельности.

Значительная часть литературно-критических статей писателя 1880 – 1890-х годов послужила основой для двух книг: «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» и «Вечные спутники». В предисловии к последней Мережковский выразил надежду на то, что за соединением «столь различных, по-видимому, чуждых друг другу имен в одну семью, в одну галерею портретов» читателю откроется «не внешняя, а субъективная связь в самом *я*, миросозерцании критика»[442]. До эмиграции сборники статей Мережковского появлялись с завидной регулярностью.

В меньшей степени это относилось к поэзии. Однако и здесь писателю удалось подвести своеобразный итог и выпустить помимо трех авторских сборников два «Собрания стихов». К первому из них (1904 года) было предпослано сообщение «От редакции», в котором специально оговаривалось, что «в настоящее собрание вошли из прежних стихотворных сборников Д.С. Мережковского все стихи, которым автор придавал значение, и все, написанное им за последние годы»[443].

Наконец, тенденция к объединению самостоятельных произведений в большую форму дала о себе знать в художественной прозе писателя. Уже в

---

[441] *Веселова Н.Ю., Иванова Е.В.* Заглавие // Теория литературы. Т. II. Произведение. М., 2011. С. 215 – 216.
[442] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 6.
[443] Цит. по: *Кумпан К.А.* Примечания // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 868.

1896 году Мережковский сопроводил отдельное издание романа «Отверженный» предисловием, которое раскрывало изначальный замысел автора в его тогда еще не до конца воплощенном единстве: *«Эта книга есть первая часть эпической Трилогии, т.е. произведения, состоящего из трех частей, самостоятельных и в то же время связанных внутренним единством»*[444]. *«Первоначальное намерение автора,* – сказано в конце, – *заключалось в том, чтобы не издавать отдельных книг, пока все произведение не будет готово: ибо только в единстве Трилогии, в архитектурной связи с целым, отдельные части могут получить свое должное значение. К сожалению, внешние препятствия не позволили ему исполнить намерение и тем самым вынудили предпослать эти строки – первой части Трилогии, издаваемой отдельно. Вполне сознавая, что в книге, которая стремится произвести художественное впечатление, нет ничего более неуместного и утомительного, чем всякие объяснения и предисловия, автор просит читателя смотреть на эту поверхностную заметку, как на остатки тех строительных лесов, которые должны исчезнуть бесследно, когда здание будет окончено»*[445]. (В скобках заметим, что Мережковский не всегда отказывался от «строительных лесов» в виде разного рода предисловий). Едва опубликовав трилогию «Христос и Антихрист», он принялся за следующую, которая, как известно, не была последней. В 1907 году, находясь в Париже, писатель делился своим замыслом с О.А. Флоренской: «Сейчас пишу трагедию “Смерть Павла I” – первая часть трилогии “Царство Зла”. М.б. поставлю здесь – в России не цензурно (религиозная ложь самодержавия)»[446].

Внимательно изучив приведенные примеры, невольно приходишь к мысли о существовании «единого текста творчества» Мережковского. Идея, безусловно, не оригинальная. Так или иначе ее выражали еще в начале

---

[444] *Мережковский Д.С.* Отверженный. СПб., 1896. С. I.
[445] Там же. С. III.
[446] *Шутова Т.* «Нечаянная радость»: Письма Д.С. Мережковского О.А. Флоренской // Новый журн. Нью-Йорк, 2008. № 253. С. 147. Под заглавием «Смерть Павла I» пьеса вышла в Берлине в 1908 году (на с. 3 в издании была опубликована структура трилогии «Царство Зверя»: I. Павел I. II. Александр I. III. Николай I (Декабристы)).

прошлого века. По точному наблюдению Брюсова, «каждая новая книга Д.С. Мережковского объясняет нам, его современникам, предыдущие, каждая новая фаза его миропонимания расширяет, углубляет, осмысливает более ранние»[447]. В этом же русле – суждение Белого: «Если собрать книги, написанные Мережковским, можно сложить из них книжную башенку. О, конечно, эта башенка меньше Эйфелевой: она с удобством уместилась бы на чайном подносе. Но если анализировать содержание каждой из написанных книг, это содержание оказалось бы столь значительным, что могли бы мы сравнивать его, несомненно, разве только с большой башней. Вместе с тем нас поразила бы одна особенность каждой из сложенных воедино книг: каждая опирается на другую, все же они созданы друг для друга, все они образуют связное целое»[448].

Доказательную базу под эти вольные замечания ученые начали подводить недавно. По мнению А.В. Лаврова, будучи «одним из наиболее характерных и последовательных выразителей символистского мироощущения, Мережковский видел в творческом акте форму воплощения глобальной жизнестроительной концепции», следовательно, «все явления истории и культуры он воспринимал и осмыслял как форму становления единой, телеологически развивающейся мистической идеи»[449]. Фактически о едином тексте-мифе писателя говорит В.В. Полонский: «Прежде всего очевидна основная жанровая тенденция литературной историософии Мережковского – тенденция к сверхциклизации, в своей последовательности не знающей аналогов в русской литературе этой эпохи…»[450] К большинству произведений Мережковского, невзирая на их родо-видовую принадлежность, применимы слова Л.А. Колобаевой о его романе, который, «словно лирическое

---

[447] *Брюсов В.* Д.С. Мережковский как поэт // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 297.
[448] *Белый А.* Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 257.
[449] *Лавров А.В.* История как мистерия: Египетская дилогия Д.С. Мережковского // *Мережковский Д.С.* Мессия. СПб., 2000. С. 5.
[450] *Полонский В.В.* К проблеме историософского романа в русской прозе конца XIX – начала XX века // *Полонский В.В.* Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. М., 2011. С. 140.

стихотворение, ощутившее свою малость, стремится выйти из своих границ, превысить самого себя, стать чем-то большим, чем ему быть пристало, расширить подвластное ему время и пространство»[451]. Соответственно, читаем далее: «Можно говорить о намеренной установке Мережковского на прочтение его произведений в контексте большого целого – не только романа, но цикла, трилогии, даже всего творчества»[452].

Небезынтересно отметить, что данная установка Мережковского в некотором роде противоречила взглядам З.Н. Гиппиус, которая выдвинула концепцию «болезни книги» и парадоксально утверждала в предисловии к собственному «Собранию стихов: 1889 – 1903» (1904), будто собрание, книга стихов есть самая бесцельная, ненужная вещь: «Книга стихотворений – даже и не вполне “обособленного” автора – чаще всего утомительна. Ведь все-таки каждому стихотворению соответствует полное ощущение автором данной минуты; оно вылилось – стихотворение кончилось; следующее – следующая минута, – уже иная; они разделены временем, жизнью; а читатель перебегает тут же с одной страницы на другую, и смены, скользя, только утомляют глаза и слух»[453].

Здесь можно было бы предположить, что столь строгая позиция помешала Гиппиус издать при жизни полное собрание сочинений. Однако известно, что переговоры о таком издании велись. Не кто иной, как Мережковский, предложил известному издателю К.Ф. Некрасову выпустить полное собрание сочинений своей супруги. Более того, в письме Некрасову от 16 июля 1912 года Гиппиус отправила план будущего издания, которое так и не состоялось[454]. Однако на этом дело не кончилось. К 1913 году относится послание Мережковского к А.В. Руманову, заведующему петербургским отделением сытинской газеты «Русское слово», в котором читаем: «Д.В.

---

[451] *Колобаева Л.А.* Тотальное единство художественного мира. (Мережковский-романист) // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 6.
[452] Там же. С. 15.
[453] Цит. по: *Гужиева Н.В.* Книга и русская культура начала XX века (Брюсов) // Рус. лит. Л., 1983. № 3. С. 161.
[454] Книгоиздательство К.Ф. Некрасова и русские писатели начала XX века // Рос. арх. М., 1994. Вып. 5. С. 466 – 467.

(Философов. – *А.Х.*) писал нам, что Собр. Соч. Гиппиус у Сытина устраивают. А вы ничего не пишете: значит, еще не устроили окончательно?»[455] И.Д. Сытин, в свою очередь, сообщал Румянову, что затраты на издание Гиппиус считает «брошенными деньгами»[456]. В итоге полное собрание сочинений удалось выпустить одному Мережковскому (причем дважды), и тому было несколько причин.

§ 2. Причины выпуска и процесс подготовки изданий

Остановимся прежде всего на причинах, подтолкнувших самого писателя к изданию полного собрания своих сочинений. Они, как станет понятно из дальнейшего изложения, лежат сразу в двух плоскостях: творческой и материальной (финансовой).

Из письма Мережковского к Брюсову от 28 декабря 1908 года известно, что писатель уже тогда задумывал собрание сочинений: «Хотелось бы уехать в Палестину, в Египет. Для этого-то и хочу устроить “Собрание сочинений”. И как я вам буду благодарен, если это дело устроится!»[457] Мережковский рассчитывал передать права на свое полное собрание сочинений издательству «Скорпион». В упомянутом письме Брюсову он оговаривал принципиальные для себя пункты договора: сумму гонорара, количество томов (их должно было быть 15), формат (меньший, чем обычные издания Мережковского у М.В. Пирожкова), количество листов в томе (от 15 до 25), количество экземпляров (5000), срок завершения издания (3 года) – и даже прибегал к легкой форме шантажа, намекая на то, что издательство «Шиповник» уже ведет с ним переговоры о покупке собрания сочинений. Наконец, Мережковский прямо говорил о том, что для него собрание сочинений имеет совсем другое значение, нежели отдельные книги. Несмотря на то что сотрудничество со «Скорпионом» по этому вопросу не увенчалось успехом, писателю удалось в

[455] РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 415. Л. 7.
[456] РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 626а. Л. 18.
[457] См. письмо Брюсову: НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 44. Л. 36 об.

1911 – 1913 годах реализовать свой план и выпустить с помощью «Товарищества М.О. Вольф» первое прижизненное «Полное собрание сочинений» в 17 томах.

Поскольку речь зашла не только о материальной заинтересованности автора в этом предприятии, следует принять во внимание мотивы иного рода.

Во-первых, не будем забывать о том, что Мережковский – человек книжной культуры. Его связь с книгой, а значит, и «чужим» словом, была настолько сильна, что писателя прозвали не иначе как «тайновидцем книжных цитат»[458] или же «полководцем цитат»[459]. Однако важно другое. В начале XX века, по утверждению ученых, «защищать единство книги означало отстаивать жизненность и целостность самой культуры, и это было тем более необходимо, что “антикнижные”, “антикультурные” настроения слишком широко распространялись среди интеллигенции, в частности – как результат пресыщения, как оборотная сторона чрезмерной привязанности к книге»[460].

Во-вторых, к 1910-м годам, ко времени издания двух «Полных собраний сочинений», в *массовом* сознании современников у Мережковского все еще была популярность поэта декадентского круга[461], что, конечно же, не устраивало самого писателя и, как мы убедились раньше, не могло не сказаться на структуре и содержании его собраний сочинений. По результатам читательской анкеты, проводившейся в 1913 году, среди наиболее выдающихся поэтов, включая недавно умерших, Мережковский занял 6 место, намного

---

[458] *Минский Н.* Абсолютная реакция (Л. Андреев и Мережковский) // *Минский Н.* На общественные темы. СПб., 1909. С. 207.

[459] *Терапиано Ю.* Дмитрий Мережковский: взгляд в прошлое // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 437.

[460] *Гужиева Н.В.* Книга и русская культура начала XX века (Брюсов) // Рус. лит. Л., 1983. № 3. С. 161.

[461] Репутация декадента закрепилась за Мережковским еще в середине 1890-х годов. В пародии С.Я. Уколова «декадент Треплев» говорит: «Ну что? Каково? А? Какую пьеску-то я смастерил? О том, что будет с душой Комиссаржевской через двести тысяч лет! Ого! Правда, за эту пьесу меня таскали на освидетельствование к доктору Чеготту, но все-таки пьеса написана в самом декадентском духе и Мережковский поцеловал меня» (*Бедный Ионафан.* Чайка. (Фантастически-сумасшедшие сцены с прологом, эпилогом, белибердою и провалом. Сюжет заимствован в больнице для умалишенных) // Петербургский листок. СПб., 1896. № 290. Цит. по: *Собенников А.С.* «Чайка» Чехова и «Гроза прошла» Мережковского (к типологии героя-«декадента») // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 197).

опередив А. Блока[462]. Безусловно, выход полного собрания сочинений не мог не укрепить авторитет писателя в глазах соотечественников. Свидетельство тому – оценка, данная А.А. Измайловым: «О Мережковском, пожалуй, уже все последние десять лет говорят: “наш уважаемый”, “наш известный”. Пятнадцать томов его сочинений, только что изданных Вольфом, заставили читателя воочию увидеть, как значительно его литературное наследство, и повысить оценку, какая делалась раньше по случайным поводам, при выходе отдельных его книг. Когда недавно говорили о кандидатах в “бессмертные” нашей Академии Наук, его имя было выдвинуто на первое место, и в этом признании единодушно сошлись его сторонники и враги»[463]. В подкрепление слов Измайлова приведем заметку С. Юрьевского (псевд. С.Ф. Либровича) «Кому быть академиком», опубликованную в 1912 году. В ней, в частности, говорилось, что в лице Мережковского «академия приобретет безусловно крупную величину, писателя, слава и значение которого оценены уже не только в России, но и за границею»[464].

Некоторые подробности об издании ППСС-1 сохранили письма Мережковского к К.Ф. Некрасову, который весной 1912 года предложил писателю издать роман «Александр I». На тот момент книга была продана «Товариществу М.О. Вольф». В ответном письме от 27 мая 1912 года Мережковский дословно приводит пункт в договоре о первом собрании сочинений: «Я, Мережк<овский>, обязуюсь предоставить Т<оварищест>ву Вольф право печатать для подпис<чиков> п<олного> собр<ания> моих сочин<ений> за добав<очную> плату от 3000 до 5000, согласно желанию Т<оварищест>ва, экземпляров моего романа, причем Т-во уплачивает мне за каждый экз<емпляр> 25% его продажной цены при доставлении текста»[465].

---

[462] См.: Вестник лит. СПб., 1913. № 5. Стб. 136.
[463] *Измайлов А.* Пророк безблагодатных дней // *Измайлов А.* Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М., 1913. С. 123.
[464] *Юрьевский С.* Кому быть академиком // Вестник лит. СПб., 1912. № 11. Стб. 304.
[465] Книгоиздательство К.Ф. Некрасова и русские писатели начала XX века // Рос. арх. М., 1994. Вып. 5. С. 464 – 465.

Что касается ППСС-2, выпущенного И.Д. Сытиным, то успеху этого дела во многом способствовало сотрудничество Мережковского в газете «Русское слово», которое началось в 1905 году, о чем мы уже писали в связи с историей текста статьи «Чехов и Горький». После 1910 года публикаторская активность Мережковского в сытинской газете стремительно возросла. В воспоминаниях Гиппиус о Мережковском читаем: «В промежутках между главной работой он писал теперь небольшие полемические статьи в газетах, больше в “Русском слове”»[466]. На это же указывает дневниковая запись Блока от 31 декабря 1911 года: «Мережковских провести в “Русское слово” было трудно, теперь Мережковский и Философов – “свои люди” там. Гиппиус провести будет трудно»[467].

Под предводительством Сытина «Русское слово» зарекомендовало себя как газета либерального толка, в которой печатались лучшие журналисты, а тираж постоянно рос, «достигнув к 1916 г. колоссальной по тем временам цифры 739 тыс. экземпляров»[468]. Разумеется, работа в газете хорошо оплачивалась, поэтому тесное сотрудничество с ней, а уж тем более издание в качестве приложения полного собрания сочинений, считалось верхом успеха. В то же время, несмотря на многолетнее сотрудничество, Мережковский, как полагает Е.А. Динерштейн, «остался внутренне чужд Сытину. Все его попытки сблизиться с издателем, стать “своим человеком” в газете, так и не увенчались успехом»[469]. Незадолго до революции Мережковский с огорчением писал Сытину: «Досадно очень, что судьба нас так разводит. Судьба ли, полно? Хорошо, что если только судьба. Мне кажется, что “обстоятельства” внешние и внутренние отдаляют Вас от меня. Недаром же я ловлю Вас и никак поймать не могу. Вы, точно комета на моем горизонте, – пролетите, и нет Вас, и надо ждать

---

[466] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 161.
[467] *Блок А.А.* Дневник. М., 1989. С. 101 – 102.
[468] *Членова Н.А.* Архив газеты «Русское слово» // Источниковедение отечественной истории. М., 1982. С. 119.
[469] *Динерштейн Е.А.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003. С. 129.

N-ое число годов (как говорят математики), чтобы Вы снова появились на мгновение»[470].

В своем дневнике К.И. Чуковский довольно сурово и однобоко охарактеризовал отношения, сложившиеся между Сытиным и Мережковским: «Эти богоискатели всю жизнь продавались кому-ниб. Я помню их, как они лебезили перед Сытиным, перед Румановым»[471]. На самом деле Сытин также нуждался в Мережковском, по крайней мере, как издатель, преследовавший коммерческий интерес.

***

В письме К.Ф. Некрасову от 27 мая 1912 года Мережковский сетовал: «…напрасно Вы думаете, что меня издатели “осаждают”. Хороших издателей мало, а культурных, как Вы, почти нет»[472]. С одной стороны, писатель прав, говоря о недостатке «культурных» издателей. Примерно в это же время Чуковский с негодованием вопрошал: «Почему изнасиловать восьмилетнюю девочку нельзя и нужно за это идти в каторгу, а изнасиловать Тютчева или Баратынского можно и это вознаграждается хорошим барышом?» И далее: «Возьмите сборники избранных стихотворений русских поэтов, изданные Сальниковым, Бонч-Бруевичем, П.Я. и др., – что это, как не изнасилование всех русских поэтов сразу и поодиночке. И этих негодяев не вешают, но раскупают во множестве изданий»[473]. С другой стороны, Мережковский регулярно публиковался, выпускал книги и не писал «в стол». Как все старшие символисты, он пережил тот период, когда издателей приходилось искать и уговаривать. «Я знаю, – писал Мережковский А.С. Суворину в начале своего творческого пути, – что издание моих книг невыгодно, но я решаюсь все-таки

---

[470] Там же.
[471] *Чуковский К.И.* Дневник. 1901 – 1969. В 2-х тт. М., 2003. Т. 2. С. 202 – 203. Между тем из письма Чуковского к Брюсову от 1915 года узнаем о том, что рассматривалась возможность издания еще одного полного собрания сочинений Мережковского приложением к «Ниве»: «…Теперь, когда в недра “Нивы” вошла вся эта группа “Знания”, очередь, конечно, за Вами, за Мережковским (которого “Нива” еще *не давала*; он был дан Сытиным), за Сологубом и, может быть, Ремизовым» (*Чуковский К.И.* Собр. соч. В 15 т. Т. 14. М., 2008. С. 365).
[472] Книгоиздательство К.Ф. Некрасова и русские писатели начала XX века // Рос. арх. М., 1994. Вып. 5. С. 464.
[473] *Чуковский К.И.* Собр. соч. В 15 т. Т. 14. М., 2008. С. 374.

обратиться к вам по следующим соображениям: 1) моя крит<ическая> проза идет лучше моих стихов, 2) Вы издаете книги и не очень выгодные, но все-таки хорошие, полезные для русской литературы, а я питаю надежды, что та книга, которую я хочу издать, небесполезна»[474]. Теперь же, в 1910-е гг., издатели сами предлагали Мережковскому сотрудничество.

И ППСС-1, и ППСС-2 выпущены при непосредственной заинтересованности издательств. В «Известиях по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф» (1910. № 12) было опубликовано объявление о выходе ППСС-1. В нем прямо говорилось о том, что «на долю Т-ва М.О. Вольф выпала честь быть издателем первого полного собрания сочинений Д.С. Мережковского»; кроме того, выражалась уверенность в читательском спросе: «Издание это должно сделаться необходимой принадлежностью каждой общественной и частной библиотеки, каждого собрания книг интеллигентного читателя и любителя русской литературы». И еще одна примечательная фраза: «До сих пор произведения Мережковского были разбросаны по разным отдельным изданиям и сборникам, и давно уже чувствовалась потребность в издании полного собрания сочинений автора “Смерти богов”».

Сытин тоже был заинтересован в издании ППСС-2. «В самом деле, – читаем в памфлете на “Русское слово”, – литература – это я, скажет глава этой газеты, как некогда выразился Людовик XIV о своей стране. Разве Горький не у нас, разве Мережковский не у нас? А Куприн? А многие другие, мимолетом побывавшие на наших столбцах?..»[475] Если верить Динерштейну, «когда

---

[474] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2630. Цит. по: *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 13. Проблемы с издателями и читателями вновь коснутся Мережковского после эмиграции. По воспоминаниям Ю.К. Терапиано, «в некоторых французских кругах, интересующихся духовными вопросами и метафизикой, Мережковскому удалось найти союзников и последователей, русские же слушатели, в большинстве, оставались к его проповеди равнодушными. Брали в Тургеневской библиотеке и перечитывали “Леонардо да Винчи” и другие его прежние книги, с удовольствием слушали его действительно блестящие выступления в “Зеленой Лампе”, но к книгам, написанным Мережковским в эмиграции, – к “Тайне Трех”, к “Атлантиде”, к “Иисусу Неизвестному” и к “Ликам святых” относились даже с некоторой опаской – “Бог знает что стал писать на старости лет, непонятно!”» (*Терапиано Ю.К.* Встречи: 1926 – 1971. М., 2002. С. 30).

[475] *Абрамович Н.Я.* «Русское слово». Пг., 1916. С. 27.

возникла дилемма, чьи сочинения печатать вслед за Толстым в “Библиотеке “Русского слова””, то выбор невольно остановился на Мережковском, поскольку все известные современники оказались уже ангажированы»[476]. Доказательством того, что инициатором издания ППСС-2 стало «Товарищество И.Д. Сытина», служит телеграмма Сытина к Румянову: «BLAGOWOLITE OTWETIT TELEGRAMOI SOGLASENLI MERESCHKOFSKY PEREDAT SSOBRANIE SOTSCHINENY TOWARISCHESTWU»[477]. Из посланий Сытина известно, что Мережковский параллельно вел переговоры о подготовке собрания сочинений в качестве приложения к «Ниве». При этом издатель справедливо полагал, что писатель «должен где-нибудь выбирать в одном месте»[478], и Мережковский выбрал Сытина. К сожалению, нам не удалось обнаружить договор автора с издательством, однако предварительные финансовые условия известны из писем Сытина, который предлагал напечатать 6000 экз., заплатить писателю 30 тыс. руб. и объявить в «Русском слове» подписку по 12 руб. 50 коп. Если же подписчиков будет больше, чем 6000, то платить автору по 2 руб. 50 коп. за экз.[479]

Надежды издателей ППСС-1 и ППСС-2 на спрос рождены популярностью Мережковского. К началу 1910-х годов писатель чувствовал себя довольно благополучно. Он уже состоялся как автор, известный не только в России, но и за ее пределами. По верному замечанию О.А. Коростелева, «авторитет его на Западе был едва ли не больше, чем в России»[480]. Существовал богатый материал о Мережковском на иностранных языках. «Вы не найдете, – сказано в заметке Л. Маврова (псевд. С.Ф. Либровича), – сколько-нибудь полной библиотеки за границею, где недоставало бы сочинений Мережковского. А число критических, полных восторга, разборов этих сочинений в иностранных

[476] *Динерштейн Е.А.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003. 149 – 150.
[477] РГАЛИ. Ф. 1694. Оп. 1. Ед. хр. 626а. Л. 94.
[478] Там же. Л. 19 об.
[479] Там же. Л. 19.
[480] *Коростелев О.А.* «Россия без свободы для меня невозможна…» (Статьи Мережковского эмигрантского периода) // Д.С. Мережковский. Царство Антихриста. СПб., 2001. С. 561.

журналах и газетах достигает целых сотен…»[481] Его первые романы были переведены на французский, английский, немецкий, итальянский и другие европейские языки. Интерес к творчеству русского писателя проявляли даже японские читатели. В 1910 году Мережковский получил письмо из Страны восходящего солнца с предложением перевести трилогию «Христос и Антихрист». Молодой переводчик утверждал, что многие японцы уже читали трилогию, а также трактат о Льве Толстом и Достоевском по-английски и по-немецки[482]. Помимо рядовых читателей-иностранцев произведения Мережковского высоко ценили зарубежные литераторы. Томас Манн, по собственному признанию, «вообще не убирал со стола» «беспримерной» работы Мережковского о Гоголе[483], а Георг Брандес еще в 1903 году назвал его «одним из наиболее видных представителей молодой России»[484].

Популярность Мережковского за рубежом была использована издателями ППСС-1 в рекламных целях. В объявлении, напечатанном «Известиями по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф» (1910. № 12), подчеркивалось: «В это полное собрание сочинений войдут все те произведения Мережковского, которые создали ему славу и сделали его имя популярным в читающих кругах не только России, но и Западной Европы». Отдельные фрагменты этого служебного текста, рассчитанного на массового читателя начала XX века, сегодня производят гиперболический эффект: «На фоне современной русской литературы ярко выделяется одно имя, известное далеко за пределами России, не принадлежащее ни одному из существующих литературных течений и стоящее особняком на высоком пьедестале. Это имя – Мережковский». Вместе с тем уверенно говорилось, что писатель представляет

---

[481] *Мавров Л.* Мережковский в иностранной критике // Вестник лит. СПб., 1911. № 1. Стб. 18.
[482] РО ИРЛИ. № 24. 161. Л. 3 об.
[483] *Манн Т.* Русская антология // *Манн Т.* Художник и общество: Статьи и письма. М., 1986. С. 37.
[484] *Брандес Г.* Мережковский // *Брандес Г.* Собр. соч. Т. 19. СПб., [1913]. С. 313. Среди западных интеллектуалов первой величины влияние Мережковского на собственные труды в XX веке признавали З. Фрейд (в связи с эссе «Леонардо да Винчи и его воспоминания о детстве») и У. Эко (в связи с романом «Имя розы»).

«не только интерес преходящей моды, временных увлечений и течений, – а интерес вечный».

В этой связи возникает перспектива постичь феномен популярности Мережковского у российского читателя. Данную тему в своей монографии[485] пунктирно намечает Е.А. Андрущенко. Она знакомит нас с рецепцией творчества Мережковского как со стороны профессионального сообщества, критиков и писателей, так и массового читателя, а это одна из наименее разработанных в мережковсковедении областей[486]. Андрущенко делает серьезный шаг в данном направлении, сравнивая тиражи книг, свидетельствующие о коммерческом успехе, приводя эпистолярные высказывания «обычных» читателей. В Мережковском открывается лицо популяризатора, которому «всегда удавалось нарушать установку модернистов на обращение к избранному кругу и удовлетворять запросы широкого слоя образованных читателей»[487].

В дополнение к фактам, которые перечисляет Андрущенко, привнесем несколько уточняющих деталей. Во-первых, обращение к тиражам требует осторожности, ибо раскупались они по-разному. В письме управляющего главной конторой «Товарищества М.О. Вольф» к Мережковскому от 15 октября 1913 года читаем: «…имеем честь сообщить, что полного собрания Ваших сочинений в настоящее время у нас в кладовых имеется – 1200 экз. и кроме того, в петербургских магазинах около 250 экз.»[488]. Это при том, что первое полное собрание сочинений выходило в течение трех лет, а тираж в среднем насчитывал 5000 экз. Во-вторых, показательна статья «Кому быть преемником Толстого?» (1910) Лукиана Сильного (псевд. С.Ф. Либровича), завершавшаяся словами: «В Западной Европе уже оценили Мережковского: его “Леонардо да Винчи” стал классическою книгою современной литературы, о нем пишутся

[485] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012.
[486] См., например: *Лекманов О.А.* Шустовский спотыкач, мюнхенское пиво и Д.С. Мережковский // Новое лит. обозрение. М., 1998. № 30. С. 268 – 270.
[487] *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 243.
[488] РГАЛИ. Ф. 327. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 1.

бесконечные статьи и исследования. У нас, в России, Мережковский пока популярен только в избранных кругах. Но несомненно недалеко то время, когда за ним признают звание великого писателя, первого после Толстого…»[489] По смелому утверждению автора заметки, Мережковскому по праву должно принадлежать освободившееся после смерти Толстого «царское место в русской литературе, он один, если и не заменит великого творца “Анны Карениной”, то с достоинством будет занимать тот престол, на котором восседал Толстой…»[490]

Это утверждение не покажется чересчур преувеличенным, если мы сравним его с анализом публиковавшихся отчетов 10 городских библиотек за 1909 – 1914 годы из различных регионов страны, который «позволил выявить наиболее читаемых авторов: самый популярный – Л.Н. Толстой», в «числе активно читаемых» – Мережковский[491]. Стоит ли после этого удивляться, что в серии «Библиотека “Русского слова”» вышли полные собрания сочинений только двух писателей: Льва Толстого и Мережковского. Известно, правда, что Сытин собирался следом издать полное собрание сочинений Горького, однако «печататься в одной серии с Мережковским Горький не захотел»[492].

***

Одним из видов рецепции творческой личности писателя является визуальный ряд. В связи с Мережковским к его специальному рассмотрению никогда прежде не обращались. Именно поэтому считаем важным в завершение разговора о популярности автора и отношении к нему современников остановиться на таких формах хранения памяти о писателе, как, с одной стороны, автобиография и фотография, а с другой – мемуар и карикатура.

Вопросы взаимодействия словесного и визуального рядов в эпоху, которую вслед за В. Беньямином принято называть эпохой «технической

[489] *Лукиан Сильный.* Кому быть преемником Толстого? // Вестник лит. СПб., 1910. № 12. Стб. 330.
[490] Там же. Стб. 329.
[491] Цит. по: Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С. 639.
[492] *Динерштейн Е.А.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003. С. 203.

воспроизводимости» искусства, сохраняют свою актуальность. Если за опорный тезис взять утверждение немецкого эстетика о том, что «история распадается на образы, а не на повествования»[493], то наряду с другими полноправным носителем памяти о писателе оказывается фотографический образ. По словам С. Сонтаг, «фотография обеспечивает бóльшую часть представлений о том, как выглядело прошлое»[494]. Об этом же пишет Р. Барт: «В случае Фотографии нельзя, в отличие от всех других видов имитаций, отрицать, что *вещь там была*. В ней имеет место наложение реальности и прошлого»[495]. Как визуальный «образ памяти» о писателе фотография приближается к документальной автобиографии сразу в нескольких отношениях.

Начать с того, что между двумя этими формами (словесной и визуальной) существует функциональное родство, выражающееся в установке на достоверность, подлинность. «Фотографию, – замечает С. Сонтаг, – принимают как неоспоримое доказательство того, что данное событие произошло»[496]. «Каждый отдельный фотографический снимок, – полагает Ю.М. Лотман, – может быть под подозрением относительно точности, но фотография – синоним самой точности»[497]. «Показать факт, одновременно удостоверив зрителя в его несомненной подлинности, как в целом, так и в мельчайших деталях»[498] – в этом пафос и стихия не только фотографии, как считает Ю. Герчук, но и автобиографии в ее нехудожественном воплощении. При этом важно отметить, что память в пространстве фотографии никому не принадлежит. В механистичности снимка – его коренное отличие от автобиографии и, как выразился Р. Барт, «залог объективности»[499]. Данное положение успело стать общим местом. Что же касается авторского начала в фотографии, то оно, по мнению специалистов, «даже в снимках наивысшего художественного качества

---

[493] Цит. по: *Петровская Е.* Материя и память в фотографии (*Новая документальность Б. Михайлова*) // Новое лит. обозрение. М., 2012. № 117. С. 189.
[494] *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2013. С. 13.
[495] *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 2011. С. 135.
[496] *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2013. С. 15.
[497] *Лотман Ю.М.* О языке мультипликационных фильмов // *Лотман Ю.М.* Об искусстве. СПб., 2005. С. 672.
[498] *Герчук Ю.* Художественная структура книги. М., 1984. С. 152.
[499] *Барт Р.* Риторика образа // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 310.

нередко скрыто за объективной реальностью запечатленного мотива, так что уловить его дано лишь высокопрофессиональному глазу»[500]. Принимая во внимание стремление фотографии быть такой же формой самовыражения художника, как живопись, С. Сонтаг убеждает, что «информативность и формальная красота многих фотографий были достигнуты благодаря усовершенствованию техники»[501].

Действительно, приходится признать, что известные фотопортреты Мережковского анонимны. В лучшем случае сохранилась информация о точной или приблизительной дате съемки. Фамилия фотографа не играет для нас никакой роли. Кроме того, количество портретных снимков столь мало, что невольно закрадывается мысль о неприязни Мережковского к самому процессу фотографирования. Если наше предположение верно, то стоит ли удивляться, почему писатель долгое время отвечал отказом на просьбы об автобиографии, мотивируя это тем, что «говорить о внешнем – скучно, а внутреннего передать невозможно»[502]. Фотографический образ, воспроизводящий лишь внешний облик, вряд ли мог импонировать Мережковскому. Писатель оставил единственную «Автобиографическую заметку», да и сохранившиеся фотопортреты по своему подобию сливаются в один.

В связи с Мережковским речь идет о постановочных фотографиях, которые имеют наибольшее содержательное сходство с его автобиографией, ибо в обоих случаях перед нами – «правда инсценировки». С. Сонтаг замечает: «Когда люди не знают, что на них смотрят, у них на лицах есть что-то такое, чего не бывает, когда им известно, что они на виду»[503]. Дополнением к сказанному служит признание Р. Барта: «Так вот, как только я чувствую, что попадаю в объектив, все меняется: я конституирую себя в процессе “позирования”, я мгновенно фабрикую себе другое тело, заранее превращая

---

[500] *Герчук Ю.* Художественная структура книги. М., 1984. С. 151.
[501] *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2013. С. 164.
[502] *Холиков А.* Автобиографическая заметка Д.С. Мережковского как механизм самозапечатления в культурной памяти // AvtobiografiЯ: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa. Padova, 2012. № 1. P. 89.
[503] *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2013. С. 54.

себя в образ»[504]. Итак, в постановочной фотографии образ конструируется не только фотографом. По крайней мере, не следует игнорировать активность фотографируемой личности. Как и в автобиографии, субъект и объект постановочной съемки совпадают, хоть и не до конца. Намек на эту идею неоднократно встречается в книге Р. Барта «Camera lucida»: «Фотография превратила субъект в объект…»[505]; «…всякая фотография в каком-то смысле соприродна своему референту…»[506]; «Исторически Фотография возникла как искусство Личности: ее идентичности, гражданского статуса, того, что во всех смыслах этого выражения можно назвать ее достоинством (quant-à-soi)»[507].

В данном контексте из всех фотографических портретов Мережковского примечателен один. Вот как его описывает С. Поварцов: «Писатель снят в своем рабочем кабинете на фоне распятия. Рядом на круглом столе толстый, внушительного вида фолиант, в руках раскрытая книга… Нарочитая символика снимка очевидна. Камера безымянного фотографа красноречиво напоминает о специфическом характере литературно-общественной деятельности Мережковского – проповедника неохристианства, ревнителя “нового религиозного сознания”. Есть в этой фотографии нечто театральное, почти оскорбительное для эстетического чувства, но документальная ценность ее бесспорна»[508]. Оставив в стороне эстетические чувства критика, согласимся с тем, что перед нами портрет-инсценировка. И поза задумавшегося о судьбах мира мыслителя, и весь антураж, воссоздающий атмосферу домашней церкви, в полной мере отражают притязания самого Мережковского на роль идеолога «нового религиозного сознания». Вот как об этом снимке рассуждает А. Чудаков: «Самая известная фотография Мережковского – он в своем кабинете на фоне огромного распятия. Чехов скорее бы умер, чем позволил опубликовать свой портрет, где он, скажем, запечатлен с пером в руке или на

---

[504] *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 2011. С. 27.
[505] Там же. С. 31 – 32.
[506] Там же. С. 134.
[507] Там же. С. 140.
[508] *Поварцов С.* Траектория падения (о литературно-эстетических концепциях Д. Мережковского) // Вопр. лит. М., 1986. № 11. С. 160.

фоне антихолерной листовки, хотя придавал большое значение своей медицинской работе на холерном участке»[509]. В завершение отметим, что обстановка, окружавшая Мережковского, воспринималась как продолжение личности писателя не только его потомками, но и современниками. В мемуарах А. Белого встречаем любопытный пассаж: «Комната в “Славянском базаре” – в кирпично-коричневом тоне: в таком, как обертки всех книг Мережковского; мебель – коричневая; Мережковский связался с коричневым цветом – обой, пиджака, бороды и оберток томов; фон квартиры, что в доме Мурузи, – такой же; обои, и мебель, и шторы – вплоть до атмосферы, которую распространяла она; и та – коричневая; очень часто я в ней ощущал сладковатые припахи, точно корицы, подобные запахам пряных бумажек; и припах корицы мне нос щекотал; я сразу же обратил внимание на специфическую атмосферу, поздней столь известную мне; атмосфера висела, как облако дыма курительного. Куда б ни являлись они, – возникала: в Петербурге, в “Славянском базаре”, в Париже и в Суйде, где жили на даче они и где я у них был»[510].

Затронем еще один пункт пересечения визуального и словесного «пространств» памяти. Несмотря на общую уверенность в том, что «ничто написанное не в силах сравниться по достоверности с фото»[511], у фотографии, как и автобиографии, есть не только документальный потенциал. К слову, вспоминается остроумное высказывание Франклина Джонса: «Из автобиографии о ее авторе нельзя узнать ничего плохого, за исключением состояния его памяти»[512]. Фотографический образ точно так же может не только воспроизводить, но и редуцировать, искажать действительность. На примере «Автобиографической заметки» Мережковского нам еще предстоит убедиться, как «умело орудуя фактами, в достоверности которых трудно усомниться, “забывая” одни и вспоминая другие, Мережковский создает

[509] *Чудаков А.П.* Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 62.
[510] *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1990. С. 211.
[511] *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 2011. С. 152.
[512] Цит. по: Афоризмы. Золотой фонд мудрости. М., 2006.

парадный автопортрет»[513]. Но если в автобиографическом тексте «виновником» искажений (как сознательных, так и случайных) обычно является сам автор (за исключением цензурных или редакторских вмешательств), то в случае с фотографией причина почти всегда остается за кадром. Довольно остроумно об этом сказал Ю.Н. Тынянов: «Сходство – обидно, мы обижаемся на слишком похожие фотографии. Поэтому фотография тайком деформирует материал»[514]. Речь здесь идет о деформации позой (позицией), светом и т.д. со стороны фотографа. Позднее на это же свойство фотографии, назвав его «квазиидентичностью», обратил внимание Р. Барт: «Странное, иначе говоря, действо: я непрестанно имитирую самого себя, и в силу этого каждый раз, когда я фотографируюсь (позволяю себя сфотографировать), меня неизменно посещает ощущение неаутентичности, временами даже поддельности, какое бывает при некоторых кошмарах»[515]. Однако в роли «внешней силы», меняющей образ, а вместе с ним – память о прошлом, может выступать не только фотограф. В книге «Пропавшие комиссары», посвященной фальсификации фотографий в сталинскую эпоху, Д. Кинг наглядно продемонстрировал, что «Сталину мало было уничтожать своих политических противников физически: параллельно с физической ликвидацией искоренялись все формы их визуального бытия»[516].

Как ни странно, Мережковский тоже стал жертвой ретуширования. Фотография с распятием, подробно рассмотренная нами, открывает первое посмертное «Собрание сочинений» писателя в четырех томах, увидевшее свет в России в 1990 году (под общей редакцией О.Н. Михайлова). Изменения коснулись не только размеров снимка (он значительно уменьшен по сравнению с оригиналом), но и содержания. С фотографии исчез электрический звонок,

---

[513] *Холиков А.* Автобиографическая заметка Д.С. Мережковского как механизм самозапечатления в культурной памяти // AvtobiografiЯ: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa. Padova, 2012. № 1. P. 98. Подробно см. далее.

[514] *Тынянов Ю.Н.* Об основах кино // *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 335.

[515] *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 2011. С. 32 – 33.

[516] *Кинг Д.* Пропавшие комиссары. Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинскую эпоху. М., 2012. С. 11.

располагавшийся под распятием. Между тем эта деталь привлекает к себе внимание. В мемуарах Е. Шварца приводится забавный эпизод из его встречи с К. Чуковским: «Корней Иванович, стоя у книжной полки, открывает книжку, и вдруг я слышу теноровый его хохот. Широким движением длинной своей руки подзывает он меня и показывает. К какой-то книге Мережковского приложен портрет: писатель сидит в кресле у себя в кабинете. Вправо от него на стене большое распятие, и непосредственно под крестом, касаясь его подножия, чернеет кнопка электрического звонка. – Весь Митя в этом! – восклицает Корней Иванович с нарочито громким и насмешливым смехом»[517]. Воспользовавшись терминологией Р. Барта, сравним звонок с punctum'ом, деталью, которая останавливает взгляд, «наносит укол»: «…само ее присутствие меняет режим моего чтения, что я смотрю как бы на новое фото, наделенное в моих глазах высшей ценностью»[518]. На приведенном примере хорошо заметно, как визуальное «пространство» памяти скукоживается, подобно шагреневой коже, до размеров электрического звонка, привносящего в снимок дополнительный оттенок смысла.

Наконец, фотография (и в этом ее очередное сходство с автобиографией как документальным жанром) представляет не только индивидуально-личностный, но и культурно-исторический интерес. Согласно наблюдению Е. Петровской, «наше восприятие фотографий документально ("подлинно") постольку, поскольку включает в себя исторические условия, позволившие этим фотографиям когда-то состояться»[519]. Снимки Мережковского наравне с его автобиографией заключают в своем пространстве, помимо памяти о писателе, контекст времени, предоставляют (если воспользоваться образным выражением С. Сонтаг) «опись мира»[520]. Сюда относятся запечатленные на фотографиях особенности моды, интерьера или же – включенные в

[517] *Шварц Е.* Белый волк // Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце. М., 1991. С. 50.
[518] *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 2011. С. 80.
[519] *Петровская Е.* Материя и память в фотографии (*Новая документальность Б. Михайлова*) // Новое лит. обозрение. М., 2012. № 117. С. 198.
[520] *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2013. С. 36.

автобиографический текст подробности быта, рассказы об исторических событиях, социальных институтах тех лет.

Следующая пара носителей словесной и визуальной памяти о писателе – карикатура и мемуар. К сожалению, по признанию исследователей, «карикатура как жанр искусства до сих пор не получила должного внимания со стороны историков искусства»[521]. Тем не менее очевидно, что по сравнению с фотографией она представляет собой наиболее трансформированный образ референта, опережая в этом качестве живописный портрет (ср. с изображениями Мережковского в работах И. Репина, Т. Гиппиус, Ю. Арцыбушева). В некотором роде карикатура информативнее, «нагруженнее» фотографии (как известно, итальянский глагол «caricare» означает не только «преувеличивать», но и «нагружать»). Даже будучи анонимной, карикатура «заряжена» личностным потенциалом памяти о писателе. Она приобретает человеческое измерение в ущерб точности и документальности. «При всем том, – пишет Х. Бидструп, – карикатуристу постоянно следует учитывать, что изображение должно походить на оригинал больше, чем даже фотография»[522], и это не игра слов. Преувеличение, заострение тех или иных черт, не то же самое, что искажение действительности. Но если на фотографии деформация образа является «побочным эффектом» от установки на точность и ею окупается, то с карикатурой дело обстоит иначе: через сознательную деформацию образа в конечном счете достигается его узнаваемость и правдоподобие. Так, не самым удачным примером карикатуры на Мережковского может служить шарж, выполненный А.М. Ремизовым (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. Ед. хр. 29. Л. 2). Объект изображения узнается только благодаря сделанной подписи. Наконец, и фотография, и карикатура по природе своей не ретроспективны. Они имеют дело с современностью. Хотя теоретически карикатуру можно обратить в прошлое (с фотографией это даже технически невозможно), требование

[521] *Шестаков В.П.* Гиллрей и другие… Золотой век английской карикатуры. М., 2004. С. 8.
[522] Бидструп смеется. Бидструп высмеивает. Рига, 1963. С. 12.

злободневности накладывает жесткие хронологические ограничения на выбор сюжета и материала.

Между карикатурой и мемуарным текстом существует несколько точек соприкосновения. Прежде всего данные «пространства» памяти содержат гораздо больше возможностей для интерпретации образа, чем фотография и автобиография. При этом карикатура – сознательная фильтрация деталей, выбор наиболее характерных и укрупнение их, доходящее порой до гротеска. Рассуждая о разных портретных формах, а карикатура – одна из них, Н. Жинкин замечает, «что для портрета не все одинаково существенно в изображенном человеке, а именно кажется, что лицо и глаза на портрете – места наиболее важные, тот или другой аксессуар, деталь, фон, одежда и т.д. приобретают то большее, то меньшее значение. Искание существенности открывает двери для интерпретации»[523]. В мемуаре, в свою очередь, даже самом объективном, детали отсеивает память. Как тут ни привести откровенное высказывание К. Голль: «…глядя в далекое прошлое, трудно избежать искажений, свойственных ретроспективному взгляду»[524].

К подобным деталям, подчеркнутым как мемуаристами, так и карикатуристами, относятся глаза Мережковского (см. шарж Ре-Ми на З. Гиппиус, Д. Мережковского и Д. Философова, 1908 – 1913; рисунок Дени, 1915). А. Белый вспоминает о писателе: «В гостях маленький, постно-сухой человечек с лицом как в зеленых тенях и с кругами вокруг глаз, – многим он напоминал проходимца»[525]. И. Одоевцева говорит о «поразительно молодых, живых, зверино-зорких глазах на старом лице»[526]. Б. Зайцев, в свою очередь, характеризует глаза Мережковского как «большие» и «умные»[527]. Другой деталью, которая влечет за собой оценочность, являются домашние туфли писателя. Мережковский, по выражению А. Белого, дома «в туфельках

[523] *Жинкин Н.И.* Портретные формы // Искусство портрета. М., 1928. С. 14.
[524] *Голль К.* Никому не прощу. Воспоминания. СПб., 2004. С. 15.
[525] *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1990. С. 211.
[526] *Одоевцева И.* На берегах Сены <фрагмент> // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 508.
[527] *Зайцев Б.* Памяти Мережковского. 100 лет // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 470.

шмякал»[528]. На этой же подробности останавливается И. Одоевцева: «Вот он встает. Ему понадобилась в разгаре спора, для цитаты, какая-то книга, и он мелкими, бесшумными шажками идет за ней в кабинет. Да. Он совсем точь-в-точь такой. Для полного сходства не хватает только помпонов на синих войлочных туфлях. Но где в Париже найти туфли с помпонами?»[529] Обоим описаниям соответствует изображение Мережковского на рисунке Ре-Ми «Салон Ее Светлости Русской литературы» (1914).

О том, что карикатура и мемуар попадают в один сопоставительный ряд, свидетельствует работа Е. Наседкиной о шаржах и пародиях на А. Белого: «И те, и другие (критики-пародисты и художники-карикатуристы. – *А.Х.*) в первую очередь обращали внимание на внешность Белого, его манеры, жестикуляцию, движения. Внешний облик Белого не был обойден впоследствии ни одним мемуаристом»[530]. Это же можно сказать о Мережковском. Карикатурность его мемуарных портретов подтверждается множеством примеров, относящихся к разным периодам.

Внешний облик Мережковского начала 1890-х сохранился в воспоминаниях А. Бенуа: «…в кабинет без доклада быстрыми шагами вошел не старый, но какой-то “очень неказистый”, скромно, почти бедно одетый, очень “щуплый” человек, поразивший меня тем, что он как-то криво держался и, хотя не хромал, все же как-то “кренил” в одну сторону»[531]. Развернутое изображение писателя в 1904 году принадлежит А. Белому: «…маленький, щупленький, как былиночка (сквознячок пробежит – унесет его), поражал он особою матовостью белого, зеленоватого иконописного лика, провалами щек, отененных огромнейшим носом и скулами, от которых сейчас же, стремительно вырывалась растительность; строгие, выпуклые, водянистые очи, прилизанные волосики лобика рисовали в нем постника, а темно-красные, чувственно вспухшие губы, посасывающие дорогую сигару, коричневый пиджачок, темно-

[528] *Белый А.* Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1990. С. 211.
[529] *Одоевцева И.* На берегах Сены <фрагмент> // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 508.
[530] *Наседкина Е.В.* Андрей Белый в шаржах и пародиях // Миры Андрея Белого. Белград; М., 2011. С. 857.
[531] *Бенуа А.* Мои воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 47.

синий, прекрасно повязанный галстух и ручки белейшие, протонченные (как у девочки), создавали опять-таки впечатление оранжереи, теплицы; оранжерейный, утонченный, маленький попик, воздвигший молеленку средь лорнеток, духов туберозы, гаванских сигар, – вот облик Д.С. того времени»[532]. Сходное впечатление Мережковский производил в эмиграции. «Что-то было в нем сухое и чистое, – пишет Н. Берберова, – в его физическом облике; от него приятно пахло, какая-то телесная аккуратность и физическая легкость были ему свойственны, чувствовалось, что все вещи – от гребешка до карандаша – у него всегда чистые, и не потому, что он за ними следит, а потому, что ни к нему, ни к ним не пристают пылинки»[533]. Вспоминая о собраниях «Зеленой лампы», А. Афиногенов в «Записках книжника» (1932) оставил более шаржированный образ Мережковского тех лет: «…худенький, высок, длинное лицо, пономарь чеховский, ему бы повязку от флюса на небритую седую щетину и бородка еле видна, волосы редкие, дьячковские, прямые, улыбается всем хитро, елейно, говорит приторным сладостным голоском – “а, Андрей Петрович, я вас давно не видел, вы мне очень нужны, очень”… и забыл, тянется к другому, к Федотову, говорит с ним»[534]. Наконец, в «Отрывке из парижских воспоминаний» драматической артистки В. Костровой читаем: «В “Тургеневском обществе” бывало много, как они сами себя называли, “бывших больших людей”, и всех их объединяли как бы потухшие глаза. Что-то невыносимо жалкое сквозило в их высокомерных, напыщенных позах. Особенно этим отличались Зинаида Гиппиус и Мережковский. Она пыталась напомнить всем и каждому о своей якобы особенной возвышенной поэтической одаренности, а маленький, старенький, подпрыгивающий Мережковский, брызгая слюной, произносил устаревшие монологи – призывы к борьбе с большевиками…»[535]

---

[532] *Белый А.* О Блоке. М., 1997. С. 135 – 136.
[533] *Берберова Н.* Курсив мой <фрагмент> // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 491.
[534] РГАЛИ. Ф. 2172. Оп. 1. Ед хр. 114. Л. 18.
[535] ОР РНБ. Ф. 1171. Ед. хр. 60. Л. 29.

В заключение этой галереи мемуарно-карикатурных портретов приведем еще два. Один принадлежит супруге писателя. Вот как Гиппиус описывает свою первую встречу с Мережковским: «…я увидела мою мать и рядом с ней – худенького молодого человека, небольшого роста, с каштановой бородкой»[536]. На фоне остальных примеров это описание выглядит довольно нейтральным, если не сказать – беспристрастно документальным (перед нами стандартный набор отличительных примет: телосложение, рост, бородка). Тем неожиданнее посмотреть на то, как в 1907 году Мережковский сам, словно карикатурист, рисует автопортрет в письме О. Флоренской: «Знаете, у меня лицо “как у всех” – средний русский интеллигент. Небольшой рост, черненькая бородка, лицо бледное, усталое. В глазах и манере говорить есть некоторое безумие, юродство, от которых не могу отделаться. Ложная елейность, которая и многих обманывает. Серость, “лицерабельность” наружности (однако – “ничего, довольно даже симпатичный – мы думали, хуже”) уходит в метафизическую глубину существа (“серый черт”). Тончайший налет “транскомизма” на всей наружности»[537].

Карикатурность мемуарных портретов Мережковского подкрепляется обилием литературных пародий на него. Таким образом, словесное и визуальное «пространства» снова пересекаются. Прежде всего речь идет о прямых пародиях, к которым примыкают эпиграммы. Процитируем наиболее яркие из них.

К 1904 году относятся сатирические строки С. Соловьева: «Мережковскому отдыха нет: / С Зинаидой трепещут, как листики. / Зимней ночью, в дому Марконет, / Собрались христианские мистики. / “Сердце подымем горе! / Адское пламя, потухни!” / Марья стучала: пюре / Стряпала в кухне. / Черти подымали злее и злее вой, / Но, жены Блока испугавшись, Любы, / Урожденной Менделеевой, / Улетели в трубы. / В прах распростерты враги: /

---

[536] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 24.
[537] *Шутова Т.* «Нечаянная радость»: Письма Д.С. Мережковского О.А. Флоренской // Новый журн. Нью-Йорк, 2008. № 253. С. 147.

Кончилась мистика. / Блок закричал: “Сапоги, / Марья, почисти-ка!”»[538] В своем «Козловаке» С. Соловьев высмеял Мережковских еще резче: «Святая дева с ликом б… / Бела, как сказочный Пегас, / К церковной шествует ограде / И в новый храм приводит нас. // Хитра, как грек, и зла, как турка, / Ведет нас к Вечному Отцу, / И градом сыплет штукатурка / По Зинаидину лицу. // В архиерейской ставши митре / И пономарском стихаре, // Законный муж ее Димитрий / Приносит жертву в алтаре»[539].

Важными вехами в «Биографии декадента», написанной в 1907 году, по мнению В.Г. Короленко, является то, что «Гиппиус он звал – папашей, / Мережковского – мамашей, / Бабушкой он звал Бальмонта, / Род свой вел от мастодонта»[540].

В 1909 году опубликованы два сатирических текста в адрес Мережковского. Первый – из числа «заблаговременных эпитафий»: «Покойный был писателем – / И твердо к вере шел; / Но стал богоискателем – / И с чортом дружбу свел»[541]. Второй – типичная эпиграмма: «Когда бы разума он слушал, – / Он был бы истинно велик. / Но… Мережковского вдруг скушал / Его же собственный язык! / Начав писательство с любовью, / Он глупо в сторону шагнул, / И, отдаваясь пустословью, / В софизмах ярких потонул!..»[542]

Перу Э. Голлербаха принадлежит эпиграмма на Мережковского 1910-х годов: «Талант сухой, заледенелый, / Но проницательный пророк. / Рукой привычной и умелой / Сплетает вереницы строк»[543].

А. Финкель в пародии на А. Белого из сборника «Парнас дыбом» (1925) пишет: «И Мережковский, русский йог, / был воплощеньем Доротеи: / …ты знаешь, этот пруд заглох / и поросли травой аллеи»[544].

---

[538] РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 58. См. с небольшими изменениями в кн.: *Орлов Вл.* Гамаюн: Жизнь Александра Блока. Л., 1980. С. 164.
[539] *Орлов Вл.* Гамаюн: Жизнь Александра Блока. Л., 1980. С. 164.
[540] *Короленко В.* Биография декадента // Русская литература XX века в зеркале пародии. М., 1993. С. 43.
[541] *Борис Дельта.* Заблаговременные эпитафии великим современникам // Новая Русь. 1909. № 68. С. 4.
[542] *Некто в черном.* Наши маститые (по А. Серафимовичу) // Раннее утро. 1909. № 91. С. 4.
[543] НИОР РГБ. Ф. 453. К. 1. Ед. хр. 12. Л. 2. См. также: [Голлербах Э.] Портреты современных писателей // Вешние воды. Пг., 1918. Т. 31/32.

Сонет-характеристику «Мережковский» (1934) оставил И. Северянин: «Судьба Европы – страшная судьба, / И суждена ей участь Атлантиды. / Ах, это все не эфемериды, / И что – скептическая похвальба? // Мир не спасут ни книги, ни хлеба. / Все мантии имеют, как хламиды. / Предрешено. Мертвящие флюиды / От мудрствующего исходят лба. // Философ прав, но как философ скучен. / И вот – я слышу серый скрип уключин / И вижу йодом пахнущий лиман, // Больным, быть может, нужный и полезный. / ...А я любуюсь живописной бездной / И славлю обольстительный обман!»[545]

В завершение этого перечня – выдержка из «Сатирических очерков из истории русской литературы» (1939) А. Арго: «Вот Мережковский, состроив мину / Святого Данта из адских мест, / Усердно множит Плюсы на Минус, / Христа на Чорта, Рога на Крест»[546].

Ко второй группе, условно говоря, пародийных текстов принадлежат художественные произведения, герои которых могли быть списаны с Мережковского. А. Бойчук причисляет к их числу «лучезарного старца» в «Кубке метелей» (1908) А. Белого[547], М. Михайлова – Глеба в «Золотых крестах» (1908)[548] И. Новикова и Кристлибова из романа того же автора «Между двух зорь» (1915)[549], Н. Дворцова – «светлого иностранца» в замысле романа «Начало века» и «Заворошке» М. Пришвина.

Во всех приведенных примерах словесная пародия или сатира связаны не столько с внешним обликом[550], сколько с личностными качествами писателя,

---

[544] Цит. по: *Наседкина Е.В.* Андрей Белый в шаржах и пародиях // Миры Андрея Белого. Белград; М., 2011. С. 879.

[545] Цит. по: РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 7. См. также: *Северянин И.* Медальоны. Белград, 1934.

[546] *Арго.* Сатирические очерки из истории русской литературы. В 4 ч. М., 1939. С. 53.

[547] См.: *Бойчук А.Г.* «Лучезарный старец»: «слой» Мережковского в «Кубке метелей» А. Белого // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1995. Т. 54. № 2. С. 16 – 30.

[548] А. Закржевский назвал это произведение «полуроманом – полуфотографией», где типы «неохристиан» «по-видимому “списаны” автором с натуры» (*Закржевский А.* Религия. Психологические параллели. [Киев], 1913. С. 382 – 383).

[549] Предположение, высказанное в устной беседе со мной. См. также: *Михайлова М.В.* Слова прощенья и любви от Алексея Христофорова // *Новиков И.А.* Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы. Мценск, 2004. С. 16. В то же время, по мнению некоторых интерпретаторов, Мережковский угадывался в докторе Палицыне (*Грачева А.М.* Новиков Иван Алексеевич // Русские писатели. 1800 – 1917: Биограф. словарь. Т. 4. М., 1999. С. 339).

[550] Хотя есть и такие примеры. Ср.: «Лицо у Глеба тонкое и изящное по-прежнему, только еще немного сделалось строже; мягким мазком вдоль обеих щек, оттеняя их матовость, легли две полоски волос, борода

биографическими фактами, образующими подтекст и нуждающимися в вербализации. Эта особенность, как ни странно, снова возвращает нас к карикатуре.

Дело в том, что за внешними проявлениями в удачной карикатуре, как и в мемуаре, скрываются поведенческие особенности изображаемого лица. Карикатурист и мемуарист в большинстве случаев представляют *знакомую им личность в действии*. Вот почему карикатура, будучи визуальным «пространством» памяти о писателе, в отличие от фотографии или художественного портрета не самодостаточна. По наблюдению Н. Жинкина, карикатура – это «“басня”, которая требует особого предварительного знания на основе особого словесного толкования»[551]. Следовательно, читаем далее, «надо знать не только характер человека, но и какой случай с ним приключился, чтобы дать и понять карикатуру»[552]. Таким образом, «карикатура мысленно или буквально требует текста, им определяется и поэтому является несамостоятельной, но, в противоположность иллюстрации, этот текст обычно параболически подразумевается и предполагается в известной мере общеизвестным и сравнительно простым»[553]. С. Сонтаг, будто развивая мысль Жинкина, писала: «…действительно, слова говорят громче картинок. Подписи одерживают верх над свидетельствами наших глаз; но никакая подпись не может навсегда ограничить или закрепить смысл изображения»[554]. В том же ключе, имея в виду юмористические рисунки и комиксы, высказывался Р. Барт: «Словесный текст и изображение находятся здесь в комплементарных отношениях; и текст, и изображение оказываются в данном случае фрагментами более крупной синтагмы, так что единство сообщения достигается на некоем высшем уровне – на уровне сюжета, рассказываемой истории, диегесиса (вот, кстати, почему диегесис следует рассматривать в

небольшая, чуть-чуть с изгибом туда и сюда, каштановая…» (*Новиков И.А.* Золотые кресты // *Новиков И.А.* Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы. Мценск, 2004. С. 38).

[551] *Жинкин Н.И.* Портретные формы // Искусство портрета. М., 1928. С. 38.

[552] Там же. С. 39.

[553] Там же.

[554] *Сонтаг С.* О фотографии. М., 2013. С. 146.

качестве самостоятельной системы)»[555]. В случае с Мережковским можно уверенно говорить о двух «баснях», положенных в основу ряда карикатур и развернутых мемуаристами.

Первую следовало бы озаглавить «Талантливый оратор, или Неистовый пророк». Сохранился рисунок[556], на котором Мережковский изображен в позе лектора, с вдохновенно откинутой головой и как бы указывающей путь рукой. Вспоминая о первой встрече с писателем, А. Бенуа отмечает: «Меня поразил при этом какой-то оттенок прозелитизма, который звучал в его словах. Он чему-то как будто *учил*, к чему-то *взывал*, что-то тоном негодующего пророка *громил*!»[557] «Он, – пишет Б. Погорелова, – маленького роста, с узкой впалой грудью, в допотопном сюртуке. Черные, глубоко посаженные глаза горели тревожным огнем библейского пророка. Это сходство подчеркивалось полуседой, вольно растущей бородой и тем легким взвизгиваньем, с которым переливались слова, когда Д.С. раздражался»[558]. В то же самое время Мережковский с успехом выступал перед публикой.

Вторая «басня» о Мережковском могла бы носить заглавие «Высокомерный писатель, или Далекий от жизни человек, черпающий вдохновение в книгах». Удачный пример карикатуры – Мережковский, одиноко парящий в облаках на воздушном шаре «Фантазия». На корзине – лира и череп. В руках – открытый мешок с надписью «Балласт» (другой такой же – под боком), из которого писатель сосредоточенно высыпает вниз нечто, напоминающее песок[559]. По воспоминаниям Б. Погореловой, Мережковский держался «с неоспоримым чувством превосходства и сыпал цитатами то из

---

[555] *Барт Р.* Риторика образа // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 307. Удачным примером того, как мемуарные рассказы дополняются художественными карикатурами, могут служить издания: *Игин И.И.* О людях, которых я рисовал. М., 1966; *Игин И.* Улыбка Светлова. Л., 1968.

[556] См.: *Фокин П., Князева С.* Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX – XX веков. В 3 т. Т. 2. СПб., 2007. С. 281.

[557] *Бенуа А.* Мои воспоминания. В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 47.

[558] *Погорелова Б.* Валерий Брюсов и его окружение // Московский Парнас: Кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890 – 1922). М., 2006. С. 354. Ср. с характеристикой статьи Кристлибова, вероятным прототипом которого также был Мережковский: «Было в статье много и странного. Странным был оптимизм, местами и тон, как бы прорицающий» (*Новиков И.* Между двух зорь (Дом Орембовских). М., 1917. С. 298).

[559] См.: *Фокин П., Князева С.* Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX – XX веков. В 3 т. Т. 2. СПб., 2007. С. 283.

Библии, то из языческих философов»[560]. Не исключено, что на фоне упомянутой карикатуры глагол «сыпал» может быть воспринят буквально. Б. Зайцев, в свою очередь, уверял: «Слабость Мережковского была – его высокомерие и брезгливость (то же у Гиппиус). Конечно, они не кричали – вперед, на бой, в борьбу со тьмой – были много сложнее и труднее, но и обращенности к “малым сим”, какого-либо привета, душевной теплоты и света в них очень уж было мало. Они и неслись в некоем, почти безвоздушном пространстве, не совсем человеческом. Это не уменьшает, однако, высоты их идейности»[561].

Упреками Мережковского в мертвенном схематизме, незнании жизни и неумении ее изобразить пестрят критические статьи А. Белого, Н. Бердяева, И. Ильина, К. Чуковского и др.[562] В мемуарной литературе подобных свидетельств меньше. Одно из самых запоминающихся оставил Б. Зайцев: «Вхожу в комнату Ремизовых – комната большая, большое кресло, в нем маленький худенький человек, темноволосый, с большими умными глазами, глубоко засел. А на коленях у него ребенок, девочка, едва не грудная, он довольно ласково покачивает ее на своей тощей интеллигентской ножке, чуть ли не мурлыкает над ней. Картина! Мережковский и колыбельная песенка. Верно, раз за всю жизнь с ним такое произошло. (Только недоставало, чтобы он пеленки Наташе менял.)»[563]. Здесь вряд ли стоит подробно останавливаться на том, что Мережковский – человек книжной культуры. На большинстве карикатур, рисунков и фотографий он представлен в окружении книг.

Мы сознательно акцентировали внимание на том, в каких отношениях постановочная фотография тяготеет к документальной автобиографии,

---

[560] *Погорелова Б.* Валерий Брюсов и его окружение // Московский Парнас: Кружки, салоны, журфиксы Серебряного века (1890 – 1922). М., 2006. С. 354.
[561] *Зайцев Б.* Памяти Мережковского. 100 лет // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 473.
[562] Ср. с высказыванием в адрес новиковского героя, списанного, судя по всему, с Мережковского: «Глеб! А не слишком ли строг, не очень ли только кристален твой новый храм? Есть ли место в том храме художнику, жизни, цветам? Или, по схеме строителя, им так же мало уделено места, как и в былом разрушенном храме?» (*Новиков И.А.* Золотые кресты // *Новиков И.А.* Золотые кресты: Роман. Повести и рассказы. Мценск, 2004. С. 37 – 38).
[563] *Зайцев Б.* Памяти Мережковского. 100 лет // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 470.

затронув аспекты функционирования, индивидуальной и культурно-исторической ценности, деформации материала; в то же время – остановились на личностном потенциале памяти и возможностях для интерпретации образа, заложенных в карикатуре и мемуаре (в данном случае специфику взаимодействия словесного и визуального рядов помогло выявить привлечение литературных пародий). Однако, открытым для нас остается вопрос о том, какие фрагменты памяти о писателе не переводятся на визуальный язык. Иначе говоря, существует ли измерение, где визуальное и словесное «пространства» не пересекаются. Но это, как принято писать в подобных ситуациях, выходит за рамки исследования феномена популярности Мережковского у современников.

***

Требует прояснения ситуация с участием Мережковского в подготовке своих прижизненных собраний сочинений. Как известно: «Свидетельством авторизации служат прямые заявления об этом писателя в той или иной форме, прочитанные им корректуры этого издания или хотя бы самое общее одобрение текста, так или иначе засвидетельствованное – устно, в письме, в воспоминаниях современников. Авторизация может иметь таким образом разные формы и степени, быть более или менее активной или пассивной. В любом случае она не исключает отдельных ошибочных чтений и не избавляет исследователя от самостоятельного изучения текста на предмет его аутентичности и правильности»[564].

Прямых доказательств авторизации ППСС-1 и ППСС-2 сохранилось немного. В полном виде договоры с издательствами обнаружить не удалось. К приведенным ранее свидетельствам того, что такие договоры существовали, добавим слова из объявления в «Известиях по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф» (1910. № 12): «Согласно *условию с автором* (курсив наш. – *А.Х.*), первое издание полного собрания

[564] *Гришунин А.Л.* Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998. С. 75.

сочинений Д.С. Мережковского будет выпущено в ограниченном количестве экземпляров, и на это издание объявляется подписка». Помимо этого, в рекламном объявлении подчеркивалась авторская установка на целостность восприятия ППСС-1: «Первое русское издание полного собрания сочинений Мережковского выйдет в 15 томах, с введением автора. Это введение, специально написанное для настоящего издания, явится руководящею, путеводною нитью для читателя, даст ему возможность как бы заглянуть в лабораторию творчества Мережковского, поможет понять связь, которая существует между отдельными его произведениями, позволит проследить ход философско-религиозной мысли талантливого писателя». Наконец, в XV [ч. I] томе ППСС-1 (в который вошел критико-биографический очерк М.А. Лятского) дана ценная информация от издателя: «В это собрание вошли из прежних стихотворных сборников Д.С. Мережковского все стихи, *которым автор придает значение* (курсив наш. – *А.Х.*), и все, напечатанные им за последние годы»[565].

Что касается ППСС-2, то уже в декабре 1913 года в «Русском слове» появилось объявление о начале подписки на журнал «Библиотека “Русского слова”», который в 1914-м будет представлять собой «Полное собрание сочинений» Мережковского в 24 томах. Из этого же объявления читатель получал роспись содержания всех книг и заверение в том, что собрание «пополнено новыми критическими статьями, новыми стихотворениями и итальянскими новеллами, не вошедшими в первое издание», а «текст тщательно пересмотрен и исправлен»[566]. Спрашивается – кем: автором или редактором?

Здесь мы вынуждены обратиться к рассмотрению косвенных свидетельств авторизации[567]. Не секрет, что редактором ППСС-2 был О.Я. Ларин. Сведения об этом человеке крайне скудны, однако известно, что

---

[565] *Мережковский Д.С.* ПСС. В 17 т. Т. 15. СПб.; М., 1912. С. 1.
[566] Цит. по: Рус. слово. М., 1914. № 1. С. 2.
[567] См. также: гл. III.I, § 3. Состав.

его настоящее имя – Иосиф (Осип) Яковлевич Рабинович (псевд.: О. Ларин, Осип Ларин, О. Л – ин). Родился 4 (16) февраля 1890 года в местечке Смиловичи Минской губернии, умер 12 февраля 1970 года в Ленинграде и похоронен на кладбище Жертв 9 января. С 7 лет жил вне дома. Закончил реальное училище и юридический факультет университета. Журналист, автор работ на темы литературы и театра. С 1909-го печатался в периодических изданиях: «Полесье», «Полесская мысль», «Современник» (1912), «Заветы» (1912 – 1914), «Солнце России» (1912), «Северные записки» (1914 – 1915), «Речь», «Русская молва» (1913), «Вестник Европы», «Театр и искусство», «Жизнь искусства» и др. Писал для Нового энциклопедического словаря (изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона; т. I – XXIX. СПб. – Пг., [1911 – 1916]). Работал в качестве члена редколлегии журнала «Летопись» (под руководством М. Горького). Специализировался на творчестве А.С. Пушкина и его лицейских друзей, С.Я. Надсона, В.П. Боткина. Издал брошюру: Лев Толстой. Биогр. очерк. Пг., 1917. Будучи специалистом по авторскому праву, с 1923 года служил юрисконсультом Л.О. ВССП, неоднократно выезжал за границу для защиты авторских прав советских писателей (1925 – 1928), однако 16 января 1932 года получил отказ в перерегистрации с формулировкой «как не связанный с литературой». По этой причине в дальнейшем был вынужден сосредоточиться в основном на юридической деятельности: канд. юр. наук (1945), доцент (1945), заведующий кафедрой основ советского государства и права в Ленинградском плановом институте. Преподавал также в других вузах. Последние из известных литературоведческих публикаций – рецензии на «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова (Вопр. лит. 1957. № 6; Там же. 1962. № 3) и том «Народы Южной Азии» известной серии «Народы мира» (Там же. 1965. № 3). Рабинович был хорошо знаком с А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилевым, С.Я. Маршаком, В.В. Маяковским, дружил с Е.И. Замятиным, В.М. Жирмунским, А.А. Смирновым. Как адвокат вел дела многих писателей, в том числе

К.А. Федина и А.Н. Толстого. В последние годы писал мемуары, но из-за неразборчивости почерка вдова (Н.В. Мочан) приняла решение сжечь их.[568]

Доказательством знакомства Мережковского с Рабиновичем и косвенным подтверждением их сотрудничества (за неизвестностью других) может служить дарственная надпись, оставленная писателем на книге «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев»: «Глубокоуважаемому Осипу Яковлевичу Ларину на добрую память от автора. 9/IV.1915»[569].

В объявлениях о подписке на ППСС-2 говорилось, что издание подготовлено по типу выходившего в 1913 году в «Библиотеке “Русского слова”» полного собрания сочинений Л.Н. Толстого. Это еще одно косвенное указание на авторизацию. Известные нам подробности издательского процесса подтверждают фундаментальность установленного подхода к материалу: «Настоящее издание является первым полным посмертным собранием сочинений великого писателя земли русской; в нем собрано все, что было написано Л.Н. Толстым и что стало доступным русской публике по цензурным условиям. В этом издании читатель найдет также несколько новых страниц художественных произведений Льва Николаевича, еще нигде не опубликованных. *Текст проверен по рукописям* (курсив наш. – *А.Х.*), хранящимся в библиотеках: Императорской Публичной и Академии наук в С.-Петербурге, Румянцевского и Исторического музеев в Москве, Толстовского музея в С.-Петербурге и Москве и в архиве В.Г. Черткова»[570].

Поскольку ППСС-2 Мережковского готовилось по образу и подобию «Полного собрания сочинений» Толстого, оно так же состояло из 24 томов (журнал «Библиотека “Русского слова”» был двухнедельный) и практически полностью повторяло структуру научно-справочного аппарата толстовского собрания, в I томе которого стояло предуведомление «От редакции»

---

[568] За помощь в подготовке справочной информации выражаю глубокую признательность хранительнице архива И.Я. Рабиновича, его внучке – Галине Радмировне Добровой, д-ру филол. наук, проф. РГПУ им. А.И. Герцена.
[569] Цит. по фотокопии титульного листа из семейного архива Рабиновича.
[570] Цит. по: Рус. слово. М., 1913. № 252. С. 1.

(В. Черткова и П. Бирюкова), а в конец XXIV тома включались: «Алфавитный указатель к произведениям Л.Н. Толстого, помещенным в полном собрании сочинений изд. Т-ва И.Д. Сытина», «Хронологический указатель к произведениям Л.Н. Толстого, помещенным в полном собрании сочинений изд. Т-ва И.Д. Сытина», «Сочинения, не вошедшие в соответствующие тома полного собрания сочинений и помещенные в Дополнении», «Алфавитный список писем, помещенных в XXI – XXIV тт. полного собрания сочинений Л.Н. Толстого», «Хронологический список писем, помещенных в XXI – XXIV тт. полного собрания сочинений Л.Н. Толстого», «Погрешности».

«Полное собрание сочинений» Толстого не было единственным примером. К началу XX века в практике издания полных собраний сочинений сложилась традиция авторизации текстов. Так, все собрания сочинений, выпущенные приложениями к «Ниве», по свидетельству исследователей, «насколько это было возможно, авторизовались или сверялись с хранившимися у наследников рукописями. Этот пункт специально оговаривался в договорах»[571].

Последним из косвенных доказательств авторизации Мережковским своих собраний сочинений может служить щепетильное отношение писателя к соблюдению редакторами или издателями его творческой воли. В этом легко убедиться на примере писем Мережковского к Ф.И. Благову, редактировавшему газету «Русское слово». «Мое непременное условие, – настаивал автор, – чтобы ни заглавия<,> ни текста не меняли без моего согласия»[572]. «Хотелось бы, – читаем в другом письме, – чтобы статьи “С нами Петр” и “Грядущий Хам” появились поближе одна к другой, так как очень тесно связаны и одна другую поясняет: очень важно *единство восприятия*»[573]. Известны и другие примеры. Как показала К.А. Кумпан, именно Мережковскому изначально принадлежали состав и композиция «Собрания

[571] Цит. по: Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008. С. 64.
[572] НИОР РГБ. Ф. 259. К. 17. Ед. хр. 10. Л. 5 – 5 об.
[573] Там же. Л. 12.

стихов (1883 – 1903)» (1904), но и в дальнейшем, вопреки мнению Н.А. Богомолова и Н.В. Котрелева[574], писатель не устранился от предпечатной подготовки издания, которое утвердил, и незадолго до появления тиража интересовался у С.А. Полякова: «Как идут наши книги?»[575]

Итак, случай Мережковского подтверждает общее правило, удачно сформулированное современным текстологом: «За редким исключением писатели относятся к чужой правке своих произведений весьма болезненно. Даже если редактор в своем перфекционистском стремлении прикоснулся к чужому тексту с максимальным тактом и бережностью, автору может показаться, что стороннее вторжение разрушило стройность его замысла и сместило смысловые акценты»[576].

§ 3. Отзывы современников

В заключение обратимся к реакции современников Мережковского на выход ППСС-1 и ППСС-2. А.В. Бахрах вспоминал, как, будучи еще гимназистом старших классов, получил на Рождество в подарок от деда собрание сочинений Мережковского, упакованное в картонную коробку: «Я и сейчас вижу ее перед глазами. Кажется мне, что она вмещала свыше 20 томов. Я почти захлебывался от радости, потому что перед Мережковским преклонялся»[577]. Этот восторженный мемуарный отклик – единственный в своем роде. Литературные критики в большинстве своем остались равнодушны и практически не заметили издание двух полных собраний сочинений писателя. Появившиеся печатные отзывы[578] на первое издание в основном содержали повторение общих мест из отрицательных рецензий на Мережковского. Один

---

[574] См.: *Богомолов Н.А., Котрелев Н.В.* К истории первого сборника стихов Зинаиды Гиппиус // Рус. лит. Л., 1991. № 3. С. 124.
[575] Цит. по: *Кумпан К.А.* Примечания // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 868.
[576] *Трубилова Е.* Об отношениях автора и редактора: вокруг повести Б. Пантелеймонова «Молодые глаза» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 507.
[577] *Бахрах А.* Померкший спутник // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 499.
[578] См.: Хронологический указатель литературы о произведениях Д.С. Мережковского // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 148 – 149.

из них принадлежал Н.О. Лернеру и сводился к укоренившемуся в литературных кругах России мнению: «Пишет г. Мережковский все об острых и жгучих вопросах, но никогда никого не обжег»[579]. Вероятно, самую положительную оценку тогда еще не до конца изданному ППСС-1 дала Ан.Н. Чеботаревская: «Во всякой другой стране, кроме России, пятнадцать томов сочинений, содержащих изумительную по изобразительному мастерству трилогию, поразительные по глубине и богатству мысли критические исследования, новеллы, стихотворения и статьи на религиозно-философские темы, – этого пышного итога тридцатипятилетней напряженной работы ума и таланта было бы достаточно, чтобы обеспечить если не “бессмертие”, то спокойное и почетное положение в обществе, подобное тому, какое занимает в культурной Франции Анатоль Франс. Но в варварском нашем отечестве, умеющем устраивать своим лучшим сынам только пышные похороны, Д.С. Мережковский не только не отличен еще нашей Академией, венчающей Веру Рудич и т.п., но даже и в уединении работы своей не гарантирован от тех бесцеремонных вторжений, которые во всякой культурной стране уже давно отошли в область легенды»[580]. Однако и в этом хвалебном отзыве отмечалась слабость религиозно-философских статей писателя по сравнению с литературно-критическими – в способности зажигать читателя художественным восторгом. К недостаткам ППСС-1 Чеботаревская также отнесла «полное отсутствие хронологических указаний и дат, необходимых для работы будущего историка литературы»[581] (при подготовке ППСС-2 этот недостаток был устранен).

Удивительно, что никто из критиков, писавших о полном собрании сочинений Мережковского либо ссылавшихся на него, не воспринимал издание как единство текстов, связанных авторским замыслом, и это несмотря на

---

[579] *Лернер Н.* Д.С. Мережковский. Полное собрание сочинений. Издание тов-ва М.О. Вольф. Томы XI, XII // Северные записки. СПб., 1913. Февраль. С. 179 – 180.
[580] *Чеботаревская А.* Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского. Томы I – XV. Изд. Т-ва М.О. Вольф. 1911 // Новая жизнь. СПб., 1912. № 12. Стб. 216 – 217.
[581] Там же. Стб. 223.

призыв писателя, выраженный в «бесполезном», по его же собственному определению, предисловии. «Это введение, – по мнению Е.Г. Лундберга, – интересно своею почти невероятною парадоксальностью: впечатления от книг Мережковского прямо противоположны характеристике, которую он дает себе сам»[582]. По пути восприятия собрания сочинений писателя в его целостности не пошли ни Чеботаревская, остановившаяся главным образом на анализе критического наследия Мережковского, «считая эту сторону его таланта поистине совершенно исключительной и, пожалуй, менее всего оцененной»[583], ни А.С. Долинин, предпринявший попытку академического разговора о творчестве писателя на материале ППСС-1 для издания С.А. Венгерова «Русская литература XX века (1890 – 1910)». Задаваясь целью «дать вполне беспристрастный очерк деятельности Мережковского в связи с его личностью; именно постичь его как особую индивидуальность с определенным психическим укладом, в зависимости от которого только и могут быть объяснены как положительные, так и отрицательные стороны его писаний»[584], Долинин раздробил материал в нужной для него последовательности (лирика, эпос, критика). Тем временем наш подход к предмету – изучение прижизненного «Полного собрания сочинений» как структурно-семантического единства – принципиально иной, будем надеяться, что убедительный, отвечающий не только авторскому замыслу, но и сути этого литературного феномена.

---

[582] *Лундберг Е.* Мережковский и его новое христианство. СПб., 1914. С. 12.
[583] *Чеботаревская А.* Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского. Томы I - XV. Изд. Т-ва М.О. Вольф. 1911 // Новая жизнь. СПб., 1912. № 12. Стб. 218.
[584] *Долинин А.* Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века (1890 – 1910). М., 2000. Кн. 1. С. 281.

III.III. ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Раздел 1. Содержательный аспект

§ 1. Тематический уровень описания с точки зрения запечатления в нем духовно-биографического опыта творца

Мы уже писали о том, что наиболее приемлемой, на наш взгляд, является необходимость использования с известными ограничениями *историко-генетического подхода* в рамках теоретического исследования (см. Введение), ссылаясь на утверждения А.П. Скафтымова и Д.С. Лихачева о насущности изучения человека и художника, жизни и творчества в их соотношении. Яркий пример реализации этого тезиса дает глава «Элементы эмпирической личности Достоевского в “Записках из подполья”» в статье Скафтымова «“Записки из подполья” среди публицистики Достоевского» (1929).

Потребность выхода из границ художественного текста в эмпирическую (историческую) действительность соответствует специфике герменевтического методологического стандарта, предполагающего «учет внелингвистических факторов, мотивационных установок, бессознательных моментов, социокультурных факторов при реконструкции объективного смысла текста»[585]. Как известно, одним из критериев научности в литературоведении, своеобразной «точкой опоры», по мнению Лихачева, является обращение к истории: «…так как историческое изучение – изучение произведения как процесса (а произведение – это процесс, а не статическая замкнутость…) – не только доказывает, но и объясняет явление, делает его и ясным, и простым»[586]. Речь здесь не идет о подмене предмета исследования – текста – его контекстом. Одно не отменяет другое. Но вне учета принципа историзма, вне контекстуальных связей, все наши суждения повиснут в воздухе, окажутся оторванными от реальности. Кроме того, принцип историзма ценен не сам по

[585] *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 150.
[586] *Лихачев Д.С.* История – мать истины // *Лихачев Д.С.* Избранные работы. В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 465.

себе, а как дополняющий глубокое, всестороннее, рассмотрение предмета исследования.

О том, что всякое толкование является контекстуальным, писал еще Ш.-О. Сент-Бев: «Любое сочинение любого автора обретает весь свой исторический и литературный смысл, обнаруживает подлинную меру своей оригинальности, новизны или подражательности лишь тогда, когда оно рассмотрено и изучено указанным образом, то есть полностью, когда оно помещено в соответствующую рамку, окружено обстоятельствами, сопутствовавшими его появлению, так что в этом случае, вынося о нем суждение, мы не подвергаемся риску приписать ему ложные красоты или совершенно невпопад прийти в восхищение, что неизбежно случается, когда мы руководствуемся чистой риторикой»[587]. Спустя годы Антуан Компаньон, преодолевая известную альтернативу «текст или автор», пришел к разумному заключению. «Истолкование произведения, – пишет он, – предполагает, что это произведение отвечает чьей-то интенции, представляет собой продукт некоторой человеческой инстанции. Отсюда не следует, что мы обязаны искать в произведении одни лишь интенции, просто смысл текста связан с авторской интенцией… Извлечь произведение из его литературно-исторического контекста – значит сообщить ему другую интенцию (другого автора – читателя), сделать из него другое произведение, а стало быть и интерпретации здесь подвергается уже не то произведение»[588]. Автор биографический и автор-творец рассматриваются большинством исследователей как неотъемлемые понятия литературоведения, без учета которых анализ художественного произведения не может представляться законченным. Сделав круг, литературная теория не смогла окончательно избавиться от принципов биографического подхода (берущего начало от Сент-Бева, но освобожденного от крайностей импрессионизма и психологизма, трактуемого как

[587] *Сент-Бев Ш.-О.* Шатобриан в оценке одного из близких друзей в 1803 г. [Определение «биографического метода»] // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 44.
[588] *Компаньон А.* Демон теории. М., 2001. С. 111.

вспомогательный, при котором биография рассматривается как один из источников художественного образа, значение и смысл которого шире «материала», использованного в произведении).

По верному замечанию Е.Г. Местергази: «Категория “образ автора” активно разрабатывалась филологами на протяжении всего XX в.»[589]. Изученность этой темы (в трудах М.М. Бахтина, С.Г. Бочарова, В.В. Виноградова, Л.Я. Гинзбург, В.В. Кожинова, Б.О. Кормана, Г.Н. Поспелова, В.В. Прозорова, Н.Т. Рымаря, В.П. Скобелева, В.Н. Топорова, Ю.Н. Тынянова, Б.А. Успенского, В.Е. Хализева, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума, Б.М. Энгельгардта и др.) избавляет от необходимости ее детального рассмотрения и позволяет остановиться только на значимых в рамках проблемы соотношения жизни и творчества суждениях.

Связь между биографией и литературным произведением, с точки зрения Г.О. Винокура, может быть установлена в следующих пределах:

1. «Литература есть не только художественное “отражение” или “преломление” жизни, но обладает также собственным историческим бытием. Прежде всего, она есть продукт конкретной творческой деятельности, которая сама по себе есть уже факт биографический. Если, таким образом, эстетически или идейно литературный факт обладает самостоятельным и независимым от исторической личности бытием, то исторически все же личность остается имманентной историческому памятнику, ею оставленному»[590].

2. «Конкретную и необходимую помощь, в связи с вышесказанным, биография оказывает науке и литературе в кругу вопросов в строгом и собственном смысле “историко-литературных”, т.е. таких вопросов, которые связаны с собственной историей литературного факта…»[591] Иначе говоря, вопросы

---

[589] *Местергази Е.Г.* Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М., 2007. С. 112.

[590] *Винокур Г.О.* Биография и культура // *Винокур Г.О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 12

[591] Там же.

авторства, локализации и датировки документа покрывают собою все сюда относящееся.

3. «Важным пунктом пересечения историко-литературных и биографических интересов является далее само слово в его конкретном историческом содержании. С этой точки зрения помощь биографии (как и вообще истории) – науке о литературе выражается в так наз<ываемом> “реальном комментарии”, который есть истолкование данного литературного факта со стороны истории языка и его значений»[592].

4. «Наконец, к биографии же заставляют обращаться историка литературы экспрессивные (выразительные) функции речи, составляющие некоторого рода субъективную окраску объективной структуры слова (образ, сюжет). Словесная экспрессия служит поводом для возникновения биографических интересов, поскольку она является симптомом или признаком личных авторских переживаний и поведения»[593]. Винокур поясняет: «Интонация и тембр голоса, акцент и порядок слов, синтаксическая конструкция и лексическое своеобразие, тематические пристрастия и характерные приемы сюжетосложения, весь вообще стилистический уклад речи, т.е. все то, что отличает в ней именно этого говорящего среди прочих, – ведь это и суть те факты, в которых мы усматриваем следы индивидуальной жизненной манеры и которые позволяют нам смотреть на слово не только как на знак идеи, но и еще как на поступок в истории личной жизни. Само содержание слова теперь только признак, указывающий на личность того, кто говорит. Не что сказано в слове, а только что он сказал в этом слове – так формулируется теперь наша проблема; не что сказано, а кем и как сказано»[594]. Итак, ученый заключает, что «стилистические формы поэзии суть одновременно стилистические формы личной жизни»[595].

---

[592] Там же. С. 12 – 13.
[593] Там же. С. 13.
[594] Там же. С. 83.
[595] Там же. С. 85.

5. «Что же касается поэтического слова в его существенных и объективных моментах (напр<имер>, образ), то последние для истолкования своего в помощи биографии уже не нуждаются, поскольку только биография не принимает здесь значения реального комментария…»[596]

Существенный пункт соприкосновения биографических и поэтических интересов в индивидуальной авторской манере наряду с Винокуром усматривали формалисты. *«Быт соотнесен с литературой прежде всего своей речевой стороной»*[597]*,* – писал Ю.Н. Тынянов. «Существуют явления стиля, – полагал он, – которые приводят к *лицу* автора; в зачатке это можно наблюсти в обычном рассказе: особенности лексики, синтаксиса, а главное, интонационный фразовой рисунок – все это более или менее подсказывает какие-то неуловимые и вместе конкретные черты рассказчика»[598]. «Кстати, – отмечал Тынянов в 1924 году, – в большом ходу сейчас подмена вопроса о “литературной индивидуальности” вопросом об “индивидуальности литератора”. Вопрос об эволюции и смене литературных явлений подменяется вопросом о психологическом генезисе каждого явления, и вместо литературы предлагается изучать “личность творца”»[599].

В свою очередь, Б.В. Томашевский на поставленный Винокуром вопрос: «Нуждается ли биография в помощи творческого наследия писателя?» – отвечал более гибко, чем автор «Биографии и культуры». «Лирика (читай: творчество. – *А.Х.*), – пишет Томашевский, – вовсе не негодный материал для биографических разысканий. Это лишь – ненадежный материал»[600]. «При всем том, – продолжает исследователь, – творчество поэта все же дает поле для построения биографической гипотезы, которая иногда одна может удовлетворительно связать обрывочные и смутные факты и которую иногда

---

[596] Там же. С. 13.
[597] *Тынянов Ю.Н.* О литературной эволюции // *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 278.
[598] *Тынянов Ю.Н.* Литературный факт // *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 268.
[599] Там же. С. 259.
[600] *Томашевский Б.В.* Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения // *Томашевский Б.В.* Пушкин: Работы разных лет. М., 1990. С. 50.

приходится проверять не в целом, а в наиболее решительных “ударных положениях”»[601]. Впрочем, Томашевский соглашается с Винокуром в том, что биография оказывает науке о литературе необходимую помощь в вопросах в строгом смысле «историко-литературных». «Критика текста, – утверждает ученый, – должна опираться на точные сведения биографии. Только такая точная биография даст возможность разрешать сложные вопросы взаимоотношения литературных произведений (например, их датировку) или вопросы литературных заимствований (которые иной раз оказываются простыми конвергенциями, совпадениями, ибо биографические данные обнаруживают незнакомство автора с теми произведениями, с которыми он совпадает: для Пушкина таково взаимоотношение “Шильонского узника” и “Братьев разбойников”)»[602].

В статье «Литература и биография» (1923) Томашевский задает один из важнейших филологических вопросов: нужна ли нам биография для понимания творчества писателя?[603] В результате ученый заключает, что вопрос о биографии в истории литературы не может быть решен однозначно. «Если есть писатели с биографией, – пишет Томашевский, – то есть и писатели без биографии… Что же касается “документальных” биографий, то все они отходят в область истории культуры, наравне с биографиями генералов и изобретателей, и для литературы и ее истории могут явиться лишь внешним, хотя бы и необходимым, справочным, подсобным материалом»[604].

Новую классификацию типов «писателей с биографией», альтернативную той, которую предложил Томашевский, недавно представила Местергази. В основе этой классификации – не качество биографии, а ее способность к преобладанию в паре «писатель-биография». Так, выделяется три типа

---

[601] Там же. С. 51.
[602] Там же. С. 49.
[603] *Томашевский Б.* Литература и биография // Книга и революция. Пг., 1923. № 4. С. 6.
[604] Там же. С. 9. Писатели с биографией имеют установку на создание в своем творчестве литературной личности (по терминологии Ю.Н. Тынянова). Кроме того, мысль Томашевского о писателях с биографией и писателях без биографии интересно сравнить с идеей Марины Цветаевой о поэтах с историей и поэтах без истории, высказанной в одноименной статье.

«писателя с биографией». Первый – «литератор, сочинитель, автор художественных произведений»[605] (биография играет хотя и важную, но не главную роль). К этому типу Местергази относит, к примеру, Гете, Руссо, Байрона, Радищева, Пушкина. Второй – «тип, характеризующийся тем, что слово “писатель” тут более не имеет четкой терминологической очерченности, т.е. если речь и идет о “сочинителях”, то произведения их очень редко относятся к традиционным литературным жанрам – чаще всего это так называемая документальная проза (письма, дневники, мемуары и т.п.)»[606] (биография, превращенная в «сферу творчества», заслоняет собой литературную деятельность). К этому типу Местергази причисляет, например, Чаадаева. Третий тип редок, так как к нему относятся писатели, от которых «если что и остается в литературе, так это именно биография»[607]. В качестве примеров приводятся имена Петровской, графа Хвостова, князя Шаликова, Баркова и некоторых других. К сожалению, эта классификация, как и любая другая, оказывается уязвимой, поскольку встречаются «переходные» фигуры. Для примера Местергази называет Брюсова и Шкловского. Однако список может быть продолжен.

По мнению В.М. Жирмунского, вопросы биографии писателя и значение ее изучения для истории литературы можно разделить на три проблемы: 1) личная биография писателя, его переживания и отношение к творчеству; 2) социальная биография писателя; 3) литературная биография, то, что имеет отношение к литературной жизни писателя[608].

Говоря о личной биографии писателя и ее отношении к творчеству, Жирмунский обращается к истории. Ученый показывает, как из материалов устных сведений о Данте и собственных рассказов Данте в его «Новой жизни» Боккаччо создал «биографический роман»[609]; или как лирика эпохи

---

[605] *Местергази Е.Г.* Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В.С. Печерин). М., 2007. С. 36.
[606] Там же. С. 37.
[607] Там же. С. 38.
[608] *Жирмунский В.М.* Введение в литературоведение: Курс лекций. М., 2004. С. 133.
[609] Там же. С. 114.

Возрождения постоянно возбуждала к себе биографический интерес благодаря развившемуся личному моменту в творчестве[610]. На примере «Вертера» Гете ученый демонстрирует, как личная биография писателя становилась для современников литературным фактом[611].

В большинстве случаев Жирмунский называет «порочным кругом» ситуацию, когда «биография реконструируется из творчества для того, чтобы с помощью этой биографии опять-таки объяснить творчество»[612]. «Поэтому, – пишет ученый, – нельзя считать, что основная задача исследования должна заключаться в разыскивании биографических источников литературного произведения. “Биографизм” историко-литературного исследования – это методологически нецелесообразный подход. Исследователь должен быть осведомлен об этих биографических фактах, потому что он интересуется источниками творчества поэта; он должен знать, откуда автор берет материал – из своей личной жизни или из жизни, его окружающей, – т.е. каков его кругозор, каковы его возможности познания действительности, которая его окружает. Но эти биографические источники творчества в конце концов интересны только как сырой материал, способствующий обобщению действительности, которое и воплощено в художественных образах произведения»[613]. Соответственно литературное произведение тоже не может рассматриваться как материал для реконструкции и объяснения биографических фактов.

Обращаясь к социальной биографии писателя, Жирмунский признает, что общественная обстановка, среда, известным образом влияет на психологию творца, и в то же время предостерегает исследователей против вульгарно-социологического объяснения психологии поэта, особенностей его «идеологии»[614]. «Общественная среда, – пишет он, – может наложить очень

[610] Там же.
[611] Там же. С. 134.
[612] Там же. С. 116.
[613] Там же. С. 142.
[614] Там же. С. 144.

существенную печать на психологию человека, иногда, в известных случаях, она может даже и целиком определить его мировоззрение, но, конечно, не следует этой биографической связью злоупотреблять, не следует придавать ей принципиальное значение там, где она этого значения не имеет»[615]. Последним, как известно, грешили В.М. Фриче, В.Ф. Переверзев, а также «пролеткультовцы», «на(лит)постовцы» и «лефовцы». Все они усматривали непосредственную связь между литературным творчеством и классовой принадлежностью писателя, превращали литературу (да и вообще искусство) в «образную иллюстрацию» социологии[616]. «Таким образом, – писал Фриче в 1920-е годы, – классовая противоположность и классовая борьба сказываются в искусстве как в том, что художники известного класса, создавая искусство для другого класса, вносят в него свойственные их группе психо-идеологические черты и настроения, так и в том, что в пределах одной и той же общественной формации художники разных классов и разных групп, составляющих это общество, отмежевываются друг от друга тем, что или создают свое особое по содержанию и форме искусство, или претворяют своеобразно-отлично единый господствующий тип и стиль искусства. Наряду с подобными случаями классового отталкивания имеются налицо случаи противоположные – случаи классового подражания и классовой ассимиляции»[617].

Литературный аспект биографии писателя, по мнению Жирмунского, заключается в том, что из биографии писателя исследователи получают необходимые им данные о его работе над произведением. «Они, – пишет ученый, – знакомятся прежде всего с кругом чтения писателя, узнают, какими произведениями он увлекался, каков его литературный кругозор в национальной и мировой литературе»[618]. В этой связи очень важно знать библиотеку писателя. Кроме того, Жирмунский отмечает: «Биографический материал позволяет восстановить литературные связи и отношения писателя. В

[615] Там же.
[616] Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. Стб. 153.
[617] *Фриче В.М.* Социология искусства. М., 2003. С. 202 – 203.
[618] *Жирмунский В.М.* Введение в литературоведение: Курс лекций. М., 2004. С. 153.

определенные эпохи существуют те или иные литературные группировки – дружеские или враждебные. Положение писателя по отношению к другим писателям в этих литературно-бытовых связях можно восстановить с помощью биографических материалов, таких, как переписка, дневники и т.д.»[619].

Жирмунский отводит изучению биографии писателя вспомогательную роль. Знать биографические сведения необходимо для установления авторства, датировки, локализации текстов. В конце концов, биографические источники творчества «интересны только как сырой материал, способствующий обобщению действительности»[620]. Если что и имеет отношение к пониманию и толкованию литературного произведения, полагает Жирмунский, так это хранящиеся в биографических материалах литературные оценки своих и чужих произведений, эстетические теории, которые писатель формулировал, его деятельность как литературного критика. Другими словами, теоретический, эстетический материал[621]. С последним положением вряд ли согласился бы Винокур.

М.М. Бахтин касается проблемы соотношения жизни и творчества исключительно с точки зрения эстетики словесного творчества, а не истории литературы.

Важнейшим условием существования художественного произведения, по мнению Бахтина, является обязательное наличие как автора, так и героя. Иными словами, поясняет ученый, «каждое понятие, образ и предмет живет в двух планах и осмысливается в двух ценностных контекстах – в контексте героя и в контексте автора»[622]. Без этого в принципе невозможна эстетическая деятельность. При этом герой произведения никогда не может совпадать с автором-творцом его, в противном случае мы не получим художественного произведения. «Отсюда, – пишет Бахтин, – непосредственно вытекает и общая формула основного эстетически продуктивного отношения автора к герою:

---

[619] Там же. С. 154.
[620] Там же. С. 142.
[621] Там же. С. 154.
[622] *Бахтин М.М.* <Автор и герой в эстетической деятельности> // *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 1. М., 2003. С. 77.

отношения напряженной вненаходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вненаходимости, позволяющей собрать всего героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан в заданном мире познания и открытом событии этического поступка, собрать его и его жизнь и восполнить до целого теми моментами, которые ему самому в нем самом недоступны: как-то полнотой внешнего образа, наружностью, фоном за его спиной, его отношением к событию смерти и абсолютного будущего… и оправдать и завершить его помимо смысла, достижений, результата и успеха его собственной, направленной вперед жизни»[623].

Важно понимать, о каком «авторе» говорит Бахтин. По справедливому замечанию В.Е. Хализева, слово «автор» имеет в сфере искусствоведения несколько значений: «Это, во-первых, творец художественного произведения как *реальное лицо* с определенной судьбой, биографией, комплексом индивидуальных черт. Во-вторых, это *образ автора,* локализованный в художественном тексте, т.е. изображение писателем, живописцем, скульптором, режиссером самого себя. И, наконец, в-третьих… это художник-творец, присутствующий в его творении как целом, *имманентный* произведению»[624]. Об этом «имманентном» (по терминологии Хализева) авторе и пишет Бахтин.

«Автор, – читаем мы, – носитель напряженно-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения, трансгредиентного каждому отдельному моменту его. Изнутри самого героя, поскольку мы вживаемся в него, это завершающее его целое принципиально не может быть дано, им он не может жить и руководиться в своих переживаниях и действиях, оно нисходит на него – как дар – из иного активного сознания – творческого сознания автора»[625]. В результате Бахтин отрицает подход, основанный на

---

[623] Там же. С. 96.
[624] *Хализев В.Е.* Теория литературы: Учебник. М., 2004. С. 61.
[625] *Бахтин М.М.* <Автор и герой в эстетической деятельности> // *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 1. М., 2003. С. 95.

смешении автора-творца, момента произведения, и автора-человека, момента этического, социального события жизни, и на непонимании творческого принципа отношения автора к герою. В этом, как нам кажется, Бахтин наиболее близок к Жирмунскому. Но не только в этом. Оба исследователя придают громадную биографическую ценность авторской критике, а также высказываниям, отражающим мировоззрение писателя. «Автор-творец, – читаем у Бахтина, – поможет нам разобраться и в авторе-человеке, и уже после того приобретут освещающее и восполняющее значение и его высказывания о своем творчестве»[626]. Однако ученый считает, что «для пользования художественным произведением как источником для биографии совершенно недостаточны обычные в исторической науке приемы критики источников, ибо они как раз не учитывают специфической структуры его, это должно быть предварено философским углублением <?> и принципиально <?> изучено <?> эстетикой»[627].

Мы не ставим перед собой цели последовательного изложения эстетической теории Бахтина. Важно помнить, что автор «должен находиться не только вне героя, но и вне формального принципа его мира, завершать не только героя, но и его мир»[628]. Для того чтобы получилось настоящее художественное произведение, автору, по мнению ученого, нужно встать в позицию «ценностной вненаходимости»[629]. В противном случае перед нами будет «самоотчет-исповедь». Следуя этой логике, принципиальной грани между автобиографией и биографией Бахтин не находит. «Разница, – пишет он, – конечно, есть, и она может быть велика, но она лежит не в плане основной ценностной установки сознания. Ни в биографии, ни в автобиографии я-для-себя (отношение к себе самому) не является организующим, конститутивным моментом формы»[630].

---

[626] Там же. С. 91.
[627] Там же. С. 94.
[628] Там же. С. 175.
[629] Там же. С. 213.
[630] Там же. С. 216.

Здесь важно иметь в виду, что Бахтин говорит исключительно о художественном творчестве. Вот почему ученого не интересуют формы, не имеющие художественно-биографического задания: научная биография, а также автобиография – как сообщение, преследующее какие-либо объективные или практические цели. В этом, с одной стороны, логичность бахтинской теории, но с другой – ее односторонность. Ученый рассматривает форму биографии лишь в тех отношениях, «в каких она может служить для самообъективации, т.е. быть автобиографией, т.е. с точки зрения возможного совпадения в ней героя и автора, или точнее… с точки зрения особого характера автора в его отношении к герою»[631]. При этом «персональное совпадение “в жизни” лица, о котором говорится, с лицом, которое говорит, не упраздняет различия этих моментов внутри художественного целого. Ведь возможен вопрос: как я изображаю себя, в отличие от вопроса: кто я…»[632]

Таким образом, Бахтин выделяет два основных типа биографического ценностного сознания и оформления жизни в зависимости от «амплитуды биографического мира» и «характера авторитетной другости»: авантюрно-героический (эпоха Возрождения, Бури и натиска, ницшеанство) и социально-бытовой (сентиментализм, отчасти – реализм). В основе первого, по словам Бахтина, лежит воля быть героем, иметь значение в мире других, воля быть любимым и, наконец, воля изживать фабулизм жизни, многообразие внешней и внутренней жизни[633]. Второй основан на социальных и прежде всего семейных ценностях[634].

В любом случае, утверждает ученый, «мир биографии не закрыт и не завершен, он не изолирован твердыми и принципиальными границами из единого и единственного события бытия»[635]. Не завершим в пределах

[631] Там же.
[632] Там же.
[633] Там же. С. 219.
[634] Там же. С. 224.
[635] Там же. С. 227.

биографической ценности оказывается также герой: «целого героя биография не дает»[636].

Очевидно, что тип научной биографии, помимо прочего направленный на воссоздание целостного образа «героя», не мог найти своего места в эстетической концепции Бахтина. Однако ее безусловная ценность заключается в утверждении автора-творца, авторитетного и необходимого для читателя, «который относится к нему не как к лицу, не как к другому человеку, не как к герою, не как к определенности бытия, а как к принципу, которому нужно следовать»[637]. «Автор, – пишет ученый, – не может и не должен определиться для нас как лицо, ибо мы в нем, мы вживаемся в его активное видение, и лишь по окончании художественного созерцания, т.е. когда автор перестает активно руководить нашим видением, мы объективируем нашу пережитую под его руководством активность (наша активность есть его активность) в некое лицо, в индивидуальный лик автора, который мы часто охотно помещаем в созданный им мир героев. Но этот объективированный автор, переставший быть принципом видения и ставший предметом видения, отличен от автора – героя биографии (формы научно достаточно беспринципной). Попытка объяснить из индивидуальности его лица определенность его творчества, объяснить активность творческую из бытия: в какой мере это возможно. Этим определяется положение и метод биографии, как научной формы. Автор должен быть прежде всего понят из события произведения, как участник его, как авторитетный руководитель в нем читателя. Понять автора в историческом мире его эпохи, его место в социальном коллективе, его классовое положение. Здесь мы выходим за пределы анализа события произведения и вступаем в область истории; чисто историческое рассмотрение не может не учитывать всех этих моментов. Методология истории литературы выходит за пределы нашей работы. Внутри произведения для читателя автор – совокупность творческих принципов, долженствующих быть осуществленными, единство

[636] Там же. С. 228.
[637] Там же. С. 261.

трансгредиентных моментов видения, активно относимых к герою и его миру. Его индивидуация, как человека, есть уже вторичный творческий акт читателя, критика, историка, независимый от автора – как активного принципа видения, акт – делающий его самого пассивным»[638].

Несмотря на то что методология истории литературы выходит за пределы исследования Бахтина, ученый делает ряд важных для историка литературы заявлений. Во-первых, Бахтин не отвергает возможность объяснения из индивидуальности автора-человека определенность его творчества (эту возможность допускает также Винокур); во-вторых, он частично определяет задачи историка литературы (в нашем случае – биографа): понять автора в контексте его эпохи (в социальном коллективе, ближайшем окружении); кроме того, Бахтин (а вместе с ним Жирмунский) придает биографическую ценность теоретическим и критическим высказываниям писателя. При этом оба ученых предупреждают о необходимости критического подхода к биографическим источникам. И, наконец, представляется справедливым предостережение Бахтина не смешивать автора-творца (момента произведения) и автора-человека (момента этического, социального события жизни), несмотря на возможные совпадения. С этим согласен не только Жирмунский, но и Хализев.

«Наличествующий в произведении автор, – читаем у последнего, – *не* тождествен облику автора реального. Например, А.А. Фет в своих стихах воплощал совсем иные грани своей индивидуальности, нежели те, что давали о себе знать в его повседневной деятельности помещика»[639]. Однако, читаем далее, образ автора в произведении и облик автора реального «неминуемо связаны»[640]. Хализев также считает (и в этом он вновь соглашается с Жирмунским), что, «будучи прежде всего неповторимой творческой индивидуальностью, автор, подобно любому человеку, является вместе с тем (независимо от того, в какой мере он это осознает) также представителем

---

[638] Там же. С. 261, 263.
[639] *Хализев В.Е.* Теория литературы: Учебник. М., 2004. С. 72.
[640] Там же.

определенной части социума, что неизменно накладывает свою печать на его взгляды, психологию, поведение и, конечно же, на его художественную деятельность»[641].

В одной из предыдущих работ[642] мы уже писали о том, что личность писателя может быть познана как минимум на трех уровнях: бытовом, сверхбытовом, или надбытовом, и сущностном. Бытовой уровень подразумевает изучение биографических фактов в отрыве от творческой деятельности личности. На сверхбытовом уровне биограф исследует жизнь писателя в ее отношении к творчеству. Как известно, биографический факт может не только повлиять на творчество, но и отразиться в нем. Возможен также обратный процесс. В этой связи вспоминается суждение И.А. Бродского. «Нет ничего бездарней, – утверждал он, – чем рассматривать творчество как результат жизни, тех или иных обстоятельств»[643]. При этом поэт добавлял: «…в моем бизнесе, в литературе, работа так или иначе проецируется на жизнь. И жизнь начинает зависеть от того, что ты делаешь на бумаге»[644]. Надо сказать, бытовой и сверхбытовой уровни предполагают наличие двух авторов: биографического, выраженного в мемуарах, письмах, дневниках, публицистике, философских трудах, а также имманентного (о нем говорится применительно к художественному творчеству). Конечно, принятое нами разделение форм проявления автора биографического и имманентного слишком грубо. Иногда в эпистолярии (например, в деловом письме) биографический автор выражен слабее, чем в собственной лирике. Хотя в большинстве случаев диктат жанра сохраняется. Получается, что на бытовом и сверхбытовом уровнях творческая личность в глазах биографа не едина.

Иначе дело обстоит с сущностным уровнем. Здесь перед нами неделимая личность, представленная во всех своих текстах независимо от их жанровой

---

[641] Там же. С. 73.
[642] *Холиков А.А.* Биография писателя как жанр: Учебное пособие. М., 2010.
[643] *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2006. С. 268.
[644] Там же. С. 301.

принадлежности. От жанра в данном случае зависит только степень проявленности творческой личности писателя.

Если на сверхбытовом уровне описываются жизнь и творчество писателя в их взаимных влияниях друг на друга (биограф следует так называемому «принципу соответствий», довольно распространенному в филологии), то на сущностном уровне задействуется не менее известный принцип «писатель – это его стиль». При этом важнейшим показателем становится не всегда сознательная со стороны писателя повторяемость на лексическом, синтаксическом, композиционном, образном и смысловом уровнях, поскольку стиль, по верному наблюдению А.Л. Гришунина, – «во всей художественной структуре произведения и, кроме языковых средств, создается и рядом других: сюжетно-композиционных, тематических, эйдологических»[645]. В понятии стиль проявляется индивидуальность творческой личности (под индивидуальностью мы понимаем неповторимое своеобразие на уровне текста). Соответственно развитие творческой личности предполагает возрастание степени ее индивидуальности.

***

В настоящем разделе нас будет интересовать только сверхбытовой уровень в аспекте однонаправленного влияния биографического факта на творчество и его отражения в нем. Выбранный для исследования материал (произведения Мережковского, составившие ППСС-2) позволяет заново поставить вопрос о связи «жизни» и «творчества» и доказать, что эстетически в данном случае литературный факт не обладает абсолютной независимостью от автора реального, следовательно, некоторые биографические факты могут служить источником для толкования художественных образов. Научно обоснованной выглядит мысль Жирмунского о том, что привлечение биографических фактов важно, чтобы понять, откуда автор берет сырой

[645] *Гришунин А.Л.* Автор как субъект текста // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52. № 4. С. 18.

материал и каковы его возможности познания действительности. Кроме того, мы разделяем позицию Томашевского, согласно которой критика текста должна опираться на точные сведения биографии. При этом биографические факты не будут нас интересовать в связи с разрешением вопросов авторства, локализации и датировки текстов. Нас также не интересует «реальный комментарий» со стороны истории языка и его значений, как и стилистические формы, исследование которых необходимо на сущностном уровне. Что же, в таком случае, попадает в фокус внимания?

«Литературные и первично-жизненные явления, составляющие кругозор писателей, – полагает Хализев, – такова сфера генезиса литературного творчества. Эти явления способны входить в произведения: первые – в облике заимствований и реминисценций, вторые – в качестве тем или идей (философских, религиозных, эстетических, нравственных и т.п.) или же компонентов мира произведений, каковыми являются жизненные аналоги художественной образности и единичные реалии природы, культурной жизни, быта»[646]. Нас же интересуют только те первично-жизненные явления, которые представляют духовно-биографический опыт творца, и формы их присутствия в тексте.

Случай Мережковского дает все основания для проведения параллелей между жизнью и творчеством[647]. С одной стороны, из письма к М.Л. Гофману (НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 46. Лл. 1 – 2) известно, что писатель не верил в прижизненные биографии, а лучшей автобиографией считал собственные произведения[648], но, с другой стороны, в сохранившемся письме

---

[646] *Хализев В.Е.* О составе литературоведения и специфике его методологии // Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс). М., 2001. С. 21.

[647] Это не противоречит исследовательским установкам самого Мережковского, в одной из работ которого читаем: «У обоих, в особенности у Л. Толстого, произведения так связаны с жизнью, с личностью писателя, что нельзя говорить об одном без другого: прежде, чем изучать Достоевского и Л. Толстого как художников, мыслителей, проповедников, надо знать, что это за люди» (*Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 17).

[648] «Глубокоуважаемый Модест Людвигович, – пишет Мережковский, – простите за долгое молчание. Но Ваша просьба поставила меня в большое затруднение. Я не верю в прижизненные биографии. Что же касается до автобиографий, – то лучшая из них – сами произведения писателя. Как лица своего, так и жизни своей никто не знает. Говорить о внешнем – скучно, а внутреннего передать невозможно: тут всегда наталкиваешься на две тайны, которые нельзя раскрыть – самое значительное в каждой человеческой жизни – пол и религия. Но

Мережковского к О.Л. Костецкой от 28 июня 1916 года читаем: «Если когда-нибудь будут писать мою биографию, то вспомнят и о Вашем образе, так странно промелькнувшем в моей жизни»[649]. Следовательно, писатель допускал возможность будущего биографического труда о себе, в котором разговор пойдет не только о творчестве. В другом письме Мережковский прямо говорит о том, что по книгам его можно узнать не полностью, а «*отчасти*»[650]. Кроме того, соотношение литературного и биографического рядов приобретает «особое значение в жизнетворческой концепции искусства у любого художника-символиста»[651].

Опорой для реконструкции проблемно-тематического уровня с точки зрения запечатления в нем духовно-биографического опыта творца является «Автобиографическая заметка» Мережковского. Она предназначалась для издания «Русская литература XX века (1890 – 1910)» (под ред. С.А. Венгерова), но впервые была опубликована в газете «Русское слово» (1913. № 65. 19 марта). В этом поступке прежде всего сказался практицизм Мережковского, который сотрудничал в «Русском слове» и получал за свои публикации неплохой гонорар. Однако в результате случилось непредвиденное. Из письма Мережковского к Ф.И. Благову от 26 марта (7 апреля) 1913 года узнаем: «Я поставил условием и Вам это сообщил, конечно, А.В. Руманов, чтобы “Автоб. Заметка” пошла не очередным фельетоном за моею подписью, а в виде сообщения от редакции и с оговоркой, что это биография для книги Венгерова. А так вышло *неприлично*, *нескромно* в высшей степени. И даже просто смешно. Меня за это будут ругать. А мне и без того достаточно ругани»[652].

неодолимый стыд мешает человеку говорить от первого лица о своем поле и о своей религии, – да и зачем говорить, когда вся его жизнь только раскрытие этих двух тайн. Как я любил и как я верил, не могу сказать, а в этом вся жизнь моя. Ваша просьба автобиографии есть просьба или показать мои старые одежды, из которых я вырос и которые суть никому не любопытный хлам, или раздеться и выйти голым на улицу. Ни того, ни другого я сделать не могу и не хочу. А потому великодушно простите меня и не считайте мое молчание за невнимание к Вашей просьбе» (цит. по: *Холиков А.* Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865 – 1919. СПб., 2010. С. 138).

[649] *Д.С. Мережковский.* Письма к О.Л. Костецкой // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 177.

[650] Там же. С. 180.

[651] *Магомедова Д.* Автобиографический миф в творчестве Александра Блока. М., 1997. С. 7.

[652] НИОР РГБ. Ф. 259. К. 17. Ед. хр. 12. Л. 8 – 9.

Расхождения между газетной публикацией и текстом, вошедшим в «Русскую литературу XX века (1890 – 1910)», незначительны и обусловлены, судя по всему, редакторской правкой С.А. Венгерова[653]. При этом в составе ППСС-2 воспроизведен вариант из «Русского слова». К счастью, сохранилась еще и рукопись «Автобиографической заметки» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384; датирована автором «Ментона. Февраль 1913 г.»), по которой видно, что Мережковский особое внимание уделял синтаксическим конструкциям и подбору слов. Писатель явно стремился к лаконичности, однако не все сокращения принадлежат ему. Заключительный фрагмент изъят цензурой[654].

«Автобиографическая заметка» более чем органично смотрится в конце XXIV тома, заключающего ППСС-2. Вышедшее за несколько лет до этого ППСС-1, как уже указывалось, содержит критико-биографический очерк М.А. Лятского, из которого читатель узнает об обыкновении писателя никому не давать хотя бы кратчайших биографических сведений о себе: «Когда лет шесть тому назад был выпущен литературный альманах, составленный, главным образом, из автобиографических заметок большинства современных писателей, которые более или менее охотно откликнулись на соответствующую просьбу редактора альманаха, Мережковский ответил на эту просьбу лишь следующим сообщением: – “Родился в 1865 г. в Петербурге”»[655]. М.Л. Гофману, письмо которому мы уже цитировали, при составлении «Книги о русских поэтах последнего десятилетия» (1907) пришлось довольствоваться лишь автографом-подписью Мережковского. Сегодня можно только догадываться, каким образом Венгерову удалось заполучить согласие строптивого писателя. С одной стороны, перед нами автобиография, созданная по заказу и не преследующая своей главной жанровой цели – самопознания пишущего. С другой стороны, Мережковский не мог не осознавать значимости

[653] Примеры см. далее.
[654] В сносках мы реконструируем самые важные пассажи, не вошедшие в опубликованный текст, и укажем на другие значимые расхождения с черновиком.
[655] *Лятский М.А.* Дмитрий Сергеевич Мережковский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. III.

труда видного ученого и того внимания, которое он привлечет как среди современников, так и потомков. В таком случае мы имеем текст, преследующий иную цель автора. Ее-то и предстоит определить. Иначе говоря, значимость единственной автобиографии писателя для решения поставленной нами задачи трудно преувеличить, поэтому рассмотрим сведения, представленные в ней, как источник и контекст ППСС-2, привлекая при необходимости другие биографические факты.

Для наглядности текст «Автобиографической заметки» разбит на небольшие пассажи, а фрагменты, нуждающиеся в комментарии[656], снабжены цифровой маркировкой. Внешняя дискретность исследования, надо полагать, должна компенсироваться единством личности Мережковского и внутренней логикой, связывающей его жизнь и творчество.

***

«Мой покойный отец **(1)** рассказывал мне, что прадед мой Федор Мерѐжки был войсковой старшина на Украине, в городе Глухове. Дед, Иван Федорович, в последних годах XVIII века, в царствование императора Павла I **(2)**, приехал в Петербург и, в качестве дворянина, поступил младшим чином в Измайловский полк. Тогда-то, вероятно, и переменил он свою малороссийскую фамилию Мерѐжки на русскую – Мережковский. Из Петербурга переведен был в Москву и принимал участие в войне 12-го года»[657].

(1) Мережковский Сергей Иванович (1823[658] – 1908) – тайный советник, крупный чиновник Министерства императорского двора – столоначальник Придворной его величества конторы. Думается, что Мережковский не случайно начинает «Автобиографическую заметку» с фигуры отца, который сыграл в

[656] Необходимость подробного научного комментирования обязывает нас к тому, чтобы в некоторых случаях приводить общеизвестные сведения.
[657] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 107.
[658] На этой дате, вопреки указаниям Мережковского, настаивает К.А. Кумпан, ссылаясь на РГИА (см.: *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 6, 93).

воспитании писателя хоть и эпизодическую, но не последнюю роль (см. об этом далее). Если в жизни отец и его младший сын не были близки, то в творчестве Мережковского взаимоотношения между «отцами» и «детьми» выстраиваются по принципу отторжения и даже конфликта. Приведем примеры из трилогии «Христос и Антихрист» (1895 – 1905). Так, Джиованни говорит Леонардо: «…я люблю вас больше всего на свете, больше, чем отца моего фра Бенедетто!»[659] Или еще: после того как Петр назвал Алексея «зоон», что по-голландски значит «сын», «царевич удивился тем более, что в последнее время отец перестал говорить с ним вовсе, – не только по-голландски, но и по-русски»[660]. Из того же романа мы узнаем, что Алексей, как правило, видит отца мельком, издали: «И каждый раз, как увидит – сердце замрет от безумной надежды: вот подойдет, подзовет, приласкает. Одно бы слово, один взор – и Алеша ожил бы, понял, чего хотят от него. Но отцу все некогда: то шпага, то перо, то циркуль, то топор в руке его»[661]. Однако речь идет не только о художественных произведениях. В исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1900 – 1902) Мережковский делает смелое предположение: «…во всяком случае, весьма вероятно, что тяжелый нрав отца, его угрюмость, вспыльчивость и подозрительность имели влияние на Федора Михайловича глубокое, хотя, к сожалению, для исследования, по недостатку свидетельств, почти недоступное»[662]. Позволим себе ограничиться указанной аналогией между жизнью и творчеством, которая могла бы иметь перспективы для психоаналитической критики, но не в нашем случае.

(2) Образ Павла I будет воплощен Мережковским в одноименной пьесе 1908 года.

«Отец мой, Сергей Иванович, родился в 1821 г. в Москве от второй жены Ивана Федоровича, Курбской. Жил в Рогожской части, воспитывался в

---

[659] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 335.
[660] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 22.
[661] Там же. С. 252.
[662] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 96.

пансионе г-жи Либерман. Поступил в казенную службу в 1839 г. Служил сначала у оренбургского губернатора Талызина, потом у обер-гофмаршала гр. Шувалова помощником столоначальника, а затем столоначальником в придворной конторе. Должность эту занимал и при министре Двора гр. Адлерберге, в течение всего царствования Александра II.

В 1853 г. женился на Варваре Васильевне Чесноковой, дочери управляющего канцелярией петербургского обер-полицмейстера.

Я родился 2-го августа 1865 г. в Петербурге, на Елагином острове, в одном из дворцовых зданий, где наша семья проводила лето на даче. До сих пор я люблю унылые болотистые рощи и пруды елагинского парка, где мы, дети, начитавшись Майн Рида и Купера, играли “в диких”. Еще уцелела та сосна, на которой я устроил себе сиденье из дощечек между ветвями, чтобы там, на высоте, сидя, как птица, читать, мечтать и чувствовать себя далеко от людей, вольным, “диким”. Помню, как мы забирались в темные подвалы дворца, где на влажных сводах блестели при свете огарка сталактиты, или на плоский зеленый купол того же дворца, откуда видно взморье; помню, как мы катались на лодке, разводили костры на песчаных отмелях Крестовского острова, пекли картофель и опять чувствовали себя “дикими” **(3)**»[663].

(3) Биографические факты, представленные Мережковским в последнем процитированном абзаце, стали фактами литературными. Пример тому – поэма «Старинные октавы» (1906; в ней – «очень правдивое изображение его детства, юности, семьи; там дана, кроме сухих сведений, атмосфера, в которой он рос, и, конечно, образ матери»[664]): «На островах мы лето проводили…»[665]; «Там

---

[663] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 107 – 108. В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент со множеством исправлений: «Когда я впоследствии читал у Руссо о возвращении людей в первобытное состояние, я всегда вспоминал Елагин остров. Бедная природа его останется милою, – чем беднее, тем милее. Она вся родная: я ее не променяю ни на какие роскоши чужих земель» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 4).

[664] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 16. Автобиографичность поэмы заявлена самим Мережковским: «Читатель мой: для двух иль трех друзей / Бесхитростный дневник

детскую почувствовал любовь / Я к нашей бедной северной природе…»[666]; «Я полюбил Эмара, Жюля Верна, / И Робинзон в те дни был мой кумир»[667]; «…Воображал себя в лесу глухом; / Так страстно мне хотелось, чтобы диким / Был Божий мир, пустынным и великим»[668]; «Стремясь туда, где нет людей, к свободе, – / Прибив доску меж двух ветвей к сосне, / Я гнездышко устроил в вышине…»[669]; «Мы под дворцом Елагинским в подвале / Однажды дверь открытую нашли…»[670]; «…Роняя на пол слезы иногда, / Неровные белеют сталактиты / В могильном сне... Как солнцу я был рад, / Из глубины подземной выйдя в сад»[671].

Сходные автобиографические мотивы находим в романе «Смерть богов (Юлиан Отступник)». С одной стороны, это желание уединиться: «Юлиан, с книгой Платона, направился в уединенную пещеру, недалеко от обрыва»[672]. С другой – любовь к книгам и вдохновленность ими. Рисуя образ Юлиана, Мережковский особенно подчеркивает: «Любимые книги не покидали его в походах. Он вдохновлялся то Марком Аврелием, то Плутархом, то Светонием, то Катоном Цензором. Днем старался исполнить то, о чем мечтал ночью над книгами»[673]; «Он был мысленно и в самом пылу сражения окружен книгами, радуясь, что все происходит именно так, как описывают Тит Ливий, Плутарх, Саллюстий»[674].

Создавая критический очерк об Ибсене, Мережковский вновь обращается к значимому для него самого факту: «Мальчик не принимал участия в детских

пишу, не повесть. / Зову на суд я жизнь мою и совесть» (*Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 6).

[665] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 21.

[666] Там же.

[667] Там же. С. 23.

[668] Там же. С. 25.

[669] Там же.

[670] Там же. С. 27.

[671] Там же.

[672] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 21.

[673] Там же. С. 144 – 145.

[674] Там же. С. 147.

играх. В тесной, холодной каморке, находившейся около входа в кухню, он запирался на крючок и просиживал целые дни за книгами»[675].

«Зимою мы жили в старом-престаром, еще петровских времен, Бауеровом доме **(4)**, на углу Невы и Фонтанки, у Прачешного моста, против Летнего Сада[676] **(5)**: с одной стороны – летний дворец Петра I **(6)**, с другой – его же домик и древнейший в Петербурге деревянный Троицкий собор. Квартира казенная, огромная, со множеством комнат, жилых и парадных, в двух этажах. Окна на север; комнаты большие, мрачные; обстановка торжественно-чиновничья. Отец не любил, чтобы дети шумели и мешали ему заниматься: мы проходили мимо дверей его кабинета на цыпочках.

Мне теперь кажется, что в нем было много хорошего. Но, угрюмый, ожесточенный тяжелой чиновничьей лямкой времен николаевских, он не сумел устроить семьи[677]. Нас было девять человек: шесть сыновей и три дочери. В детстве жили мы довольно дружно, но затем разошлись, потому что настоящей духовной связи, всегда от отца идущей, между нами не было **(7)**»[678].

(4) Современный адрес – набережная Фонтанки, 2. Здание было построено еще в царствование Екатерины II (а не Петра I, как полагал Мережковский) генерал-инженером (с 1780 года) Федором Васильевичем Бауером (1731 – 1783). Позднее в нем стали жить служащие Министерства императорского двора, в одном из департаментов которого служил С.И. Мережковский. Упоминание этого дома встречается не только в автобиографической поэме «Старинные октавы» («От Невского с его толпою чинной / Я ухожу к Неве, прозрачным

---

[675] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 206.

[676] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «…это и по сейчас мое любимое место в Петербурге…» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 4).

[677] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «Мы больше боялись его, чем любили» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 5).

[678] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 108. В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «Теперь мы даже почти не видимся, как чужие друг другу; не то чтобы поссорились, а так – уж очень разные. Отец только и думал о семье, только и жил для нее, но семьи не вышло. В этом была трагедия жизни его и не он один виноват, а мы все тоже» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 6).

льдом / Окованной: люблю гранит пустынный / И Летний Сад в безмолвии ночном. / Мне памятен печальный и старинный, / Там, рядом с мостом, двухэтажный дом: / Во дни Петра вельможею построен, / Он – неуклюж, и мрачен, и спокоен»[679]), но также в романе «Александр I» (1911 – 1912; см. слова Валерьяна Голицына: «Письмо от тетушки; в деревню зовет. Нет, не поеду. Мне и здесь хорошо, в пустой квартире, в старом Бауеровом доме, у Прачешного моста»[680]).

(5) Летний сад – с детства излюбленное место для прогулок Мережковского – неоднократно становится фоном разворачивающихся событий в таких произведениях, как «Антихрист (Петр и Алексей)» (отд. изд. – 1905; «В тот день, 26 июня 1715 года, назначен был в Летнем саду праздник Венеры в честь древней статуи, которую только что привезли из Рима и должны были поставить в галерее над Невою»[681]), «Павел I». Ему же посвящено стихотворение «Осенью в Летнем саду» (1894).

(6) Образ Петра I найдет свое художественное воплощение в романе Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)».

(7) Домашняя обстановка и внутрисемейная атмосфера воссозданы в «Старинных октавах»: «Там сердцу мелочь каждая знакома: / Узор обоев в комнатах больших, / Подъезд стеклянный, двор и окна дома. / Не радостный, но милый мне приют, / Где бледные видения встают»[682]; «Чиновником усердным был отец…»[683]; «Любил семью, – для нас он жил на свете; / Был сердцем добр, но деловит и строг»[684]; «Там, в детстве счастья было мало, – пусть!»[685]; «Володя, Саша, Надя... без конца, – / И в этом мертвом доме мы друг друга / Любили мало; чтоб звонком отца / Не потревожить, так же как прислуга, / Мы приходили с черного крыльца. / А между тем, не ведая досуга, / Здоровья не

---

[679] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 7.
[680] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 109.
[681] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 17.
[682] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 8.
[683] Там же.
[684] Там же.
[685] Там же.

щадя, отец служил / И все копил, он все для нас копил»[686] (в данном случае использованы реальные имена братьев и сестры Мережковского, всего же в семье было девять детей: шесть сыновей – Константин[687], Владимир[688], Николай[689], Александр[690], Сергей[691], Дмитрий – и три дочери – Надежда, Елизавета, Вера).

«Я был младший из сыновей, и мать меня любила больше всех. Если есть во мне что-нибудь доброе, я этим обязан ей одной.

Когда мне было лет 7 или 8, я едва не умер от дифтерита. Только мать выходила меня **(8)**»[692].

(8) Отношения Мережковского с матерью – Варварой Васильевной, урожд. Чесноковой (нач. 1830-х – 1889) – были самыми близкими. В детские годы писателя именно она восполняла нехватку отеческой любви. «Младший сын, Дмитрий, был ее любимцем, – вспоминает будущая супруга Мережковского. – И если отец дал ему кое-что на первое обзаведение и затем ассигновал на житье какую-то сумму, то это лишь благодаря ей. Если бы не она – наша свадьба была бы отложена на неопределенное время, так как у меня не было ничего...»[693]

Видимо, не случайно образ «матери» и связанные с ним мотивы пронизывают творчество писателя. Здесь уместно вспомнить об отношении к матери Леонардо да Винчи из второй части трилогии «Христос и Антихрист»: «Когда в последний раз прикоснулся он губами к ее холодеющей руке, ему казалось, что этой бедной поселянке из Винчи, смиренной обитательнице гор, обязан он всем, что есть у него. Он почтил ее великолепными похоронами, как будто Катерина (мать. – *А.Х.*) была не скромною служанкою анкианского

---

[686] Там же. С. 9.
[687] См. о нем далее.
[688] Мережковский Владимир Сергеевич (1857 – ?) – военный инженер, переводчик.
[689] Мережковский Николай Сергеевич (1860 – ?) – юрист.
[690] Мережковский Александр Сергеевич (1862 – ?) – чиновник.
[691] Мережковский Сергей Сергеевич (1863 – 1930) – микробиолог и бактериолог.
[692] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 108.
[693] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 17.

кабачка, а знатною женщиной. С такою же точностью, унаследованною от отца, нотариуса, с какою, бывало, без всякой нужды, записывал цены пуговиц, серебряных галунов и розового атласа для нового наряда Андрэа Салаино, записал и счет похоронных издержек.

Через шесть лет, в 1500 году, в Милане, уже после гибели Моро, укладывая вещи перед отъездом во Флоренцию, нашел он в одном из шкапов своих тщательно перевязанный, небольшой узелок. Это был сельский гостинец, принесенный ему из Винчи Катериною, – две рубахи грубого серого холста, тканого ее собственными руками, и три пары чулок из козьего пуха, тоже самодельных. Он не надевал их, потому что привык к тонкому белью. Но теперь, вдруг увидев этот узелок, забытый среди научных книг, математических приборов и машин, почувствовал, как сердце наполнилось жалостью.

Впоследствии, во время долголетних, одиноких и унылых скитаний из края в край, из города в город, никогда не забывал он брать с собою ненужный, бедный узелок с чулками и рубахами, и каждый раз, пряча его от всех, стыдливо и старательно укладывал с теми вещами, которые были ему особенно дороги»[694].

Другой пример – Валерьян Голицын из «Александра I»: «Мать любил так, что когда она умерла, едва выжил. “Матушка была для меня вторым Богом, – писал брату. – Я перенес все от слабости; я был слаб – слабее, нежели самый слабый младенец”»[695].

Не иначе как материнским рисуется отношение некоторых героинь Мережковского к своим возлюбленным. Мы видим, что Катенька – жена Петра I – «взяла голову Петеньки, положила ее к себе на грудь и начала тихонько гладить, лаская, баюкая, глядя на спящего исполина, как мать на

---

[694] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 75 – 76.
[695] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 71.

больного ребенка, или укротительница львов на страшного зверя»[696]. В другом произведении Анна обращается к Павлу I словами: «Спи, маленький, спи, деточка!»[697] О Елизавете, жене Александра I, читаем: «…сквозь страх – знакомое счастье, та особенная уютность, которую всегда испытывала во время болезни его: точно он маленький, а она нянчится с ним»[698]. Александр I только посмеивался на это: «Вы приносите мне игрушки, как ребенку, моя милая маменька!»[699] Сравнение императора с ребенком усиливается речью автора. Когда Александр I лежал при смерти, читаем мы, «лицо у него было, как у ребенка, которого обидели и который только что перестал плакать»[700]. И после кончины: «Фельдшера опять принялись за работу, начали бинтовать, как будто *пеленать* (курсив наш. – *А.Х.*) покойника»[701]. Уже не в романе, а в статье, посвященной Елизавете Алексеевне, Мережковский акцентирует наше внимание на одиночестве императрицы, которая в своих письмах «раздувает угли последнего огня – любви к матери»: «Боже мой, мама родная, я люблю вас свыше всякой меры. – Вы для меня все. – Мне кажется, что так любить нельзя…»[702] Как здесь ни вспомнить слова Гиппиус о собственном муже: «Он, в сущности, был *совершенно одинок,* и вся сила любви его сосредоточилась, с детства, в одной точке: мать. В “Старинных октавах” он сам рассказывает об этом лучше, чем я могу это сделать. Он и со мной мало говорил о своей любви к матери – очень редко, – так целомудренно хранил эту любовь в душе до последнего дня»[703].

Гиппиус права: в «Старинных октавах» образ матери Мережковского передан точнее всего: «…Я помню мамы вечную мигрень, / В лице уже больном, хотя не старом, / Унылую! страдальческую тень... / Я целовал ей руки с детским жаром, – / Духи я помню, – белую сирень… / И пальцы были тонким

---

[696] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 95.
[697] *Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 113.
[698] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 8. С. 143.
[699] Там же.
[700] Там же. С. 160.
[701] Там же. С. 170.
[702] *Мережковский Д.С.* Елизавета Алексеевна // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 129.
[703] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 42.

цветом кожи / На руки девственных Мадонн похожи…»[704] Косвенное сравнение матери с Мадонной не случайно у Мережковского. В стихотворении «Мать» (1892) поэт возводит материнскую любовь к «Вышним Силам»: «С еще бессильными крылами / Я видел птенчика во ржи, / Меж голубыми васильками, / У непротоптанной межи. // Над ним и надо мной витала, / Боялась мать – не за себя, / И от него не улетала, / Тоскуя, плача и любя. // Пред этим маленьким твореньем / Я понял благость Вышних Сил, / И в сердце, с тихим умиленьем, / Тебя, Любовь, благословил»[705]. Отталкиваясь от жизненного опыта, Мережковский оценивал материнскую любовь как жертву. Вот почему он отрицал войну не только разумом, но и чувством сына, беспредельно любившего свою мать и понимавшего, как трудно взглянуть в лицо матери, потерявшей ребенка. Недаром в годы Первой мировой войны они с Гиппиус особенно часто вспоминали стихотворение Н.А. Некрасова «Внимая ужасам войны…», завершающееся такими строками: «Средь лицемерных наших дел / И всякой пошлости и прозы / Одни я в мире подсмотрел / Святые, искренние слезы – / То слезы бедных матерей! / Им не забыть своих детей, / Погибших на кровавой ниве, / Как не поднять плакучей иве / Своих поникнувших ветвей...»[706]

Наконец, в нехудожественной прозе, создавая портрет Н.В. Гоголя, Мережковский считает важным остановиться на отношении классика к матери: «Любил ли Гоголь мать?»[707] – спрашивает он и предлагает двоякий ответ, доказывая противоречивость Гоголя «и в самых простых, кровных чувствах, например, в любви к матери»[708].

«Часто уезжая в долгие служебные командировки **(9)**, за границу или на южный берег Крыма, в Ливадию, где тогда жила больная государыня, отец

---

[704] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 16.
[705] *Мережковский Д.С.* Мать // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 186.
[706] *Некрасов Н.А.* «Внимая ужасам войны…» // *Некрасов Н.А.* Собр. соч. В 4 т. М., 1979. Т. 1. С. 219.
[707] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т.15. С. 246.
[708] Там же.

оставлял детей на попечение старой экономки, ревельской немки Амалии Христьяновны. Она была добрая, неумная, запуганная. Я ее не то что любил, а как-то детски жалел **(10)**. Была у меня и старая няня, которая рассказывала мне русские сказки и жития святых **(11)**. Помню темный угол с образом, с тихим светом лампадки и никогда не повторявшееся счастье детской молитвы. В церковь ходить я не очень любил: священники в пышных ризах, казались мне страшными **(12)**»[709].

(9) Ср. в «Старинных октавах»: «Отец по службе ездил за границу»[710].

(10) Ср. в «Старинных октавах»: «Из Ревеля почтенная старушка / Умела так хозяйством управлять, / Чтоб лишняя не тратилась полушка…»[711]; «Я помню туфли, темные капоты, / Седые букли, круглые очки, / Чепец, морщины, полные заботы, / И ночью трепет старческой руки, / Когда она записывала счеты / И все твердила: “Рубль за башмаки... / Картофель десять, масло три копейки”… / И цифру к цифре ставила в линейки»[712]; «Душа моя печальна и светла, / И жалко мне старушки дряхлой»[713]; «Ей каждый грош чужой был свят и дорог… / Амалии Христьяновне – хвала…»[714].

(11) Образ няни также нашел воплощение в творчестве писателя. «Как теперь вспоминается мне довольно маленькая с большим окном комната... В этой комнате провел я лучшую часть жизни – детство… Все тихо… Мне не спится. Я переворачиваюсь с боку на бок, прислушиваюсь к однообразному звуку спиц, переворачивающихся в старых руках моей няни… она начинает рассказывать сказку. Много раз слышал я эту сказку»[715], – вспоминает автобиографический герой из неоконченной повести Мережковского «Детство». Если же обратиться к опубликованному наследию писателя, то лучшим примером является няня

---

[709] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 108 – 109.
[710] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 17.
[711] Там же. С. 18.
[712] Там же.
[713] Там же. С. 19.
[714] Там же.
[715] ОР РНБ. Ф. 150. Ед. хр. 384. Л. 9 об. – 8 об.

Юлиана Отступника: «Лабда знала, как никто, все родословное древо, все вековечные семейные предания дома Флавиев; помнила Юлианова деда, Констанция Хлора; кровавые придворные тайны хранились в ее памяти. По ночам старуха рассказывала все Юлиану без разбора. И перед многим, чего детский ум его еще не мог понять, сердце уже замирало от смутного ужаса. С тусклым взором, равнодушным и однообразным голосом рассказывала она эти страшные, бесконечные повести, как рассказывают древние сказки»[716].

(12) Надо заметить, что отторжение от официальной церкви появилось у Мережковского еще в ранние годы. Гораздо ближе будущему писателю был мир природы: крик ласточек, шумящие клены, дыхание сиреневых кустов. Величие языческого Пана влекло больше, чем пение псалмов: «…И кажется мне страшным лик Христов / Сквозь зарево свечей во мгле иконы: / Любовью, чуждой Богу, мир любя, / Язычником я чувствовал себя»[717]. Не случайно в воспоминаниях Гиппиус будет утверждать: «Д.С. Мережковский – писатель религиозный, как всем известно. Что таким был в течение нескольких последних десятилетий своей жизни – слишком ясно, но был ли он религиозен с юности – это вопрос»[718].

На рубеже 1870 – 1880-х годов вопрос о вере всерьез взволновал Мережковского: «В те дни уж я томился у преддверья / Сомнений горьких, и когда наш поп, / Находчивый и полный лицемерья, / Доказывал, наморщив умный лоб, / Чтоб истребить в нас плевелы неверья, / Научною теорией потоп, / Иль логикой – существованье Бога, – / Рождалась в сердце вещая тревога»[719]. Законоучителем и настоятелем гимназической церкви был Константин Иванович Ветвеницкий (1843 – ?). Именно он готовил класс к принятию Тайн Святых: «Но дерзкого неверья злое семя / В душе моей росло: я помню, раз / Наш батюшка в гимназии, в то время / К принятью Тайн Святых готовя класс, /

---

[716] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 10.
[717] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 62.
[718] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 39.
[719] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 55 – 56.

Моих сомнений увеличил бремя: / Смутил меня о грешнике рассказ, / Вкусившем недостойно от Причастья, / Я слушал, полон жадного участья»[720]. Думается, что данный автобиографический мотив, связанный с неприязнью учителя-священника, мог лечь в основу эпизода из «Юлиана Отступника»: «Утром был урок катехизиса. Богословие преподавал другой учитель, арианский пресвитер, с руками мокрыми, холодными и костлявыми, с уныло-светлыми, лягушачьими глазами, сгорбленный и высокий как шест, худой как щепка, монах Евтропий. У него была неприятная привычка, тихонько лизнув ладонь руки, быстро приглаживать ею облезлые, седенькие височки, и непременно, тотчас же после того, вкладывая пальцы в пальцы, слегка пощелкивать суставами. Юлиан знал, что за одним движением неминуемо последует другое, и это раздражало его. Евтропий носил черную рясу, заплатанную, со многими пятнами, уверяя, что носит плохую одежду из смирения; на самом деле он был скряга»[721].

В то же время в дом к Мережковским приходил «ученый поп», «миссионер для обращенья Кости» – возможно, это был настоятель Введенской церкви в Петербурге Павел Парфенович Заркевич (? – 1891) – и будущий писатель не раз становился свидетелем споров о Боге: «…Он приходил к нам по субботам в гости; / В лиловой рясе с золотым крестом. / Пить чай умел, в беседах, чуждых злости, / Лоб вытирая шелковым платком, / С баранками и сливками так вкусно / И Дарвина опровергал искусно»[722].

Юношеские религиозные сомнения, доходившие впоследствии до богоборчества, преломлялись в художественном творчестве Мережковского («Мне ли не знать этого “безбожия”? Не я ли на нем, можно сказать, зубы съел?»[723] – признается писатель). Прежде всего – в стихах: «…И ужасает

---

[720] Там же. С. 58.
[721] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 16.
[722] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 57.
[723] *Мережковский Д.С.* Еще о «Великой России» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 58 – 59.

мысль, что Бога нет»[724]; «Испытав весь ужас отрицанья, / До конца свободы не отдам, / И последний крик негодованья / Я, как вызов, брошу небесам!»[725]; «Никто нам из небес не может отвечать…»[726]; «…Я плачу потому, что некому молиться, / Когда молитвою душа моя полна…»[727]; «…Синее небо, – как гроб, молчаливо»[728]; «…Гляжу на бледные, лазуревые своды / Безжизненных небес и чувствую в тиши / Согласье тайное измученной души / И умирающей природы»[729]; «И порой в безжизненном молчанье, / Как из гроба, веет с высоты / Мне в лицо холодное дыханье / Безграничной, мертвой пустоты…»[730]; «В душном, мертвенном небе гроза собирается…»[731]; «…И я, как ты, в сомненьях грешен, / Я разделяю твой недуг, / И я безверьем не утешен, / Богов неведомых ищу / И верить в старых не хочу»[732]. Особняком в этом ряду стоит произведение под красноречивым заглавием «Иов» (1895).

«Иногда, по просьбе матери, отец брал меня с собой в Крым, где у нас было именьице по дороге на водопад Учан-Су. Там я впервые почувствовал прелесть южной природы. Помню великолепный дворец в Ореанде, от которого остались теперь одни развалины. Белые мраморные колонны на морской синеве – для меня вечный символ древней Греции **(13)**»[733].

---

[724] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 56.
[725] *Мережковский Д.С.* На распутье // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 8.
[726] *Мережковский Д.С.* «Пройдет немного лет, и от моих усилий…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 18.
[727] *Мережковский Д.С.* «От книги, лампой озаренной…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 20.
[728] *Мережковский Д.С.* «Ласковый вечер с землею прощался…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 74. Ср. с эпизодом из трилогии «Христос и Антихрист»: «Тихон упал на колени и начал молиться, глядя на небо, повторяя одно только слово: – Господи! Господи! Господи! Но молчание было в небе, молчание в сердце. Беспредельное молчание, беспредельный ужас» (*Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 269).
[729] *Мережковский Д.С.* «Задумчивый Сентябрь роскошно убирает…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 74.
[730] *Мережковский Д.С.* «Кроткий вечер тихо угасает…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 75.
[731] *Мережковский Д.С.* «В этот вечер горячий, немой и томительный…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 75.
[732] *Мережковский Д.С.* Смерть // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 18.
[733] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 109.

(13) Ср. в «Старинных октавах»: «Я осенью в тот год увидел Крым: / Казался край далекий сном волшебным. / Я не из тех, кому приятен дым / Отечества, и был всегда целебным / Мне путь далекий к небесам иным. / Отец мой ехал по делам служебным; / Его давно уже молила мать / Меня с собой на южный берег взять»[734]; «Обвеян прелестью твоей, Эллада, / В какие был я думы погружен, / Чему душа была безумно рада, / Когда горел полдневный небосклон / И волн дышала вечная прохлада / На высоте меж греческих колонн / Той полукруглой маленькой веранды / Над рощами тенистой Ореанды»[735]; «…Во всей природе южной – благодать / Великого языческого Пана»[736].

Любовь к Ореанде позволит Мережковскому наделить это место символическим смыслом для героев «Александра I»: «Он (император. – *А.Х.*) часто говорил с ней (Софьей. – *А.Х.*) о том, как, отрекшись от престола, выйдя *в отставку*, купит Ореанду, свое любимое местечко на Южном берегу, построит маленький домик у самого моря, в лесу, и там будет жить с нею и с маменькой»[737] – а южные впечатления от многочисленных поездок в Крым вдохновят поэта на ряд стихотворений: «Южная ночь» (1884), «У моря» (1889), «На южном берегу Крыма» (1889).

Отношение Мережковского к природе Крыма лучше всего характеризует его письмо С.Я. Надсону из Ялты, датируемое летом 1883 года. Любопытны «внешние» условия отдыха молодого человека: «…*удовольствия:* лежание на боку в созерцании небес, барахтание в соленой воде, поедание шербета и мороженого, гуляние при луне; *невзгоды:* жара, москиты, комары, скука, скука и скука. *Искусства:* театр ниже всякой критики, оркестр – еще хуже театра. *Просвещение:* библиотека, исключительно состоящая из Поль де-Кока и Монтепена. *Население:* больные с четырех концов света, черномазые татаре, турки, жиды и, наконец, большое изобилие так называемых “туристов”, попросту прощелыг. *Слабый и прекрасный пол:* 1) *туземный* элемент: 90 % –

[734] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 66.
[735] Там же. С. 67.
[736] Там же.
[737] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 80

гречанок (писаные дуры, по Вашему выражению), 9 % – жидовок, 1 % – русских. Хорошеньких очень мало, интересных вовсе нет, впрочем с полдюжиной экземпляров из этой коллекции я имел несчастие познакомиться, вынес – одно заключение, что местная болезнь – атрофия мозга и хронический столбняк. 2) *Приезжие* – для меня пока *terra incognita*, впрочем, судя по виду, они не подают надежды на что-нибудь более отрадное.

Осталось последнее и самое главное, для чего я и приехал, – *природа;* но об ней – благоговейное молчание; Вы его, конечно, поймете лучше всех описаний»[738]. Точнее не скажешь. Благоговейность Мережковского по отношению к природе выразилась в поэзии. Вторую часть сборника «Стихотворения» (1888) открывает эпиграф: «К чему стремишься ты, Природа, того и я хочу. *Марк Аврелий*». Пейзажная лирика Мережковского во многом обязана творчеству Ф.И. Тютчева. Это не отрицал и сам поэт: «Там, где Л. Толстому и Достоевскому нужны целые эпосы, Тютчеву достаточно несколько строк; солнечные системы, туманные пятна “Войны и Мира”, “Братьев Карамазовых” сжимает он в один кристалл, в один алмаз»[739]. Между тем лирический субъект «Стихотворений» Мережковского самобытен. Он находится в состоянии безвременья и готов безропотно встретить смерть. Нечто похожее испытывал сам Мережковский: «Овидий, кажется в своих “Amores”, говорит, что в объятиях любимой женщины, в минуты высшего, почти нечеловеческого, почти нестерпимого наслаждения, в полузабытьи, обращался он к богам с одной безумно-страстною мольбою: “смерти, смерти!” Я испытываю что-то весьма близкое к этому сумасшедшему порыву, упиваясь южною природою; душа изнемогает, удрученная исполинским бременем какого-то необъятного восторга; буря наслаждения потрясает существо мое; не помня себя, шепчу я в эти мгновения в объятиях моей единственной, вечной любовницы природы: “умереть, умереть!”»[740]. Сходную мысль Мережковский

[738] *Мережковский Д.С.* Письма к С.Я. Надсону // Новое лит. обозрение. М., 1994. № 8. С. 183.
[739] *Мережковский Д.С.* Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев. Пг., 1915. С. 10.
[740] *Мережковский Д.С.* Письма к С.Я. Надсону // Новое лит. обозрение. М., 1994. № 8. С. 183.

находит у Монтеня: «“Самое мудрое – в полной простоте отдаться природе. О, какое сладостное, благодатное и мягкое изголовье для избранных – незнание и простота сердца!”»[741] – и заключает ею очерк о французском философе, которому посвятил диссертацию (в апреле 1888 года Совет университета утвердил Мережковского в степени кандидата)[742]. Данный очерк вошел в книгу о «вечных спутниках», в каждом из которых писатель находит частичку себя. «Я не знаю, – утверждает он, – более сладкого и глубокого ощущения, чем то, которое испытываешь, встречая свои собственные, никому не высказанные мысли в произведении человека далекой культуры, отдаленного от нас веками. Тогда только перестаешь на мгновение чувствовать себя одиноким и понимаешь общность внутренней жизни всех людей, общность веры и страданий всех времен»[743].

«Я воспитывался в 3-й классической гимназии. То был конец семидесятых и начало восьмидесятых годов, – самое глухое время классицизма: никакого воспитания, только убийственная зубрежка и выправка. Директор – выживший из ума, старый немец Лемониус[744], очень похожий на свою фамилию. Учителя – карьеристы. Никого из них добром помянуть не могу,

---

[741] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 188.

[742] См.: *Кумпан К.А.* Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 101.

[743] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 39. По мнению современного ученого, эту черту Мережковского перенял Д. Андреев: суждения обоих писателей «о наследии и жизни великих людей нельзя рассматривать в качестве исторических исследований, что, впрочем, не умаляет их ценности, – посредством обращения к личности оба мыслителя излагают собственные взгляды» (*Десяткова О.В.* Даниил Андреев, Дмитрий Мережковский: опыт метаисторического изучения личности // Семиозис и культура. Сыктывкар, 2008. Вып. 4. С. 115). Напомним, что произведения Мережковского, созданные на историческом материале, специалисты называют «историософскими». Наконец, сам писатель не считал свои тексты историческими. После публикации первой части трилогии «Христос и Антихрист» П.П. Перцов сетовал: «Успех этого романа – к сожалению несомненный – очень мало радует меня: я предпочел бы откровенную тупость непонимания предательским похвалам, в виде особой милости сравнивающим Мережковского... с Эберсом! В “Отверженном” они видят биографию Юлиана, что-то вроде дополнения к павленковской серии; в восстании богов – археологические изыскания исторической беллетристики. И все это потому, что в заглавии романа стоит маскирующее слово “исторический”!» (Цит. по: *Соболев А.Л.* Д.С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 31). «…Надо быть “*русскою публикою”*, – вторил Мережковский, – чтобы назвать меня “русским Эберсом”: не знаю, как Вам, а мне и от немецкого – тошненько» (Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. № 2. С. 160). Георг Мориц Эберс (1837 – 1898) – немецкий ученый-египтолог и автор популярных исторических романов.

[744] Явная опечатка при наборе текста, так как в рукописи отчетливо написано «Лимониус» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 7).

кроме латинского учителя Кесслера, автора известной грамматики; он тоже добра нам не делал, но, по крайней мере, смотрел на нас глазами добрыми **(14)**»[745].

(14) В 1875 году Мережковский поступает в первый класс Третьей Санкт-Петербургской классической гимназии (1823 – 1918), на которую возлагалась задача готовить учителей для низших училищ и студентов для университета[746]. Гимназия отличалась тем, что, помимо латинского, в ней глубоко преподавался греческий язык, включая чтение древних авторов: Гомера, Софокла, Еврипида. В разное время выпускниками этого учебного заведения были: В.Д. Набоков, Д.И. Писарев, И.И. Соллертинский, П.Б. Струве и др. Главная цель классических гимназий после реформы 1860-х годов состояла в том, чтобы дать законченное образование, необходимое для благовоспитанного человека. К учебе допускались дети не младше 9 лет. Курс был довольно сложным и многопредметным. Изучали Закон Божий, французский (немецкий – по выбору), латинский, греческий, русский и церковнославянский языки, краткие основания логики, математику с физикой, математической географией и кратким естествоведением, географию, историю, чистописание. Всего 8 классов (7-й двухгодичный).

Атмосфера гимназических лет передана Мережковским в повести в стихах «Вера» (1890): «В гимназии невыносимый гнет / Схоластики пришлось узнать Сереже... / Словарь да синтаксис; из года в год / Он восемь лет твердил одно и то же. / Как из него не вышел идиот, / Как бедный мозг такую пытку вынес / Непостижимо. “Panis, piscis, crinis”…»[747] Что касается образов

---

[745] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 109. В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «Мне казалось, что благородный, честный, прямой и простой, он сам похож на древнего римлянина» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 7).

[746] См.: Петербургская б. Третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923.

[747] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 86.

директора и «учителей-карьеристов», то они красочно прорисованы в «Старинных октавах».

Вильгельм Христианович Лимониус (1818 – после 1896) – директор гимназии и преподаватель классических языков: «Лимониус директор, глух и стар, / Софокла нам читал и Одиссею, / Нас усыплять имея редкий дар; / Но до сих пор пред ним благоговею, / Лишь вспомню, с крепким запахом сигар, / Я вицмундир перед скамьей моею / И тонкий пух седых его волос / И в голубых очках багровый нос»[748].

Эрнест Эрнестович Кесслер (1842 – 1896) – преподаватель латыни: «Честнейший немец Кесслер – латинист, / Заросший волосами, бородатый, / На вид угрюм, но сердцем добр и чист, – / Как древние Катоны, Цинцинаты / И Сцеволы; большой идеалист, / Из года в год, отчаяньем объятый, / Всем существом грамматику любя, / Он нас терзал и не жалел себя»[749].

Герман Васильевич Бюриг (1850 – ?) – преподаватель греческого языка: «Читал Платона Бирюк – не педант, / Напротив, весельчак, но злейший в мире, / Весь белый, бритый, выхоленный франт, / В обрызганном духами вицмундире; / К жестоким шуткам он имел талант. / Того, кто знал урок, оставив в мире, / Он робкого лентяя выбирал / И долго с ним как с мышью кот играл»[750].

Владимир Алексеевич Попов (1844 – 1911) – преподаватель математики, в «личном деле» которого есть свидетельство об издевательстве над учениками[751]: «Но в старших классах алгебры учитель / Был хуже немцев – русский буквоед, / Попов, родной казенщины блюститель; / Храня военной выправки завет, / Незлобивый старательный мучитель, / Он страшен был душе моей, как бред... / В лице – подобье бледной мертвой маски – / Мерцали хитрые свиные глазки»[752].

---

[748] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 52.
[749] Там же.
[750] Там же. С. 53.
[751] См.: *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 880.
[752] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 54.

В аттестате у Мережковского самые высокие оценки были по русскому языку и словесности, закону Божьему и французскому; четверки – по истории и логике; по остальным же предметам – тройки. Возможно, что гимназический опыт писателя сказался также в характеристике «школы математических и навигацких, то есть мореходных, хитростных искусств», куда забрали учиться Тихона, героя романа «Антихрист (Петр и Алексей)»: «Но как ни вбивали в головы науку малым – хлыстом и розгою, большим – плетями и батогами, все одинаково плохо учились»[753].

«С товарищами я мало сходился: был нелюдим и застенчив **(15)**. Несколько ближе, и то не очень, сошелся с Евг. Соловьевым, впоследствии публицистом и критиком (теперь уже покойным); но и с ним – не по сходству, а по противоположности: он был скептик, я уже и тогда немного мистик **(16)**»[754].

(15) Одиночество с детства сопровождало Мережковского. Об этом писала Гиппиус: «У него не было ни одного “друга”. Вот как бывает у многих, нашедших себе друга в университете, сохраняющих отношения и после. Иногда – реже – сохраняется даже гимназическая дружба. Но у Д.С. никакого “друга” никогда не было. Множество дружеских отношений и знакомств, но я говорю не об этом»[755]. Жалобами на одиночество пестрят письма Мережковского как «далеким», так и «близким». Еще незнакомому поклоннику он отвечает: «Спасибо, милый товарищ! Вот такие простые, искренние отзывы, как Ваш, – лучшая награда писателей! В минуты нравственного одиночества и недоверия к своим силам, в минуты, которые часто у меня бывают, я стану вспоминать, что есть у меня хоть один дружественный мне читатель, и мне станет легче»[756]. Горестным признанием делится Мережковский с прекрасной незнакомкой: «В жизни каждого человека бывают минуты страшного одиночества, когда вдруг

[753] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 73.
[754] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 109.
[755] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 42.
[756] Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. № 2. С. 159.

самые близкие люди становятся далекими, родные – чужими (“враги человеку – домашние его”)»[757]. Такие минуты складывались в жизнь. Окруженный вниманием в обществе, писатель оставался глубоко одиноким в душе. Временами его внутреннее одиночество усугублялось внешней покинутостью. В открытом письме Н.А. Бердяеву читаем: «В России меня не любили и бранили; за границей меня любили и хвалили; но и здесь и там одинаково не понимали *моего*. Я испытывал минуты такого одиночества, что становилось жутко; иногда казалось, что или я нем, или все глухи…»[758] 2 июля 1908 года, за десять дней до прибытия в Петербург из первой «эмиграции», Мережковский сообщает А. Белому: «Одиночество страшное. Какие-то мы отверженные. Не ко двору в высшей степени...»[759] Находясь в длительной поездке за рубежом, Мережковский публикует статью «Последний святой» (1907), в которой делится впечатлениями от парижской жизни: «Сколько путей сообщения – спешат, бегут, летят, но достигнуть друг друга не могут и остаются безнадежно разобщенными, более одинокими в толпе, чем в пустыне»[760]. Даже в браке одиночество преследовало писателя: «Когда долго живешь с любимым человеком, так привыкаешь к нему, что наконец перестаешь видеть его лицо, как не видишь своего собственного лица, перестаешь слышать его голос, как не слышишь своего собственного голоса. И возвращается вечное, старое одиночество. Только теперь это одиночество вдвоем. Любишь его как часть самого себя. И жизнь становится вдвое страшнее, потому что теперь грозят две смерти – моя собственная и смерть того, кого я люблю»[761] (ср. со стихотворением Мережковского «Одиночество в любви» 1892 года: «…Мы все – одни, всегда – одни: / Я жил один, один умру»[762]). На силу, которая способна

---

[757] *Д.С. Мережковский.* Письма к О.Л. Костецкой // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 178.
[758] *Мережковский Д.С.* О новом религиозном действии. (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 166.
[759] «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный…»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 181.
[760] *Мережковский Д.С.* Последний святой // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 98.
[761] *Мережковский Д.С.* Записная книжка 1891 г. // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 355 – 356.
[762] *Мережковский Д.С.* Одиночество в любви // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 175.

преодолеть жизненное одиночество, Мережковский указывает в письме К.И. Чуковскому: «Вот мне всегда и казалось, что такая сила во мне – мое религиозное сознание»[763].

Учитывая эти и другие биографические факты, не удивляешься, что в художественном творчестве писателя мотив одиночества находится в числе основных. Ярчайший пример одинокого художника – образ Леонардо да Винчи из второй части трилогии «Христос и Антихрист», о котором читаем: «Леонардо прислушался к воплям черни, и сердце его сжалось от знакомой тихой грусти, от чувства беспредельного одиночества»[764]; «С гибелью Тайной Вечери и Колосса порывались последние нити, которые связывали его (Леонардо. – *А.Х.*) с живыми людьми, если не с ближними, по крайней мере, с дальними; теперь одиночество его становилось все безнадежнее»[765]; «Мальчик (Леонардо. – *А.Х.*) жил одиноко. С ласковым дядей Франческо и отцом, дарившим ему городские лакомства, – оба проводили большую часть года во Флоренции, – виделся редко, со школьными товарищами не сходился вовсе. Их игры были ему чужды»[766]; «Леонардо в науке был столь же одинок, как в искусстве…»[767]. В разговоре с Леонардо по-своему одинокий Макиавелли проникновенно замечает: «Кто не похож на всех, тот один против всех…»[768] От одиночества несвободны и другие герои писателя, например Юлиан Отступник и Петр I.

В критических работах Мережковский также рассматривает знакомое ему чувство на примерах А.С. Пушкина («Он кажется всем человеком, как все, “добрым малым” Пушкиным. И почти никто из “друзей” не подозревает страшного величия его, безнадежного одиночества. Оно обнаружилось вдруг только перед самою смертью, когда он мог сказать себе с тихою последнею

[763] НИОР РГБ. Ф. 620. К. 68. Ед. хр. 12. Л. 1 об. – 2.
[764] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 163.
[765] Там же. Т. 3. С. 31.
[766] Там же. С. 72.
[767] Там же. С. 243.
[768] Там же. С. 191.

горечью: “ты царь – *умри* один!”»[769]), И.В. Гете («И Гете, еще более одинокий, чем Пушкин…»[770]), Л.Н. Толстого («В жизни Л. Толстого поражает особое одиночество, не то, которое свойственно гениям, а иное, земное, житейское, человеческое. Он приобрел себе почти все, что может человек приобрести на земле, – кроме друга»[771]), Н.В. Гоголя («В самом деле, может быть, всего ужаснее в болезни Гоголя – это его совершенное одиночество»[772]). Вывод неутешителен: «По-видимому, русский писатель примирился со своею участью: до сих пор он живет и умирает в полном одиночестве»[773].

В лирике Мережковского мотив одиночества не менее ощутим: «Но горек твой удел, мечтатель бесполезный: / Не нужен никому, от жизни ты далек, / И трепетно склонясь над сумрачною бездной / Неразрешимых тайн, ты вечно одинок…»[774]; «Как душе моей легко / В одиночестве!»[775]; «И совершаются пророчества / Темно вокруг. / О, страшный ангел одиночества, / Последний друг, // Полны могильной безмятежностью / Твои шаги. / Кого люблю с бессмертной нежностью, / И те – враги!»[776]; «В своей тюрьме, – в себе самом – / Ты, бедный человек, / В любви, и в дружбе, и во всем / Один, один навек!..»[777]

(16) Евгений Андреевич Соловьев (1866 – 1905) – литературный критик, историк литературы, беллетрист – учился в Третьей Санкт-Петербургской классической гимназии в 1877 – 1883 годах. Его дружба с Мережковским могла послужить источником в изображении отношений между Забелиным (автобиографическим героем) и Климовым из повести в стихах «Вера»: «Поближе из студентов никого / Не знал он, кроме Климова»[778]; «Хотя едва не каждый разговор / Переходил у них в жестокий спор, / Они вполне сошлись,

---

[769] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 80.
[770] Там же.
[771] Там же. С. 81.
[772] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 254.
[773] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 183.
[774] *Мережковский Д.С.* «Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 17.
[775] *Мережковский Д.С.* Воля // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 52.
[776] *Мережковский Д.С.* Темный ангел // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 173.
[777] *Мережковский Д.С.* Одиночество // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 156.
[778] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 95.

как два контраста, / Чтó в дружбе и любви бывает часто»[779]. Впоследствии между бывшими однокашниками имела место публичная полемика. В 1896 году Е.А. Соловьев под псевдонимом Скриба опубликовал отзыв «Что сей сон значит? (Нечто удивительное и нравоучительное)» на две итальянские новеллы XV века («Наука любви» и «Любовь сильнее смерти»), размещенные Мережковским в «Северном вестнике» (1896. № 8). Критик обвинил писателя в том, что одна из новелл – «буквальный перевод итальянского текста на русский»[780] – не сопровождается указанием на источник заимствования. В ответ Мережковский отправил письмо в редакцию, обладающее самостоятельной ценностью для изучающих историю создания цикла «Итальянские новеллы»: «М.г. По поводу заметки г. Скрибы – *“Что сей сон значит?”* – считаю нужным дать следующее объяснение: текст второй новеллы, озаглавленной *“Любовь сильнее смерти”*, принадлежит мне целиком. Что же касается рассказа *“Наука любви”*, заимствованного у одного итальянского новелльера эпохи Возрождения, то выясненный мною контраст культурных идей и настроений в двух противоположных и преднамеренно сопоставленных любовных новеллах, так же как некоторые введенные мною сокращения и добавления, настолько изменили внутренний эстетический строй и дух старинного текста, что я не счел себя вправе приписывать его Джиованни Фиорентино. Соединив обе вещи под одним заглавием *“Две новеллы XV века”*, я не предполагал, что это заглавие, которое я продолжаю считать точным и достаточно определяющим общий характер моей работы, может дать повод для каких-либо недоразумений»[781].

Мистицизм, о котором пишет Мережковский в «Автобиографической заметке», был одним из важных этапов его духовных поисков, типичных, как полагал сам писатель, для многих современников: «В настоящее время вся русская интеллигенция проходит как бы из дверей в двери анфиладу трех

[779] Там же.
[780] *Скриба*. Что сей сон значит? (Нечто удивительное и нравоучительное) // Новости и биржевая газета. СПб., 1896. № 340. С. 2.
[781] *Мережковский Д.* Письмо в редакцию // Новости и биржевая газета. СПб., 1896. № 342. С. 2.

комнат – декадентство, мистицизм, религию»[782]. Отношение Мережковского к мистицизму менялось. В его письме к А.Л. Волынскому читаем: «Поймите: Евреи как великий, страдальческий и несправедливо гонимый народ привлекает меня, как мне чуждый, далекий и вместе с тем бесконечно близкий: своей *мистической верой* в Божественную Тайну. Евреев сближает со Славянами глубокий, если можно так выразить *неутолимый* мистицизм, жажда религии»[783]. Волынский, в свою очередь, отмечал «черты мистицизма»[784] в ранней лирике Мережковского. В то время (1880-е – начало 1890-х годов) писатель не проводил четкой границы между понятиями «мистический», «идеалистический», «религиозный», «художественный», «божественный», что явствует из его программного выступления «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Уже в зрелые годы Мережковский с новых мировоззренческих позиций попросит А. Белого (1906): «Сходите к Селивачевой, лучше всего вместе с Бари. И напишите мне обо всем подробно. *Мне это очень важно,* голубчик, – сделайте это, прошу Вас. А потом сходите тоже с Бари – *для нее* – к епископу Антонию: пусть она сравнит его с Селивачевой – это ей, Бари, поможет разобраться и яснее увидеть связь Селивачевой со старою церковью и безвыходный тупик уединенного мистицизма – узость бездонно глубокого колодца, из которого нужно черпать воду, но в который не нужно бросаться. Бари – прелестная, вся насквозь подлинная, драгоценная – и мне ее не хотелось бы потерять. А для нее мистицизм (*«мистика – вместо религии»)* опаснее, чем для кого-либо. Охраните ее, остерегите – это Вы можете. Она Вам, да и нам все потом отблагодарит»[785]. В том же ключе писатель высказывался публично: «“Мистицизм” – болезнь духа…»[786]

---

[782] *Мережковский Д.С.* Еще о «Великой России» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 59.
[783] Письмо Мережковского к А.Л. Волынскому // Российский архив. М., 1992. С. 245
[784] *Волынский А.* Символы (песни и поэмы) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 33.
[785] «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный…»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 169.
[786] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т.15. С. 249.

«Лет 13-ти начал писать стихи. Помню две первые строчки первого стихотворения:

Сбежали тучи с небосвода,

И засияла в нем лазурь **(17).**

Это было подражание “Бахчисарайскому фонтану” Пушкина **(18)**. Тогда же написал первую критическую статью, классное сочинение на “Слово о полку Игореве”, за которое учитель русского языка Мохначев поставил мне пятерку. Я чувствовал такую авторскую гордость, которой потом уже никогда не испытывал.

1-го марта 1881 года я ходил взад и вперед по нашей столовой в нижнем этаже дома, сочиняя подражание Корану в стихах, когда прибежавшая с улицы прислуга рассказала об оглушительном взрыве, слышанном со стороны Марсова поля и Екатерининского канала через Летний Сад. Отец приехал к обеду из дворца весь в слезах, бледный, расстроенный, и объявил о покушении на жизнь государя **(19).**

– Вот плоды нигилизма! – говорил он. – И чего им еще нужно, этим извергам? Такого ангела не пощадили...

Старший брат, Константин **(20)**, студент-естественник (впоследствии известный биолог), ярый “нигилист”, начал заступаться за “извергов”. Отец закричал, затопал ногами, чуть не проклял сына и тут же выгнал его из дому. Мать умоляла простить, но отец ничего не хотел слышать.

Ссора длилась долго, несколько лет. Мать заболела от горя. Тогда и началась у нее та мучительная болезнь печени, которая свела ее в могилу. Я всегда вспоминаю ее в образе мученицы-заступницы за нас, детей, особенно за двух любимых – за старшего брата и за меня **(21)**»[787].

(17) Свой «первый неумелый стих» Мережковский сложил в конце 1870-х годов. Его текст был записан в тетради 1880 года и датирован «1879. Весною»

[787] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 109 – 110.

(с пометой: «Первое мое стихотворение»): «Когда поэта вдохновенье / Охватит творческим огнем, / То явится вдруг чудно зренье / И мощна *сила* в нем…»[788] К.А. Кумпан так объясняет несовпадение двух поэтических текстов: «…мы имеем дело с аберрацией памяти, которую можно легко объяснить: в эти ранние годы именно стихотворение “Розы” (строки из него вошли в “Автобиографическую заметку”. – *А.Х.*) Мережковский считал наиболее удачным; он его неоднократно переписывал, впервые пытался опубликовать, отправив в конце 1879 года в редакцию “Живописного обозрения”, и хорошо запомнил»[789]. Об этом же свидетельствует и дневниковая запись поэта за 1880 год: «Я послал в редакцию Ж<ивописного> О<бозрения> “Розы” (это уже давно) – не приняли…»[790]

(18) А.С. Пушкин будет для Мережковского образцом гармоничной личности. К его жизненному и творческому пути писатель обращается неоднократно. Критический очерк о Пушкине, написанный для сборника П.П. Перцова «Философские течения русской поэзии» (1896), в переработанном виде войдет в «Вечные спутники» (1897; см. также более поздние статьи «Праздник Пушкина», 1899; «Пушкин с нами», 1926; «Мудрость Пушкина», 1937). С апелляции к поэту начинается исследование «Л. Толстой и Достоевский». Даже в художественном творчестве, на страницах романа «Александр I», герои Мережковского горячо спорят о Пушкине[791]. Однако в ранние годы, описанные в «Автобиографической заметке», Мережковский в гораздо большей степени находился под влиянием поэзии М.Ю. Лермонтова: «Помню, когда мне было лет 7 – 8, я учил наизусть “Ангела” из старенькой хрестоматии с истрепанным зеленым корешком. Я твердил: “По небу полуночи”, не понимая, что “полуночи” родительный падеж от “полночь”; мне казалось, что это два слова: “по” и “луночь”. Я видел картинку, изображавшую ангела, который летит по

[788] РО ИРЛИ. № 24. 272. Л. 25 об.
[789] *Кумпан К.А.* Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 10.
[790] РО ИРЛИ. № 24. 271. Л. 115.
[791] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 241 – 243.

темно-синему, лунному небу: это и была для меня “луночь”. Потом узнал, в чем дело; но до сих пор читаю: “по небу, по луночи”, бессмысленно, как детскую молитву.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

Я также узнал, что нельзя сказать: “Из пламя и света”, а надо: из пламени. Но мне нравилась эта грамматическая ошибка: она приближала ко мне Лермонтова.

Потом, в 12 – 13 лет, я уже для собственного удовольствия учил его наизусть. Переписывал “Мцыри” тщательно, в золотообрезную тетрадку, и мне казалось, что эти стихи я сам сочинил.

Пушкина я тогда не любил: он был для меня взрослый; Лермонтов такой же ребенок, как я»[792]. И далее: «Я никогда не забуду, как в 80-х годах, во время моего собственного юношеского увлечения Лермонтовым, отец мой передал мне отзыв о нем гр. Адлерберга, министра двора при Александре II, старика, который лично был знаком с Лермонтовым: “Вы представить себе не можете, какой это был грязный человек!” – Для гр. Адлерберга Лермонтов был именно “Скот Чурбанов”»[793].

Любопытно, что в «Старинных октавах», как и в «Автобиографической заметке», источником юношеских подражаний, вопреки биографическим фактам, называется лишь один поэт: «Я Пушкину бесстыдно подражал, / Но, ослеплен туманом романтизма, / В Онегине я только рифм искал: / Нужна была мне сказочная призма – / Луна и пурпур зорь, и груды скал; / Мятежный

[792] *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 159 – 160.
[793] Там же. С. 169. Скот Чурбанов – шутливое имя, которым однажды назвал себя Лермонтов (см.: *Висковатый П.А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1891).

Пушкин, полный байронизма / И пышных грез, мне нравился тогда, / Каким он был в двадцатые года»[794].

(19) Ср. распространенный мотив покушения на жизнь императора в художественном творчестве Мережковского: «Смерть богов (Юлиан Отступник)», «Антихрист (Петр и Алексей)», «Павел I», «Александр I».

(20) Константин Сергеевич Мережковский (1855 – 1921) – биолог, профессор Казанского университета, автор романа «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь: Сказка-утопия XXVII века» (1903). В 1914 году на него было заведено уголовное дело за «растление малолетних девочек». О «скандальной истории на почве полового вопроса» писали чуть ли не все газеты: «Останавливаться на подробностях “дела” профессора казанского университета К.С. Мережковского долго нельзя. Слишком отвратительны они, слишком далеко зашла извращенность человека, чувствовавшего полнейшую безнаказанность»[795]. Спустя несколько лет брат уже известного писателя покончит с собой в Швейцарии. В юношеские годы его влияние на Мережковского было особенно ощутимо. Образ Константина рельефно представлен в «Старинных октавах»: «Был Костя старший брат мой правоведом; / Но поступил он, возмутившись вдруг, / И полный нигилизма модным бредом, / На факультет естественных наук: / Не следуя отцовскому примеру, / Он погубил блестящую карьеру»;[796] «Мне объяснял фанатик молодой / Открытья, чудеса лабораторий, / Неясные мелькали предо мной / Отрывки дерзновеннейших теорий; / Показывал он в капле водяной / Друг друга пожиравших инфузорий, / И слушал я, потупив робкий взор, / Про Дарвинов естественный подбор. // Я чувствовал, что он не прав во многом: / Краснея, запинался я, дрожал, / Ребяческим и неумелым слогом / На доводы науки возражал, / Когда, смеясь над чертом и над Богом, / Он все, во что я верил, разрушал... / Хотя и страшно было мне и больно, – /

---

[794] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 68.

[795] *Казанский Старожил.* Проф. Мережковский, его сподвижники и покровители // Русские ведомости. М., 1914. 2 апреля. № 76. С. 5. Ему посвящено исследование: *Золотоносов М.Н.* Братья Мережковские. Кн. 1. М., 2003.

[796] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 45.

Запретный плод прельщал меня невольно»[797]. В юношеские годы старший брат выступал для Мережковского в роли учителя, подобно одному из героев трилогии «Христос и Антихрист»: «Старый Глюк сам в душе был ребенком. С Тихоном говорил он, особенно будучи навеселе, как со взрослым и единственным другом. Рассказывал ему о новых философских учениях и гипотезах, о Magna Instauratio Бэкона, о геометрической этике Спинозы, о *вихрях* Декарта, о монадах Лейбница, но всего вдохновеннее – о великих астрономических открытиях Коперника, Кэплера, Ньютона. Мальчик многого не понимал, но слушал эти сказания о чудесах науки с таким же любопытством, как беседы трех стариков о невидимом Китеже-граде»[798].

(21) Рассказ о ссоре Константина с отцом немного иначе (возможно, по цензурным соображениям) представлен в «Старинных октавах»: «Отец спросил: “Откуда?” – “Из суда, – / Присяжные Засулич оправдали!” – / “Как? ту, что в Трепова стреляла?” – “Да”. – / “Не может быть!..” – “Такой восторг был в зале, / Какого не бывало никогда: / Мы полную победу одержали!” / Отец сердито молвил: “Что за вздор!” / И вспыхнул вдруг ожесточенный спор»[799]; «“Прочь, негодяй, из дома моего!..” / Кричит отец, бледнея. “Ради Бога, / Не будь к нему жесток, прости его, – / Ну, хоть меня ты пожалей немного!” / “Нет, не просите, мама, – ничего / Не надо! – Костя ей кричит с порога, – / Я рад уйти: мне воля дорога, – / Не будет больше здесь моя нога! // Вам оскорблять себя я не позволю…” / И он дверями хлопнул»[800]; «…Рождался вновь ненужный серый день, / За кофеем от няни мы узнали, / Что мать больна, что у нее мигрень: / И вещая тоска мне сердце сжала. / Три дня она в постели пролежала. // И, может быть, то первый приступ был / Болезни тяжкой, длившейся годами, / Неисцелимой…»[801].

---

[797] Там же. С. 46.
[798] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 74.
[799] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 48.
[800] Там же. С. 49.
[801] Там же. С. 51.

Какова же была реакция Мережковского на убийство императора? 10 марта 1881 года он пишет «Плач народа по Освободителе», но спустя время в тетради на тексте «Плача…» появляется карандашная помета: «Мерзость, как я мог написать?!! Впрочем – мальчишка»[802]. Подтверждением изменившегося отношения к цареубийству (с отрицательного на положительное) служат слова автобиографического героя из «Старинных октав»: «И за героем я рвался на волю, / Я сам дрожал от злобы и горел: / Душа была смятением объята; / Я разделить хотел бы участь брата»[803]. Еще один пример – фраза из публицистической статьи, в которой оценка Мережковского менее закамуфлирована: «Вещим предзнаменованием кажется то, что он (Достоевский. – *А.Х.*) умер накануне 1 марта, первого громового удара той грозы, которая надвигалась на нас четверть века, и что первые поминки по нем справляются среди разразившейся, наконец, бури»[804].

Кажется, что в других художественных произведениях мотивы, обычно возводимые к притче о блудном сыне, могли иметь для Мережковского реальное биографическое основание. В качестве примеров можно привести письмо Петра I к сбежавшему сыну с просьбой о возвращении («“…Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаю Богом и судом Его, что никакого наказания тебе не будет; но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься…”»[805]) или – слова Александра I из воображаемого разговора с Валерьяном Голицыным: «Надо войти и в мое положение. Войдите же в него, подумайте, что вы делаете, раскайтесь в преступных замыслах, и я приму раскаянье ваше с любовью отеческой»[806]. И далее: «Что скажет еще, хорошенько не знал, но чувствовал, что будет умилительно. И тот не устоит – заплачет, упадет к ногам его. Сначала – он, а

---

[802] РО ИРЛИ. № 24. 269. Л. 154. См. также: *Кумпан К.А.* Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 15.
[803] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 49.
[804] *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 188.
[805] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 40.
[806] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 179.

потом и другие. Все придут с повинной головой. И он простит их, как отец прощает блудных сынов своих. А если и казнит кого, то, среди ликования общего, никто не заметит»[807].

«В последних классах гимназии я увлекался Мольером и составил из своих товарищей “мольеровский кружок”»[808]. Ни о какой политике у нас и речи не было, что не помешало мне получить однажды повестку из третьего отделения. Нас всех пригласили в известное здание у Полицейского[809] моста, допрашивали и ни за что не хотели поверить, чтобы мальчики лет 16 – 17-ти не занимались “свержением существующего строя”. Если меня не арестовали и не выслали, – я этим обязан только положению отца. Мать сумела скрыть от него это происшествие.

Я продолжал писать стихи **(22).** Отец гордился ими, отдавал их переписывать и показывал знакомым. Кажется, в 1879 г., когда мне было лет 14, он повез меня в Алупку, к 70-летней старухе гр. Елисавете Ксаверьевне Воронцовой[810] **(23).** Я не знал, что имею счастье целовать ту руку, которую полвека назад целовал Пушкин.

В Петербурге в 1880 году, познакомившись у гр. Толстой, вдовы поэта, с Достоевским, отец повез меня и к нему. Помню крошечную квартирку на Колокольной[811], с низенькими потолками, тесной прихожей, заваленной экземплярами “Братьев Карамазовых”, и почти такой же тесный кабинет, где Федор Михайлович сидел за корректурами. Краснея, бледнея и заикаясь, я

---

[807] Там же.

[808] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «…собиравшийся у меня на квартире» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 10).

[809] В кн. «Русская литература XX века (1890 – 1910)» (под ред. С.А. Венгерова) сказано: «…у Цепного моста…» Здесь и далее приводятся только существенные расхождения в текстах, обусловленные, судя по всему, редакторской правкой С.А. Венгерова. Варианты грамматических форм и различия в орфографии и пунктуации не комментируются.

[810] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «Она говорила мне о Пушкине» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 11). В глаза бросается явное противоречие между исключенной автором фразой и последующим текстом.

[811] В кн. «Русская литература XX века (1890 – 1910)» (под ред. С.А. Венгерова) сказано: «…в Кузнечном переулке…»

читал ему свои детские, жалкие стишонки. Он слушал молча, с нетерпеливою досадою. Мы ему, должно быть, помешали.

– Слабо, плохо, никуда не годится[812], – сказал он, наконец: – чтоб хорошо писать, – страдать надо, страдать!

– Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает! – возразил отец.

Помню прозрачный и пронзительный взор бледно-голубых глаз, когда Достоевский на прощанье пожимал мне руку. Я его больше не видел и потом вскоре узнал, что он умер **(24)**»[813].

(22) Мережковский был хорошим стихотворцем (по определению А.Л. Волынского, «легким и плавным версификатором»[814]). Его поэзия изобилует как большими (эпическими и драматическими), так и малыми (лирическими) формами. Однако, владея октавой не хуже, чем терцинами, поэт не любил экспериментировать со стихом. Высокий уровень философского содержания позволял критикам называть его опыты «поэзией мысли». И чем больше мысль Мережковского углублялась, тем сложнее было выразить ее в рамках стихотворения. Выпустив три авторских сборника[815], а также два «Собрания стихов»[816], он прекратит печататься как поэт, точнее, перестанет осознавать себя в этом качестве.

(23) Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792 – 1880) – княгиня, адресат многих произведений Пушкина. Вероятно, в стихотворении Мережковского «На южном берегу Крыма», которое было написано во время путешествия в Крым и датировано «Мисгор. 1889 г.», речь идет о Воронцовском дворце («Немая вилла спит под пенье волн мятежных…»[817]), расположенном недалеко от Мисхора и находившемся в конце XIX века в запущенном состоянии («…И окна ставнями

---

[812] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» эти слова появились вместо зачеркнутых Мережковским: «Все это – подражание…» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 12).

[813] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 110 – 111.

[814] *Волынский А.* Символы (песни и поэмы) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 29.

[815] «Стихотворения» (1888); «Символы» (1892); «Новые стихотворения» (1896).

[816] В 1904 и 1910 годах.

[817] *Мережковский Д.С.* На южном берегу Крыма // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 174.

закрыты много лет…»[818]). Намек на эпизод из «Автобиографической заметки» угадывается в словах: «Зато в тени аллей живет воспоминанье / И сладостная грусть умчавшихся годов…»[819]

(24) Не исключено, что данный биографический факт послужил одной из причин творческого интереса Мережковского к личности Достоевского, который наиболее полно воплотился в работах: «Достоевский» (статья впервые опубликована в 1890 году под заглавием «О “Преступлении и наказании” Достоевского» и позднее с незначительными изменениями вошла в «Вечные спутники»), «Л. Толстой и Достоевский», 1900 – 1902; «Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского)», 1906; «Горький и Достоевский», 1913; «Федор Михайлович Достоевский. 1821 – 1921», 1921 (в 1934 году с изменениями статья перепечатана под названием «Мир или война (о Достоевском)»).

Примечательно, что слова о необходимости страдания, приписываемые Достоевскому в «Автобиографической заметке», станут опорными в рассуждениях самого Мережковского о русском классике: «Итак, если кто-либо когда-нибудь был невинен в социализме, по крайней мере, в том социализме, за который преследовало тогдашнее русское правительство, – то это, конечно, Достоевский. Он сделался мучеником и едва не погиб за то, во что не только ни минуты не верил, но что ненавидел всеми силами души. Что же влекло его к этим людям? Не то же ли, что всю жизнь заставляло его искать самого трудного, бедственного, жестокого и страшного, как будто он чувствовал, что ему нужно “пострадать”, чтобы вырасти до полной меры сил своих?»[820]; «Только в подвиге вольного страдания (“надо страдание принять”, завет самого Достоевского), вольной смерти политической для воскресения теократического может заключаться то “всеслужение человечеству”, в котором видел

[818] Там же.
[819] Там же.
[820] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 102.

Достоевский призвание России; в этом и только в этом смысле русский народ может сделаться “народом-богоносцем”»[821].

В заключение следует отметить, что существует альтернативное (с абсолютно другим акцентом!) описание прокомментированного только что биографического факта. Оно принадлежит Н.С. Лескову, который под псевдонимом «А.Л.» (был раскрыт А.Н. Лесковым) сообщал: «В литературе известен такой случай: тайн<ый> сов<етник> М. привез к Ф.М. Достоевскому сына своего, занимавшегося литературными опытами. Достоевский, прослушав упражнения молодого человека, сказал: “Вы пишете пустяки. Чтобы быть литератором, надо прежде страдать, быть готовым на страдания и уметь страдать”. Тогда тайн<ый> сов<етник> ответил: “Если это так, то лучше не быть литератором и не страдать”. Достоевский выгнал вон и отца, и сына»[822].

«Тогда же познакомился я с С.Я. Надсоном, юнкером Павловского военного училища, и полюбил его, как брата. Он был уже болен наследственной чахоткой. Постоянно говорил о смерти. Мы много спорили с ним о религии. Он отрицал, я утверждал **(25)**»[823].

(25) Семен Яковлевич Надсон (1862 – 1887) – популярнейший в 1880-е годы поэт, беллетрист, критик, сыгравший в жизни Мережковского роль не только товарища, но и наставника в творчестве. В работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» писатель признавался: «Я мог бы остановиться на *С.Я. Надсоне,* который, впрочем, уже вполне оценен и понят нашими рецензентами. Сознание болезненного бессилия, разочарование в утилитарных идеалах, страх перед тайною смерти, тоска безверия и жажда веры – все эти современные мотивы Надсона произвели быстрое и глубокое

---

[821] *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 238.
[822] См.: Исторический вестник. СПб., 1888. № 6. С. 545 – 546.
[823] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 111.

впечатление даже не столько на *молодое,* как на *отроческое* поколение 80-х годов»[824].

Между Мережковским и Надсоном, знакомство с которым состоялось в 1882 году, установились дружеские отношения. Об этом можно судить по сохранившейся переписке, в которой проявились внутренние переживания молодых поэтов. «Что касается меня, – признается Мережковский в письме от 20 марта 1883 года, – то нужно сказать, что я в последнее время грущу, как никогда. У меня бывают какие-то припадки малодушного отчаяния. Я спрашиваю себя иногда, суждено ли мне когда-нибудь распутать или разорвать всю эту паутину мелких, постыдных, бесчисленных и бессмысленных терзаний»[825]. Пессимизм, постоянные сомнения и жалобы на одиночество нашли отражение в поэзии Мережковского. «Несмотря на всю гнусность своего существования, я не перестаю слагать вирши»[826], – пишет он Надсону в 1883 году. К этому же времени относится стихотворение Мережковского «К смерти»: «Приди, желанная, приди, / И осени меня крылами. / И с нежной лаской припади, / Как лед холодными устами / К моей пылающей груди!..»[827]

Надо заметить, что мотив смерти в ранней лирике Мережковского один из основных: «…Так мы порой на смерть глядим, / О смерти думаем, живые / Все что-то в ней понять хотим, / Понять не можем, как слепые…»[828]; «…Это смерть – но без борьбы мучительной; / Эта смерть, пленяя красотой, / Обещает отдых упоительный – / Лучший дар природы всеблагой»[829]. Теме смерти посвящена одноименная поэма, в которой читаем: «Нет! Страха смерти победить / Умом нельзя… А жизнь уходит… / От всех познаний, дум и книг / Какая польза в страшный миг?»[830] Мыслями о смерти заняты герои

---

[824] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 268.
[825] *Мережковский Д.С.* Письма к С.Я. Надсону // Новое лит. обозрение. М., 1994. № 8. С. 178.
[826] Там же. С. 179.
[827] *Мережковский Д.С.* К смерти // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 22.
[828] *Мережковский Д.С.* «Как от рождения слепой…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 34.
[829] *Мережковский Д.С.* «Если розы тихо осыпаются…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 82.
[830] *Мережковский Д.С.* Смерть // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 44.

художественных и критико-биографических произведений Мережковского: «С тех пор, как Юлиан себя помнил, он ждал смерти со дня на день, и мало-помалу почти привык к страху, знал, что ни в доме, ни в саду не может сделать шага, который ускользнул бы от тысячи глаз»[831]; «Иногда перечитывая дневники свои, Леонардо записывал новые мысли о том, что теперь занимало его больше всего, – о смерти»[832]; «Прежде чем говорить об этом последнем повороте жизни, перевале, с которого начинается спуск в “вечернюю долину”, надо сказать о чувстве, которое всегда было в нем (Л.Н. Толстом. – *А.Х.*) столь же сильно, как любовь к жизни, может быть, потому, что оно было только обратною стороною этой любви, – о страхе смерти»[833]; «Трагедия воли – “Прометей”, трагедия мысли – “Фауст” именно и были такими вызовами, полными “искушающей отваги”, versucherische Tapferkeit – страху смерти, тайне жизни»[834]; «Чрезмерный страх смерти почти всегда служит показателем религиозного бессилия и религиозной бездарности»[835]; «В эти последние годы ни на одно мгновение не покидала его (Марка Аврелия. – *А.Х.*) мысль о смерти»[836]; «Степень оптимизма писателя лучше всего определяется его отношением к смерти. Гончаров почти не думает о ней»[837]; «Цена всякой человеческой мудрости испытывается на отношении к смерти»[838].

Очевидно, Мережковского и Надсона объединяла жажда отвести душу в искренней беседе, чтобы хоть как-то отвлечься от «пожирающей» тоски. У них была общая «болезнь» – декадентство, но каждый «лечился» по-своему. «Буду говорить откровенно: у меня самого часто ослабевает, почти потухает энергия, – признается Мережковский, – но никак не вследствие мысли, а вследствие страсти, бессмысленной и всемогущей страсти, которая одним дуновением

---

[831] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 20 – 21.
[832] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 363.
[833] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 38.
[834] Там же. С. 41.
[835] Там же. С. 42.
[836] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 36.
[837] Там же. Т. 18. С. 35.
[838] Там же. С. 107.

своего пламенного урагана может разрушить самое сложное и хитрое здание логических умозаключений»[839]. Письмо отправлено весной 1883 года, а в декабре появляется стихотворение «На распутье».

Споры, о которых упоминается в «Автобиографической заметке», имели под собой скорее мировоззренческие основания (непосредственно о религии, вопреки мнению позднего Мережковского, речи не шло), связанные с вопросом о преодолении страха смерти, уныния и тоски. Мережковский принципиально не соглашается с Надсоном, который любит свой «недуг» и даже упивается им: «…Вы все же страдаете только *за себя* и про себя. Таких страданий очень, очень много. Кто не страдает *за себя*: и всем любо говорить о них, а кто может, воспевает их; эти именно страдания единственно *за себя* и равняют с толпою (хотя сами по себе, для отдельной личности они все же благотворны), мне кажется, возвысить могут *меня страдания,* – страдания *за других,* к ним-то и нужно стремиться со всей энергией, как к счастию, для них-то и нужно в душе приготовить достойное святилище»[840]. В этом жертвенном стремлении – одно из важнейших отличий Мережковского от декадентов. «Когда вся “школа” Надсона, – справедливо писал В.Я. Брюсов, – вслед за учителем долгом почитала “ныть” на безвременье и на свою слабость, Мережковский заговорил о радости и о силе»[841]. С верой в себя поэт произносит: «О жизнь, смотри: – во мгле унылой / Не отступил я под грозой: / Еще померимся мы силой, / Еще поборемся с тобой!»[842] «Мне бы хотелось, – утверждает Мережковский в одном из писем к Надсону, – умирая, сказать: все-таки мир прекрасен, даже в этой глубочайшей бездне сомненья, позора и мук я чувствую благодатное присутствие Бога. Да, мир прекрасен: чтобы убедиться, стоит только посмотреть на вечные, яркие звезды там в небесах, или на столь же яркие буквы сияющего слова, начертанного в глубине моего сердца, таинственного слова:

---

[839] *Мережковский Д.С.* Письма к С.Я. Надсону // Новое лит. обозрение. М., 1994. № 8. С. 180.
[840] Там же.
[841] *Брюсов В.* Д.С. Мережковский как поэт // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 301.
[842] *Мережковский Д.С.* «О жизнь, смотри: – во мгле унылой...» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 65.

добро»[843]. Отголоски данного умонастроения, связанного с преодолением надсоновского влияния, обнаруживаются в трактате «Л. Толстой и Достоевский»: «Не удивительно ли: древние эллины и новый эллин, Гете уж, конечно, не менее любили землю, земные радости, чем царь Соломон и Лев Толстой. Но страх смерти не уничтожал для них смысла этих радостей – напротив: самая черная тьма и ужас бездны еще увеличивали прелесть жизни, подобно тому, как самый черный бархат увеличивает блеск алмазов. Они не отворачивались от этой тьмы, а как будто нарочно желали, искали ее, чтобы победить. Трагедия, дерзновеннейшее и глубочайшее созерцание всего, что только есть в человеческой судьбе наиболее темного и рокового, не случайно создана была в самую лучезарную пору эллинской жизни»[844]. Критикой меланхолии отмечена одна из «итальянских новелл» Мережковского: «Впоследствии Верзила, женившись на красивой венгерке, достигнув славы и преуспеяния, вполне довольный своею судьбою, вернулся во Флоренцию, которую он все-таки любил с нежностью, как родную мать, и считал прекраснейшим городом в мире, и зажил здесь припеваючи. Он навсегда излечился от припадков черной меланхолии, и однажды, в беседе с Филиппо ди-сэр-Брунеллеско, когда тот расспрашивал его, по какой причине он переселился в Венгрию, Верзила откровенно и подробно рассказал ему о своем чудесном превращении»[845].

Отношения Мережковского и Надсона закончились охлаждением: «…И Надсону плохие подражанья / Наскучили!.. Как Надсон ни хорош, / А с ним одним недалеко уйдешь»[846]. Тем не менее Мережковский отдает должное своему наставнику: «И Гаршин был искренним, говоря о своем сумасшествии, и Надсон, говоря о своей смерти. Может быть, это люди слабые и даже от слабости погибшие. Но они все-таки дали искусству что-то небывалое, что-то

---

[843] *Мережковский Д.С.* Письма к С.Я. Надсону // Новое лит. обозрение. М., 1994. № 8. С. 180 – 181.
[844] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 40.
[845] *Мережковский Д.С.* Превращение // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 19. С. 112.
[846] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 82.

свое, они довели до последних пределов нашу современную скорбь и нашу потребность веры»[847].

Под непосредственным влиянием Надсона создана гражданская лирика Мережковского, в частности – программное для раннего периода произведение «Поэту» (1883) с призывом «Не презирай людей!»[848] Вероятно, смертельным недугом товарища по перу навеян текст 1885 года под названием «Больной». Наконец, Надсону посвящены стихотворения «Вечер» (1884) и «Смерть Надсона» (1887).

«Надсон познакомил меня с А.Н. Плещеевым **(26)**, секретарем “Отечественных Записок”. Помню мелькающие в дверях соседней комнаты худые, острые плечи, зябко укутанные пледом, похожим на старушечий платок, хриплый, надорванный кашель и неистово рычащий голос М.Е. Салтыкова»[849].

(26) Алексей Николаевич Плещеев (1825 – 1893) – поэт, переводчик, прозаик, драматург – познакомился с Мережковским в начале 1883 года. Он способствовал публикации стихотворений молодого поэта в «Отечественных записках» и даже рекомендовал его в члены Литфонда. О «вечеринках» в квартире Плещеева и более позднем общении с ним в «Живых лицах» оставила воспоминания Гиппиус. Мережковский, в свою очередь, написал о Плещееве некролог «Памяти А.Н. Плещеева» в «Театральной газете» (1893. № 14) и посвятил ему в 1885 году стихотворение «Юбилей А.Н. Плещеева», завершающееся словами: «…Как патриарх в семью ты нас объединял, – / И вот за что тебя мы любим всей душою, / И вот за что теперь мы подняли бокал!»[850] В брошюре «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Плещеев охарактеризован следующим образом: «Его поэзия

---

[847] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 262.
[848] *Мережковский Д.С.* Поэту // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 5.
[849] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 111.
[850] *Мережковский Д.С.* Юбилей А.Н. Плещеева // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 153.

отличается удивительной простотой и ясностью формы. Некоторые ошибочно принимают эту простоту за бедность. Дети иногда лучшие судьи в поэзии *(“Будьте просты, как дети”* относится и к области красоты) – недаром так любят и так верят, когда Плещеев с ними говорит. Это – муза нежной и покорной меланхолии, того, что Шиллер называл Resignation, муза русской печали. Она недоступна пресыщенным, скептически-равнодушным эстетикам, ее поймут только люди очень простые, даже несколько наивные в поэзии и *“чистые сердцем”*. Лучше всего то в стихах А.Н. Плещеева, что вы невольно чувствуете в них светлую, тихую и прекрасную душу человеческую»[851].

«Первое стихотворение я напечатал, кажется, в 1882 году[852] в “Живописном Обозрении”, у Шеллера-Михайлова **(27)**; потом стал печатать в “Отечественных Записках”.

Окончив гимназию в 1884 году, я поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Университет дал мне немногим больше, чем гимназия. У меня так же не было школы, как не было семьи **(28)**.

В студенческие годы я очень увлекался позитивной философией – Спенсером, Контом, Миллем, Дарвином. Но, с детства религиозный, смутно чувствовал ее недостаточность, искал, не находил и безвыходно мучился[853].

В это время в студенческом историческом обществе (кажется, оно так называлось?)[854] **(29)** я спорил **(30)** с В.В. Водовозовым, убежденным позитивистом, доказывая ему, что невозможно обосновать миросозерцание, дающее смысл жизни, на “непознаваемом” Спенсера **(31)**»[855].

---

[851] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 267 – 268.

[852] Мережковский ошибается. Его первое стихотворение под названием «Тучка» было опубликовано в октябре 1880 года в журнале «Живописное обозрение» (№ 40. С. 253).

[853] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует частично вычеркнутый Мережковским фрагмент: «Я сделался глубочайшим пессимистом. Жизнь казалась мне бессмысленной. Ниоткуда не было ни совета, ни помощи» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 14).

[854] В кн. «Русская литература XX века (1890 – 1910)» (под ред. С.А. Венгерова) сказано: «…в студенческом “Научно-литературном обществе”…»

[855] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 111 – 112.

(27) О русском писателе Александре Константиновиче Шеллере-Михайлове (1838 – 1900) Мережковский оставил несколько строк в работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»: «…знаток и талантливый бытописатель петербургского мелкого чиновничества и буржуазии, так хорошо владеющий мягкими красками городской будничной идиллии, чувствует потребность покинуть знакомую обстановку, из современного Петербурга перенестись ни более, ни менее, как в древнюю Персию времен царя Артаксеркса, в мир патриархальной фантазии»[856].

По словам Гиппиус, Шеллер-Михайлов «хорошо принимал» их с Мережковским в «Живописном обозрении». Когда началась работа над первым романом трилогии «Христос и Антихрист», Шеллер-Михайлов платил Гиппиус «недурной гонорар» и «необходимая Д.С. свобода для “Юлиана” этим достигалась»[857].

(28) На самом деле Мережковский был зачислен на историко-филологический факультет Петербургского университета в августе 1883 года. Как показало исследование Г.И. Щетининой[858], ситуация с высшим образованием в то время была критическая. После убийства Александра II наступила очередная реакция. А поскольку роль университетов в общественно-политической жизни страны всегда была существенной (основную поддержку террористические организации искали именно в студенческой среде), то политика в отношении высших учебных заведений ужесточилась. Ее сторонники рассматривали университеты как «рассадники цареубийц». Согласно Университетскому уставу (1884), председатели и члены экзаменационных комиссий назначались министерством. Автономия университетов была практически уничтожена. Факультеты не имели права переносить лекции с одного часа на другой. О

---

[856] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 258 – 259.
[857] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 52.
[858] См. здесь и далее до нового абзаца: *Щетинина Г.И.* Университетский вопрос в 1870 – 1880-х гг. и Устав 1884 г.: дис. ... канд. истор. наук. М., 1965.

студентах и говорить нечего. Их зависимость от администрации стала вопиющей. Одно возвращение к карцеру чего стоит?! Огромный ущерб был нанесен гуманитарному образованию. Особенно пострадали историко-филологические факультеты. Для них министерство установило основным предметом древние языки, древнюю историю и мифологию. Декан историко-филологического факультета, на котором учился Мережковский, предупреждал об ударе правильному филологическому образованию и насиловании всей науки и учебных убеждений. Внешней стороне дисциплины уделялось не меньше внимания. Была восстановлена обязательная форма для студентов. Отвечать во время экзамена нужно было стоя, как в военных академиях. Профессорам же предлагалось учитывать прежде всего доверчивую откровенность в ответах на вопросы.

Впечатления от учебы Мережковский красноречиво передал в поэме «Вера»: «Но он – студент. Какой счастливый день! / С каким восторгом он вошел под сень / Таинственных, больших аудиторий. / Он с трепетом заглядывает в тень / Немых библиотек, лабораторий; / На лекциях он – весь вниманье, слух… / Но скоро в нем научный жар потух»[859]. Здесь же нарисованы образы преподавателей: профессора философии Михаила Ивановича Владиславлева (1840 – 1890) («С тупым лицом, рябой и косоглазый, / Какой-то метафизик примирял / Ученье церкви с Кантом. Он дремал, / Цедя сквозь сон медлительные фразы, / И, не боясь свистков, провозглашал / Тот принцип, что почтенье к людям надо / Определять количеством оклада»[860]); профессора древней истории Федора Федоровича Соколова (1841 – 1909) («…На кафедру взошел старик с лицом / Пергаментным, в очках; губа отвисла, / И мутный взор потух. Беззубым ртом / Зашамкал он уныло числа, числа... / История – без образов, без лиц, / Ряды хронологических таблиц!..»[861]); профессора-юриста Эдмунда Романовича Вредена (1836 – 1891) («Но вот – юрист; он обожал

[859] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 88.
[860] Там же.
[861] Там же. С. 88 – 89.

остроты, / Был фат, носил фальшивый бриллиант, / Не знал предмета, но имел талант / Придумывать словечки, анекдоты / И пошлости. Сереже этот франт / Казался неприличным и вульгарным; / Он, впрочем, был довольно популярным»[862]); профессора-фольклориста и историка русской литературы Ореста Федоровича Миллера (1833 – 1889) («Был старичок-профессор: пылкий, страстный, / Гуманностью он увлекал без слов – / Одной улыбкой мягкой, детски ясной; / Идеалист сороковых годов, / Он умереть за правду был готов»[863]).

(29) В студенческие годы для Мережковского на первом месте были вовсе не занятия, а вхождение в литературные круги. Так, в «Автобиографической заметке» речь идет о созданном при университете усилиями О.Ф. Миллера «Студенческом научно-литературном обществе», участники которого – представители самых разных направлений: от толстовцев до позитивистов – собирались также в квартире у профессора на Васильевском острове (3-я линия, дом 16). Об одном из таких заседаний говорится в поэме «Вера»: «На пятом этаже большого дома / В его квартирке плохонькой, порой, / По вечерам бывал и наш герой. / Жара, веселье, чай и папиросы, / И шум, и смех, и важные вопросы»[864]. Отношение Мережковского к Миллеру выдает оценочная характеристика в исследовании «Л. Толстой и Достоевский» – «почтительный и целомудренный биограф»[865].

(30) Атмосфера споров с ранних лет окружала Мережковского: «И спорам их о Боге без конца / Я с жадностью внимал, дохнуть не смея…»[866] Дискутировать писатель любил и делал это мастерски не только в кругу близких людей и единомышленников. Будучи одним из организаторов петербургских

---

[862] Там же. С. 89. Как указывает К.А. Кумпан, на экземпляре «Символов» в РНБ читатель того времени называет прототипом Василия Ивановича Сергеевича (1835 – 1911): «…однако к моменту студенчества Мережковского Сергеевич был блестящим профессором и ректором университета; характеристика “не знал предмета” вряд ли могла к нему относиться» (см.: *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 818).

[863] Там же. С. 90.

[864] Там же.

[865] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 140.

[866] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 57.

Религиозно-философских собраний (1901 – 1903), он принимал активное участие в прениях, касаясь самых «проклятых» вопросов бытия: отношения церкви и государства, свободы совести, силы и насилия в христианстве, брака, догматического развития и других. С приходом Мережковского в Религиозно-философское общество (1907 – 1917), вспоминает А.А. Мейер, «спокойное теоретическое обсуждение выдвинутых тем уступило место горячим прениям между сторонниками различных общественных течений»[867]. Читатели, далекие от богословских дискуссий, могут увидеть в Мережковском скучнейшего из писателей, хотя оратором он был вдохновенным. Известно, что 8 ноября 1907 года А.В. Карташев зачитал в Религиозно-философском обществе доклад Мережковского «О Церкви грядущего» (его содержание вошло в статью «Меч»), а 10 ноября газета «Речь» сообщала, что ввиду отсутствия Мережковского «прения не имели того интереса, какого заслуживали»[868]. Писатель еще в юности приобрел славу успешного оратора. Впоследствии он всю жизнь будет умело использовать этот талант, не только увлекая, но и завлекая собственными речами даже самых искушенных слушателей. В числе «покоренных» окажется строгий ко всем и каждому поэт и литературный критик Георгий Адамович: «…эстрада, звонок председателя, скучающие дамы в первом ряду, нервничающий “предыдущий оратор”, которому, как водится, не дали хорошенько высказаться, а Мережковский, будто на очередном Вселенском соборе, ораторствует о таких вещах, о которых надо и можно думать, но как-то неудобно устраивать дебаты. Оратор, еще раз скажу, он был такой, какого за всю жизнь слышать мне не приходилось: доклады, заранее приготовленные, читал он скучновато, но порой, под конец вечера, когда его, бывало, раззадорят или взволнуют, говорил так, что, казалось, остается простым смертным только “внимать арфе серафима”»[869]. «Личное обаяние, –

[867] *Мейер А.А.* Петербургское Религиозно-философское Общество // Вопр. философии. М., 1992. № 7. С. 109.
[868] Цит. по: *Ермичев А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907 – 1917): Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 24. См. также заметку: Старое и новое. «Церковь грядущего» – доклад Д.С. Мережковского // Русь. СПб., 1907. 12 ноября. Приложение к № 303.
[869] *Адамович Г.В.* Мережковский // *Адамович Г.В.* Одиночество и свобода. СПб., 2002. С. 59.

свидетельствует М.А. Алданов, – то, что французы называют charme-ом, у него вообще было очень велико, по крайней мере в лучшие его минуты. Это было связано с огромной его культурой и с его редким ораторским талантом. Порою казалось, что он говорит еще лучше, чем пишет»[870]. Похожий образ рисует в своих воспоминаниях М.О. Цетлин: «…небольшая, душная аудитория. Кто-то напал на одну из любимых идей Дмитрия Сергеевича и он возражает. Как выпрямилась его фигура. Как звонок голос. Как сильна и обаятельна мысль и речь, как блестят совсем молодые глаза! Он был одним из лучших ораторов-мыслителей, и силу мысли, высокое напряжение духа он сохранил до глубокой старости»[871]. «Сколько раз мне, – признается Н.Н. Берберова, – как когда-то Блоку, хотелось поцеловать Д.С. руку, когда я слушала его, говорящего с эстрады, собственно всегда на одну и ту же тему, но трогающего, задевающего десятки вопросов, и как-то особенно тревожно, экзистенциально ищущего ответов, конечно никогда их не находя»[872].

Не удивительно, что богословские дискуссии пронизывают роман Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)». Аналогичные споры о вере встречаем и в другом произведении – «Антихрист (Петр и Алексей)»: «Диакон Федор обличал Аввакума в ереси. Старец Онуфрий, ученик Аввакума, обличал в том же диакона Федора. Последователи Федора, единосущники, обзывали онуфриян трисущниками, а те, в свою очередь, поносили единосущников кривотолками. И учинилось великое рассечение, “и вместо горящей прежней любви, вселилася в братию ненависть и оболгание, и всякая злоба”»[873]. В том же романе о вере спорят фрейлина Аргейм и царевич Алексей. Даже внешне сдержанный Леонардо из второй части трилогии «Христос и Антихрист» не прочь подискутировать на научные темы: «Герцог, с вельможами и придворными дамами, давно уже ничего не понимая, все же следил за спором с большим удовольствием.

---

[870] *Алданов М.А.* Д.С. Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 407.
[871] *Цетлин Мих.* Д.С. Мережковский (1865 – 1941) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 415 – 416.
[872] *Берберова Н.* Курсив мой <фрагмент> // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 494.
[873] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 161.

– Славно! – радовался он, потирая руки. – Настоящее сражение! Смотрите, мадонна Цецилия, – сейчас подерутся! Вон старичок из кожи лезет, весь трясется, кулаками грозит, шапку сорвал и махает. А черненький-то, черненький за ним – пена у рта! И ведь из-за чего? Из-за каких-то окаменелых раковин. Удивительный народ эти ученые! Беда с ними, право! А наш-то Леонардо, каков! Еще тихоней прикидывался.

И все смеялись, любуясь на поединок ученых, как на бой петухов»[874].

К острым дискуссиям о будущем России сводятся тайные собрания в «Александре I»: «Все говорили вместе и никто никого не слушал: одни стояли за монархию, другие – за республику»[875].

(31) «Переболев» однажды позитивизмом, Мережковский занял по отношению к этому философскому направлению самую непримиримую позицию[876]**,** которая особенно остро проявилась в его критико-публицистических текстах. Ограничимся наиболее яркими примерами: «Последний предел всей современной европейской культуры – позитивизм, или, по терминологии Герцена, “научный реализм”, как метод не только частного научного, но и общего философского и даже религиозного мышления. Родившись в науке и философии, позитивизм вырос из научного и философского сознания в бессознательную религию, которая стремится упразднить и заменить собой все бывшие религии»[877]; «Мы видели общую исходную точку интеллигента и босяка – одну и ту же догматику позитивизма»[878]; «Постепенно утрачивая свое религиозное содержание, русская государственность сделалась, наконец, исключительно рациональною, позитивною, в самом плоском смысле этого слова, окончательно, по выражению старообрядцев, “обмирщилась”,

---

[874] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 315.
[875] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 248 – 249.
[876] Настолько непримиримую, что, поддерживая В.В. Розанова в публичной дискуссии по вопросу о браке, заявил: «…я все-таки с ним, потому что всегда против позитивизма» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 258).
[877] *Мережковский Д.С.* Грядущий Хам // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 7 – 8.
[878] *Мережковский Д.С.* Чехов и Горький // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 91.

обезбожилась»[879]; «В сущности все поколение конца XIX века носит в душе своей то же возмущение против удушающего мертвенного позитивизма, который камнем лежит на нашем сердце»[880].

«А.Н. Плещеев ввел меня в дом А.А. Давыдовой **(32)**, жены известного музыканта, директора петербургской консерватории. Здесь встречался я с Гончаровым **(33)**, тогда уже слепым стариком, Майковым **(34)**, Полонским **(35),** а затем, когда основан был А.М. Евреиновой “Северный Вестник”, – с его ближайшими сотрудниками: В.Г. Короленко **(36)**, В.М. Гаршиным **(37),** Н.К. Михайловским **(38)** и Г.И. Успенским **(39)**. Я и сам принимал довольно деятельное участие в журнале: напечатал в нем огромную и неуклюжую драматическую поэму “Сильвио” и едва ли не первую сочувственную статью о Чехове **(40)**, только что выступившем тогда и почти никем еще не признанном»[881].

(32) Александра Аркадьевна Давыдова, урожд. Горожанская (1848 – 1902) – основательница и издательница журнала «Мир Божий», жена виолончелиста, педагога и композитора Карла Юльевича Давыдова (1838 – 1889). Мережковский познакомился с Давыдовыми в 1884 году[882]. Их литературно-музыкальный салон, существовавший в Петербурге в 1880 – 1890-е годы, посещала самая пестрая публика[883]. Летом 1885 года молодой писатель вместе с Давыдовыми отправился в свое первое заграничное путешествие по Франции и Швейцарии. Тогда же он написал несколько стихотворений, навеянных поездкой: «На высоте», «В Альпах», «Там, в глубине задумчивой долины…».

---

[879] *Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 130.

[880] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 215.

[881] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 112.

[882] Это наиболее вероятная дата, поскольку летом 1884 года Мережковский гостил на даче Плещеева, соседями которого были Давыдовы.

[883] Подробнее о литературных объединениях, участником которых был Мережковский, см.: *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890 – 1917 годов: Словарь. М., 2004; *Шруба М.* Дополнения к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890 – 1917 годов» // Новое лит. обозрение. М., 2006. № 77.

(33) И.А. Гончарову посвящен одноименный очерк, опубликованный Мережковским в 1890 году, вошедший затем в брошюру «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» и сборник «Вечные спутники». Критик причисляет Гончарова (наряду с Толстым, Тургеневым и Достоевским) к великой плеяде русских писателей, которые «с несравненной силой и полнотой воспроизводят все три основы идеальной поэзии»[884].

(34) Речь идет о поэте Аполлоне Николаевиче Майкове (1821 – 1897), которому Мережковский посвятил одноименную статью 1891 года, использованную в брошюре «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», вошедшую в сборник Перцова «Философские течения русской поэзии» и переработанную для «Вечных спутников».

Согласно свидетельству Перцова, о статье Мережковского Майков отозвался резко отрицательно: «“Он меня совсем не понял, – так, приблизительно, говорил Майков. – Он слишком еще молод для этого”»[885]. Известно также, что Майков не одобрял ранние стихотворные опыты Мережковского и написал на него в 1888 году эпиграмму: «В вас есть талант – какой тут спор! / Но, чтобы свет ему увидеть, / Пошли, господь, весь этот вздор, / Что вы писали до сих пор, / Вам поскорей возненавидеть!»[886] В то же время Майков одобрительно отнесся к главам из романа «Смерть богов (Юлиан Отступник)»: «Добросовестное изучение, воображение в пользовании богатым материалом, оригинальные картины. Очень рад, что из него выходит кое-что – нашел свою дорогу. Сбылось то, что я когда-то давно написал про него…»[887]

(35) Мережковский часто бывал в доме прославленного поэта Якова Петровича Полонского (1819 – 1898) на Знаменской улице (дом 26), где с 1883 года по пятницам проходили очень симпатичные вечеринки: «Вечеринки эти – или приемы – не носили характера “литературного”. Собирались просто

---

[884] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 218.
[885] *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. 1890 – 1902 гг. М., 2002. С. 103.
[886] *Майков А.Н.* М……му // *Майков А.Н.* Соч. В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 353.
[887] Цит. по: Примечания // *Майков А.Н.* Соч. В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 508.

знакомые поэта и его семьи; иногда, впрочем, читали стихи»[888]. Мережковский называл Полонского одним из своих учителей и посвятил ему поздравительное стихотворение с красноречивым зачином: «Желаю от души, Полонский, мой Учитель…»[889] При этом любопытно, что, по свидетельству очевидца, сам Полонский «явно не любил Мережковского, ни как поэта, ни лично, несмотря на постоянный энтузиазм Мережковского к его стихам»[890].

В «Мире искусства» (1899. Т. I. № 1 – 2) Мережковский опубликовал заметку «Я.П. Полонский», в «Вечных спутниках» назвал своего учителя «поэтом-мистиком» (наряду с А.А. Фетом), а в брошюре «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» охарактеризовал следующим образом: «Это один из немногих современных людей, сохранивших с природою древнюю, священную и таинственную связь. В его лучших песнях, по-моему, больше сумеречного, *безглагольно-прекрасного,* похожего на откровения природы, чем в искусственно-филигранной и довольно слащавой лирике Фета»[891].

(36) Мережковский посвятил Владимиру Галактионовичу Короленко (1853 – 1921) одну из первых своих критических статей «Рассказы Вл. Короленко» (1889), а в работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» назвал рассказ «Сон Макара» «чистейшей религиозной легендой, детской, наивной и глубокой, как лучшие легенды прошлых веков»[892].

(37) К творчеству Всеволода Михайловича Гаршина (1855 – 1888) как представителя «современного литературного поколения» Мережковский специально обращается в брошюре «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» и выставляет ему самую высокую оценку: «Все произведения Гаршина могли бы уместиться в одном томике. Но зато эта

---

[888] *Барятинский В.* «Пятницы Полонского» и «Пятницы Случевского». Из серии воспоминаний «Догоревшие огни» // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 295.
[889] *Мережковский Д.С.* Полонскому // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 656.
[890] *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. 1890 – 1902 гг. М., 2002. С. 113.
[891] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 267.
[892] Там же. С. 242.

маленькая книга едва ли когда-нибудь исчезнет из русской литературы. В ней есть художественное совершенство, т.е. единственное, чего время и обстоятельства не могут разрушить»[893]. На гибель писателя Мережковский откликнулся стихотворением «Смерть Всеволода Гаршина» (1888).

(38) Согласно воспоминаниям Гиппиус, властитель дум целого поколения Николай Константинович Михайловский (1842 – 1904) относился к Мережковскому «крайне недоброжелательно, статью о Чехове едва пропустил, а другие все время браковал. Теперь мне это понятно: взялся какой-то Мережковский, вчерашний студент, без преклоненья перед ним и без традиционного “либерализма”»[894]. Писатель же, в свою очередь, отзывался о Михайловском в книжке «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» весьма восторженно: «Я думаю, что и в безукоризненно-чистой и прекрасной литературной жизни таких людей, как сам Н.К. Михайловский, есть нечто *героическое.* Вот в чем сила таких людей, вот в чем тайна их обаяния. Это не поэты, не ученые, не философы. Литературой, словом они не могут выразить лучшего, что в них есть. Слово только тогда достигает полноты своего действия, когда оно само для себя награда и цель, для них же слово – только орудие для работы или меч для борьбы, а цель – сама жизнь, т.е. действие воли на волю других людей»[895].

(39) В юности Мережковский находился под безусловным обаянием Глеба Ивановича Успенского (1843 – 1902) («Как истинный народник, откровеньем / Он Власть земли Успенского считал…»[896] – говорится об автобиографическом герое повести в стихах «Вера») и позднее писал о нем в статье «Иваныч и Глеб» (1909): «Я помню Успенского в конце 80-х годов, когда болезнь уже подкрадывалась к нему; я встречался с ним в редакции “Отечественных Записок” и “Северного Вестника”; был у него в Чудове. Он

---

[893] Там же. С. 251.
[894] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 43.
[895] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 247 – 248.
[896] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 95.

познакомил меня с народным проповедником, Василием Сютаевым, толстовцем до Толстого.

Однажды, завидев меня, Глеб Иванович подошел ко мне торопливо, как будто за спешным делом, схватил обе руки мои, крепко сжал в своих и, пристально глядя мне в глаза, проговорил своим особенным, как будто задыхающимся, захлебывающимся шепотом:

– Как хорошо! Ах, как хорошо!

– Что такое?

– Да вот то, что вы написали. Разве не помните? А я все твержу наизусть.

И он повторил четыре стиха из переведенного мною отрывка древней буддийской книги Лалита-Вистары – молитвенное обращение к Будде:

В этот пламень необъятный

Мук, желаний и страстей

Ты, как ливень благодатный,

Слезы жалости пролей.

– Да это не мое, Глеб Иванович.

– Ну, все равно, чье… А только как хорошо… Вот именно: слезы – в пламень необъятный…

И вдруг выпустил мои руки, как будто задумался, забыл обо мне. Привычным движением пальцев пощипывая свою жиденькую, интеллигентски-мужичью бородку, раскуривая свою вечно-тухнущую папиросу, склонив голову набок, как будто прислушиваясь; неизменный, нелепый и милый хохол торчал на макушке, как у больной взъерошенной птицы; одна бровь поднялась выше другой, наморщив кожу на лбу в болезненные складки. И он повторил еще раз про себя:

– Вот именно: слезы – ливень благодатный…

Но без слез, горячечно-сухим блеском блестели его собственные глаза, как будто он давно уже хотел, но не мог плакать. Никогда не забуду я этих глаз, широко раскрытых, светлых, плачущих без слез. Тогда я не понял их – теперь

понимаю: передо мною был великий христианский подвижник, “святой Глеб”»[897]. Пройдя через увлечение народничеством, в работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Мережковский довольно сдержанно отзывался о художественной ценности творчества писателя-народника: «Успенский как будто не смеет отдаться вдохновению, пишет под гнетом “злобы дня”, пускается в полемику вместо того, чтобы трогать сердце читателя, думает доказать цифрами и данными статистики то, что можно доказать только любовью и творчеством. У него есть тот непреодолимый *стыд красоты,* который я отметил в Некрасове, который свойствен и многим другим русским писателям. Впрочем, недостатки Успенского слишком ясны, чтобы стоило долго о них говорить. Каждый поверхностный читатель может их легко определить. Я думаю, что даже поклонники Гл. Успенского согласятся с тем, что у него нет ни одного стройного, гармонически-прекрасного и законченного произведения, какие есть, напр., у Некрасова»[898].

(40) Мережковский дебютировал как критик в 11 номере «Северного вестника» за 1888 год статьей под названием «Старый вопрос по поводу нового таланта (“В сумерках” и “Рассказы” Чехова)». Спустя десятилетия он вспоминал: «Двадцать три или двадцать четыре года тому назад, вскоре после закрытия “Отечественных записок”, возник журнал “Северный вестник”. Редактором была А.М. Евреинова, издательницей – Сабашникова. Беллетристикой заведовал Плещеев, критическим отделом вначале – Михайловский. Последний очень строг был к молодым сотрудникам вроде меня, и я до сих пор не понимаю, как могла проскользнуть помимо него восторженная статья о Чехове. Верно, случилось это за время редакторского отсутствия. А может быть, он уже тогда фактически стал отдаляться от “Северного вестника”. Помню, однако, его резко осудительное письмо ко мне по поводу этой статьи. В то время глаза всех

---

[897] *Мережковский Д.С.* Иваныч и Глеб // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 36 – 37.

[898] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 244.

были устремлены на Гаршина. Его трагическая кончина еще усилила его влияние. Чехов едва начинал, под крылом Суворина. Вышел томик его рассказов “Хмурые люди”. И никому не хотелось после “Красного цветка” глядеть в сторону “Хмурых людей”»[899]. Чехов критикой Мережковского остался недоволен: «Мережковский пишет гладко и молодо, но на каждой странице он трусит, делает оговорки и идет на уступки – это признак, что он сам не уяснил себе вопроса...»[900] Впоследствии Мережковский посвятит Чехову не одну статью: «Чехов и Горький» (1906), «Асфодели и ромашка» (1908), «Брат человеческий» (1910), «Суворин и Чехов» (1914). С годами былая восторженность пройдет. «По поводу Чехова, – читаем в письме Брюсову за 1910 год, – я мог бы сейчас только ругаться… от Чехова пошел в русской литературе – дурной вкус, дурной запах, который кончился Арцыбашевым, Куприным и проч. Но всего этого публично сказать нельзя»[901]. Перемена будет связана не столько с Чеховым (талант которого, по собственному выражению Мережковского, «как был, так и остался до конца»[902]), сколько с эволюцией взглядов самого писателя.

Думается, что надлом в отношении Мережковского к Чехову наметился уже в 1891 году во время совместного времяпрепровождения в Венеции: «Я был молод; мне все хотелось поскорее разрешить вопросы о смысле бытия, о Боге, о вечности. И я предлагал их Чехову, как учителю жизни. А он сводил на анекдоты да на шутки.

Говорю ему, бывало, о “слезинке замученного ребенка”, которой нельзя простить, а он вдруг обернется ко мне, посмотрит на меня своими ясными, не насмешливыми, но немного холодными, “докторскими” глазами и промолвит:

---

[899] *Мережковский Д.С.* Брат человеческий // *Мережковский Д.С.* Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М., 1991. С. 247.
[900] *Чехов А.П.* ПСС и писем. В 30 т. Письма. Т. 3. М., 1976. С. 54.
[901] НИОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. хр. 45. Л. 2 об. – 3.
[902] *Мережковский Д.С.* Брат человеческий // *Мережковский Д.С.* Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М., 1991. С. 249 – 250.

– А, кстати, голубчик, что я вам хотел сказать: как будете в Москве, ступайте-ка к Тестову, закажите селянку – превосходно готовят, – да не забудьте, что к ней большая водка нужна.

Мне было досадно, почти обидно: я ему о вечности, а он мне о селянке. Раздражало это равнодушие, даже как будто презрение к мировым вопросам; я начинал подозревать Чехова в “отсутствии общих идей”»[903]. В записной книжке Чехова того времени читаем: «Вечером разговор с Мережковским о смерти»[904]. Неудивительно, что один из героев поэмы Мережковского «Смерть» (1891) – доктор (!) Петров – имеет явные черты сходства с Чеховым в молодости: «…Он сам так весел и здоров. / С обычной докторской уловкой, / Приняв интимный, важный вид, / О пустяках он говорит»[905].

Надо заметить, что Мережковский при непосредственном содействии Чехова, к которому обратился за помощью в письме («Если это письмо до Вас достигнет, сообщите мне адрес Суворина… Мне нужен адрес его вот для чего: я хочу ему предложить издать мою вторую книгу стихотворений»[906]), издал поэтический сборник «Символы» (1892), предвещавший появление в России нового литературного направления. В то же время программное выступление Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Чехов, несмотря на комплименты в его адрес, расценил как неэтичное: «В каждом обществе, будь то народность, секта, сословие или просто круг людей, связанных одной общей профессией, непременно существует этика отношений, не допускающая, между прочим, чтобы дурно отзывались о своих в присутствии чужих, если нет к тому достаточно сильных поводов вроде уголовщины или порочного поведения – поводов, указанных практикою»[907].

---

[903] *Мережковский Д.С.* Асфодели и ромашка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 40 – 41.
[904] *Чехов А.П.* <Записная книжка I> // *Чехов А.П.* ПСС и писем. В 30 т. Соч. Т. 17. М., 1980. С. 8.
[905] *Мережковский Д.С.* Смерть // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 32.
[906] НИОР РГБ. Ф. 331. К. 51. Ед. хр. 58. Л. 6 об.
[907] *Чехов А.П.* ПСС и писем. В 30 т. Письма. Т. 5. М., 1977. С. 143 – 144.

«Н.К. Михайловский имел на меня большое влияние не только своими сочинениями, которыми я зачитывался, но и своею благородною личностью[908]. Он заказал мне статью “О крестьянине во французской литературе”, которой, однако, не принял, потому что она оказалась очень слабою и не в духе журнала[909]. Михайловский и Успенский были два моих первых учителя. Я ездил в Чудово к Глебу Ивановичу и проговорил с ним всю ночь напролет о том, что тогда занимало меня больше всего, – о религиозном смысле жизни[910]. Он доказывал мне, что следует искать его в миросозерцании народном, во “власти земли”. Дал мне адреса знатоков народной жизни, сельских учителей и статистиков, советуя побывать у них. В том же году, летом, я ездил по Волге, по Каме, в Уфимскую и Оренбургскую губернии, ходил пешком по деревням, беседовал с крестьянами, собирал и записывал наблюдения **(41)**. Посетил в Тверской губернии крестьянина Василия Сютаева, основателя религиозного учения, напоминающего толстовство. Л.Н. Толстой незадолго до меня был у Сютаева, и тот мне много о нем рассказывал **(42).**

Только что тогда появившаяся рукописная “Исповедь” Толстого произвела на меня впечатление огромное[911] **(43)**. Я смутно почувствовал, что позитивное народничество для меня еще не полная истина **(44)**. Но все-таки намеревался по окончании университета “уйти в народ”, сделаться сельским учителем. Помню, Н.М. Минский **(45)** смеялся, дразнил меня и держал пари, что этого не будет. Он, конечно, выиграл.

---

[908] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «Хотя высокомерным холодком повевало от него, но это мне тоже нравилось: он казался мне недоступным героем, рыцарем без страха и упрека, маркизом Позою» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 15).

[909] Работа Мережковского «Крестьянин во французской литературе. Очерки. I. Бальзак. II. Мишле» была опубликована в «Труде» (1894. № 7; 1895. № 9).

[910] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «Меня и удивило и огорчило, что он не верит в Бога; я только потом понял, что, вопреки своему неверию, он – человек религиозный в высшей степени» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 15 – 16).

[911] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «Я ведь все это и сам переживал, конечно, в соответственно малом виде» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 16).

В “народничестве” моем много было ребяческого, легкомысленного, но все же искреннего, и я рад, оно было в моей жизни и не прошло для меня бесследно **(46)**»[912].

(41) Во время одной из студенческих поездок Мережковского вглубь России в 1887 году были написаны стихотворения «На Волге» и «Кроткий вечер тихо угасает…». В последнем из них прочитываются религиозные поиски поэта: «И порой в безжизненном молчанье, / Как из гроба, веет с высоты / Мне в лицо холодное дыханье / Безграничной, мертвой пустоты…»[913]

(42) Встречу с Василием Кирилловичем Сютаевым (1819 – 1892) Мережковский вспоминает также в трактате «Л. Толстой и Достоевский»: «Еще более хитрую, тонкую усмешку видел я на лице Василия Сютаева, тверского крестьянина, тоже проповедника евангельской бедности, одного из умнейших русских людей, с которым случилось мне однажды беседовать о Л. Толстом, немного времени спустя после того, как Лев Николаевич побывал у него»[914].

(43) Юношеский интерес Мережковского к «Исповеди» Толстого отразился в автобиографической повести в стихах «Вера»: «И встал Сергей и к шкапу подошел. / Из книг он выбрал Исповедь Толстого. / Едва страницы первые прочел, / Он увидал софизмы, произвол... / Но сколько в вас для чувства молодого / Знакомой боли и родной тоски, / Гектографа заветные листки!»[915] Другое поэтическое произведение Мережковского – «Восточный миф» (1888) – целиком восходит к пересказу легенды о жизни Будды в толстовской «Исповеди». Находясь под влиянием народнических взглядов Толстого, Мережковский написал драматическую сказку «Возвращение к природе» (в редакции 1890 года под названием «Сильвио» и подзаголовком «фантастическая драма»), в которой царедворец излагает «преступное ученье»

---

[912] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 112 – 113.
[913] *Мережковский Д.С.* «Кроткий вечер тихо угасает…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 75.
[914] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 74.
[915] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 93.

Клотальдо, очень напоминающее толстовство: «…В деревню он зовет работать с мужиками, / На лоне любящей природы жить; / Чтоб для какого-то неведомого братства / Мы бросили чины, и службу, и богатства, / Чтоб наравне с последним батраком / Мы, графы и князья, навоз в полях возили, / Чтоб фрейлины двора ходили за скотом, / И чтоб – простите мне – коров они доили!..»[916]

(44) Стихотворение «Дон Кихот» (1887), а также статья «Дон Кихот и Санчо Панса» (1889; включена в «Вечные спутники» под названием «Сервантес») помогают проследить эволюцию народнических взглядов Мережковского. В стихотворении герой предстает «святым бойцом» во имя справедливости, братства и любви: «Пойте, братья, гимн победный! / Этот меч несет свободу, / Справедливость и возмездье / Угнетенному народу!»[917] Эти строки написаны под влиянием речи И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» (1860). «В нем (подразумевается Дон Кихот. – *А.Х.*) нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование, – утверждает Тургенев, – оцените это слово! – он верит, верит крепко и без оглядки»[918]. Мережковский почти дословно повторяет: «…И в лице, простом и бледном, / Сколько веры безмятежной!»[919] Далее у Тургенева читаем: «Дон Кихот, мы должны в этом сознаться, положительно смешон. Его фигура едва ли не самая комическая фигура, когда-либо нарисованная поэтом. Его имя стало смешным прозвищем даже в устах русских мужиков»[920]. И с этим поэт не спорит: «Он смешон…»[921] Но по прошествии двух лет позиция Мережковского изменилась до неузнаваемости. «Тургенев… неверно определяет характер… Дон Кихота»[922], – читаем в статье «Дон Кихот и Санчо Панса». Если Тургенев говорил о том, что Гамлет живет «внутри себя», то Мережковский утверждает обратное: про Дон Кихота гораздо

---

[916] *Мережковский Д.С.* Возвращение к природе // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 212.
[917] *Мережковский Д.С.* Дон Кихот // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 123.
[918] *Тургенев И.С.* Гамлет и Дон Кихот // *Тургенев И.С.* ПСС и писем. В 30 т. Соч. Т. 5. М., 1980. С. 332.
[919] *Мережковский Д.С.* Дон Кихот // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 124.
[920] *Тургенев И.С.* Гамлет и Дон Кихот // *Тургенев И.С.* ПСС и писем. В 30 т. Соч. Т. 5. М., 1980. С. 334.
[921] *Мережковский Д.С.* Дон Кихот // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 124.
[922] *Мережковский Д.* Дон Кихот и Санчо Панса // Северный вестник. СПб., 1889. № 9. С. 32.

правильнее было бы сказать, что он весь «внутри себя». Если для Мережковского-поэта высшим благом были любовь и вера, согревавшая душу, то, по мнению Мережковского-критика, «мы слишком превознесли веру, чувство, инстинкты в ущерб разуму, сомнению и науке»[923]. Причина столь резкой перемены – разочарование в прежних идеалах и, как следствие, отход от них. К такому же результату приходит автобиографический герой «Веры»: «…Да, блаженны те, / Кто жизнь проводят в тишине, в заботе / Об урожае, в сельской простоте, / В слиянии с народом и в работе. / Но если верить жизни, не мечте, / Но если дел искать, не грез, – увидишь сразу / В непротивленье злу пустую фразу»[924]. В исследовании «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский выразится более откровенно: «Кто, впрочем, угадает, какие насмешливые и неблагодарные мысли проходят в уме мужика, когда ему помогают господа с особенным удовольствием – ибо люди вообще, а яснополянские мужики в особенности, по природе своей насмешливы и неблагодарны»[925]. Впрочем, сомнения в толстовстве проявились у Мережковского уже в ранней лирике: «Могу я страстно ждать свободы, / Могу любить я все народы, / Но людям нужно от меня, / Чтобы в толпе их беспредельной / Под небом пасмурного дня / Любил я каждого отдельно…»[926]; «И хочу, но не в силах любить я людей: / Я чужой среди них…»[927]; «Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу: / Я слишком слаб; в душе – ни веры, ни огня…»[928]

(45) С поэтом Николаем Максимовичем Минским (1856 – 1937) Мережковский сблизился в студенческие годы. «По рассказам Д. еще на Кавказе, – вспоминает Гиппиус, – я знала уже почти всех его наиболее близких знакомых. Немало говорил он мне про Минского: “Он в тебя непременно влюбится, вот увидишь.

---

[923] Там же. С. 40.
[924] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 93.
[925] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 76.
[926] *Мережковский Д.С.* «Порой, как образ Прометея…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 11.
[927] *Мережковский Д.С.* «И хочу, но не в силах любить я людей…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 11.
[928] *Мережковский Д.С.* «Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 12.

Его прозвали “Вилочкой”, потому что его фамилия Виленкин, а Минский – псевдоним”»[929]. В одном из шуточных юношеских стихотворений Мережковский рисует Минского «с пасмурным челом» и «разочарованного во всем»[930]. Похожий образ создается в стихотворной повести «Вера»: «В своих глазах он был почти велик. / Не понимал Сережа в этот миг, / Что пессимизм дешевый и банальный, / Всю эту грусть он взял из модных книг, / Из фельетонов да статьи журнальной, / Что свой красивый, мрачный идеал / Он у поэта Минского украл»[931].

После окончания университета Мережковский вместе с Минским отправился в путешествие. Вскоре спутники расстались, но из Одессы Мережковский написал другу: «Ровно ничего я не могу вам описывать, ибо описывать – дерзость и глупость. Я могу только повторять в сладком безумье – море, море!..»[932] (ср. со словами из очерка Мережковского «Акрополь»: «Впечатление от моря несравнимо ни с чем и всегда ново. Нельзя налюбоваться изменчивостью и постоянством “свободной стихии”. Каждое мгновение она принимает новые оттенки, у нее нет мертвенной неподвижности гор: она живет. И, вместе с тем, от первого дня творения и до последнего, море остается таким, как было – оно неизменно»[933]). Любопытно, что похожие чувства испытывает Сергей Забелин – автобиографический персонаж Мережковского, тоже отправившийся на юг: «Зато герой наш сердцем отдохнул, / Когда из душного вагона вышел, / Еще на даль морскую не взглянул / И лишь, смутясь, издалека услышал, / Какой-то грозный, непонятный гул, / И вдруг подумал: “море!” – и, сверкая, / Пред ним открылась бездна голубая...»[934] Спустя годы Минский станет прототипом Когена в пьесе «Маков цвет» (1907), написанной Мережковским в соавторстве с Гиппиус и Д.В. Философовым. Что касается творческого наследия Минского, то отношение к нему Мережковского

[929] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 42.
[930] *Мережковский Д.С.* Ода Аларчину мосту // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 655.
[931] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 91.
[932] РО ИРЛИ. Ф. 39. № 279. Л. 1 об.
[933] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 10.
[934] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 99.

выражено в работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»: «Минский – поэт мысли и – как ни странно сочетание этих двух слов, оно вполне возможно в новой литературе – поэт-критик»[935].

(46) Несмотря на отход от былых идеалов, Мережковский всегда сочувственно отзывался о народническом движении: «Прежде чем я перейду к поколению современных русских писателей-идеалистов, я должен сказать несколько слов о другом могущественном литературном течении, также вполне современном, имеющем огромную будущность, которому лишь по недоразумению большинство наших критиков придает такой резкий, утилитарный и реалистический характер. В сущности это течение очень близко к идеализму. Я разумею *народничество*»[936]. Нельзя забывать и о том, что отход Мережковского от народничества в конце 1880-х годов не был окончательным. Тяга к простым людям (в особенности – раскольникам и сектантам) дала о себе знать (хоть и в другой форме) во время подготовки к написанию последней части трилогии «Христос и Антихрист». О вере в силу религиозного сознания «простых мужиков и баб» говорят слова Мережковского из статьи «Революция и религия» (1907): «Все, с чем шли мы к ним из глубины всемирной культуры, от Эсхила до Леонардо, от Платона до Ницше, было для них самое нужное не только в идеальном, но и в жизненном смысле, – нужное для первой нужды, для “земли и воли”, ибо “вся воля” над “всею землею” есть для народа “новое небо над новою землею”»[937].

«Почти в это же самое время, под влиянием Достоевского, а также иностранной литературы, Бодлэра **(47)** и Эдгара Поэ **(48)**, начиналось мое увлечение не декадентством, а символизмом (я и тогда уже понимал их различие) **(49)**. Сборник стихотворений, изданный в самом начале 90-х годов, я озаглавил “Символы”. Кажется, я раньше всех в русской литературе употребил

---

[935] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 263.
[936] Там же. С. 231.
[937] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 89.

это слово. “Какие символы? Что значит: символы?” – спрашивали меня с недоумением **(50)**»[938].

(47) Увлечение Мережковского творчеством Шарля Бодлера воплотилось в ППСС-2 тремя поэтическими переводами: «Осень» (1884), «Голубка моя…» (1885), «Альбатрос» (1885). В поэме «Конец века» (1891) Бодлер назван в числе родоначальников «нового искусства»: «…Зловещей прелестью, как древняя Медуза, / Веселых парижан пугала эта муза. / Зато ее речей неотразимый яд, / Зато ее цветов смертельный аромат / Надолго отравил больное поколенье. / Толпа мечтателей признала в опьяненье / Тебя вождем, Бодлэр... Романтиков былых / Отвага буйная напоминала в них...»[939] Наконец, в драматических сценах Мережковского «Гроза прошла» (1893) комната в мастерской скульптора Арсения Палицына характеризуется «фантастическим убранством в стиле Бодлера и Эдгара По»[940]. Из невошедшего в ППСС-2 следует упомянуть перевод третьего стихотворения из сборника «Цветы зла» – «Сплин» (1892), а также двенадцати из пятидесяти «Стихотворений в прозе» Бодлера (единственная известная прижизненная публикация– в № 10 журнала «Изящная литература» за 1884 год), в предисловии Мережковского к которым читаем: «Шарль Бодлер – один из выдающихся представителей современной французской поэзии. У нас в России его произведения пользуются сравнительно небольшой известностью. Для предлагаемого перевода я воспользовался лучшими пьесами из IV тома собрания его сочинений, озаглавленного “Petits poèmes en prose”, то есть “Стихотворения в прозе”. Помимо изящества формы и новизны содержания, эти “стихотворения” имеют для русского читателя еще тот специальный интерес, что в них можно найти если не образец для известных очерков И.С. Тургенева под тем же названием, то по крайней мере явление вполне однородное. Несмотря на то, что у нас

[938] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 113.
[939] *Мережковский Д.С.* Конец века // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 256 – 257.
[940] *Мережковский Д.С.* Гроза прошла // *Мережковский Д.С.* Драматургия. Томск, 2000. С. 181.

привыкли приписывать Тургеневу изобретение этой своеобразной высоко художественной формы, справедливость заставляет возвратить честь этого открытия талантливому французскому поэту, так как “Petits poèmes en prose” Ш. Бодлера были написаны значительно раньше, чем “Стихотворения в прозе” Тургенева. Но во всяком случае то обстоятельство, что два писателя с такими глубоко различными направлениями творчества, как Тургенев и Бодлер, встретились в выборе одного и того же литературного приема, до них не употреблявшегося, может послужить доказательством, что он имеет за собою будущность.

Мне остается прибавить, что язык Бодлера благодаря сжатости, силе и смелости нелегко поддается переводу, и поэтому я счел бы свою задачу вполне исполненной, если бы оказалось, что мне удалось передать хотя незначительную долю красоты подлинника»[941].

(48) Впервые Мережковский прочитал произведения Эдгара По в студенческие времена. Из его письма к Надсону от 27 января 1884 года узнаем: «Я начал знакомиться с одним весьма оригинальным и замечательным американским писателем – Эдгар По. Аристократ, пьяница, поэт, философ – все это совмещалось в этой поразительной личности. Его произведения – это какой-то совсем новый, неведомый мир, точно с другой планеты, дышащий между тем такою правдой, таким совершенным реализмом в мельчайших подробностях, что при чтении начинаешь верить этому бреду сумасшедшего, как какой-нибудь неопровержимой математической формуле»[942]. Через несколько лет писатель перевел на русский язык поэму По «Ворон» (1890) и его же новеллу «Лигейя» (1893). Немаловажно отметить, что глава «Новое искусство» в поэме Мережковского «Конец века» открывается образом По: «Певец Америки, таинственный и нежный, / С тех пор, как прокричал твой Ворон безнадежный / Однажды полночью унылой: “nevermore!” / Тот крик не умолкал в твоей

[941] Цит. по: Дафнис и Хлоя. Итальянские новеллы. Шарль Бодлер. Избранные стихотворения: Переводы Дмитрия Мережковского. М., 2010. С. 309.
[942] *Мережковский Д.С.* Письма к С.Я. Надсону // Новое лит. обозрение. М., 1994. № 8. С. 189.

душе; с тех пор / За Вороном твоим, за вестником печали / Поэты “nevermore”, как эхо, повторяли…»[943]

(49) В поздние годы Мережковский старательно дистанцируется от декадентства, которому, несмотря ни на что, отдал дань. Не случайно Брюсов, говоря о непоследовательности писателя, напоминал: «В “Новых Стихотворениях” (1895 г.[944]) он – декадент, эстет, бодлерианец, поклонник Эдгара По, проповедник греха»[945]. При этом показательно, что сам Мережковский в «Автобиографической заметке» о выходе названного поэтического сборника «забывает». Однако за несколько лет до этого еще молодой Брюсов заносит в дневник: «Все начали читать “Символы”. Теперь я – декадент»[946].

Мережковский вслед за Волынским исходил из разделения современного ему искусства на декадентство и символизм. «…Декадентство, – писал критик, соглашаясь с мнением Л. Денисова (один из псевдонимов З.Н. Гиппиус[947]), – диаметрально противоположно символизму, хотя в современной европейской литературе оба явления обозначались в один и тот же исторический момент: первое – как протест против старых философских воззрений, второе – как творческая переработка художественных впечатлений в новом свете»[948]. В письме 1900 года к П.П. Перцову, задумавшему переиздать сборник «Молодая поэзия» (замысел так и не удалось осуществить), Мережковский советовал изменить концепцию книги, в частности, предлагал четвертый раздел, куда должен были войти, по замыслу составителя, он сам и Минский, назвать в противоположность декадентам символистами и в предисловии раз навсегда объяснить «русской публике, что отличает

---

[943] *Мережковский Д.С.* Конец века // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 256.
[944] Указанный сборник, вопреки словам Брюсова, датируется 1896 годом.
[945] *Брюсов В.* Д.С. Мережковский как поэт // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 297.
[946] *Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 29.
[947] См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. Т. 4. М., 1960. С. 311.
[948] *Волынский А.* Литературные заметки // Северный вестник. СПб., 1896. № 12. С. 251 – 252.

декадентов (упадок) от символистов (возрождение)»[949]. К группе символистов Мережковский заботливо причислил З.Н. Гиппиус и с оговоркой «может быть» – Ф.К. Сологуба. Но если сначала писатель под декадентством подразумевал только протест против грубого материализма и натурализма в искусстве, то впоследствии этот ярлык стал навешиваться на все, от чего так или иначе веяло индивидуализмом, эстетизмом, а главное – религиозной бессодержательностью. «Вообще, – пишет он Белому в 1904 году, – в последнее время мы все больше чувствуем, что совершается разделение, меч ложится между нами и “декадентством”. Мы ближе к либералам, демократам (“идеалистам”). Они гораздо искреннее и глубже задеты религией, чем декаденты. Тут какие-то старые мосты ломаются, а новые мосты строятся»[950].

(50) В 1892 году А.С. Суворин издал второй поэтический сборник Мережковского «Символы». «Наконец книга вышла… – Сообщает автор. – Сегодня в понедельник вдруг – *объявление* на первой странице среди других книг: Д. Мер<еж>ков<ский> – *«Символье»* (!!!) Что это значит? Я озаглавил книгу *«Символы»* (Песни и Поэмы). И вместо этого Символье – что-то похожее на *Воронье*»[951]. Между тем непривычное для той литературной эпохи название сборника стало созвучным новому художественному направлению в России.

Вопросом о том, что такое символ, Мережковский специально задается в работе «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», но не дает строгого определения. Следуя за мыслью писателя, мы можем определить семантический ореол этого понятия, попытаться воссоздать тот набор смыслов, которые имел в виду автор: символы «должны естественно

---

[949] Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. № 3. С. 141.

[950] «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный…»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 152.

[951] НИОР РГБ. Ф. 331. К. 51. Ед. хр. 58. Л. 13 об. См. также: Письма Д.С. Мережковского к А.П. Чехову / Подгот. текста и коммент. А.М. Долотовой // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 265; *Кумпан К.А.* Примечания // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 804; *Kling O. Правда небесная* и *правда земная* в *Вишневом саде*: Чехов и русские символисты // Anton P. Čechov – der Dramatiker: Drittes internationales Čechov-Symposium Badenweiler im Oktober 2004. München; Berlin; Washington, D.C., 2012. S. 90.

и невольно выливаться из глубины действительности»[952], выражать «безграничную сторону мысли»[953]; содержание символов в основе своей религиозно, при этом ими могут быть характеры (Санчо Панса и Фауст, Дон Кихот и Гамлет, Дон Жуан и Фальстаф). Некоторые из этих значений были указаны Мережковским в ранних статьях о Кальдероне и Сервантесе, которые затем вошли в сборник «Вечные спутники»: «*Символы* – это философский и художественный язык католицизма. Таинства религии открываются верующим в символах. Из них состоит богослужение, они украшают церковь и служат материалом для религиозного искусства»[954]; «…все религии, вся поэзия, все искусство народов является только рядом символов»[955]; «Есть идеи, образы, великие для этой эпохи, когда они родились, но мало-помалу теряющие свою жизненность, подверженные дряхлости и умиранию; они засыпаются наслоениями последующих цивилизаций и исчезают в них, как развалины древних городов в недрах земли. Есть другие образы, жизнь которых связана с жизнью всего человечества; они поднимаются и растут вместе с ним – это не мертвые развалины, а вечно живые деревья, которые растут вместе с уровнем земли. Прометей, Дон Жуан, Фауст, Гамлет – образы эти сделались частью человеческого духа, с ним они живут и умрут только с ним. Дон Кихот принадлежит к таким спутникам человечества. Исчерпать его содержание невозможно, потому что он еще не закончен, он еще развивается вместе с нами, и уловить его нельзя, как собственную тень. В этом гениальном образе таится зародыш единственно возможного на земле бессмертия – бессмертия великой идеи»[956].

---

[952] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 216.
[953] Там же. С. 217.
[954] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 85.
[955] Там же. С. 100.
[956] Там же. С. 106 – 107.

«По окончании университета я уехал летом на Кавказ, встретился там случайно в Боржоме с З.Н. Гиппиус, очень скоро сделал ей предложение[957], в ту же зиму, в Тифлисе, женился на ней и вернулся с нею в Петербург **(51)**»[958].

(51) История любви поместилась у Мережковского в одном предложении. Между тем эта важная страница его биографии заслуживает отдельного рассмотрения, тем более что в браке с Зинаидой Николаевной Гиппиус (1869 – 1945) писатель прожил 52 года и эта часть жизни отразилась не только *на*, но и *в* творчестве.

Знакомство будущих супругов состоялось в Боржоме на одном из танцевальных вечеров. Автобиографический герой Мережковского из повести в стихах «Вера» проделывает тот же путь: «…Сергей тотчас / Собрался и поехал на Кавказ»[959]; «Сергей на тройке мчится; вот Боржом; / Как с братом брат, обнялся с Югом нежным / Здесь наш родимый Север, и в одном / Они слились лобзанье безмятежном»[960]; «Однажды на таком балу, случайно, / Сергей увидел девушку. Она / Была блондинка, высока, стройна...»[961] Любопытно, что характеристика, данная автором Сергею Забелину («Сергей был некрасив, и худ, и мал»[962]; «…Но Веру – героиню звали Верой – / Пленял порою мысли чудный свет / В его очах, среди живых бесед. / Дышала в нем та внутренняя сила, / Что больше красоты она ценила»[963]) очень напоминает первое впечатление Гиппиус от Мережковского: «…я увидела мою мать и рядом с ней – худенького молодого человека, небольшого роста, с каштановой бородкой. Он что-то живо говорил маме, она улыбалась. Я поняла, что это Мережковский»[964]; «…среди нас Д.С. был центром. Но отнюдь не был он тем,

---

[957] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «…хотя она в это время была влюблена в другого…» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 17 – 18).
[958] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 113.
[959] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 99.
[960] Там же. С. 103.
[961] Там же. С. 105.
[962] Там же. С. 109.
[963] Там же.
[964] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 24.

кого называют “душой общества”. Никого он не “занимал”, не “развлекал”: он просто говорил весело, живо, интересно – об интересном. Это останавливало даже тех, кто ничем интересным не интересовался»[965]. Тогда же в Боржоме (согласно помете к первой журнальной публикации) Мережковский написал два стихотворения, иногда объединяемых в цикл: «Кой-где листы склонила вниз…» и «В темных росистых ветвях…».

В воскресенье, в два часа дня, 8 января 1889 года в храме Архангела Михаила в Тифлисе Мережковский и Гиппиус обвенчались и уже 10-го числа отправились в Петербург. Отношения молодоженов были далеки от идиллии: «Мы с Д.С. так же разнились по натуре, как различны были наши биографии до начала нашей совместной жизни. Ничего не было более различного, и внешне, и внутренне, как детство и первая юность его – и мои»[966]. Слова Гиппиус подтверждают стихотворения Мережковского, свидетельствующие о психологических трудностях первых лет совместной жизни: «Мы в одной долине о любви мечтали…» (1889), «Любовь-вражда» (1892), «Одиночество в любви» (1892) и др. – а также сцена из поэмы «Семейная идиллия» (1891): «“Не хочешь ли гулять?” – мне говорит жена. – / “Я занят, не мешай!” – и мы не в духе оба... / Хандра, расстройство нерв... Из этих пустяков / Выходит глупый спор: предлог уже готов; / В душе – холодная, мучительная злоба»[967]. Со временем отношения налаживаются, и в одном из стихотворений 1894 года, обращенном к Гиппиус, Мережковский признается: «Но как порой любовь ни проклинаю – / И жизнь, и смерть с тобой я разделяю. / Не знаешь ты, как я тебя люблю, / Быть может, я и сам еще не знаю. // Но слов не надо: сердце так полно, / Что можем только тихими слезами / Мы выплакать, что людям не дано / Ни рассказать, ни облегчить словами»[968].

Первое, что делает Мережковский для Гиппиус, – вводит ее в столичные литературные круги: «Куда только не возил меня Д.С., кого только не

---

[965] Там же. С. 26.
[966] Там же. С. 39.
[967] *Мережковский Д.С.* Семейная идиллия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 196.
[968] *Мережковский Д.С.* Признание // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 484 – 485.

показывал! Очень было интересно, только очень уж много разнообразных кругов»[969]. Примечательно впечатление, которое осталось у Ю.И. Фаусек[970] от встреч с Мережковскими в доме Давыдовых и Плещеева: «У Давыдовых я встречала молодую чету Мережковских (встречала их также и у Плещеева). Мережковский в то время только что женился на Зинаиде Ник<олаевне> Гиппиус. Оба они были тогда очень молоды и, надо отдать им справедливость, были большие кривляки, особенно Зиночка. Алекс<ей> Ник<олаевич> Плещеев, – очень простой и добрый человек, относился к ней, как к балованной девочке, но не очень-то восхищался ее кривлянием. Как сейчас помню ее первый визит к Плещееву: она была в коротенькой юбочке, белой матросской блузке, в высоких польских сапожках, с двумя довольно длинными, но тонкими светло-русыми косами с красными бантиками. “Вот моя Зина”, отрекомендовал ее Алекс<ею> Николаевичу “Митенька”, как тогда называли Дм.С. Мережковского. Зиночка кокетливо вздернула головкой, хлопнула Митеньку по руке и громко сказала так, чтобы все слышали: “я не твоя собственность и принадлежу только самой себе” и протянула руку Ал<ексею> Ник<олаевичу>. “Зина, Зина, ведь ты же моя”, завопил Митенька. “Не твоя и не твоя – я принадлежу миру”, возразила Зина. – “Пойдемте, милая мировая пташка, чай пить”, сказал Ал<ексей> Ник<олаевич> и повел ее к чайному столу. За столом почти все время было занято рассказами Митеньки о Зине, о разных ее необычайных качествах и поступках, вроде того, что она во сне сочиняет стихи и декламирует их, не просыпаясь, с закрытыми глазами, а Митенька их записывает. “Дневная суета мешает ее вдохновению”, говорил он. У Давыдовых играл роль больше Митенька, чем Зиночка. Он тогда выпустил свой первый сборник стихотворений, который пользовался известностью, и постоянно декламировал свои стихи, Зиночка же как-то терялась среди массы

[969] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 44.
[970] Ю.И. Фаусек, урожд. (1863 – 1942) – педагог, ученый; с 1888 г. – жена В.А. Фаусека (1861 – 1910) – профессора зоологии, энтомолога.

разнообразного народа, собиравшегося у Давыдовых»[971]. Воспоминания Фаусек тем интереснее, что представляют наблюдения человека, не принадлежащего к писательскому «сословию», а значит – не выражающего кружковые интересы. Но главное – они высвечивают стремление Гиппиус к внешней независимости от собственного мужа.

В творческом плане одной из особенностей этого союза было то, что Гиппиус, как правило, высказывала какую-нибудь идею раньше, чем она же возникала у Мережковского: «В большинстве случаев он ее тотчас же подхватывал (так как она, в сущности, была его же), и у него она уже делалась сразу *махровее,* принимала как бы тело…»[972] Роль Гиппиус этим ограничивалась, и далее она уже следовала за мужем: «По совести должна сказать, что никогда не отрицала я влияния Мережковского на меня уж потому, что сознательно шла этому влиянию навстречу, – но совершенно так же, как он шел навстречу моему. Из этой встречности нередко рождалось новое, мысль или понимание, которые уже не принадлежали ни ему, ни мне, может быть, – “нам”»[973]. Под именем Мережковского было опубликовано несколько произведений Гиппиус[974]: «Все против всех», «Декадентство и общественность», «Никогда!», «Первенцы свободы», «Пруд», «Смотрю на море жадными очами…», «Снежные хлопья». Мемуарист утверждает, что Мережковские были созданы друг для друга: «Но не в том смысле, в каком это обычно принято понимать, то есть – не в смысле романтическом. Сравнивать их с Филемоном и Бавкидой, Дафнисом и Хлоей или с Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной можно лишь по наивности или незнанию»[975].

Между супругами были преимущественно платонические отношения. В 1893 году Гиппиус записывает в дневнике: «Я люблю Дмитрия Сергеевича, его

---

[971] ОР РНБ. Ф. 807. Ед. хр. 3. Тетрадь № 15. Л. 105 – 107.
[972] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 41.
[973] *Гиппиус З.Н.* Автобиографическая заметка // Русская литература XX века (1890 – 1910). В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С. 174.
[974] См.: *Гехтман М.В.* Библиография прижизненных изданий и публикаций З.Н. Гиппиус. М., 2007. С. 153.
[975] *Злобин В.А.* Тяжелая душа // *Злобин В.А.* Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М., 2004. С. 296.

одного. И он меня любит, но как любят здоровье и жизнь»[976]. Мережковские не имели детей, однако их «жизнетворческий» союз был очень плодотворным и, безусловно, спасительным: «…он их спас обоих от впадения в ничтожество, от небытия метафизического»[977]. Традиционные отношения в этом браке были нарушены: «…руководящая, мужская роль принадлежит не ему, а ей. Она очень женственна, он – мужествен, но в плане творческом, метафизическом роли перевернуты. Оплодотворяет она, вынашивает, рожает он. Она – семя, он – почва, из всех черноземов плодороднейший. В этом, и только в этом смысле он – явление исключительное, небывалое, единственное. Его производительная способность феноменальна»[978]. Развитое женское начало в Мережковском и мужское – в Гиппиус угадал М. Горький, назвав его в одном из писем «Дмитрием Мережковской», а его жену – «Зинаидой Гиппиусом»[979]. Их отношения словно списаны с романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?»[980]. Мережковский явно напоминает Лопухова, а Гиппиус – Веру Павловну. Эмансипированность Гиппиус проявлялась и в том, что она «позировала на женщину роковую и на какое-то “воплощение греха” и была не прочь, чтоб ореол сугубой греховности горел вокруг ее чела. Да и Дмитрий Сергеевич не только терпел то, что в другом супружестве могло создать весьма натянутые отношения, но точно поощрял в жене те ее “странности”, которые могли оправдать прозвище “белой дьяволицы”, данное ей чуть ли не им же самим. Ходил даже анекдот, будто, войдя как-то без предупреждения в комнату жены и застав ее в особо оживленной беседе с Волынским, он отпрянул и воскликнул: “Зина! Хоть бы ты запирала дверь!”»[981].

---

[976] *Гиппиус З.* Contes d’amour. Дневник любовных историй (1893 – 1904) // *Гиппиус З.* Дневники. В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 41.
[977] *Злобин В.А.* Тяжелая душа // *Злобин В.А.* Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М., 2004. С. 298.
[978] Там же.
[979] Цит. по: Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 330.
[980] См. главу «Брак Гиппиус и “Что делать?”» в монографии: *Матич О.* Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России. М., 2008.
[981] *Бенуа А.* Мои воспоминания. В 5 кн. М., 1980. Кн. 4. С. 49.

Все эти биографические факты (вперемешку с анекдотами) были бы не столь важны, если бы не получали преломление в творчестве Мережковского. Приведем наиболее очевидные примеры. «Никто не удивлялся и тому, – читаем в “Александре I”, – что у мужа Марьи Антоновны, Дмитрия Львовича Нарышкина, две должности: явная – обер-гофмейстера и тайная – “снисходительного мужа” или, как шутники говорили, “великого мастера масонской ложи рогоносцев”»[982]. Интерес к андрогинности проглядывает в словах Валерьяна Голицына о г-же Татариновой: «Никогда я не видывал у женщины таких мужских глаз; и это мужское в женском весьма привлекательно»[983]. В том же романе платонические отношения превозносятся над плотскими. Показателен разговор Н.М. Рылеевой с Пестелем: «– Избаловали сестриц? – Что поделаешь? Они у меня такие красавицы, умницы. Особенно старшая. Мы с нею друзья с детства. Меня вот все в полку женить хотят. А по мне, добрая сестра лучше жены… – Ну, вл`юбитесь – жѐнитесь. – Да я уж влюблен. – В кого? – Да в нее же, в сестру. – Ну, что вы, Бог с вами! Разве можно?... – Еще как! – улыбнулся Пестель, и опять лицо его помолодело, похорошело»[984]. В том же духе Елизавета Алексеевна говорит об Александре I: «Всегда, будто бы, казалось ему, что мы – брат и сестра, близнецы духовные, и между нами плотская любовь – кровосмешение…»[985] Мысль о том, что император «любил свою жену, как брат»[986], повторяется в статье Мережковского «Елизавета Алексеевна» (1909).

«В дальнейшем буду краток, потому что пишу не воспоминания, а только автобиографическую заметку и не имею ни желания, ни возможности излагать подробнее внутренний ход моего развития, который считаю и доныне еще незаконченным.

---

[982] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 161.
[983] Там же. Т. 7. С. 120.
[984] Там же. С. 16.
[985] Там же. С. 192.
[986] *Мережковский Д.С.* Елизавета Алексеевна // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 128.

Весной того же года умерла моя мать. Смерть матери, болезнь жены и некоторые другие тяжелые обстоятельства моей личной жизни были причиной того религиозного переворота, который я пережил **(52)**. Часто обвиняют меня в “схематичности”, “книжности” моих религиозных мыслей. Это неверно или, может быть, происходит от слабости моего литературного дарования.

Могу сказать по совести: все, что я говорю и думаю по вопросам религиозным, идет не от книг, не от чужих мыслей, а от моей собственной жизни, – все это я пережил»[987].

(52) «Вспоминая потом часто о смерти матери Д.С., – пишет Гиппиус, – странная мысль о какой-то уже нездешней о нем заботе приходила ко мне: как бы он это пережил, вдруг оставшись *совершенно один*, т.е. если бы, благодаря фантастическому сцеплению случайностей, не встретил ни меня, ни кого другого, кого мог бы любить и кто любил бы его. Я не могла заменить ему матери (никто не может, мать у каждого только одна), но все же он не остался один»[988]. В художественном творчестве Мережковский воспел мать, посвятив ей заключительные строки поэмы «Старинные октавы»: «Великого обета не нарушу: / О, мама, скоро я к тебе приду! / Как погибающий пловец – на сушу, / Стремлюсь к тебе и радуюсь, и жду: / Душа обнимет родственную душу, / В твоих чертах любимых я найду, – / Как разрешишь ты все земные узы, – / Черты моей богини, вечной Музы»[989]. Что касается болезни жены, то о ней также осталось свидетельство Гиппиус: «Лето в Дубровицах мне памятно по моей болезни. У меня внезапно сделалась такая головная боль, что я несколько дней ничего не слышала, кроме моего же крика, и ничего не понимала. Вызванный из Москвы доктор (тот же, который до Крыма лечил меня от туберкулеза) определил воспаление мозга и сказал, что надежды нет. Мама только перекрестилась, а Д.С., кажется, не поверил, хотя совершенно потерял

---

[987] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 113 – 114.
[988] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 46.
[989] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 72.

голову»[990]. Этот эпизод, относящийся к лету 1890 года, преломился в «Семейной идиллии»: «Я чувствовал, что смерть подходит к изголовью / Любимой женщины... Со всей моей любовью / Я был беспомощен и жалок, как дитя»[991].

Как видно, религиозные искания Мережковского неотделимы от решения им вопроса о возможности преодоления смерти. «Чрезмерный страх смерти, – читаем в исследовании “Л. Толстой и Достоевский”, – почти всегда служит показателем религиозного бессилия и религиозной бездарности»[992]. Вслед за этими словами писатель обращается к фрагменту повести Толстого «Детство», в котором описываются впечатления ребенка от смерти матери. Однако впервые вопрос о путях преодоления страха смерти с особой остротой встает в сборнике «Символы», который открывается стихотворением «Бог», опубликованным в переломном 1890 году и набранным курсивом в качестве эпиграфа, определяющего основную тему всей книги: «*…Хочу, чтоб жизнь моя была / Тебе немолчная хвала…*»[993] В результате мучительных раздумий Мережковский приходит к своему решению проблемы: человек способен победить смерть, если познает Бога через любовь. Подтверждением тому служит переложение средневековой легенды «Имогена» (1889). Сюжет прост. Чтобы жениться на дочери барона, бедный оруженосец должен пройти через родительское испытание, но не один, а вместе с возлюбленной: «Ты возьмешь ее на плечи, / По скалам и по стремнине / Ты пойдешь с бесценной ношей / Ко кресту на той вершине. / Путь не легок: поскользнешься – / Смерть обоим... Если ж с нею / До креста дойдешь, – навеки / Будет дочь моя твоею»[994]. Герой достигает цели. Бледный, он падает с драгоценной ношей у подножия креста, и раздается победный крик: «“Ты моя, моя навеки!” / “Поскорей разнять их!” – грозно / Закричал барон... Со свитой / Он примчался – было поздно... /

---

[990] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 49 – 50.
[991] *Мережковский Д.С.* Семейная идиллия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 195.
[992] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 42.
[993] *Мережковский Д.С.* Бог // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 6.
[994] *Мережковский Д.С.* Имогена // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 180.

Слишком крепко Имогена / Обвила его руками... / На лице – покой и счастье, / И уста слились с устами. / “Что ж вы медлите? скорее / Разлучить их!” Но стояли / Все, поникнув головою, / Полны страха и печали. / Лишь один ответил робко: / “Никакая власть и сила / Разделить, барон, не может / То, что смерть соединила”»[995]. Такова авторская философия. «Антонио, – говорит героиня одной из итальянских новелл Мережковского, – благословенна да будет смерть, которая научила нас любить, благословенна да будет любовь, которая сильнее смерти!»[996] По всей вероятности, писатель, подобно своему герою из «Железного кольца» (1897), «прочел в комментариях к божественному Платону, что и грешному человеку порою достаточно бывает одного мгновения высшего блаженства, чтобы темная душа его очистилась и соединилась с Богом»[997]. К началу 1890-х годов Мережковский не сомневался: «Или Смерть, или Бог – нет другого исхода – или верить в Смерть, или верить в Бога»[998].

«В первом сборнике критических статей “О причинах упадка и о новых течениях русской литературы” я пытался объяснить учение символизма не столько со стороны эстетической, сколько религиозной **(53)**»[999].

(53) 26 октября 1892 года Мережковский выступил в Русском литературном обществе с лекцией «О причинах упадка русской литературы». Выступление повторилось 8 декабря, а 15-го числа того же месяца писатель прочел вторую часть доклада – «О новых течениях современной русской литературы». Тексты лекций легли в основу брошюры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», вышедшей в январе 1893 года. Работа Мережковского считается первым «манифестом» русского символизма. Принимая такое определение, уместно рассматривать ее в контексте сборника

---

[995] Там же. С. 181 – 182.
[996] *Мережковский Д.С.* Любовь сильнее смерти // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 19. С. 23.
[997] *Мережковский Д.С.* Железное кольцо. Новелла XV века // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 19. С. 51.
[998] *Мережковский Д.С.* Записная книжка 1891 г. // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 343.
[999] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 114.

«Символы». Так теоретические суждения могут быть подкреплены их творческим воплощением. По всей вероятности, именно к этому стремился писатель. Недаром он говорил: «Критики – всегда враги, поэты – всегда друзья, и стремятся разными путями к одной цели»[1000].

Мережковский настаивал на религиозном содержании символа. Литература, в свою очередь, понималась им как «своего рода церковь»[1001]. В первой половине 1890-х годов в сознании писателя причудливо сочетались, с одной стороны, установка на интуитивно-эмоциональное познание действительности, мечты о новом идеализме, а с другой – еще не укрепившаяся религиозность, поиск божественного идеала (как в язычестве, так и в христианстве). Для Мережковского существовали три равнозначные величины: культура, культ, религия. Не случайно он долго колебался с названием второго сборника стихотворений. Первоначальный вариант «Неведомому Богу» в декабре 1891 года был заменен на «Вечные волны». И только в начале 1892-го появляется окончательный заголовок – «Символы»[1002]. При этом каждый вариант был значим для Мережковского и не потерялся в бумагах. Первый встречается в эпиграфе к сборнику: «...И став Павел среди Ареопага, сказал: “мужи Афиняне, по всему вижу, что вы благочестивы.

Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором написано: **Неведомому Богу.** Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам”»[1003]. Второй, немного изменившись, переходит в название сборника критических статей «Вечные спутники», на страницах которого автор обращается к религиозно-мистической сущности искусства (культуры).

«В эти годы я много путешествовал. Долго жил в Италии, в Риме, во Флоренции, а также в Таормине, в Сицилии; побывал в Афинах и в

[1000] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 78.
[1001] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 181.
[1002] *Кумпан К.А.* Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 52 – 53.
[1003] *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 4.

Константинополе **(54)**. Тогда же издал второй сборник критических статей “Вечные спутники” **(55)**. Переводил античные трагедии **(56)**»[1004].

(54) Заграничные путешествия были неотъемлемой частью жизни Мережковского. «Не знаю, как другие, – писал он еще в гимназическом сочинении за пятый класс, – но я нахожу в путешествии какую-то оригинальную, совершенно-своеобразную прелесть и поэзию. Когда я смотрю на паровоз, который с головокружительной быстротой исчезает в далеком, таинственном тумане, когда я слежу взором за кораблем, который торжественно и величаво удаляется в лазурную даль вод, – я невольно забываюсь и мчусь за ними прилежной думой»[1005]. Некоторые заграничные поездки были связаны с этапами духовной эволюции писателя. Однако «внешней» причиной зачастую становилось слабое здоровье Гиппиус. У нее был хронический плеврит. А поскольку самым страшным бичом Петербурга в то время оставался туберкулез (до 20 % умерших), смена климата была жизненно необходима. Дал о себе знать и другой, не менее значимый импульс, – любовь Мережковского к странствиям: «Я вполне живу, только когда путешествую. Здесь я совсем не тот; в П<етербурге> если и хорошая погода, я как-то не верю ей. И небо голубое, а мне оно кажется каким-то поддельным, точно эмалированным»[1006]. Житейские причины дополнялись творческими. Мережковский стремился непременно побывать в местах, где разворачивалось действие его произведений, «видеть и ощущать тот воздух и ту природу»[1007]. Однажды историк А.В. Половцов полюбопытствовал у писателя, как идет сбор материалов для романа о Леонардо. «Я постепенно собираю, – ответил Мережковский, – но совсем не спеша… Для собирания материалов я побываю во Флоренции, Милане… наконец в Париже, в Лувре, где масса его (Леонардо.

[1004] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 114.
[1005] РО ИРЛИ. № 24. 360 (б). Л. 11 – 11 об.
[1006] Цит. по: *Соболев А.Л.* Д.С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 37.
[1007] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 55.

– *А.Х.*) произведений, особенно рисунков. Но писать в Италии я не буду ни одной строчки: это совершенно невозможно»[1008]. Он считал, что обстановка должна противодействовать творчеству, не иметь с ним ничего общего: «Это довольно трудно объяснить, но это так. Вы можете воскресить в вас самих древний мир, быт, вообще исторический момент, настроение только – если снаружи не получаете никаких в чем-нибудь совпадающих с этими настроениями впечатлений. Так в Италии новейшие наслоения, смешивающиеся с остатком прежнего, были бы постоянною помехою»[1009]. Читая некоторые страницы романа о Леонардо да Винчи, кажется, что автор делится впечатлениями от собственных поездок: «Жители Монте-Альбано рассказывали об одной особенности тех мест, нигде более не встречающейся, – белой окраске многих растений и животных: тот, кто не видел собственными глазами, не поверил бы этим рассказам; но путнику, бродившему по альбанским рощам и лугам, хорошо известно, что в самом деле попадаются там нередко белые фиалки, белая земляника, белые воробьи и даже в гнездах черных дроздов – белые птенчики. Вот почему, – уверяют обитатели Винчи, – вся эта гора еще в незапамятной древности получила название Белой – Монте-Альбано»[1010].

Поездки в Италию до эмиграции помогли Мережковскому не только при написании трилогии «Христос и Антихрист», но и сказались в создании прозаического цикла «Итальянские новеллы» (в наиболее полном виде – в составе ППСС-2), а также ряда стихотворений, относящихся к 1891 году, когда Мережковские впервые посетили Италию: «Венеция», «Рим», «Пантеон», «Будущий Рим», «Колизей», «Марк Аврелий» (ср. с написанным тогда же

[1008] Цит. по: *Соболев А.Л.* Д.С. Мережковский в работе над романом «Смерть Богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 45.

[1009] Там же.

[1010] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 74. Ср. с фрагментом из письма Мережковского к Перцову от 6 апреля 1894 года: «Вчера я был в селеньи Винчи, где родился и провел детство Леонардо да Винчи. Я посетил его домик, который принадлежит теперь бедным поселянам. Я ходил по окрестным горам, где в первый раз <он> увидел Божий мир. Если бы Вы знали, как все это прекрасно, близко нам русским, просто и нужно» (Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. № 2. С. 161).

одноименным очерком, вошедшим в «Вечные спутники»), «Термы Каракаллы», «Сорренто» («О, Помпея далекая, рощи лимонные…»), «Капри», «Праздник св. Констанция», «Везувий», «Помпея», «Тибур», «Addio Napoli».

Путешествие в Афины 1892 года произвело на Мережковского сильнейшее впечатление. «В Афинах, – вспоминает Гиппиус, – мы пробыли всего два дня; жара была такая страшная, какой я не знавала в июльском Тифлисе; но зато я еще не видела Д.С. таким счастливым, как в Парфеноне. Уцелевшие колонны не были в то время даже еще связаны проволокой, как позднее; Парфенон был тогда воистину прекрасен. Никакой жары мой спутник не замечал; не заметил бы ее, вероятно, если б она была втрое сильнее. Вообще, это путешествие осталось для нас памятным навсегда»[1011]. Сам писатель рассказал об этой поездке в очерке «Флоренция и Афины. (Путевые воспоминания)» (1893; в отредактированном виде вошел в «Вечные спутники» под заглавием «Акрополь»), который заканчивается словами: «Я пишу эти строки осеннею ночью, при однообразном шуме дождя и ветра, в моей петербургской комнате. На столе у меня лежат два маленьких осколка настоящего древнего камня из Парфенона. Благородный пентеликонский мрамор все еще искрится при свете лампы... И я смотрю на него с суеверной любовью, как благочестивый паломник на святыню, привезенную из далекой земли»[1012]. Признание Мережковского очень напоминает чувство, которое пережил его герой (Юлиан), приблизившись к Парфенону: «И перед всеми, презирая смерть, хотелось ему обнять руками этот мрамор, согретый солнцем, и целовать его, как живое тело»[1013]. Не менее автобиографичны строки из стихотворения «Парфенон» (1892): «Мне будет вечно дорог день, / Когда вступил я, Пропилеи, / Под вашу мраморную сень, / Что пены волн морских белее, / Когда, священный Парфенон, / Я увидал в лазури чистой / Впервые мрамор золотистый / Твоих божественных колонн, / Твой камень, солнцем весь

[1011] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 54.
[1012] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 18.
[1013] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 93.

облитый, / Прозрачный, теплый и живой, / Как тело юной Афродиты, / Рожденной пеною морской»[1014].

Если верить Гиппиус, то не меньшее впечатление на Мережковского произвела поездка в Константинополь: «Турция была тогда старая (мы видели потом и новую), Константинополь – еще с собаками, с пятницей (выезд султана и его жен), но св. София – была вечная»[1015]. Собственными воспоминаниями от поездки Мережковский поделился в очерке «Св. София» (1905): «Но вот св. София – для нее, для одной, стоит, пожалуй, поехать в Константинополь! Я, по крайней мере, не жалею, хотя это уже мое второе паломничество к ней. В первый раз я посетил ее двенадцать лет назад. Тогда я видел ее тотчас после Афин и Парфенона, который оставил во мне самое сильное впечатление *красоты*, которое я когда-либо испытывал в жизни. Но св. София дала мне нечто новое, совсем, до противоположности, иное, но, может быть (я знаю, не случайно останется всегда это *может быть*), столь же великое. Тогда я только замышлял мою трилогию “Христос и Антихрист”. Тема этой трилогии – отражение в истории – *вселенской*, то есть все века, все народы и культуры объединяющей, – идеи христианства (или, вернее, религии св. Троицы, потому что христианство – только фазис этой религии).

И я увидел тогда в св. Софии первое, и доныне в новом религиозном зодчестве единственное, воплощение этой идеи.

После оконченного двенадцатилетнего труда мне захотелось вновь взглянуть на св. Софию, поклониться ей, храму первого вселенского соединения народов в религии Отца, Сына и Духа»[1016].

(55) Говоря «тогда же», Мережковский «вырезает» из собственной жизни около 5 лет, поскольку сборник «Вечные спутники» относится к 1897 году. Скорее всего, это связано с нежеланием писателя вспоминать о собственном увлечении декадентством (см. комментарий № 49), которое частично воплотилось в

[1014] *Мережковский Д.С.* Парфенон // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 187 – 188.
[1015] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 54.
[1016] *Мережковский Д.С.* Св. София // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 154.

романах о Юлиане Отступнике и Леонардо да Винчи и более явно – в сборнике «Новые стихотворения» (1896), о котором в «Автобиографической заметке» даже не упоминается. Тем не менее индивидуализм и эстетизм включают творчество Мережковского середины 1890-х годов в «аксиологическую парадигму раннего символизма»[1017]. Писатель оказался не готов к роли лидера «нового искусства», но его творчество оказало неоспоримое влияние на людей, провозгласивших себя «вожаками» русского символизма.

(56) Интерес Мережковского к античным трагедиям не был случайным. Осознавая божественное величие греческих трагиков, писатель видел в их творениях ростки «нового» (а по сути – вечного) идеализма. Он воспринимал античность как часть *современной* культуры. В своем послании знаменитой русской актрисе М.Н. Ермоловой от 24 августа 1892 года Мережковский писал: «Воскресить Греческий Театр (который до сих пор – тайна) – значит воскресить идеализм, чистейший и бессмертный идеализм среди царства В. Крылова[1018] и оперетки… Я буду переводить и, если доживу до 30 или 35 лет, – переведу все эти лучшие трагедии греческого театра. Вы – единственная в России, кто мог бы сделать попытку воскресить идеализм на русской сцене»[1019]. Сотрудничество с Ермоловой не состоялось, но к тридцати пяти годам Мережковский перевел трагедии Софокла («Антигона» 1892; «Эдип-царь», 1894; «Эдип в Колоне», 1896), Еврипида («Ипполит», 1893; «Медея», 1895), Эсхила («Скованный Прометей», 1891). Надо заметить, переводы Мережковского не отличались филологической точностью.

«В 1893 году я начал трилогию “Христос и Антихрист”, над которой работал лет 12. “Юлиана Отступника” долго не мог нигде поместить: во всех редакциях мне отказывали. Наконец напечатал в “Северном Вестнике”, и то с

[1017] *Кумпан К.А.* Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 65.
[1018] В.А. Крылов (1838 – 1906) – драматург, переводчик, театральный деятель.
[1019] «Как бы мне хотелось с Вами много и много поговорить»: Письма Д.С. Мережковского М.Н. Ермоловой // Театр. М., 1993. № 7. С. 96.

большим трудом и, так сказать, из милости. Вообще в русской литературе встречали меня недоброжелательно, и недоброжелательство это до сих пор продолжается. Я мог бы справить 25-летний юбилей критических гонений безжалостных **(57)**»[1020].

(57) В открытом письме Н.А. Бердяеву писатель говорит об отношении современников более откровенно: «В России меня не любили и бранили; за границей меня любили и хвалили; но и здесь и там одинаково не понимали *моего*. Я испытывал минуты такого одиночества, что становилось жутко; иногда казалось, что или я нем, или все глухи; иногда хотелось воскликнуть с тем последним отчаянием, которым искушал меня мой вечный искуситель, В.В. Розанов, в статье своей “Среди иноязычных”, с таким нежным и предательским лукавством: никто ничего не понимает, никто ничего никогда не поймет. Если я не впал в отчаяние, если сохранил надежду, то только благодаря тому, что, будучи один в литературе, в жизни я не был один: сколько бы нас ни было сейчас, будет все больше и больше; дело не в численном количестве; Вы, впрочем, сами знаете, какая таинственная неодолимая сила и власть в этом троичном символе: 1, 2, 3»[1021].

В то же время Мережковский явно преувеличивал свою «отверженность» и «гонимость», видимо, не подозревая, до какой степени он окажется «не ко двору» в советской России. В начале прошлого века у читателя не возникало сомнений относительно справедливости слов Г. Чулкова о Мережковском: «Из наших современных писателей он единственный, пожалуй, которого образованный европеец удосужился прочесть и которым интересуется. Мережковский для европейца свой человек»[1022]. О том же говорил В. Брюсов: «…он писатель – европейский, а не местный, русский»[1023]. Даже внешне (не

[1020] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 114.
[1021] *Мережковский Д.С.* О новом религиозном действии. (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 166 – 167.
[1022] *Чулков Г.* Болящий дух // *Чулков Г.* Наши спутники. 1912 – 1922. М., 1922. С. 57.
[1023] *Брюсов В.* Д.С. Мережковский как поэт // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 301.

литературно только) Мережковский выделялся на фоне русских писателей: «Его отличие и от современников, и от писателей более старых выражалось даже в мелочах: в его привычках, в регулярном укладе жизни и, главное, работы»[1024]. Близкие знакомые обращали внимание на «чужестранность» писателя: «Помню, однажды, в сумерках вечера, попрощавшись с г-ном Мережковским на улице, я отыскал себе извозчика, и когда затем, нагнав его, идущего по тротуару, вторично ему поклонился, то с высоты пролетки следя за его сутуловатою, высохшею фигуркою, идущею небольшим и вдумчивым шагом, без торопливости и без замедления, “для здоровья и моциона”, я подумал невольно: “так, именно *так,* – русские никогда не ходят! ни один!!” Впечатление чужестранного[1025] было до того сильно, физиологически сильно, что я, хотя и ничего не знал о его роде-племени – но не усомнился заключить, что так или иначе, в его жилах течет не чисто русская кровь. В ней есть несомненные западные примеси; а думая о его темах, о его интересах – невольно предполагаешь какие-то старокультурные примеси. Что-нибудь из Кракова или Варшавы, может быть из Праги, из Франции, через прабабушку или прадеда, может быть неведомо и для него самого, но в нем есть. И здесь лежит большая доля причины, почему он так туго прививается на родине, и так ходко, легко прививается на Западе»[1026].

[1024] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 54.

[1025] Ср. сходное впечатление у другого современника: «…внешним и вместе с тем сложным символическим образом Мережковского был для Пришвина образ Светлого иностранца» в замысле романа «Начало века», в «Заворошке», в дневнике писателя (*Дворцова Н.П.* М. Пришвин и его «вечные спутники» (Д. Мережковский, В. Розанов, А. Ремизов). Тюмень, 1995. С. 40).

[1026] *Розанов В.* Среди иноязычных (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 83. Любопытно сравнить это высказывание с мнением западного критика: «Мережковский никогда не тривиален, но слишком часто страдает изысканностью и вымученностью. Неужели его русские читатели действительно считают естественным то, что он упорно сопоставляет Пушкина с Рафаэлем, Толстого с Микель-Анджело и Достоевского с Леонардо? Надо во всяком случае быть русским, чтобы делать такие сопоставления и наслаждаться ими» (*Брандес Г.* Мережковский // *Брандес Г.* Собр. соч. Т. 19. СПб., [1913]. С. 325). Похожего мнения придерживался эмигрант Адамович: «Несмотря на весь свой европеизм, Мережковский писатель типично русский, – как типично русской была вся “его” линия модернизма, с Блоком и Андреем Белым, многим ему обязанным» (*Адамович Г.* Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 390).

«Между “Леонардо” **(58)** и “Петром” **(59)** я написал “Л. Толстого и Достоевского”. Эту работу тоже не мог нигде напечатать. Когда уже отчаялся, приняли ее в “Мире Искусства”, приюте всех “гонимых и отверженных”»[1027].

(58) Речь идет о романе Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», первые главы которого опубликованы в журнале «Начало» (№ 1, 2, 3 за 1899 год). Целиком роман был помещен в журнале «Мир Божий» за 1900 год. В примечании к 1-й книге журнала было указано, что роман представляет собой вторую часть трилогии «Христос и Антихрист» и что каждая часть является законченным целым. В отдельном издании роман появился в 1901 году.
(59) Речь идет о романе Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)», который начал печататься в журнале «Новый путь» (№ 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12 за 1904 год). В отдельном издании роман появился в 1905 году.

«Готовясь к “Петру”, ездил для изучения быта сектантов и староверов за Волгу, на Керже<не>ц, в г. Семенов и на Светлое озеро, где находится, по преданию, невидимый Китеж-град. Здесь провел ночь на Ивана Купала в лесу, на берегу озера, в беседе с богомольцами и странниками, учителями разных вер, которые сходятся сюда в эту ночь со всей России. Потом узнал, что некоторые из них сохранили обо мне добрую память **(60)**»[1028].

(60) Роман «Антихрист (Петр и Алексей)» был написан под впечатлением от поездки на Светлояр. Там Мережковский, подобно своему герою Тихону (ученику старца-раскольника Корнилия), мог «с особенною жадностью» слушать «рассказ о сокровенных обителях среди дремучих лесов и топей за Волгою, о невидимом Китеже-граде на озере Светлояре»[1029]. Дневник этой поездки («Светлое озеро») Гиппиус опубликовала в «Новом пути» (№ 1, 2.

[1027] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 114.
[1028] Там же. С. 114 – 115.
[1029] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 69.

1904). Мережковский, в свою очередь, в статье «Революция и религия» вспоминает «беседу с раскольниками и сектантами в нижегородских лесах, за Волгою, на Светлом озере, куда каждый год, на Иванову ночь, сходятся пешком из-за сотен верст тысячи “алчущих и жаждущих правды” говорить о вере, и где, по преданию, находится “невидимый град Китеж”, в котором живут святые угодники и будут жить, не умирая, до второго пришествия. Кого сподобит Бог, тот видит в воде озера отражение града с бесчисленными золотыми главами церквей и слышит звон колоколов. В березовой роще, полной огоньками восковых свечей перед иконами, в бездыханном сумраке июльской ночи, мы, я и мой спутник, сидели на утоптанной траве, окруженные тесною, душною, напирающей толпою баб и мужиков. Пахло кожей, дегтем, воском, человеческим потом и лесною сыростью. Мы говорили о кончине мира, о втором пришествии, об антихристе, о грядущей церкви Иоанновой»[1030].

Сочувственное отношение к сектантам было неотделимо в сознании Мережковского от критики государства и официальной церкви: «Отрицание “града настоящего”, т.е. государственности, как начала антирелигиозного, утверждение града грядущего, т.е. безгосударственной религиозной общественности, и есть движущая, хотя пока еще бессознательно движущая, сила всего великого русского раскола-сектантства, этой религиозной революции, которая рано или поздно должна соединиться с ныне совершающейся в России революцией социально-политической»[1031]; «Огромное и постоянно разрастающееся движение сектантства показывает, до какой степени религиозная потребность народа не удовлетворена

[1030] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 88 – 89. Ср. с ироническим воспоминанием В.В. Розанова об этой поездке Мережковского: «Год назад, собирая материалы для романа о Царевиче Алексее, он посетил знаменитые Керженские леса Семеновского уезда, Нижегородской губернии, – гнездо русского раскола. Невозможно передать всего энтузиазма, с которым он рассказывал и о крае этом, и о людях. Все звали его там “болярином”. “Болярин” уселся на пне дерева, заговорил об “Апокалипсисе”, излюбленнейшей своей книге – и с первого же слова он уже был понятен мужикам. Столько лет не выслушиваемый в Петербурге, непонимаемый, он встретил в Керженских лесах слушание с затаенным дыханием, возражения и вопросы, которые повторяли только его собственные. Наконец-то, “игрок запойный” в символы, он нашел себе партнера» (*Розанов В.* Среди иноязычных (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 84).

[1031] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 43.

предлагаемым церковью содержанием исторического христианства. Все вопросы, которые ставятся сектантством – пусть неправильно, невежественно, грубо, дико – проблема пола в хлыстовстве и скопчестве, проблема духа и плоти в духоборчестве, проблема общественности, осуждения мирской безбожной власти, насилия военного и государственного в штундизме – суть подлинные вопросы, имеющие подлинное отношение к самой глубокой метафизике исторического христианства и разрешимые только в иной, высшей плоскости христианства апокалипсического»[1032]. Хотя приведенные высказывания навеяны событиями Первой русской революции, творческий интерес Мережковского к раскольничеству проявился задолго до них, а также поездки на Светлое озеро, в юношеской поэме «Протопоп Аввакум» (1887)[1033].

«Тогда же, в конце 90-х годов, открылись религиозно-философские собрания **(61)**. Первая мысль о них принадлежит не мне, а З.Н. Гиппиус. Ею же основан журнал “Новый Путь”.

Скоро собрания были запрещены Победоносцевым. Я ездил хлопотать за них к покойному митрополиту Антонию. Он отказал, ссылаясь на свою подчиненность светским властям[1034].

В одно из моих посещений лавры на темной лестнице, ступив нечаянно на стеклянную крышу какого-то люка, я провалился, больно ушибся и порезался, – мог бы ушибиться до смерти. Это падение было для меня символическим: я понял, что мой подход к православию добром не кончится»[1035].

[1032] *Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 140.

[1033] Кроме того, можно вспомнить слова Мережковского из выступления на Религиозно-философских собраниях: «Все сектанты находятся в противоположности с государственной верой. Это делает их необычайно ясными. Ничто не заслоняет их религиозной сущности» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 149).

[1034] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» здесь зачеркнуто «духовной власти» и далее следует также вычеркнутый Мережковским фрагмент: «…и утешая меня довольно пустыми либеральными фразами, которые в сущности значили: “Бог подаст, а с нас не взыщите”» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 20).

[1035] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 115.

(61) Мережковский допускает неточность: Религиозно-философские собрания в Петербурге открылись 29 ноября 1901 года, но их идея зародилась еще в 1899 году, когда Мережковский заговорил с Гиппиус о необходимости создания «Новой Церкви»[1036]: «…Церковь нужна, как лик религии евангельской, христианской, религии Плоти и Крови»[1037]. Писатель надеялся, что на вопрос о возможности существования *такой* церкви помогут ответить Собрания, предполагавшие открытый диалог интеллигенции с духовенством. О пропасти, разделявшей два этих мира, Мережковский от лица интеллигенции написал в статье «Революция и религия»: «Для нас вера была удивлением, для них – почти скукою; для нас – глубиною мистики, для них – позитивною плоскостью; для нас – праздником, для них – буднями; для нас – белою ризою, в которую мы не смели облечься, для них – старым домашним халатом»[1038]. В той же статье Мережковский вспоминает важные биографические факты, предшествовавшие открытию Религиозно-философских собраний: «В Петербурге, на Шпалерной улице, у церкви Всех Скорбящих и дома предварительного заключения, около тех мест, где находился некогда дворец сына Петра Великого, царевича Алексея, в четвертом этаже огромного нового дома, в квартире Василия Васильевича Розанова, лет пять тому назад, по воскресным вечерам происходили любопытные собрания. Из незанавешенных окон столовой видны были звездно-голубые снежные дали Невы с мерцающею цепью огоньков до самой Выборгской. Здесь, между Леонардовой Ледой с лебедем, многогрудою фригийскою Кибелой и египетской Изидою с одной стороны, и неизменно теплящеюся в углу, перед старинным образом, лампадкою зеленого стекла – с другой, за длинным чайным столом, под уютно-семейною висячею лампою, собиралось удивительное, в тогдашнем

[1036] Несмотря на то что Гиппиус относит появление концепции «Новой Церкви» к 1899 году, одно из первых упоминаний этого словосочетания встречается в письме Мережковского к Перцову от 7 октября 1893 года: «То, что Вы так глубоко, проникновенно поняли мои слова про Новую Церковь – меня тронуло – да все, все в Вашем письме благородно и умно» (Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. № 2. С. 159).
[1037] *Гиппиус З.* О Бывшем (1899 – 1914) // *Гиппиус З.* Дневники. В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 89.
[1038] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 93.

Петербурге, по всей вероятности, единственное общество: старые знакомые хозяина, сотрудники *Московских Ведомостей* и *Гражданина*, самые крайние реакционеры и столь же крайние, если не политические, то философские и религиозные революционеры – профессора духовной академии, синодальные чиновники, священники, монахи – и настоящие “люди из подполья”, анархисты-декаденты. Между этими двумя сторонами завязывались апокалиптические беседы, как будто выхваченные прямо из “Бесов” или “Братьев Карамазовых”. Конечно, нигде в современной Европе таких разговоров не слышали. Это было в верхнем слое общества отражение того, что происходило на Светлом озере, в глубине народа.

У некоторых участников этих собраний явилась мысль сделать их общественными. Получить разрешение для подобного общества в то время было трудно, почти невозможно.

Тем не менее, собрания, под именем религиозно-философских, были разрешены, или, вернее, полуразрешены, терпимы под вечной угрозой запрещения, и происходили в течение двух зим в зале Географического общества, под председательством епископа Сергия, ректора петербургской духовной академии»[1039].

На первом же заседании всеобщее внимание привлекла супруга Мережковского, которая появилась в черном, на вид скромном платье. Но сшито оно было так, что при малейшем движении складки расходились, и просвечивала бледно-розовая подкладка. Создавалось впечатление, что Гиппиус – голая[1040]. Эта, казалось бы, излишняя биографическая деталь могла не попасть в поле нашего исследования, если бы не анекдот, рассказанный одним из героев романа Мережковского «Александр I» – Артамоном Захаровичем Муравьевым, полковником Ахтырского гусарского полка: «Намедни панна Ядвига Сигизмундовна сказывала: в Париже, говорит,

---

[1039] Там же. С. 90 – 91.

[1040] *Злобин В.А.* Тяжелая душа // *Злобин В.А.* Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М., 2004. С. 302.

изобрели какие-то прозрачные сорочки: как наденешь на себя да осмотришься, так все насквозь и виднехонько…»[1041]

«Летом в 1904 году **(62)** мы с З.Н. ездили в Ясную Поляну. Толстой принял нас очень ласково. Мы ночевали у него и много беседовали о религиозных вопросах. Он хвалил очерк З.Н. о “Светлом озере”. На прощанье, оставшись со мной наедине, сказал, глядя мне прямо в глаза своими добрыми и немного страшными, маленькими, медвежьими, “лесными” глазками, напоминавшими дядю Ерошку:

– А мне говорили, что вы меня не любите. Очень рад, что это не так...[1042]

Я тогда уже смутно чувствовал, что в моей книге был не совсем справедлив к нему, и что, несмотря на глубочайшие умственные расхождения, Толстой мне все-таки[1043] ближе, роднее Достоевского **(63)**»[1044].

(62) На самом деле Мережковский и Гиппиус посетили Ясную Поляну не летом, а в мае 1904 года.

(63) Следует разделять взгляды Мережковского на Толстого-художника и Толстого-мыслителя, как это делал сам критик. В то же время специфика исследовательской манеры Мережковского такова, что во всех произведениях разбираемого автора он, в конечном счете, усматривал одну-единственную личность, одного-единственного героя – самого Толстого: «От Николеньки до старца Акима, от Левина до Пьера Безухова, от Платона Каратаева до дяди Ерошки – все он же, Толстой»[1045]. Такой подход применялся Мережковским и к

[1041] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 8. С. 92.

[1042] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «…но я вас всегда любил, как писателя…» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 21). Возможно, писатель передумал вкладывать эти слова в уста Толстому, осознавая их неправдоподобность. Как известно, после личного визита Мережковских Толстой признался: «Этих хочу любить, и не могу» (*Толстой Л.Н.* ПСС. В 90 т. Т. 55. М., 1937. С. 454).

[1043] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следуют два вычеркнутых Мережковским слова: «сердечно», «религиозно» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 21).

[1044] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 115.

[1045] *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и революция // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 153.

художественным, и к философско-публицистическим текстам (не говоря уже о дневниковых записях и письмах).

Наиболее рельефно раннее отношение Мережковского – литературного критика – к Толстому проявилось в брошюре «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» и сборнике статей «Вечные спутники».

В Толстом молодой Мережковский увидел «мучительное раздвоение», характерное для «всех современных людей»[1046], «детей ночи». В «Вечных спутниках» эта мысль получила дальнейшее развитие. Мережковский различает, с одной стороны, бессознательного художника, а с другой – мыслителя (принимая первого, критикует второго). В трактате «Л. Толстой и Достоевский» идея эта займет центральное место. Чем же была неприемлема для Мережковского философия Толстого-мыслителя?

Еще в начале 1890-х писатель полагал, что «у Толстого индивидуальность, личность отдельных людей почти всегда подавлена силами природы и человечества, массовыми движениями, войною, смертью, болезнью, деторождением, неразрешимыми вопросами о Боге, о вечности, о правде»[1047]. Сам Мережковский выступал за развитое волевое начало и в учении Христа видел не только величайшее самоотрицание, но и величайшее самоутверждение личности. Прежде всего он не смог простить Толстому низвержение Наполеона *как личности* на страницах «Войны и мира»: «Многознаменательно, что величайшее из произведений Льва Толстого развенчивает то последнее воплощение героического духа в истории, в котором недаром находили неотразимое обаяние все, кто в демократии XIX века сохранил искру Прометеева огня – Байрон, Гете, Пушкин, даже Лермонтов и Гейне. Наполеон превращается в “Войне и мире”... в комического генерала Бонапарта московских лубочных картин. Вот когда достигнута последняя ступень в

[1046] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 227.
[1047] Там же. С. 221.

бездну, вот когда некуда дальше идти, ибо здесь дух черни, дух торжествующей пошлости кощунствует над Духом Божиим, над благодатным и страшным явлением героя»[1048].

К другим «грехам» Толстого-мыслителя Мережковский отнес «сведение всех слишком опасных бесплодных вершин и глубин в одной практически-полезной, сельскохозяйственной плоскости»[1049], объяснение сути религии через нравственность и отрицание культурного наследия человечества: «Еще только один человек в современной Европе дошел до такого же богохульства, как Л. Толстой, – это Фридрих Ницше»[1050]. Трудно поверить, что это говорит критик, некогда приветствовавший Толстого: «Слава Богу – *он есть у нас!* А пока у народа есть один такой человек, – несмотря ни на какие испытания, народ не имеет права отрекаться от надежды, что ему принадлежит великая будущность!»[1051]

Весь пройденный Толстым религиозный путь Мережковский свел к нескольким фразам: «..начал тем, что поверил в Ничто; кончил тем, что не верит ни во что; начал с незапамятно-древнего буддийского нигилизма; кончил даже не вчерашним, а третьегодняшним, отрыгнувшимся русским, базаровским нигилизмом»[1052].

Стоит ли после этих слов удивляться, что Мережковский поддержал отпадение Толстого как *мыслителя* от христианства[1053]? Но вот вопрос: исчерпывает ли религиозная мысль, сознание Толстого всю глубину его подлинного религиозного существа? В интерпретации Мережковского – нет. «Уже не отдельными страницами, – пишет он, – а всею книгою моею я ведь только и старался показать, до какой степени слабо, скудно, мимолетно все, что Л. Толстой сознает, во что он верит или не верит, как мыслитель, – по

[1048] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 168.
[1049] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 214.
[1050] Там же. С. 237.
[1051] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 227.
[1052] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 208.
[1053] Там же. С. 37.

сравнению с тем, что он “знает бессознательно”, как вещий “тайновидец плоти”; всею книгою моею я старался показать, что в Л. Толстом живут и всегда жили два не только отдельные, но иногда и совершенно друг другу противоположные, враждебные существа, “два поочередно сменяющиеся характера”, как бы два человека; маленький мыслитель, лже-христианин, “старец Аким”, и великий подлинный язычник, дядя Ерошка. Что обманчивый “двойник”, призрачный “оборотень”, “самозванец” Л. Толстого, не столько даже “мыслящий”, сколько “умствующий” старец Аким, отпал от Христа и в своем бесплотном и бездушном, всеотрицающем “христианстве” дошел до почти совершенного безбожья, буддийского нигилизма, – в этом, повторяю, сомнения быть не может. Но истинный Л. Толстой, великий язычник, дядя Ерошка, не отпадал, да и не мог бы отпасть от христианства, уже по той причине, *что он и не был никогда христианином*»[1054].

Мережковский не принимал в Толстом мыслителя, но приветствовал художника, «тайновидца плоти», который может «бессознательно» сказать о главном. Главной же для Мережковского была мысль о язычестве не как противоположном христианству явлении, а как дохристианском, неизбежно ведущем к христианству. Очевидно, с этим связано частичное оправдание Толстого-художника перед засвидетельствованием Синода, которое выглядит не иначе, как ложка меда в бочке дегтя[1055].

В более поздних статьях о Толстом Мережковский меняет интонацию собственных суждений, хотя и уверяет нас в примечании к статье «Лев Толстой и церковь» (1903), что со времени написания книги о Толстом и Достоевском

[1054] Там же. С. 32 – 33.

[1055] Выступая с докладом «Лев Толстой и русская церковь» на Религиозно-философских собраниях, Мережковский пытался смягчить собственную же критику учения Толстого: «Нельзя было церкви не засвидетельствовать об отпадении Л. Толстого как *мыслителя* от христианства. Но, может быть, это не последнее слово церкви о нем; может быть, она когда-нибудь засвидетельствует и то, что, подобно языческому слепцу “Омиру”, чей лик изображен рядом с ликами православных святых в Московском Благовещенском соборе, – и этот новый слепец христианства, в своем ясновидении всей “Божьей твари”, касается “Духа Святого”, “устремляется к Слову, Богу славу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной жития своего совершая сие”» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 57).

он изменил во многом свое отношение к историческому христианству и православной церкви, «но не ко Л. Толстому»[1056].

Да, Мережковский по-прежнему не разделяет религиозного учения Толстого[1057], но дело не в том, *что* говорит критик, а в том, *как* он это говорит. Внимание читателя полностью переключается на Толстого-художника, «христианина-язычника»[1058], и от этого меняется тональность поздних статей («Лев Толстой и революция», 1908; «Смерть Толстого», 1910; «Зеленая палочка», 1910; «Две России», 1915; «Поденщик Христов», 1916; «Л. Толстой и большевизм», 1921). Чем продиктована такая перемена?

Причиной мог быть личный визит Мережковских в Ясную Поляну. Брюсов сообщает об этом в письме к Перцову: «Вы лучше меня знаете, что такое Д.С., – вернувшись от Толстого, он уже уверял, что Т<олстой> выше всех и всего: вершина в небе, нет – за пределами неба. Что Достоевский! Не будь Толстого, никто не понял бы и Достоевского»[1059].

После смерти Толстого речи Мережковского стали еще более хвалебными. Оказывается, не только художественным творчеством, «не словами, а всей жизнью и смертью он (Толстой. – *А.Х.*) Христа исповедал»[1060]. Говоря же об отлучении, Мережковский едва ли не вопиет: «Но поймите же, что отлучить его от Христа – значит отлучить все человечество; проклясть его – значит проклясть весь мир»[1061]. Через несколько лет Мережковский окончательно отречется от своих обвинительных речей. «Нам казалось, – читаем в статье «Поденщик Христов», – что Толстой, религиозный мыслитель, изменяет художнику. Ничуть не бывало: он до конца остается тем, чем был всегда, – великим реалистом, тайновидцем плоти или, вернее, того, что соединяет дух с плотью, той промежуточной области между телом и душою, которую апостол

[1056] *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и церковь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 148.
[1057] Там же.
[1058] Там же. С. 149.
[1059] Цит. по: Литературное наследство. Т. 27 – 28. М., 1937. С. 296.
[1060] *Мережковский Д.С.* Смерть Толстого // *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. М., 2001. С. 30.
[1061] Там же. С. 31.

Павел называет “телом душевным”»[1062]. «Во всех своих религиозных писаниях, – продолжает Мережковский, – Толстой кажется “рационалистом”. Но до какой степени рационализм для него несущественен, поверхностен – видно по “Дневнику”»[1063]. Любопытно, что не художественное творчество, как это было раньше, а дневник становится свидетельством «бессознательности» Толстого, его «нерациональности». Но и на этом выводе Мережковский не останавливается. Уже в эмиграции он пишет статью «Л. Толстой и большевизм», в которой утверждает веру Толстого в «Единый Лик», отрицаемую прежде. Говоря так, критик ссылается не на творчество, не на дневник и уж тем более не на публицистику писателя, а лишь на свидетельство графини А.А. Толстой[1064], «которая знает веру его, как никто»[1065]. Сам же Толстой, заключает Мережковский, «верил, но сказать не умел»[1066]. Такой вот «немой пророк».

Работа «Л. Толстой и большевизм» удивительна еще тем, что ее автор как сближает, так и отдаляет Толстого от большевиков. В основе сближения лежит одинаковое стремление Толстого и Ленина «уничтожить культуру»[1067], а также «воля к безличности»[1068]: «Большевизм – самоубийство Европы. Начал его Толстой, кончает Ленин»[1069]. Но если на страницах работы о Толстом и Достоевском критик уверял, что «из толстовского анархизма никогда никакой революции не выйдет; – недаром же все у него кончается буддийским “неделанием”, “непротивлением”: жестко стелет, мягко спать»[1070], то через несколько лет увидел в Толстом «лучезарное средоточие русской свободы»:

[1062] *Мережковский Д.С.* Поденщик Христов // *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. М., 2001. С. 315 – 316.
[1063] Там же. С. 319.
[1064] А.А. Толстая (1817 – 1904) – двоюродная тетя Толстого, его корреспондент и адресат, фрейлина императорского двора.
[1065] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и большевизм // *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 152.
[1066] Там же.
[1067] Там же. С. 147.
[1068] Там же. С. 149.
[1069] Там же. С. 150.
[1070] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 8.

«Хотят ли этого или не хотят, праздник Толстого – праздник русской революции»[1071].

Слова эти вошли в статью «Лев Толстой и революция», опубликованную 28 августа 1908 года в газете «Речь». А 11 сентября того же года В.И. Ленин поместил в «Пролетарии» свою работу со сходным названием «Лев Толстой, как зеркало русской революции»[1072]. Он тоже сопоставляет имя классика с революцией, которой тот «явно не понял» и «отстранился»[1073]. При этом Ленин уверен, что «если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях»[1074]. Не сходное ли Мережковский писал о Толстом двумя неделями раньше: «...в искусстве своем он для нас более вещий пророк, хотя, может быть, пророк *иного*, чем в своих пророчествах»[1075]?

Безусловно, для Ленина и Мережковского Толстой был пророком разных революций, но совпадение в их работах не случайно. Пользуясь именем Толстого, популярность которого была если не всемирной, то уж точно всероссийской, они очень грамотно приумножали свой «политический капиталец»[1076].

Если в 1908 году Толстой нужен был Мережковскому как союзник в борьбе с «цезарепапизмом», то в 1921-м – с большевизмом. Критику пришлось пересмотреть прежние взгляды на учение Толстого, который из «богохульника» и «пошляка» превратился почти что в «святого». Такая вот метафизика, по которой «религиозное кощунство» – соединять Толстого с Лениным[1077].

[1071] *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и революция // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 156.
[1072] Мы не знаем, читал Ленин статью Мережковского или нет, но в его работе присутствует критический выпад в адрес неких «балалайкиных из “Речи”», чьи «напыщенные фразы о “великом богоискателе” – одна сплошная фальшь» (*Ленин В.И.* Лев Толстой, как зеркало русской революции // *Ленин В.И.* ПСС. В 55 т. Т. 17. М., 1968. С. 209).
[1073] *Ленин В.И.* Лев Толстой, как зеркало русской революции // *Ленин В.И.* ПСС. В 55 т. Т. 17. М., 1968. С. 206.
[1074] Там же.
[1075] *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и революция // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 152.
[1076] *Ленин В.И.* Лев Толстой, как зеркало русской революции // *Ленин В.И.* ПСС. В 55 т. Т. 17. М., 1968. С. 209.
[1077] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и большевизм // *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 152.

Эволюция взглядов Мережковского не отличалась последовательностью: он начал с того, что поверил в учение Толстого, продолжил жесточайшей критикой, обвинил в «богохульстве», а кончил восхвалением.

«То, что я передумал, а главное – пережил в революционные годы 1905 – 1906, имело для внутреннего хода моего развития значение решающее. Я понял, – опять-таки не отвлеченно, а жизненно, – связь православия со старым порядком в России, понял также, что к новому пониманию христианства нельзя иначе подойти, как отрицая оба начала вместе **(64)**»[1078].

(64) В июле 1905 года Гиппиус записала слова Мережковского: «Да самодержавие – от Антихриста!»[1079] До этого времени писатель специально не занимался общественно-политическими вопросами. Если он их касался, то под религиозным углом зрения.

На страницах художественных произведений к проблеме соотношения государства и православия Мережковский обратился уже во второй части трилогии «Христос и Антихрист»[1080]. Один из героев, Евтихий, прочитал повесть «О Вавилонском Царстве» и сказание «О Белом Клобуке», которые

[1078] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 115.
[1079] *Гиппиус З.* О Бывшем (1899 – 1914) // *Гиппиус З.* Дневники. В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 134.
[1080] Впрочем, и в первой части трилогии, романе о Юлиане Отступнике, проблема соотношения власти земной и небесной уже заявлена: «Ты победил Максенция, – прошептал евнух императору Констанцию, – победил Ветраниона, Констана, Галла, победишь и Юлиана. Тогда будет един пастырь, едино стадо. Бог – и ты!» (*Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 126). Соответственно, акцентируя внимание на подчиненности православия государству, мы не должны забывать о критике Мережковского в адрес католической церкви. Ср. слова Савонаролы из второй части трилогии («Се, время настало! Пойду я на вас, кардиналы и прелаты римские, как на язычников! Поверну ключ в замке, отопру мерзостный ларчик, и выйдет такое зловоние из вашего Рима, что люди задохнутся. Скажу такие слова, от которых вы побледнеете, и мир содрогнется в своих основаниях, и церковь Божия, убитая вами, услышит мой голос…» (*Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 212). Другой пример – речь папы Александра Борджия о сыне Цезаре: «Я, первый из пап, дал церкви Господней сей меч, сей жезл железный, коим пасутся народы и собираются в стадо единое. Цезарь – мой меч. И се, оба Рима, оба меча соединяются, да будет папа кесарем и кесарь папою, царство Духа – на царстве Меча в последнем вечном Риме!» (Там же. Т. 3. С. 178). Таким образом, корректнее говорить о проблеме подчинения исторического христианства государству как общей для православия и католичества: «Обе эти ложные теократии двумя различными путями пришли к одному и тому же: западная – к превращению церкви в государство; восточная – к поглощению церкви государством; в обоих случаях – одинаковое упразднение Церкви, царства любви и свободы, царства Божьего – Государством, царством вражды и насилия, царством безбожия» (*Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 40).

предвещали земное и небесное величие русской земли, однако «в самой глубине души его было сомнение, чувство неразрешимого противоречия: не сказано ли, думал он, что царь Навуходоносор был царем неправосудным, “злейшим на всей земле”, и что, желая, чтобы все народы служили ему одному и все языки и все племена призывали его как Бога, объявил через глашатая: падите и поклонитесь золотому истукану царя Навуходоносора. Но истинный Бог покарал его: отнял сердце человеческое и дал ему сердце звериное (ср. со статьей Мережковского «Сердце человеческое и сердце звериное» 1909 года. – *А.Х.*), и был он отлучен от людей и ел траву, как вол, и орошалось тело его росою небесною, так что волосы у него выросли, как у льва, и ногти, как у птицы. И в Откровении не было ли сказано: “Пал, пал Вавилон – великая блудница, ибо яростным вином блудодеяния своего напоила все народы. – Горе, горе тебе, великий город, одетый в виссон и порфиру!” – А если так, спрашивал себя Евтихий, – как же в третьем Риме, в русском царстве, Белый Клобук соединится с мерзостным венцом Навуходоносора царя, проклятого Богом – венец Христа с венцом Антихриста?

Он чувствовал, что здесь – великая тайна, и что если он углубится в нее, то видения, более страшные, чем те, чтò отошли от него, снова приступят к нему»[1081].

Углубление в эту «тайну» находим в заключительной части первой трилогии Мережковского. Примером тому служит рассказ фрейлины Арнгейм о Петре I: «Однажды при мне, за стаканами вина, в дубовой рощице в Летнем саду, у дворца, где царь любит беседовать с духовенством, администратор духовных дел, архимандрит Феодос, рассуждал о том, “коих ради вин и в каковом разуме были и нарицалися императоры римские, как языческие, так и христианские, понтифексами, архиереями многобожного закона”. Выходило так, что царь есть верховный архиерей, первосвященник и патриарх. Очень искусно и ловко этот русский монах доказывал, по Левиафану английского

[1081] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 386.

атеиста “Гоббезиа” (Гоббса), civitatem et ecclesiam eandem rem esse, что “государство и церковь есть одно и то же”, разумеется не с тем, чтобы преобразить государство в церковь, а, наоборот, церковь в государство. Чудовищный зверь-машина Левиафан проглатывал церковь Божию, так что от нее и следа не оставалось. Рассуждения эти могли бы послужить любопытным памятником подобострастья и лести монашеской изволению государеву»[1082].

Мережковский высказывается о положении дел в России (говоря о прошлом, касается современности) сперва устами раскольника старца Корнилия («Внимайте, православные, кто царствует, кто обладает вами с лета 1666, числа звериного. Вначале царь Алексей Михайлович с патриархом Никоном от веры отступил и был предтечею Зверю, а по них царь Петр благочестие до конца искоренил, патриарху быть не велел и всю церковную и Божью власть восхитил на себя и возвысился против Господа нашего Иисуса Христа, сам единою безглавною главою церкви учинился, самовластным пастырем»[1083]), после – царевича Алексея («Церковь больше царства земного. Ныне же царство возобладало над церковью»[1084]), и, наконец, вторит им от своего имени: «…церковь покорилась царю так, что ее как бы не стало вовсе; вся церковь – он сам»[1085].

Революция усилила интерес писателя к эпохе Павла I, именем которого названа одна из лучших драм Мережковского. Событие, положенное в основу пьесы (цареубийство 11 марта 1801 года), подтверждает мысль автора о том, что «самодержавие – от антихриста!». Образ Павла олицетворяет главную сущность всего старого порядка в России, идущего со времен Петра, – поглощение церкви государством, ее превращение в «департамент дел духовных». На замечание одного из героев: «Ваше величество, папа – глава церкви...» – Павел отвечает: «Врешь! Не папа, а я. Превыше всех пап, царь и

[1082] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 134.
[1083] Там же. С. 59.
[1084] Там же. С. 169.
[1085] Там же. Т. 5. С. 217.

папа вместе, Кесарь и Первосвященник – я, я, я один во всей вселенной!..»[1086] «Ну, а если государь – сумасшедший, – недоумевает Александр, – власть тоже от Бога? Сумасшедший с бритвою. И бритва от Бога? Хищный зверь, что вырвался из клетки... И царство зверя – царство Божье? Ничего понять нельзя...»[1087] Как будто он и не сын императора. Но «царство зверя» не отпускает безвольного наследника. Ночь. Убийство. Финал: «Пален и другие заговорщики берут Александра под руки и сводят по лестнице, как будто несут на руках. Он идет с опущенной головой, с мертвенно-бледным лицом, едва передвигая ногами. Караул, отдавая честь императору, склоняет к ногам его знамена и штандарты»[1088]. А с площади раздается «ура!»[1089].

Критика Мережковского в адрес государства и церкви с новой силой явлена в романе «Александр I». Свидетельство тому – речи Валерьяна Голицына: «Царя Христом делаете, человека – Богом. Может быть, и великая, но чертова, чертова мысль! Кощунство кощунств, мерзость мерзостей!..»[1090]; «Поставление царя земного главою церкви на место Христа, Царя Небесного, не только есть кощунство крайнее, но и совершенное от Христа отпадение, приобщение же к *иному*, о коем сказано: “иной придет во имя свое: его примете”»[1091]. Другой пример – новый образ в Андреевском соборе села Грузина, символизирующий порабощение церкви государством: «…Спаситель, держащий на деснице Евангелие; образ покрыт был литою серебряною ризою; ежели открыть стеклянную раму, то можно увидеть, что один из серебряных листов Евангелия на едва заметном шарнире отгибается, и под этим листом – другой образок: Аракчеев – в парадном генеральском мундире, со всеми

[1086] *Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 47.
[1087] Там же. С. 85. Ср. с подобной репликой самого Мережковского на Религиозно-философских собраниях: «Что разумели апостолы, когда говорили: всякая власть от Бога? Вы теперь говорите так: на престоле Нерон, Калигула, и все-таки эта власть от Бога? Этого быть не может» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 147).
[1088] Там же. С. 148.
[1089] Там же.
[1090] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 255.
[1091] Там же. Т. 7. С. 107.

орденами, сидящий на облаках, как бы грядущий со славою судить живых и мертвых»[1092].

Оставаясь верным своему главному принципу – говорить об одном, но в разных формах, Мережковский отрицает государственность не только в художественном творчестве, но и в публицистике. На рубеже 1905 – 1906 годов он пишет работу о Достоевском («Пророк русской революции»[1093]), в которой пересматривает свое прежнее отношение к самодержавию и православной церкви. Достоевский – только повод, чтобы поговорить о насущном. «9 января 1905 года, – рассуждает Мережковский, – в лице сотен тысяч русских рабочих, которые шли по петербургским улицам на площадь Зимнего дворца, с детьми и женами, с образами и хоругвями, весь русский народ шел к царю своему, как дети к отцу, с верою в него, как в Самого Христа Спасителя. “Такому ли народу отказать в доверии?” Казалось бы, стоило только ответить верой на веру – и совершилось бы чудо любви, чудо соединения царя с народом. Казалось бы так, по-Достоевскому. Но, – увы! – мы знаем, что́ произошло, и чем ответила власть народу, любовь отчая детской мольбе. Народоубийством, детоубийством. И в том вина – не какого-либо отдельного самодержца, а всего “православного самодержавия”, всего “христианского государства”, от Константина Великого до наших дней»[1094]. Мережковский уже в печати повторяет слова, сказанные им в частной беседе: «Самодержавие – от Антихриста»[1095] – и доводит свои прежние рассуждения о «святой плоти», а также критику церкви как зависимого от власти института до логического завершения, предлагая обновленный вариант триады С.С. Уварова: вместо народности – всечеловечность, вместо самодержавия – теократия, религиозная

[1092] Там же. С. 61.
[1093] Сперва А.Г. Достоевская заказала Мережковскому вводную статью для юбилейного собрания сочинений своего мужа. Но после публичного чтения «Пророка русской революции» в зале Тенишевского училища Анна Григорьевна отказалась от статьи Мережковского, объясняя этот тем, что убеждения, приписанные Достоевскому, совершенно не соответствовали истинным его убеждениям.
[1094] *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 215.
[1095] Там же. С. 224.

общественность, вместо православия – религия Святого Духа[1096]. В своих теоретических построениях Мережковский делает поразительно смелые выводы: «Мы надеемся не на государственное благополучие и долгоденствие, а на величайшие бедствия, может быть, гибель России, как самостоятельного политического тела и на ее воскресение, как члена вселенской Церкви, Теократии»[1097].

В другой статье – «Христианство и государство» (1908) – Мережковский также, не прибегая к художественным образам, утверждает: «Христианство не преодолело государства; но и государство в христианстве утратило тот *абсолютный* смысл, который имело в язычестве – перестало быть религиозной *целью* и сделалось эмпирическим *средством*. Именно это пока еще религиозно-смутное, но неугасимое сознание, что государство не цель, а средство для какой-то цели, которую нельзя осуществить ни в каком бытии государственном, именно это сознание и есть, по преимуществу, революционное сознание нового и, в самом отступлении от христианства, христианского человечества»[1098]; «Ведь главная сущность всего старого порядка в России и есть поглощение церкви государством, превращение церкви в “департамент дел духовных”»[1099]. Напоследок приведем слова Мережковского из открытого письма Н.А. Бердяеву: «…нет и не может быть никакого положительного религиозного начала в государственной власти. Между государством и христианством для нас не может быть никакого соединения, никакого примирения: “христианское государство” – чудовищный абсурд»[1100].

«После московского восстания мы с женою уехали в Париж. Здесь, в сотрудничестве с Д.В. Философовым **(65)**, издали на французском языке

[1096] Там же. С. 235.
[1097] Там же. С. 237 – 238.
[1098] *Мережковский Д.С.* Христианство и государство // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 97.
[1099] Там же. С. 97 – 98.
[1100] *Мережковский Д.С.* О новом религиозном действии. (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 171.

сборник статей, посвященных исследованию религиозного значения русской революции **(66)**.

Написанная мною в Париже драма “Павел I”[1101] тотчас по выходе в свет, в 1908 году, была конфискована. Через четыре года меня судили за нее, обвиняя в “дерзостном неуважении к Верховной власти”. Оправдали только по счастливой случайности[1102].

Тогда же, при переезде через границу, в Вержболове, рукопись моего романа “Александр I” была у меня отобрана»[1103].

(65) Сотрудничество Мережковских с Дмитрием Владимировичем Философовым (1872 – 1940), знакомство с которым состоялось еще в 1892 году в Ницце, на даче профессора Максима Ковалевского[1104], носило не только творческий характер.

Философов – тогда еще студент Петербургского университета – сразу привлек внимание Гиппиус: «Очень высокий, стройный, замечательно красивый, он, казалось, весь, до кончика своих изящных пальцев, и рожден, чтобы быть и пребыть эстетом до конца дней. Его барские манеры не совсем походили на дягилевские: даже в них чувствовался его капризный, упрямый, малоактивный характер, а подчас какая-то презрительность. Но он был очень глубок, к несчастью вечно в себе неуверенный и склонный приуменьшать свои

[1101] В 1907 году, находясь в Париже, Мережковский делился своим первоначальным замыслом с О.А. Флоренской: «Сейчас пишу трагедию “Смерть Павла I” – первая часть трилогии “Царство Зла”. М.б. поставлю здесь – в России не цензурно (религиозная ложь самодержавия)» (*Шутова Т.* «Нечаянная радость»: Письма Д.С. Мережковского О.А. Флоренской // Новый журн. Нью-Йорк, 2008. № 253. С. 147).

[1102] В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует вычеркнутый Мережковским фрагмент: «…так как в это ж время вышла книга в. кн. Николая Михайловича “Александр I”» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 22 об.).

[1103] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 116. В рукописном варианте «Автобиографической заметки» далее следует изъятый цензурой фрагмент: «В Париже я сблизился с русскими эмигрантами-революционерами. Мне казалось и теперь мне кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю мою жизнь. Сближение наше произошло на почве не только общественной, но и религиозной. Здесь я увидел воочию, как бы осязал руками, связь русской революции с религией. В схождении с ними я пережил то, что потом часто высказывал, возможность новой религиозной общественности, глубочайшую связь русского освобождения с религиозными судьбами России» (РО ИРЛИ. Ф. 177. № 24384. Л. 22 – 23). Впервые опубл.: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906 – 1908) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 353.

[1104] М.М. Ковалевский (1851 – 1916) – историк, юрист, социолог; профессор Московского и Петербургского университетов.

силы в любой области. Очень культурный, широко образованный, он и на писание свое смотрел, не доверяя себе, хотя умел писать свои статьи смело и резко (особенно в последнее время, в Варшаве, где у него всегда имелся свой собственный журнал или газета). Он был не наносно, а природно религиозен, хотя очень целомудрен в этом отношении. Д.С., как мыслителя и писателя, он сразу понял, его идеи не могли его не пленять»[1105].

Чтобы дать такую характеристику, нужны долгие годы тесного общения. Философов был постоянным спутником Мережковских много лет. Но их отсчет следует вести отнюдь не с формального знакомства. Настоящее сближение Философова и Мережковских относится к 1898 году – времени сотрудничества писателя с художественным объединением «Мир искусства». Философов курировал в только что созданном одноименном журнале литературную часть, и при его посредничестве Мережковскому удалось опубликовать свое обширное исследование «Л. Толстой и Достоевский».

Из всех «мирискусников», которых Мережковские пытались приобщить к разговорам о религии, только Философов, двоюродный брат и помощник Сергея Дягилева, «сразу проявил самый живой интерес к этим вопросам и даже принимал участие в хлопотах по открытию Собраний»[1106]. А поскольку известно, что у Мережковских «была привычка “спасать” своих друзей (от гибели духовной, конечно)» и «даже в том случае, когда “погибающий” вовсе этого не желал», то к судьбе Философова, находившегося под влиянием Дягилева и его кружка, они не могли отнестись равнодушно, полагая, «что на человека слабохарактерного, каким был Философов, атмосфера этого кружка должна действовать разлагающе»[1107].

[1105] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 101.
[1106] Там же. С. 72.
[1107] *Злобин В.А.* Тяжелая душа // *Злобин В.А.* Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения. М., 2004. С. 327.

Несмотря на то что идейно Философов был ближе к Мережковскому[1108], именно Гиппиус начинает строить планы по его «спасению». Судя по дневнику, ей движет жалость: «Только досадно, что надо жалеть. Там он пропадет, ну конечно. Для меня все ясно. Надо сделать, что могу»[1109] – которая очень скоро переходит в любовь: «О Философове – то знаю, то не знаю, есть ли; но возможно, что есть, поэтому я так хотела бы зажечь свечку около этого верхнего желания: пусть растет. Пусть ему будет “оправдание”. А там посмотрим. Лицо Божье – все-таки Лицо Божье, даже если мы Его к себе зовем. Все-таки возможность спасения – для нас и для него. Да и люблю его»[1110]. Философов, в свою очередь, относился к Гиппиус более сдержанно и отстраненно, но это обстоятельство не помешало их сближению.

29 марта 1901 года, в «Великий Четверг», Мережковский, Гиппиус и Философов провели первую службу в своей «домашней церкви»[1111]. Из дневника Гиппиус[1112] мы знаем, что заранее были куплены чаша, красный атлас, чтобы сшить покрывало, золотая тесьма для креста, свечи, три нательных серебряных креста с цепочками, красное вино, просвиры, цветы и другие атрибуты. Чтобы не начинать свою церковь как секту, Гиппиус хотела предложить Мережковскому и Философову сходить в православную церковь, исповедаться и причаститься, но почему-то не предложила. После полуночи (29 марта) все приготовления были закончены. Двадцать минут второго в дом Мурузи пришел Философов. Вместе с ним Мережковские, кланяясь, просили друг у друга прощения, целовали в ладонь руки, читали собственные молитвы и фрагменты из Библии, «причащали» друг друга, а в заключение обменялись

[1108] В этой связи показательно, что в авторском примечании к статье «Сердце человеческое и сердце звериное» Мережковский пишет: «То, чего я здесь касаюсь кратко и поверхностно, глубже и подробнее изложено Д.В. Философовым в его докладе, читанном в Рел.-Фил. О-ве: “Богостроительство и богоискательство”» (*Мережковский Д.С.* Сердце человеческое и сердце звериное // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 97).

[1109] *Гиппиус З.* Contes d’amour. Дневник любовных историй (1893 – 1904) // *Гиппиус З.* Дневники. В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 69.

[1110] Там же. С. 72.

[1111] Осуществившееся в тот день Гиппиус, как хорошо известно, назвала «Бывшим», а возникшее «троебратство» – «Главным».

[1112] *Гиппиус З.* О Бывшем (1899 – 1914) // *Гиппиус З.* Дневники. В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 95 – 100.

нательными крестами. Таким образом, союз Мережковского, Гиппиус и Философова был скреплен.

В романе Мережковского «Александр I» встречаем обряд, аналогичный совершенному в «домашней церкви»: «Встал (Александр I. – *А.Х.*), обнял его (Александра Голицына. – *А.Х.*) и что-то шепнул ему на ухо. Голицын отпер потайной шкапик в подножье креста, вынул золотой сосудец, наподобие дароносицы, и плат из алого шелка, наподобие антиминса. Разложил его на плащанице и поставил на него дароносицу.

Поцеловались трижды с теми словами, которые произносят в алтаре священнослужители, приступая к совершению таинства.

– Христос посреди нас.

– И есть, и будет.

Опустились на колени, сотворили земные поклоны и стали читать молитвы церковные, а также иные, сокровенные. Читали и пели голосами неумелыми, но привычными:

Ты путь мой, Господи, направишь,

Меня от гибели избавишь,

Спасешь создание свое, –

любимую молитву государя, стихи масонской песни, начертанные на образке, который носил он всегда на груди своей; пели странно-уныло и жалобно, точно старинный романс.

– Не отверже мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене! – воскликнул государь дрожащим голосом, и слезы потекли по лицу его, в алом сиянье лампады, точно кровавые. – Не отыми, не отыми! – повторял, стуча лбом об пол с глухим рыданием, в котором что-то послышалось, от чего вдруг опять мороз пробежал по спине у Голицына.

Голицын встал и благословил чашу со словами, которые возглашал иерей во время литургии, при освящении Даров:

– Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, за вас ломимое…

И причастил государя; потом у него причастился.

Если бы в эту минуту увидел их Фотий, то понял бы, что не даром изрек им анафему.

Священник из города Балты, уроженец села Корытного, о. Феодосий Левицкий, представил государю сочинение о близости царствия Божьего. Государь пожелал видеть о. Федоса. На фельдъегерской тележке привезли его из Балты в Петербург, прямо в Зимний дворец. Он-то и научил государя этому сокровенному таинству внутренней церкви вселенской, обладающему большею силою, нежели евхаристия, во внешних поместных церквах совершаемая. И государь предпочитал, особенно теперь, после анафемы Фотия, это сокровенное таинство – явному, церковному.

Причастившись, прочли молитву, которой научил их тоже о. Федос, о спасении всего рода человеческого, о исполнении царства Божьего на земле, как на небе, о соединении всех церквей во единой церкви вселенской.

– Спаси, Господи, мир погибающий! – заключалось каждое из этих прошений.

Поцеловавшись трижды поцелуем пасхальным: “Христос воскресе!” – “Воистину воскресе!” – заперли в шкапик дароносицу с антиминсом и вышли в кабинет»[1113].

(66) Речь идет о сборнике, подготовленном Мережковскими и Философовым: Le Tsar et la Révolution. Paris, 1907.

***

Для того чтобы рельефнее представить специфику и осознать ценность «Автобиографической заметки» Мережковского, рассматриваемой нами в качестве контекста ППСС-2, целесообразно сопоставить ее с критико-биографическим очерком Лятского, выполняющим аналогичную функцию в

[1113] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 67 – 68.

ППСС-1. При этом следует помнить, что текст Лятского написан раньше (1912) и относится к другому жанру.

Первое, что обращает на себя внимание, – совпадения в изложении основных фактов творчества (поэтический дебют; «Символы»; переводы античных трагедий; критические статьи; «Юлиан Отступник»; «Леонардо да Винчи»; «Петр и Алексей»; «Л. Толстой и Достоевский»; «Павел I»; «Александр I»; непонимание со стороны критиков) и жизни (рождение; детство в родительском доме с его «казенным духом»; гимназические годы и непохожесть на сверстников, с которыми будущий писатель сходился мало; университет; путешествия в Крым, вглубь России, по Европе; особая любовь к южной природе и морю; дружба с Надсоном; знакомство с Гиппиус в Боржоме и женитьба на ней в Тифлисе; организация Религиозно-философских собраний и журнала «Новый путь»). Совпадения эти не случайны еще и потому, что источником многих биографических сведений служит творчество Мережковского. Не только Лятский в своем критико-биографическом очерке, но и Мережковский в «Автобиографической заметке» выстраивает факты, ориентируясь на их представленность в «Старинных октавах», «Вере», других произведениях. Но если Лятский делает это вынужденно (за скудностью источников) и прямо признается (например: «О дошкольном детстве Мережковского можно судить по тем отрывочным автобиографическим сведениям, которые встречаются в его поэме – “Старинные октавы”»[1114]; «То, что с особенной силой толкало Мережковского на поиски новой истины, он, по мнению некоторых критиков, высказывает устами одного из героев своего романа “Леонардо да Винчи” – Макиавелли»[1115]), то Мережковский, судя по всему, сознательно согласовывает автобиографический и художественный тексты, следуя символистскому принципу жизнетворчества и реализуя

[1114] *Лятский М.А.* Дмитрий Сергеевич Мережковский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. IV.
[1115] Там же. С. IX.

собственный тезис о том, что лучшая из автобиографий – произведения писателя.

Не менее важно в этой связи обратиться к несовпадениям фактов в текстах Лятского и Мережковского, ибо известно, что «по разным причинам автор может также умалчивать о каких-то событиях своей жизни»[1116]. Здесь мы опускаем расхождения в тех или иных датах, вызванные как ошибками Лятского, так и аберрацией памяти Мережковского, и сразу же переходим к главному.

Во-первых, в очерке Лятского отсутствуют те биографические подробности и свидетельства о ходе внутреннего развития Мережковского, которые не могли быть известны человеку, добывавшему, по собственному признанию, отрывочные сведения о жизни писателя «окольными путями, опросом товарищей его детства, поисками в журналах и разных изданиях последних десятилетий, начиная с 80-х годов, и т.д.»[1117]. В то же время некоторые эпизоды представлены Лятским более информативно. С одной стороны, это обусловлено опорой на личные свидетельства знакомых писателя, привносящих новую точку зрения. «Товарищи по гимназии знали, – читаем мы, – что Мережковский пишет стихи, что у него их целые тетради, но сам он крайне неохотно распространялся о своем сочинительстве и только после настоятельных просьб соглашался читать свои произведения на ученических собраниях»[1118]. С другой стороны, это вызвано наличием аналитических суждений Лятского о творчестве писателя (в соответствии с законами жанра), а также апелляцией к мнению других критиков. «Тем не менее, – пишет он в заключение очерка, – Мережковский далеко еще не понят критикою, которая не дала ни одного цельного литературного его портрета. Мережковский все еще ждет спокойного, объективного биографа-критика, который осветил бы читателю его личность и определил бы его место среди вождей современной

[1116] *Романова Г.И.* Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. Стб. 16.
[1117] *Лятский М.А.* Дмитрий Сергеевич Мережковский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. IV.
[1118] Там же. С. V.

русской общественной мысли и среди лучших современных мастеров русского слова»[1119].

Во-вторых, интересно посмотреть не столько на то, что есть и чего нет в тексте Лятского, сколько на то, как распоряжается фактами автобиографии Мережковский, которого невозможно заподозрить в неведении совершенного в жизни и на бумаге. Между тем «Автобиографическая заметка» отличается существенными умолчаниями по сравнению с критико-биографическим очерком. Если Лятский среди поэтов, которыми в детстве зачитывался Мережковский, называет Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Майкова, то сам писатель к числу образцов для подражания относит только Пушкина. Далее Мережковский в отличие от Лятского совершенно «забывает» о выходе своего первого поэтического сборника «Стихотворения» (1888) и не акцентирует внимание на втором романе из трилогии «Христос и Антихрист», который, по словам Лятского, имел «особенный успех»[1120].

Думается, что указанные лакуны в совокупности с фактами, отсутствующими в критико-биографическом очерке, обусловлены не только стремлением к краткости, на которое сослался Мережковский в «Автобиографической заметке», но и желанием выстроить свой жизненный и творческий путь исходя из собственных представлений, сложившихся к 1913 году. Согласно *версии* Мережковского (словосочетания «автобиографический миф» или «биографическая легенда» неуместны в данном контексте, поскольку речь идет об объективных фактах, а не соотношении «эмпирических жизненных событий и художественного творчества»[1121]), у читателя должен сложиться вполне определенный портрет личности писателя. Вглядимся в него.

На страницах «Автобиографической заметки» Мережковский предстает человеком, сформировавшимся вопреки среде и «удушающей» атмосфере времени на почве мировой литературы («Слово о полку Игореве», Майн Рид,

---

[1119] Там же. С. XI.
[1120] Там же. С. VII.
[1121] *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 10 – 11.

Купер, Бодлер, Э. По); ведущим свою поэтическую генеалогию от самого Пушкина (что усиливается воспоминанием о том, как ему посчастливилось в 14 лет «поцеловать ту руку, которую полвека назад целовал Пушкин»[1122]); «рукопожатым» Достоевским незадолго до его смерти; с молодых ногтей общавшимся с лучшими литераторами России (Гаршиным, Гончаровым, Короленко, Майковым, Михайловским, Плещеевым, Полонским, Салтыковым-Щедриным, Успенским); едва ли не первым, кто оценил талант начинающего Чехова; с детства религиозным (хотя из воспоминаний Гиппиус известно обратное); преодолевшим позитивизм и народничество; увлекавшимся «не декадентством, а символизмом»[1123] и «раньше всех»[1124] в русской литературе употребившим слово «символы» (не случайно Мережковский из всех своих поэтических книг упоминает только вторую); оригинальным, идущим от жизни мыслителем (вопреки расхожим обвинениям в «схематичности» и «книжности»)[1125]; пересмотревшим отношение к Толстому (после жесткой критики которого за Мережковским закрепился ярлык «Иудушки новейшей формации»[1126], поддержавшего «отлучение»[1127]); революционно настроенным по отношению к официальной церкви и «старому порядку в России»[1128].

[1122] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 111.
[1123] Там же. С. 113.
[1124] Там же.
[1125] Этой критической традиции отдали дань не только современники писателя, но и академические исследователи нашего времени. О «вторичности» и «книжном происхождении» творчества Мережковского, о его «пониженном чувстве жизни» не так давно говорили А.В. Лавров и Е.Д. Толстая. На этом же тезисе зиждется исходное для новой монографии Е.А. Андрущенко предположение, будто Мережковский избегает столкновения с «сырой познавательно-этической жизненной стихией», и, следовательно, «источником его вдохновения была не действительность, не живые люди с их страданиями, слабостями, поступками, а то, как все это пересоздано творческим воображением другого художника» (*Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М., 2012. С. 6 – 7, 129). Образно эта идея воплощена с помощью иллюстрации на титульном листе, где от известной фотографии, представляющей писателя на фоне книжного шкафа, остается безликий силуэт и стена книг.
[1126] *Булгаков С.Н.* Письма из России // *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895 – 1903. М., 2006. С. 362.
[1127] *Щеглова Л.В.* (В.А.Щ.). Мережковский: Публичная лекция, прочитанная в феврале 1909 г. в С.-Петербурге, в зале Соляного Городка. СПб., 1910. С. 1. К этому можно добавить еще одну небезынтересную цитату из дневника С.П. Каблукова: «На улице В. Усп[енский] высказывает мысль, что толчком для Синодск[ого] отлучения были выкрики Мережк[овского] в его книге Л.Т. и Д.: “почему Церковь молчит?”» (цит. по: *Ермичев А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907 – 1917): Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 104). Хотя непосредственно таких «выкриков» в указанной книге Мережковского нет, высказанное мнение очень показательно.
[1128] *Мережковский Д.С.* Автобиографическая заметка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 115.

Итак, умело орудуя фактами, в достоверности которых нельзя усомниться[1129], «забывая» одни и вспоминая другие, Мережковский создает парадный автопортрет. *Таким* его не мог увидеть Лятский, но именно *таким* писатель хотел выглядеть перед публикой. И это главное.

***

В разговоре о тематическом уровне ППСС-2 с точки зрения запечатления в нем духовно-биографического опыта Мережковского не менее важно, на наш взгляд, кратко остановиться на некоторых событиях и лицах эмпирической действительности, которые не вошли в «Автобиографическую заметку», но преломились в произведениях, составивших ППСС-2.

Прежде всего это запечатленные в «Старинных октавах» образы братьев, с которыми, за исключением Константина, у Мережковского не было близких отношений: будущий биолог Сергей Сергеевич (1863 – 1930; «С Сергеем мы ходили в тот же класс. / Напоминая бойкую лисичку, / Зрачки зеленоватых быстрых глаз / Лукаво щурить он имел привычку; / Лицо в веснушках помню, как сейчас, / Пронырливый и острый носик, кличку / Всему давал он метко: был актер / И дипломат, насмешлив и хитер»[1130]), будущий мировой посредник Александр Сергеевич (1862 – ?; «А неуклюжий Саша, молчаливый, / С лицом румяным и тупым, в очках. – / Как медвежонок, дикий и ленивый; / В монахи

[1129] Однако, строго говоря, правдивость некоторых сведений все-таки вызывает сомнения. Впервые на это обратил внимание М.Д. Эльзон в связи с «Автобиографической заметкой»: «Отмечу только избирательность памяти 50-летнего мемуариста – он запомнил слова Ф.М. Достоевского, цвет его глаз, его прощальный (предсмертно-напутственный?) взгляд, прощальное пожатие руки – и забыл, что встреча с автором “Братьев Карамазовых” произошла в доме “в Кузнечном переулке” (это явно поправка С.А. Венгерова), что видеть укутавшегося в плед М.Е. Салтыкова-Щедрина он мог только в его квартире (редакция журнала помещалась в другом доме) либо… на известной фотографии, выполненной Л.Ф. Пантелеевым в 1888 году. Он мог, наконец, забыть, что в первом письме к А.Г. Достоевской (20 декабря 1902 года), называя себя и свое окружение “духовными детьми” ее покойного мужа, он не напомнил о встрече более чем двадцатилетней давности» (*Эльзон М.Д.* «В литературе известен такой случай...» (Н.С. Лесков против… Д.С. Мережковского) // Рус. лит. СПб., 1995. № 4. С. 157). Среди современников у Мережковского также находились разоблачители его легенд относительно близости к «великим»: «Об этом, в частности, писал 16 ноября 1947 года Бунин знакомому литературоведу: “...Насчет Мережковского, Тургенева и Боборыкина действительно нечто удивительное: как это Мережковский мог быть у Тургенева в присутствии Боборыкина? Когда? Где? Сколько лет было тогда Мережковскому? Все это Мережковский соврал...”» (*Лавров В.* Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920 – 1953). М., 1989. С. 105).

[1130] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 44.

собирался он, в делах / Земных не видя толку; горделивый / Тот замысел погиб и стал монах – / Немало в жизни всяких превращений – / Чиновником особых поручений»[1131]), будущий надворный советник Николай Сергеевич (1860 – ?; «Благоразумен, важен, как старик, / Был Коля гимназистом идеальным; / Премудрость всех учебников постиг. / С лицом худым, бескровным и печальным, / Питая страсть, как первый ученик, / К пятеркам с плюсом и листам похвальным, / Смиряться он умел, терпеть и ждать / И всякому начальству угождать»[1132]). Не останавливается Мережковский и на членах семьи Гиппиус (бабушка, тетя, сестры Наталья и Татьяна, мать, няня), которые стали героями поэмы «Семейная идиллия», описывающей лето 1890 года, проведенное вместе на даче в Дубровицах.

В стороне остается несколько романтических увлечений, к которым Мережковский имел склонность с отроческих лет. В «Старинных октавах» поэт вспоминает первую любовь сразу к двум девушкам («елагинской фее» и «прачке Лене» – их прототипы нам неизвестны), которая, видимо, должна символизировать душевную раздвоенность автора и отсылать читателя к волновавшей писателя дихотомии плоти и духа. Таким образом, Мережковский через творчество выстраивает собственную жизнь, закладывая координаты судьбы в раннем возрасте: «Уже тогда, с младенческих времен, / Лукавым духом, Янусом двуликим, / Неопытный мой ум был соблазнен, / И с этих пор я с ужасом великим / Всю жизнь внимал, как с Богом спорит бес, / Дух грешной плоти с ангелом небес»[1133].

Юношеским увлечением баронессой Варварой Ивановной Икскуль фон Гильдебрант, урожд. Лутковской (1850 – 1928), в салоне которой Мережковский появился, будучи студентом, навеяны стихотворения: «С потухшим факелом мой гений отлетает…» (1886), «Когда безмолвные светила над землей…» (1886), «Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть…» (1887), «В путь,

[1131] Там же.
[1132] Там же.
[1133] Там же. С. 65.

скорее в далекий, неведомый путь!..» (1886), «Признание» (1886), «Мы идем по цветущей дороге…» (1886), «Ты читала ль преданья, как жгли христиан…» (1886), «О дитя, живое сердце…» (1886), «По дебрям усталый брожу я в тоске…» (1886), «Не думала ль ты, что, бледный и безмолвный…» (1886), «Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя…» (1886), «Ищи во мне не радости мгновенной…» (1886). Почти все эти тексты вошли в ППСС-2. Ольге Дмитриевне Ниловой, загадочной, но вполне реальной фигуре, посвящено в журнальном варианте стихотворение «Леда» (1895). Вероятно, что ответные письма Ниловой (которые не сохранились) за подписью «Снежная Королева» с восторженными откликами на стихотворения Мережковского – мистификация Гиппиус, которая таким образом восполняла супругу нехватку читательской любви. Как бы то ни было, но письма к Ниловой Мережковского и Гиппиус сохранились. В одном из них читаем: «Я приду к вам сегодня немного раньше девяти. Вы еще не устали от Д<митрия> С<ергееви>ча, видно, если хотите его писем к Сн<ежной> К<оролеве>. Но я думаю так: принести вам письма – значит смеяться вдвоем над обманутым общим другом. Как бы то ни было – он писал их Снежной Королеве, и Сн<ежная> Королева, кто бы она ни оказалась, не должна показывать их *никому*. Ведь вы сами против дружбы двух – и одного. А мы с вами злоупотребим нашей дружбой против Дм<итрия> С<ергееви>ча, если станем вместе читать эти письма. Я не знаю писем, которые он вам пишет – и даже осудила бы вас в душе невольно, если бы вы их стали показывать третьему другу – хотя бы мне»[1134]. По мнению К.А. Кумпан, именно Ниловой посвящен весь третий поэтический сборник Мережковского[1135]. К числу ее же предположений относится возможность посвящения стихотворений «Люблю иль нет, – легка мне безнадежность…» (1910) и «Ты ушла, но поздно…» (в журнальной публикации с датой – 1907), следующих в ППСС-2

[1134] НИОР РГБ. Ф. 178. К. 9836. Ед. хр. 4. Л. 1 – 2.

[1135] См.: *Кумпан К.А.* Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 70.

друг за другом, Марии Николаевне Деревицкой[1136], названной в мемуарах Гиппиус «Марусей», знакомство с которой «имело для Д.С. большое значение и оставило след на всю его жизнь»[1137].

Умолчав о раннем интересе к поэзии Лермонтова и сознательно дистанцировавшись от декадентства (см. комментарии № 18, 49), Мережковский ни слова не говорит и о Ницше, об увлечении которым можно судить не только по сборнику «Новые стихотворения» и романам «Смерть богов (Юлиан Отступник)», «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», но и по признанию самого писателя: «Ницше ведь тоже – и уж это мы знаем по опыту нашего собственного сердца и разума – вышел из жизни и входит в жизнь»[1138]. Более того, Мережковский, согласно мнению ученых, «был среди первых и самых энергичных популяризаторов Ницше в России»[1139], однако вскоре преодолел это «искушение» и, скорее всего, не хотел о нем вспоминать («Да и как бы я мог, – недоумевал писатель в 1902 году, – признавая учение Христово за абсолютную истину, сочувствовать нитцшеанству?»[1140]), хотя «элементы ницшевской мысли прочно укоренились в его сознании»[1141].

Точно так же Мережковский не стал упоминать имени Акима Львовича Волынского (1861 – 1926), при поддержке которого на страницах «Северного вестника» в 1895 году появился «Отверженный» («Юлиан Отступник») – первый символистский роман, привлекший колоссальное внимание читателей.

[1136] Там же. С. 893.

[1137] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 139. Ср. с признанием самого Мережковского в письме к О.А. Флоренской от 1910 года: «Я хотел бы Вам один мой сон описать, как я был влюблен в Марусю. Маруся эта живая девушка – я в прошлом году в Париже был в нее действительно влюблен – она вышла замуж, хотя любила, т.е. влюблена была в меня по-настоящему. Так вышло, случилось. И я в этом виноват. Я уверен, что она и теперь меня любит, т.е. полюбила бы, если бы со мной была. И вот она вдруг приснилась мне – звала меня, упрекала, и я понял во сне, как я перед ней виноват. И тяжело было. Особенно тяжело, когда поправить нельзя…» (*Шутова Т.* «Да будут совершены воедино...»: Переписка Мережковских с О. Флоренской // Новый журн. Нью-Йорк, 2009. № 256. С. 126).

[1138] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 129.

[1139] *Розенталь Б.Г.* Мережковский и Ницше. (К истории заимствований) // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 120.

[1140] *Мережковский Д.* Что такое язычество? // Новое время. СПб., 1902. № 9543. С. 4.

[1141] *Розенталь Б.Г.* Мережковский и Ницше. (К истории заимствований) // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 121. О своем расхождении с Ницше Мережковский писал Перцову 22 сентября 1899 года, рассуждая об отношениях между Христом и Антихристом в романе «Воскресшие боги»: «…Нитче, однако, с которым я во многом, даже в главном, не согласен, (у него древнее, *первое единство*, а у меня новое, *второе соединение*), гораздо глубже, чем Вы думаете» (Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. № 3. С. 136 – 137).

Возможно, поэтому свое «деятельное участие» в журнале Мережковский относит к наиболее раннему периоду, до того как фактическое руководство «Северным вестником» начала осуществлять Л.Я. Гуревич (с 1891 по 1898 год). 24 сентября 1891 года Мережковский писал Плещееву: «“Сев<ерный> Вест<ник>” окончательно перешел в руки Гуревич, т.е. еврея Флексера (наст. фам. А.Л. Волынского. – *А.Х.*), потому что Гуревич сама вся в руках Флексера. Он необычайно сделался важен»[1142]. По утверждению исследователей, среди русских журналов «Северный вестник» выделялся одной особенностью – абсолютной гегемонией критика Волынского, который видел себя в качестве наставника зарождающегося русского символизма.

Несмотря на острую критику некоторых работ Мережковского, Волынский усматривал в творчестве писателя «живую нервную восприимчивость к тому, что возникает и нарастает в душах современных людей»[1143], ростки уже символистского, а не декадентского творчества. Мережковский, в свою очередь, симпатизировал критику: «Во всех трудах г. Волынского есть одна характерная черта – не русская, но глубоко симпатичная. В этом пламенном, несколько сухом, но возвышенном мистицизме поклонника великого еврейского философа, в неутолимой ненависти к пошлой стороне позитивизма, в этой национальной, так сказать, прирожденной способности к тончайшим метафизическим абстракциям – сразу чувствуется нравственный и философский темперамент семита. Более всего меня привлекает к таким семитическим темпераментам неподдельная чистота, наивность философского жара, пламенная и вместе с тем целомудренная страстность ума. Недаром еврейская национальность до сих пор носительница страшного и благодатного огня – тысячелетней жажды Бога. Сколько раз, погибая, оплодотворяла она своим огнем более спокойные арийские культуры,

[1142] НИОР РГБ. Ф. 359. К. 8228. Ед. хр. 48. Л. 2.
[1143] *Волынский А.* Литературные заметки // Северный вестник. СПб., 1896. № 2. С. 335.

которым грозили бесплодием научный материализм и позитивная уравновешенность»[1144].

Дружба Мережковских с Волынским продолжалась до 1897 года. Они даже совершили весной 1896-го совместное путешествие в Италию «по следам Леонардо да Винчи», роман о котором писатель надеялся опубликовать в «Северном вестнике». Но его чаяниям не суждено было сбыться. В 1897 году, после разрыва личных отношений с Гиппиус, которому предшествовала череда грубых ссор, Волынский начал публиковать собственное исследование о Леонардо да Винчи, а вдобавок без предупреждения исключил имена Мережковских из списка сотрудников «Северного вестника». «Смердяковская у него сущность»[1145], – возмущался таким поступком Мережковский. В январе 1898 года в отношениях с Волынским была поставлена точка. В том же году прекратил свое существование «Северный вестник».

Умолчание Мережковского в «Автобиографической заметке» бросается в глаза, поскольку Лятский, напротив, акцентирует внимание читателя своего критико-биографического очерка на том, что с переходом «Северного вестника» в руки Гуревич (а значит – и Волынского) «Мережковский становится не только одним из главных сотрудников журнала, но и членом редакции его»[1146].

Мережковский не оставляет подробностей о пребывании за границей с 1906 по 1908 годы. К этому времени относится ряд встреч, свидетельства которых рассеяны по критическим работам писателя. «Встречи мои с Жоресом и А. Франсом, – читаем в одной из статей, – были так мимолетны, что, пожалуй, и рассказывать не стоило бы, если бы не было тут кое-чего символического для нас и для них, для нас, русских, и для них, французов,

---

[1144] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 207.
[1145] Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. № 2. С. 172.
[1146] *Лятский М.А.* Дмитрий Сергеевич Мережковский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. VII.

может быть, вообще европейцев»[1147]. Если с Франсом Мережковский уже был заочно знаком, опубликовав в 1895 году перевод[1148] его рассказа «Святой сатир», то с Жоресом встретился впервые. Разговор, как известно, зашел «о русской революции»[1149].

Тогда же началось сближение Мережковского с эмигрантами-революционерами. «Мне казалось, – признается писатель, – и теперь мне кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю свою жизнь. Сближение наше произошло на почве не только общественной, но и религиозной. Здесь я увидел воочию, как бы осязал руками, связь русской революции с религией. В схождении с ними я пережил то, что потом часто высказывал, возможность новой религиозной общественности, глубочайшую связь русского освобождения с религиозными судьбами России»[1150]. Эта мысль Мережковского будет последовательно развиваться в художественном творчестве и публицистике.

В романе «Александр I» мы становимся свидетелями разговора Валерьяна Голицына и Рылеева: «– А у вас лампадки везде, – сказал Голицын, заметив здесь, в кабинете, так же, как в столовой и гостиной, затепленную лампадку перед образом. – Да, жена любит. А что? – Голицын ничего не ответил, но Рылеев опять угадал. – Мне все равно – лампадки. Я в Бога не верую. А впрочем, не знаю. Мало думал. Что за гробом, то не наше. Но кажется, есть что-то такое… А вы? – Я верю. – То-то вы о черте давеча… А зачем? – Что зачем? – Да вот верить? – Не знаю. Но, кажется, без этого нельзя ничего… – И революцию нельзя? – И революцию»[1151]. На том же настаивает Сергей Муравьев: «Да не я ли вам сейчас говорил, что нам думать надо больше всего о религии, а политика сама приложится? Именно у нас, в России, более, чем где-

---

[1147] *Мережковский Д.С.* Цветы мещанства // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 66.

[1148] Не соответствует истине утверждение, что «текст Мережковского полностью оригинален» (см.: *Корчинская И.Я.* Западноевропейские традиции в «итальянских» новеллах Д.С. Мережковского // Традиции в русской литературе. Н. Новгород, 2002. С. 182).

[1149] *Мережковский Д.С.* Цветы мещанства // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 69.

[1150] Цит. по: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906 – 1908) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 353.

[1151] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 257 – 258.

либо, в случае восстания, в смутные времена переворота, привязанность к вере должна быть надеждой и опорой нашей твердейшею, – вот все, чтò я говорю. Вольность и вера вместе в России погублены и восстановлены могут быть только вместе…»[1152] Идея революции во главе с Христом не только обдумывается героями романа (ср.: «Голицын снял шапку и перекрестился, думая о предстоящей великой скорби, великой радости: – С Богом! С Богом!»[1153]), но и озвучивается (ср. слова Бестужева: «На будущий год всему конец! Самовластье падет, Россия избавится от рабства, и Бог нам поможет…»[1154]). Наша сосредоточенность на данном произведении обусловлена позицией автора, за несколько лет до написания романа утверждавшего, что «внутреннее единство религиозного и революционного движения в России всего нагляднее обнаружил внук Екатерины II, император Александр I»[1155].

В публицистике Мережковского примеров еще больше: «Но, во всяком случае, ежели не с мистической, то с исторической точки зрения, если не для будущего, то для прошлого русская революция, низвержение русского единовластия, имеет великий смысл религиозный»[1156]; «Религия и революция – не причина и следствие, а одно и то же явление в двух категориях: религия – не что иное, как революция в категории Божеского; революция – не что иное, как религия в категории человеческого. Религия и революция – не два, а одно: религия и есть революция, революция и есть религия»[1157]; «Оставаясь в старой церкви, можно только чинить гнилые бревна, делать реформацию; но чтобы сделать революцию, создать новую церковь не в бревнах, а в ребрах, надо выйти из старой»[1158]; «…я уже раз говорил (“В обезьяньих лапах” (О Леониде Андрееве) – примеч. авт. – *А.Х.*) и теперь повторяю – об этом нужно твердить

[1152] Там же. Т. 8. С. 11 – 12.
[1153] Там же. С. 197.
[1154] Там же. С. 106.
[1155] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 46.
[1156] Там же. С. 37.
[1157] *Мережковский Д.С.* В обезьяньих лапах // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 35 – 36.
[1158] *Мережковский Д.С.* Реформация или революция? // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 93.

без конца, – в настоящее время в России революция и религия – не два, а одно: революция и есть религия, религия и есть революция»[1159]; «Постепенности, непрерывности недостаточно для того, чтобы объяснить закон эволюции; нужно допустить и другой, смежный закон – *прерывности, внезапности, катастрофичности,* – то “непредвидимое” (imprévisible Бергсона), что в стихии общественной называется революцией»[1160].

Мережковский, по свидетельству Гиппиус, «не сомневался, что революция в России будет, что сделают ее, может быть, вот эти самые революционеры-народники, но что им не хватает религиозного, христианского самосознания, хотя, по существу, они к христианству близки»[1161]. Это подтверждают критические высказывания писателя: «Нерелигиозное самоутверждение приводит к самоотрицанию, самоубийству личности»[1162]; «…несмотря на безбожие русского освобождения, есть у него тайный религиозный смысл…»[1163]; «Ежели смотреть не на то, что русские революционеры говорят, а на то, что они делают, нельзя не увидеть, что эти безбожники иногда святые. Со времени первых мучеников христианских не было людей, которые бы так умирали: по слову Тертуллиана, “они летят на смерть, как пчелы на мед”»[1164].

«Субботники» Мережковских посещали видные члены из рядов партии социалистов-революционеров. Через И.И. Фондаминского (Бунакова), жене которого – А.О. Фондаминской (урожд. Гавронской) – посвящено стихотворение «Амалии» (1907), Мережковские познакомились с одним из лидеров «Боевой организации» – Б.В. Савинковым. «Великий русский патриот» (так назовет его Мережковский), соучастник убийства Плеве и великого князя Сергея был частым гостем в квартире на улице Теофиля Готье. Мережковские быстро с ним подружились. «Главная тяжесть, – по словам Гиппиус, – была в

[1159] *Мережковский Д.С.* Христианство и государство // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 101.
[1160] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 145.
[1161] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 144.
[1162] *Мережковский Д.С.* Конь бледный // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 30.
[1163] *Мережковский Д.С.* Семь смиренных // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 83.
[1164] *Мережковский Д.С.* Предисловие к одной книге // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 164.

том, что Савинков сам как будто чувствовал себя убиваемым – убивая. Говорил, что кровь убитых давит его своей тяжестью. И подходил к Д<митрию> С<ергеевичу> не то с надеждой оправдания революционного террора, не то за окончательным ему – и себе в этом случае – приговором»[1165]. Ко всему прочему в Савинкове обнаружился литературный талант. Он написал роман о террористе, проливающем кровь во имя идеи. Несмотря ни на что, герою удается выживать, но лишь до тех пор, пока он не убивает какого-то офицера ради собственной любви. Мережковские стали едва ли не первыми слушателями и критиками захватывающей истории. «Заглавие, – вспоминает Гиппиус, – довольно нелепое, я ему переменила, назвав роман “Конь бледный” (с эпиграфом из Апокалипсиса), а псевдоним, тоже неинтересный, предложила заменить одним из своих…»[1166] Так появился писатель В. Ропшин. В 1909 году Мережковский опубликовал об этом романе одноименную статью, а личность Савинкова напоминает созданный писателем образ Пестеля – тоже идеолога революции: «Истребить всех, начать революцию покушением на жизнь всех членов царской фамилии»[1167]; «Избранные к сему (убийству царской семьи. – *А.Х.*) должны находиться вне Общества; когда сделают они свое дело, оно немедленно казнит их смертью, как бы отмщая за жизнь царской фамилии, и тем отклонит от себя всякое подозрение в участье. Нам надобно быть чистыми от крови»[1168].

Одновременно с эсерами Мережковских привлекали анархисты, выступавшие за общественный порядок, основанный на свободном соглашении между людьми. Ничем не ограниченная свобода личности, по мнению анархистов, достигается уничтожением любой формы государственности, эксплуатации и частной собственности. Мережковским повезло. В Париже они познакомились со знаменитым анархистом Петром Кропоткиным. Встречу

[1165] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 131.
[1166] Там же. С. 146.
[1167] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 12.
[1168] Там же. С. 12 – 13.

организовал И.С. Книжник-Ветров[1169]. О ней Гиппиус рассказала в письме к Брюсову: «А знаете, кто самый мирный и добрый человек на свете? Кропоткин. Это такой славный и безобидный дядя, что его только по лысинке хлопать, да чай с ним пить. Все о муравьях, да о пчелках, и дочку, главное, свою любит, “Сашок” ее зовут. Наряжает, веселит. Вот так анархист! Пожалуй мистические наши, и те страшнее»[1170].

В анархизме Мережковский видит ростки нового религиозного сознания: «В настоящее время говорить об анархизме, как о реальном явлении общественном, почти невозможно. Научно-философское обоснование анархической общественности принадлежит будущему. А в современной зачаточной стадии своей анархизм есть, по преимуществу, лишь анархический индивидуализм»[1171]; «Только будущий анархист, человек последнего бунта, последнего отчаяния есть первый из людей, который услышит и примет благовестие новой религиозной надежды»[1172]; «Последнее утверждение новой религиозной безгосударственной общественности есть новое религиозное сознание и действие, новое религиозное соединение личности и общества, единого и всех, беспредельной свободы и беспредельной любви. Истинное безвластие есть Боговластие. Слова эти загадочны. Но пусть пока так и останутся они загадкою»[1173].

О «добровольном изгнании» Мережковского в 1906 – 1908 годах отдаленно напоминает биография Лунина, одного из героев романа «Александр I»: «Поселился в Париже и провел здесь несколько лет в нужде. Отец его был очень богат, но скуп и не в ладах с сыном. По смерти отца[1174] он получил наследство, с доходом в 200.000 рублей. В Париже сошелся с карбонарами и с иезуитами, которые не могли простить русскому

[1169] И.С. Книжник-Ветров (наст. фам. и имя И.С. Бланк; 1878 – 1965) – историк, библиограф. См.: РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 173. Л. 6.
[1170] НИОР РГБ. Ф. 386. К. 82. Ед. хр. 39. Л. 5 об. – 6.
[1171] *Мережковский Д.С.* Меч // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 12.
[1172] Там же. С. 13.
[1173] *Мережковский Д.С.* Предисловие к одной книге // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 166.
[1174] Заметим, что весной 1908 года, находясь за границей, Мережковский узнал о смерти отца.

правительству своего изгнания из России»[1175]. Очевидно, что в «Автобиографической заметке» по цензурным соображениям не могли появиться имена революционеров и даже намек на общение с ними. Кроме того, Мережковский наверняка опасался судебного преследования. Только что, в 1912 году, с него было снято обвинение в «дерзостном неуважении к верховной власти» за пьесу «Павел I». Гиппиус утверждает, ссылаясь на мужа, что, если бы Мережковского не оправдали, он лучше сел бы в тюрьму, но эмигрантом не сделался[1176]. Однако известно, что, сбежав от большевиков, писатель подтвердил верность своих слов, сказанных еще в 1908 году: «Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины…»[1177] В эмиграции его рассуждения на эту тему приобрели иной смысл: «– Зина, что тебе дороже: Россия без свободы или свобода без России? – Она думала минуту. – Свобода без России, – отвечала она, – и потому я здесь, а не там. – Я тоже здесь, а не там, потому что Россия без свободы для меня невозможна. Но… – и он задумывался, ни на кого не глядя, – на что мне собственно нужна свобода, если нет России? Что мне без России делать с этой свободой? И он замолкал…»[1178]

При внимательном чтении обращаешь внимание на то, что рассуждения о родине и чужбине периодически встречаются на страницах произведений Мережковского. Здесь можно вспомнить Макиавелли и Леонардо, которые «молча посмотрели друг другу в глаза и вдруг оба почувствовали, что в этом они до последней глубины сердца навеки различны, чужды друг другу и никогда не сговорятся: для одного как будто вовсе не было родины; другой

[1175] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 8. С. 51.

[1176] *Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 161. Слова З. Гиппиус подтверждаются дневниковой записью С.П. Каблукова: «Конечно, Дм<итрий> Серг<еевич> недоволен перспективой засесть на годы в крепость, но предпочитает заключение эмигрантству <…>» (цит. по: *Гончарова Е.И.* «Революционное христовство» // «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову. СПб., 2009. С. 61).

[1177] *Мережковский Д.С.* Красная Шапочка // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 54.

[1178] См.: *Берберова Н.* Курсив мой // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 493.

любил ее, по выражению Цезаря, “больше, чем душу свою”»[1179]. Сбежавший за границу царевич Алексей едва сдерживает слезы: «Никогда еще, казалось, он так не любил Россию, как теперь. Но он любил ее новою всемирною любовью, вместе с Европою; любил чужую землю, как свою. И любовь к родной, и любовь к чужой земле сливались, как эти две песни, в одну»[1180]. Даже Езопка, как ни стремился в Россию, «подобно царевичу, полюбил чужую землю, как родную, полюбил и Россию, вместе с Европою, новою всемирною любовью»[1181]. По возвращении из заграничного путешествия еще в 1891 году Мережковский написал пророческие для себя строки: «О, березы, даль немая, / Грустные поля… / Это ты, – моя родная, / Бедная земля! / Непокорный сын к чужбине, / К воле я ушел, / Но и там в моей кручине / Я тебя нашел»[1182].

Приведенных примеров достаточно, чтобы увидеть, как в случае с Мережковским речь может идти не только об однонаправленном влиянии биографического факта на творчество и его отражении в нем, но и о ситуации, когда факт жизни, прежде чем стать таковым, реализуется в литературе, что отвечает жизнетворческим установкам писателей-символистов.

***

Попытки реконструировать (авто)биографический подтекст всегда чреваты известными огрублениями и некоторой прямолинейностью суждений, ибо, вспомним слова самого Мережковского: «*…вообще нельзя приписывать автору чувств и мыслей его героев*»[1183]. Это в теории. В действительности же грань между автором биографическим и «лирическим героем» или, говоря шире, фактами жизни и творчества довольно тонкая, поэтому корректнее

[1179] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 139.
[1180] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 10.
[1181] Там же. С. 13.
[1182] *Мережковский Д.С.* Возвращение // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 172.
[1183] *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 280.

говорить не о тождестве[1184], а сходстве, близости, ничуть не преуменьшая значения для творчества Мережковского генетических связей между «своим» и «чужим» текстом.

Интересуясь только теми первично-жизненными явлениями, которые представляют духовно-биографический опыт Мережковского, и формами их присутствия в текстах ППСС-2, мы показали, что эстетически литературный факт не обладает абсолютной независимостью от автора реального, следовательно, некоторые биографические факты служат источником для толкования художественных образов. Знание этих фактов необходимо, чтобы представлять, откуда писатель берет сырой материал и каковы его возможности познания действительности. По мнению М.М. Бахтина, ситуация, когда автор непосредственно вкладывает свои мысли в уста героя (для убеждения в их истинности и для пропаганды), не является эстетически продуктивной. Но именно в такой ситуации очень часто оказывался Мережковский, в произведениях которого в силу этого далеко не все усматривали высокую художественную ценность.

§ 2. Идейный уровень: эксплицитные связи

Прямым способом выражения эксплицитных связей на идейном уровне является авторское предисловие ко всему ППСС-2 Мережковского. К данному элементу обрамления неприменим термин «научно-справочный аппарат». Сущность этого текстового феномена – эстетическая.

Несмотря на то что предметом пристального научного внимания литературное предисловие стало недавно, существует фундаментальный труд О.Г. Лазареску[1185], в котором представлены выводы, значимые для нашего исследования. В то же время в упомянутой работе речь прежде всего идет о литературных предисловиях к отдельным произведениям, на обширном

[1184] Тип отношений, сложившийся между Мережковским как автором и некоторыми из его героев, правомерно охарактеризовать как «сущностное равенство» (по терминологии В.Е. Хализева).
[1185] См.: *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII – XIX вв.). М., 2007.

материале намечены основные линии их системного изучения с акцентом на драматургическом и романном творчестве. Между тем вопрос о роли и месте авторских предисловий к ППСС русских писателей в монографии Лазареску не поставлен вовсе. Этот же вопрос отсутствует в статье Е.А. Андрущенко о предисловиях Мережковского[1186], в которой проделана большая и нужная работа по выявлению их своеобразия и сопоставлению с предисловиями к произведениям других авторов, а также показана связь предисловий писателя с его идейной и творческой эволюцией.

Таким образом, потребность разобраться в природе и назначении автороского предисловия к ППСС-2 Мережковского остается насущной. Наконец, известно, что писатель, за редчайшими исключениями, не делал предисловий даже к отдельным художественным произведениям и в поздние годы утверждал: «Все предисловия бесполезны»[1187]. «Едва ли не единственное, – указывает Андрущенко, – опубликовано им в связи с выходом в свет первого романа трилогии “Христос и Антихрист”. По техническим причинам одновременно не могли быть напечатаны все три романа, и автор счел необходимым дать читателю некоторые пояснения к первому из них. Большинство же предисловий написано им к литературно-критическим статьям и исследованиям»[1188].

Сущностно авторское предисловие к ППСС-2 является, как это бывает в аналогичных случаях, «важнейшим каналом связи литературного и внелитературного рядов»[1189]. Будучи рамочным компонентом, оно «наиболее явно обнаруживает присутствие автора»[1190]. Более того, «прямая декларативность авторского слова» становится «главным и единственным его

[1186] См.: *Андрущенко Е.А.* «Все предисловия бесполезны…» (Из наблюдений над предисловиями Мережковского) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1996. Т. 55. № 3. С. 59 – 65.
[1187] *Мережковский Д.С.* Тайна Запада: Атлантида – Европа. Белград, 1931. С. 5.
[1188] *Андрущенко Е.А.* «Все предисловия бесполезны…» (Из наблюдений над предисловиями Мережковского) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1996. Т. 55. № 3. С. 60.
[1189] *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII – XIX вв.). Автореф. … д-ра филол. наук. М., 2008. С. 8.
[1190] *Ламзина А.В.* Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. Стб. 848.

конститутивным признаком»[1191]. В предисловии Мережковский открыто указывает на автобиографический характер собственного творчества: «*...я только описываю свои последовательные внутренние переживания. И думаю: как бы ни было несовершенно описание, оно все-таки может получить цену в качестве подлинной записи о том, что было*»[1192]. В этом – очевидная перекличка между открывающим ППСС-2 авторским предисловием, повествующим о духовной биографии писателя, и «Автобиографической заметкой» в последнем томе, отсутствие которой в ППСС-1 придает авторскому предисловию особую значимость. Видимо, так «внутренние» переживания и «внешняя» деятельность Мережковского должны составить в сознании читателя гармоничное целое.

В критико-биографическом очерке «Дмитрий Сергеевич Мережковский» Лятский точно подметил, что в своем предисловии писатель дает «очень важную нить для понимания всего его литературного творчества, его литературной физиономии»[1193]. «*...Между этими книгами,* – говорит сам Мережковский, – *несмотря на их разнородность, иногда разногласие, существует неразрывная связь. Это – звенья одной цепи, части одного целого. Не ряд книг, а одна, издаваемая только для удобства в нескольких частях. Одна – об одном*»[1194]. Данное суждение подтверждает установку автора на структурно-семантическое единство произведений, входящих в полное собрание сочинений. Иначе говоря, авторское предисловие придает ППСС-2 характер завершенности, становится важнейшим конструктивным элементом, организующим и обнажающим как формальные, так и содержательные связи.

По словам Мережковского, ответ на вопрос: «*Что такое христианство для современного человечества?*» – является «*скрытой связью между частями*

[1191] *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII – XIX вв.). Автореф. … д-ра филол. наук. М., 2008. С. 12 – 13.
[1192] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. V.
[1193] *Лятский М.А.* Дмитрий Сергеевич Мережковский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 17 т. Т. 1. СПб.; М., 1912. С. IX.
[1194] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. V.

целого»[1195]. Автор дает «кратчайшую схему» написанного: «*Трилогия "Христос и Антихрист" изображает борьбу двух начал во всемирной истории, в прошлом. "Л. Толстой и Достоевский", "Лермонтов", "Гоголь" – изображают эту же борьбу в русской литературе*[1196]*, в настоящем. "Грядущий Хам", "Не мир, но меч", "В тихом омуте", "Больная Россия" – в русской общественности. "Древние трагедии", "Итальянские новеллы", "Вечные спутники", "Стихотворения" отмечают вехами те побочные пути, которые привели меня к единому и всеобъединяющему вопросу об отношении двух правд – Божеской и человеческой – в явлении Богочеловека. Наконец, "Павел I" и "Александр I" исследуют борьбу тех же двух начал в их отношении к будущим судьбам России*»[1197]. Следовательно, предисловие Мережковского направлено на формирование определенной установки восприятия всего ППСС-2.

«*ЧИТАТЕЛЬ…*» – именно так, почтительно и без лишних слов, начинает автор, который не в первый раз «испытывает потребность предварить изложение проникновенным обращением к читателю, стремится вовлечь его в круг своих размышлений и ощущений, подготовить к восприятию последующего текста»[1198]. Мережковский адресуется к «читателям-спутникам», которых, по собственному признанию, среди современников у него немного, но каждый из них равен писателю «во всем»[1199]. Тем самым автор надеется на искренний и живой отклик. Он хочет быть не только услышанным, но и понятым. Говоря с читателем от своего «я» (это местоимение используется наиболее активно[1200]), Мережковский ищет пути преодоления извечного

[1195] Там же.

[1196] Об этом же 4 августа 1899 года Мережковский писал Перцову: «…занят Л. Толстым и Достоевским. Вот уже четыре месяца их штудирую. Хочу написать статью под заглавием *Человекобог* и *Богочеловек*, – иначе Христос и Антихрист в русской литературе, это отчасти продолжение статьи о Пушкине» (Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову // Рус. лит. Л., 1991. № 3. С. 133).

[1197] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. VIII.

[1198] *Андрущенко Е.А.* «Все предисловия бесполезны…» (Из наблюдений над предисловиями Мережковского) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1996. Т. 55. № 3. С. 61.

[1199] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. VI.

[1200] В этой связи трудно согласиться с Н.А. Бердяевым, утверждавшим, что «Мережковский никогда не говорит от "я", он всегда говорит от "мы"» (*Бердяев Н.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 340).

одиночества[1201]. Хотя в предисловии утверждается обратное: «*Но я не один. Без помощи близких мне, близких по вере в единое, я не сделал бы и того малого, что сделал*»[1202], – мы вправе вспомнить высказывание писателя, предваряющее другой текст: «Всякий пишущий хочет иметь читателей, потому что не добро быть человеку одному, и, особенно, в религии»[1203]. Обращенное к читателю предисловие к ППСС-2 содержательно выдает в Мережковском ориентацию на те литературные формы, «которые основаны на сочетании самодостаточности авторской интенции, отказе от исчерпывающей предъявленности автора в произведении (“неизреченности” авторской идеи) и прямой авторской оценки как важнейших установок… творческого сознания»[1204]. В этом же ряду – установка Мережковского на равноправное читательское сотворчество, осуществляемое по авторской «подсказке» (Д.С. Лихачев). Наконец, нельзя забывать о стремлении писателя в предисловии, равно как и в «Автобиографической заметке», упорядочить свой путь духовно-творческих исканий и объяснить (если не «сгладить») встречающиеся на нем противоречия, которые, по словам Мережковского, «утверждают подлинность переживаний»[1205].

Например, известно, что до Первой русской революции Мережковский не стоял в непримиримой оппозиции к власти и церкви. Он признавал, что в самодержавии потенциально заключено «зерно религиозное»[1206], а в 1905 году даже допускал мысль о возможном соединении официальной церкви с русской интеллигенцией, «дабы вместе с нею внести свет нового религиозного сознания в темную религиозную стихию русского народа»[1207], но взгляды писателя

[1201] По оценке, данной Мережковскому Р.В. Ивановым-Разумником: «…он пророк и пастырь не живых, но мертвых, – и потому он пастырь без стада, был им, есть и будет. Это ответ самой жизни на вопрос о причине гнетущего одиночества Д. Мережковского» (*Иванов-Разумник.* Мертвое мастерство (Д. Мережковский) // *Иванов-Разумник.* [Соч.] Т. II. Творчество и критика. [СПб.], [б.г.] С. 178).
[1202] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. VIII.
[1203] *Мережковский Д.С.* Тайна Трех. Египет и Вавилон. Прага, 1925. С. 7.
[1204] *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII – XIX вв.). М., 2007. С. 60.
[1205] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. V.
[1206] См.: Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 134.
[1207] *Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 143 – 144. В 1906 году Мережковский составил «Воззвание к Церкви», которое предполагалось провозгласить на так и не

изменились: «Оставаясь в старой церкви, можно только чинить гнилые бревна, делать реформацию; но чтобы сделать революцию, создать новую церковь не в бревнах, а в ребрах, надо выйти из старой»[1208]. Иными словами, официальная церковь и подчинившее ее государство стали полностью отрицаться[1209] Мережковским. В предисловии автор специально останавливается на этой мировоззренческой метаморфозе: «*Когда я писал исследование "Л. Толстой и Достоевский", я видел или хотел видеть положительную религиозную силу в русском самодержавии, именно в его связи с русским православием… Я был в этом последователен: утверждая в религии соединение Христа с Антихристом, я должен был утверждать то же соединение в общественности. Но в "Грядущем Хаме" и "Пророке русской революции" я уже знаю, что религиозная сила русского единовластия, действительно огромная, – не положительная, а отрицательная, демоническая*»[1210]. Как видно, Мережковский мастерски акцентирует внимание на последовательности своих прежних суждений, а перемена во взглядах предстает не ментальным сломом, а едва ли не закономерным следствием «исторического созерцания», «внутреннего религиозного опыта» и «внешних событий русской жизни»[1211], или – этапом единого пути, по которому целенаправленно движется автор.

Из сказанного можно прийти к заключению о невозможности дать авторскому предисловию Мережковского четкое жанровое определение, да и сам писатель не оставляет заголовка. Любое наименование – «предисловие», «вступление», «от автора» и т.п. – будет условным. Можно сказать, что это типологическая черта всех предисловий Мережковского: «И каждый раз трудно определить, что это в структуре текста – предваряющее ли его предисловие или

состоявшемся митинге-протесте с участием духовенства (см.: Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках *С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др.* М., 1997. С. 702).

[1208] *Мережковский Д.С.* Реформация или революция? // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 93.

[1209] Неудивительно, что в 1910 году Гермоген, епископ Саратовский, потребовал отлучения от церкви Мережковского, В.В. Розанова и Л.Н. Андреева за «богохульство против веры».

[1210] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. VII.

[1211] Там же.

некая вводная часть, а может быть первый раздел – часть текста, которая начинает повествование»[1212].

Если сравнивать рассматриваемое нами предисловие Мережковского с другими литературными формами, то наибольшее сходство обнаруживается с жанром исповеди (к которому, кстати говоря, примыкает автобиография, что вновь позволяет нам констатировать семантическую перекличку между авторским предисловием в начале и «Автобиографической заметкой» в конце ППСС-2). Исповедальность подчеркивается несколькими чертами. Во-первых, перед нами «биография» души, в основе которой «лежит идея перерождения или же идея становления»[1213]. «*Я не имею притязания,* – пишет Мережковский, *– давать людям истину, но надеюсь: может быть, кто-либо вместе со мною пожелает искать истины. Если да, то пусть идет рядом по тем же извилистым, иногда темным и страшным путям; делит со мною иногда почти безысходную муку тех противоречий, которые я переживал*»[1214]. Во-вторых, автор, исповедуясь перед читателем, «рассказывает о том, что повлияло на формирование его души, не утаивая при этом своих неблаговидных поступков»[1215]. Мережковский стремится быть предельно искренним: «*Если бы читатель в этих мыслях моих со мной соблазнился, то со мною же и победил бы соблазн. Я знаю опять-таки одно: не поняв соблазна до конца, его не победишь*»[1216]. Или другой пример: «*Когда я начинал трилогию "Христос и Антихрист", мне казалось, что существуют две правды: христианство – правда о небе, и язычество – правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд – полнота религиозной истины. Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом – кощунственная ложь; я знал, что обе правды – о небе и о земле – уже соединены во Христе Иисусе, Единородном Сыне Божием, Том Самом, Которого исповедует вселенское христианство, что в Нем,*

[1212] *Андрущенко Е.А.* «Все предисловия бесполезны…» (Из наблюдений над предисловиями Мережковского) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1996. Т. 55. № 3. С. 59.
[1213] *Волкова Т.Н.* Исповедь // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 85.
[1214] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. VI.
[1215] *Волкова Т.Н.* Исповедь // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий. М., 2008. С. 85.
[1216] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. VII.

Единoм – не только совершенная, но и бесконечно совершаемая, бесконечно растущая истина, и не будет иной, кроме Него. Но я теперь также знаю, что надо было мне пройти эту ложь до конца, чтобы увидеть истину»[1217]. Наконец, в-третьих, предисловию Мережковского свойственна одна стилистическая особенность – ощутимое присутствие назидательности, роднящей исповедь с другим жанром – проповеди-поучения. Однако автор понимает, что за ним давно закрепился ярлык проповедника от литературы, над которым властвуют идеи (Л. Шестов), и старательно открещивается от него: «*...я не проповедую и не философствую (а если иногда то и другое делаю, то нечаянно, наперекор себе)…*»[1218]; «*Я не хочу последователей, учеников (слава Богу, у меня их нет и никогда, надеюсь, не будет*[1219]*), – я хотел бы только спутников*»[1220]. Таким образом, проповедь Мережковского закамуфлирована под исповедально-моралистический комментарий к творчеству. Он не заставляет, но ласково заманивает читателя: «*Не говорю: идите туда; говорю: если нам по пути, то пойдем вместе. Знаю: куда я иду, нельзя дойти одному. Если вообще есть в моих писаниях проповедь, то только эта: проповедь, что не должно быть проповеди; не должно быть одного ведущего, а надо идти вместе всем*»[1221]; «*Пусть, повторяю, спутники мои идут рядом со мною, если хотят и могут; а если нет, то покинут меня; – но я не поведу их за собою*»[1222]. При этом, с одной стороны, Мережковский утверждает, что не хочет «стеснить свободы читателя»[1223], а с другой, дает схему написанного и оставляет к ней комментарий. На первый взгляд, эта особенность напоминает литературные

[1217] Там же. С. VI.

[1218] Там же. С. V. Ср. с репликой Мережковского: «Скучно слушать проповеди» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 240). Несмотря на заверения писателя, Е. Лундберг утверждал: «Для меня несомненно, что вся его деятельность есть упорная, порою однообразная проповедь» (*Лундберг Е.* Мережковский и его новое христианство. СПб., 1914. С. 12). Репутация «проповедника» и даже «пророка» закрепилась за Мережковским. В 1909 году В.В. Розанов под псевдонимом «Старый друг» опубликовал о нем фельетон «Потуги на пророчество» в «Новом времени» (№ 11788. С. 2).

[1219] Ср. с началом одной из статей Мережковского: «Лучше быть шутом гороховым, чем современным “пророком”. Лучше бить камни для мостовой, чем называться учителем» (*Мережковский Д.С.* Пророчество и провокация // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 133).

[1220] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. VI.

[1221] Там же.

[1222] Там же. С. VII.

[1223] Там же.

предисловия XVIII века, которые использовались русскими писателями «в качестве “площадки” для концептуализации своих философских, нравственных, эстетических идей»[1224]. По мнению исследователя, в тех предисловиях авторы «избегают говорить о своей личности как о явлении “единственном и неповторимом”»[1225]. Мережковский словно заимствует этот принцип, когда пишет: «*…то, что было со мною, было или будет со многими из моих современников; чем я жил и живу, тем жили и будут жить многие*»[1226]. Между тем предисловие Мережковского, в котором через исповедально-моралистические комментарии к текстам акцентировано личное присутствие автора, в гораздо большей степени наследует гоголевской традиции.

Характеристики, данные в одной из работ предисловиям Н.В. Гоголя[1227], можно отнести к манере Мережковского. Он тоже стремится объяснить смысл своего творчества, который раскрывается не имманентно, а в соотнесении произведений друг с другом, через их включение в большой контекст. Как и Гоголь, Мережковский использует «форму прямого обращения к читателю, в которой, впрочем, прямое обращение было только формой, за которой стояла “подсказка” читателю главной мысли художника»[1228]. Для обоих писателей комментарий важен не только как способ изложения авторской концепции, но и как средство организации текстов. Наконец, и Гоголь, и Мережковский придают значимость объяснению с читателем, поскольку в их творчестве художество и морально-этическая (а лучше сказать – религиозная) позиция нераздельны.

Особенности авторских предисловий – не единственная точка соприкосновения Мережковского с Гоголем. На интертекстуальном уровне

[1224] *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII – XIX вв.). М., 2007. С. 141.
[1225] Там же.
[1226] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. V.
[1227] См.: *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII – XIX вв.). М., 2007. С. 278 – 301.
[1228] Там же. С. 300.

создатель «Мертвых душ» присутствует в письмах Мережковского к Андрею Белому. Сравним два пассажа.

«Дай только бог, – пишет Гоголь одному из корреспондентов, – чтобы исполнили вы нашу просьбу, меня все уверяет, что не оставите нас, что вы будете жить вместе с нами, что вы не оставите безутешную. Вы не забудете, извините, ежели смею сказать, свой долг (хотя мы вам одолжены всем) быть с теми, которые так любят и которые рады бы пожертвовать всем, чтобы возвратить к себе милого родственника. Дай бог вам возможного счастия и иногда, хотя редко, легкой памяти обо мне.

Прощайте, милый дяденька! Как бы мне хотелось еще раз обнять вас»[1229].

А вот что Мережковский пишет Белому: «Никогда не надо расставаться – надо всем жить вместе всегда – вот урок на будущее время. Но *это* пройдет наверное. Только приезжайте поскорее. Как бы мне хотелось сейчас обнять Вас и приласкать, и успокоить, убаюкать, мальчик мой милый, бедненький!»[1230] (или: «Все мы делим Вашу вину и несем ее так, как будто сами виноваты. И все готовы помочь Вам искупить ее и вернуться к нам.

Ждем Вас, зовем, никогда не уйдем от Вас, только Вы от нас не уходите!»[1231]).

Мережковский заимствует едва ли не все гоголевские «ужимки», что выражается в использовании определенной лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а также серии повторов, намеков, недоговоренностей. Почти каждое письмо он заканчивает настойчивым приглашением в гости, а в заключение непременная «проповедь»: «Христос с Вами – хоть Вы против Него и “бунтуете”, но Он все-таки с Вами и никогда Вас не покинет. И мы с Вами всегда.

Приезжайте же непременно, а то я приеду к Вам»[1232]. (Ср. с Гоголем: «Вы же любите меня *во Христе,* а потому и любовь ваша вечна, как самая жизнь во

[1229] *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 28 – 29.
[1230] «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный…»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 163.
[1231] Там же. С. 165.

Христе. Но прощайте, моя добрая, до следующего письма! Мне чувствуется, что мы теперь чаще, нежели прежде, будем писать друг к другу»[1233]). Даже в том случае, когда Белый публично открещивается от Мережковских, Дмитрий Сергеевич, как колдун, продолжает свой заговор: «Боря милый, мальчик мой бедненький, не думайте, что мы Вас покинули. Мы твердо верим, что Вы ушли от нас только на время и что Вы все-таки любите нас так же, как мы Вас любим, а сила любви все покроет, все преодолеет»[1234].

И Гоголь, и Мережковский обожают всякого рода «приписочки» с умалчиванием. «Хотел было, – начинает Николай Васильевич, – предложить два исторические вопроса, сильно меня занимавшие. Не разрешишь ли? – но после. Они требуют много бумаги»[1235]. Ни этот ли прием использовал Мережковский в письме к Белому: «Посылаю Вам одну из наших молитв: по прочтении листок *уничтожьте!* _ _ _ Нет, решил не посылать. А при свидании скажу»[1236]?

Порой кажется, что Мережковский в своих просьбах цитирует Гоголя. «Очень прошу, – обращается он к Белому: – пишите мне почаще – обо всем решительно – обо всех мелочах и даже пустяках: Вы не можете себе представить, как письма тут на чужбине дороги. Хочется длинных, длинных и фактических, даже *анекдотических* писем»[1237]. А вот фрагмент из письма Гоголя к матери: «Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщать мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно»[1238]. И далее: «Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий,

---

[1232] Там же. С. 163.
[1233] *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 266.
[1234] «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный…»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 165.
[1235] *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 61.
[1236] «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный…»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 153.
[1237] Там же. С. 170.
[1238] *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 33.

страшных сказаний, преданий, разных анекдотов и проч., и проч., и проч. Все это будет для меня чрезвычайно занимательно»[1239].

В отличие от Гоголя интерес Мережковского к мельчайшим бытовым подробностям не только писательский, но и житейский. С его помощью создается интимная, келейная атмосфера общения, когда говорят, а главное – *молчат вместе*.

«Но довольно, – пишет Гоголь; – сокровенные чувства как-то становятся пошлыми, когда облекаются в слова»[1240]. «Отдохновенье нам нужно»[1241], – читаем в другом письме. «Вы чересчур много говорите о том, о чем надо молчать, – словно подхватывает его тон Мережковский, – мы все слишком много говорим, а слова истощают, от них устаешь страшно, до смерти – до того, что начинает казаться, что ничего и нет, и не было, и не будет кроме слов.

Вам нужно просто отдохнуть, помолчать»[1242].

Мережковский перенимает позу гоголевского смирения. «Сначала я испугался было, – читаем в его письме к Белому. – Ну, как мне-то, такому грешному в *этой* именно области, – прощать или не прощать Вас, такого чистого? Ибо чистоту Вашу я всегда чувствовал, и она меня смущала: поймет ли, думал я, он мое великое страдание, простит ли мне мой великий грех»[1243]. Или: «Всегда за Вас молюсь и Вы за меня и за всех нас помолитесь, если не словами, не в сознании, то безмолвным воздыханием – любовью Вашею к нам, которую мы всегда чувствуем, как Вашу бесконечную молитву за нас. Верьте и Вы в нашу любовь»[1244]. Сравните с просьбой Гоголя: «Помолись же хорошенько богу о себе, да и о мне тоже помолись, о здоровье и о силах моих слабеющих»[1245].

[1239] Там же.
[1240] Там же. С. 163.
[1241] Там же. С. 208.
[1242] «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный…»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 163.
[1243] Там же. С. 154.
[1244] Там же. С. 172.
[1245] *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 8 т. М., 1984. Т. 8. С. 225.

В то же время из уст обоих писателей зачастую раздается призывный учительствующий глас. «Итак, – наставляет Гоголь, – светлей и светлей да будут с каждым днем и минутой ваши мысли, и светлей всего да будет неотразимая вера ваша в бога, и да не дерзнете вы опечалиться ничем, что безумно называет человек несчастием. Вот что вам говорит человек, смешащий людей»[1246]. «Боря, Боря, – читаем у Мережковского, – мальчик мой любимый, единственный, разве Вы не слышите, что “близко время”, что “Он стоит у дверей и стучит”. Кто Он? Ну, пусть Вы не хотите, не смеете произнести имени Его, но Вы уже знаете, что это Он, и никто другой...

Потому я знаю твердо, что Вы с Ним и Он с Вами, несмотря на все Ваши отречения, – потому, что могу и *должен* молиться за Вас. Когда за Вас молюсь, тогда и знаю, что Вы с Ним, хотя этого Вы сами пока еще не знаете. Не бойтесь, скоро узнаете»[1247].

Думается, приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в допустимости предпринятого сравнения.

Несмотря на то что предваряющее ППСС-2 слово Мережковского не имеет четких жанровых границ, мы можем квалифицировать его как собственно референтное авторское предисловие, отсылающее читателя к аналогичным текстам с традиционной функциональностью. «Авторская концепция мира и художественного творчества представлена в них декларативно, – указывает исследователь данного рамочного компонента, – художественное содержание переведено на язык логических понятий. Автономность этих предисловий определяется их свободой от связей с фабулой и сюжетом самого произведения»[1248]. В случае с Мережковским – всего собрания сочинений, между которыми автор устанавливает эксплицитные связи, сцепляя смыслы в рамках собственной интенции. Но поскольку

[1246] Там же. С. 189.

[1247] «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный…»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 171.

[1248] *Лазареску О.Г.* Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики (на материале русской литературы XVIII – XIX вв.). Автореф. … д-ра филол. наук. М., 2008. С. 31 – 32.

авторская позиция, выраженная в теории, не исчерпывает всего семантического многообразия, обратимся к имплицитным связям на уровне формы, а в качестве дополнительного аргумента приведем слова Мережковского из рассмотренного предисловия: «*Это, разумеется, только внешняя, мертвая схема, геометрический рисунок лабиринта; внутреннее же строение тех тканей, которые образуют рост живого растения, я сам, по всей вероятности, меньше, чем кто-либо, знаю*»[1249].

Раздел 2. Формальный аспект: имплицитные связи

§ 1. Общие замечания

Для выявления имплицитных связей, образующих смысловой каркас ППСС-2, остановимся на константных компонентах предметного, композиционного и словесного уровней в границах всего собрания. Забегая вперед, заметим, что аналитическое рассмотрение указанных уровней позволило выявить две системы семантических полей с разветвленной сетью смысловых перекличек между ними.

§ 2. Устойчивые компоненты предметного мира и формы их выражения

§ 2.1. Пол

Первое семантическое поле со значением «пол»[1250] складывается из компонентов «плоть» – «дух», «мужское» – «женское». Несмотря на то что «дух» в представлении Мережковского составляет один синонимический ряд со словами «небо», «идея», «Ипостась», «Слово», а «плоть», в свою очередь, – с

[1249] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. VIII.

[1250] Кавычки при наименованиях семантических полей и смысловых компонентов обусловлены тем, что наша работа – литературоведческое, а не религиозно-философское исследование, поэтому речь в ней идет только об авторском словоупотреблении. Что же касается упомянутого семантического поля, то о его важности в ППСС-2 можно судить по признанию самого писателя О.А. Флоренской: «Тема о поле… есть одна из трех главных наших тем…» (*Шутова Т.* «Нечаянная радость»: Письма Д.С. Мережковского О.А. Флоренской // Новый журн. Нью-Йорк, 2008. № 253. С. 146).

лексемами «тело», «земля», «мир», «жизнь», «культура»[1251], следует иметь в виду, что оба понятия не мыслятся противоположными. Писатель критикует средневековое христианское толкование духа как сущности, запредельной тварному миру, и активно противостоит категорическому размежеванию духа и плоти как не имеющих точек соприкосновения субстанций, а также превознесению духа над плотью в христианской догматике и лишению плоти ореола святости.

Таким образом, отношения между семантическими компонентами «плоть» и «дух» представлены в ППСС-2 четырьмя фазами. Во-первых, Мережковский констатирует их разобщенность в устоявшихся представлениях официальной церкви. «Историческое христианство, – читаем в исследовании “Л. Толстой и Достоевский”, – усилило один из двух мистических полюсов святости в ущерб другому – именно полюс отрицательный в ущерб положительному – святость духа в ущерб святости плоти; дух был понят как нечто не полярно противоположное плоти и, следовательно, все-таки утверждающее, а как нечто совершенно отрицающее плоть, как бесплотное. Бесплотное и есть для исторического христианства духовное и, вместе с тем, “чистое”, “доброе”, “святое”, “божеское”, а плотское – “нечистое”, “злое”, “грешное”, “дьявольское”. Получилось бесконечное раздвоение, безвыходное противоречие между плотью и духом, то самое, от которого погиб и дохристианский мир, с тою лишь разницей, что там, в язычестве, религия пыталась выйти из этого противоречия утверждением плоти в ущерб духу, а здесь, в христианстве, наоборот – утверждением Духа в ущерб плоти»[1252].

Образное подтверждение своего тезиса о нарушенной гармонии духовного и плотского начал Мережковский находит у Ф.М. Достоевского: «Невинная девушка Аглая и “блудница” Настасья Филипповна влюблены в Идиота; и он их любит обеих вместе. Любовь его к Аглае – еще не плоть и

[1251] Еще Н.А. Бердяев указал на то, что «“плоть” многозначна у Мережковского, и он постоянно играет этим пленительным словом. Сама эта многозначность помогает ему» (*Бердяев Н.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 338).

[1252] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 14 – 15.

кровь, но уже стремление к плоти и крови; он любит ее не только для нее, но и для себя, как свое исцеление, возвращение в жизнь, как тот свет сознания, который должен окончательно победить шевелящийся в нем хаос безумия. Его любовь к Настасье Филипповне – чистейшим огнем пламенеющая христианская жалость, бесконечное самопожертвование; он любит ее только в духе, только для нее, а не для себя, против себя, потому что чувствует, что погибнет с нею, может быть, и ее не спасет. Но эта вторая любовь – для него такая же святыня, как и его “влюбленность” в Аглаю (это собственно не “влюбленность”, но другого слова пока еще нет). Условия действительной жизни, грубые страсти грубых людей – боль самолюбий, чувственность и ревность – требуют, чтобы он сделал окончательный выбор. Да он и сам сознает, что, если бы выбрал одну и покинул другую, то избавил бы себя и окружающих от неимоверных страданий, может быть, спас бы обеих. Но он все-таки не может сделать этого выбора, без преступления или без кощунства над одной из двух равных святынь: покинув Аглаю, он окончательно восстал бы на себя, на Бога в себе, умертвил бы свою плоть для духа, – а ведь он уже стремится не к умерщвлению, но к воскресению плоти, не к бесплодной святости, а к святой плоти; покинув Настасью Филипповну, он умертвил бы душу свою, потому что вся душа его – один огонь сострадания к страдающим»[1253].

Наконец, в автобиографической поэме «Старинные октавы» Мережковский выстраивает жизнь, усматривая истоки своего мировоззренческого дуализма в детском увлечении сразу двумя девушками из разных социальных слоев: «Хотя любил я сказочную фею, / Но эта баба с утюгом в руках, / Богиня синьки, мыла и крахмала, / Мое воображенье занимала. // Зачем ты дал нам две души, Господь? / Друг друга ненавидя и страдая, / Напрасно в людях спорят дух и плоть, / Любовь небесная, любовь

[1253] Там же. Т. 12. С. 76.

земная: / Одна другой не может побороть. / С Владыкой Тьмы враждует Ангел рая: / Кому из них я первенство отдам, / Кто победит меня, – не знаю сам»[1254].

Однако разделение «плоти» и «духа» трактуется Мережковским как противоестественное; хотя и сложившееся в историческом христианстве, но противоречащее учению самого Христа: «Вместо живого диалектического развития, которое дано в учении Христа: тезис – плоть, антитезис – дух, синтез – “духовная плоть”, в историческом христианстве получилось только мертвое логическое тождество – получилась бесплотная святость вместо святой плоти, бесплотная духовность вместо духовной плоти»[1255]. И далее: «Старое христианство превознесло дух над плотью, оторвало и отъединило дух от плоти; Слово не стало в нем Плотью, а, наоборот, – плоть стала словом; старое христианство превознесло духовную половину мира и человека над плотскою, приняло только воскресение духа и пренебрегло воскресением плоти, не столько даже сознательно умертвило, сколько просто забыло плоть. И плоть умерла. И вместе с плотью умер дух. От живой плоти, от живого духа остался лишь “тлетворный дух”»[1256].

Вторая фаза, являющаяся логическим следствием первой, – признание святости плоти. Эта идея буквально пронизывает ППСС-2, встречаясь и в художественных, и в критико-публицистических текстах. Вспомним, как Юлиан увидел молодую девушку, совершенно голую, которая держала медный диск в руке, но: «…ни одной грешной мысли не могло родиться в душе поэта: восторг его был свят»[1257]. Другой пример – слова Арсинои: «Те, кто в пустыне терзают плоть и душу свою, – те далеки от кроткого Сына Марии. Он любил детей, и свободу, и веселие пиршеств, и белые лилии. Он любил жизнь, Юлиан! Только мы ушли от Него, запутались и омрачились духом. Все они называют

[1254] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 64 – 65.
[1255] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 15.
[1256] Там же. Т. 12. С. 266.
[1257] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 90.

тебя отступником. Но сами они – отступники...»[1258] Очевидный намек на святость плоти содержится в эпизоде из романа о Леонардо да Винчи: «Рассказ о чудесной помощи Матери Господа, ее особливой Заступницы, прерван был служанкою мадонны Лены, прибежавшею сказать, что госпожа требует у ключницы баночки с мазью для мартышки, отморозившей лапу, и Декамерона Боккаччо, которого вельможная блудница читала перед сном и прятала под подушку вместе с молитвенником»[1259].

В нехудожественных произведениях мысль Мережковского выражена более развернуто, причем за иллюстрациями писатель обращается к самым разным историческим личностям: «тайновидцу плоти» Льву Толстому («В наш век всеобщего идолослужения перед бесплотным духом или перед бездушною плотью он, хотя и смутно, но все же предчувствовал ту глубину религиозного созерцания, где открывается и в религии, так же как древним открылась в искусстве, – святость всякого тела, духовность всякой плоти»[1260]); «последнему святому» Серафиму Саровскому («Ежели, однако, плоть есть абсолютная нечистота, отрицание Бога, чистого Духа, то зачем воплощение Слова, явление Христа во плоти? Зачем воскресение плоти? Зачем таинство Плоти и Крови? Не кощунственно ли погружать святыню святынь, Плоть Христову, образ бесплотного Духа в бездушную плоть человеческую – гной, грязь, лужу, в которой воплощаются бесы, как свиньи?»[1261]); «тайновидцу духа» Федору Достоевскому («Откровение Св. Духа – святая плоть, святая земля, святая общественность – теократия, церковь как царство, не только небесное, но и земное, исполнение апокалипсического чаяния: мы будем царствовать на земле,

---

[1258] Там же. С. 324.

[1259] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 111.

[1260] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 10. С. 91. См. также: «Толстой, как художник, тайновидец плоти. Всей плоти, “всей твари, совокупно стенающей об избавлении”, голоса перекликаются в его созданиях: в предсмертном бреду князя Андрея и в предсмертном шелесте срубленного дерева, в зверином реве Китти рождающей и в почти человеческом реве быка, которого режут на бойне, в тихом плаче новорожденного и в пушечном грохоте на поле Бородинской битвы, в протяжном крике на “у” Ивана Ильича и в музыке метели, которая сливается с музыкой страсти у Анны Карениной» (*Мережковский Д.С.* Лев Толстой и революция // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 153).

[1261] *Мережковский Д.С.* Последний святой // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 106.

связанного с чаянием евангельским: да будет воля Твоя на земле, как на небе»[1262]); Николаю Гоголю («Гоголь с такою силою, как никто из людей современной Европы, почувствовал, что первая и последняя сущность христианства – не мрак, а свет, не отрицание, а утверждение мира, не распятие, а воскресение плоти, не бесплотная святость, а святая плоть»[1263]); Ивану Тургеневу («“Песнь торжествующей любви” – песнь торжествующей плоти»[1264]); Петру Первому («Подобно своему духовному вождю и пророку Петру Великому, русская интеллигенция есть носительница некоторой новой, пока еще темной для большинства и только для очень немногих чуть брезжущей небывалым апокалипсическим светом, христианской правды о земле, о плоти, о просвещении вселенском, о всечеловечестве, как пути к Богочеловечеству»[1265]). В этом же ряду – обращение за примером к собору Святой Софии Константинопольской: «Своды подымаются без тамбуров, прямо от стен. В основании сводов расположены сплошным рядом низкие полукруглые окна, наполняющие свод ясным, тихим светом, так, что, кажется, купола реют в воздухе, сами воздушные, солнечно-золотистые, неимоверно высокие, легкие-легкие и несокрушимо твердые, как твердь небесная, “плоть духовная”, Святая Плоть»[1266].

Третья фаза – промежуточная – намечает путь от «плоти» к «духу». Эта мысль неоднократно варьируется Мережковским: «…нет у нас иных путей восхождения, иных ступеней к Богу, кроме “подобий”, “явлений”, “символов” – не бесплотных и не бескровных, а облеченных в самую живую плоть и кровь»[1267]; «…не против и не от земли, а только через землю можно прийти к неземному, не против и не без плоти, а только через плоть…»[1268]; «Итак, не без плоти, а через плоть к тому, что за плотью: тут величайший символ,

[1262] *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 233.
[1263] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т.15. С. 271.
[1264] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 59.
[1265] *Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 143.
[1266] *Мережковский Д.С.* Св. София // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 155.
[1267] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 39.
[1268] Там же. С. 93.

величайшее соединение – о, сколь немногим еще доступное!»[1269]. И вновь для усиления собственной аргументации Мережковский прибегает к излюбленному риторическому приему – ссылке на авторитет: «Но ведь об этой “физической перемене человека”, физической и духовной вместе, об этом перерождении, превращении “плотяной” плоти в духовную плоть уже задумывался самый здоровый, трезвый из русских людей, Пушкин…»[1270]

В итоге, по мнению писателя, отношения между «духом» и «плотью» должны завершиться синтезом. Данный тезис Мережковского, будучи основным, настойчиво повторяется в текстах ППСС-2. Чаще всего – в трактате «Л. Толстой и Достоевский»: «…с известной религиозной точки зрения, животное в человеке столь же свято и небесно, как духовное, так что плоть и дух только в своих видимостях, только в явлениях – противоположны, но в последней потусторонней сущности – едины»[1271]; «Л. Толстой есть величайший изобразитель этого не телесного и не духовного, а именно телесно-духовного – *“душевного человека”* – той стороны плоти, которая обращена к духу, и той стороны духа, которая обращена к плоти…»[1272]; «Кажется, еще одна ступень, одно усилие, и подземный выход окончательно открылся бы ему, и он (Л.Н. Толстой. – *А.Х.*) понял бы, что “небо внизу и небо вверху” – одно и то же небо, что тайна плоти и тайна духа – одна и та же тайна»[1273]; «Таковы они в своем вечном противоречии и вечном единстве – эти два демона русского Возрождения – тайновидец плоти, Л. Толстой, тайновидец духа, Достоевский; один – стремящийся к одухотворению плоти; другой – к воплощению духа»[1274]; «У меня два главных вопроса, два сомнения. Вся книга, для которой строки эти служат предисловием, – есть только опыт постановки на живом, самом близком и наглядном для нас примере одного из этих вопросов – именно вопроса отвлеченного, мистического, о возможном соединении двух противоположных

[1269] Там же. С. 40.
[1270] Там же. Т. 10. С. 120.
[1271] Там же. Т. 9. С. 112.
[1272] Там же. Т. 10. С. 26 – 27.
[1273] Там же. С. 91.
[1274] Там же. С. 170.

полюсов христианской святости – святости Духа и святости Плоти»[1275]; «…нельзя напитать плоти, не напитав и духа, живущего в этой плоти; но ведь точно так же и наоборот, нельзя напитать духа, не напитав и плоти, в которой дух жив, ибо человек не один дух и не одна плоть, а дух и плоть вместе»[1276].

С этой же мыслью Мережковского мы встречаемся на страницах других работ. Так, в исследовании о М.Ю. Лермонтове читаем: «Должно свершиться соединение правды небесной с правдой земной, и, может быть, в этом соединении окажется, что есть другой, настоящий рай…»[1277]; «Недаром же и в самом христианстве некогда был не только небесный идеализм, но и земной реализм, не только умерщвление, но и воскресение плоти»[1278]. В сборнике «Не мир, но меч» проводится та же идея: «Но, повторяю и настаиваю: отвержение плоти вовсе не временная ошибка, которую христианство может исправить, а вечный предел, который ему нельзя переступить. Вот почему все реформаторские попытки вернуть в него выпавшую плоть никогда ни к чему не приводили и не приведут. Это вливание нового вина в старые мехи: мехи раздерутся, и вино вытечет. Аскетическое, то есть подлинное, христианство и современная культура обоюдно непроницаемы: между ними возможно не соединение, а только смешение. Но к соединению Святого Духа со Святою Плотью ближе несвятая плоть вне-христианского человечества, чем бесплотная святость христианства»[1279].

Два других компонента семантического поля со значением «пол» – «мужское» и «женское» – представлены на страницах ППСС-2 как взаимодополняющие начала. В мировоззрении Мережковского особое место занимает образ андрогина (восходящий к античному мифу о Гермафродите и

[1275] Там же. Т. 11. С. 14.
[1276] Там же. Т. 12. С. 139.
[1277] *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 193.
[1278] Там же.
[1279] *Мережковский Д.С.* Меч // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 26. В том же ключе Мережковский рассуждал на Религиозно-философских собраниях: «…Христос утверждает не противоположность, но коренное единство, мистическое единство духа и плоти» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 207).

речи Аристофана в платоновском «Пире»), символизирующий полноту и единство пола, разделенного на мужской и женский.

Необходимо отметить, что мужское и женское начала понимаются Мережковским не столько в буквальном (физиологическом), сколько в метафизическом смысле – как абстрактные духовно-психологические категории, «полюса мира», находящиеся в состоянии «*нездешней* противоположности»[1280]. В некотором роде представления писателя о поле напоминают не только известные размышления Владимира Соловьева из трактата «Смысл любви» (1892 – 1894)[1281], но и австрийского философа Отто Вейнингера, утверждавшего в книге «Пол и характер. Принципиальное исследование» (1903), что ни один человек не может быть абсолютным мужчиной или женщиной: «Итак, мужчина и женщина являются как бы двумя субстанциями, которые в самых разнообразных соотношениях распределены на все живые индивидуумы, причем коэффициент каждой субстанции никогда не может быть равен нулю. Можно даже сказать, что в мире опыта нет ни мужчины, ни женщины, а есть только мужественное и женственное. Поэтому индивидуум А или В не следует просто обозначать именем “мужчина” или “женщина”, а нужно указать, сколько частей того и другого содержит в себе каждый из них»[1282]. Сходные мысли встречаем в письме жены Мережковского (не скрывавшей, кстати, свое увлечение теорией Вейнингера[1283]) к В.Ф. Нувелю: «Я как-то не могу с вашей определенной резкостью разделять всех людей на чистых мужчин и чистых женщин, принимая к тому же за

[1280] *Мережковский Д.С.* Ночью о солнце // *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. М., 2001. С. 257.

[1281] «В эмпирической действительности, – пишет В.С. Соловьев, – человека как такового вовсе нет – он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность (и уже на этой основе развиваются все прочие различия). Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, – это и есть собственная ближайшая задача любви» (*Соловьев В.С.* Соч. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 513).

[1282] *Вейнингер О.* Пол и характер. М., 1997. С. 16.

[1283] См. также: *Берштейн Е.* Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве // Эротизм без берегов: Сборник статей и материалов. М., 2004. С. 64 – 89.

определяющий факт телесную половую организацию»[1284]. И дальше: «Я в поле ставлю разделения *начала* мужского и женского; физиологи кладут пол в мозг, а вы, Валичка… в половые органы! Это, ей-Богу, примитивно, и жизнь на каждом шагу должна вам доказать, что она сложнее, запутаннее и загадочнее»[1285].

Таким образом, рассуждения Мережковского о сочетании мужского и женского начал не были чем-то исключительным и вписывались в атмосферу «сексуальной анархии» (термин Элейн Шоуолтер) рубежа XIX – XX веков. Однако андрогинность, понимаемая метафизически, не выступает у Мережковского в качестве субститута гомосексуальности (последнее усматривается некоторыми исследователями, в частности О. Матич, в отношении З.Н. Гиппиус). Судя по всему, главное, к чему стремился писатель в своих умозаключениях о поле, – перекинуть мост от материальной реальности к духовной. Подтверждение тому – слова Мережковского из статьи, не вошедшей, но вписывающейся по тональности в ППСС-2: «Не только по христианской метафизике, но и по здравому смыслу личность, *индивидуум* есть *неделимое*, целое; пол есть половина, двоение (два пола), деление, дробь личности. Совершенный человек, совершенная личность – не мужчина, *только* мужчина (самец), и не женщина, *только* женщина (самка), а что-то большее. Ведь вот сам же Розанов знает, что во всяком мужчине есть женское и во всякой женщине – мужское. Соединение мужского и женского не в половом акте, вне личности, а в ней самой и есть начало личности. Вот почему чувство пола так связано с чувством смерти: в поле и в смерти – конец личности»[1286].

В текстах же, составляющих ППСС-2, соединение мужского и женского начал можно наблюдать на многочисленных примерах. Ярчайший из них – образ Леонардо да Винчи, бисексуальность которого подчеркивается в разных эпизодах: «Знавшие мать его в молодости уверяли, что Леонардо похож на нее.

[1284] Письма З.Н. Гиппиус к В.Ф. Нувелю // Диаспора: новые материалы. Вып. 2. СПб., 2001. С. 338.
[1285] Там же.
[1286] *Мережковский Д.С.* Розанов // *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. М., 2001. С. 193 – 194.

В особенности тонкие длинные руки, мягкие, как шелк, золотистые кудри и улыбка его напоминали Катерину. От отца унаследовал он могущественное телосложение, силу здоровья, любовь к жизни; от матери – женственную прелесть, которою все существо его было проникнуто»[1287]; «Ему (Леонардо. – *А.Х.*) было лет за сорок. Когда он молчал и думал, острые, светло-голубые глаза под нахмуренными бровями смотрели холодно и проницательно. Но во время разговора становились добрыми. Длинная белокурая борода и такие же светлые, густые, вьющиеся волосы придавали ему вид величавый. Лицо полно было тонкою, почти женственною прелестью, и голос, несмотря на большой рост и могучее телосложение, был тонкий, странно высокий, очень приятный, но не мужественный. Красивая рука, – по тому, как он правил конем, Джиованни угадывал, что в ней большая сила, – была нежная, с длинными тонкими пальцами, точно у женщины»[1288]; «Перед яростною силою Буонарроти тихая, женственная прелесть Леонардо казалась бесконечною слабостью»[1289]; «Джиованни любил наблюдать, как он (Леонардо. – *А.Х.*) смеется: в это время глаза его суживались, делались как щелки, лицо принимало выражение детски-простодушное, и, мотая головою, вытирая слезы, проступавшие на глазах, заливался он странным для его большого роста и могущественного телосложения, тонким смехом, в котором звучали те же визгливые женские ноты, как и в гневных криках его»[1290].

Андрогинность Леонардо усиливается через сравнение художника с натурщицей моной Лизой («Порой, когда Джиованни долго смотрел на эту общую улыбку их, становилось ему жутко, почти страшно, как перед чудом: явь казалась сном, сон явью, как будто мона Лиза была не живой человек, не супруга флорентинского гражданина, мессэра Джиоконда, обыкновеннейшего из людей, а существо, подобное призракам, вызванное волей учителя, –

[1287] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 70.
[1288] Там же. Т. 2. С. 37.
[1289] Там же. Т. 3. С. 233.
[1290] Там же. Т. 2. С. 341.

оборотень, женский двойник самого Леонардо»[1291]), но не только. В этой связи показательна сцена, в которой между Франциском и поэтом, обратившими внимание на неоконченную работу Леонардо, завязывается многозначительный диалог:

«– Странно! – удивился Франциск. – Волосы, грудь, лицо – совсем как у девушки. Похож на Лизу Джиоконду: та же улыбка.

– Может быть, Андрогин? – заметил поэт, и когда король, не отличавшийся ученостью, спросил, что значит это слово, Сен-Желэ напомнил ему древнюю басню Платона о двуполых существах, муже-женщинах, более совершенных и прекрасных, чем люди, – детях Солнца и Земли, соединивших оба начала, мужское и женское, столь сильных и гордых, что, подобно Титанам, задумали они восстать на богов и низвергнуть их с Олимпа. Зевс, усмиряя, но не желая истребить до конца мятежников, дабы не лишиться молитв и жертвоприношений, рассек их пополам своею молнией, “как поселянки, сказано у Платона, режут ниткою или волосом яйца для соления впрок”. И с той поры обе половины, мужчины и женщины, тоскуя, стремятся друг к другу, с желанием неутолимым, которое есть любовь, напоминающая людям первобытное единство полов.

– Может быть, – заключил поэт, – мэтр Леонар в этом создании мечты своей пытался воскресить то, чего уже нет в природе: хотел соединить разъединенные богами начала – мужское и женское»[1292].

На возможность гармоничного сочетания мужской силы и женской привлекательности указывает еще один герой романа о Леонардо да Винчи: «Чудеса рассказывали и о телесной силе его: однажды, будто бы, в Риме, во время боя быков, юный Цезарь, бывший тогда кардиналом Валенцы, разрубил череп быку ударом палаша. В последние годы французская болезнь только потрясла, но не сокрушила его здоровья. Пальцами прекрасной, женственной

[1291] Там же. Т. 3. С. 200 – 201.
[1292] Там же. С. 347 – 348.

тонкой руки гнул он лошадиные подковы, скручивал железные прутья, разрывал корабельные канаты»[1293].

Явный намек на андрогинность содержится в образе Петра I из заключительной части трилогии «Христос и Антихрист»: «Чувствительный Петр! Как это странно звучит. А между тем в тонких, нежных, почти женственных губах его, в пухлом подбородке с ямочкой что-то похожее на чувствительность так и чудилось мне в ту минуту, когда царица говорила своим сладким голоском с жеманно-приторной усмешечкой: “детки по ней в гнезде плачут!”»[1294].

Немало аналогичных примеров находим в романе «Александр I»: г-жа Татаринова («Никогда я не видывал у женщины, – рассуждает Валерьян Голицын, – таких мужских глаз; и это мужское в женском весьма привлекательно»[1295]); императрица-мать («Выдумала недавно наряжаться для верховой езды в мужское платье: лиловый, шитый золотом кафтан, на голове шапочка с пером, на ногах белое трико в обтяжку»[1296]); Софья («Голицыну вспомнилось то, что он слышал о ней: как тринадцатилетняя девочка носила пояс, вываренный в соли, разъедавший тело; стояла на солнце, пока кожа на лице не трескалась, хотела убежать в монастырь, принять пострижение и странствовать в мужской одежде, под именем умершего юного послушника Назария»[1297]); Пестель («Что бы ни говорил он, приятно было слушать: в самом звуке голоса была чарующая уветливость, и логика пленяла, как женская прелесть»[1298]); Александр I («Что если вспомнят слова Наполеона: “Александр тонок, как булавка, остер, как бритва, фальшив, как пена морская; если бы надеть на него женское платье, то вышла бы прехитрая женщина”»[1299]). Упомянутый в приведенных примерах мотив перевоплощения мужчины в

[1293] Там же. С. 130.
[1294] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 130.
[1295] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 120.
[1296] Там же. С. 195.
[1297] Там же. Т. 6. С. 172.
[1298] Там же. Т. 7. С. 10.
[1299] Там же. С. 179.

женщину (или наоборот) является самостоятельной темой новеллы Мережковского «Рыцарь за прялкой».

Если обратиться к нехудожественной прозе писателя, то этот же мотив присутствует в статье «Последний святой»: «Одна беглая крепостная девушка остригла себе волосы, надела мужскую послушническую ряску и так странствовала по миру. На нее донесли, и полиция задержала ее. При допросе она показала, будто бы о. Серафим благословил ее одеваться мужчиною. Разумеется, это клевета, так же, как и все прочие соблазнительные толки о Серафиме и дивеевских девушках. Но светское начальство всполошилось, приказало духовным властям произвести розыск, допросить Серафима. Началась канцелярская переписка. Вот когда, должно быть, “бесы зашумели, закликали”. Несказанная тайна христианской святости, которую дремучие ели и сосны укрывают склоненными ветвями, становится предметом полицейского розыска. Дело, конечно, вскоре замяли, потому что тут, собственно, и не было никакого “дела”, а было только наваждение бесовское: этот крепостной андрогин кажется не живым человеком, а призраком, оборотнем, чертовой куклой, нарочно подсунутой для соблазна малых сих»[1300].

Наконец, в литературно-критических работах Мережковского определенно женственными чертами наделены мужчины: Монтень («Несмотря на любовь к уединению, он обладает избытком нежной, чисто женской чувствительности к чужим страданиям. “Больше всех остальных пороков, – говорит он, – я ненавижу жестокость, и по врожденному чувству, и по убеждению”»[1301]); Лермонтов («“В его улыбке было что-то *детское*”, – говорит Лермонтов о Печорине. – Детское и женское. – “Он очень походил на мать свою, – сказал однажды Краевский, указывая на ее портрет, – если вы к этому лицу приделаете усы, измените прическу да накинете гусарский ментик – так

[1300] *Мережковский Д.С.* Последний святой // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 136.
[1301] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 176.

вот вам Лермонтов”»[1302]); Гаршин («Его душа, слабая и женственная, не вынесла этого мучительного раздвоения»[1303]).

Смысловой компонент «женское» («женственное»), согласно Мережковскому, включает в себя «любовь-материнство» и «влюбленность», соединенные в мире божественных сущностей в образе Девы Марии, но противоборствующие в мире явлений, поскольку «любовь-материнство» незримыми нитями связана с браком и половым актом, а «влюбленность» – с девственностью и поцелуем.

Очевидно, что брак и девство обладают наибольшим потенциалом антагонизма по отношению друг к другу. В дореволюционной «Православной богословской энциклопедии» вместо статьи «Девство» стоит отсылка к тексту «Безбрачие», что объяснимо: «По происхождению брак старше христианства, поэтому первым элементом брака можно поставить физический: брак есть осуществление вложенной в природу человека потребности, соединение двух лиц разного пола»[1304]. Согласно катехизическому определению, супругам испрашивается благодать единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей.

Оставаясь на религиозных позициях, Мережковский полагает, что «говорить о браке христианском, не говоря о девстве, нельзя, потому что идеал девства связан с идеалом брака так тесно, неразрывно, внутренно, что говорить об одном, не говоря о другом, невозможно. Непонятно, что такое брак, если не понято, что такое девство. Можно только говорить о браке на фоне девства. Брак тогда начинает обнаруживаться, когда за ним есть девство»[1305].

Выражая апокалиптический взгляд на мир, Мережковский признает, что абсолютный идеал христианства есть девство, поэтому неудивительна та

[1302] *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 173.

[1303] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 254.

[1304] *Завьялов А.* Брак // Православная богословская энциклопедия. Т. 2. Пг., 1901. Стб. 1023 – 1024.

[1305] Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 221. Об интересе Мережковского к феномену девства «взрослых людей» см.: *Сарычев Я.В.* Религия Дмитрия Мережковского: «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение. Липецк, 2001. С. 144 – 156.

симпатия, которой пронизан очерк о И.С. Тургеневе: «У него, который, можно сказать, всю жизнь только и делал, что мучился над вопросом пола, поразительное отсутствие вопроса о деторождении, о материнстве. Тургеневские женщины и девушки как будто не могут родить. И как будто сам он этому сочувствует, не хочет продолжения рода человеческого, говорит ему: “Довольно! Довольно!” – Но это не скопчество, не отсечение, а какое-то огненное утверждение пола, огненная чистота – *влюбленная девственность*. Тургенев – поэт вечной девственности»[1306].

Однако воззрения Мережковского на брак носят двойственный характер. С одной стороны, он отвергает прокреативный смысл брака как «дурную бесконечность», иначе говоря, выступает против сведения брака из области христианского таинства на мысль о ребенке, на рациональную (если не сказать – позитивистскую) почву. «Потому-то, – пишет Мережковский, – и является в браке третья личность – ребенок, что две первые – отца и матери – как бы умирают, убывают, ущербляются в похоти. И задача неисполненной любви, непрославленной плоти передается от одного поколения другому, как зажженный факел из рук в руки; и чреда поколений – чреда бегущих факелоносцев»[1307]. «Отсюда, – читаем уже в другом тексте, – “поклонение предкам” в китайском, – поклонение потомкам в европейском позитивизме; отсюда – брак, деторождение, “семья как религия”. “Жена, дети” – вот вечное оправдание всех нелепостей буржуазного строя, вечное возражение против религии, которая говорит: “враги человеку домашние его”; вот “прочное основание”, о которое разбиваются все крылатые “химеры”, все христианские пророчества о конце мира»[1308]. Одновременно с прокреативной Мережковский критикует юридическую составляющую брака: «…вместо святого сладострастия, святого брака – законный брак»[1309]. В художественной форме близкая этой мысль сформулирована автобиографическим героем поэмы

[1306] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 60.
[1307] Там же.
[1308] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т.15. С. 214.
[1309] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 222.

«Старинные октавы»: «Но ужаса я полн и отвращенья / К семейной пытке, к битве без конца, / Без отдыха, где нет врагу прощенья, / Где только бледность кроткого лица / Иль вздох невольный выдает мученья: / Внутри – убийство, а извне хранит / Законный брак благопристойный вид»[1310]. Еще пример – в поэме «Вера»: «Легко сказать – жениться!.. Это шаг / Непоправимый; разбирая строго, / Обуза тяжкая – законный брак…»[1311]

С другой стороны, Мережковский не отвергает брак как христианское таинство: «Брак есть тайна – тайна, подлежащая откровению. Этот процесс раскрытия тайны еще не совершился в христианстве. Дано сокровенное в браке в словах Господа: “Будете два в плоть едину”»[1312]. По мнению писателя, на словах духовенство придерживается такой же точки зрения (брак свят, ибо представляет собой духовный союз Христа с церковью), но на деле существует противоречие[1313], на которое Мережковский неоднократно указывает в ППСС-2. Например: «То, что сделал Серафим, делает и все христианство: говорит о святости брака и молча манит к девству»[1314]; «Брак принят в христианстве как наименьшее зло, как временная сделка с немощью плоти. *Лучше жениться, чем разжигаться*. Брак – состояние мирское, человеческое; девство – монашеское, ангельское. Брак хотя и назван, но не сделан таинством; да и как может быть таинство там, где нет предельной святости, а есть только меньшая степень греховности?»[1315]

В рассуждениях Мережковского – безупречная логика: утверждая святость плоти, он не мог не допускать мысль о святости христианского брака. В ППСС-2 это сформулировано следующим образом: «Таинство брака есть, по преимуществу, и прежде всего, таинство плоти, тут не от духа к плоти, а

[1310] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 51.
[1311] *Мережковский Д.С.* Вера // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 127.
[1312] Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 222.
[1313] На такое же противоречие Мережковский указывал в прениях по докладу «Гоголь и отец Матвей»: «Мне представляется, что современное христианство допускает святость во плоти, но как быть святым, как отделить грешное от безгрешного – этого не указывает. Оно говорит, что все сотворенное Богом хорошо, но на деле выходит, что это благословление остается бездейственно, сияния святости в плоти мы не видим» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 196 – 197).
[1314] *Мережковский Д.С.* Последний святой // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 130.
[1315] *Мережковский Д.С.* Меч // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 27.

наоборот – от плоти к духу устремляется святость. Соединение душ возможно и вне брака; но совершенно святое соединение плоти с плотью не может быть вне таинства брака»[1316].

Критикуя В.В. Розанова за принятие тезиса, согласно которому «святостью девства уничтожается святость брака, и наоборот»[1317], из чего можно заключить, что «существо брака, соединение полов – не что иное, как соединение грязи с грязью»[1318], Мережковский, обращаясь к русской литературе, доказывает противоположное. Так, «предельная святость у Лермонтова – “нездешняя страсть” и, может быть, какой-то иной, нездешний брак»[1319]; а Л. Толстой (оправдывая законный, но не святой брак героини) приводит читателей «Анны Карениной» к якобы сомнительному выводу: «…надо было пожертвовать своим оргийным сладострастием своему материнству, своею плотью своему духу, потому что дух свят, а плоть грешна, потому что духовная Анна – истинная, а плотская – ложная, не “настоящая”»[1320].

Что же получается? Брак освящается через плоть, которая в идеале преображается посредством воздержания, следовательно, предпочтение отдается новой христианской влюбленности и символизирующему ее поцелую, а не любви-материнству (иначе – прокреативному браку) и половому акту.

Данный мотив встречается во второй части трилогии «Христос и Антихрист»: «Не находя себе места, блуждая по многолюдным залам, зашла она (герцогиня. – *А.Х.*) в маленький дальний покой, где у весело пылавшего камина разговаривали в тесном кружке молодые дамы и синьоры.

Спросила, о чем они беседуют.

[1316] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 221.
[1317] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 75.
[1318] *Мережковский Д.С.* Последний святой // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 107.
[1319] *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 191.
[1320] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 212.

– О платонической любви, ваша светлость, – отвечала одна из дам. – Мессэр Антонниотто Фрегозо доказывает, что женщина может целовать в губы мужчину, не нарушая целомудрия, если он любит ее небесною любовью.

– Как же вы это доказываете, мессэр Антонниотто? – молвила герцогиня, рассеянно щуря глаза.

– С позволения вашей светлости, я утверждаю, что уста – орудие речи – служат вратами души, и когда они соединяются в лобзании платоническом, души любовников устремляются к устам, как бы к естественному выходу своему. Вот почему Платон не возбраняет поцелуя, а царь Соломон в Песни Песней, преобразуя таинственное слияние души человеческой с Богом, говорит: лобзай меня лобзанием уст твоих.

– Извините, мессэре, – перебил его один из слушателей, старый барон, сельский рыцарь с честным и грубым лицом, – может быть, я этих тонкостей не разумею, но неужели полагаете вы, что муж, застав жену свою в объятиях любовника, должен терпеть?..

– Конечно, – возразил придворный философ, – сообразно с мудростью духовной любви…

– А как же брак?..

– Ах, Боже мой! Да мы о любви говорим, а не о браке! – перебила хорошенькая мадонна Фиордализа, нетерпеливо пожимая ослепительными голыми плечами.

– Но ведь и брак, мадонна, по всем законам человеческим… – начал было рыцарь.

– Законы! – презрительно сморщила Фиордализа свои алые губки. – Как можете вы, мессэре, в такой возвышенной беседе упоминать о законах человеческих – жалких созданиях черни, превращающих святые имена

любовника и возлюбленной в столь грубые слова, как муж и жена?»[1321] О том же пишет Мережковский в новелле «Железное кольцо»[1322].

Участвуя в прениях по вопросу о браке на Религиозно-философских собраниях, Мережковский провозглашал: «…для влюбленных *одинаковое* значение имеет как физическая сторона, так и духовная»[1323]. Кажущаяся противоречивость этого высказывания снимается содержащимся в ППСС-2 разъяснением: «На самом деле, влюбленные любят не *это* тело, не труп, не падаль, а какое-то *другое*, какую-то нетленную “духовную плоть”. О ней-то сказано: “Будут два одною плотью. – Кто может вместить, да вместит”»[1324]. В этой связи вспоминается оценка Идиота, данная Мережковским и служащая дополнительной иллюстрацией только что процитированных слов: «…какая-то загадочная прелесть, какой-то неодолимый соблазн притягивает к нему женщин, как “магнит железо”, так что могучий самец, сладострастный паук Рогожин, перед этим, как будто бесполым серафимом, чувствует себя жалким соперником в глазах женщин: они окружают “идиота”, больного, юродивого; они следуют за ним, служат ему, готовы умереть за него, как за учителя»[1325].

Разгадывая тайну пола и в то же самое время углубляя ее, Мережковский откровенно тоскует об идеале «девственно-брачной влюбленности». Возможно, поэтому в его исследовании о М.Ю. Лермонтове столь интимно выглядят наблюдения над тем, как «влюбленный утес-великан плачет о тучке золотой. Одинокая сосна грустит о прекрасной пальме. И разделенные потоком скалы хотят обнять друг друга…»[1326]

[1321] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 256 – 257.
[1322] *Мережковский Д.С.* Железное кольцо. Новелла XV века // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 19. С. 51.
[1323] Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 231.
[1324] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 59.
[1325] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 30.
[1326] *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 197.

§ 2.2. Религия

Не будет преувеличением сказать, что произведения, включенные Мережковским в ППСС-2, служат решению им же сформулированной задачи: «Как не доказать, а показать, что религия – самое нужное из всех человеческих дел?»[1327]

Второе семантическое поле со значением «религия» складывается из компонентов «язычество» – «христианство», «Христос» – «Антихрист», «историческая Церковь» – «грядущая Церковь». В данном разделе исследования мы не будем рассматривать такие смежные вопросы, как «государство и церковь», «раскольничество и сектантство», «революция и религия», поскольку они наиболее тесно связаны с биографией Мережковского и уже были затронуты на тематическом уровне. Кроме того, мы не претендуем на то, чтобы охарактеризовать религиозно-философские взгляды писателя во всей сложности и полноте. Многое в этом направлении уже сделано в ставших хрестоматийными работах Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, Вяч. Иванова, И.А. Ильина, В.В. Розанова, Г.В. Флоровского, Л. Шестова и др. Из современных исследователей назовем В.В. Бычкова, И.В. Воронцову, П.П. Гайденко. Предпринятое нами рассмотрение носит сугубо литературоведческий характер и имеет своим предметом не столько структуру религиозного мировоззрения писателя, сколько стратегии и формы текстуальной презентации религиозной темы в структуре ППСС-2.

Смысловому компоненту «язычество» приложимы такие характеристики, как «красота», «веселье», «страсть», «телесность», «земная жизнь». Достаточно вспомнить описание жилища жреца Олимпиодора из первой части трилогии «Христос и Антихрист»: «Комнаты были маленькие, тесные, почти игрушечные, но уютные; никакой роскоши, скорее бедность, – ни ковров, ни серебра; простые каменные полы, деревянные скамьи и стулья, дешевые амфоры из обожженной глины. Но в каждой мелочи было изящество. Ручка

[1327] *Мережковский Д.С.* Меч // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 5.

простой кухонной лампады изображала Посейдона с трезубцем: это была древняя, искусная работа. Иногда Юлиан подолгу любовался на стройные очертания простой глиняной амфоры с дешевым оливковым маслом. Всюду на стенах виднелась легкая живопись: то нереида, сидящая верхом на водяном чешуйчатом коне, то пляшущая молодая богиня в длинном пеплуме с вьющимися складками»[1328]. Но главное – это атмосфера жизни, преисполненной радостью: «Все смеялось в домике, облитом солнечным светом: смеялись нереиды на стенах, пляшущие богини, тритоны, даже морские чешуйчатые кони; смеялся медный Посейдон на ручке лампады; тот же смех был и на лицах обитателей дома; они родились веселыми; им довольно было двух дюжин вкусных олив, белого пшеничного хлеба, кисти винограда, нескольких кубков вина, смешанного с водою, чтобы счесть это за целый пир и чтобы жена Олимпиодора, Диофана, в знак торжества, повесила на двери лавровый венок»[1329].

Языческое веселье составляет содержание «Песни вакханок», демонстрирующей, что смех – одна из главных точек размежевания «язычества» и «христианства». Насмешливые древние боги могут быть противопоставлены Христу, который, согласно преданию, никогда не смеялся[1330]. В середине 1890-х годов «правда смеха» («…Один есть подвиг в жизни – радость, / Одна есть правда в жизни – смех!»[1331]) переходит у Мережковского в «символ веры», и в этом, с одной стороны, можно усмотреть бесспорное влияние философии Ф. Ницше. Оно проявляется как в характере смеха – имморального, нравственно-безразличного, находящегося «по ту

[1328] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 28.
[1329] Там же.
[1330] Ср. с высказыванием С.С. Аверинцева: «Мудреца всегда труднее рассмешить, чем простака, и это потому, что мудрец в отношении большего количества частных случаев внутренней несвободы уже перешел черту освобождения, черту смеха, уже находится за порогом... В своем воплощении Христос добровольно ограничивает свою свободу, но не расширяет ее; расширять ее некуда. Поэтому предание, согласно которому Христос никогда не смеялся, с точки зрения философии смеха представляется достаточно логичным и убедительным. *В точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен» (Аверинцев С.С.* Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 9).
[1331] *Мережковский Д.С.* Песня вакханок // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 45.

сторону добра и зла»: «Гряди, всесильный Вакх, дерзай, / И все преграды, все законы / С невинным смехом нарушай!»[1332] (ср. у Ницше: «…в смехе все злое собрано вместе, но признано священным и оправдано своим собственным блаженством…»[1333]), – так и в образе Вакха (Диониса): «Как львиный рев, – могуч и страшен / Смех Дионисия святой»[1334]. С другой стороны, налицо родство языческого и карнавального смеха с его телесностью («Ханжам ревнивым вы не верьте / И не стыдитесь наготы…»[1335]), жизнеутверждающим характером («Унынье – величайший грех»[1336]), освобождением не только от серьезности (см. высказывание М.М. Бахтина о смехе: «…это радостное освобождение от серьезности»[1337]), но и от страха (см. у него же: «Смех освобождает от страха, и эта работа смеха по освобождению от страха – это необходимая предпосылка вообще ренессансного сознания»[1338]), в том числе – от страха смерти: «…И смехом смерть мы побеждаем, / С безумьем Вакховым в сердцах!..»[1339]

Когда Мережковский сопоставляет «ветхое» историческое христианство и язычество, то симпатии повествователя чаще оказываются на стороне второго. Истоки этого предпочтения самому писателю видятся не в увлечении ницшеанством, а в детском наивном пантеизме: «Крик ласточек сквозь пение псалмов, / Шумящие под свежим ветром клены, / Дыхание сиреневых кустов, / Все манит прочь из церкви в сад зеленый, / И кажется мне страшным лик Христов / Сквозь зарево свечей во мгле иконы: / Любовью, чуждой Богу, мир любя, / Язычником я чувствовал себя»[1340]. (Говоря о «язычестве», мы, вслед за автором, в первую очередь подразумеваем античный мир, эллинство, дохристианскую, а не антихристианскую культуру.)

[1332] Там же. С. 46.
[1333] *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // *Ницше Ф.* Соч. В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 168.
[1334] *Мережковский Д.С.* Песня вакханок // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 45.
[1335] Там же.
[1336] Там же.
[1337] *Бахтин М.М.* К вопросам теории смеха // *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 5. М., 1997. С. 50.
[1338] Цит. по: *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М., 2009. С. 225.
[1339] *Мережковский Д.С.* Песня вакханок // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 46.
[1340] *Мережковский Д.С.* Старинные октавы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 62.

Естественное, природное, «наивное» мироощущение язычников противопоставлено в контексте ППСС-2 историческому христианству как религии, обратившейся в отрицание жизни. «…Слуги Распятого, ненавидящие жизнь…»[1341] – такая характеристика звучит из уст одного из персонажей первой трилогии (матери Ювентина, который покидает ее ради служения Христу). В исследовании о Гоголе Мережковский высказывается на этот счет более развернуто: «Христианство не входит в жизнь, и жизнь не входит в христианство: они разошлись и с каждым днем все более расходятся. Христианство оказалось величайшим отрицанием жизни, жизнь – величайшим отрицанием христианства. Христианство сделалось безжизненным, бесплотным, бездейственным, а жизнь, плоть, действие – не-христианскими. Все современное европейское человечество раздирается этим противоречием»[1342]. Примечательно, что Мережковский расширяет возможности для художественно-философских и критико-публицистических параллелей. «Спор христианской и античной нравственности, – читаем в очерке о Майкове (который, по словам автора, “до конца своих дней в глубине души остался язычником, несмотря на все усилия перейти в веру великого Назареянина”[1343]), – до сих пор еще нельзя считать законченным. Классический взгляд на земное счастье как на крайний предел человеческих стремлений возобновляется в позитивизме, в утилитарианской нравственности. Тот же самый протест, с которым первые христиане выступили против античного мира, повторяется в требованиях противников позитивной нравственности, в их желании найти основу для долга не в одном стремлении к временному счастью»[1344].

Таким образом, антитеза двух смысловых компонентов – «язычества» и «христианства» – не только подразумевается, исходя из принятых писателем

[1341] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 137.
[1342] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т.15. С. 269.
[1343] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 82.
[1344] Там же. С. 74.

характеристик каждого, но и вербализуется Мережковским в самых разных формах: от философской лирики («Где же ты, истина?.. В смерти, в небесной любви и страданьях, / Или, о тени богов, в вашей земной красоте? / Спорят в душе человека, как в этом божественном храме, – / Вечная радость и жизнь, вечная тайна и смерть»[1345]) до публицистики («Напрасно близорукие европейцы так мало придают значения тому, что наша война с Японией – война языческого народа с христианским»[1346]).

То, что, вопреки традиционным церковным представлениям, язычество и христианство вовсе не исключают друг друга, писатель последовательно подчеркивает, высвечивая зыбкость границ между двумя религиями на многочисленных примерах. По большей части – в трилогии «Христос и Антихрист». Так, на источнике теплой целебной воды встречаем изображения языческих богов, которые, «оставшись неприкосновенными, считались изображениями христианских святых, Козьмы и Дамиана»[1347]. О старой рабыне Лабде сказано: «…ее считали ведьмой; но она была набожной христианкой; самые мрачные, древние и новые суеверия слились в ее голове в странную религию, похожую на безумие: молитвы смешивала она с заклинаниями, олимпийских богов – с христианскими бесами, церковные обряды – с волшебством; вся была увешана крестиками, кощунственными амулетами из мертвых костей и ладанками с мощами святых»[1348]. В подтверждение этих слов в одной из первых сцен романа Лабда «перекрестила Юлиана, посмотрела, цел ли на груди его янтарный амулет, и, проговорив несколько заклинаний, чтобы отогнать злых духов, скрылась»[1349]. Другой персонаж, Парфений, во время работы не замечал, что «придает голому телу Адама древнюю олимпийскую прелесть бога Диониса»[1350]. Арсиноя, в свою очередь, лепила обнаженное тело

[1345] *Мережковский Д.С.* Пантеон // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 160.
[1346] *Мережковский Д.С.* Св. София // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 159.
[1347] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 1.
[1348] Там же. С. 9.
[1349] Там же. С. 10.
[1350] Там же. С. 214.

олимпийского бога с лицом, полным неземной печали, а Анатолий «хотел и все не решался спросить ее, кто это: Дионис или Христос?»[1351] В сходную ситуацию попал Джиованни, герой второго романа Мережковского, когда посмотрел на картину Сандро Боттичелли «Рождение Венеры» и «вдруг вспомнил, что такое же точно лицо, такие же детские очи, как будто заплаканные, такие же невинные губы, с выражением неземной печали, он видел на другой картине того же Сандро Боттичелли – у Матери Господа»[1352]. Не менее двусмысленны изваяния Карадоссо, в которых «порхающие птицы клевали виноград, и крылатые голые дети – не то христианские ангелы, не то языческие амуры – плясали, играя святейшими орудиями страстей Господних – гвоздями, копием, тростью, губою и терниями; они казались живыми в розовом отблеске пламени»[1353]. Герцог Моро в том же романе не смог отличить ладанку с мощами св. Христофора от похожей с модным в те времена талисманом – кусочком египетской мумии – и «на всякий случай стал целовать обе вместе, крестясь и творя молитву»[1354]. Особой милости Александра Борджиа заслужил мастер, вырезавший в подражание древним камеям на большом изумруде Венеру Каллипигу, и «она так понравилась папе, что этот камень он велел вставить в крест, которым благословлял народ во время торжественных служб в соборе Петра, и таким образом, целуя распятие, целовал прекрасную богиню»[1355]. Иконописец Евтихий, рассматривая старую Псалтырь, написанную в Угличе в 1485 году, вдруг понимает, «что голубой человек с наклоненною чашею, из которой льется вода – к стиху Псалтыри: “как желает олень на источники водные, так желает душа моя к тебе, Боже”, – есть бог речной; женщина, лежащая на земле среди злаков, – Церера, богиня земли; юноша в царском венце на колеснице, запряженной красными конями, – Аполлон; бородатый старик на зеленом чудовище с голою женщиною – к

[1351] Там же. С. 347.
[1352] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 214.
[1353] Там же. С. 244.
[1354] Там же. С. 246.
[1355] Там же. Т. 3. С. 169.

псалму: “благословите источники моря и реки”, – Нептун с Нереидою»[1356]. Наконец, Алексей в заключительном романе трилогии присутствует по воле царя на торжественном посвящении дворца Лефорта богу Бахусу, но еще раньше слушает признание Аврамова: «Зазирает меня совесть, что поклоняемся, будучи христианами, идолам языческим…»[1357]

Эллинство у Мережковского не просто соседствует с христианством, образуя причудливые сочетания, а является его предвестием. Писатель находит множество способов воплотить эту мысль в самой художественной ткани произведений. Здесь к месту вспомнить арианскую базилику Св. Маврикия в романе о Юлиане Отступнике, которая «построена была почти целиком из камней разрушенного храма Аполлона»[1358]. О том, как «святые мужи» соорудили церковь на месте языческого храма, можно также прочитать в заключительной части трилогии «Христос и Антихрист»[1359]. В часовне алтаря, посвященной архангелу Михаилу и воздвигнутой на развалинах древнего римского капища, разворачиваются события одной из итальянских новелл Мережковского («Святой сатир»). В другом произведении – «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» – Джиорджио Мэрула, придворный летописец миланского герцога, показывает истрепанную книгу, похожую на церковный требник или псалтырь, и вдруг Джиованни Бельтраффио замечает, «как там, где Мэрула соскоблил церковные буквы, появились иные, почти неуловимые строки, бесцветные отпечатки древнего письма, углубления в пергаменте – не буквы, а только призраки давно исчезнувших букв, бледные и нежные»[1360]: «Видишь, видишь, покойники выходят из могил! – повторял Мэрула с восторгом. – Кажется, гимн олимпийцам. Вот, смотри, можно прочесть первые

[1356] Там же. С. 340.
[1357] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 19.
[1358] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 23.
[1359] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 17.
[1360] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 15.

строки»[1361]. Сталкиваясь на страницах того же романа с описанием места, где некогда был Римский форум, читаем: «В развалинах языческих капищ уныло и робко ютились христианские церкви»[1362]. От персонажа по имени Евтихий узнаем, что «в старых русских церквах, рядом со святыми угодниками, изображены языческие мудрецы, поэты и сибиллы, которые отчасти пророчествовали о Рождестве Христовом»[1363]. Об этом же Мережковский уже от своего лица напишет в статьях «Лев Толстой и церковь» («На иконостасах древнейших русских церквей рядом со святыми и мучениками находятся изображения сибилл, мудрецов и поэтов языческой древности, которые, не ведая имени Господа, чаяли Его пришествия»[1364]), а также «Трагедия целомудрия и сладострастия» («Наши древние иконописцы изображали языческих мудрецов, поэтов и сибилл, предвещавших Мессию. И в Вяжицком монастыре, в храме святого Николая (1462 г.), под Спасителем, сидящим на престоле, изображен: “Трагик Эврипидий” со свитком *“Аз чаю неприкосновенному родитися от Девы и сокресити мертвыя и паки судити им”*»[1365]). В разговоре флорентийского купца Чиприано Буонаккорзи с поселянином Грилло становится известно, как из медного черта (идола), случайно вытащенного из глины, «колокол отлили для новой часовни архангела Михаила»[1366].

Один из героев «Юлиана Отступника», Аммиан, приводит доказательство Климента Александрийского, согласно которому «вся сила Рима, вся мудрость Эллады – только путь к учению Христа; только предзнаменования, предчувствия, намеки; широкие ступени, Пропилеи, ведущие в Царствие Божие. Платон – предтеча Иисуса Галилеянина»[1367]. В литературно-

---

[1361] Там же. С. 16.
[1362] Там же. Т. 3. С. 192.
[1363] Там же. С. 341.
[1364] *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и церковь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 149.
[1365] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 24.
[1366] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 7.
[1367] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 351.

критических и публицистических текстах Мережковский разделяет эту мысль. Вопрос, сформулированный им в очерке о Плинии Младшем, – «Не было ли христианство проявлением того, что невидимыми путями подготовлялось в недрах языческого мира?»[1368] – носит явный риторический характер. Положительный ответ на него настойчиво повторяется в литературно-критических текстах. «…В последней, бессознательной глубине язычества, – читаем в трактате “Л. Толстой и Достоевский”, – есть начало будущего поворота к христианству, оргийное начало Диониса – самоотречения, самоуничтожения, слияния человека с богом Паном, Отцом всего сущего»[1369]. «В конце язычества, – утверждается в исследовании о Гоголе, – есть начало христианства; в конце земного – начало небесного, в конце плоти – начало того, что за плотью»[1370]. «…Религиозное язычество, – не устает повторять автор, – на своих предельных высших точках есть “христианство до Христа”»[1371].

Вывод, к которому разными способами подводит читателя Мережковский, четко сформулирован в работе «Л. Толстой и Достоевский»: «…итак, “язычество” – не как противоположная христианству, или отрицаемая им, “другая половина” мира, а как необходимая половина самого христианства; учение Христа не как величайшее разъединение, а как соединение этих двух половин, двух полюсов, двух полов мира; казавшееся “христианством” и доныне кажущееся “анти-христианством” – не два, а одно; небо вверху и небо внизу, дневное и ночное – не два, а одно»[1372]. Эти слова – не что иное, как автокомментарий писателя к важнейшему для него образу «двух бездн». Источник образа назван Мережковским в романе о Леонардо да Винчи. Речь идет об эпизоде, в котором Кассандра показывает Джиованни знаменитую Tabula Smaragdina, «Изумрудную скрижаль» Гермеса Трисмегиста. На одной стороне изумруда было вырезано коптским, на другой – древними эллинскими

[1368] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 52.
[1369] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 26.
[1370] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т.15. С. 239.
[1371] *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и церковь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 149.
[1372] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 45 – 46.

письменами четыре стиха: «Небо – вверху, небо – внизу, / Звезды – вверху, звезды – внизу, / Все, что вверху, все и внизу, – / Если поймешь, благо тебе»[1373]. Впоследствии Мережковский практически дословно воспроизведет эти слова в исследовании о Л. Толстом и Достоевском, а идея «двойной бездны» (данную формулировку традиционно возводят к Ф.И. Тютчеву) получит развитие в одноименном стихотворении. Если вернуться к роману, то Кассандра также напоминает пророчество, согласно которому «тогда лишь боги воскреснут, когда Светлые соединятся с Темными, небо вверху – с небом внизу, и то, что было Двумя, будет Едино»[1374]. В образной форме эта мысль повторяется Мережковским в романе «Антихрист (Петр и Алексей)»: «После трапезы о. Иларион пошел опять смолить лодку. А о. Сергий с Тихоном сели на каменные ступеньки у входа в келью. Перед ними расстилалось озеро, все такое же тихое, гладкое, бледно-голубое, с отраженными белыми круглыми большими облаками – как бы другое, нижнее небо, совершенно подобное верхнему»[1375]. В публицистическом ключе идея синтеза «двух бездн» высказана на страницах статьи «Иваныч и Глеб»: «…вся Россия, может быть, и все христианское человечество стоит ныне перед тем же вопросом, что и русская интеллигенция: как соединить правду о небе с правдой о земле…»[1376]

Итак, примирение двух полюсов – «язычества» (правды о земле) и «христианства» (правды о небе) – представляется Мережковскому необходимым. Но возможен ли такой синтез? «Это, – полагает автор в очерке о Пушкине, – неразрешенный, быть может, даже неразрешимый, вопрос будущего»[1377]. Несмотря на то что в метафизическом смысле, наполняющем реальное бытие Мережковского, ответ отсутствует, мы находим его в творчестве писателя. Если верить Луке Пачиоли, с которым совершенно

[1373] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 258.
[1374] Там же. С. 253.
[1375] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 274 – 275.
[1376] *Мережковский Д.С.* Иваныч и Глеб // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 59.
[1377] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 156.

согласен Леонардо да Винчи, то «все можно примирить, все соединить»[1378]. Очевидный намек на достижимость синтеза «язычества» с «христианством» прочитывается в заключительном фрагменте романа о Юлиане Отступнике, когда «на небе, на земле и на море наступила тишина», в которой медленные звуки церковного пения (старцы-отшельники исполняли хором вечернюю молитву) сливаются с иными звуками (мальчик-пастух играл на флейте вечерний гимн богу Пану)[1379]. В другом тексте, ссылаясь на Гоголя, Мережковский пишет о том, что из двух начал явился Пушкин: «Одно из них определяет он как “отрешение от земли и существенности”, стремление в “область бестелесных видений”, т.е. как начало духовности, вернее, бесплотности, – христианское или кажущееся, в противоположность язычеству, “христианским”. Другое – “прикрепление к земле и к телу”, к “осязаемой существенности” – начало плотское, языческое или опять-таки кажущееся доныне, в противоположность христианству, “языческим”»[1380]. В свою очередь, сам Гоголь, как уверяет Мережковский, явился из этих же «двух начал», но внутри него случился разлад: «В этом-то неравновесии двух первозданных начал – языческого и христианского, плотского и духовного, реального и мистического – заключается вся не только творческая, созерцательная, но и жизненная религиозная судьба Гоголя»[1381]. Препятствием чаемому примирению служит не только нарушение равновесия между «язычеством» и «христианством», но и неверное толкование, редуцирование каждого из компонентов. За примером писатель обращается к образу Чичикова, сочетающего сострадательность сердца и любовь к себе: «Христианство, которое раскошеливается на медный грош благотворительности, язычество, которое кончается любовью к собственной мордашке, очень легко соединить в благоразумной и безопасной середине, в комфортабельном служении Богу и

[1378] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 316.
[1379] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 351.
[1380] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 233.
[1381] Там же. С. 240.

мамону вместе»[1382]. И все-таки Мережковский показывает, что идеальный синтез достижим. Но сперва «примирителем двух миров» называется «Неведомый», который в начальных текстах ППСС-2 напоминает «Сверхчеловека». В частности, об этом свидетельствует характеристика, данная Максимом Эфесским в первой части трилогии «Христос и Антихрист»: «Он будет страшен и бесстрашен. В нем сольются добро и зло, смирение и гордость, как свет и тень сливаются в утренних сумерках. И люди благословят его не только за милосердие, но и за беспощадность: в ней будет сила и красота богоподобная»[1383]. Впоследствии же у читателя не остается сомнений в том, что единственным примирителем, по убеждению Мережковского, способен стать Христос. Разобраться в этом мировоззренческом сдвиге помогает анализ другой пары компонентов семантического поля «религия».

В противоположность Христу, трактовка которого в религиозной традиции однозначна (Спаситель, Помазанник-Мессия), слово «Антихрист» имеет двоякое толкование: расширенное и узкое. «В общем смысле, – сказано в авторитетном источнике рубежа XIX – XX вв., – антихристом называется всякий, кто отвергает, что Иисус есть Христос, кто не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, кто отвергает Отца и Сына»[1384]. В более частном значении: «Этот антихрист один, он еще не пришел, но некогда явится, и в отличие от своих предшественников, или антихристов ненастоящих, называется великим, или последним антихристом»[1385]. В произведениях Мережковского реализуются оба смысла. Кроме того, их дополняет раскольнический взгляд, в соответствии с которым «царство антихриста уже настало»[1386]. Вот почему у пары компонентов «Христос – Антихрист» в ППСС-2 есть несколько субститутов: «Богочеловек – Человекобог», «Человек – Зверь», «Восток –

[1382] Там же. С. 213.
[1383] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 247.
[1384] *Беляев А.* Антихрист // Православная богословская энциклопедия. Т. 1. Пг., 1900. Стб. 821.
[1385] Там же.
[1386] *Смирнов П.* Антихрист по учению раскола // Православная богословская энциклопедия. Т. 1. Пг., 1900. Стб. 835.

Запад». В их толковании Мережковский проходит несвойственный для себя путь от синтеза к расщеплению.

Персонажи, близкие автору, в ряде текстов воспринимают Христа и Антихриста как два лика одного лица. Изначально мысль писателя сводилась к тому, что «Богочеловек и Человекобог – одно и то же»[1387]. Так думал Джиованни, хотя самому себе не признавался в этих мыслях и гнал их прочь, о двух Леонардовых изображениях лика Господня: «Стоило ему закрыть глаза, чтобы оба они вместе стали перед ним как живые: один – родной, полный человеческою немощью, лик Того, Кто на горе Елеонской скорбел до кровавого пота и молился детскою молитвою о чуде; другой – нечеловечески-спокойный, мудрый, чуждый и страшный»[1388]. Сам же Леонардо на последней странице дневника своего ученика, который не выдержал противоречия и повесился, прочел: «Белая Дьяволица – всегда, везде. Будь она проклята! Последняя тайна: два – едино. Христос и Антихрист – едино. Небо вверху и небо внизу. – Да не будет, да не будет сего! Лучше смерть. Предаю душу мою в руки Твои, Боже мой! Суди меня»[1389]. Косвенное подтверждение тому, что «Человек» и «Зверь», подобно «Христу» и «Антихристу», способны слиться воедино, Мережковский находит у древних греков, с легкостью превращавших бога-человека в бога-зверя: «Члены божески-прекрасного, просветленного человеческого тела так соединяются, переплетаются с членами животных, даже растений, Великого Пана с Козлом, Пазифаи с Быком, Леды с Лебедем, Дафнэ с Лавром, что трудно иногда решить, где именно в человеке кончается человеческое, божеское и начинается зверское, животное, даже растительное: одно в другое переходит, одно переливается в другое, как отдельные цвета в радуге»[1390]. Наконец, в аналогичном по сути соединении «Востока» и «Запада» Мережковский прозревает всемирно-историческую судьбу России. «…Христос и Антихрист, –

[1387] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 103.
[1388] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 345.
[1389] Там же. Т. 3. С. 288.
[1390] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 10. С. 71.

сказано в трактате “Л. Толстой и Достоевский”, – вот два противоположные берега, два края этой бездны. И горе наше или счастье в том, что у нас действительно “две родины – наша Русь и Европа”, и мы не можем отречься ни от одной из них: мы должны или погибнуть, или соединить в себе оба края бездны»[1391]. «Или, – читаем далее, – говоря языком двух древнерусских сказаний – “Повести о Белом Клобуке” и о “Вавилонском царстве”, – впервые здесь, во всемирно-исторических судьбах России, соприкоснулись каким-то таинственным и окончательным соприкосновением два самые противоположные идеала, два венца, два “конца”: венец православного Рима, венец Христова царства, которое не от мира сего, “Белый Клобук”, и венец “нечестивейшего из царей”, Навуходоносора, переданный, будто бы, московским царям византийскими кесарями, венец проклятого Богом, “змеиного” Вавилонского царства – от мира сего, венец Антихриста»[1392]. В примирении духа восточного и западного писателю видится тайна Пушкина и всей будущей русской культуры.

Если в конце первой части трилогии «Христос и Антихрист» признание Юлиана: «Кончено… Ты победил, Галилеянин!»[1393] – проникнуто авторским сожалением и в то же время надеждой: «Пусть галилеяне торжествуют. Мы победим потом, и – с нами солнце!»[1394]; то спустя годы, завершая исследование «Л. Толстой и Достоевский», Мережковский приходит к осознанию того, что правда одна – Христос. Не этим ли мировоззренческим сдвигом вызван тот суровый приговор, который писатель выносит своему бывшему «учителю» Ницше: «Но действительно ли не узнал он Его? Или только не хотел узнать, обманывал себя и притворялся, что не узнает? Не от ужаса ли этого последнего познания и признания ушел он в свое безумие, заживо умер, навеки онемел,

---

[1391] Там же. Т. 9. С. X.
[1392] Там же. Т. 12. С. 72 – 73.
[1393] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 331.
[1394] Там же. С. 335.

чтобы только не воскликнуть: Ты победил, Галилеянин!»[1395]? Но не только признание победы Христа приобретает для Мережковского иной характер. По-новому осмысляется образ солнца, которое из языческого символа в романе о Юлиане Отступнике[1396] (см. также заключительные строки стихотворения «Дети ночи»: «Мы – над бездною ступени, / Дети мрака, солнца ждем, / Свет увидим и, как тени, / Мы в лучах его умрем»[1397]) превращается в христианский символ слова Божьего в финале трактата «Л. Толстой и Достоевский»: «А мы – слабые, малые, от земли чуть видные, открытые всем ветрам и бурям, почти лишенные корней, почти увядшие. Зато ранним утром, когда вершины дубов еще во мраке, – мы уже светимся; мы видим то, чего никто не видит; мы впервые видим Солнце великого дня; мы раньше всех говорим Ему: “Ей, гряди, Господи!”»[1398] Для сравнения приведем пример из «Апокалипсиса», самой любимой части Священного Писания у Мережковского, где о Христе грядущем сказано: «…и лице Его, как солнце, сияющее в силе своей» (Апок. 1:16); или – об истинной церкви: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце…» (Апок. 12:1). К этому стоит добавить, что «Апокалипсис» читают некоторые из героев писателя (в частности, Юлиан Отступник и Пестель), который еще в юности предпринял попытку поэтического переложения фрагментов из «Откровения Св. Иоанна Богослова» в стихотворении 1886 года «Страшный суд». Оно вошло в ППСС-2. Туда же включено поэтическое произведение «Не-Джиоконде», знаменующее отход автора романа о Леонардо

[1395] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 59.

[1396] См. слова умирающего Юлиана: «Пусть галилеяне торжествуют. Мы победим потом, и – с нами солнце!» (*Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 335). Солнце как языческий символ присутствует в поэзии Мережковского («Песня солнца», «Солнце») и «Вечных спутниках». «Древние – истинные *дети солнца*», – говорится в очерке «Плиний Младший» (*Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 67).

[1397] *Мережковский Д.С.* Дети ночи // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 171.

[1398] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 272. В этом же исследовании Мережковский для доказательства того, что Достоевский предсказал «неизбежное претворение старого, вечернего, западного, темного, монашеского, погребального христианства в христианство новое, утреннее, восточное, солнечное, брачное, пиршественное» приводит слова старца Зосимы: «А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?» (Там же. С. 266). См. также заключительные строки трилогии «Христос и Антихрист»: «Солнце выходило из-за тучи, сияя в силе и славе своей, подобное лику Грядущего Господа» (*Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 288).

да Винчи и одноименного стихотворения от «соблазнов всего, что двойственно»[1399]: «…Я не раздвоенность – единственность / И простоту благословил»[1400]. Ошибочность антитезы, от которой теперь так настойчиво отрекается Мережковский, через несколько лет была обоснована в статье Н.А. Бердяева «Новое христианство…» (1916).

Итак, ко времени создания последней части трилогии «Христос и Антихрист» писатель сделал окончательный выбор в пользу Христа, а союз «и» вопреки грамматической норме превратился в заглавии из соединительного в разделительный. Отныне будущее России, по Мережковскому, не в примирении «Христа» и «Антихриста», «Востока» и «Запада», отныне «Он – единственное наше спасение гибнущей России»[1401]. Переводя разговор в религиозно-политическое русло, писатель предпочитает «Христову Европу», которая «вся в революции», «буддийской Азии», которая «вся в реакции», ибо «Христос есть вечное *да* всякому бытию, вечное движение вперед и вперед от космоса к Логосу, от Логоса, Богочеловечества, к Боговселенной», а «Антихрист есть вечное *нет* всякому бытию, вечное движение назад и назад от космоса к хаосу, от хаоса к последнему ничтожеству»[1402]. Таким образом, оппозиция «Восток – Запад» наполняется новым содержанием (не «Россия – Европа», а «Европа – Азия»).

В открытом письме Мережковского к Н.А. Бердяеву мы имеем дело с раскаивающимся в прежних убеждениях автором: «Я теперь сознаю, как близко был к Антихристу, какую страшную силу его притяжения испытал на себе, когда бредил о грядущем “папе-кесаре”, “царе-священнике”, как предтече Христа Грядущего»[1403]. Следуя за мыслью писателя, согласно которой «не может быть иного Царя, иного Первосвященника, кроме Христа», мы приходим к логическому выводу о том, что «всякая подмена сущей Плоти Христовой,

---

[1399] *Мережковский Д.С.* Леонардо да Винчи // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 140.
[1400] *Мережковский Д.С.* Не-Джиоконде // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 24. С. 81.
[1401] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 68.
[1402] *Мережковский Д.С.* В обезьяньих лапах // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 35.
[1403] *Мережковский Д.С.* О новом религиозном действии. (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 176.

сущего Лика Христова человеческой плотью и ликом или только личиною, маскою – папою или кесарем, есть абсолютная ложь, абсолютное антихристианство»[1404]. Этот вывод, с одной стороны, согласуется с государственной поддержкой в конце XVI – начале XVII вв. мистических настроений русских в отношении Запада: взгляд на представителя латинства, папу, «как на лицо, способствующее скорее осуществиться тому "отступлению", с которым последует явление антихриста»[1405]); с другой же стороны – выражает отношение к самодержцу как наивысшему предтече антихриста, ибо, согласно Писанию, антихрист будет царем. «…Царь и папа, – читаем в "Александре I" , – обратно-подобны, как две руки…»[1406] Художественным воплощением такого взгляда стал образ Петра I в романе «Антихрист (Петр и Алексей)». Мережковский изображает распространенное в среде раскольников и некоторых православных[1407] восприятие императора как «нарушителя веры», «наивысшего предтечу» Антихриста. К примеру, из дневника царевича Алексея узнаем о поездке к старцу Тимофею Архипычу, который «сказывает, что антихрист-де есть ложный царь, истинный хам. И сей Хам грядет»[1408]. Именно в легенде о «Петре-Антихристе», полагает Мережковский, народная мистика задает «свой самый глубокий, испытующий вопрос об отношении русского самодержавия к русскому православию – идеи "Человекобога" к идее "Богочеловека"»[1409]. Однако Петр I не единственный образ, при помощи которого писатель подчеркивает антихристианскую сущность государственной власти. Его нужно дополнить Павлом I из

[1404] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 49.
[1405] *Смирнов П.* Антихрист по учению раскола // Православная богословская энциклопедия. Т. 1. Пг., 1900. Стб. 840.
[1406] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 8. С. 64.
[1407] «Не у одних раскольников, – пишет Мережковский по поводу "Петровских преобразований", – тут могла бы возникнуть мысль об Антихристе. Кажется, потрясение это отзывается и доныне не только в русском народе, но и в культурном обществе» (*Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 122). В то же время отношение Мережковского к Петру I не было столь однозначным. «…Он, – читаем в статье "Теперь или никогда" (1905), – согласился принять на себя страшную тень Зверя, тень Антихриста, доныне еще окончательно не снятую с лучезарного образа Петрова. Пора снять эту тень; пора сказать с бесповоротною решимостью: *дело Петрово — дело Христово*» (*Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 125).
[1408] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 172.
[1409] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 27.

одноименной пьесы или Аракчеевым из «Александра I». Последний хоть и не самодержец, но, как утверждает Мережковский в одной из статей, именно от него зависят судьбы церкви, глава которой – «не Христос, ни даже русский царь, а русский хам Аракчеев»[1410]. Следовательно, «Антихрист», или «Грядущий Хам», не обязательно отличается царским происхождением, напротив, природа его низшая. Об этом Мережковский предупреждает в публицистике: «Одного бойтесь – рабства, и худшего из всех рабств – мещанства, и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам»[1411]. Данная позиция объясняет, почему в начале XX века главным объектом критики писателя становится не самодержец Николай II, а многочисленные проповедники религии Человека без Бога среди интеллигентов (М. Горький) и политиков (В. Ленин). Накануне революции 1917 года пророчески прозвучали слова Мережковского: «Я говорил некогда о хаме грядущем; боюсь, что скоро придется говорить о пришедшем хаме»[1412].

Если современное государство – царство Антихриста, то заменить его может только царство «Христа». Идея всемирного единения во Христе, вселенская теократия, – одна из основных в ППСС-2. Ее выразителями у Мережковского становятся: Валерьян Голицын («Да будет один Царь на земле и на небе – Иисус Христос»[1413]); Сергей Муравьев («Раскаяться в долгом раболепии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться, да будет всем един Царь на небеси и на земли – Иисус Христос»[1414]); Александр I («Евангелие – вместо законов; власть Божия – вместо власти человеческой. Верил: когда все цари земные сложат венцы свои к ногам единого Царя Небесного, да будет

[1410] *Мережковский Д.С.* Аракчеев и Фотий // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 116.
[1411] *Мережковский Д.С.* Грядущий Хам // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 37.
[1412] *Мережковский Д.С.* Мистические хулиганы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 120.
[1413] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 8. С. 108.
[1414] Там же. Т. 7. С. 145.

Самодержцем народов христианских не кто иной, как Сам Христос, – тогда, наконец, совершится молитва Господня: да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя на земле, как на небе»[1415]). Упрекая историческую церковь в том, что она «бессознательно поддерживала худшую из всех политик, политику вечной косности, вечного рабства, политику князя мира сего, “Грядущего Хама”, который хочет скрыть лицо свое под личиною Грядущего Господа»[1416], Мережковский взыскует вселенской церкви, общей для России и Европы. Прообразом будущего соединения служит «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли», рассказанная Езопкой в трилогии «Христос и Антихрист». Мысль П.Я. Чаадаева о том, что «без церкви вселенской нет для России спасения»[1417], занимает еще одного героя – Одоевского – из романа «Александр I». Созвучная Мережковскому идея всемирного единения во Христе содержится также в «Дневнике писателя» Достоевского: «Ибо идея эта есть идея европейского человечества, из нее составилась его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет. Пала лишь идея всемирной римской монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе»[1418]. Не случайно данная цитата приводится на страницах работы «Л. Толстой и Достоевский». Однако задолго до того, в 1891 году, Мережковский написал стихотворение «Будущий Рим», в котором эта же мысль воплощена в художественной форме: «Рим – это мира единство: в республике древней – свободы / Строгий языческий дух объединял племена. / Пала свобода, – и мудрые Кесари вечному Риму / Мыслью о благе людей вновь покорили весь мир. / Пал императорский Рим, и во имя Всевышнего Бога / В храме великом Петра весь человеческий род / Церковь хотела собрать. Но, вслед за языческим Римом, / Рим христианский погиб: вера потухла в сердцах. / Ныне в развалинах древних мы, полные скорби, блуждаем.

[1415] Там же. Т. 6. С. 208.
[1416] *Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 139.
[1417] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 73.
[1418] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 39. См. также: *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. В 9 т. Т. 9. В 2 кн. Кн. 2: Дневник писателя. М., 2007. С. 166.

/ О, неужель не найдем веры такой, чтобы вновь / Объединить на земле все племена и народы? / Где ты неведомый Бог, где ты, о будущий Рим?»[1419]

Образ «неведомого Бога» взят Мережковским из Нового Завета: «...И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны… Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано “неведомому Богу”. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян. 17:22, 23). Этот фрагмент (правда, немного в другом переводе) использован поэтом как эпиграф к сборнику «Символы» и отсылка к нему встречается не только в процитированном стихотворении «Будущий Рим», но и в «Пантеоне». К месту вспомнить также призыв Кассандры из трилогии «Христос и Антихрист»: «Выпьем же вместе, брат мой, этот прощальный кубок за Неведомого, которого оба зовем, за последнего Примирителя!»[1420] Как видно, писатель пересматривает трактовку сказанного апостолом Павлом, который, согласно каноническому толкованию, имел в виду, что истинный Бог, неведомый язычникам, открылся для христиан. По сути Мережковский аннулирует этот смысл, фактически отождествляя неведомого Бога и воскресшего Христа.

В поисках «неведомого Бога» писатель приходит к «новому религиозному сознанию»[1421]. (Поскольку эта грань мировоззрения Мережковского изучена глубже остальных, мы не останавливаемся на ней подробно.) В статье «Борьба за догмат» читаем: «Старая идеология, старое безрелигиозное сознание русской интеллигенции рухнуло; от грядущего хаоса, от “апофеоза беспочвенности”, стихийной бессознательности и безрелигиозности может спасти лишь новое религиозное сознание, новое

[1419] *Мережковский Д.С.* Будущий Рим // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 23. С. 160.

[1420] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 258.

[1421] В докладе «О нужде и неизбежности нового религиозного сознания», прочитанном 15 октября 1907 года на заседании Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге, В.В. Розанов утверждал: «…нисколько не Мережковский и другие назвали свои слова “новым религиозным сознанием”, но так говорили и так начали это называть, в печати и обществе, другие. Кличка идет не от новаторов. Это надо запомнить хотя бы в целях реабилитации от хвастовства» (Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907 – 1917. В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 74).

понимание догмата»[1422]. Считая христианские догматы истиной, Мережковский вместе с тем полагал, что не все христианство в догматах. «Христианство больше, чем догматы»[1423], – писал он в работе «Лев Толстой и церковь»[1424].

Фундамент «нового религиозного сознания» должна составить «истинная церковь». Вместе с Мережковским ее ищет Тихон, герой романа «Антихрист (Петр и Алексей)». «Он понял, – говорит автор, – что церковь старая не лучше новой, и решил вернуться в мир, чтоб искать истинной церкви, пока не найдет»[1425]. О том, какая церковь – истинная, Тихон узнает от явившегося ему старичка со словами: «Устал, бедненький? Много вас у меня, много детушек. Ходите по миру, нищие, сирые, терпите холод и голод, и скорбь, и тесноту, и гонение лютое. Да не бойтесь-ка, миленькие! Погодите, ужо соберу я вас всех в новую Церковь Грядущего Господа. Была древняя Церковь Петра, Камня стоящего, будет новая Церковь Иоанна, Грома летящего. Ударит в камень гром, и потечет вода живая. Первый завет Ветхий – Царство Отца, второй завет Новый – Царство Сына, третий завет Последний – Царство Духа. Едино – Три, и Три – Едино. Верен Господь обещающий, Который есть, и был, и грядет!»[1426] Основополагающая для Мережковского идея, вложенная в уста второстепенного персонажа, неоднократно высказывается писателем в нехудожественных текстах от первого лица[1427]. Так, в статье «Меч»

[1422] *Мережковский Д.С.* Борьба за догмат // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 108.

[1423] *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и церковь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 148.

[1424] На Религиозно-философских собраниях Мережковский в прениях после собственного доклада на ту же тему заявил: «…религиозный опыт может давать догмату все новое и новое содержание и все большее постижение. В этих горизонтах, указываемых догматами, возможно бесконечное движение» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 59). На другом заседании писатель продолжил свою мысль: «Догматы не кандалы, не цепи, а самые далекие горизонты, к которым мы идем» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 358). Примером свободного толкования догмата является то, что Мережковский «выводит идею Троицы из узкоцерковной сферы в сферу культуры, что позволяет широко использовать символику троичности и в художественных, и в литературно-критических, и в публицистических сочинениях» (*Чепкасов А.В.* Неомифологизм в творчестве Д.С. Мережковского 1890 – 1910-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1999. С. 80).

[1425] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 196.

[1426] Там же. С. 284.

[1427] Предварительно Мережковский оттачивал свою мысль в словесных баталиях на Религиозно-философских собраниях: «Я думаю, что помимо трех исторических церквей есть вселенская церковь, которая и останется до конца века». И потом: «Христианство до сих пор существовало в трех формах: православия, католичества и протестанства. Далее должно явиться христианство четвертого измерения, которое включит в себя все три прежних измерения. Это христианство и будет по существу своему вселенским, ибо доныне ни одна из трех церквей не стала вселенской, и не может быть вселенской, потому что каждая отрицает две других. Принцип

сформулированы вопросы: «…раскрытие всей полноты Божественной Сущности исчерпывается ли двумя Заветами? Нуменальной Троичности, которая самому христианству открывается в Трех Ликах, не должна ли соответствовать и феноменальная троичность в трех Заветах? Подобно тому, как Первая Ипостась открылась в Ветхом, Вторая – в Новом, так Третья не откроется ли в Третьем Грядущем Завете?»[1428] – ответ на которые был дан в «Л. Толстом и Достоевском»: «…в этом окончательном соединении церквей трех Верховных Апостолов – Петра, Павла, Иоанна – во единую соборную и апостольскую, уже, действительно, вселенскую Церковь Святой Софии, Премудрости Божьей, коей глава и первосвященник Сам Христос, совершатся последние судьбы христианского мира»[1429]. В другой работе – «Пророк русской революции» – Мережковский называет главным заблуждением Достоевского неспособность или нежелание видеть, что «за христианством, за Новым Заветом – Апокалипсис, Грядущий, Третий Завет, откровение Третьей Ипостаси Божеской – религия Св. Духа»[1430]. Это последнее откровение, по мнению автора, разрешит «тайну личности, пола и общественности, тайну Одного, Двух и Трех»[1431], поможет соединить то, что, как думает Валерьян Голицын в «Александре I», не соединено: «Три правды: первая, когда человек один; вторая, когда двое; третья, когда трое или много людей»[1432]. Таким образом, идея Мережковского[1433] не сводится к религиозной проблематике,

---

Иоанновой церкви – любовь. Иоанн один только слышал о тайне последней любви, возлежа на груди Иисуса Христа. Это тайна свободы, которая еще не открылась. Это начало любви Иоанновой, начало подлинно вселенское, всемирное, и потому церковь Иоаннова есть последняя церковь второго пришествия» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 372, 396).

[1428] *Мережковский Д.С.* Меч // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 22 – 23.

[1429] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 31.

[1430] *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 233.

[1431] *Мережковский Д.С.* Меч // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 34.

[1432] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 32 – 33.

[1433] При этом не следует забывать, что Гиппиус называет своей idée fixe «тройственное устройство мира»: «Я не понимала, как можно не понимать такую явную, в глаза бросающуюся вещь, такую реальную, притом отраженную всегда и в нашем мышлении, во всех наших действиях, от больших – до повседневных, в наших чувствах и – в нас самих. Мы тогда так и говорили: 1, 2, 3. Не символически, но конкретно, 1 – не есть ли единство нашей личности, нашего “я”? А наша любовь человеческая к другому “я”, так что они, эти “я”, – уже 2, а не один. (Причем единственность каждого не теряется.) И далее – выход во “множественность” (3), где не теряются в долженствовании ни 1, ни 2» (*Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 114).

хотя точнее сказать иначе: религиозная проблематика выходит из своих границ и захлестывает иные сферы жизни (семейную, социально-политическую, творческую). Писатель убеждает нас: «Только религия Троицы (не как отвлеченного догмата, а как действенного, совершаемого откровения), только *религия Трех, которые суть Едино*, может разрешить и преодолеть страшную метафизическую антиномию двойственности, заключенную в религии одной Второй Ипостаси, не соединенной с Первой и Третьей, – *в христианстве, только христианстве*»[1434].

Между тем из работы Мережковского о Гоголе известно, что речь идет не о «старом, темном, исключительно монашеском, уединяющем», а «новом, светлом, соединяющем, вселенском» христианстве[1435]. Идея такого христианства, по свидетельству писателя в статье «Св. София», пронизывает трилогию «Христос и Антихрист». Иначе говоря, христианство, о котором так много рассуждает Мережковский, представляет собой один из фазисов «религии Святой Троицы»[1436]. Развернутое обоснование данной метафизики дается в открытом письме Н.А. Бердяеву: «Не без христианства, а через христианство – к религии Троицы. Именно догмат о Троице и связывает неразрывною связью историческое христианство с христианством апокалипсическим. Последнее не нарушает, а исполняет первое. Новое откровение есть не что иное, как движущее действенное откровение о Троице, которое осталось в историческом христианстве недвижным, бездейственным догматом, запечатленным источником. Не человеческий разум, не человеческая воля, а сам Дух, воплощенное Богочеловечество, Грядущая Церковь Вселенская, св. София, Премудрость Божия, “Жена, облеченная в солнце”, сорвет семь печатей с этого запечатленного источника – и потекут “реки воды живой” – нового откровения. Но Церковь второго пришествия не может противоречить Церкви первого пришествия. Апокалипсическое христианство

[1434] *Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 137.
[1435] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 272.
[1436] *Мережковский Д.С.* Св. София // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 154.

примет все предания, все догматы, все таинства, все откровения, всю святость исторического христианства. Все в нем – истина, и нет ничего, кроме истины, но *не вся истина в нем одном*. Без исторического христианства нельзя прийти к христианству апокалипсическому. Без Христа Пришедшего нельзя прийти ко Христу Грядущему. Христос Пришедший и Христос Грядущий – один и тот же Христос»[1437].

Как видно, важнейшей характеристикой «нового религиозного сознания» Мережковского является его апокалиптичность, или эсхатологичность, которой была пронизана психология мучеников первых веков христианства. Третий Завет должен завершать всемирно-историческое развитие, нести всечеловеческое спасение, которое «совершится в конце этой истории, имеющем совпасть с концом процесса космического, с тем, что для верующих в непреложную истину Откровения есть *конец мира*»[1438]. Более того, Третий Завет несет возможность разрешения перечисленных нами антиномий. Полагая, что «откровение Третьей Ипостаси будет окончательным синтезом тезиса и антитезиса»[1439], Мережковский находит основу для примирения между «плотью» и «духом», «девством» и «браком», «мужским» и «женским», «языческим» и «христианским», «Христом» и «Антихристом»[1440], церковью исторической и «Грядущей».

§ 3. Композиционные связи

Система перекличек между рассмотренными семантическими полями слагается из образов персонажей (с соответствующими характеристиками и ценностными ориентациями), а также из ситуаций, в которых они оказываются.

[1437] *Мережковский Д.С.* О новом религиозном действии. (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 186.
[1438] *Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 133.
[1439] *Мережковский Д.С.* Меч // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 25.
[1440] Для данной пары – на начальном этапе (в 1890-е годы).

Здесь, как и прежде, преобладают следующие композиционные приемы: повторы и их вариации, со- и противопоставления[1441].

Принцип антиномий распространяется Мережковским на героев, ключевые из которых выстраиваются в типологические пары. Основополагающими из них для ППСС-2 являются: «отцы – дети», «деятели – созерцатели», «рационалисты – иррационалисты». Поскольку данные наименования условны, необходимо проиллюстрировать их на конкретных примерах.

Инвариантная пара «отцы – дети» реализуется в героях, находящихся как в прямом родстве (Петр I и царевич Алексей из заключительной части трилогии «Христос и Антихрист», Павел I и Александр I из одноименных произведений), так и в символическом (вспомним мысли Александра I о себе и членах Тайного общества: «Он – отец; они – дети»[1442]). Все дело в том, что за конкретными образными воплощениями данной пары у Мережковского кроется противопоставление Ветхого и Нового Завета, Отчей и Сыновней ипостаси[1443]. В этом смысле наличие реальных родственных отношений между героями не столь важно, как обладание царским титулом, вызывающим не только библейскую ассоциацию «Бог-Отец», но и «Бог-Царь». Антиномия двух Заветов, сложившаяся, по мнению Мережковского, в историческом христианстве, художественно выражается в противостоянии отца и сына.

[1441] Несмотря на то что большая часть примеров будет взята нами из прозы, принцип антиномий носит у Мережковского тотальный характер. Применительно к поэтическому наследию писателя И.В. Гречаник убедительно доказала, что «излюбленным приемом, на котором строится стихотворение, является антитеза, рождающаяся из понятий, совсем не обязательно противостоящих друг другу вне контекста» (*Гречаник И.В.* Религиозно-философские и стилевые тенденции в лирике первой трети XX века: Д. Мережковский, А. Блок, Н. Клюев: дис. ... канд. филол. наук. Армавир, 1998. С. 173).

[1442] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 212. Параллель между заговорщиками и детьми проводится в романе неоднократно. Г.С. Батенков оказался «в этом собрании, как взрослый между детьми» (Там же. С. 249). «Русский человек, – говорит Рылеев с намеком на будущих революционеров, – как тридцать лет стукнет, ни к черту не годен. Только дети и могут сделать у нас революцию» (Там же. С. 257). «Милые дети! – думал Голицын. – Кто знает? Может быть, так и надо? Вечная свобода – вечное детство?..» (Там же. С. 258).

[1443] Интертекстуальные связи между Библией и произведениями Мережковского не изучены в достаточной мере. В одной из недавних работ по этой теме встречается очень верная, но пока еще не получившая развитие мысль: «Помимо прямой соотнесенности с библейскими сюжетами в символистской исторической беллетристике Мережковского явственно присутствуют библейские мотивы, реминисценции, мифологемы; библейский пласт обнаруживается также на уровне речевой организации произведения, в плоскости решений цветовой гаммы» (*Черников И.Н.* Библия в поэтической системе символистских исторических текстов Д.С. Мережковского // Сибирский филол. журн. Новосибирск, 2010. № 4. С. 75).

Вспомним, что «молился Петр мимо Сына Отцу, который жертвует Сыном»[1444]. Незадолго до этого эпизода читатель наблюдал сцену, когда «он (Петр. – *А.Х.*) заревел, как раненый зверь, бросился на сына, схватил его за горло, повалил и начал душить, топтать ногами, бить палкою, все с тем же нечеловеческим ревом»[1445]. Перед нами – не что иное, как материализованная метафора упомянутого жертвоприношения[1446]. Еще пример – размышления Александра I о расправе с членами Тайного общества: «…казнь их будет не казнь, а убийство детей. Отцеубийством начал, детоубийством кончит»[1447]. Изображая конфликт, указывая на «непереступаемые мистические пределы христианства»[1448], Мережковский подводит к метафизическому выводу: «Первый Завет, откровение Отца – тезис; Второй Завет, откровение Сына – антитезис; совершенный синтез Первого и Второго Завета в Третьем, последнее соединение Отца и Сына в Духе не могло произойти прежде, чем не раскрылась совершенная противоположность Отчей и Сыновней Ипостаси»[1449]. Иначе говоря, только в Духе, полагает писатель, совершится «последнее, сознательное соединение»[1450] Отца с Сыном и подтвердятся слова Христа из Писания: «Я и Отец – одно» (Иоан. 10:30).

Другая пара – «деятели – созерцатели» – не менее важное звено в системе семантических перекличек. Соответствующими характеристиками у Мережковского наделены как исторические, так и литературные личности. Вот лишь некоторые примеры: Леонардо да Винчи и Петр I («В обоих лицах, – припомнившихся Тихону, – было что-то общее, как бы противоположно-подобное: в одном – великое созерцание, в другом – великое действие

[1444] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 241.
[1445] Там же. С. 214.
[1446] Существует традиция прочтения этой сцены в «неомифологическом» ключе: «Так, чтобы стал ясен смысл художественного замысла романа “Петр и Алексей” Д.С. Мережковского, необходимо разглядеть в коллизиях кровавой борьбы Петра I с сыном новозаветную коллизию Отца-демиурга и Сына – жертвенного агнца» (*Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М.* Литература и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 64).
[1447] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 212 – 213.
[1448] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 80.
[1449] *Мережковский Д.С.* Последний святой // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 154.
[1450] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 117.

разума»[1451]); Хлестаков и Чичиков («Хлестаков – созерцатель; Чичиков – деятель»[1452]); А. Франс и Ж. Жорес («Да, подумал я, – признается Мережковский, – игра во все, усмешка на все, сомнение во всем – вот последняя мудрость мещанства. Созерцание соответствует действию, Франс – Жоресу»[1453]); Пушкин и Лермонтов («Пушкин – дневное, Лермонтов – ночное светило русской поэзии. Вся она между ними колеблется, как между двумя полюсами – созерцанием и действием»[1454]); Гете и Наполеон («Встреча их не случайна; они должны были встретиться, – великое созерцание с великим действием»[1455]).

Противопоставление созерцательного и действенного начал, как это часто бывает у Мережковского, носит не столько эмпирический, сколько метафизический характер. В открытом письме Н.А. Бердяеву писатель предлагает свой путь «от нового религиозного сознания к новому религиозному действию»[1456]. «Такова природа религии, – поясняет Мережковский уже в другом тексте, – что она влечет к действию»[1457]. Симпатию автора заслуживают, с одной стороны, революционно настроенные личности (в деятельность которых писателем может быть привнесен религиозный смысл). Это Б.В. Савинков и его сподвижники либо Пестель из романа «Александр I», для которого в отличие от «романтиков, словесников, мечтателей» «понять – значит решить, сказать – значит сделать»[1458]. С другой стороны, среди героев, близких Мережковскому, есть те, кто только мечтает о действии. Прежде всего царевич Алексей («Коли, даст Бог, на царстве буду – все сделаю, чтоб облегчить народ»[1459]) и размышляющий в том же русле еще не ставший

[1451] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 185.
[1452] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т.15. С. 205.
[1453] *Мережковский Д.С.* Цветы мещанства // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 73.
[1454] *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 160.
[1455] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 140.
[1456] *Мережковский Д.С.* О новом религиозном действии. (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 187.
[1457] *Мережковский Д.С.* Реформация или революция? // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 85.
[1458] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 11.
[1459] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 11.

императором Александр из «Павла I» («Ах, единая мечта моя – когда воцарюсь, покинуть престол, отречься от власти, показать всем, сколь ненавижу деспотичество, признать священные Права Человека – les Droits de l'Homme, даровать России конституцию, республику – все, что хотят...»[1460]).

«Созерцатели» у Мережковского – это не бездельники, хотя такой смысл содержится в лексическом значении, а интеллектуально развитые и весьма активные личности, но с не реализованным в полной мере потенциалом действия. Больше других под данное определение подходит Макиавелли, признающийся в разговоре с Леонардо да Винчи: «…всего ужаснее, друг мой, сознавать, что силы есть, что мог бы что-нибудь сделать и что никогда ничего не сделаешь – погибнешь бессмысленно!..»[1461] Леонардо, в свою очередь, такой же «созерцатель»: «В этом странном человеке (Макиавелли. – *А.Х.*), неутолимо жаждавшем действия и совершенно к нему неспособном, могучем в мысли, бессильном в жизни, подобном лебедю на суше, – узнавал Леонардо себя самого»[1462]. И еще пример: «По собственному опыту, художник угадывал то, чтó происходило в душе Макиавелли. Это была не трусость, а та непонятная слабость, нерешительность людей, не созданных для действия, та мгновенная измена воли в последнюю минуту, когда нужно решать, не сомневаясь и не колеблясь, которые ему самому, Леонардо, были так знакомы»[1463]. Знакомы они и Мережковскому, обращавшемуся в одном из ранних автобиографических стихотворений к «мечтателю бесполезному»: «В бездействии прожив, погибнешь ты бесцельно… / Не тронет никого твой заунывный плач, / Не в силах ничему отдаться нераздельно, – / Ты сам своей души – безжалостный палач. / Порой ты рвешься в даль, надеждой увлеченный, / Но воля скована тяжелым мертвым сном: / Ты недвижим, – как труп, в бессилье роковом, / Ты

[1460] *Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 21 – 22.
[1461] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 143.
[1462] Там же. С. 227.
[1463] Там же. С. 144.

жив, – как заживо в могилу погребенный»[1464]. Бессилие поколения, к которому относит себя поэт, разлад мысли и воли подчеркиваются эпиграфом, заимствованным у средневекового схоласта Дунса Скотта: «Voluntas est superior intellectu» («Воля стоит над мышлением»). При этом в ранней редакции (см.: Вестник Европы. 1884. № 7) стихотворение имело заглавие «Гамлетам», а эпиграфом служили слова из речи И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот»: «Для дела нужна воля, для дела нужна мысль; но мысль и воля разъединились и с каждым днем разъединяются более». В трактате «Л. Толстой и Достоевский», демонстрируя разрыв созерцания и действия на примере Раскольникова, Мережковский упирает на то, что это противоречие не личная слабость героя, «а слабость вообще всех людей новой европейской культуры»[1465].

Тоска по действию и осознание его невозможности превращают «созерцателей» в скучающих персонажей. В состоянии душевного томления, уныния или отсутствия интереса к окружающему в произведениях Мережковского находятся самые разные герои: Юлиан («Юлиану было скучно»[1466]); Джиованни («Да, я знаю, – возразил Джиованни, – мне самому иногда бывает так скучно, что хочется умереть»[1467]); Макиавелли («Так-то, друг мой, – продолжал он еще тише и задумчивее, – скучно, говорю я, жить на свете, и, пожалуй, самое скверное в жизни не заботы, не болезни, не бедность, не горе, – а скука…»[1468]); Папа Лев X («…душу его, так же как тело, разъедала тайная язва – скука»[1469]); Елизавета, супруга будущего императора Александра I («Скучно, скучно, скучно, Сашенька!..»[1470]); Аракчеев («Ни ума, ни глупости, ни доброты, ни злобы – ничего в этом лице, кроме скуки»[1471]); Александр I

[1464] *Мережковский Д.С.* «Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу…» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 17.
[1465] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 163.
[1466] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 100.
[1467] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 110.
[1468] Там же. Т. 3. С. 191.
[1469] Там же. С. 283.
[1470] *Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 24.
[1471] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 194.

(«Иногда бывает тяжеле зевать, чем плакать, – пришла ему давняя мысль: – кто знает, может быть, в аду – не плачь и скрежет зубов, а только зевота, скука – вечность скуки?»[1472]); Микеланджело («Поскорее вернулся он домой, не зажигая свечи, разделся, лег в постель, с головою завернулся в одеяло так, чтобы ничего не видеть и не слышать, повторяя одно слово: “Скучно, скучно!” Холод отвращения к жизни, к людям, к себе – пронизывал его до сердца, как холод смертельной тошноты»[1473]). Даже Петр I, относящийся к типу «деятелей», иногда скучает: «Все было, как всегда. Но Петр чувствовал скуку. Нарочно пил как можно больше самой крепкой английской водки – *pepper and brandy*, чтобы поскорей опьянеть, но хмель не брал его. Чем больше пил, тем становилось скучнее»[1474]. Значимость для Мережковского мотива скуки подтверждается в текстах, где писатель выступает в качестве критика других авторов. «Исполинская скука, – читаем в одной из работ, – оцепенение, сонная зевота, которая страшнее самого безумного отчаяния, все более и более овладевают Гоголем по возвращении в Россию, в три, четыре последние года жизни»[1475]. «Скука, уныние, – пишет Мережковский, – вот главная и, в сущности, единственная страсть всех чеховских героев, именно *страсть*, потому что уныние, по глубокому наблюдению христианских подвижников, – тоже “страсть”, и притом одна из самых жадных страстей. Как пьют вино запоем, так чеховские герои запоем скучают»[1476]. В исследовании «Л. Толстой и Достоевский» автор специально приводит слова Черта, сказанные Ивану Карамазову («Скучища неприличнейшая…»), признания Свидригайлова Раскольникову («*очень скучно!*») и Версилова подростку («Я люблю торжественность скуки»), чтобы затем от своего лица заключить: «Эта метафизическая *скука* – страшнее всех человеческих несчастий и страданий. В этой “земной тяжести”, в этой здешней скуке есть нечто неземное,

[1472] Там же. С. 204.
[1473] *Мережковский Д.С.* Микеланджело // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 19. С. 141.
[1474] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 145.
[1475] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 284.
[1476] *Мережковский Д.С.* Чехов и Горький // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 67.

нездешнее…»[1477] Нелишне заметить, что в жизни Мережковского бывали периоды, когда скука овладевала им (см. стихотворения «Скука» и «Так жизнь ничтожеством страшна…»). Но, как правило, писатель не находил в этом состоянии творческих импульсов и осуждал тех, кто создавал вокруг себя атмосферу тоски и безделия. «Я помню, – пишет он, – литературный кружок одного молодого журнала, подававшего большие надежды. Там собирались писательницы-дамы, и только что прогремевшие беллетристы, и люди почтенного старого времени, талантливые и умные. Тем не менее скука царствовала непреодолимая. Все только притворялись, что делают серьезное, кому-то нужное дело, а в душе томились. Однажды принесли в редакцию простую детскую игрушку, бумажную муху. Надо было заводить пружинку, и муха, треща крыльями, летала по комнате. Как все были довольны, как хохотали и забавлялись!.. Угрюмые лица просветлели, и дамы хлопали в ладоши. С тех пор прошло лет шесть, но я помню очень ясно эту маленькую бытовую сценку, не лишенную местного колорита»[1478].

Вопрос, которым задается Мережковский, противопоставляя «деятелей» и «созерцателей», не в том, кто прав, а в том, как соединить «наше созерцание с нашим действием»[1479], и вопрос этот в творчестве автора имеет не только сюжетное, но и религиозное значение. В статье «Св. София» писатель вспоминает свою поездку в Константинополь с целью увидеть храм Святой Софии, бывший патриарший православный собор, превращенный в мечеть и ставший для Мережковского воплощением религии Святой Троицы: Отца, Сына и Духа. «Но Византия, – говорится в статье, – построив храм Троице, забыла Троицу»[1480]. С точки зрения Мережковского, сосредоточившись на втором Лике – на Сыне, «религия христианства, только христианства – сделалась такой же косной и бессильной, одиноко созерцательной,

[1477] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 10. С. 152.
[1478] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 188.
[1479] *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 205.
[1480] *Мережковский Д.С.* Св. София // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 158.

бездейственной, как ныне еврейская и магометанская, остановленная в первом Лике – в Отце»[1481]. Разделение созерцания и действия, думает писатель, является следствием идущего со времен Византии размежевания Отца и Сына. Исторически христианство как «религия чистого и крылатого созерцания»[1482] отрицает «*всякое* действие, *всякое* участие в делах мирских»[1483]. Вот почему «современное общество и его мыслящая и наиболее действенная, жизненная и правдивая часть – в сознании своем – вне христианства»[1484]. Разрешение противоречий – в соединении Отца и Сына, внерелигиозной жизни и внежизненной религии, действия и созерцания. Если религия Одного – это религия косности и недвижности, то религия Троицы – «религия всеобъемлющая, не только созерцательная, но и *действенная*»[1485]. Таким образом, «созерцатели» и «деятели», подобно предыдущей паре «отцы – дети», не отменяют, а дополняют друг друга («…слабы созерцающие, только созерцающие, как слабы действующие, только действующие»[1486]). «Действие и созерцание, жизнь и вера – да неужели они не *одно*, как Отец и Сын – одно? А где Отец и Сын – там и Дух животворящий, ибо все Три – Одно»[1487], – сказано в заключение «Св. Софии».

Третья типологическая пара носит самое условное наименование – «рационалисты – иррационалисты» – и реализуется в персонажах, которые полярно ориентированы в ценностном отношении. Если с первыми прочно ассоциируются такие лексемы, как «позитивизм», «реализм», «наука», «Запад» (подразумевается ментальный мир), то со вторыми – «идеализм», «творчество», «вера», «Восток». Так, говоря о героях Сервантеса, Мережковский противопоставляет увлеченного Дон Кихота и практичного Санчо как «трагических представителей двух вечно разделенных и вечно тяготеющих

[1481] Там же.
[1482] Там же. С. 160.
[1483] Там же. С. 163.
[1484] Там же.
[1485] Там же. С. 160.
[1486] Там же. С. 164.
[1487] Там же.

друг к другу полусфер человеческого духа – идеализма и реализма»[1488]. Чехова и Горького, по словам писателя, средний русский интеллигент любит за то, «что они учат верить в торжество прогресса, науки, человеческого разума»[1489]. Герои самого Мережковского, подобно гончаровской Вере (позволим себе это отдаленное сравнение), стоят в нерешимости между двумя безднами: «Куда идти? Марк велит разрушить наукой и разумом божественные верования сердца и за них обещает великое счастие на земле. А добрый, таинственный взор Спасителя зовет к себе, к вечному, неземному, к небесной любви...»[1490] Однако, несмотря на авторское осознание того, что «никогда еще пограничная черта науки и веры не была такой резкой и неумолимой, никогда еще глаза людей не испытывали такого невыносимого контраста тени и света»[1491], Мережковский не разделяет взгляды Брюса, персонажа из трилогии «Христос и Антихрист», который «полагал, что надо выбрать одно из двух – или веру без науки, или науку без веры»[1492].

Убежденность писателя в необходимости примирения, а не борьбы противоположностей неистребима. «Не касается ли, – вопрошает он, имея в виду Наполеона, направляющего думы к Востоку, – хотя еще как будто ощупью, теперь все более и более открывающейся нам необходимости последнего соединения – двух духовно-противоположных и вечно друг к другу тяготеющих миров – Запада и Востока, Европы и Азии – дневной культурной полусферы сознания, разума, личности и ночного, бессознательно-стихийного религиозного творчества?»[1493] Вопрос, безусловно, риторический, поскольку уже в «Вечных спутниках» Мережковский дал на него ответ: «…Будущее принадлежит не Дон Кихотам, а тем истинным героям, которые сумеют соединить чувство с разумом, веру – с наукой, порыв любви – со

[1488] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 117.
[1489] *Мережковский Д.С.* Чехов и Горький // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 61.
[1490] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 57.
[1491] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 211.
[1492] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 78.
[1493] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 46.

спокойным расчетом сил. До сих пор одни много знали, но слишком мало любили, другие много любили и слишком мало знали, но только тот, кто будет *много знать и много любить*, может сделать для человечества что-нибудь истинно прекрасное и великое»[1494]. Таких гармонических личностей в ППСС-2 совсем немного. К ним, например, относятся Леонардо да Винчи («Леонардо знал и любил – и любовь углубляла познание. Рисунки его были так точны и в то же время так прекрасны, что трудно было решить, где кончается искусство и начинается наука: одно входило в другое, одно сливалось с другим в неразделимое целое»[1495]) или Гете («Никто не обладал в такой мере, как он, этим даром изумления. Оно-то и соединяет для него науку с религией»[1496]). Большинство же склоняется к тому или иному полюсу. При этом в отличие от других рассмотренных нами антиномий в паре «рационалисты – иррационалисты» конфликт переходит из внешнего (между персонажами) во внутренний (душевный), что лишний раз подчеркивает его трагичность и противоестественность (если исходить из концепции единства личности). В частности, исследуя жизнь Л. Толстого на всем ее протяжении, Мережковский приходит к выводу о том, что между сознательной и бессознательной стороной его духовного развития существует несоответствие, неравновесие: «Один Лев Толстой сознательный, добрый и слабый, смиряется, кается, питает отвращение к себе, к своей порочности; другой – бессознательный, злой и сильный, “воображает себя великим человеком, открывающим для блага всего человечества новые истины, и с гордым сознанием своего достоинства смотрит на остальных смертных”, находя особое, утонченное, как бы сладострастное, наслаждение гордости даже в отвращении к себе, самоуничижении, самобичевании»[1497]. Трагедия Герцена, если обратиться к статье «Грядущий Хам», – тоже в раздвоении: «…сознанием своим он отвергал, – бессознательно

[1494] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 116.
[1495] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 244.
[1496] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 148.
[1497] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 20 – 21.

искал Бога»[1498]. Те, в ком Мережковский диагностирует расщепление сознательного и бессознательного начал, нарекаются «немыми пророками». Таковы: П. Чаадаев («Светлою тенью прошел он в самой черной тьме нашей ночи, этот безумный мудрец, этот немой пророк, “бедный рыцарь” русской революции»[1499]); А. Чехов и М. Горький («Они “пророки”, потому что благословляют то, что хотели проклясть, и проклинают то, что хотели благословить. Они хотели показать, что человек без Бога есть Бог; а показали, что он – зверь, хуже зверя – скот, хуже скота – труп, хуже трупа – ничто»[1500]); Вл. Соловьев (статья о котором так и называется – «Немой пророк»); Ф. Достоевский (по одноименному исследованию – «Пророк русской революции»); И. Тургенев («Тургенев молчит и молча подходит ближе ко Христу, чем Л. Толстой и Достоевский»[1501]); и некоторые другие.

Внутренняя раздвоенность персонажей обостряет антагонизм между «отцами» и «детьми», «деятелями» и «созерцателями», «рационалистами» и «иррационалистами», предшествующий их грядущему метафизическому примирению. К двойственным натурам у Мережковского относятся прежде всего исторические личности: Юлиан («Он был одет, как христианские послушники. Днем, как прежде, посещал церкви, гробницы мучеников, читал с амвона Писание, готовился к пострижению в монахи»[1502]; «Ночи проводил в книгохранилище пергамском, где изучал творения знаменитого врага христиан, ритора Либания; посещал уроки греческих софистов…»[1503]); Леонардо («Янус двуликий: одно лицо к Христу, другое к антихристу. Поди, разбери, какое истинное, какое ложное. Или оба истинные?..»[1504]); Петр I («Образ отца двоился: как бы в мгновенном превращении оборотня, царевич видел два лица

[1498] *Мережковский Д.С.* Грядущий Хам // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 20.
[1499] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 56.
[1500] *Мережковский Д.С.* Чехов и Горький // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 115.
[1501] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 65.
[1502] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 61.
[1503] Там же.
[1504] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 198.

– одно доброе, милое, лицо родимого батюшки, другое – чуждое, страшное, как мертвая маска – лицо зверя. И всего страшнее было то, что не знал он, какое из этих двух лиц настоящее – отца или зверя? Отец ли становится зверем, или зверь отцом?»[1505]); царевич Алексей («Он жил двумя жизнями – действительной и призрачной; и они перемежались, перепутывались так, что не умел он отличить одну от другой, не знал, что было во сне, что наяву»[1506]); Александр I («…в лице двусмысленное противоречие между слишком нежною улыбкою губ и жестокой морщиною лба…»[1507]); Достоевский («Не кажется ли иногда, что в самом Достоевском, как в Ставрогине, Версилове, Иване Карамазове, Раскольникове – “два противоположные характера поочередно сменяются”, два сросшиеся и противоположные близнеца? Борющиеся, но уже не слепые, как в Раскольникове, а прозревшие, заглянувшие в лицо друг другу и друг друга смертельно испугавшиеся двойники?»[1508]; «Доныне казалось, что у него два лица – Великого Инквизитора, предтечи Антихриста, и старца Зосимы – предтечи Христа. И никто не мог решить, иногда сам Достоевский не знал, какое из этих двух лиц подлинное, где лицо и где личина. Мы уже знаем. Но, чтобы увидеть лицо, надо снять личину»[1509]); Гоголь («Беда его была в том, что он первый заболел новою, никому на Руси до тех пор неизвестною, страшною болезнью, слишком нам теперь, после Л. Толстого и Достоевского, знакомою, – болезнью нашего религиозного *раздвоения*…»[1510]); Успенский («Глебу Ивановичу Успенскому, во время предсмертной душевной болезни, казалось, что он состоит из двух личностей – “Глеба” и “Иваныча”»[1511]); Вл. Соловьев («Предтеча и Мармеладов, пророк и шут. Как соединить или разъединить эти два лица?»[1512]); Лермонтов («“В Лермонтове было два человека”, – говорит

[1505] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 124.
[1506] Там же. С. 128.
[1507] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 29.
[1508] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 182.
[1509] *Мережковский Д.С.* Пророк русской революции. (К юбилею Достоевского) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 190.
[1510] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т.15. С. 254 – 255.
[1511] *Мережковский Д.С.* Иваныч и Глеб // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 32.
[1512] *Мережковский Д.С.* Немой пророк // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 128.

близко знавшее его лицо»[1513]); А. Волынский («Может быть, я отчасти и преувеличиваю значение первого, лучшего г. Волынского, но пусть!.. Это – из ненависти ко второму г. Волынскому, не имеющему с первым ничего общего, к его злополучному двойнику. Как всегда бывает, уродливый двойник, мучительная карикатура на свой оригинал, художественный критик Волынский притворился нежнейшим и преданнейшим другом философа Волынского, чтобы вернее погубить его»[1514]); Л. Толстой («И в Толстом, как во всех современных людях, – то же мучительное раздвоение»[1515]).

Лица с расколотым внутренним миром чаще других изображаются Мережковским в ситуации неустроенности, душевной неустойчивости, доходящей в некоторых случаях до помешательства. В этой связи к приведенным примерам нужно добавить еще несколько имен: Джиованни Бельтраффио («Не могу я больше терпеть! Погибаю, с ума схожу от этих двоящихся мыслей, от лика антихриста сквозь лик Христа. Зачем Ты покинул меня, Господи?»[1516]; «Так во всех веках и народах – в трагедии Эсхила, в сказаниях гностиков, в жизни императора Юлиана Отступника, в учении мудреца Платона – находил он дальние, родные отголоски великого разлада и борьбы, наполнявших его собственное сердце. Скорбь углублялась и утишалась сознанием того, что за десять веков люди уже страдали, боролись с теми же “двоящимися мыслями”, погибали от тех же противоречий и соблазнов, как он»[1517]); Тихон («Надо было решить, надо было выбрать одно из двух: или навсегда вернуться в мир, чтобы жить, как все живут, служить человеку, который погубил отца его и, может быть, погубит Россию; или навсегда уйти из мира, сделаться нищим, бродягою, одним из утаенных, беглых людей, “настоящего града не имеющих, грядущего – взыскующих”; на запад с

[1513] *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 171.
[1514] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 208.
[1515] Там же. С. 227.
[1516] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 204.
[1517] Там же. Т. 3. С. 256.

пастором Глюком – в город Стекольный, или на восток со старцем Корнилием – в невидимый Китеж-град. Чтò он выберет, куда пойдет, – он сам еще не знал, колебался, медлил последним решением, как будто ждал чего-то»[1518]); Валерьян Голицын («Из одного Тайного Общества – в другое: в одном – люди без Бога, в другом – Бог без людей; а я между сих двух безумств, как между двух огней. Опять – *не соединено*»[1519]); Марк Аврелий (настроение эпохи которого «соответствует настроению конца нашего века. То же внешнее благосостояние и внутренняя тревога, тот же скептицизм и жажда веры, та же грусть и утомление»[1520]).

Описанные случаи соответствуют ситуации «середины», так как персонажи Мережковского находятся в замешательстве, неопределенности, и дополняются, в свою очередь, ситуациями «завершения» и «начала».

Ситуация «завершения» реализуется в нескольких вариантах. Во-первых, в сценах смерти, которая носит насильственный характер. Как правило, это убийство кровных родственников, например, брата: «Леонардо слышал о злодействах Цезаря. Хотя явных улик не было, никто не сомневался, что он убил брата Джиованни Борджиа, наскучив быть младшим, желая сбросить кардинальский пурпур и наследовать звание военачальника – гонфалоньера церкви»[1521]. Однако чаще всего это сыноубийство и отцеубийство. Так, Юлиан знает, что Константин убил сына: «…вся вина молодого героя была в том, что народ слишком любил его; сын был оклеветан мачехой: она полюбила пасынка грешной любовью и отомстила ему, как Федра Ипполиту…»[1522] (трагедия Еврипида «Ипполит» в переводе Мережковского входит в ППСС-2). Герой другого романа – Петр I – «уже не мог остановиться и предвидел, что один

[1518] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 82.
[1519] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 126.
[1520] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 28.
[1521] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 25.
[1522] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 11.

конец всему – смерть сына»[1523]. Царевич Алексей вместе с ключарем московского Благовещенского собора символично посещает «маленькую ветхую домовую церковь, где еще царь Грозный молился о сыне, которого убил»[1524]. Между тем у самого Алексея зарождается грешная мысль: «…вдруг увидел он то, чего не хотел, не смел видеть – от чего ему было так весело – надежду, что отец умрет»[1525]. Герой Мережковского не может истребить в себе желание смерти родителя и во сне, точно наяву, «решив отомстить отцу за мать, за себя и за всех, просыпается ночью в постели, достает из-под подушки бритву, встает в одной рубахе, крадется по темным переходам дворца; перешагнув через спящего на пороге денщика, входит в спальню отца, наклоняется над ним, нащупывает горло и режет, и чувствует, что кровь у него холодная, как сукровица мертвых тел; в ужасе бросает недорезанного и бежит без оглядки»[1526]. Видение Петра I является еще одной жертве отцеубийства – Павлу I из одноименной пьесы: «Давно было, лет двадцать назад. Шли мы раз ночью зимою с Куракиным по набережной. Луна, светло, почти как днем, только на снегу тени черные. Ни души, точно все вымерло. На Сенатскую площадь вышли, где нынче памятник. Куракин отстал. Вдруг слышу, рядом кто-то идет – гляжу – высокий, высокий, в черном плаще, шляпа низко – лица не видать. “Кто это?” – говорю. А он остановился, снял шляпу – и узнал я – государь император Петр I. Посмотрел на меня долго, скорбно да ласково так, головой покачал и два только слова молвил, те же вот, что ты сейчас: “Бедный Павел! Бедный Павел!”»[1527]. И когда в романе «Александр I» наследник Павла вошел в комнату, где хранились вещи его покойного отца, «побледнел, и зрачки его расширились, как зрачки мертвеца, видящие то, чего уже никто не видит; вдруг наклонился и как будто с шаловливой улыбкой поднял одеяло. На

[1523] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 128.
[1524] Там же. Т. 4. С. 235.
[1525] Там же. С. 208.
[1526] Там же. Т. 5. С. 128 – 129.
[1527] *Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 116 – 117.

простыне темные пятна – старые пятна крови»[1528]. Эта кровь соединяет у Мережковского не только разные произведения, но и прошлое с будущим. Фактически Александр I – тоже жертва отцеубийства, если вспомнить его отношение к заговорщикам как к собственным детям, которые понимают, что император «отравлен»: «Ну, конечно, отравлен. О, какой медленный, медленный яд! Еще тогда, в ту страшную ночь 11 марта, отравился им. И *они* это знают. Правы они – вот в чем сила их, вот чем они убивают его издали; ведь есть такое колдовство: сделать человечка из воска, проколоть ему сердце иголкою, – и враг умирает. Да, яд течет в жилах его: этот яд – страх. Страх чего? О, если бы чего-нибудь. Но давно уже понял, что страх страшнее самого страшного. Не страх чего-нибудь, а один голый страх, безотчетный, бессмысленный, тот подлый животный страх, от которого холодеют и переворачиваются внутренности, и озноб трясет так, что зуб на зуб не попадает. Страх страха. Это как два зеркала, которые, отражаясь одно в другом, углубляются до бесконечности. И свет сознания, как свет свечи между двумя зеркалами, тускнеет, меркнет, уходя в глубину бесконечную – и темнота, темнота, сумасшествие…»[1529] Для некоторых будущих декабристов, по представлению Мережковского, Александр I – жертва, Зверь, воплощение Антихриста. Метафора цареубийства (как варианта отцеубийства) материализована в эпизоде расправы Лунина с огромной собакой, после чего находившийся рядом Голицын поверил, что его соратник, «убивая и другого, более страшного Зверя, кажется, был бы так же прост и спокоен»[1530]. С отцеубийством читатель ППСС-2 сталкивается также в трагедии «Эдип-Царь». По словам переводчика, герой Софокла, «ослепленный страстью или роком, мог не видеть или только желать не видеть своего преступления»[1531]. Наконец, выступая в роли критика, Мережковский исследует это же преступление в романе Достоевского «Братья Карамазовы»: «…Дмитрий в мыслях своих

[1528] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 220.
[1529] Там же. Т. 8. С. 139.
[1530] Там же. С. 67.
[1531] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 147.

убивает отца земного; Иван – Отца небесного; Иван хуже, чем отцеубийца, он – богоубийца: ведь и тогда уже, когда излагал он свою идею православия, в уме его был “бунт”, и в сердце своем сказал он: нет Бога, нет зла и добра, все позволено»[1532].

Вторая реализация ситуации «завершения» – естественное умирание, связанное с невозможностью отказаться от прошлого и двигаться вперед. В таком положении находятся герои, которых, по заглавию стихотворения Мережковского, правильнее всего назвать «детьми ночи». «Осужденные» на смерть, они умирают, но тоскуют «о несозданных мирах»[1533]. Некоторые из них сами признаются в этом. «Как тебе это объяснить, – говорит Юлиан с Орибазием, – не знаю. Старые, глупые песни трогают меня до слез. Я люблю вечер больше утра, осень – больше весны. Я люблю все уходящее. Я люблю благоухание умирающих цветов. Что же делать, друг мой? Таким меня создали боги. Мне нужна эта сладкая грусть, этот золотистый и волшебный сумрак. Там, в далекой древности, есть что-то несказанно прекрасное и милое, чего я больше нигде не нахожу. Там – сияние вечернего солнца на пожелтевшем от старости мраморе. Не отнимай у меня этой безумной любви к тому, чего нет! То, что̀ было, прекраснее всего, что̀ есть. Над моею душою воспоминание имеет бо̀льшую власть, чем надежда…»[1534] «Какие мы старые, – точно вторит ему Софья из “Александра I”, – древние! Кажется, не семнадцать, а семьдесят лет…»[1535] Благоуханием осени веет, по мнению Мережковского, от лучших писем Плиния Младшего, «вот почему они навсегда останутся драгоценностью для редких и благородных любителей увядания – для тех, кто предпочитает старость молодости, вечер – утру и неизменяющую осень – лживой весне»[1536]. «Дети ночи» (еще одно авторское наименование – «слабые и нежные дети

[1532] Там же. Т. 12. С. 133.
[1533] *Мережковский Д.С.* Дети ночи // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 22. С. 171.
[1534] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 208.
[1535] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 22.
[1536] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 79.

вечерних сумерек»[1537]) – это поколения рубежных эпох, обреченные, как сказано в очерке об Ибсене, рождаться и умирать в «смутные, страшные сумерки, когда последний луч зари потух и ни одна звезда еще не зажглась, когда старые боги умерли и новые не родились»[1538]. К такому поколению на страницах работы «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» Мережковский относит своих современников. В тексте, предпосланном переводу «Дафниса и Хлои», писатель находит очевидное для себя сходство между людьми XIX века и поколением автора этого греческого произведения: «Они так же, как мы, люди глубоко раздвоенные, люди прошлого и будущего – только не настоящего, дерзновенные в мыслях, робкие в действиях, среди мрака и холода носящие в себе зародыши новой жизни, стоящие на рубеже старого и нового, люди Упадка и вместе с тем Возрождения, или, говоря современным, общепринятым и все-таки почти никому непонятным языком, это – в одно и то же время и *декаденты*, т.е. гибнущие, доводящие утонченность дряхлого мира до болезни, до безумия, до безвкусия, и *символисты*, т.е. возрождающиеся, предрекающие знамениями и образами то, что *еще* нельзя сказать словами, потому что оно еще не наступило, а только веет и чуется, – пришествие Нового Мира»[1539].

Наконец, в-третьих, «завершение» представлено Мережковским в ситуации ухода персонажа от близких и родных к новому учителю («Теперь, – читаем в дневнике Джиованни Бельтраффио, – я совсем один: нет у меня никого на свете, ни родных, ни друзей, кроме учителя»[1540]; «Тихон, – герой другого романа, – вспомнил свои ночные мысли и почувствовал в душе спокойную решимость: не возвращаться к пастору Глюку и бежать со старцем

[1537] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 230.
[1538] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 242.
[1539] *Мережковский Д.С.* О символизме «Дафниса и Хлои» // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 19. С. 203.
[1540] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 165.

Корнилием»[1541]), либо – к жениху («Нет у меня родных, – отвечает Джиневра своему возлюбленному Антонио в новелле “Любовь сильнее смерти”, – ни мужа, ни дяди, ни матери. Все чужие, кроме тебя, ибо я для них – мертвая, для тебя я – живая, и тебе одному принадлежу по праву»[1542]). У Мережковского в подобных случаях намек на Христа угадывается не только в образе учителя, но и жениха. Сравнение Бога с женихом содержится и в Ветхом Завете: «…<как> жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой» (Ис. 62:5), – и в Новом Завете, а именно в притче о десяти девах, ожидающих прихода Жениха своего, второго пришествия Сына Человеческого (Мат. 25:1 – 13). К ней отсылает тропарь первых трех дней Страстной седмицы «Се Жених грядет в полунощи», аллюзия на который встречается в ППСС-2 неоднократно. Епископ Марис в романе о Юлиане Отступнике старческим, но твердым и ясным голосом произносит перед толпой: «Благодарим тебя, Господи! Ныне очищается церковь Твоя гонением. Се грядет Жених! Мудрые девы, возжгите светильники! Иерея облеките в великий и нескверный хитон, – во Христа, наше одеяние брачное!»[1543] Когда в заключительной части трилогии «Христос и Антихрист» запели упомянутый тропарь, Тихон, стоявший рядом с Софьей, «чувствовал пожатие трепетной руки ее, видел на лице ее улыбку застенчивой радости: так улыбается невеста жениху под брачным венцом»[1544]. В очерке о Тургеневе, вошедшем в «Вечные спутники», сказано, что «влюбленная муза» писателя «увидела в своем вещем сне» Христа в миру, «неназванного Жениха человеческой плоти»[1545]. Ситуация ухода персонажа от близких и родных к учителю или жениху включает религиозный подтекст еще и потому, что Мережковский довольно часто апеллирует к словам из «Книги пророка Михея» («…враги человеку – домашние его…»; Мих. 7:6), которые повторяются в «Евангелии от Матфея» (Мат. 10:36). «*Враги человеку домашние его,* – оба

[1541] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 84.
[1542] *Мережковский Д.С.* Любовь сильнее смерти // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 19. С. 23.
[1543] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 236.
[1544] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 178.
[1545] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 67.

понимали, что это значит», – читаем в романе «Александр I» об императоре и Елизавете Алексеевне, которые «говорили о родных, как о чужих, почти о врагах»[1546]. «Понял ли он, – задается вопросом Мережовский, когда пишет о Толстом, – великое и страшное слово Учителя: враги человеку домашние его?»[1547] «Конечно, – спустя несколько строк автор трактата оставляет собственное толкование, – Христос насилия не проповедовал. Он не требовал, чтобы человек отнимал имение у жены и детей, чтобы раздать его бедным, но он действительно требовал – и как точно, как ясно, – чтобы, если нельзя человеку освободиться иначе от собственности, он покинул вместе со своими полями, домом, имением и жену, и детей, взял крест свой и шел за Ним, чтобы он, по крайней мере, понял до конца это слово: враги человеку домашние его»[1548].

Религиозный взгляд на только что описанные ситуации «завершения» дает право называть их ситуациями «конца» в апокалипсическом смысле этого слова, согласующемся с эсхатологическими воззрениями Мережковского[1549]. В одном из эпистолярных посланий писателя к О.А. Флоренской от 1907 года читаем: «Ощущение “конца” мне близко до ужаса – тут мы ближе всего. Особенно верно то, что если он даже неимоверно далеко по времени, то он все равно – вот тут сейчас»[1550]. Привязанность к «жене, детям», возражение против религии, которая говорит: «враги человеку домашние его» – вот, с сожалением замечает Мережковский, «“прочное основание”, о которое разбиваются все крылатые “химеры”, все христианские пророчества о конце мира»[1551]. О Страшном суде напоминает и притча о десяти девах, а также связанный с ней

[1546] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 148.
[1547] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 56.
[1548] Там же. С. 58.
[1549] «Апокалиптическая настроенность Мережковского, – считает Н.А. Бердяев, – его устремленность к концу имеет симптоматическое значение и так характерна для русских религиозных исканий. Эта апокалиптическая настроенность свойственна величайшим проявлениям русского духа, от русских народных сект до великих русских писателей. Апокалиптические предчувствия нашей эпохи знаменуют мировой кризис, переход к новому космическому периоду» (*Бердяев Н.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 348).
[1550] *Шутова Т.* «Нечаянная радость»: Письма Д.С. Мережковского О.А. Флоренской // Новый журн. Нью-Йорк, 2008. № 253. С. 146.
[1551] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 214.

тропарь «Се Жених грядет в полунощи». Сущность «Апокалипсиса», как известно, в откровении о конце мира. Мережковский считал, что со временем совершенно утратилось религиозное самоощущение мирового конца. «Мало того: – разъяснял он, участвуя в прениях на Религиозно-философских собраниях, – в первые века, когда говорили о конце мира, от страха дрожали, бледнели; теперь даже священники и люди церкви говорят о конце мира как о чем-то таком, что не имеет отношения к жизни»[1552]. Об этом же написано в статье «Теперь или никогда»: «Эсхатологией пронизана вся политика, метафизика, психология и даже, можно сказать, физиология христианских мучеников. “Скоро всему конец, конец при дверях” – не столько мысль о конце, сколько ощущение конца было у них в каждом трепете нервов, в каждом биении сердца. Великая правда и великая неправда, или, вернее, неполнота была в этом неимоверно и для нас уже почти непонятно стремительном, эсхатологическом самочувствии первых веков христианства»[1553]. Мережковский, находясь под впечатлением от поездки на Светлояр, был убежден, что старообрядчество и порожденное им сектантство – «…“древлее благочестие”, со своим добровольным мученичеством – самосожжениями в срубах, со своим ожиданием конца мира и второго пришествия, со своим бунтом против всей государственно-церковной жизни новой России, как воплощения “духа Антихристова”, – есть небывалое во всемирной истории возрождение эсхатологического самочувствия первых веков христианства»[1554]. Художественное оформление эта мысль получила в романе «Антихрист (Петр и Алексей)» на примере Тихона, очутившегося в раскольничьем скиту[1555]. В сцене подготовки к «огненному крещению» (самосожжению) герою, который

[1552] Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 323.
[1553] *Мережковский Д.С.* Теперь или никогда // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 135.
[1554] Там же. С. 141.
[1555] Сходство с первыми веками христианства автор подчеркивает одной фразой: «На мужичьем соборе в ветлужских лесах спорили почти так же, как четырнадцать веков назад, во времена Юлиана Отступника, на церковных соборах при дворе византийских императоров» (*Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 168).

сперва испытывал «знакомый ему с детства ужас и радость конца»[1556], теперь, когда Софья шептала на ухо: «Жених мой, Христос мой возлюбленный!» – казалось, что огонь, горящий в теле его, сильнее огня так называемой красной смерти: «Они поникли вместе, как будто обнявшись, легли, жених и невеста, на брачное ложе. Жена огнезрачная, огнекрылая, уносила его в пламенную бездну»[1557]. Еще одна отсылка к «Апокалипсису» (образ «Жены, облеченной в солнце» – «Невесты Жениха Грядущего», символизирующей для Мережковского «Церковь Третьего Завета»[1558]) есть в финальном эпизоде новеллы «Любовь сильнее смерти»: «Первые лучи солнца затеплились в окнах. Джиневра улыбнулась ему, и по мере того, как солнце становилось все ярче, румянец жизни приливал к ее щекам, в тонких жилах на висках билась теплая кровь. Когда Антонио наклонился, обнял и поцеловал ее в губы, ей казалось, что солнце воскрешает ее, дает ей новую бессмертную жизнь»[1559].

Переход от ситуаций «завершения» к ситуациям «начала» не является логической ошибкой. Как мы убедились, конец в религиозном сознании Мережковского знаменует новую жизнь, начало которой представлено в сценах возвращения (например, блуждающих героев: Бельтраффио, Алексея, Тихона, Голицына) и, в особенности, воскрешения. «Я хочу воскресить мертвых»[1560] – так вслед за Луиджи из романа с символическим заглавием «Воскресшие боги» могли бы сказать и Юлиан Отступник, и Петр I в двух других частях первой трилогии. Одним из связующих образов, с которым ассоциируется мотив воскрешения из мертвых, является статуя Венеры. В романе о Леонардо да Винчи запечатлен момент ее извлечения из подземелья на фоне перекликающихся над Флоренцией нежных голосов утренних колоколов. Богиня медленно поднималась «с тою же ясною улыбкою, как некогда из пены

[1556] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 160.
[1557] Там же. С. 194.
[1558] *Мережковский Д.С.* Меч // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 28.
[1559] *Мережковский Д.С.* Любовь сильнее смерти // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 19. С. 23.
[1560] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 107.

волн морских, выходила она из мрака земли, из тысячелетней могилы»[1561]. А в романе «Антихрист (Петр и Алексей)» назначается праздник Венеры в честь древней статуи, которая две тысячи лет пролежала в земле, но, невзирая на это, «она была и здесь (в Петербурге. – *А.Х.*) все такая же, как на холмах Флоренции, где смотрел на нее ученик Леонардо да Винчи в суеверном ужасе; и как еще раньше, в глубине Каппадокии, близ древнего замка Мацеллума, в опустевшем храме, где молился ей последний поклонник ее, бледный худенький мальчик в темных одеждах, будущий император Юлиан Отступник»[1562]. Как видно, Мережковский связывает тексты не только на уровне отдельно взятого образа, но и хронотопа. Вослед предыдущему примеру можно привести сцену прогулки царевича Алексея с Евфросиньей по Неаполитанскому заливу: «Выехав из лунного золота, возвращались они к темному берегу. Здесь, у подошвы горы, была запустевшая вилла, построенная во времена Возрождения, на развалинах древнего храма Венеры»[1563].

Если вспомнить об отношении писателя к язычеству как предвестию христианства (тезис) и соответственно к христианству (антитезис) как фазису религии Духа (синтез), то за возрождением «умерших богов» у Мережковского проглядывает не только «вечный демонизм воскресающего язычества»[1564], в чем он признался в открытом письме Н.А. Бердяеву, но и воскресение в христианском понимании: как окончательная победа жизни над смертью, освобождение человечества. Возрождение языческой древности, которое, по словам писателя, «началось в XIV веке и продолжается до наших дней в современной антихристианской[1565] культуре – искусстве, науке, философии,

---

[1561] Там же. С. 30.

[1562] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 31.

[1563] Там же. Т. 5. С. 7. Статуя Венеры появляется также в описании ко второму действию пьесы «Павел I»: «Императрица МАРИЯ ФЕОДОРОВНА, великая княгиня ЕЛИЗАВЕТА, великие князья АЛЕКСАНДР и КОНСТАНТИН – в нише под статуей Венеры» (*Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 33).

[1564] *Мережковский Д.С.* О новом религиозном действии. (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 176.

[1565] С помощью этого определения Мережковский в очередной раз осуждающе намекает на оторванность исторического христианства от мира, его «бесплотность».

социально-политической революционной общественности»[1566], предшествует христианскому Возрождению. Это, согласно формулировке Мережковского, «второе Возрождение» начинается «ежели не в самой русской церкви, то около нее и близко к ней, именно в русской литературе, до такой степени проникнутой веяниями нового таинственного “христианства Иоаннова”, как еще ни одна из всемирных литератур»[1567].

На описанных ситуациях «середины», «завершения» и «начала», в которые Мережковский помещает противоречивых, находящихся в разладе с собой персонажей, держится разветвленная система героев-двойников, помогающих соотнести отдельные тексты внутри ППСС-2, связать разрозненные компоненты формы в смысловое целое. О двойниках у Мережковского можно говорить как минимум в двух случаях.

Прежде всего, когда перед нами персонажи, представляющие один тип. Например, к типу «Сверхчеловека» с недюжинными способностями относятся Леонардо да Винчи («Все умеет, знает все… Он левша. Но левою рукою, с виду нежной и тонкой, как у молодой женщины, сгибает железные подковы, перекручивает язык медного колокола и ею же, рисуя лицо прекрасной девушки, наводит прозрачные тени прикосновениями угля или карандаша, легкими, как трепетания крыльев бабочки»[1568]) и Петр I, «ваятель России, подобный титану Прометею[1569]»[1570] («В простой шкиперской куртке, в кожаных высоких сапогах, с развевающимися волосами – шляпу только что сорвало ветром – исполинский кормчий глядел на потопленный город – и ни смущения, ни страха, ни жалости не было в лице его, спокойном, твердом, точно из камня изваянном, – как будто, в самом деле, в этом человеке было что-то

[1566] *Мережковский Д.С.* Ответ на вопрос // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 161.
[1567] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 31 – 32.
[1568] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 2. С. 166.
[1569] Из дневника фрейлины Арнгейм известно, что одной из эмблем царя был «Прометей, возвращающийся к людям от богов, с зажженным факелом» (*Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 141).
[1570] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 61.

нечеловеческое, над людьми и стихиями властное, сильное, как рок»[1571]). Сходство между героями из разных произведений бросается в глаза не только читателю, но и персонажу Мережковского. В одном из эпизодов романа «Антихрист (Петр и Алексей)» Тихону «припомнилось ветхое, изъеденное мышами октаво из библиотеки Брюса, под номером 461, с безграмотной русскою надписью: “Лионардо Давинчи трактат о живописном письме на немецком языке”, и вложенный в книгу портрет Леонардо – лицо Прометея или Симона Мага. И вместе с этим лицом – другое, такое же страшное – лицо исполина в кожаной куртке голландского шкипера, которого однажды встретил он в Петербурге на Троицкой площади у кофейного дома Четырех Фрегатов – лицо Петра, некогда столь ненавистное, а теперь вдруг желанное»[1572]. Как видно, с Прометеем сравниваются и Леонардо, и Петр.

Для Мережковского образ древнегреческого титана имел существенное значение. Писатель неоднократно обращается к нему в лирике («Порой, как образ Прометея…», «В темных росистых ветвях встрепенулись веселые птицы…», «Рим», «Везувий»). Наряду с другими греческими трагедиями он переводит «Скованного Прометея» Эсхила, несколько стихов из которого впоследствии зачитывает Кассандра в романе «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»[1573]. В трактате «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский называет этот античный памятник «трагедией воли»[1574], а в очерке «Сервантес» оставляет развернутый комментарий: «Возьмем для примера образ Прометея в знаменитой трагедии Эсхила. Для нас, людей XIX века, образ этот связан по неразрывной ассоциации с идеей протеста свободной человеческой личности против подавляющего религиозного авторитета. Но, спрашивается, доступна ли была подобная идея античному греку времени Марафонской битвы? Конечно, нет. А между тем, если мы заставим себя видеть в Прометее только то, что

[1571] Там же. С. 196.
[1572] Там же. Т. 5. С. 185.
[1573] См.: *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 251 – 252.
[1574] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 9. С. 41.

могли видеть в нем древние греки, – если мы искусственно уменьшим этот образ, выраставший в продолжение многих столетий, то значительная доля прежней красоты и величие типа исчезнет в наших глазах, и, строго соблюдая букву литературно-исторической, объективной вероятности, мы, может быть, принесем ей в жертву внутренний смысл, живую душу произведения»[1575]. Учитывая, что Прометей, восставший на богов, являет пример отступника, а в расширенном понимании (которое отстаивает Мережковский) – еретика, неудивительно, что сопоставимый с ним Леонардо да Винчи имеет еще одного двойника – генерала Якова Брюса из романа «Антихрист (Петр и Алексей)», которого, подобно автору «Тайной вечери», в народе «считали колдуном и чернокнижником»[1576] и у которого, как у настоящего ученого, была большая библиотека и «кабинет математических, механических и других инструментов, также натуралий – зверей, инсект, кореньев, всяких руд и минералов, антиквитетов, древних монет, медалей, резных камней, личин и вообще как иностранных, так и внутренних куриозностей»[1577].

Петр I также наделен другими двойниками, представляющими тип «зверя». То, что царь – «не совсем человек»[1578], кажется фрейлине Арнгейм и подтверждается описанием его внешности: «…страшнее всех было лицо царя – широкое, круглое, с немного косым разрезом больших, выпуклых, точно выпученных, глаз, с торчащими кверху острыми усиками, – лицо огромной хищной кошки или тигра»[1579]. В последней части трилогии «Христос и Антихрист» Мережковский описывает эпизод, в котором живая мартышка корчила смешные рожицы и как будто передразнивала судорогу в лице Петра. «И страшно было, – заключает автор, – сходство шутовских кривляний в этих двух лицах – маленькой зверушки и великого царя»[1580]. Спустя несколько глав мы узнаем о том, что у царевича Алексея был учитель-немец Мартын

[1575] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 101.
[1576] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 72.
[1577] Там же. С. 76.
[1578] Там же. С. 132.
[1579] Там же. С. 117 – 118.
[1580] Там же. С. 233.

Мартынович Нейбауер, которого русские дразнили «Мартынушкой – мартышкою». Бывало, он так надоест царскому сыну, что снится ночью в виде ученой мартышки: «И чудится Алеше сходство этой обезьяньей морды с искаженным судорогой лицом – не царя, не батюшки, а того, другого, страшного двойника его, оборотня. И мохнатая лапа тянется к Алеше и хватает его за руку, и тащит»[1581]. Даже Екатерина, жена Петра I, во сне видит сердитого зверя с короной на голове[1582]. В голосе самодержца не раз слышится «глухое рычание зверя»[1583], и внутренние ощущения царя говорят сами за себя («Иногда опускались у него руки в отчаянии. Он чувствовал страшное бессилие. Один против всех. Как большой зверь, заеденный насмерть комарами да мошками»[1584]; «…вдруг дикая, страшная, лютая жалость вгрызлась ему в сердце, как зверь»[1585]). По данным характеристикам двойниками Петра являются Павел I («Зверем был вчера, зверем будет и сегодня»[1586], – судит о нем Константин, которому вторит Пален: «…самодержец безумный – есть ли на свете страшилище оному равное? Как хищный зверь, что вырвался из клетки и на всех кидается»[1587]) и Аракчеев («Помяните слово мое, господа: умер Павел, жив Аракчеев – умер зверь, жив зверь!»[1588] – пророчествует Бенигсен).

В приведенных примерах за метафорой «зверя» стоит сходство героев со Зверем из «Апокалипсиса», Антихристом. Не случайно Алексей «узнает в звериной морде лицо человечье – широкоскулое, пучеглазое, с усами торчком, как у “Кота-котабрыса”», в котором угадывается Петр, «узнает того, о ком сказано: “Поклонились Зверю, говоря: кто подобен Зверю сему и кто может сразиться с ним?” (Апок. 13:4. – *А.Х.*)»[1589]. Проклиная отца, царевич бросает

[1581] Там же. С. 251.
[1582] Там же. Т. 5. С. 81.
[1583] Там же. Т. 4. С. 230.
[1584] Там же. Т. 5. С. 89.
[1585] Там же. С. 146.
[1586] *Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 5.
[1587] Там же. С. 80.
[1588] Там же. С. 149.
[1589] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 129.

ему: «Злодей, убийца, зверь, антихрист!..»[1590] Рассказ о военных поселениях другого «зверя» – Аракчеева – вспоминает в «Александре I» Тарасов: «…солдаты сносят целые селенья, разрушают церкви, срывают кладбища и воющих старух стаскивают с могил замертво, а старики шепчут друг другу на ухо: “светопреставление, антихрист пришел!”»[1591]. В то же время в образе «зверя» содержится семантика жертвы. Примером может служить царевич Алексей, которому говорит Евфросинья: «Батюшка – зверь большой, а ты – малый: зверь зверушку и съест»[1592]. В письме к резиденту Веселовскому в Вену П.А. Толстой, отправленный за сбежавшим царевичем, сообщает: «Сего часу не могу больше писать, понеже еду к нашему *зверю*…»[1593] Опасаясь вернуться ни с чем, Толстой «думал не о потере царской милости, андреевской ленты, графского титула, – как истинный охотник, все на свете забыв, думал он только о том, что *зверь* уйдет»[1594]. Двойником Алексея является еще один «затравленный зверь» – Софья, императорская дочь. В одной из сцен романа «Александр I» Голицын кормит ее предписанной врачами молочной овсянкой. «Софья, – читаем дальше, – только из его рук соглашалась глотать ее, как лекарство, по ложечке. Старая няня, Василиса Прокофьевна, вдали у двери, пригорюнившись, глядела на “кормление зверя”, как называла больная свой утренний завтрак»[1595]. Сложнее дело обстоит с образом Александра I. С одной стороны, он безусловный двойник болеющей Софьи («…неодолимый стыд, отвращение, нежелание выставлять горе свое на показ людям; чувство почти животное, которое заставляет больного зверя уходить в берлогу, чтобы никто не видел, как он умирает»[1596]) и «затравленного» Алексея («В обморочно-темном свете дня лицо его казалось мертвенно-бледным. Теперь, больше чем когда-либо, в нем было то, что заметила Софья, – кроткое, тихое, тяжкое,

[1590] Там же. С. 221.
[1591] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 106.
[1592] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 58.
[1593] Там же. С. 48.
[1594] Там же. С. 49.
[1595] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 21.
[1596] Там же. С. 83.

подъяремное: “теленочек беленький”, агнец безгласный, жертва, которую ведут на заклание[1597]…»[1598]). С другой стороны, став императором, Александр I вошел в «царство Зверя». «Вступая на престол, он, – поясняет свою мысль Мережковский уже в другом тексте, – вступил в заколдованный круг, из которого нет выхода»[1599]. В одноименном романе Александр I повторяет за автором: «Тут место проклятое… станешь на него и провалишься; проваливались все до меня, и я провалюсь»[1600]. Если принимать во внимание слова Мережковского о том, что «самодержавие – от Антихриста», то Александр I становится таким же «зверем»-двойником Петра I, как Павел I, а в сравнении героя с «теленком» и «агнецом» следует видеть отсылку ко второму Зверю из «Апокалипсиса», который выходил из земли и «имел два рога, подобные агнчим» (Апок. 13:11) и который «заставлял всю землю и живущих на ней поклоняться первому Зверю» (Апок. 13:12), «зверю»-Аракчееву, возросшее могущество которого при Александре – не столько художественный, сколько исторический факт.

Другой случай – когда двойниками у Мережковского являются персонажи, образующие ключевые для ППСС-2 антиномические пары «отцы – дети», «деятели – созерцатели», «рационалисты – иррационалисты», в которых двойничество подтверждает не только потенциальную, но и реальную близость между героями, стремящуюся порой к тождественности или, по излюбленному выражению писателя, к синтезу. В качестве примеров для каждой такой пары укажем на сходство Петра I и Алексея («Алексей молчал, опустив глаза. Лицо его казалось теперь такою же мертвою маской, как лицо Петра. Маска против маски – и в обеих внезапное, странное, как будто призрачное, сходство – в

[1597] Эта фраза отсылает нас к словам гр. Голицына, сказанным кн. Нарышкину в тот момент, когда после кончины Павла I заговорщики ведут Александра в Зимний дворец: «Не на престол, будто, а на плаху ведут» (*Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 149).

[1598] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 167. К этому можно добавить, что Александра с Алексеем роднит у Мережковского народная любовь (см. слова Палена: «Не от себя говорю, а от сената, войска, дворянства – от всего народа российского, коего желание единственное – видеть Александра императором» (*Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 30).

[1599] *Мережковский Д.С.* Революция и религия // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 46.

[1600] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 182.

противоположностях подобье»[1601]; «Они молча смотрели друг другу в глаза одинаковым взором. И в этих лицах, столь разных, было сходство. Они отражали и углубляли друг друга, как зеркала, до бесконечности»[1602]; «…царевич Алексей Петрович, – комментирует писатель в другом тексте, – необходимый трагический двойник Петра…»[1603]); Павла I и Александра I («А-а! Я и забыл, – говорит Павел, глядя на портрет в медальоне, – что мы тут вдвоем: на одной половинке – я, на другой – он. Ровесники. Обоим лет по двенадцати. И похожи-то как! Две капли воды. Не разберешь, где я, где он. Точно близнец, аль двойник. Ну да и не диво – ведь сын родной, первенец, плоть и кровь моя, мальчик мой милый!.. Александр, Александр!»[1604]; «…усмехнулся государь так, – сказано в "Александре I", – что мороз пробежал по спине у Голицына: вспомнилась ему усмешка императора Павла, когда он сходил с ума»[1605]); Л. Толстого и Достоевского («Как пророк русского и всемирного освобождения (ср. с номинацией Достоевского – "пророк русской революции". – *А.Х.*), пока живо человечество, будет жив Толстой»[1606]); Хлестакова и Чичикова («Они – два полюса единой силы; они – братья-близнецы, дети русского *среднего* сословия и русского XIX века, самого серединного, буржуазного из всех веков; и сущность обоих – вечная середина, "ни то, ни се" – совершенная пошлость»[1607]); Раскольникова и Макиавелли («…самый язык петербургского нигилиста напоминает язык секретаря флорентийской республики режущей остротой, холодом и ясностью диалектики, "отточенной, как бритва"»[1608]);

[1601] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 4. С. 228 – 229.
[1602] Там же. Т. 5. С. 112.
[1603] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 21.
[1604] *Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 114 – 115.
[1605] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 66 – 67. Сам автор не удерживается от прямых аналогий с помощью ремарок в пьесе: «Александр (вскакивая и топая ногами, подобно Павлу)»; «Александр сидит в кресле, точно так же, как давеча Павел, откинувшись головой на спинку и закрыв глаза» (*Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 31, 84) – и комментариев в романе: «…в голосе его послышались те же визгливые звуки, как у императора Павла, когда он гневался» (*Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 7. С. 58); «…лицо его, искаженное бешенством, сделалось похоже на лицо императора Павла I» (Там же. Т. 8. С. 149).
[1606] *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и революция // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 156.
[1607] *Мережковский Д.С.* Гоголь // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 205 – 206.
[1608] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 11. С. 126.

Рогожина и Мышкина («Да, они – сообщники, они оба – убийцы: Рогожин – делом, князь Мышкин – “неделаньем”. Вот почему, одинокие, чужие всему, отверженные среди людей, они бесконечно близки друг к другу: шепчутся, совещаются, прислушиваются и дрожат одною дрожью; у них одна мысль, одна воля, одна душа, они как бы двойники, увидевшие, наконец, в лицо и узнавшие друг друга; как бы две расколотые и вдруг встретившиеся половины какого-то третьего единого существа»[1609]).

Имея в виду героев Достоевского, Мережковский писал: «…все трагические борющиеся пары самых живых реальных людей, которые кажутся себе и другим едиными, целыми существами, – на самом деле, оказываются только двумя половинами какого-то “третьего” расколотого существа – половинами, ищущими одна другую – друг друга преследующими двойниками»[1610]. Как мы убедились, данная критиком характеристика лучше всего подходит к его собственным персонажам.

***

Имплицитные связи, образующие смысловой каркас ППСС-2, ассоциативно обнаруживаются в «Содержании полного собрания сочинений Д.С. Мережковского», которое заключает все издание. К семантическим полям со значением «пол» и «религия» отсылают заглавия: «Любовь сильнее смерти», «Наука любви», «Трагедия целомудрия и сладострастия», «Рабство любви», «Эрот», «Любовь-вражда», «Одиночество в любви», «Проклятие любви», «Он про любовь ей говорил…», «Семейная идиллия», а также «Христос и Антихрист», «Антихрист (Петр и Алексей)» (вторая и одиннадцатая книги романа называются «Антихрист» и «Христос Грядущий»), «Ecce Deus – ecce homo» (вторая книга романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»), «Религия», «Жизнь и религия» (так озаглавлены части в исследованиях «Л. Толстой и Достоевский», «Гоголь»), «Революция и религия», «Грядущий

[1609] Там же. Т. 12. С. 82 – 83.
[1610] Там же. Т. 10. С. 147.

Хам» (название сборника и одноименной статьи), «Христианские анархисты», «Христианство и государство», «Бес или Бог?», «Христианство и кесарианство», «Лев Толстой и церковь», «Святой Сатир (Флорентинская легенда. Из А. Франса)», «Бог», «Христос, Ангелы и Душа (Мистерия XIII в.)». На константные образы героев и соответствующие ситуации, из которых слагается система перекличек между семантическими полями, указывают названия: «Двойники» и «Багряный зверь» (две книги из романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»), «Сын и отец» (книга из последней части трилогии «Христос и Антихрист»), «О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву)», «Сердце человеческое и сердце звериное», «Поэт сверхчеловечества» (подзаголовок исследования «М.Ю. Лермонтов»), «И хочу, но не в силах любить я людей…», «Воля», «Жертва», «Дети ночи», «Титаны», «Двойная бездна», кроме того – «Смерть богов (Юлиан Отступник)», «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (семнадцатая книга романа называется «Смерть. – Крылатый Предтеча»), «Красная смерть» (девятая книга романа «Антихрист (Петр и Алексей»), «Когда воскреснет», «Любовь сильнее смерти», «На распутье», «Печальный мертвый сумрак…», «К смерти», «Смерть Всеволода Гаршина», «Нет, ей не жить на этом свете…», «Христос воскрес», «Смерть Надсона», «Смерть Клитемнестры», «Morituri», «Скука», «Смерть (Петербургская поэма)», «Возвращение», «Конец века (Очерки современного Парижа)».

Единство композиции ППСС-2 поддерживается не только с помощью ассоциативных связей, но и на границах отдельных произведений, циклов и сборников, сопоставимых с «монтажными кусками». В роли стыковочных компонентов между ними выступают «авторские микротексты»: названия и подзаголовки, предисловия, эпиграфы, абсолютные начало и конец произведений как маркированные позиции (речь идет не об одном рамочном тексте).

Заключительные слова первой части трилогии «Христос и Антихрист» («Но в сердце Анатолия, Аммиана и Арсинои, как незаходящее солнце, уже было великое веселие Возрождения»[1611]) перебрасывают мост к следующему роману «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», события которого разворачиваются в эпоху Ренессанса.

В финале второй части трилогии мы видим, как Евтихий, вспомнив свой сон, взял кисть и написал на белом свитке Предтечи Крылатого: «*Вот Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете. Вот Он идет*»[1612]. Образ иконописца и русская тема, заявленная в заключение романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»[1613], подготавливают читателя к тексту, завершающему трилогию. Вместе с тем последние слова являются библейской цитатой (впервые – Мал. 3:1, позднее – Мат. 11:10, Мр. 1:2, Лук. 7:27), предвещающей главную мысль следующего романа: отказ от идеи примирения Христа и Антихриста, окончательный выбор в пользу Христа (он же – Господь и Ангел завета). «Осанна! Антихриста победит Христос»[1614] – вот последняя фраза трилогии, которую как «вечную песнь Грядущему Господу» воплощает Тихон, «спускавшийся с горы, как бы летевший навстречу солнцу»[1615]. Образ «летящего» героя наряду с заглавием заключительной книги романа (в тексте значится как эпилог) – «Христос Грядущий» – отсылает к такой же финальной книге предыдущего текста, которая называется «Смерть. – Крылатый Предтеча».

[1611] *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. 352.

[1612] *Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 389.

[1613] Образ Евтихия – не единственный. В конце произведения читатель узнает, что весной 1517 года в Амбуазе проходили торжества по случаю рождения сына у Франциска I и среди послов различных государств Европы ожидался русский – Никита Карачьяров, находившийся в Риме при дворе папы Льва X, который «давно вступил в сношение с великим князем Московии, Василием Иоанновичем» (*Мережковский Д.С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 3. С. 326). Никита Карачьяров, в свою очередь, проезжая через Милан вместе с Данилою Мамыревым, «присутствовал на празднике Золотого Века и беседовал с Леонардо о Московии» (Там же. С. 327).

[1614] *Мережковский Д.С.* Антихрист (Петр и Алексей) // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 5. С. 288.

[1615] Там же.

Пьеса «Павел I» завершается всеобщим возгласом: «Ура! Ура! Ура! Александр!»[1616] – в котором озвучено не только имя будущего императора, но и заглавие следующего романа[1617]. Еще одно связующее звено между двумя текстами – в начальной сцене «Александра I». Когда князь Валерьян Михайлович Голицын вошел в министерскую приемную, «большую, мрачную комнату с окнами на Михайловский замок (последнее место действия пьесы "Павел I". – *А.Х.*), так и пахнуло на него запахом прошлого, вечною скукою повторяющихся снов»[1618]. О неслучайности этого эпизода свидетельствует почти дословный повтор в другой главе: «Опять, как давеча, в приемной у дядюшки, пахнуло на него (Голицына. – *А.Х.*) знакомым запахом прошлого, вечною скукою повторяющихся снов»[1619].

Идущее дальше исследование «Л. Толстой и Достоевский» сопровождается общим «Вступлением» и «Предисловием» к части «Религия», которые делают заметным переход от исторических тем предшествовавших произведений к современной эпохе и критико-публицистическим работам с религиозно-общественной проблематикой.

Сборник «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» открывается статьей «Меч» с эпиграфом «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мат. 10:34). Эти слова пришедшего Господа воспринимаются как логичное продолжение призыва, заключающего трактат «Л. Толстой и Достоевский»: «Ей, гряди, Господи!»[1620]. В конце же сборника стоит «Предисловие к одной книге», которое закрывается утверждением веры автора в то, что в голосе русской революции «зазвучит над старым европейским кладбищем труба архангела,

---

[1616] *Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 149.

[1617] С предыдущим романом «Антихрист (Петр и Алексей)» пьесу «Павел I» соединяет реплика главного персонажа из второй картины первого действия: «Все-то у вас от бабушки, сударь, и сами вы – бабушкин внучек!.. А историю царевича Алексея помните? Вот подлинная трагедия, не то что Вольтеровы глупости! Сын восстал на отца, и отец казнил сына. Помните?» (*Мережковский Д.С.* Павел I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 25). На наличие метатекстуальных связей между этими текстами указала Е.А. Андрущенко.

[1618] *Мережковский Д.С.* Александр I // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 6. С. 153.

[1619] Там же. С. 163.

[1620] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 12. С. 272.

возвещающая страшный суд и воскресение мертвых»[1621]. В свою очередь, название следующей книги статей – «Грядущий Хам» – заставляет нас вновь вспомнить об «Апокалипсисе» и образе Зверя, Антихриста, которого, по словам Мережковского, «победит лишь Грядущий Христос»[1622].

Эпиграф к статье «Зимние радуги» – первой в сборнике «Больная Россия» («9 января 1905 года над Петербургом видны были радуги. Великие события того дня связывались в народной молве с этим небесным знаменьем»[1623]) – напрямую соотносится с предыдущим текстом, «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)», представляющим интерпретацию революционных событий. Последняя статья этого сборника, «Когда воскреснет», содержит в конце предположение: «Да, может быть, недаром в день Воскресения воскресший Гоголь снова, как некогда, падает к нашим ногам и вопит раздирающим сердце воплем: “хотя бы только пожелать так!..”»[1624] – а далее в томе располагается исследование «Гоголь», целиком посвященное классику в свете современности. В этом смысле оно не выглядит инородным перед публицистическим сборником «В тихом омуте», монографической работой о Лермонтове, который, как пишет Мережковский, «входит и в наше настоящее, в нашу сегодняшнюю злобу дня: ведь спор с христианством – наш сегодняшний неоконченный спор»[1625], и книгой статей «Вечные спутники» (в нее, согласно вступительному слову, включены работы о личностях, которые «для каждого времени – современники»[1626]).

«В настоящее время, – читаем в очерке “Пушкин”, – мы переживаем эту “черную осень”, этот невидимый ущерб – убыль пушкинского духа в нашей литературе»[1627]. Процитированные слова не просто завершают сборник «Вечные спутники», они корреспондируют с тональностью размещенного

[1621] *Мережковский Д.С.* Предисловие к одной книге // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 13. С. 166.
[1622] *Мережковский Д.С.* Грядущий Хам // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 14. С. 39.
[1623] *Мережковский Д.С.* Зимние радуги // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 5.
[1624] *Мережковский Д.С.* Когда воскреснет // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 15. С. 184.
[1625] *Мережковский Д.С.* М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 16. С. 202.
[1626] *Мережковский Д.С.* Вечные спутники // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 17. С. 5.
[1627] Там же. Т. 18. С. 171.

дальше манифеста «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», к последним строкам которого («Он (Дух Божий. – *А.Х.*) сильнее человеческой воли и разума, сильнее жизни, сильнее самой смерти»[1628]) отсылают название и смысл рассказа «Любовь сильнее смерти», открывающего идущий затем цикл «Итальянские новеллы». Включенные в него тексты (литературные переложения и переводы) стоят в одном ряду с опубликованными в следующих томах переводами античных трагедий, изречений китайской мудрости и разными стихотворными переложениями в поэтических сборниках.

Наконец, заключает издание «Автобиографическая заметка», которая, как мы уже говорили, семантически перекликается с авторским предисловием к ППСС-2 и вместе с ним выполняет обрамляющую функцию, вызывая у читателя ощущение внешней завершенности и относительной полноты. И хотя, по справедливым словам Б.В. Томашевского, «собраний сочинений никто подряд не читает»[1629], «авторские микротексты» у Мережковского делают такое чтение не только возможным, но и желательным.

[1628] *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 18. С. 275.

[1629] *Томашевский Б.* Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928. С. 196.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Напомним, что главная цель проведенного исследования – описание теоретической модели ППСС как структурно-семантического единства. Для ее достижения впервые реконструирована история возникновения и функционирования полных собраний сочинений в русской литературе XVIII – XX веков, явившихся прямым следствием развития коммерческих отношений между издателями и авторами. Благодаря привлечению широкого круга источников удалось не только уточнить (существенно расширив) типологию полных собраний сочинений, но также выявить все известные ППСС русских писателей, составить их перечень (в него вошли 45 авторов) и разработать соответствующую классификацию. Ее условность очевидна: ППСС относятся к таким литературным целостностям, которые не поддаются строгой классификации, поскольку принципы их построения (не говоря уже о содержании) индивидуальны.

Следующим этапом на пути к поставленной цели стало формулирование общих принципов изучения ППСС с позиций текстологии, истории литературы, интерпретирующей поэтики. Предложенная теоретическая модель опирается на учение о метатексте, основные положения которого изложены в исследованиях В.С. Киселева, и укладывается в рамки «макротекстологии» (термин Д.С. Лихачева). Будучи типологической разновидностью литературных метатекстов (ансамблевых, или составных текстовых, образований), ППСС не являются формой художественной циклизации по совокупности содержательных и конституирующих признаков, хотя отношения между текстами тоже выстраиваются по принципу монтажа (в расширенном понимании).

Как удалось установить, наибольший исследовательский интерес представляют те ППСС, которые были составлены и отредактированы самим автором (либо при его непосредственном участии), завершенные и

переиздававшиеся. Несмотря на относительность полноты, слабость текстологической подготовки, ошибки, опечатки и адресованность в первую очередь массовому читателю, такие издания отражают авторскую волю (а в случае переиздания – ее изменчивость) и оценку собственного наследия (как минимум – через отбор и расположение текстов). О них можно говорить как о не только формальном, но и содержательном единстве. Без тщательного изучения подобных изданий невозможно достичь глубокого понимания личности автора, его творчества и, наконец, подготовить академическое полное собрание сочинений. Что касается неавторизованных ППСС, то их правомерно рассматривать по аналогии с другими неавторскими объединениями, которые нельзя считать свободными от объективных связей, поддерживающих структурно-семантическое единство.

В анализе ППСС на первый план выходят формально-содержательные связи, обеспечивающие целостность всей конструкции. Изучение формы продуктивно при опоре на константные и связующие компоненты предметного, композиционного (является доминантным) и словесного уровней в границах всего собрания. Рассмотрение авторизованных ППСС в содержательном плане позволяет определить их семантические поля на тематическом и идейном уровнях, а также выявить между ними эксплицитные и имплицитные связи, образующие смысловой каркас. При этом тематический уровень наиболее интересен со своей экзистенциальной стороны, с точки зрения запечатления в нем духовно-биографического опыта творца.

Чтобы проследить за обретением ППСС статуса структурно-семантических единств, ведущими для формирования которых являются не всегда художественные, но эстетические по своей природе принципы, мы специально обратились к рассмотрению двух ППСС Мережковского. К работе удалось привлечь как опубликованные, так и архивные материалы, не вводившиеся раньше в научный оборот. В результате этого решен вопрос о соотношении авторских и редакторских составляющих творческого процесса,

по-новому (в том числе – на пересечении словесного и визуального рядов) рассмотрена проблема рецепции наследия Мережковского со стороны как профессионального сообщества, так и массового читателя. Одним из практических следствий проведенной работы стала систематизация разрозненных, никогда не сводившихся воедино библиографических сведений. Составлен самый полный на сегодняшний день информационно-справочный указатель научных работ о Мережковском (включая книги, диссертации, статьи), а также опубликованного эпистолярного (и связанного с ним) наследия писателя. Уточнены сведения о публикациях Мережковского до появления ППСС-2, отсутствовавшие в авторитетных библиографиях О.Я. Ларина, А.Г. Фомина, К.Д. Муратовой и др. Но главное – на конкретном примере продемонстрирована методология исследования данного метатекстового образования как структурно-семантического единства.

Обнаруженные нами прямые и косвенные свидетельства указывают на то, что оба прижизненных «Полных собрания сочинений» Мережковского можно считать авторизованными, а причины, побудившие к их выпуску, лежат одновременно в творческой (имеется в виду авторская установка на прочтение его произведений в самом широком контексте) и материальной (финансовой) плоскостях. Проведенный текстологический анализ дал все основания утверждать, что ни одно из рассмотренных собраний не может быть положено в основу современного научного или академического издания. Вместе с тем он может служить прологом к большой текстологической работе, охватывающей творческое наследие писателя в полном объеме. Изучение с позиций интерпретирующей поэтики, в свою очередь, дает возможность считать, что некоторые биографические факты следует рассматриваться как источник для толкования художественных образов Мережковского, который не был чужд «жизнетворческой» стратегии и сознательно согласовывал автобиографический и художественный тексты, реализуя собственный тезис о том, что лучшая из автобиографий – это произведения писателя.

Аналитическое рассмотрение константных компонентов предметного, композиционного и словесного уровней в границах отдельного прижизненного «Полного собрания сочинений» Мережковского позволило вести речь о двух системах семантических полей («пол» и «религия»), образующих идейно-тематическое единство, с разветвленной сетью смысловых перекличек между ними. Выявленные в ходе формального анализа имплицитные связи[1630] доказывают, что Мережковский – исключительно автореференциальный писатель. Благодаря обнаруженным кросс-референциям (с этой целью были исследованы различные композиционные приемы: повторы и их вариации, со- и противопоставления) во многом обеспечивается восприятие всех произведений ППСС-2 как единого текста. Кроме того, разбор показал, что единство издания поддерживается не только с помощью ассоциативных связей, но и на границах отдельных произведений, циклов и сборников, сопоставимых с «монтажными кусками», а в роли стыковочных компонентов между ними выступают «авторские микротексты», увеличивающие когнитивную нагрузку на читателя: названия и подзаголовки, предисловия, эпиграфы, абсолютные начало и конец произведений как маркированные позиции.

Наиболее частотная схема рассуждений писателя соответствует классической триаде «тезис – антитезис – синтез», выдвинутой еще в античности. Мережковский в данном отношении испытал разностороннее влияние неоплатонизма, христианского учения о Троице, идей Иоахима Флорского, философии Гегеля.[1631] Ход мыслей писателя подчинен не столько логике, сколько диалектике: «Согласно логическому закону исключенного третьего, если тезис истинен, то антитезис ложен, и наоборот. Согласно диалектическому закону отрицания отрицания, истиной тезиса и антитезиса

[1630] Что касается эксплицитных связей, то в качестве основного способа их выражения на идейном уровне рассмотрено авторское предисловие к собранию сочинений – важнейший конструктивный элемент.

[1631] У нас нет задачи исследовать метод мышления Мережковского, эклектичный в своей основе. Согласимся с современным философом в том, что «трудно причислить “гносеологию” Мережковского к какому-либо определенному направлению» (*Кувакин В.А.* Религиозная философия в России: Начало XX века. М., 1980. С. 88).

является их синтез…»[1632] При этом Мережковский находился в русле идеалистической диалектики. В отличие от марксистов (приверженцев диалектического материализма) он не отвергал гегелевскую предпосылку, в соответствии с которой субъектом триадического развития является абсолютная идея. Следовательно, нужно полагать, что сильнейшая неприязнь Мережковского к большевикам и неприятие Октябрьской революции 1917 года имеют под собой не только политические, но и философские основания. Выступая в прениях по вопросу о догмате на Религиозно-философских собраниях, писатель открыто заявлял о своих мировоззренческих принципах: «Мы знаем, что закон триадности заключается не в одном христианстве. Еще ранее христианства различные религии и философские системы подходили к этому закону – неизбежного, тройственного мышления о всем существующем. Думаю, это можно найти еще у греков. У Платона ясно высказана триадность, тройственность нашего мышления. Замечательно, что новые философы также вернулись к этому. Самый глубокий метафизик, Гегель, пришел к такой триадности, тройственному мышлению. Иначе нельзя ни о чем думать, как Троицей, так сказать – троясь»[1633].

Триада как метод философского конструирования применялся Мережковским тотально, и в художественных, и в нехудожественных текстах[1634], что подтверждает правомерность их совместного рассмотрения, в результате которого сделались очевидными два факта.

[1632] *Суворов О.В.* Тезис и антитезис // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2010. Т. 4. С. 22.

[1633] Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 392 – 393.

[1634] «В литературных текстах Мережковского, – справедливо замечает В.В. Полонский, – концепция трех заветов трансформируется в универсальный диалектический принцип “тринитарного мышления” (тезис – антитезис – синтез), который предопределяет буквально все жанрообразующие признаки от макрокомпозиции (тяготение к трилогиям) до характерологии (герои, лишенные психологической объемности, – носители раздирающих противоречий, алкающие грядущего апокалиптического синтеза) и хронотопа (господство пространственных характеристик над временными, преодоление идеи движения времени через анахронизмы и синхронизмы в сверхобобщениях и аналогиях между эпохами и эксплуатация поэтики цитатных лейтмотивов; при этом настоящее предстает провалом между прообразовательным прошлым и эсхатологическим будущим» (*Полонский В.В.* К проблеме историософского романа в русской прозе конца XIX – начала XX века // *Полонский В.В.* Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. М., 2011. С. 142). На материале трилогии «Христос и Антихрист» Т.А. Неверова подтвердила гипотезу о том, что одним из вербализаторов триадического мышления Мережковского являются контекстуальные синонимы, последовательность которых образует номинацию, опирающуюся на схему «тезис – антитезис – синтез» (*Неверова Т.А.* Опыт классификации контекстуальных синонимов (на материале трилогии

Во-первых, граница между художественными и нехудожественными работами писателя порой внешне условна. Это связано со стремлением автора к документальности или ее имитации, которое реализуется благодаря включению в произведения большого числа исторических персонажей (от главных до второстепенных) и соответствующих «интимных» жанров (дневников, писем, записных книжек)[1635]. Ценные сведения о творческой «кухне» Мережковского дают послания к М.О. Гершензону[1636]. «Я знаю, – сообщает он, – что Вы изучали – эпоху Александра I и декабристов, именно с той точки зрения, с которой мне всего нужнее – с более *интимной* и *личной*. Не согласились ли бы Вы оказать мне помощь Вашими сведениями и указаниями для моих драм “Александр I” и “Николай I (Декабристы)”, которые будут продолжением “Павла I”. Вы бы оказали мне этим большую услугу»[1637]. И главное: «Вы сами угадаете, что мне нужно: те мемуары, письма, документы, которые дают самую внутреннюю, *неофициальную* сторону эпохи. Словом – *“анекдоты”* – в глубоком смысле…»[1638] Этим же стиранием границ между художествнными и нехудожественными текстами обусловлена необходимость объединения в содержательном анализе всех произведений, невзирая на их родо-видовую принадлежность. В результате в один доказательный ряд попадают как прямые авторские высказывания, так и реплики персонажей. Причина такого подхода к материалу – не в постмодернистском нигилизме в отношении традиционных литературоведческих категорий, а в специфических чертах творчества самого Мережковского, который, согласно проницательному наблюдению

Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист») // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. им. А.И. Герцена. СПб., 2008. № 61. С. 192).

[1635] В качестве примеров можно вспомнить встречающиеся в художественной прозе Мережковского дневники (как подлинные, так и вымышленные) Джиованни Бельтраффио, царевича Алексея, фрейлины Аргейм, записки князя Валерьяна Михайловича Голицына, в поэзии – два стихотворения, объединенные названием «De Profundis», с подзаголовком «Из дневника», в критике – сборник «Вечные спутники» (согласно авторскому вступлению, «это – записки, дневник читателя в конце XIX века») с вошедшими в него статьями «Плиний Младший» и «Флобер» (на эпистолярной основе), «Монтань» (по материалам дневника), «Пушкин» (с опорой на автобиографические записки Смирновой).

[1636] Похожее письмо Мережковский отправил В.Я. Богучарскому 5 августа 1908 года: ОРФ ГЛМ. Ф. 2. Ед. хр. 292.

[1637] НИОР РГБ. Ф. 746. К. 37. Ед. хр. 31. Л. 1 – 2.

[1638] Там же. Л. 2 – 2 об.

В.В. Бычкова, в обращении с историческим и культурным материалом предвосхитил «почти любого “продвинутого” писателя постмодернистской ориентации»[1639].

Во-вторых, критика и публицистика писателя представляют собой развернутую экспликацию смыслов, зашифрованных в художественной форме, а вместе с тем – используются автором как средство их актуализации и расширения проблемно-тематического поля во времени и пространстве. Читателю, решившему, например, после статей «Аракчеев и Фотий» и «Елизавета Алексеевна» обратиться к роману «Александр I», очень трудно, говоря словами Мережковского о «Войне и мире», избавиться от «удивительного впечатления, будто бы все изображаемые события, несмотря на их знакомый исторический облик, происходят в наши дни, все описываемые лица, несмотря на портретность – наши современники»[1640]. Большой хронотоп, в свою очередь, укрепляет цельность ППСС-2, способствует легитимизации издания как структурно-семантического единства и выводит на картину мира писателя, его мировоззрение, объективированное текстуально.

Злоупотребление триадическим схематизмом (равно как и философско-публицистическая перегруженность образов, их чрезмерная иллюстративность) привело к тому, что у критиков Мережковского появились веские причины упрекать автора в художественной несостоятельности. «Образы, – читаем у А. Белого, – прибирает он к схемам. От этого живые лица, проходящие в его романах, превращаются в кукол, разукрашенных археологической ветошью. Становятся эмблемами мертвых схем»[1641]. «Все и всех, – пишет Н.А. Бердяев, – подводит он под одну схему, под один трафарет. Образуется клише, посредством которого почти автоматически находится выход из двух безвыходных тайн в третьей тайне, из двух взаимоисключающих антитез в синтезе самого Мережковского. Настоящей энергии творческой мысли в этом

[1639] *Бычков В.В.* Русская теургическая эстетика. М., 2007. С. 137.
[1640] *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 10. С. 29 – 30.
[1641] *Белый А.* Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 263.

не чувствуется. Синтез Мережковского остается чисто ментальным, формальным, схематическим, бессильным»[1642]. По словам И.А. Ильина, «романы и образы его всегда суть лишь иллюстрации к тезисам»[1643]. «Настоящим художником, – выносит вердикт Б.К. Зайцев, – историческим романистом (да и романистом вообще) Мережковский не был. Его область – религиозно-философские мудрствования, а не живое воплощение через фантазию и сопереживание»[1644]. «Увы, – сожалеет М.О. Цетлин, – среди массы нападок, которым подвергался Мережковский, упреки в искусственности его схем, в абстрактности его построений больше всего приближались к истине»[1645]. «Художник ли Мережковский?» – спрашивает А.С. Долинин: «По совести говоря, трудно ответить на этот вопрос полным “да”»[1646].

С одной стороны, с приведенными высказываниями трудно не согласиться. Излишняя сконструированность текстов препятствует их эстетическому восприятию. Это закономерность, объяснение которой находим в книге Игоря Виноградова «Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни»: «…как только оно, это “упорядочение”, начинает проступать слишком очевидно, как только мы ощущаем навязчивость деталей, “подогнанность” событий, рассчитанность сюжетных ходов и вместо живой и сложной логики жизни видим на каждом шагу лишь ее логизированную, упорядоченную схему, – прости-прощай наш восторг и увлечение. Мы начинаем иронически улыбаться и испытывать удовольствие разве лишь от того, что не такие уж мы, оказывается, простачки, чтобы попасться на столь примитивную “удочку”. Мы не любим, не терпим всех этих указующих перстов автора, как не любим и вообще всякого рода “договариваний”, “разжевываний” в искусстве»[1647].

[1642] *Бердяев Н.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 335.
[1643] *Ильин И.* Мережковский – художник // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 387.
[1644] *Зайцев Б.* Памяти Мережковского. 100 лет // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 472 – 473.
[1645] *Цетлин Мих.* Д.С. Мережковский (1865 – 1941) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 413.
[1646] *Долинин А.* Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века (1890 – 1910). В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С. 280.
[1647] *Виноградов И.* Как хлеб и вода. Искусство в нашей жизни. М., 1963. С. 22. Эта книга не должна была дойти до читателя. Когда стало известно, что тираж (пятьдесят тысяч экземпляров) подлежит уничтожению,

С другой стороны, по справедливому замечанию издателей первой в России коллективной монографии, посвященной Мережковскому, «современная писателю критика больше преуспела в уяснении его провалов и меньше – в уяснении удач»[1648]. Стараясь не только доказать, но и показать в образной форме собственную мысль, Мережковский апеллирует как к рациональному, так и эстетическому (чувственному) восприятию[1649]. «Не понять его романов без его критики. И критики – без романов»[1650], – справедливо заметил А. Белый. Опираясь на обширный художественный материал, С.М. Эйзенштейн (значение работ которого для литературоведения еще предстоит оценить) сформулировал важный вывод: «Диалектика произведения искусства строится на любопытнейшей “двуединости”. Воздействие произведения искусства строится на том, что в нем происходит одновременно двойственный процесс: стремительное прогрессивное вознесение по линии высших идейных ступеней сознания и одновременно же проникновение через строение формы в слои самого глубинного чувственного мышления. Полярное разведение этих двух линий устремления создает ту замечательную напряженность единства формы и содержания, которая отличает подлинные произведения. Вне его нет подлинных произведений»[1651]. Вместе с тем, если принять во внимание, что «искусство есть не что иное, как искусственное регрессирование в области психики к формам более раннего мышления, то есть явление, идентичное любым формам дурмана, алкоголя, шаманства, религии и пр.»[1652], а «одно из доступнейших и наиболее

Н.П. Розин «вместе с кем-то из его друзей отправился в петрозаводскую типографию, чтобы попытаться “спасти” хотя бы небольшую часть книжной массы (тем, кому сейчас меньше 50 – 60 лет, нелегко понять, насколько опасным было это предприятие). Авантюра кончилась полууспехом: извлечь из небытия удалось всего 5 – 10 экземпляров крамольного сочинения» (*Хализев В.Е.* В кругу филологов. Воспоминания и портреты. М., 2011. С. 70).

[1648] Предисловие // Д.С. Мережковский. Мысль и слово. М., 1999. С. 4.

[1649] Всегда ли ему это удается? – другой вопрос. По мнению одного из первых исследователей творчества писателя, окончательную победу у Мережковского все-таки одерживает Ratio (*Долинин А.* Дмитрий Мережковский // Русская литература XX века (1890 – 1910). В 2 кн. М., 2000. Кн. 1. С. 291), хотя мы не можем полностью согласиться с такой точкой зрения.

[1650] *Белый А.* Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 264.

[1651] *Эйзенштейн С.М.* Метод. В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 167.

[1652] Там же.

эффективных средств к тому, чтобы “возвращать” натуру человека к разрядам его более раннего примитивного реагирования и поведения»[1653] – это учащенность простейшего «барабанного» ритма, то нетрудно заключить, что благодаря многочисленным повторам и их вариациям, структурным эквивалентам так называемого «барабанного» ритма[1654], писателю удается достичь художественного эффекта. Не будем забывать слова А.А. Блока: «…говоря о Мережковском, едва ли можно упустить из виду то, что он *художник*. А это очень важно»[1655].

Писатель чутко воспринимал критику, хотя и был довольно самокритичен, признавался в «литературной бездарности»[1656]. На публичные обвинения К.И. Чуковского в том, что Мережковскому как «тайновидцу вещи» чужды «душа человеческая и человеческая личность»[1657], он отвечал в частном письме: «Я знаю по реальнейшему внутреннему опыту, что у меня бывали и бывают мгновения глубокого религиозного прикосновения к человеческим личностям. В этом смысле я могу *любить* людей»[1658]. А в предисловии к обоим прижизненным «Полным собраниям сочинений» Мережковский отчаянно

[1653] Там же. С. 199.

[1654] «Эта повторность, – пишет С.М. Эйзенштейн, – есть… выразитель понятия одержимости (в положительных случаях), или “навязчивости идей” (в случаях патологических)…» (*Эйзенштейн С.М.* Метод. В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 228).

[1655] *Блок А.* Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 245. Выявление критериев художественности на материале ППСС-2 не относится к стоящим перед нами задачам, поэтому интересующихся этой темой можно адресовать к разысканиям О.В. Кулешовой. «Особенность творческой манеры Мережковского, – согласно выводу ученого, – заключается в тождественности философской концепции автора созданному им художественному миру. Философская концепция рождается и передается в сфере художественного мышления, где идея и образ не иллюстрируют, а взаимно обусловливают друг друга, образуя единый конгломерат философско-художественного содержания, в котором уже невозможно установить первопричину» (*Кулешова О.В.* Притчи Дмитрия Мережковского. Единство философского и художественного. М., 2007. С. 213).

[1656] См. в его письме К.И. Чуковскому: *Чуковский К.И.* Собр. соч. В 15 т. Т. 6. М., 2002. С. 576.

[1657] *Чуковский К.* Д.С. Мережковский (Тайновидец вещи) // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 150.

[1658] НИОР РГБ. Ф. 620. К. 68. Ед. хр. 12. Л. 1 об. – 2. Разъяснением данной позиции служат слова Мережковского из прений по докладу «Лев Толстой и Достоевский»: «Человека любить абсолютно нельзя, прежде чем вы не полюбили Бога. В этом вся тайна. Если допустить, что сначала можно любить человека и уже потом полюбить в человеке Бога, произойдет уклон к буддизму, к толстовству» (Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 210). К сказанному стоит добавить, что в заглавия большой части своих произведений Мережковский выносит имя той или иной личности: Юлиан, Леонардо, Петр I, Алексей, Павел I, Александр I, Л. Толстой, Достоевский, Чехов, Горький, Аракчеев, Фотий, Елизавета Алексеевна, Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Марк Аврелий, Плиний Младший, Кальдерон, Сервантес, Гете, Монтань, Флобер, Ибсен, Гончаров, Тургенев, Майков, Пушкин, Микеланджело и др.

настаивал: «*…я ничего не хотел строить, – я хотел расти и растить; удалось ли, – не мне судить*»[1659].

***

Проведенное исследование позволило ответить как на теоретико-, так и на историко-литературные вопросы, продемонстрировало возможности «макротекстологического» подхода. В границах структурированного самим же автором издания, формально-семантическое единство которого было подтверждено, удалось увидеть «парадный автопортрет» Мережковского, заключенный в надежную рамку между авторским предисловием и «Автобиографической заметкой». Теоретически имманентный взгляд на ППСС может быть дополнен каузальным. При этом закономерно возникнет необходимость сравнить *автопортрет* (индивидуальность авторского самовыражения через ППСС) с *портретом* того же писателя, но сделанным без его участия (например, в ситуации неавторской подготовки ППСС или ПСС). Так или иначе будем надеяться, что диссертация окажется полезной не только тем, кто занимается творчеством Мережковского, изданием его сочинений и комментированием текстов писателя. Наблюдения и выводы, сделанные на одном авторе, в других подобных случаях могут и должны отличаться. Предложенный инструментарий позволит окончательно в этом разобраться.

[1659] *Мережковский Д.С.* [От автора] // *Мережковский Д.С.* ПСС. В 24 т. М., 1914. Т. 1. С. VIII. Среди немногих критиков русской эмиграции, увидевших желание писателя воплощенным, был Н.М. Бахтин: «Было бы ненужным и праздным делом спешно выделять из живого многообразия его книг – их схему, их идейный остов. Быть может, главное обаяние Мережковского последних лет – именно в живом нарастании, переплетении, скрещивании многообразных мотивов и тенденций, по законам какого-то ему одному свойственного контрапункта» (*Бахтин Н.* Мережковский и история // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 364). Сходной точки зрения придерживалась Гиппиус, писавшая о Мережковском: «У него – медленный и постоянный *рост*, в одном и том же направлении, но смена как бы *фаз*; изменение (без измены)» (*Гиппиус З.* Дмитрий Мережковский // *Гиппиус З.* Ничего не боюсь. М., 2004. С. 40 – 41).

ПРИЛОЖЕНИЕ:
роспись содержания полных собраний сочинений Д.С. Мережковского

Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского. Т. I – XVII. СПб.; М.: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1911 – 1913.

Т. I (1911; др. издание – 1912). Содерж.: [От автора]. Христос и Антихрист. Трилогия: I. Смерть Богов (Юлиан Отступник). [В 1912 году этот же том вышел с критико-биографическим очерком М.А. Лятского «Дмитрий Сергеевич Мережковский».]

Т. II (1911). Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: II. Воскресшие Боги (Леонардо да Винчи). Кн. I – IX.

Т. III (1911). Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: II. Воскресшие Боги (Леонардо да Винчи). Кн. X – XVII.

Т. IV (1911). Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: III. Антихрист (Петр и Алексей). Кн. I – V.

Т. V (1911). Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: III. Антихрист (Петр и Алексей). Кн. VI – X, эпилог.

Т. VI (1911). Содерж.: Повести и легенды: I. Любовь сильнее смерти: Итальянская новелла XV века. II. Наука любви. III. Микеланджело: Историческая повесть. IV. Святой Сатир: Флорентийская легенда из А. Франса. V. Дафнис и Хлоя: Древнегреческая повесть Лонгуса.

Т. VII (1912). Содерж.: Л. Толстой и Достоевский: жизнь, творчество и религия: Вступление, ч. I – II.

Т. VIII (1912). Содерж.: Л. Толстой и Достоевский: жизнь, творчество и религия, ч. III, гл. I – III.

Т. IX (1912). Содерж.: Л. Толстой и Достоевский: жизнь, творчество и религия, ч. III, гл. IV – VI.

Т. X (1911). Содерж.: Не мир, но меч: К будущей критике христианства (содерж.: Меч. Революция и религия. Последний святой. Ответ на вопрос. Предисловие к одной книге); Гоголь: Творчество, жизнь и религия; М.Ю. Лермонтов: Поэт сверхчеловечества.

Т. XI (1911). Содерж.: Грядущий Хам (содерж.: Грядущий Хам. Чехов и Горький. Теперь или никогда. Страшный суд над русской интеллигенцией. Св. София. О новом религиозном действии: Открытое письмо Н.А. Бердяеву. Пророк русской революции: К юбилею Достоевского).

Т. XII (1911). Содерж.: Больная Россия (содерж.: Зимние радуги. Конь бледный. Иваныч и Глеб. Головка виснет. Семь смиренных. К соблазну малых сих. Сердце человеческое и сердце звериное. Борьба за догмат. Аракчеев и Фотий. Елизавета Алексеевна. Тургенев. Пророчество и провокация. Душа сахара. Свинья-матушка. Земля во рту. Когда воскреснет); В тихом омуте (содерж.: В обезьяньих лапах: О Леониде Андрееве. Асфодели и ромашка. Красная шапочка. Еще о «Великой России». Цветы мещанства. Христианские анархисты. Реформация или революция? Христианство и государство. Бес или Бог? Мистические хулиганы. Немой пророк. Христианство и кесарианство. Лев Толстой и Церковь. Лев Толстой и революция).

Т. XIII (1911). Содерж.: Вечные спутники (содерж.: От автора. Акрополь. Марк Аврелий. Плиний Младший. Кальдерон. Сервантес. Монтань. Флобер. Ибсен. Достоевский. Гончаров. Майков. Пушкин).

Т. XIV (1912). Содерж.: Трагедии: Эсхил. Скованный Прометей; Софокл. I. Эдип-царь. II. Эдип в Колоне. III. Антигона; Эврипид. I. Медея. II. Ипполит.

Т. XV (1912). Содерж.: Стихотворения: Лирика. Легенды и поэмы. Старинные октавы; О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы (содерж.: I. Русская поэзия и русская культура. II. Настроение публики. Порча языка. Мелкая пресса. Система гонораров. Издатели. Редакторы. III. Современные русские критики. IV. Начала нового идеализма в произведениях Тургенева, Гончарова, Достоевского и Л. Толстого. V. Любовь к

народу: Кольцов, Некрасов, Глеб Успенский, Н.К. Михайловский, Короленко. VI. Современное литературное поколение).

Т. XV_2 (1912; др. издание – 1913). Содерж.: Павел I: драма. [В связи с цензурным запрещением и дальнейшим его снятием произведение «Павел I» издано в разных оформлениях: 1) как вторая часть XV тома; 2) в составе XVI тома. Во вклейке к XV тому говорится: «Драма “Павел I”, предназначавшаяся для настоящего тома, не может быть включена в него по независящим от автора и издателей причинам: на драму Комитетом по делам печати наложен арест, и дальнейшую судьбу ее предстоит решить суду.

В случае благоприятного решения суда драма “Павел I” будет выдана подписчикам на полное собрание сочинений Д.С. Мережковского дополнительно». В этом же томе помещен (но не вынесен в оглавление) критико-биографический очерк Лятского «Дмитрий Сергеевич Мережковский», который не вошел в I том 1911 года издания, но затем был включен в I том 1912 года. Таким образом, читатели, получившие I том без очерка Лятского, могли прочитать его в XV томе, а подписчики, получившие I том, содержащий этот очерк, не обнаруживали его в XV томе.]

Т. XVI (1913). Содерж.: Александр I: роман.

Т. XVII (1913). Содерж.: Александр I [окончание].

Полное собрание сочинений Д.С. Мережковского. Т. I – XXIV. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1914 («Библиотека “Русского Слова”»).

Т. I. Содерж.: [От автора]. Христос и Антихрист. Трилогия: I. Смерть богов (Юлиан Отступник); примечания.

Т. II. Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: II. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. I – IX.

Т. III. Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: II. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Кн. X – XVII; примечания.

Т. IV. Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: III. Антихрист (Петр и Алексей). Кн. I – V.

Т. V. Содерж.: Христос и Антихрист. Трилогия: III. Антихрист (Петр и Алексей). Кн. VI – X, эпилог; примечания.

Т. VI. Содерж.: Павел I; Александр I, ч. I – II, гл. I – II; примечание.

Т. VII. Содерж.: Александр I, ч. II, гл. III – V, ч. III – IV.

Т. VIII. Содерж.: Александр I, ч. V – VI; примечание.

Т. IX. Содерж.: Исследования: Л. Толстой и Достоевский: Жизнь и Творчество: Вступление, ч. I: Жизнь Л. Толстого и Достоевского.

Т. X. Содерж.: Исследования: Л. Толстой и Достоевский: Жизнь и Творчество, ч. II: Творчество Л. Толстого и Достоевского.

Т. XI. Содерж.: Исследования: Л. Толстой и Достоевский: Религия, ч. I.

Т. XII. Содерж.: Исследования: Л. Толстой и Достоевский: Религия, ч. II; примечания.

Т. XIII. Содерж.: Не мир, но меч: К будущей критике христианства (содерж.: Меч. Революция и религия. Последний святой. Ответ на вопрос. Предисловие к одной книге); примечания.

Т. XIV. Содерж.: Грядущий Хам (содерж.: Грядущий Хам. Желтолицые позитивисты. Чехов и Горький. Теперь или никогда. Страшный суд над русской интеллигенцией. Св. София. О новом религиозном действии: Открытое письмо Н.А. Бердяеву. Пророк русской революции: К юбилею Достоевского).

Т. XV. Содерж.: Больная Россия (содерж.: Зимние радуги. Конь бледный. Иваныч и Глеб. Головка виснет. Семь смиренных. К соблазну малых сих. Сердце человеческое и сердце звериное. Борьба за догмат. Аракчеев и Фотий. Елизавета Алексеевна. Пророчество и провокация. Душа Сахара. Свинья-матушка. Земля во рту. Когда воскреснет); Гоголь; примечания к XIV и XV томам.

Т. XVI. Содерж.: В тихом омуте (содерж.: В обезьяньих лапах: О Леониде Андрееве. Асфодели и ромашка. Красная Шапочка. Еще о «Великой России». Цветы мещанства. Христианские анархисты. Реформация или революция? Христианство и государство. Бес или Бог? Мистические хулиганы. Немой пророк. Христианство и кесарианство. Лев Толстой и церковь. Лев Толстой и революция); М.Ю. Лермонтов: Поэт сверхчеловечества; примечания.

Т. XVII. Содерж.: Вечные спутники (содерж.: [От автора]. Акрополь. Трагедия целомудрия и сладострастия. Марк Аврелий. Плиний Младший. Кальдерон. Сервантес. Гете. Монтань. Флобер. Ибсен).

Т. XVIII. Содерж.: Вечные спутники (содерж.: Достоевский. Гончаров. Тургенев. Майков. Пушкин); О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы (содерж.: I. Русская поэзия и русская культура. II. Настроение публики. Порча языка. Мелкая пресса. Система гонораров. Издатели. Редакторы. III. Современные русские критики. IV. Начала нового идеализма в произведениях Тургенева, Гончарова, Достоевского и Л. Толстого. V. Любовь к народу: Кольцов, Некрасов, Глеб Успенский, Н.К. Михайловский, Короленко. VI. Современное литературное поколение); примечания.

Т. XIX. Содерж.: Итальянские новеллы (содерж.: Любовь сильнее смерти. Наука любви. Железное кольцо: Новелла XV века. Рыцарь за прялкой: Новелла XV века. Превращение: Флорентинская новелла XV века. Микеланджело. Святой сатир: Флорентинская легенда: Из А. Франса. Дафнис и Хлоя: Повесть Лонгуса); примечания.

Т. XX. Содерж.: Вместо предисловия (К трагедии «Эдип-царь»); Эсхил. Скованный Прометей; Софокл. I. Эдип-царь. II. Эдип в Колоне.

Т. XXI. Содерж.: Софокл. III. Антигона; Эврипид. I. Медея. II. Ипполит; примечания к XX и XXI томам.

Т. XXII. Содерж.: Стихотворения: 1883 – 1910; Поэмы и легенды; Эскизы. Лирика; примечания.

Т. XXIII. Содерж.: Символы (песни и поэмы).

Т. XXIV. Содерж.: Старинные октавы; Стихотворения последних годов; Изречения китайской мудрости; Автобиографическая заметка; Хронологический указатель произведений и литературы о произведениях Д.С. Мережковского; Алфавитный указатель произведений Д.С. Мережковского; Содержание полного собрания сочинений Д.С. Мережковского.

БИБЛИОГРАФИЯ

§ 1. Источники, использованные при составлении списка прижизненных полных собраний сочинений русских писателей[1660]

§ 1. 1. Словари, энциклопедии и справочники о писателях

Общего содержания

1. **Арсеньев А.В.** Словарь писателей древнего периода русской литературы. IX – XVII в. (862 – 1700 гг.). СПб., 1882.
2. **Арсеньев А.В.** Словарь писателей среднего и нового периодов русской литературы. XVII – XIX вв. (1700 – 1825 гг.). СПб., 1887.
3. **Бабичева М.Е.** Писатели второй волны русской эмиграции: Биобиблиогр. очерки. М., 2005.
4. **Бавин С., Семибратова И.** Судьбы поэтов серебряного века. М., 1993.
5. **Булгаков В.** Словарь русских зарубежных писателей. New York, 1993.
6. **Венгеров С.А.** Источники словаря русских писателей. Т. 1 – 4. СПб.; Пг., 1900 – 1917.
7. **Венгеров С.А.** Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. 1 – 6. СПб., 1889 – 1904.
8. **Венгеров С.А.** Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб. и ил. Т. 1 – 2. Пг., 1915 – 1918.
9. **Владиславлев И.В.** Русские писатели: Опыт библиогр. пособия о русской литературе XIX – XX столетий. 4-е изд., перераб. и знач. доп. М.; Л., 1924.

[1660] При составлении списка, помимо собственных разысканий, использованы: *Кауфман И.М.* Русские биографические и биобиблиографические словари. М., 1955; *Головко Г.В.* Русские биографические и биобиблиографические издания. СПб., 1999. CD-ROM. Интернет-версия: www.rasl.ru/e_resours/SBO_Guide-Golobko/start.html

10. **Геннади Г.** Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 г. Т. 1 – 3. Б.; М., 1876 – 1908.
11. **Глинский Б.Б.** Среди литераторов и ученых. СПб., 1914.
12. **Голицын Н.Н.** Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889.
13. **Добрыв А.П.** Биографии русских писателей среднего и нового периодов. С алфавитным указателем произведений писателей. СПб., 1900.
14. **Евгений [Болховитинов Е.А.].** Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Ч. 1 – 2. СПб., 1818.
15. **Евгений [Болховитинов Е.А.].** Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. 1 – 2. Изд. 2-е, испр. и умнож. СПб., 1827.
16. **Евгений [Болховитинов Е.А.].** Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Т. 1 – 2. М., 1845.
17. **Казак В.** Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. London, 1988.
18. Краткая литературная энциклопедия. Т. 1 – 9. М., 1962 – 1978.
19. Литературная энциклопедия. Т. 1 – 9, 11. [М.], 1929 – 1939
20. Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918 – 1940. Т. 1 – 4. М., 1997 – 2006.
21. Литературное зарубежье России: энциклопедический справочник. М., 2006.
22. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
23. **Мацуев Н.И.** Русские советские писатели: Материалы для биогр. словаря. 1917 – 1967. М., 1981.
24. Немецкое известие о русских писателях (1768). М., 1862.

25. **Никольский Н.К.** Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X – XI вв.). СПб., 1906.
26. **Новиков Н.И.** Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.
27. **Огрызко В.В.** Русские писатели: современная эпоха: Лексикон: Эскиз будущей энциклопедии. М., 2004.
28. Писатели: Автобиогр. и портреты современных русских прозаиков. М., 1926.
29. Писатели современной эпохи: Биобиблиогр. словарь русский писателей XX века. Т.1. М., 1928 (2-е изд. Т. 1. М., 1992). Т. 2. М., 1995.
30. **[Плетнев П.А.]** Хронологический список русских сочинителей и библиографические замечания о их произведениях. СПб., 1836.
31. **Пономарев С.И.** Наши писательницы. СПб., 1891.
32. Рабоче-крестьянские писатели: Библиогр. указ. / Сост. В.В. Львов-Рогачевский, Р.С. Мандельштам. М.; Л., 1926.
33. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиогр. словарь. В 3 т. М., 2005.
34. Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708 – 1893) / [Сост. С.А. Венгеров.] Т. 1 – 3. СПб., 1897 – 1899.
35. Русские писатели. 1800 – 1917: Биогр. словарь. Т. 1 – 5. М., 1989 – 2007.
36. Русские писатели: Биобиблиогр. словарь. Т. 1 – 2. М., 1990.
37. Русские писатели: XX век: Биобиблиогр. словарь. Ч. 1 – 2. М., 1998.
38. Русские писатели XX века: Биогр. словарь. М, 2000.
39. Русские писатели, XX век: Биогр. словарь. М., 2009.
40. Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиогр. указ. Т. 1 – 15. М., 1977 – 1992.
41. Русские советские писатели. Прозаики: Биобиблиогр. указ. Т. 1 – 7. М.; Л., 1959 – 1972.

42. **Руссов С.В.** Библиографический каталог российским писательницам. СПб., 1825.
43. Словарь русских писателей XVIII века. Вып.1 (А – И) – 2 (К – П). Л.; СПб., 1988 – 1999.
44. Советские детские писатели: Биобиблиогр. словарь. (1917 – 1957) / Сост. А.М. Витман, Л.Г. Оськина. М., 1961.
45. Советские писатели: Автобиогр. / Сост. Б.Я. Брайнина и др. Т. 1 – 5. М., 1959 – 1988.
46. Справочник Союза писателей СССР: Составлен по данным на 1 июня 1985 г. М., 1986.
47. **Строев П.М.** Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882.
48. **Чупринин С.** Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник. Т. 1 – 2. М., 2003.
49. **Штелин Я.Я.** Дополнение к «Известию о русских писателях» // Отечественные записки. СПб., 1867. № 5. С. 371 – 375.
50. **Языков Д.Д.** Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 1 – 13. СПб.; М., 1885 – 1916.

Региональные

1. **Аристов Ф.Ф.** Карпато-русские писатели. Т.1. М., 1916.
2. **Астафьев А.В., Астафьева Н.А.** Писатели Ярославского края. 2-е изд., перераб. и доп. Ярославль, 1990.
3. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) рязанской губернии / Сост. И.В. Добролюбовым и доп. С.Д. Яхонтовым. Рязань, 1910.
4. **Гура В.В.** Русские писатели в Вологодской области. Вологда, 1951.
5. **Дилакторский П.А.** Вологжане-писатели: Материалы для словаря писателей-уроженцев Вологодской губернии. Вологда, 1900.

6. **Здобнов Н.** Материалы для Сибирского словаря писателей (предварительный список поэтов, беллетристов, драматургов и критиков). М., 1927.
7. **И-ч. [Ивашкевич Б.А.]** Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918 – 1922 гг. Владивосток, 1922.
8. Калужские писатели: Биобиблиогр. словарь / Сост. Г.М. Морозова. Калуга, 1981.
9. Курские писатели / Сост. С. Белевцева. Курск, 1977.
10. Ленинградские писатели-фронтовики, 1941 – 1945: Автобиогр., биогр., книги / Авт.-сост. В. Бахтин. Л., 1985.
11. Литературная Сибирь: Критико-биобиблиогр. словарь писателей Восточной Сибири / Сост. В.П. Трушкин, В.Г. Волкова. Ч. 1 – 2. Иркутск, 1986 – 1988.
12. **Петряев Е.Д.** Краеведы и литераторы Забайкалья: Биобиблиогр. указ. Дореволюционный период. 2-е изд., испр. и доп. Чита, 1981.
13. Писатели Восточной Сибири: Биобиблиогр. указ. Вып. 1 – 2. Иркутск, 1973 – 1983.
14. Писатели Горного Алтая: Биобиблиогр. справочник / Сост. Л.Т. Баштыкова. Горно-Алтайск, 1988.
15. Писатели Дальнего Востока: Биобиблиогр. справочник / Сост. Е.М. Аленкина. Хабаровск, 1973.
16. Писатели Дона: Биобиблиогр. указ. / Сост. Г.Г. Тягленко. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 1986.
17. Писатели земли Ивановской: Биобиблиогр. справочник / Сост. З.Н. Корчагина. Ярославль, 1988.
18. Писатели земли Омской: Указ. литературы / Сост. Л.А. Пукшанская, В.И. Бородина. Омск, 1977.
19. Писатели Кузбасса: Биобиблиогр. указ. / Сост. С.А. Мазаева. Кемерово, 1989.

20. Писатели Ленинграда: Биобиблиогр. справочник: 1934 – 1981 / Авт.-сост. В. Бахтин, А. Лурье. Л., 1982.
21. Писатели Москвы: Биобиблиогр. справочник / Сост. Е.П. Ионов, С.П. Колов. М., 1987.
22. Писатели Оренбуржья: Библиогр. указ. литературы / Сост. В.М. Советова, Н.А. Кузнецова. Оренбург, 1987.
23. Писатели Орловского края: Биобиблиогр. словарь. Орел, 1981.
24. Писатели Пермской области: Биобиблиогр. справочник / Сост. А.Д. Крашенинников. Пермь, 1985.
25. Писатели Саратова: Биобиблиогр. справочник / Сост. Л.В. Бессонова, А.П. Непомнящая. Саратов, 1985.
26. Писатели Северной Осетии: Биобиблиогр. справочник / [Сост.] Х.Н. Ардасенов, Г.З. Калоев, Д.А. Гиреев. 2-е, доработ. изд. Владикавказ, 1992.
27. Писатели-сибиряки: Литературно-критические очерки / Сост. Н.Н. Яновский. Вып. 1 – 2. Новосибирск, 1956 – 1959.
28. Писатели советского Дона: Биобиблиогр. справочник. Вып. 1 – 3. Ростов н/Д, 1948 – 1949.
29. Писатели Ставрополья: Указ. литературы / [Сост.] Т.Г. Лившиц, Л.А. Пастухова. Ставрополь, 1974.
30. Писатели Текстильного края: Литературно-критические статьи. Иваново, 1953.
31. Писатели Тюменской области: Биобиблиогр. указ. / [Сост.] А.Х. Сайфуллина и др. Свердловск, 1988.
32. Писатели Урала: Биобиблиогр. справочник / Сост. А.С. Ладейщиков. Свердловск, 1949.
33. Писатели Урала: Биобиблиогр. справочник. Вып. 1. Свердловск, 1954.
34. **Протодьяконов В., Алексеев Н.** Писатели Якутии: Краткий биобиблиогр. справочник. 2-е доп. изд. Якутск, 1972.

35. **Селиванов К.А.** Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев, 1953.
36. **Соколов С.Д.** Саратовцы-писатели и ученые (материалы для биобиблиографический словаря) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30, 32, 33. Саратов, 1913 – 1916.
37. **Стож М.Е.** Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых. 9-е изд., знач. испр. и доп. Ч. 1 – 4. Иркутск, 1916.
38. **Тонков В.А.** Писатели-воронежцы XIX и начала XX вв. [Воронеж, 1947.]
39. **Трофимов И.П.** Писатели смоленщины. М., 1973.
40. Урал литературный: Краткий биобиблиогр. словарь / [Сост.] А.А. Шмаков, Т.А. Шмакова. Челябинск, 1988.

§ 1.2. Другие справочные издания

1. **Анастасевич В.Г.** Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина, систематическим порядком расположенная. Ч. 1 – 4. СПб., 1828. См. также 2 прибавления к ней: 1-е – СПб., 1829, 2-е – СПб., 1832. 3-м, 4-м и 5-м прибавлениями служат: «Систематический реестр русским книгам с 1831 по 1846 г.» (СПб., 1846), «Третье прибавление к росписи российским книгам для чтения из библиотеки П. Крашенинникова» (СПб., 1852), «Четвертое прибавление к росписи русских книг для чтения из библиотеки П. Крашенинникова» (СПб., 1856).
2. **Анастасевич В.Г.** Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В. Плавильщикова, систематическим порядком расположенная. Ч. 1 – 3. СПб., 1820. См. также «Указатель имен писателей» (СПб., 1821) к ней, а также 5 дополнений (СПб., 1820 – 1824).
3. **Венгеров С.А.** Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках. (1708 – 1893). Т. 1 – 3. СПб., 1897 – 1899.

4. Ежегодник книги СССР [современное название: «Книги Российской Федерации. Ежегодник»]. М., [все выпуски за период: 1927 – 2010].
5. **Ефремов П.А.** Систематическая роспись книгам, продающимся в книжном магазине А.И. Глазунова в С.-Петербурге… СПб., 1867. См. также: прибавления 1 – 5 за периоды с июля 1867 по февраль 1869, с февраля 1869 по октябрь 1873, с 1873 по январь 1881, 1881 и 1882, с 1883 по 1887 гг. (СПб., 1869 – 1889).
6. Каталоги издательские, книготорговые, библиотечные (1917 – 1929): Указ. СПб., 1996.
7. Книжная летопись… М., [все выпуски за период: 1907 – 1926].
8. **Межов В.И.** Систематическая роспись книгам, продающимся в книжном магазине А.И. Глазунова в Москве… СПб., 1867.
9. **Межов В.И.** Систематический каталог русским книгам, продающимся в книжном магазине А.Ф. Базунова… вышедших в свет с 1825 вплоть до 1869 года… СПб., 1869. См. также прибавления 1 – 6 за 1869 (с доп. к 1867 и 1868), 1870, 1871 и 1872, 1873 и 1874 гг. (СПб., 1870 – 1875); прибавлениями 7 – 10 за 1875 и 1876, 1877 и 1878 гг. являются издания: **Межов В.И.** Систематический каталог русских книг… продающихся в книжном магазине… Я.А. Исакова… СПб., 1877 – 1880.
10. Новые книги, вышедшие в России… СПб., [все выпуски за период: 1884 – 1885].
11. Описание изданий гражданской печати, 1708 – январь 1725. М.; Л., 1955.
12. Прижизненные издания русских писателей XVIII – XIX вв.: кат. кол. редких книг. М., 2010.
13. Роспись российским книгам для чтения из библиотеки В.В. Логинова. М., 1837.
14. Роспись российским книгам, составляющим библиотеку для чтения Н.Н. Глазунова. М., 1839.
15. Сводный каталог русской книги. 1800 – 1825. Т. 1: А – Д. М., 2001.

16. Сводный каталог русской книги. 1800 – 1825. Т. 2: Е – Л. М., 2007.
17. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725 – 1800. Т. 1 – [6]. М., 1962 – 1975.
18. **Сопиков В.С.** Опыт российской библиографии. Т. 1 – 2. СПб., 1904 – 1906. См. также: **Рогожин В.Н.** Указатель к «Опыту Российской библиографии» В.С. Сопикова. СПб., 1908.
19. Список изданий, вышедших в России… СПб., [все выпуски за период: 1886 – 1902].
20. Список книг, вышедших в России… СПб., [все выпуски за период: 1903 – 1907].

§ 2. Работы по книговедению и издательской деятельности

1. **Андреева О.В.** Книжное дело в России в XIX – начале XX века: Учебное пособие. М., 2009.
2. **Барыкин В.Е.** Справочный аппарат изданий художественной литературы. М., 1978.
3. **Белов С.В., Толстяков А.П.** Русские издатели конца XIX – начала XX века. Л., 1976.
4. **Боголюбов В.** Н.И. Новиков и его время. М., 1916.
5. **Гриц Т., Тренин В., Никитин М.** Словесность и коммерция (книжная лавка А.Ф. Смирдина). М., 1929.
6. **Гужиева Н.В.** Книга и русская культура начала XX века (Брюсов) // Русская литература. Л., 1983. № 3. С. 156 – 167.
7. **Динерштейн Е.А.** Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М., 2003.
8. **Динерштейн Е.А.** Издательское дело в первые годы Советской власти. М., 1971.
9. **Динерштейн Е.А.** Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.). М., 2004.

10. **Динерштейн Е.А.** А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998.
11. **Динерштейн Е.А.** И.Д. Сытин. М., 1983.
12. **Динерштейн Е.А.** «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М., 1986.
13. Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова / Вступ. ст., публ. и коммент. И.В. Вагановой // Лица: Биографический альманах. Вып. 3. М.; СПб., 1993. С. 155 – 265.
14. Издание собраний сочинений в СССР. М., 1976.
15. Издательское дело в СССР (1923 – 1931): Сборник документов и материалов. М., 1978.
16. **Карамышев И.** Краткие исторические сведения о петербургских типографиях с 1711 г. и статистические сведения о заведениях печати за 1868 – 1895 гг. СПб., 1895.
17. **Кишкин Л.С.** Честный, добрый, простодушный. Труды и дни Александра Филипповича Смирдина. М., 1995.
18. **Клейменова Р.Н.** Книжная Москва первой половины XIX в. М., 1991.
19. Книга: Исследования и материалы. Сб. 1 – 90. М., 1959 – 2009.
20. Книга: Энциклопедия. М., 1998.
21. Книга в России. 1890 – 1917 гг. (Указатель дореволюционной литературы). Ч. I. 1850-е – 1890-е гг. Л., 1986.
22. Книга в России. 1890 – 1917 гг. (Указатель дореволюционной литературы). Ч. II. 1890 – 1917 гг. СПб., 1994.
23. Книга в России, 1861 – 1881: В 3 т. М., 1988 – 1991.
24. Книга в России, 1881 – 1895. СПб., 1997.
25. Книга в России, 1895 – 1917. СПб., 2008.
26. Книга в России XVI – середины XIX в.: Книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987.
27. Книга в России XVI – середины XIX в.: Материалы и исследования. Л., 1990.

28. Книга в России XVII – начала XIX в.: Проблемы создания и распространения. Л., 1989.
29. Книга в России XVIII – середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук. Л., 1989.
30. Книга в России до середины XIX века. Л., 1978.
31. Книжное дело в России в XVI – XIX веках. Л., 1980.
32. Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века. Вып. 1 – 10. Л. – СПб., 1983 – 2000.
33. Книжное дело в России в XIX – начале XX века. Вып. 11 – 15. СПб., 2003 – 2010.
34. Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет, 1782 – 1882. СПб., 1903.
35. **Куфаев М.Н.** История русской книги в XIX веке. Л., 1927.
36. **Либрович С.Ф.** На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг.; М., 1916.
37. **Макеев М.С.** Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2009.
38. **Маркус В.А.** Организация и экономика издательского дела. М., 1983.
39. **Мартынов И.Ф.** Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981.
40. **Мезьер А.В.** Словарный указатель по книговедению. Пг., 1924.
41. **Мирецкий Н.** Первая образцовая типография, 1876 – 1933. Материалы из истории. М., 1933.
42. Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов: Указатель. Ч. 2. М., 1992.
43. Московские и ленинградские издатели и издательства двадцатых годов: Указатель архивных источников и публикаций. СПб., 1997.
44. Московский книгоиздатель В.М. Антик: Каталог изданий 1906 – 1918. М., 1993.

45. **Муратов М.В.** Книжное дело в России в XIX и XX веках: Очерк истории книгоиздательства и книготорговли. 1800 – 1917 годы. М.; Л., 1931.
46. Очерк издательской деятельности Т-ва И.Д. Сытина. М., 1910.
47. Полвека для книги. 1866 – 1916. Литературно-художественный сборник, посвященный пятидесятилетию издательской деятельности И.Д. Сытина. М., 1916.
48. **Рейтблат А.И.** Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.
49. **Рейтблат А.И.** От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
50. **Рейтблат А.И.** От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991.
51. Роль книги в демократизации культуры: Сборник науч. трудов. Л., 1987.
52. **Руманов А.** И.Д. Сытин – издатель // Временник общества друзей русской книги. М., 2007. С. 655 – 662.
53. **Рыскин Е.И.** Основные издания сочинений русских писателей XIX века. М., 1948.
54. **Семенников В.П.** Книгоиздательская деятельность Н.И. Новикова и Типографической компании. Пб., 1921.
55. **Сытин И.Д.** Жизнь для книги. М., 1960.
56. Типология изданий. М., 1990.
57. Типология книжных изданий. М., 1976.
58. **Ястребов А.Л.** Богатство и бедность: Поэзия и проза денег. М., 1999.

§ 3. Работы по текстологии

1. **Бугославский С.А.** Несколько замечаний к теории и практике критики текста. Чернигов, 1913.
2. **Винокур Г.О.** Критика поэтического текста. М., 1927.

3. Вопросы текстологии. Вып. 1 – 4. М., 1957 – 1967.
4. **Гофман М.Л.** Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. Пг., 1922.
5. **Гришунин А.Л.** Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
6. **Лихачев Д.С., при участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва.** Текстология (на материале русской литературы X – XVII вв.). СПб., 2001.
7. **Лихачев Д.С.** Текстология: краткий очерк. М., 2006.
8. **Одесский М.** Блуждания текстологии между «канонической» и «динамической» моделями // Вопросы литературы. 2012. № 2.
9. **Омилянчук С.П.** Текстология: Конспект лекций. М., 2002.
10. **Опульская Л.Д.** Принцип научной «критики текста» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
11. Основы текстологии. М., 1962.
12. **Перетц В.Н.** Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922.
13. **Пильщиков И.А., Перцов Н.В.** О лингвистических аспектах текстологии // Вопр. языкоз. М., 2011. № 5.
14. Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей. М., 2003.
15. **Прохоров Е.И.** Текстология: Принципы издания классической литературы. М., 1966.
16. **Рейсер С.А.** Основы текстологии: Учебное пособие. Л., 1978.
17. **Рейсер С.А.** Палеография и текстология нового времени. М., 1970.
18. Русский модернизм. Проблемы текстологии. СПб., 2001.
19. Текстология и генетическая критика: Общие проблемы, теоретические перспективы. М., 2008.
20. Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009.
21. Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012.

22. Современная текстология: Теория и практика. М., 1997.
23. **Тимина С.И.** Путь книги. Проблемы текстологии русской литературы XX века. Л., 1975.
24. **Томашевский Б.** Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928.
25. **Фридлендер Г.М.** О научных принципах и задачах академических изданий русских классиков (на материале Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1991. Т. 50. № 5.
26. **Чудакова М.О.** Рукопись и книга. М., 1986.
27. Эдиционная практика и проблемы текстологии. М., 2002.
28. Эдиционная практика и проблемы текстологии. М., 2006.
29. **Эйхенбаум Б.М.** Основы текстологии // Редактор и книга. Вып. 3. М., 1962.

§ 4. Работы о Д.С. Мережковском[1661]

§ 4.1. Книги[1662]

1. **Андрущенко Е.А.** Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. М.: Водолей, 2012. [См. критический разбор этой книги: **Холиков А.** Исследовательские возможности текстологии: случай Д. Мережковского // Вопр. лит. М., 2013. № 4. С. 40 – 74.]
2. **Андрущенко Е.А.** Мережковский неизвестный: Книга о Мережковском-драматурге. Харьков: Крок, 1997. [Рец.: **Полякова Е.** Точка между

[1661] За пределами списка остались учебники и учебные пособия, специально не посвященные Мережковскому, критические статьи, рецензии на книги писателя, архивные материалы, публикации в Интернете и на электронных носителях, а также энциклопедии, словари и другая справочная литература, которая названа в первом разделе Библиографии. Из отсутствующих там изданий в связи с Мережковским в качестве важных следует упомянуть «Энциклопедический словарь» (изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона), «Лермонтовскую энциклопедию» (1981), «Розановскую энциклопедию» (2008).

[1662] В раздел «Книги» включены отдельные издания, опубликованные по-русски (в том числе переводные). Среди них – монографии, посвященные Мережковскому, а также те, в которых жизни и творчеству писателя уделено значимое место (что оговорено нами в квадратных скобках); некоторые специальные учебные пособия, в названиях которых фигурирует фамилия Мережковского. В особых случаях указываются рецензии на книги о писателе. В перечень книг не включен сборник «Д.С. Мережковский. Мысль и слово» (1999), поскольку материалы из него расписаны в разделе «Статьи».

началом и концом // Культура. М., 1998. № 25. С. 6. **Воронцова Т.В.** Мережковский-драматург // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1999. № 6. С. 131 – 134.]

3. **Арзамасцева И.Н.** «Век ребенка» в русской литературе 1900 – 1930 годов. М.: «Прометей» МПГУ, 2003. [Из содерж.: Дитя и Зверь: детство в «новом религиозном сознании» Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус.]
4. **Барковская Н.В.** Поэтика символистского романа. Екатеринбург: УрГПУ, 1996. [На материале творчества Д. Мережковского, В. Брюсова, Ф. Сологуба, А. Белого.]
5. **Бельчевичен С.П.** Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Д.С. Мережковского: Учеб. пособие. Тверь: ТвГУ, 1999.
6. **Бельчевичен С.П.** Философское мировоззрение Д.С. Мережковского. Конспект лекций. Тверь: ТвГУ, 1993.
7. **Быстров В.Н.** Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. [Рец.: **Холиков А.** – Вопр. лит. М., 2010. № 3. С. 494 – 497.]
8. **Быстров В.Н.** Между утопией и трагедией: Идея Преображения мира у русских символистов. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. [Из содерж.: Идея обновления мира у Д.С. Мережковского и Андрея Белого.]
9. **Бычков В.В.** Русская теургическая эстетика. М.: Ладомир, 2007. [Из содерж.: Дмитрий Мережковский. Между традицией и новаторством.]
10. **Ваховская А.М.** Проза Д.С. Мережковского 1890-х – середины 1900-х гг.: становление и художественное воплощение концепции культуры. М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 1996.
11. **Векслер И.И.** А.Н. Толстой. Жизненный и творческий путь. М.; Л.: Сов. писатель, 1948. С. 314 – 318. [Тема Петра I у Д. Мережковского.]
12. **Волков А.** Поэзия русского империализма. М.: ГИХЛ, 1935. [См. по именному указателю.]
13. **Волкогонова О.Д.** Образ России в философии русского зарубежья.

М.: РОССПЭН, 1998. [Д. Мережковский и религиозный анархизм.]

14. **Воронцова И.В.** Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. [Из содерж.: Д.С. Мережковский. Религиозная доктрина «обновления» церковного христианства. Учение о «новом религиозном сознании» по Д. Мережковскому. Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Бердяев, А. Карташев, С. Булгаков и другие в эмиграции.]
15. **Гайденко П.П.** Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. [Из содерж.: Д.С. Мережковский: апокалипсис «всесокрушающей религиозной революции». Д.С. Мережковский и христианство «Третьего Евангелия».]
16. **Гречаник И.В.** Религиозно-философские мотивы русской лирики рубежа XIX – XX столетий. М.: Спутник+, 2003. [На материале творчества Д. Мережковского, А. Блока и Н. Клюева. См. также: **Гречаник И.В.** Художественная концепция бытия в русской лирике начала XX века. М.: Флинта: Наука, 2004.]
17. **Григорян А.** Первый, второй и третий человек. М.: Яз. слав. культуры, 2008. [Архетипы образов «первого, второго и третьего человека» в их разнообразных воплощениях в русской литературе. К характеристике антропологической концепции Ф. Достоевского, А. Чехова, Н. Гоголя, М. Пришвина, Д. Мережковского, В. Брюсова.]
18. **Грифцов Б.А.** Три мыслителя. В. Розанов, Д. Мережковский, Л. Шестов. М.: В.М. Саблин, 1911.
19. **Гущин М.** Творчество А.П. Чехова. Очерки. Харьков: Харьков. ун-т, 1954. С. 123 – 131. [А. Чехов и Д. Мережковский.]
20. **Дворцова Н.П.** М. Пришвин и его «вечные спутники» (Д. Мережковский, В. Розанов, А. Ремизов): Учеб. пособие. Тюмень: ТГУ, 1995.
21. **Дефье О.В.** Д. Мережковский: преодоление декаданса (раздумья над романом о Леонардо да Винчи). М.: Мегатрон, 1999.

22. **Дехтяренок А.В.** Античность и христианство в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009.
23. **Жукоцкая З.Р.** Предтечи Серебряного века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. [Из содерж.: Дмитрий Мережковский: синтез «Духа» и «Плоти».]
24. **Зобнин Ю.В.** Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. М.: Молодая гвардия, 2008. [См. критический разбор этой книги: **Холиков А.** Писательская биография: жанр без правил // Вопр. лит. М., 2008. № 6. С. 41 – 62; в пер. на англ. яз.: **Kholikov A.** Writer's Biography: Genre without Rules // Social Sciences. Миннеаполис; М., 2009. № 2. P. 51 – 66.]
25. **Исаев С.Г.** Литературно-художественные маски: Теория и поэтика. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. [Из содерж.: Карнавал и «машкерад» у Д.С. Мережковского.]
26. **Исаев С.Г.** «Сознанию незнаемая мощь...»: Поэтика условных форм в русской литературе начала XX века. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. [Из содерж.: Литературные маски в прозе Д. Мережковского, В. Брюсова, Ф. Сологуба. Храм и спасение как модель национального возрождения в трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист».]
27. История русской драматургии (вторая половина XIX – начало XX века). Л.: Наука, 1987. [См. раздел «Драматургия символизма» **Ю.К. Герасимова**.]
28. История русской литературы. Т. X. М.; Л.: АН СССР, 1954. [См. раздел «Поэзия буржуазного упадка. (Символизм, акмеизм, футуризм)» **В.Н. Орлова**.]
29. История русской литературы: XX век: Серебряный век. М.: Прогресс – Литера, 1995. [См. раздел «Дмитрий Мережковский» **В. Рудича**.]
30. **Коваль Б.И.** Геракл – Прометей: Новое прочтение старого мифа. М.:

Соверо-Принт, 2004. [Интерпретации античного мифа Д. Мережковским и др.]

31. **Колеров М.А.** Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902 – 1909. СПб.: Алетейя, 1996.
32. **Колобаева Л.А.** Русский символизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. [Из содерж.: Начало. Религиозно-метафизические искания русских символистов. Д. Мережковский и З. Гиппиус. Лирика. Мережковский-романист. – Рец.: **Полонский В.В.** Фундаментальный труд о русском символизме // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2002. № 6. С. 167 – 171.]
33. **Коптелова Н.Г.** Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д.С. Мережковского (1880 – 1917 гг.). Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010.
34. **Корецкая И.В.** Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М.: Радикс, 1995. [Из содерж.: Дмитрий Мережковский: «Грядущий Хам».]
35. **Королькова Е.А.** Метафизика любви в творчестве Д. Мережковского и З. Гиппиус: Текст лекции. СПб.: СПбГУАП, 2006.
36. **Кувакин В.А.** Религиозная философия в России: Начало XX века. М.: Мысль, 1980. [В. Розанов, Д. Мережковский, Н. Бердяев, С. Булгаков, Л. Шестов.]
37. **Кулешова О.В.** Притчи Дмитрия Мережковского: Единство философского и художественного. М.: Наука, 2007.
38. **Лещенко Л.** Польский вопрос в русской философско-религиозной мысли на рубеже XIX – XX веков: Владимир Соловьев, Дмитрий Мережковский, Николай Бердяев. Wroclaw: Wydaw. Uniw. Wroclawskiego, 2006.
39. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века: 1890 – 1904: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. [См. разделы: «“Новый путь”; “Вопросы жизни”» **И.В. Корецкой**, «“Северный вестник”» **Е.В. Ивановой**.]

40. **Лосев А.Ф.** Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2000 (2-е изд., испр. – М.: Молодая гвардия, 2009). [Из содерж.: Вл. Соловьев в оценке Г.И. Чулкова и Д.С. Мережковского.]

41. **Лундберг Е.** Мережковский и его новое христианство. СПб.: Тип. Г.А. Шумахера и Б.Д. Брукера, 1914.

42. **Лурье Я.С.** После Льва Толстого: Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. [Из содерж.: Спор с Толстым: Алданов и Мережковский.]

43. **Матич О.** Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России: Пер. с англ. М.: Новое лит. обозрение, 2008. [Из содерж.: Брак Гиппиус и «Что делать?». На пути к тройственному союзу. Религиозно-философские собрания.]

44. **Михайлов О.Н.** От Мережковского до Бродского: Лит. рус. зарубежья: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 2001. [Рец.: **Хазанов Б.** Где лучше, там и… // Знамя. М., 2002. № 11. С. 228 – 230.]

45. **Неженец Н.И.** Русские символисты. М.: Знание, 1992. [Д. Мережковский, З. Гиппиус, Вл. Соловьев, К. Бальмонт.]

46. **Николюкин А.Н.** Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001. [Из содерж.: Мережковский и другие.]

47. **Осьминина Е.А.** Образы мировой культуры в прозе Д.С. Мережковского. М.: Поли-экспресс, 2009.

48. **Пайман А.** История русского символизма: Пер. с англ. М.: Республика, 2000. [См. по именному указателю.]

49. **Полонский В.В.** Между традицией и модернизмом: Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. [См. по именному указателю.]

50. **Полонский В.В.** Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 2008. [Из содерж.: Индивидуальная модель мифопоэтики: Д.С. Мережковский.]

51. **Полушин В.Л.** В лабиринтах Серебряного века: Книга о судьбах и творчестве. Кишинев: Hyperion, 1991. [Н. Гумилев, М. Кузмин, Г. Иванов, Д. Мережковский, В. Нарбут.]
52. **Примочкина Н.Н.** Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. [Из содерж.: «Крупнейшие из литераторов <…> отравлены политикой» (З. Гиппиус, Д. Мережковский).]
53. **Пчелина О.В.** Д.С. Мережковский: цивилизация и культура. М.: АПК и ППРО, 2006.
54. **Пчелина О.В.** Философия культуры Д.С. Мережковского в контексте мировоззренческих поисков Серебряного века. М.: Изд-во «Спецкнига», 2013.
55. **Пчелина О.В.** Философский символизм Д.С. Мережковского. М.: Изд-во «Спецкнига», 2012.
56. Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1974. [См. раздел «Реализм и символизм» **Е.В. Стариковой**.]
57. **Розанов Н.П.** О «новом религиозном сознании» (Мережковский и Бердяев). Издание отдела публичных богословских чтений при Обществе Любителей Духовного Просвещения. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1908.
58. Русская литература XX века (1890 – 1910) / Под ред. проф. **С.А. Венгерова**. Т. 1 – 3. Вып. 1 – 8. М.: Изд. Т-ва «Мир», 1914 – 1918 (издание не закончено; 2-е изд. – в 2 кн. М.: Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000). [Одна из глав, написанная **А. Долининым**, посвящена Д. Мережковскому.]
59. Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). В 2 кн. М.: Наследие, 2001. [См. по именному указателю, а также раздел о Д. Мережковском, написанный **А.Г. Бойчуком**.]
60. Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1982. [См. материал «Интерпретации Д.С. Мережковского» **Е.В. Стариковой**.]

61. **Савельев С.Н.** Идейное банкротство богоискательства в России в начале XX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. [Д. Мережковский и др.]

62. **Сарычев Я.В.** Религия Дмитрия Мережковского: «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение. Липецк: ИГ ИНФОЛ, 2001.

63. **Стебляк В.В.** Провидческий дар русской художественной культуры конца XIX – начала XX веков (Д.С. Мережковский, М.А. Врубель). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998.

64. **Струве Г.П.** Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956 (2-е изд. – Paris: YMCA-Press, 1984; 3-е изд., испр. и доп. – Париж: YMKA-Press; М.: Русский путь, 1996). [См. по именному указателю к 3-му изд.]

65. **Тамарченко Н.Д.** «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. [Из содерж.: Мережковский и понятие «роман-трагедия».]

66. **Толстая Е.Д.** Поэтика раздражения: Чехов в конце 1880 – начале 1890-х годов. М.: Радикс, 1994 (2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002). [Из содерж.: «Друг другу чужды и любезны»: Чехов и Мережковский.]

67. **Флорова Л.Н.** Проблемы творчества Д.С. Мережковского. М.: Изд-во МГОПУ, 1996.

68. **Фридлендер Г.М.** Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб.: Наука, 1995. [А. Пушкин, Ф. Достоевский, Д. Мережковский, А. Ахматова, В. Ходасевич, Вяч. Иванов.]

69. **Ханзен-Леве А.** Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм: Пер. с нем. СПб.: Акад. проект, 1999. [См. по именному указателю.]

70. **Холиков А.** Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865 – 1919. СПб.: Алетейя, 2010. [Рец.: **Ермошин Ф.** – Вопр. лит. М., 2011. № 1. С. 484 – 485.]

71. **Хрисанфов В.И.** Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: из жизни в эмиграции. СПб.: Синтез-полиграф, 2001 (2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005). [Рец.: **Коростелев О.А.** – Новое лит. обозрение. М., 2006. № 80. С. 380 – 382.]
72. **Царева Н.А.** Русский символизм: основные принципы и историософия (на материалах творчества Дм. Мережковского, В. Брюсова и А. Белого). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005.
73. **Щеглова Л.В. (В.А.Щ.)** Мережковский. Публичная лекция, прочит. в февр. 1909 г. в С.-Петербурге, в зале Соляного городка. СПб: [Ad Astra], 1910.
74. **Эткинд А.** Хлыст: Секты, литература и революция. М.: Новое лит. обозрение, 1998 (2-е изд., сокр. – М.: Новое лит. обозрение, 2013). [См. по именному указателю.]

§ 4.2. Диссертации

1. **Александрова Т.А.** Н.В. Гоголь в критической прозе Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Харьков, 2005.
2. **Анастасьева И.Л.** Книга Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» в контексте религиозно-философских исканий в России начала XX в.: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.04. М., 2000.
3. **Андрущенко Е.А.** Театр Д.С. Мережковского в контексте идейно-художественных исканий конца XIX – начала XX веков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. Харьков, 1998.
4. **Анненкова Н.В.** Философские взгляды Д.С. Мережковского: Становление и воплощение идей богоискательства: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Нижневартовск, 2001.

5. **Атрохин А.М.** «Лица святых от Иисуса к нам» в контексте художественно-философских исканий Д.С. Мережковского периода эмиграции: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2010.
6. **Ахунзянова Ф.Т.** Религиозные проекты в культуре Серебряного века и художественные формы их воплощения: Д.С. Мережковский и В.В. Розанов: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01. Киров, 2006.
7. **Белая С.Н.** Идея человека в философии Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Краснодар, 2000.
8. **Белоусова Е.Г.** «Генерализующая поэтика» Д. Мережковского (трилогия «Христос и Антихрист»): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 1998.
9. **Бельчевичен С.П.** Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. Тверь, 1998.
10. **Билибина И.А.** Историческая личность в интерпретации Д.С. Мережковского-художника: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Орел, 2010.
11. **Быстров В.Н.** Идея преображения мира у русских символистов: Д. Мережковский, А. Белый, А. Блок: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. СПб., 2004.
12. **Вальченко И.В.** «Итальянские новеллы» и повесть «Микеланджело» Д.С. Мережковского: стилизация, мифопоэтика, интертекст: дис. … канд. филол. наук: 10.01.02. Харьков, 2006.
13. **Ваховская А.М.** Проза Д.С. Мережковского 1890-х – середины 1900-х гг.: Становление и художественное воплощение концепции культуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1996.
14. **Воеводина А.А.** Социальная доктрина и общественно-политическая деятельность З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского в контексте развития

русского христианского либерализма: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. Казань, 2010.

15. **Воронцова Т.В.** Концепция истории в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1998.
16. **Гречаник И.В.** Религиозно-философские и стилевые тенденции в лирике первой трети XX века: Д. Мережковский, А. Блок, Н. Клюев: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Армавир, 1998.
17. **Десяткова О.В.** Идея свободы личности в культурологической концепции Д.С. Мережковского: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01. Киров, 2006.
18. **Дехтяренок А.В.** Античность и христианство в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Петрозаводск, 2004.
19. **Журавлева А.А.** Эволюция литературно-критической концепции русской классики у Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2009.
20. **Кабакова Е.Г.** Динамика текстопорождения в критике Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2001.
21. **Ковальчук Т.Ю.** Пространственно-временная организация художественного мира поэзии Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2011.
22. **Ковыршин М.А.** Языческая символика в художественном мире трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Елец, 2008.
23. **Коптелова Н.Г.** Специфика рецепции русской литературы XIX века в критике Д.С. Мережковского (1880 – 1917 гг.): дис. … д-ра. филол. наук: 10.01.01. Кострома, 2011.

24. **Корочкина Е.В.** Образы-символы и историософская концепция в трилогиях Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист», «Царство Зверя»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Ульяновск, 2008.

25. **Кричевская Ю.Р.** Д.С. Мережковский и русская журналистика начала XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 1996.

26. **Круглов О.Ю.** Историческая реальность и художественный вымысел в романе «Антихрист. Петр и Алексей» и драме «Павел Первый» Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1996.

27. **Кузнецова Н.В.** Восток в художественном мире произведений Д.С. Мережковского 1920-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2005.

Кулешова О.В. Философско-художественные искания Д.С. Мережковского в период эмиграции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2005.

28. **Малашонок М.Г.** Культурологическая концепция и революционная парадигма Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Тамбов, 2008.

29. **Михайлова И.М.** Мифологизация русской истории в художественном творчестве Д.С. Мережковского: роман «Антихрист (Петр и Алексей)»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2009.

30. **Михеев В.О.** Символистская мифология истории в романе Д.С. Мережковского «Петр и Алексей»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Днепропетровск, 1996.

31. **Михин А.Н.** Роман Д.С. Мережковского «Александр I»: художественная картина мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогорск, 2004.

32. **Мосиенко М.В.** Традиции древнерусской агиографии в прозе русского литературного модерна начала XX века (Л. Андреев, В. Брюсов, Д. Мережковский): дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Киев, 1991.

33. **Москвина И.К.** Критика философско-эстетических взглядов деятелей «нового религиозного сознания» – Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова: дис. … канд. филос. наук: 09.00.04. Л., 1989.

34. **Муравьева И.Н.** Мережковский и театр на рубеже XIX и XX веков: К истории раннего символизма: дис. ... канд. искусств.: 17.00.01. М., 1998.

35. **Неверова Т.А.** Контекстуальная синонимия как средство репрезентации принципа триадности в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Пятигорск, 2008.

36. **Никулина Н.А.** Мотивная структура романа-эссе Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Тюмень, 2002.

37. **Осмоловская Е.Ю.** Л.Н. Толстой в творческом мире Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Харьков, 2003.

38. **Осьминина Е.А.** Образы мировой культуры в прозе Д.С. Мережковского: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.01.01. М., 2010.

39. **Петров А.В.** Историческая традиция русской литературы XIX века и драма Д.С. Мережковского «Павел I»: Проблема власти: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1999.

40. **Полевик Т.Н.** Д.С. Мережковский: личность и творческий процесс в контексте восприятия истории: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Челябинск, 2005.

41. **Полещук Л.З.** Пушкинская традиция (поэма «Медный Всадник») в творчестве русских символистов: В. Брюсова, Д. Мережковского, А. Белого: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Владивосток, 2002.

42. **Полонский В.В.** Биографический жанр в творчестве Д.С. Мережковского 1920 – 1930-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1998.

43. **Пчелина О.В.** Философские взгляды Д.С. Мережковского в контексте мировоззренческих поисков рубежа XIX – XX веков: дисс. … д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2013.

44. **Пчелина О.В.** Цивилизация и духовная культура в философии Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2003.

45. **Сарычев Я.В.** Эрос в творчестве Д.С. Мережковского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 1998.

46. **Семигин В.Л.** Д.С. Мережковский в общественно-культурной жизни России конца XIX века: 1880 – 1893: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.00, 07.00.02. М., 2004.

47. **Сергеева Н.М.** Творчество Д.С. Мережковского 1890 – 1900-х годов: специфика художественного сознания: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Кострома, 2009.

48. **Солнцева Е.Г.** Дохристианские цивилизации в русской литературе первой трети XX века: В. Хлебников, Д. Мережковский, О. Мандельштам: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2006.

49. **Стебляк В.В.** Провидческая функция русской художественной культуры конца XIX – начала XX веков: Д.С. Мережковский, М.А. Врубель: дис. ... канд. искусств.: 10.01.01. СПб., 1994.

50. **Тараскина В.Н.** Роль Д.С. Мережковского в формировании культуры Серебряного века: дис. ... канд. истор. наук: 24.00.01. Саранск, 2004.

51. **Флорова Л.Н.** Трилогия Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: История изучения и вопросы поэтики: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 1997.

52. **Холиков А.А.** Биография писателя как теоретико-литературная проблема: на материале жизни и творчества Д.С. Мережковского с 1865 по 1919 год: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. М., 2009.

53. **Хромова И.А.** Роман Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)»: Мир художественных образов и символов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Смоленск, 2006.

54. **Хуберт М.А.** Основные принципы символистской субъективной критики в творчестве Д.Мережковского 90-х годов XIX ст.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Измаил, 2002.
55. **Царева Н.А.** Историософская утопия русского символизма: На материале творчества Дм. Мережковского и А. Белого: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Владивосток, 2001.
56. **Чепкасов А.В.** Неомифологизм в творчестве Д.С. Мережковского 1890 – 1910-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Кемерово, 1999.
57. **Шабаршина В.В.** Своеобразие литературной критики Д.С. Мережковского конца XIX – начала XX веков: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2005.
58. **Шевчук Т.С.** Концепция французского символизма в литературно-эстетических работах и поэзии Д.С. Мережковского конца 80-х – начала 90-х годов XIX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. Измаил, 2002.

§ 4.3. Статьи[1663]

1. **Абашева Д.В.** Фольклор в романе Дм. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей». (Отец и сын в фольклорной традиции и в романе) // Из истории русской и зарубежной литературы. Чебоксары, 1995. С. 53 – 63.
2. **Абрамова Е.И.** Костюмная парадигма «потешного мира» в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер.: Филология. Тверь, 2008. № 15. С. 91 – 99.
3. **Абрамова Е.И.** Своеобразие костюма Петра I в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» // Вестник Вятского гос. гуманит. ун-та. Киров, 2010. № 2 (2). С. 190 – 193.
4. **Агеносов В.В.** «При всей огромности дарования нигде не довоплощен…»

[1663] Раздел «Статьи» состоит из печатных публикаций на русском языке в периодических изданиях и сборниках (в том числе зарубежных). Иногда, помимо полноценных статей, упоминаются не менее ценные тезисы, предисловия и послесловия к изданиям работ Мережковского.

– Д.С. Мережковский в критике и литературоведении // Русская литературная критика начала XX века: Современный взгляд. М., 1991. С. 17 – 48. [См. то же: **Агеносов В.В.** Избранные труды и воспоминания. М., 2012. С. 274 – 300.]

5. **Алексеев-Апраксин А.** Восток в русской культуре Серебряного века // Буддизм.ru – буддизм Алмазного пути. СПб., 2005. № 9. С. 45 – 47. [Д. Мережковский и др.]
6. **Анастасьева И.Л.** «Гамлет на троне», или «Обезьяна в рясе» (образ Павла I в произведениях В. Ходасевича и Д. Мережковского) // Феномен творческой личности в культуре. М., 2006. С. 203 – 212.
7. **Анастасьева И.Л.** «Иисус Неизвестный» Д.С. Мережковского в критике Русского Зарубежья // Россия и Запад: диалог культур. М., 1998. С. 154 – 160.
8. **Анастасьева И.Л.** «Мысль семейная» и религиозно-философское движение рубежа XIX – XX вв. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкульт. коммуникация. М., 2003. № 3. С. 63 – 72. [Д. Мережковский и др.]
9. **Андрич Н.** Д.С. Мережковский и футуризм: Созидание будущего как отрицание вечности // Авангард и идеология: русские примеры. Белград, 2009. С. 342 – 347.
10. **Андрич Н.** Юлиан Отступник − пожар сердца и огонь души: Некоторые вопросы пола в романе Д.С. Мережковского «Смерть богов» // XXXVI Международная филологическая конференция. СПб., 2007. Вып. 21. С. 36 – 40.
11. **Андрич Н.** Юлиан Отступник и христианский мир в романе «Смерть богов» Д. Мережковского // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск; СПб., 2011. Вып. 6. С. 277 – 290.
12. **Андрущенко Е.А.** Античность в литературной критике

Д.С. Мережковского // Античность и культура Серебряного века. М., 2010. С. 239 – 243.

13. **Андрущенко Е.А.** «Безнадежный плач о Боге…» // Мережковский Д.С. Драматургия. Томск, 2000. С. 5 – 63.
14. **Андрущенко Е.А.** Вечный Хам // Література у контексті культури. Зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 2001. Вип. 6. С. 51 – 62.
15. **Андрущенко Е.А.** Взгляд, обращенный назад // Мережковский Д.С. Тайна трех. Египет – Вавилон. М., 2001. С. 8 – 49 (2-е изд. – М., 2003).
16. **Андрущенко Е.А.** «Все предисловия бесполезны...» (из наблюдений над предисловиями Мережковского) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1996. Т. 55. № 3. С. 59 – 65.
17. **Андрущенко Е.А.** Две биографии Мережковского // Литература в контексте культуры. Вып. 13. Днепропетровск, 2004. С. 69 – 75.
18. **Андрущенко Е.А.** Диалогичность в драматургии Д.С. Мережковского // Наследие М.М. Бахтина и проблемы развития диалогического мышления в современной культуре. Донецк, 1996. С. 92 – 94.
19. **Андрущенко Е.А.** Д.С. Мережковский о Монтене // Вопр. философии. М., 2006. № 9. С. 118 – 120.
20. **Андрущенко Е.А.** Д.С. Мережковский против «Вех» // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. М., 2007. С. 163 – 168.
21. **Андрущенко Е.А.** Достоевский в творческом мире Д.С. Мережковского // Актуальні проблеми слов’янської філології. Донецьк, 2009. Вип. XX. С. 183 – 190.
22. **Андрущенко Е.А.** Достоевский и Мережковский (по архивным находкам) // XII Symposium international Dostoïevski. 1 – 5 septembre 2004. Université de Genève Uni-Bastions, 2004. P. 86 – 87.

23. **Андрущенко Е.А.** Забытая книга: «Вечные спутники» Д.С. Мережковского // Филол. семинару – 40 лет. Смоленск, 2008. Т. 1. С. 156 – 166.
24. **Андрущенко Е.А.** К истории полемики о «Вечных спутниках» Д.С. Мережковского // Русистика. Киев, 2003. Вып. 3. С. 69 – 74.
25. **Андрущенко Е.А.** Критик и драматург. О некоторых особенностях творческой лаборатории Д.С. Мережковского // Писатель – критик – писатель. Душанбе, 1992. С. 162 – 164.
26. **Андрущенко Е.А.** «Литературные отражения религиозных тем…» (К характеристике идейных исканий Мережковского) // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. Харьков, 1995. № 4. С. 26 – 29.
27. **Андрущенко Е.А.** Мережковский и Гоголь // Четвертые Гоголевские Чтения. М., 2004. С. 69 – 73.
28. **Андрущенко Е.А.** Мережковский неизвестный // Вторые чтения молодых ученых памяти Л.Я. Лившица. Харьков, 1997. С. 7.
29. **Андрущенко Е.А.** Мережковский о «бессознательных пророчествах русской литературы» // Филол. анализ: Теория, методика, практика. Киев; Херсон, 1994. Вып. 5. С. 110 – 115.
30. **Андрущенко Е.А.** Мифологема Леонардо да Винчи и массовая культура // Писатель и литературный процесс. Белгород, 2012. С. 74 – 82.
31. **Андрущенко Е.А.** Неизвестная драма Д.С. Мережковского // Чтения молодых ученых памяти Л.Я. Лившица. Харьков, 1996. С. 11.
32. **Андрущенко Е.А.** Об одной особенности творческого метода Мережковского-драматурга // Проблема автора и авторской позиции в литературе. Харьков, 1992. С. 118 – 125.
33. **Андрущенко Е.А.** Павел I глазами Мережковского и Ходасевича // Folia Literaria Rossica. Лодзь, 1999. № 1. С. 71 – 89.
34. **Андрущенко Е.А.** Письмо в бутылке: Драмы «Павел I» и «Будет

радость» в творческом мире Д.С. Мережковского // Вопр. лит. М., 2000. № 3. С. 211 – 235.

35. **Андрущенко Е.А.** Проблемы современного изучения творчества Д.С. Мережковского // Четвертые чтения молодых ученых памяти Л.Я. Лившица. Харьков, 1999. С. 5.
36. **Андрущенко Е.А.** Пророческая книга // Мережковский Д.С. Тайна Запада. Атлантида – Европа. М., 2007. С. 5 – 12.
37. **Андрущенко Е.А.** Пушкин в историософских исканиях Мережковского // Пушкин и Крым: IX Крымские Пушкинские Междунар. Чтения: Материалы в 2 кн. Симферополь, 2000. Кн. 2. С. 158 – 162.
38. **Андрущенко Е.А.** Пушкин и Гоголь в историософской концепции Д.С. Мережковского // Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские Чтения. М., 2005. С. 187 – 197.
39. **Андрущенко Е.А.** Пьеса «Будет радость» в творчестве Д.С. Мережковского // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1992. Т. 51. № 6. С. 25 – 36.
40. **Андрущенко Е.А.** Самая большая боль в жизни // Мережковский Д. Иисус Неизвестный. М., 2007. С. 3 – 9.
41. **Андрущенко Е.А.** «Смущающее совесть убийство…» (Мережковский о трагедии русских самодержцев) // Исследования по словесности в вузе нефилологического профиля. Харьков, 1996. Вып. 1. С. 18 – 22.
42. **Андрущенко Е.А.** Спутники Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 2007. С. 703 – 757.
43. **Андрущенко Е.А.** Статья Д.С. Мережковского «Пушкин» в тезисах В.Д. Спасовича и пометах Н.О. Лернера // Пушкин и мировая культура. СПб.; Симферополь, 2003. С. 144 – 148.
44. **Андрущенко Е.А.** Тайновидение Мережковского // Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. М., 2000. С. 481 – 528.

45. **Андрущенко Е.А.** Ф.М. Достоевский в публицистике Д.С. Мережковского // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М., 2013. С. 147 – 156.

46. **Андрущенко Е.А., Фризман Л.Г.** Критик, эстетик, художник // Мережковский Д.С. Эстетика и критика: В 2 т. М.; Харьков, 1994. Т. 1. С. 7 – 57.

47. **Анисов В.В.** Литературная эпоха и творчество Дмитрия Сергеевича Мережковского конца XIX – начала XX вв. // Вестник Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. Сер. 6: Филология: Литературоведение. Абакан, 2003. Вып. 2. С. 160 – 162.

48. **Анисов В.В.** Мировоззрение Мережковского и его выражение в трилогии «Христос и Антихрист» // Актуальные проблемы изучения языка и литературы. Абакан, 2003. С. 205 – 209.

49. **Анисов В.В.** Художественно-философская трактовка проблемы власти в трилогии Д.С. Мережковского «Царство Зверя» // Актуальные проблемы изучения языка и литературы. Абакан, 2005. С. 267 – 270.

50. **Анненкова Н.В.** А.С. Пушкин в художественном сознании Д.С. Мережковского // А.С. Пушкин и славянский мир. Сургут, 1999. С. 59 – 61. [См. также: **Анненкова Н.В.** А.С. Пушкин в художественном сознании Д.С. Мережковского // Философия и поэзия. Рязань, 2000. С. 55 – 57.]

51. **Анненкова Н.В.** Богоискательство Д.С. Мережковского: вехи интеллектуальной биографии // Человек в философско-правовом измерении. Екатеринбург, 2002. С. 109 – 111.

52. **Анненкова Н.В.** Д.С. Мережковский // Русская философия XX века: национальные особенности, течения и школы, политические судьбы. Екатеринбург, 2000. С. 3 – 8.

53. **Анненкова Н.В.** Д.С. Мережковский и Ф. Ницше // Ф. Ницше и русская философия. Екатеринбург, 2000. С. 6 – 8.

54. **Анненкова Н.В.** Значение наследия В.С. Соловьева в формировании религиозно-философских взглядов Д.С. Мережковского // В.С. Соловьев: жизнь, учение, традиции. Екатеринбург, 2000. С. 10 – 12.

55. **Анненкова Н.В.** Литературно-философское наследие Д.С. Мережковского // Россия и Запад: Проблемы истории и культуры. Нижневартовск, 2003. С. 281 – 299.

56. **Анненкова Н.В.** Мифологемы Христа и Антихриста в философской трилогии Д.С. Мережковского // Науч. труды Нижневартов. гос. пед. ин-та. Сер.: Филология. Нижневартовск, 2001. Вып. 1. С. 176 – 178.

57. **Антонов К.М.** Религиозный опыт и догмат в русской мысли начала XX в. // XVII Ежегодная богословская конф. Православ. Свято-Тихоновского гуманит. ун-та. М., 2007. Т. 1. С. 172 – 177. [Д. Мережковский и др.]

58. **Ануфриев Ю.Е.** Критика неохристианских фальсификаций идейного наследия русских революционных демократов и современность // Мировоззренческие проблемы в истории философии (борьба материализма и идеализма). Новосибирск, 1985. С. 43 – 52. [Д. Мережковский и др.]

59. **Ануфриев Ю.Е., Михайлович Г.Ф.** Критика неохристианских фальсификаций теории и практики марксизма-ленинизма // История философии и современная идеологическая борьба. Новосибирск, 1984. С. 18 – 40. [Д. Мережковский и др.]

60. **Атрохин А.М.** Система персонажей в жанровой структуре книги Д.С. Мережковского «Лица святых от Иисуса к нам» // Вестник Вятского гос. гуманит. ун-та. Киров, 2009. Т. 2. № 3. С. 123 – 125.

61. **Атрохин А.М.** Творчество Д.С. Мережковского до и после эмиграции (принципы исследования) // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. М., 2009. С. 148 – 150.

62. **Атрохин А.М.** Творчество Д.С. Мережковского периода эмиграции (методы и подходы к изучению) // Вестник Вятского гос. гуманит. ун-та.

Киров, 2008. Т. 2. № 3. С. 160 – 162.

63. **Ахунзянова Ф.Т.** В. Розанов и Мережковские: к истории взаимоотношений // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2005. № 10. С. 32 – 36.

64. **Ахунзянова Ф.Т.** Проблема идеи-формы в позднем творчестве Д.С. Мережковского // Теория литературы: актуальные проблемы современной науки. Барнаул, 2009. С. 170 – 181.

65. **Ахунзянова Ф.Т.** Роман Д.С. Мережковского «Данте» в культурологическом контексте русской эмиграции // Интеллигенция и мир. Иваново, 2009. № 2. С. 120 – 124.

66. **Багно В.** Эксперименты Мережковского над вечным спутником (Жизнь есть сон, или Поклонение кресту) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М., 2009. С. 41 – 49.

67. **Балабеко А.М.** Д.С. Мережковский о синтезе религии и культуры // Православие и образование: влияние на духовное развитие личности. Новокузнецк, 1995. С. 63 – 65.

68. **Балакин Ю.В.** Античный миф и миф об античности в творчестве Д.С. Мережковского // Античный вестник. Омск, 2005. Вып. VII. С. 59 – 67.

69. **Балакин Ю.В.** Штрихи к теологии истории Д.С. Мережковского // Вестник Омского ун-та. Омск, 2001. Вып. 2. С. 40 – 42.

70. **Банковская Н.П.** Концепт «Святого тела» у Д. Мережковского // Язык и культура. Киев, 2004. Вып. 7. Т. 1. С. 165 – 171.

71. **Банников Н.В.** Дмитрий Мережковский // Рус. речь. М., 1994. № 3. С. 15 – 17.

72. **Баран Х.** Мережковский и журнал-газета «Меч» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 178 – 197.

73. **Басинский П.** Хам уходящий: «Грядущий Хам» Д.С. Мережковского в свете нашего опыта // Новый мир. М., 1996. № 11. С. 212 – 228.

74. **Бацциарелли Э.** Заметки о романе Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 51 – 55.

75. **Безруков А.Н.** Духовная и религиозная культура в интерпретации Д. Мережковского // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. М., 2008. Вып. 2. С. 80 – 86.

76. **Бейлина Е.Л.** Роман Д.С. Мережковского «Юлиан Отступник». Драма личности // Проблемы русской литературы. Магнитогорск, 1992. Вып. 2. С. 38 – 53.

77. **Белкин Д.И.** Драма «Павел I» Д.С. Мережковского и неосуществленный исторический замысел М. Горького // М. Горький-художник и революция: Горьковские чтения. 1990. Н. Новгород, 1992. Вып. 2. С. 125 – 127.

78. **Белова Т.Д.** М. Горький и Д.С. Мережковский (история творческих взаимоотношений в контексте культурологических исканий эпохи) // Творчество Максима Горького в социокультурном контексте эпохи: Горьковские чтения. 2004. Н. Новгород, 2006. С. 290 – 300.

79. **Белова Т.Д.** М. Горький и Д.С. Мережковский о Леонардо да Винчи // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века. М., 2003. Вып. 1. С. 34 – 40.

80. **Белоусова Е.Г.** Д. Мережковский. Поэтика символа (на материале романа «Петр и Алексей») // Теоретические и прикладные аспекты риторики, стилистики и культуры речи. Екатеринбург, 1995. С. 8.

81. **Белоусова Е.Г.** Дуализм стиля Д. Мережковского // Вестник Челябин. ун-та. Сер. 2. Филология. Челябинск, 1997. № 2. С. 4 – 10.

82. **Белоусова Е.Г.** Зеркальность как стилевая примета трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист» // Вестник Челябин. ун-та. Сер. 2. Филология. Челябинск, 1999. № 2. С. 33 – 40.

83. **Белоусова Е.Г.** Метаморфозы христианской символики в трилогии

Д. Мережковского «Христос и Антихрист» // Читатель и современный литературный процесс. Грозный, 1989. С. 50 – 51.

84. **Белоусова Е.Г.** Проблема индивидуального стиля Д. Мережковского на материале романа «Петр и Алексей» // Вестник Челябин. ун-та. Сер. 2. Филология. Челябинск, 1996. № 1. С. 13 – 16.

85. **Белоусова Е.Г.** Символический мотив крыла в трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист» // Двенадцатые Бирюковские чтения. Челябинск, 1997. С. 181 – 182.

86. **Белоусова Е.Г.** Укрупняющий характер лейтмотивов Д. Мережковского (трилогия «Христос и Антихрист») // XX век. Литература. Стиль. Екатеринбург, 1999. Вып. IV. С. 185 – 189.

87. **Бельчевичен С.П.** Гуманизм и христианство в литературно-философском наследии Д.С. Мережковского // Гуманизм и культура: Век XX. Тверь, 1993. С. 89 – 95.

88. **Бельчевичен С.П.** Д.С. Мережковский: язычество и христианство как начала мировой культуры // Тезисы докладов науч. конф. профессорско-преподавательского состава и сотрудников госбюджетных и хоздоговорных тем 1993 г. Тверь, 1993. С. 9 – 10.

89. **Бельчевичен С.П.** Проблема взаимосвязи культуры и истории в философии Д.С. Мережковского // Культура и история. Тверь, 2000. С. 123 – 127.

90. **Бельчевичен С.П.** Религия и культура в философии Д.С. Мережковского // Культура и творчество. Тверь, 1995. С. 106 – 110.

91. **Бельчевичен С.П.** Россия и Запад в литературно-философской концепции Д.С. Мережковского // Россия и Запад: Диалог культур. Тверь, 1994. С. 158 – 166.

92. **Бельчевичен С.П.** Философия истории Д.С. Мережковского: власть и религия // Культура и власть. Тверь, 1999. С. 100 – 106.

93. **Бельчевичен С.П.** Философия истории и культуры в наследии

Д. Мережковского и К. Ясперса // Философия и культура. Тверь, 2002. С. 96 – 99.

94. **Бельчевичен С.П.** Эволюция идеала культурно-религиозного обновления в философии Д.С. Мережковского // Горизонты культуры накануне XXI века. Тверь, 1997. С. 151 – 158.

95. **Билибина И.А.** Взгляд Д. Мережковского на Петра I в романе «Антихрист. Петр и Алексей» // Проблемы литературоведения с точки зрения молодых ученых. Орел, 2009. С. 34 – 42.

96. **Билибина И.А.** Женские образы в трилогии «Царство Зверя» как выразители историософских взглядов Д.С. Мережковского // Словесное искусство Серебряного века и русского зарубежья в контексте эпохи. М., 2010. Ч. I. С. 84 – 87.

97. **Билибина И.А.** Личность Николая I в интерпретации Д.С. Мережковского // Славянский сборник. Орел, 2009. Вып. 7. С. 175 – 179.

98. **Билибина И.А.** Образ самодержавия в романе Д.С. Мережковского «14 декабря» // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. Орел, 2010. № 1. С. 115 – 119.

99. **Билибина И.А.** Образ творца в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» // Вестник филол. факультета Орловского гос. ун-та: Проблемы языкоз., литературоведения и журналистики глазами начинающих исследователей. Орел, 2007. Вып. 1. С. 47 – 52.

100. **Билибина И.А.** Отражение эволюции мировоззрения Д.С. Мережковского в его творчестве (на примере двух образов – Петра I и Николая I) // Актуальные проблемы современного знания. Орел, 2009. С. 115 – 122.

101. **Билибина И.А.** Символика солнца в произведениях И.А. Бунина «Тень птицы» и Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» //

Бунинские чтения в Орле – 2008. Орел, 2009. С. 97 – 102.

102. **Благой Д.Д.** Из наблюдений над романом Алексея Толстого «Петр I» // Ученые записки Моск. ун-та. М., 1946. Вып. 110. Кн. 1. С. 25 – 40. [«День Петра» А. Толстого и «Петр и Алексей» Д. Мережковского.]

103. **Блох А.** Несостоявшиеся Нобелевские премии в русской литературе // Всемир. слово. СПб., 2002. № 15. С. 5 – 12. [Д. Мережковский и др.]

104. **Блюмбаум А.** Фрагменты поэтики «Восковой персоны» // Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. С. 357 – 375. [В частности, романы Д. Мережковского «Петр и Алексей» и «Леонардо да Винчи» как литературные источники рассказа Ю. Тынянова.]

105. **Боброва Е.К.** Идея христианского социализма в духовно-публицистической деятельности Д.С. Мережковского в начале XX в. // Эволюция духовных ценностей в отечественной и мировой истории. СПб., 2007. С. 72 – 75.

106. **Богданова О.А.** Интеллигенция и народ в «идеологическом романе» Ф.М. Достоевского и в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» // Литературный календарь: книги дня. М., 2009. Т. 3. № 6. С. 84 – 94.

107. **Богданова О.А.** Интеллигенция и народ в романистике Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского // Литературовед. журн. М., 2011. № 28. С. 104 – 112.

108. **Богданова О.А.** Концепт «земля» в творческом сознании Ф.М. Достоевского и культурных деятелей Серебряного века (Д.С. Мережковского, А.А. Блока, Вяч. Иванова, Федора Сологуба, Андрея Белого, Г.И. Чулкова) // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М., 2013. С. 101 – 110.

109. **Богомолов Н.А.** О начале «Петербургских зим» // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001. С. 198 – 203. [Начало «Петербургских зим»

Г. Иванова в свете интертекстуальных связей с романной трилогией Д. Мережковского «Христос и Антихрист».]

110. **Богомолов Н.А.** У истоков символизма // Блоковский сборник. [Вып.] 16: Александр Блок и русская литература первой половины XX века. Тарту, 2003. С. 9 – 18. [Поэмы Д. Мережковского «Вера» и «Семейная идиллия» в контексте становления эстетики символизма.]

111. **Богомолов Н.А., Цимборска-Лебода М.** К проблеме «Мережковский и Вяч. Иванов» // Studia Rossica VII. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku. Warszawa, 1999. S. 65 – 80.

112. **Богословский А.Н.** Мережковский: попытка авторецензии // Человек. М., 1999. № 6. С. 141 – 142. [Об авторецензии Д. Мережковского на роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи».]

113. **Бодык О.П.** Историзм Д.С. Мережковского в аспекте символистской мифологии истории // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях. Вып. 3. В 2 ч. Смоленск, 2006. Ч. 2. С. 27 – 37.

114. **Бодык О.П.** Текст романа Д.С. Мережковского «Петр и Алексей» как текст лабиринт // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях. Вып. 2. В 2 ч. Смоленск, 2005. Ч. 2. С. 57 – 66.

115. **Бойчук А.Г.** «Лучезарный старец»: «слой» Мережковского в «Кубке метелей» А. Белого // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1995. Т. 54. № 2. С. 16 – 30.

116. **Бойчук А.Г.** Мережковский-лирик (1880 – 1890-е гг.) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 2001. Т. 60. № 5. С. 14 – 23.

117. **Бойчук А.Г.** «Святая плоть» земного в «Кубке метелей»: К теме «Белый и Мережковский» // Лит. обозрение. М., 1995. № 4/5. С. 144 – 152.

118. **Большелапова Е.Е.** Античная трагедия в религиозно-этических и художественных воззрениях Д.С. Мережковского // Проблемы культуры и искусства. СПб., 1998. С. 85 – 86.

119. **Бонгард-Левин Г.М.** Кто вправе увенчивать? // Наше наследие. М.,

2001. № 59 – 60. С. 141 – 149. [Публикация архивных материалов, связанных с номинацией на Нобелевскую премию И. Бунина, Д. Мережковского, И. Шмелева.]

120. **Боровская Е.Р.** Образ крыльев в прозе о художнике // Лучшая вузовская лекция II. М., 2005. С. 3 – 23. [На материале произведений Д. Мережковского и др.]

121. **Бреева Т.Н.** Национальный миф в историософском романе Серебряного века // Рус. словесность. М., 2006. № 3. С. 21 – 29. [На материале романов Д. Мережковского и А. Белого.]

122. **Бурлакова М.В.** Место романа Д.С. Мережковского «Юлиан Отступник» в художественной системе «античных» романов В. Брюсова // Художественный текст и культура VI. Владимир, 2006. С. 171 – 174.

123. **Бурхарди К.** С. Булгаков и Д. Мережковский об отношении Ф.М. Достоевского к самодержавию // Достоевский и современность. Новгород, 1994. С. 57 – 65.

124. **Быстров В.Н.** Идея обновления мира у русских символистов (Д.С. Мережковский и А. Белый) // Рус. лит. СПб., 2003. № 3. С. 3 – 21; № 4. С. 29 – 51.

125. **Быстров В.Н.** Исповедание красоты и веры (творчество Д. Мережковского-критика) // Рус. лит. СПб., 2005. № 2. С. 55 – 80.

126. **Быстров В.Н.** «Напрасно в людях спорят дух и плоть...» (Д.С. Мережковский и «метафизика» любви) // Новый журн. СПб., 1996. № 4. С. 116 – 123.

127. **Бычков В.В.** Эстетика Дмитрия Мережковского: между традицией и новаторством // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. М., 2006. Вып. 2. С. 79 – 106. [См. также: **Бычков В.В.** Дмитрий Мережковский. Между традицией и новаторством // Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М., 2007. С. 95 – 139.]

128.**Бычков С.П.** Община Мережковских как интеллектуальное сообщество Петербурга в начале XX века // Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр). XX век: В 2 т. Омск, 2000. Т. II. С. 97 – 102.

129.**Бялокозович Б.** Юзеф Чапский и литературный триумвират (Дмитрий Мережковский – Зинаида Гиппиус – Дмитрий Философов) // «Путь романтичный совершил...». М., 1996. С. 300 – 323.

130.**Бялокозович Б.** Юзеф Чапский и русские писатели-эмигранты (Д. Мережковский, А. Ремизов) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 1996. № 3. С. 7 – 17.

131.**Бялый Г.А.** Поэты 1880 – 1890-х годов // Поэты 1880 – 1890-х годов. Л., 1972. С. 46 – 47. [Д. Мережковский и др.]

132.**Васильев И.** Главная книга Мережковского // Октябрь. М., 1992. № 11. С. 134 – 135.

133.**Васильева Е.В.** «Второе крещение» как одна из проблем романа Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Писатель, творчество: современное восприятие. Курск, 1999. С. 109 – 121.

134.**Васильева Е.В.** Драма Д.С. Мережковского «Павел I» в контексте нового религиозного сознания // Писатель, творчество: современное восприятие. Курск, 1998. С. 34 – 47.

135.**Васильева Е.В.** Ницшеанские мотивы в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» // Писатель, творчество: современное восприятие. Курск, 1998. С. 20 – 33.

136.**Ваховская А.М.** Дмитрий Мережковский о Н.В. Гоголе. (Критика мещанства) // Литературные отношения русских писателей XIX – XX вв. М., 1992. С. 147 – 158.

137.**Ваховская А.М.** Исторический роман Д. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей»: Субъективное толкование или прозрение? // Рос. литературовед. журн. М., 1994. № 5 – 6. С. 90 – 104.

138. **Ваховская А.М.** Мотив искусства в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» // Вопросы эстетики в контексте художественной литературы. М., 1992. С. 84 – 95.

139. **Ветчинкина В.Е.** Мережковский и Лермонтов: к вопросу о переосмыслении двух христианских сюжетов // Литература и христианство. Белгород, 2000. С. 86 – 87.

140. **Винокурова И.** Мережковский и Муссолини: к истории взаимоотношений // Вопр. лит. М., 2001. № 2. С. 274 – 287.

141. **Воеводина А.А.** Война и культура в творчестве христианских либералов (З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского) // Актуальные проблемы развития общества: новые подходы и перспективы. Самара, 2009. Вып. 10. С. 71 – 78.

142. **Воеводина А.А.** З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский о большевизме и судьбах России // Актуальные проблемы развития общества: новые подходы и перспективы. Самара, 2007. Вып. 9. С. 21 – 29.

143. **Воеводина А.А.** Интерпретация революции 1905 – 1907 гг. З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским // Власть и общество в России: история и проблемы взаимоотношений. Смоленск, 2006. С. 114 – 117.

144. **Воеводина А.А.** Революция и насилие в творчестве христианских либералов (З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского) // Вестник Самар. гос. ун-та. Самара, 2009. № 3 (69). С. 55 – 59.

145. **Воеводина А.А.** Революция 1905 – 1907 гг. глазами З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского // Платоновские чтения [Вып.] 10. Самара, 2005. С. 30 – 32.

146. **Воеводина А.А.** Социальная концепция З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского // Изв. Самар. науч. центра РАН. Самара, 2009. Т. 11. № 2. С. 101 – 104.

147. **Воеводина А.А.** Социальный идеал З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского // Платоновские чтения [Вып.] 12. Самара, 2006. С. 269 – 271.

148. **Воронина Н.Н.** «Вечное возвращение» Ницше в концепции истории Д.С. Мережковского // Ф. Ницше и русская философия. Екатеринбург, 2000. С. 29 – 30.

149. **Воронцова И.В.** Д.С. Мережковский. Учение о «новом религиозном сознании» как вариант религиозного гнозиса // Богословский сборник. М., 2003. Вып. 12. С. 200 – 223.

150. **Воронцова Т.В.** К проблеме изменения заглавия первого романа трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» // Литературовед. журн. М., 2001. № 15. С. 18 – 26.

151. **Воронцова Т.В.** Миф о Петре в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» // Язык, литература, культура: традиции и инновации. М., 1993. С. 84 – 85.

152. **Воронцова Т.В.** Путешествие Мережковских на Светлояр и очерк З.Н. Гиппиус «Светлое озеро» // Волшебная гора. М., 1997. № 6. С. 387 – 392.

153. **Воронцова Т.В.** Путь между двумя апокалипсисами (концепция истории в первой трилогии Д.С. Мережковского) // Волшебная гора. М., 1998. № 7. С. 420 – 430.

154. **Воронцова Т.В.** Пушкин и Мережковский («свое в чужом» в трилогии «Христос и Антихрист») // Пушкин и русская культура. М., 1999. Вып. 2. С. 119 – 127.

155. **Воронцова Т.В.** «Христос и Антихрист» Д.С. Мережковского в раннем русском кино // Волшебная гора. М., 1998. № 7. С. 368 – 381. [Окончания этой статьи, вопреки редакционному обещанию, не последовало.]

156. **Воскресенская М.А.** Символистская публицистика как исторический источник // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология.

Журналистика. Воронеж, 2008. № 1. С. 25 – 30. [Д. Мережковский и др.]

157.**Гайденко П.** Д.С. Мережковский: апокалипсис «всесокрушающей религиозной революции» // Вопр. лит. М., 2000. № 5. С. 98 – 126. [См. также: **Гайденко П.П.** Д.С. Мережковский: апокалипсис «всесокрушающей религиозной революции» // Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М., 2001. С. 327 – 355.]

158.**Гайденко П.** Соблазн «святой плоти» (Сергей Соловьев и русский серебряный век) // Вопр. лит. М., 1996. № 4. С. 72 – 127. [Д. Мережковский и др.]

159.**Гапоненков А.А.** Д.С. Мережковский и «Русская Мысль» (период «религиозного революционизма») // Литературоведение и журналистика. Саратов, 2000. С. 264 – 274.

160.**Герасимов Ю.К.** Союзники по «преодолению Достоевского»: М. Горький и Д. Мережковский // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2000. Т. 15. С. 27 – 43; 2001. Т. 16. С. 272 – 287.

161.**Гончарова Е.И.** Контуры жакерии (В.В. Розанов и Мережковские) // Рус. лит. СПб., 2006. № 4. С. 114 – 131.

162.**Гончарова Е.И.** «Революционное христовство» // «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову. СПб., 2009. С. 5 – 88.

163.**Горбачевский Ч.А.** Свобода и стихия в произведениях Ф.М. Достоевского (к интерпретации проблемы свободы русской религиозно-философской критикой первой четверти XX в.) // Литература в контексте современности. Челябинск, 2005. Ч. 1. С. 46 – 48. [Д. Мережковский и др. о проблеме свободы в творчестве Ф. Достоевского.]

164.**Гордин А.** Мережковский-публицист на страницах газеты «Сегодня» (1920 – 1930 гг.) // Studia Slavica. Таллинн, 2005. № 5. С. 35 – 41.

165.**Гребнева М.П.** Лики Флоренции в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги» (Леонардо да Винчи) // Культура и текст: миф и

мифопоэтика. СПб.; Самара; Барнаул, 2004. С. 108 – 113.

166.**Гречаник И.В.** Бытие, одиночество и смерть как литературно-философские феномены в поэзии Д. Мережковского и А. Блока // Вестник Моск. гос. гуманит. ун-та им. М.А. Шолохова. Филол. науки. М., 2009. № 1. С. 5 – 14.

167.**Гречаник И.В.** Д. Мережковский – критик // Вестник Ставроп. гос. ун-та. Ставрополь, 2004. Вып. 39. С. 124 – 131.

168.**Гречаник И.В.** Д. Мережковский – критик Ф. Достоевского // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Армавир, 2001. С. 133.

169.**Гречаник И.В.** Дмитрий Мережковский – проводник «нового религиозного сознания» // Кубань: проблемы культуры и информатизации. Краснодар, 1999. № 2 – 3 (13 – 14). С. 23 – 25.

170.**Гречаник И.В.** Критическое наследие Д. Мережковского: Ф. Достоевский // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Майкоп, 2001. С. 36 – 37.

171.**Гречаник И.В.** Лирика Д. Мережковского: в поисках религиозно-философских основ бытия личности // Русская и русскоязычная литература XX века: К вопросу о художественной концепции личности. Армавир, 2000. С. 6 – 33.

172.**Гречаник И.В.** Лирика Дмитрия Мережковского: новые и старые смыслы // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани. Армавир, 1997. С. 125 – 127.

173.**Гречаник И.В.** Мировоззрение Ф. Достоевского в философско-критической мысли конца XIX – начала XX веков (Д. Мережковский, В. Розанов, Н. Страхов) // Достоевский и современность (к 180-летию со дня рождения писателя). Армавир, 2001. С. 27 – 30.

174.**Гречаник И.В.** Последний «святой», или Д. Мережковский-критик // Русская литература XIX – XX веков: Актуальные проблемы исследования. Армавир, 2001. С. 67 – 77.

175.**Гришунин А.Л.** Мережковский о Чехове // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 235 – 242.

176.**Гузь О.Ф.** Библейские мотивы в творчестве поэтов «Серебряного века» // Литература и культура в контексте христианства. Ульяновск, 1999. С. 70. [Д. Мережковский и др.]

177.Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов, В.А. Злобин в Вильнюсе в 1920 году / Публ. и примеч. П. Лавринца // Балтийский архив. Вып. IV. Рига, 1999. С. 206 – 234. [Обзор публикаций о русских писателях в газете «Виленский курьер».]

178.**Давыдова А.А.** Религиозно-философские искания Д.С. Мережковского // Традиционная славянская культура и современный мир. Астрахань, 2006. С. 19 – 23.

179.**Данилова Н.С.** Своеобразие хронотопа в исторической прозе Д.С. Мережковского // Актуальные проблемы изучения литературы и культуры на современном этапе. Саранск, 2002. С. 169 – 175.

180.**Дворцова Н.П.** М. Пришвин между Д. Мережковским и В. Розановым // Филол. науки. М., 1995. № 2. С. 110 – 119.

181.**Дворцова Н.П.** Пришвин и Мережковский (диалог о Граде Невидимом) // Вопр. лит. М., 1993. № 3. С. 143 – 170.

182.**Девицкий И.И.** Д.С. Мережковский как «стимулятор» интереса Томаса Манна к А.С. Пушкину, к истории России XVII – XX вв. // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 1997. Вып. 2. С. 121 – 138.

183.**Девятайкина Н.И.** Исторические личности как ренессансные типы у Д.С. Мережковского (по новелле «Превращение») // История и филология: проблемы науч. и образовательной интеграции на рубеже

тысячелетий. Петрозаводск, 2000. С. 45 – 51.

184.**Девятайкина Н.И.** Образ ренессансной эпохи и ренессансной женщины у Мережковского // Средние века. М., 2002. Вып. 63. С. 135 – 144.

185.**Демидова О.** «Варшавский гамбит» в эмигрантской судьбе Мережковских и Философова // Космополис. М., 2006. № 1. С. 91 – 98.

186.**Десяткова О.В.** Даниил Андреев, Дмитрий Мережковский: опыт метаисторического изучения личности // Семиозис и культура. Сыктывкар, 2008. Вып. 4. С. 111 – 115.

187.**Десяткова О.В.** Д. Мережковский о «равенстве» и «братстве» // Межвуз. сборник науч. и науч.-метод. трудов за 2004 год (девятый выпуск). Киров, 2005. С. 104 – 111.

188.**Десяткова О.В.** Д.С. Мережковский о сущности демократии как источнике духовной свободы личности в современных обществах // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ. М., 2006. С. 8 – 15.

189.**Десяткова О.В.** Женский архетип в творчестве Д. Мережковского // Наука – производство – экология. Киров, 2005. Т. 4. С. 70 – 74.

190.**Десяткова О.В.** Проблема рабства и свободы: противопоставление Закона и Благодати в творчестве Д. Мережковского // Вестник Волж. гос. инженер.-пед. ун-та. Сер.: Философские науки. № 2 (3). Н. Новгород, 2006. С. 51 – 54.

191.**Дефье О.В.** Д. Мережковский: диалог культур в творческом сознании русского модернизма // Литература в диалоге культур – 2. Ростов н/Д., 2004. С. 261 – 262.

192.**Дефье О.В.** Д. Мережковский и новое эстетическое сознание серебряного века русской культуры // Время Дягилева: Универсалии серебряного века. Пермь, 1993. Вып. 1. С. 167 – 176.

193.**Дефье О.В.** Духовное всеединство Дмитрия Мережковского // Педагогика. М., 2002. № 2. С. 52 – 57.

194. **Дефье О.В.** Путь к гармонии (Д.С. Мережковский) // Рус. словесность. М., 1993. № 5. С. 82 – 85.

195. **Дехтяренок А.В.** Античность в романе Д.С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник» и в романах В.Я. Брюсова «Алтарь Победы», «Юпитер Поверженный» // Проблемы развития гуманит. науки на Северо-западе России: опыт, традиции, инновации. Петрозаводск, 2004. Т. II. С. 54 – 57.

196. **Дехтяренок А.В.** Античные мифологические мотивы в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Филол. исследования. Петрозаводск, 1998. С. 100 – 114.

197. **Дехтяренок А.В.** Античные образы в романе Д.С. Мережковского «Смерть богов» // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII – XIX вв. Петрозаводск, 2008. С. 195 – 209.

198. **Дехтяренок А.В.** Античные образы в цикле очерков Д.С. Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» // Experimenta Lucifera. Н. Новгород, 2009. Вып. 5. С. 267 – 273.

199. **Дехтяренок А.В.** Библейская символика в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Духовные начала русского искусства и образования. Вел. Новгород, 2007. С. 262 – 269.

200. **Дехтяренок А.В.** Идея вечного возвращения в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Experimenta Lucifera. Н. Новгород, 2007. Вып. 4. С. 143 – 148.

201. **Дехтяренок А.В.** Историософская концепция Д.С. Мережковского в трилогии «Христос и Антихрист» (к постановке проблемы) // Филол. исследования II. Петрозаводск, 2003. С. 120 – 130.

202. **Дехтяренок А.В.** Образ крыльев в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск; СПб., 2011. Вып. 6. С. 291 – 299.

203. **Дехтяренок А.В.** Образ Юлиана Отступника в романе Д.С. Мережковского «Смерть богов»: проблема взаимодействия исторической достоверности и авторского вымысла // Россия и Греция: диалоги культур. Петрозаводск, 2007. Ч. 2. С. 299 – 308.

204. **Дехтяренок А.В.** Тоска по Элладе в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Россия и Греция: диалоги культур. Петрозаводск, 2006. Ч. 1. С. 141 – 153.

205. **Дехтяренок А.В.** Эсхатологические мотивы в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 2008. Вып. 5. С. 503 – 513.

206. **Дмитриевская Л.Н.** Картина и икона с образом Иоанна Крестителя в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» // Materiały VIII Międzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji «Naukowa przestrzeń Europy – 2012». Przemyśl, 2012. Vol. 22. S. 61 – 68.

207. **Додеро Коста М.-Л.** О книге Мережковского «Данте» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 82 – 88.

208. **Дойкова О.А.** К вопросу о некоторых философских и религиозных источниках романа Д.С. Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)» // Классика и современность. Архангельск, 2003. Вып. 2. С. 79 – 97.

209. **Дойкова О.А.** Роман Д.С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник» в контексте религиозно-философских воззрений писателя // Проблемы литературы XX века: в поисках истины. Архангельск, 2003. С. 85 – 92.

210. **Домогацкая Е.Г., Певак Е.А.** Предисловие // Мережковский Д.С. Было и будет. Дневник. 1910 – 1914; Невоенный дневник. 1914 – 1916. М., 2001. С. 5 – 20.

211. **Дронова Т.И.** Александр Первый и декабристы (версия

Д.С. Мережковского) // Освободительное движение в России. Саратов, 2006. Вып. 21. С. 43 – 54.

212.**Дронова Т.И.** В поисках синтеза: поэтика и генезис историософского романа Д.С. Мережковского // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. М., 2006. № 2. С. 198 – 203.

213.**Дронова Т.И.** «Все прекрасное умирает в человеке, но не в искусстве...» (функции экфрасиса в романе Д.С. Мережковского «Леонардо да Винчи») // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века. М., 2008. Вып. 4. С. 55 – 64.

214.**Дронова Т.И.** Две интерпретации философии истории в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (А. Скафтымов и Д. Мережковский) // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов, 2010. С. 87 – 98.

215.**Дронова Т.И.** Д. Мережковский и М. Алданов: динамика философско-исторического повествования // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Саратов, 2008. Вып. II. С. 69 – 76.

216.**Дронова Т.И.** Д.С. Мережковский о смысле постижения истории // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. М., 2010. № 1. С. 119 – 123.

217.**Дронова Т.И.** Жанровый потенциал экфрасиса в историософском романе Д.С. Мережковского // Междисциплинарные связи при изучении литературы. Саратов, 2006. Вып. 2. С. 88 – 94.

218.**Дронова Т.И.** «И сладок нам лишь узнаванья миг...»: Античность в культурологической рефлексии Д.С. Мережковского // Античный мир и мы. Саратов, 1998. Вып. 4. С. 28 – 33.

219.**Дронова Т.И.** Историософская концепция Д. Мережковского: основы художественного воплощения // Жизненный мир философа «серебряного

века». Саратов, 2003. С. 204 – 210.

220.**Дронова Т.И.** Историософский роман в русской литературе XX века: от Мережковского до Солженицына // А.И. Солженицын и русская культура. Саратов, 1999. С. 20 – 27.

221.**Дронова Т.И.** «История есть воскрешение мертвых...»: о путях художественно-исторического познания в творчестве Д.С. Мережковского // Античный мир и мы. Саратов, 2001. Вып. 7. С. 58 – 64.

222.**Дронова Т.И.** История как текст («Христос и Антихрист» Д.С. Мережковского и «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова) // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. Саратов, 2009. Т. 9. № 4. 70 – 74.

223.**Дронова Т.И.** Мифологема «конца истории» в творчестве Д. Мережковского и А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 2000. Вып. 4. С. 209 – 217.

224.**Дронова Т.И.** О символической традиции в исторической прозе Б. Окуджавы: Диалог с Д. Мережковским в романе «Бедный Авросимов» // Античный мир и мы. Саратов, 2000. Вып. 6. С. 71 – 78.

225.**Дронова Т.И.** О функции античных образов в романе Д. Мережковского «Петр и Алексей» // Античный мир и мы. Саратов, 2002. Вып. 8. С. 143 – 149.

226.**Дронова Т.И.** Образ Эллады в романе Д. Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)»: «Расширение художественной впечатлительности» // Античный мир и мы. Саратов, 2003. Вып. 9. С. 112 – 118.

227.**Дронова Т.И.** Особенности историзма трилогии Мережковского «Царство Зверя» // Литературовед. журн. М., 2001. № 15. С. 46 – 60.

228.**Дронова Т.И.** Платоновский код романа Д.С. Мережковского «Юлиан Отступник» // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. М.,

2007. № 2. С. 131 – 137.

229.**Дронова Т.И.** Принципы художественно-исторического познания Д.С. Мережковского в современном изучении // Вестник Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. Саратов, 2006. № 14. С. 138 – 142.

230.**Дронова Т.И.** Проблема достоверности документа в художественно-историческом сознании первой трети XX века (Мережковский, Тынянов, Алданов) // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология. Политология. Саратов, 2009. Т. 9. № 1. 76 – 81.

231.**Дронова Т.И.** Проза Д.С. Мережковского 1920-х годов: «конец романа» // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Саратов, 2006. С. 120 – 127.

232.**Дронова Т.И.** Рецептивная «эстетика истории» Д.С. Мережковского // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. Саратов, 2007. Т. 7. № 2. 45 – 52.

233.**Дронова Т.И.** Трилогия Д.С. Мережковского «Царство зверя»: откровение о судьбе России // Творчество В.Я. Шишкова в контексте русской литературы XX века: V Всерос. Шишков. чтения. Тверь, 1999. С. 113 – 120.

234.**Дуганова И.М.** Мотив царя-Антихриста в рассказе А.Н.Толстого «День Петра»: К вопросу о влиянии Д.С. Мережковского на раннее творчество А.Н. Толстого // Филол. этюды. Саратов, 2009. Вып. 12. Ч. 1 – 2. С. 175 – 179.

235.**Дудек А.** Адам Мицкевич глазами русских символистов (Д. Мережковский и В. Иванов) // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007. С. 189 – 199.

236.**Дудек А.** Герои Ф.М. Достоевского в интерпретациях Вяч. Иванова и Д.С. Мережковского // Ф.М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М., 2013. С. 132 – 146.

237.**Дудек А.** Духовный облик русской интеллигенции в оценке Дмитрия Мережковского // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. М., 2007. С. 169 – 178.

238.**Дудек А.** Между Акрополем и Пантеоном. Античный мир в творчестве Д.С. Мережковского // Античность и культура Серебряного века. М., 2010. С. 224 – 230.

239.**Душатина Л.И.** Критический взгляд Н. Бердяева на «сектантство» Мережковских // Россия и мир. Гуманит. проблемы. СПб., 2004. Вып. 9. С. 109 – 117.

240.**Дырдин А.А., Корочкина Е.В.** Метафизика свободы. К характеристике публицистического дискурса в эмигрантском творчестве Д.С. Мережковского // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. М., 2008. Вып. 2. С. 83 – 87.

241.**Дякина А.А.** М.Ю. Лермонтов и Д.С. Мережковский: линии духовной преемственности // Филologos. Елец, 2007. Т. 1 – 2. № 3. С. 165 – 175.

242.**Евлампиев И.И.** Св. Франциск в русской религиозной философии XX века // Святой Франциск и Россия: Францисканские чтения. 2006. Спб., 2008. С. 33 – 44. [Д. Мережковский и др.]

243.**Егорова Ю.Н.** Литератор и революция: Д.С. Мережковский и революция 1905 – 1907 гг. в России // Преподавание истории и обществознания в школе. М., 2006. № 4. С.10 – 13.

244.**Едошина И.А.** «Самая грустная и благородная книга» в размышлениях В.В. Розанова, «самого парадоксального писателя» // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. М., 2007. С. 194 – 201. [Выступления В. Розанова против критики сборника «Вехи» Д. Мережковским.]

245.**Ермичев А.А.** Несколько слов об истории Общества // Ермичев А.А. Религиозно-философское общество в Петербурге (1907 – 1917): Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 3 – 14. [Д. Мережковский и др.]

246.**Ермолаев М.** Загадки Мережковского // Мережковский Д.С. Л. Толстой

и Достоевский; Вечные спутники. М., 1995. С. 561 – 567.

247.**Ермолин Е.А.** Ф.И. Тютчев. Н.А. Некрасов. Д.С. Мережковский // «Тут целый мир, живой, разнообразный...». Ярославль, 2004. С. 9 – 13.

248.**Ерохина Т.И.** Театрализация текста повседневности в русском символизме // Литература и театр. Самара, 2006. С. 100 – 109. [Эстетизация быта и бытового поведения в литературной среде символистов: Мережковские, В. Брюсов, Вяч. Иванов.]

249.**Ерохина Т.И.** Традиция «присвоения» чужого в ментальности и культуре России рубежа XIX – XX веков // Традиционное и нетрадиционное в культуре России. М., 2008. С. 449 – 482. [Рецепция французской литературной традиции в творчестве поэтов русского символизма: Д. Мережковский, В. Брюсов, К. Бальмонт.]

250.**Ефимов И.** Жемчужина страданья: Лермонтов глазами русских философов // Звезда. Л., 1991. № 7. С. 189 – 196. [Д. Мережковский и др. См. также: **Ефимов И. «**Жемчужина страданья»: Лермонтов глазами русских философов // Ефимов И. Бремя добра. Русский писатель как властитель дум: Сборник статей. Tenafly, N.J., 1993. С. 26 – 44.]

251.**Житкова Л.Н.** Белинский и Мережковский: осмысление наследия // Дергачевские чтения – 2002. Екатеринбург, 2004. С. 85 – 88.

252.**Житкова Л.Н.** Культурология Д. Мережковского // V Всерос. чтения «Оптина пустынь и русская культура», посвященные братьям Киреевским. Калуга, 2004. С. 143 – 146.

253.**Житкова Л.Н.** Субъективность и субъективность: Д. Мережковский и другие // Дергачевские чтения – 2000. В 2 ч. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. С. 86 – 89.

254.**Жуков В.Н.** Третий Завет Дмитрия Мережковского // Мережковский Д.С. Собр. соч. Иисус неизвестный. М., 1996. С. 676 – 684.

255.**Жукова И.М.** Д.С. Мережковский в духовных исканиях серебряного века // Из-за черты. Стерлитамак, 1999. С. 65 – 72.

256.**Жукова И.М.** Концепция человека в поэме Д.С. Мережковского «Старинные октавы» // Концепция человека в литературе XX века. Курган, 1997. С. 24 – 28.

257.**Жукова И.М.** Литературный портрет Д.С. Мережковского в контексте XX века // Язык, литература, культура на пороге тысячелетия. Курган, 2002. С. 122 – 124.

258.**Жукоцкая З.Р.** Ницше и Мережковский: синтез «духа» и «плоти» // Человек и культура. Тюмень, 2001. С. 43 – 48.

259.**Журавлева А.А.** Антитеза «жизнь-счастье Толстого – жизнь-страдание Достоевского» в работе Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» // Вестник Челябин. гос. ун-та. Вып. 25. Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2008. № 26 (127). С. 43 – 47.

260.**Журавлева А.А.** «Вечные спутники» Мережковского как образец субъективной критики // Вестник Челябин. гос. ун-та. Сер. 11. Журналистика. Челябинск, 2005. № 1. С. 99 – 108.

261.**Журавлева А.А.** Д.С. Мережковский – критик Л.Н. Толстого // Вестник Челябин. гос. ун-та. Сер. 11. Журналистика. Челябинск, 2004. № 1. С. 66 – 70.

262.**Журавлева А.А.** Л. Толстой в эмигрантской публицистике Д. Мережковского // СМИ – Общество – Образование: модели взаимодействия. В 2 ч. Челябинск, 2007. Ч. 1. С. 179 – 185.

263.**Журавлева А.А.** Н.В. Гоголь в литературно-критической концепции русской классики Д.С. Мережковского // Вестник Челябин. гос. пед. ун-та. Челябинск, 2006. № 5.3. С. 173 – 182.

264.**Журавлева А.А.** Переосмысление творчества «поэта сверхчеловечества» М.Ю. Лермонтова в общественно-религиозный период прочтения русской классики Д.С. Мережковским // Знак: проблемное поле медиаобразования. Челябинск, 2009. Т. 2. № 4. С. 70 – 76.

265.**Журавлева А.А.** Речевая агрессия Мережковского как главное «оружие» в его борьбе с большевизмом // Речевая агрессия в современной культуре. Челябинск, 2005. С. 190 – 196.

266.**Журавлева А.А.** Русские классики в эмигрантской публицистике Д.С. Мережковского // Журналістыка – 2007: надзённыя праблемы. Перспектывы. Мінск, 2007. Вып. 9. С. 381 – 383.

267.**Журавлева А.А.** Традиционное и новаторское в литературно-критической оценке Д.С. Мережковского творчества Ф.М. Достоевского // Вторые Лазаревские чтения. Челябинск, 2003. С. 108 – 110.

268.**Журавлева А.А.** Эволюция литературно-критической концепции Д.С. Мережковского: критика в коммуникативном аспекте // Языки профессиональной коммуникации. В 2 т. Челябинск, 2007. Т. 1. С. 263 – 267.

269.**Завгородняя Г.Ю.** Стилизация в романах Д.С. Мережковского: функция экфрасиса // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. Волгоград, 2009. № 7. С. 183 – 187.

270.**Задражилова М.** Символизированное пространство в исторической прозе Мережковского // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 19 – 30.

271.**Звонарева Л.** Борец с воинствующим хамом: Дмитрий Мережковский // Звонарева Л. Серебряный век и Ренэ Герра. СПб., 2012. С. 147 – 154.

272.**Звонарева Л.У.** Европа и Россия в 1920 году: взгляд Гиппиус и Мережковского // Новый журн. Нью-Йорк, 2000. Кн. 219. С. 253 – 266.

273.**Звонарева Л.У.** Европа и Россия в 1920 году: взгляд из Варшавы // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 255 – 265. [Миф о Европе как защитнице и освободительнице России от большевиков в интерпретациях З. Гиппиус и Д. Мережковского].

274.**Зобнин Ю.В.** «Радиообращения» Мережковского не было (о генезисе одного историко-литературного мифа) // Русская история и культура: Статьи. Воспоминания. Эссе. СПб., 2007. С. 256 – 286.

275.**Зобнин Ю.В.** Хроника жизни и творчества Д.С. Мережковского (опыт создания) // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире. СПб., 2007. С. 279 – 282. [См. также: **Зобнин Ю.В.** Основные даты жизни и творчества Д.С. Мережковского // Зобнин Ю.В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния. М., 2008. С. 397 – 428.]

276.**Иваницкая Е.Н.** Парадокс о мещанстве (к проблеме этико-эстетических исканий серебряного века русской литературы) // Время Дягилева: Универсалии серебряного века. Пермь, 1993. Вып. 1. С. 52 – 58. [Д. Мережковский и др. о мещанстве.]

277.**Иванова Е.А.** Политические взгляды Д.С. Мережковского в послеоктябрьский период (1917 – 1941) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2002. Вып. 4. С. 159 – 167.

278.**Иванова Е.В.** О свинье-матушке и ее поросятах // Время и текст. СПб., 2002. С. 277 – 281. [О письме А. Блока к К. Чуковскому и литературных источниках (В. Розанов, Д. Мережковский), в которых Русь отождествлялась со свиньей-матушкой.]

279.**Иванова Е.В.** Об одной реминисценции А. Блока (комментарий к забытой полемике) // Шестое чувство. Иваново, 2003. С. 77 – 81. [Аллюзия на выражение «свинья-матушка» из одноименной статьи Д. Мережковского и обзора К. Чуковского «Русская литература в 1911 г.» в письме А. Блока к К. Чуковскому.]

280.**Иванова Е.И.** Общественно-политическая деятельность Д.С. Мережковского в эмиграции // Право: история, теория, практика. Брянск, 2003. Вып. 7. С. 288 – 300.

281.**Игнатьева С.В.** Интерпретация барочных элементов в фантастической драме Д.С. Мережковского «Сильвио» (1887) // Малоизвестные страницы

и новые концепции истории русской литературы XX века. М., 2003. Вып. 1. С. 44 – 48.

282.**Ильев С.** Идеология «неохристианства» и русские символисты (1903 – 1905 гг.) // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1994. Т. 39. Fasc. 1 – 2. С. 85 – 100. [Философско-эстетическая платформа журнала «Новый путь»: Д. Мережковский и др.]

283.**Ильев С.П.** Эволюция мифа о Петербурге в романах Мережковского («Петр и Алексей») и Андрея Белого («Петербург») // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 56 – 71.

284.**Ильюхина Т.Ю.** Поиск метода в русской литературе конца XIX в.: «Физиология» П. Боборыкина, «биология» Д. Мережковского, «философия» А. Чехова // Проблемы литературных жанров. Томск, 1999. Ч. II. С. 43 – 45.

285.**Ионайтис О.Б.** Д.С. Мережковский о судьбе России и о XX веке // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Иваново, 2009. Ч. 1. С. 306 – 312.

286.**Исаев С.Г.** Авторское и священное слово в поэтике прозы Д.С. Мережковского // Некалендарный XX век. Велик. Новгород, 2001. С. 22 – 34.

287.**Исаев С.Г.** Литературные маски серебряного века: На материале творческих исканий «старших символистов» // Филол. науки. М., 1997. № 1. С. 3 – 13. [Д. Мережковский и др.]

288.**Исаев С.Г.** Поэтика и семиотика храма в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Актуальные проблемы литературы: комментарий к XX веку. Калининград, 2001. С. 68 – 80.

289.**Исаев С.Г.** Путешествие как бегство: «Таормина. Палермо (очерки Сицилии)» Д.С. Мережковского // Вестник Новгородского гос. ун-та. Вел. Новгород, 2009. № 51. С. 67 – 70.

290.**Исаев С.Г.** Смех в поэтической системе символизма // Славянский мир

и литература. Калининград, 2003. С. 40 – 52. [На материале новеллы Д. Мережковского «Святой Сатир».]

291.**Исаев С.Г.** Спасение как модель национального возрождения в прозе русского символизма // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики. Материалы междунар. науч. конф. В 2 ч. Ч.1. Гродно, 2001. С. 44 – 54. [Статья целиком посвящена Д. Мережковскому.]

292.**Искржицкая И.Ю.** Мифологема Отца и Сына в романе Д.Мережковского «Петр и Алексей»: Трилогия «Христос и Антихрист» // Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра. Саратов, 2001. С. 14 – 20.

293.**Йованович М.** Об одном источнике «Облака в штанах» В. Маяковского // Рус. лит. Л., 1991. № 4. С. 119 – 123.

294.К истории парижского архива З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского. По материалам переписки В.А. Злобина с Б.И. Николаевским и М.С. Цетлиной / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. М.М. Павловой // Рус. лит. СПб., 2009. № 2. С. 207 – 223.

295.**Кабакова Е.Г.** Канонический текст Мережковского // Дергачевские чтения – 2000. В 2 ч. Екатеринбург, 2001. Ч. 2. С. 112 – 118.

296.**Кабакова Е.Г.** Культурологические сюжеты в критике Мережковского рубежа XIX – XX веков // Проблемы языкознания и литературоведения: динамический аспект. Пермь, 1999. С. 16 – 17.

297.**Кабакова Е.Г.** О книге Д.С. Мережковского «Лютер» // Екатеринбургский проповедник. Екатеринбург, 2000. Вып. 2. С. 54 – 73.

298.**Кабакова Е.Г.** Путь человека к богу в романе Д.С. Мережковского «Юлиан Отступник»: к проблеме творческой связи с Ф.М. Достоевским // Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк, 1998. С. 59 – 61.

299.**Кабакова Е.Г.** Экзистенциалы и архетипы в критике Д.С. Мережковского 1890 – 1900-х годов // Архетипические структуры художественного сознания. Вып. 2. Екатеринбург, 2001. С. 54 – 63.

300.**Каграманов Ю.** Божье и вражье. Вчитываясь в Мережковского // Континент. М., 1994. № 3 (81). С. 308 – 336.

301.**Казеева Е.А.** Драма П. Кальдерона «Поклонение кресту» в критическом осмыслении Д.С. Мережковского // Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование. Иркутск, 2009. С. 277 – 284.

302.**Казеева Е.А.** Жанр легенды в поэтическом творчестве Д.С. Мережковского (На примере «Родриго (Испанской легенды)» // Русская литература XX – XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. М., 2008. С. 342 – 345.

303.**Казеева Е.А.** Модернистская рецепция Кальдерона: «Вечные спутники» Д.С. Мережковского // Грехневские чтения. Н. Новгород, 2008. Вып. 5. С. 339 – 343.

304.**Казеева Е.А.** Образ Дон Кихота в очерке Д.С. Мережковского «Сервантес» // Литература в диалоге культур – 5. Ростов н/Д., 2007. С. 100 – 101.

305.**Казеева Е.А.** Образ Древней Греции в очерке Д.С. Мережковского «Акрополь» // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Тольятти, 2008. Ч. 2. С. 148 – 157.

306.**Казеева Е.А.** Образ Санчо Пансы в очерке Д.С. Мережковского «Сервантес» // Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе. М.; Магнитогорск, 2007. С. 178 – 181.

307.**Казеева Е.А.** Образ Франциска Ассизского в поэме Д. Мережковского «Франциск Ассизский. Легенда» // Русское литературоведение на современном этапе. В 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 54 – 57.

308.**Казеева Е.А.** Образная система трагедии Еврипида «Ипполит» в критическом осмыслении Д.С. Мережковского // Русско-зарубежные

литературные связи. Н. Новгород, 2008. Вып. 3. С. 82 – 85.

309.**Казеева Е.А.** Отражение специфики эпохи в новеллистике Д.С. Мережковского // Пушкинские чтения – 2008. СПб., 2008. С. 14 – 21.

310.**Казеева Е.А.** Религиозно-назидательная легенда в поэтическом творчестве Д.С. Мережковского (На примере стихотворения «Пастырь Добрый») // Литература и культура в контексте Христианства. Образы, символы, лики России. Ульяновск, 2008. Ч. 1. С. 78 – 82.

311.**Казеева Е.А.** Роман Мигеля де Сервантеса «Дон Кихот» в восприятии Д.С. Мережковского // Проблемы диалогизма словесного искусства. Стерлитамак, 2007. С. 164 – 166.

312.**Казеева Е.А.** Стилизация как прием воссоздания колорита эпохи в новелле Д.С. Мережковского «Любовь сильнее смерти» // Русская литература в формировании современной языковой личности. В 2 ч. СПб., 2007. Ч. I. С. 452 – 457.

313.**Казеева Е.А.** Творчество французских натуралистов и парнасцев в критической интерпретации Д.С. Мережковского // Литература в контексте современности. Челябинск, 2009. С. 161 – 163.

314.**Казеева Е.А.** Трагедия Софокла «Эдип-царь» в оценке Д.С. Мережковского // Experimenta Lucifera. Н. Новгород, 2009. Вып. 5. С. 221 – 224.

315.**Казеева Е.А.** Французская поэзия второй половины XIX века в критическом осмыслении Д.С. Мережковского // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. СПб., 2008. Т. 1. Ч. 1. С. 151 – 158.

316.**Казилина И.А.** Публикация романа Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)». Первые критические отзывы // Изв. Смоленского гос. ун-та. Смоленск, 2010. № 3. С. 56 – 65.

317.**Казюкевич А.** Г. Сенкевич и Д. Мережковский: два взгляда на одну проблему (христианское в романах «Quo vadis» и «Юлиан Отступник») //

Беларуска-руска-польскае супастауляльнае мовазнауства, літаратураразнауства, культуралогія. В 2 ч. Віцебск, 2003. Ч.1. С. 188 – 189.

318.**Казюкевич А.** О пространственно-временных структурах в романах Г. Сенкевича «Quo vadis» и Д. Мережковского «Юлиан Отступник» // Словесность и современность: В 3 ч. Пермь, 2000. Ч. 1. С. 179 – 187.

319.**Казюкевич А.** Пространство в романе Д. Мережковского «Воскресшие боги» («Леонардо да Винчи») // Studia Slavica II. Таллинн, 2001. С. 75 – 85.

320.**Казюкевич А.** Христианский код в романах Г. Сенкевича «Quo vadis» и Д. Мережковского «Юлиан Отступник» // Salīdzinošā literatūrzinātne Austrumeiropā un pasaulē. Rīga, 2001. Lpp. 65 – 72.

321.**Калинников Л.А.** Кант в поэзии и критике Д.С. Мережковского // Кантовский сборник. Калининград, 2005. Вып. 25. С. 86 – 118.

322.**Калинников Л.А.** Философская сказка с Кантом в виртуальном кругу мудрецов (И. Кант в поэзии Д.С. Мережковского) // Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии. Калининград, 2004. С. 130 – 141.

323.**Капустин Н.В.** Чехов за границей: особенности поведения // Художественное слово в пространстве культуры. Иваново, 2007. С. 204 – 214. [В частности, поведение Чехова в восприятии А. Суворина и Мережковских.]

324.**Kapuścik J.** «Л. Толстой и Достоевский» Дмитрия Мережковского: опыт «метафизической критики» // Slavia Orientalis. Kraków, 2006. Nr 1. S. 13 – 25.

325.**Кардаш Е.В.** Слово и реальность в поэтике Гоголя и Мережковского // Рус. лит. СПб., 2009. № 1. С.92 – 110.

326.**Карден П.** Мережковский и английский эстетизм. (По поводу книги «Л. Толстой и Достоевский») // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М.,

1999. С. 224 – 234.

327.**Карстен А.В.** Мотивная структура романов Б. Окуджавы в контексте творчества Д.С. Мережковского (на примере мотива крови) // Филол. этюды. Вып. 12. Ч. 1 – 2. Саратов, 2009. С. 191 – 195.

328.**Карстен А.В.** Художественное осмысление самодержавной власти в романах о декабристах («14декабря» Д. Мережковского и «Бедный Авросимов» Б. Окуджавы) // Институты власти в языке, литературе и журналистике России. Саратов, 2009. С. 105 – 115.

329.**Келдыш В.А.** Достоевский в критике Мережковского // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 207 – 223. [См. также: **Келдыш В.А.** Ф. Достоевский в критике Д. Мережковского // Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М., 2010. С. 467 – 479.]

330.**Келдыш В.А.** Наследие Достоевского и русская мысль порубежной эпохи // Связь времен. М., 1994. С. 78 – 115. [Ф. Достоевский в критике Д. Мережковского.]

331.**Кепещук Н.Б., Скосырских А.В.** Переломные этапы истории России в литературе. Отображение кризиса культуры и религии в романе Д.С.Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» // Кризис: гуманитарные стратегии преодоления. Тюмень, 2009. Т. 1. С. 265 – 270.

332.**Кипарский В.** О языке петровской эпохи в романе «Петр и Алексей» Д.С. Мережковского // Scando-slavica. T. 21. Copenhagen, 1975. P. 67 – 71.

333.**Киреев Р.** Дмитрий Мережковский: «Буду ждать вас, как чуда» // Наука и религия. М., 2001. № 7. С. 40 – 43.

334.**Клементьева Н.** «Пасторальный текст» в культурном пространстве 1913 года // Русская культура в текстах, образах, знаках 1913 года. Киров, 2003. Вып. 3. С. 60 – 63. [Осмысление поэтики пасторали в эссе Д. Мережковского «Дафнис и Хлоя» и сценографии М. Фокина (балет «Дафнис и Хлоя»).]

335.**Клинг О.А.** Брюсов в «Весах» (к вопросу о роли Брюсова в организации и издании журнала) // Из истории русской журналистики начала XX века. М., 1984. С. 160 – 186. [Д. Мережковский и др.]

336.**Kling O.** *Правда небесная* и *правда земная* в *Вишневом саде*: Чехов и русские символисты // Anton P. Čechov – der Dramatiker: Drittes internationales Čechov-Symposium Badenweiler im Oktober 2004. München; Berlin; Washington, D.C., 2012. S. 89 – 97. [Д. Мережковский и др.]

337.**Клишин А.В.** Соприкосновение противоположностей (Д. Мережковский и М. Гершензон в полемике о русской интеллигенции) // Серебряный век. Кемерово, 1996. С. 88 – 93.

338.**Ковальчук Т.Ю.** Категория времени в поэзии Д.С. Мережковского // Современные проблемы науки и образования. Магнитогорск, 2009. С. 250 – 251.

339.**Ковальчук Т.Ю.** Концепт «дом» в поэме Д.С. Мережковского «Старинные октавы» // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей. Магнитогорск, 2010. Вып. II. С. 101 – 105.

340.**Ковальчук Т.Ю.** Опыт художественного осмысления мира природы в ранней поэзии Д.С. Мережковского // Вестник Челябин. гос. ун-та. Вып. 40. Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2010. № 4 (185). С. 97 – 101.

341.**Ковальчук Т.Ю.** Структура художественного пространства в лирике Д.С. Мережковского 1880 – 1890-х годов // Вестник Челябин. гос. ун-та. Вып. 49. Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2010. № 34 (215). С. 55 – 59.

342.**Ковальчук Т.Ю.** Философско-эстетические поиски в ранней лирике Д.С. Мережковского // Наука – вуз – школа. Магнитогорск, 2009. Вып. 14. С. 175 – 178.

343.**Ковальчук Т.Ю.** Экзистенциальное восприятие времени в лирике Д.С. Мережковского 1880 – 1900-х гг. // Вестник МаГУ. Магнитогорск,

2010. Вып. 12. С. 24 – 27.

344.**Ковальчук Т.Ю.** Экзистенциальное пространство в лирике Д.С. Мережковского // Современные проблемы науки и образования. Магнитогорск, 2010. Ч. II. С. 29 – 31.

345.**Ковыршин М.А.** Д.С. Мережковский в контексте мировой литературы: Восток – Запад // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения. М., 2004. Вып. 9. С. 245 – 250.

346.**Ковыршин М.А.** Мифопоэтический аспект Религии Третьего Завета Д.С. Мережковского // От текста к контексту. Ишим, 2006. Вып. 5. С. 140 – 143.

347.**Ковыршин М.А.** «Религия Святого Духа» Д.С. Мережковского: символика идолопоклонства (на материале трилогии «Христос и Антихрист») // Вестник Самар. гос. ун-та. Гуманит. серия. Самара, 2007. № 5 (55). С. 42 – 51.

348.**Ковыршин М.А.** Религия Святого Духа Д.С. Мережковского: символика идолопоклонства // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусств. М., 2007. № 1 (17). С. 46 – 48.

349.**Ковыршин М.А.** Своеобразие языческой символики в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: религиозно-философский аспект // Актуальные проблемы современной науки. Самара, 2004. С. 16 – 20.

350.**Ковыршин М.А.** Символы языческой культуры в художественном мире трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Собор: Альманах религиоведения. Елец, 2004. Вып. 5. С. 201 – 223.

351.**Ковыршин М.А.** Соотношение религиозно-философских взглядов М. Пришвина и Д. Мережковского (к постановке проблемы) // Михаил Пришвин. Актуальные вопросы изучения творческого наследия. Елец, 2003. Вып. 2. С. 140 – 143.

352.**Колеров М.А.** «Вопросы жизни»: История и содержание // Логос. М.,

1991. № 2. С. 264 – 283. [Д. Мережковский и др.]

353.**Колеров М.А.** «Меч»: Мечта о журнале (1906) // Новое лит. обозрение. М., 1994. № 7. С. 307 – 313. [Д. Мережковский и др.]

354.**Колобаева Л.А.** Мережковский-романист // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1991. Т. 50. № 5. С. 445 – 453. [См. также: **Колобаева Л.А.** Тотальное единство художественного мира. (Мережковский-романист) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 5 – 18; **Колобаева Л.А.** Мережковский-романист // Русский символизм. М., 2000. С. 238 – 256; Колобаева Л.А. Метафизика истории в романах Д. Мережковского // **Колобаева Л.А.** Философия и литература: параллели, переклички и отзвуки (Русская литература XX века). М., 2013. С. 30 – 51.]

355.**Колоницкий Б.И.** А.Ф. Керенский и круг Мережковских (1917 год) // Петроградская интеллигенция в 1917 году. М.; Л., 1990. С. 53 – 82.

356.**Колоницкий Б.И.** А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Лит. обозрение. М., 1991. № 3. С. 98 – 106.

357.**Колядич Т.М.** Своеобразие интерпретации образа Иисуса в книге Д. Мережковского «Иисус Неизвестный» // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. В 2 ч. М., 2003. Ч. I. С. 125 – 128.

358.**Кондаков И.В.** К феноменологии «грядущего хамства» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 150 – 163.

359.**Коптелова Н.Г.** А.П. Чехов в восприятии Д.С. Мережковского (1908 – 1914 гг.) // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2006. № 1. С. 129 – 133.

360.**Коптелова Н.Г.** А.П. Чехов в восприятии Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус (1880 – 1900 гг.) // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2005. № 6. С. 46 – 50.

361.**Коптелова Н.Г.** Биография Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в интерпретации Д.С. Мережковского // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2009. № 3. С. 104 – 108.

362.**Коптелова Н.Г.** Варианты мифа о поэте в эссе Д.С. Мережковского «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» и в лирическом цикле М.И. Цветаевой «Стихи к Блоку» // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2004. № 6. С. 37 – 42.

363.**Коптелова Н.Г.** «Воспоминание» о Пушкине в книге Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» // Память литературы и память культуры: Механизмы, функции, репрезентации. Воронеж, 2009. С. 74 – 84.

364.**Коптелова Н.Г.** Г.И. Успенский в восприятии Д.С. Мережковского и В.В. Розанова // Энтелехия. Кострома, 2006. № 13. С. 58 – 65.

365.**Коптелова Н.Г.** Д. Мережковский о Н. Некрасове // Н.А. Некрасов: современное прочтение. К 180-летию со дня рождения русского национального поэта. Кострома, 2002. С. 105 – 117.

366.**Коптелова Н.Г.** Д.С. Мережковский в диалоге с Ф.И. Тютчевым // Диалог культур – культура диалога. Кострома, 2010. С. 224 – 227.

367.**Коптелова Н.Г.** Д.С. Мережковский о «диалоге культур» в творчестве А.С. Пушкина (на материале литературно-критических статей из книги «Вечные спутники») // Диалог культур – культура диалога. Кострома, 2007. С. 159 – 164.

368.**Коптелова Н.Г.** Д.С. Мережковский о духовных основах творчества А.С. Пушкина (на материале литературно-критических статей 1880-х – 1890-х годов) // Духовно-нравственные основы русской литературы. В 2 ч. Кострома, 2007. Ч. 1. С. 293 – 303.

369.**Коптелова Н.Г.** Диалогический контекст литературной критики Д.С. Мережковского (на материале статей о Чехове) // Куприяновские чтения – 2005. Иваново, 2006. С. 32 – 42.

370.**Коптелова Н.Г.** Диалогическое начало в литературной критике Д.С. Мережковского (на материале статей о Г.И. Успенском) // Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы. Кострома,

2006. С. 128 – 132.

371.**Коптелова Н.Г.** З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский об А.П. Чехове (Материалы к культурологическому уроку) // Культурологический подход к преподаванию литературы в современной школе. Иваново, 2005. С. 76 – 86.

372.**Коптелова Н.Г.** И.С. Тургенев в восприятии Д.С. Мережковского (1890 – 1900 гг.): Статья первая // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2004. № 3. С. 78 – 83.

373.**Коптелова Н.Г.** И.С. Тургенев в восприятии Д.С. Мережковского (1910 гг.): Статья вторая // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2004. № 5. С. 55 – 61.

374.**Коптелова Н.Г.** И.С. Тургенев в критике Д.С. Мережковского // Содержание и технологии литературного образования в средней школе: проблемы анализа художественного текста. Иваново, 2004. С. 115 – 133.

375.**Коптелова Н.Г.** И.С. Тургенев в рецепции Д.С. Мережковского // Актуальные проблемы истории, теории и преподавания русской литературы. Самара, 2008. С. 202 – 218.

376.**Коптелова Н.Г.** К вопросу об особенностях критического метода Д.С. Мережковского (на материале эссе «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества») // Энтелехия. Кострома, 2005. № 10. С. 84 – 89.

377.**Коптелова Н.Г.** К вопросу о *диалогичности* критического мышления Д.С. Мережковского (на материале статей о Чехове) // Диалог культур – культура диалога. В 2 ч. Кострома, 2005. Ч. 1. С. 117 – 122.

378.**Коптелова Н.Г.** Лермонтов в рецепции Д.С. Мережковского (на материале литературно-критических работ <18>90 – <1>900 годов) // Русская литература XIX – XX веков в современном мире. Кострома, 2009. С. 211 – 218.

379.**Коптелова Н.Г.** Личность и творчество Г.И. Успенского в рецепции Д.С. Мережковского // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова.

Кострома, 2006. № 8. С. 80 – 85.

380.**Коптелова Н.Г.** Личность и творчество А.С. Пушкина в оценке Д.С. Мережковского //Литература и личность: методический и литературоведческий аспекты. В 2 ч. Иваново, 2008. Ч. 1. С. 3 – 14.

381.**Коптелова Н.Г.** Миф о Пушкине в книге Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» // Энтелехия. Кострома, 2007. № 15. С. 196 – 201.

382.**Коптелова Н.Г.** Мифологизация образа поэта в эссе Д.С. Мережковского «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» и в лирическом цикле М.И. Цветаевой «Стихи к Блоку» // Художественный текст и культура [Вып.] 6. Владимир, 2006. С. 85 – 90.

383.**Коптелова Н.Г.** О специфике речевой организации литературно-критических статей Д.С. Мережковского // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2007. Т. 13: спец. выпуск. С. 127 – 130.

384.**Коптелова Н.Г.** О художественном начале в критике Д.С. Мережковского (на материале статей 1890 – 1910 годов) // Золотые научные страницы. Кострома, 2009. № 1. С. 90 – 96.

385.**Коптелова Н.Г.** Очерки Г.И. Успенского в интерпретации Д.С. Мережковского // Проблемы школьного и вузовского анализа литературного произведения в жанрово-родовом аспекте: теория, содержание, технологии. Иваново, 2006. С. 94 – 105.

386.**Коптелова Н.Г.** Плещеев и Мережковские // А.Н. Плещеев и русская литература. Кострома, 2006. С. 122 – 138.

387.**Коптелова Н.Г.** Пушкин и Гоголь в рецепции Д.С. Мережковского (на материале критического исследования «Гоголь и черт») // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2008. № 4. С. 177 – 180.

388.**Коптелова Н.Г.** Розанов и Мережковский: диалог о Тургеневе // Энтелехия. Кострома, 2004. № 9. С. 107 – 111.

389.**Коптелова Н.Г.** Розанов и Мережковские: диалог о Чехове // Вестник развития науки и образования. М., 2006. № 6. С. 130 – 145.

390.**Коптелова Н.Г.** Статья «Праздник Пушкина» Д.С. Мережковского в контексте духовных исканий литературной критики XIX – начала XX веков // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома, 2009. С. 201 – 208.

391.**Коптелова Н.Г.** Творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в интерпретации Д.С. Мережковского // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. Воронеж, 2010. № 1. С. 37 – 44.

392.**Коптелова Н.Г.** Творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в рецепции Д.С. Мережковского (на материале статей 1890 годов) // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2009. № 2. С. 64 – 69.

393.**Коптелова Н.Г.** Чехов в восприятии В. Розанова и Мережковских // Энтелехия. Кострома, 2005. № 11. С. 91 – 96.

394.**Коренева М.Ю.** Д.С. Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории междунар. связей рус. лит. Л., 1991. С. 44 – 76.

395.**Коренева М.Ю.** Судьба книги Д.С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» в Германии // Толстой или Достоевский? Философско-эстетические искания в культурах Востока и Запада. СПб., 2003. С. 57 – 64.

396.**Корецкая И.В.** «Грядущий Хам» Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 136 – 149. [См. также: **Корецкая И.В.** Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 184 – 198.]

397.**Кормилов С.И.** В.В. Розанов, В.С. Соловьев и Д.С. Мережковский о Пушкине-картежнике // Энтелехия. Кострома, 2005. № 11. С. 69 – 74.

398.**Кормилов С.И.** Метризованная проза в киносценариях

Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус // Проблемы поэтики и стиховедения. Алма-Аты, 2003. Ч. I. С. 293.

399.**Королева Н.В.** [Вступительная статья к публикации:] *Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н.* Борис Годунов. Неизвестный вариант киносценария // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 9 – 14.

400.**Королева Н.В.** Киносценарии в творческой системе Д. Мережковского и З. Гиппиус // Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 398 – 416.

401.**Королева Н.В.** О книге Мережковского «Было и будет. Дневник 1910 – 1914» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 164 – 177.

402.**Королева Н.Р.** Античность и христианство в восприятии Д. Мережковского и Ф. Ницше // На рубежах эпох: стиль жизни и парадигмы культуры. М., 2004. Вып. 1. С. 118 – 123.

403.**Коростелев О.А.** «А в книгах нет почти ничего» (Г.В. Адамович о Д.С. Мережковском) // Лит. учеба. М., 2008. № 2. С. 163 – 165.

404.**Коростелев О.А.** Главная трилогия Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Собр. соч. Тайна трех. М., 1999. С. 603 – 606.

405.**Коростелев О.А.** Мережковский в эмиграции // Литературовед. журн. М., 2001. № 15. С. 3 – 17 [см. то же: **Коростелев О.А.** «Россия без свободы для меня невозможна...»: Статьи Мережковского эмигрантского периода // Мережковский Д.С. Царство Антихриста. СПб., 2001. С. 560 – 582; а также в кн.: **Коростелев О.А.** От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб., 2013. С. 149 – 164.]

406.**Коростелев О.А.** Последние трилогии Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Собр. соч. Реформаторы. Испанские мистики. М., 2002. С. 538 – 542.

407.**Коростелев О.А.** Философская трилогия Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Собр. соч. Лица святых от Иисуса к нам. М., 1997. С. 360 – 365.

408.**Коростелев О.А., Ермишин О.Т.** Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): Вехи истории, тематика заседаний, дискуссии // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907 – 1917: В 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 5 – 26. [Д. Мережковский и др.]

409.**Корочкина Е.В.** Евангельские тексты в историческом романе Д.С. Мережковского // Вузовская наука в современных условиях. Ульяновск, 2003. С. 84.

410.**Корочкина Е.В.** Идея богочеловека В.С. Соловьева в философских воззрениях Д.С. Мережковского // Вопр. филологии и книжного дела. Ульяновск, 2004. С. 33 – 36.

411.**Корочкина Е.В.** Мотив пути в романе Д.С. Мережковского «Петр и Алексей» // Образ России в отечественной литературе от «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона до «Пирамиды» Л.М. Леонова: движение к многополярному миру. Ульяновск, 2009. С. 79 – 83.

412.**Корочкина Е.В.** Образ Иисуса Христа в ранних романах Д.С. Мережковского // Вопр. филологии: Литературоведение. Языкознание. Ульяновск, 2002. С. 31 – 36.

413.**Корочкина Е.В.** Представление о провинции в художественном сознании Д.С. Мережковского // Духовная жизнь провинции: Образы. Символы. Картина мира. Ульяновск, 2003. С. 61 – 65.

414.**Корочкина Е.В.** Природа символа в творчестве Д.С. Мережковского // Литература и культура в контексте Христианства. Ульяновск, 2005. С. 119 – 123.

415.**Корочкина Е.В.** Провинция и провинциальность в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Литература XI –

XXI вв.: Национально-художественное мышление и картина мира. В 2 ч. Ульяновск, 2006. Ч. 1. С. 116 – 120.

416.**Корочкина Е.В.** Стихотворение Д.С. Мережковского «Бог» в контексте русской литературной традиции // Россия: культура, история, социум. Ульяновск, 2004. С. 9 – 13.

417.**Корочкина Е.В.** Феномен провинции в художественной картине мира Д.С. Мережковского // Вестник Башкир. ун-та. Уфа, 2008. Т. 13. № 1. С. 97 – 99.

418.**Корочкина Е.В.** Франциск Ассизский в художественном сознании Д.С. Мережковского // Вестник Ульян. гос. тех. ун-та. Ульяновск, 2005. № 4. С. 4 – 6.

419.**Корочкина Е.В.** Элементы житийного жанра в трилогии Д.С. Мережковского «Лица святых от Иисуса к нам» // Вопр. филологии и книжного дела. Ульяновск, 2007. С. 85 – 91.

420.**Корчинская И.Я.** Западноевропейские традиции в «итальянских» новеллах Д.С. Мережковского // Традиции в русской литературе. Н. Новгород, 2002. С. 175 – 182.

421.**Корчинская И.Я.** «Итальянские новеллы» Д.С. Мережковского как цикл // Современные проблемы филологии. Улан-Удэ, 2003. С. 105 – 107.

422.**Костюков С.** Духовность // душевность: два типа творческого лица (о Чехове и Мережковском) // Молодые исследователи Чехова [Вып.] 3. М., 1998. С. 228 – 233.

423.**Кошарный В.П.** Религиозно-революционная теория Д.С. Мережковского: предпосылки и основные идеи // Из истории русской философии. М., 1993. С. 3 – 33.

424.**Красильникова М.Ю.** Кризис ницшеанства в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Глобальный кризис: метакультурные исследования. В 2 т. Шуя, 2006. Т. II. С. 76 – 82.

425.**Красильникова М.Ю.** Миф о титане: Образ-миф Леонардо да Винчи в

наследии Д.С. Мережковского // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2006. № 6. С. 162 – 164.

426.**Криволапова Е.М.** Иоахим Флорский и религия Третьего Завета З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского // Время и человек в зеркале гуманит. исследований. В 2 т. Курск, 2003. Т. 1. С. 245 – 250.

427.**Кричевская Ю.Р.** Символизм и творчество Д.С. Мережковского // Русская культура и мир. Н. Новгород, 1993. С. 201 – 203.

428.**Кричевская Ю.Р.** Черты критического метода Д.С. Мережковского: Статья «М.Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества» // Русская литературная критика серебряного века. Новгород, 1996. С. 71 – 73.

429.**Круглов О.Ю.** Историческая реальность и художественный вымысел в романе Д.С. Мережковского «Петр и Алексей» // Проблемы эволюции русской литературы XX века. М., 1994. С. 112 – 114.

430.**Круглов О.Ю.** Исторические источники драмы Д.С. Мережковского «Павел I» // Проблемы художественного метода, жанра, стиля в русской литературе. М., 1995. С. 44 – 51.

431.**Круглов О.Ю.** К вопросу об исторических источниках драмы Д.С. Мережковского «Павел I» // Проблемы эволюции русской литературы XX века. М., 1995. Вып. 2. С. 113 – 115.

432.**Круглов О.Ю.** О месте исторических реалий в творчестве Д.С. Мережковского (роман «Петр и Алексей») // Фольклор. Литература (теория, история, методика). М., 1995. С. 113 – 137.

433.**Крутоус В.П.** Смена поколений и жанр «духовных завещаний» в русской культуре конца XIX – первой трети XX в.: Презентация жанра // Поколение в социокультурном контексте XX века. М., 2005. С. 406 – 425. [Статьи Вл. Соловьева «Лермонтов», В. Розанова «Вершины тысячелетней пирамиды», В. Короленко «Война, отечество и человечество» и Д. Мережковского «Грядущий Хам» с точки зрения жанровой традиции «духовного завещания».]

434.**Крылов В.Н.** Д.С. Мережковский о «миросозерцании» Пушкина // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Казань, 1998. Т. 136. С. 64 – 70.

435.**Крючков В.** О «праздной мозговой игре» в «Санкт-Питер-Бурхе» Б.А. Пильняка // Вопр. лит. М., 2005. № 2. С. 66 – 110. [Рассказ Б. Пильняка «Санкт-Питер-Бурх» в контексте «петербургского текста» русской литературы (А. Белый, Д. Мережковский, М. Горький).]

436.**Кузина Н.В.** Образ Иоанна Крестителя в поэзии и прозе революционной эпохи // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности. Смоленск, 2001. С. 159 – 170. [Д. Мережковский и др.]

437.**Кузнецова Н.В.** История в романах Д.С. Мережковского и В.Я. Брюсова // Вестник Ун-та Рос. академии образования. М., 2005. № 1. С. 68 – 73.

438.**Кузнецова Н.В.** Концепт творчества в романах Д.С. Мережковского и П. Лагерквиста ("Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)", "Карлик") // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности. М., 2007. С. 221 – 230.

439.**Кузнецова Н.В.** «Лабиринт» и «мистерия» как принципы построения книги Д.С. Мережковского «Тайна Трех. Египет и Вавилон» // Вопр. филол. наук. М., 2004. № 6. С. 12 – 17.

440.**Кузнецова Н.В.** Особенности художественного времени в романе Д.С. Мережковского «Рождение богов (Тутанкамон на Крите)» // Вопр. гуманит. наук. М., 2004. № 6. С. 106 – 110.

441.**Кузнецова Н.В.** Проблемы ответственности и жертвы в творчестве Д.С. Мережковского («Рождение богов. Тутанкамон на Крите») // Русское литературоведение в новом тысячелетии. В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 108 – 109.

442.**Кузнецова Н.В.** Символ молнии в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» // Русское литературоведение в новом тысячелетии. В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 98 – 101.

443.**Кулагин А.** Тайная свобода. Заметки о «возвращенной» Пушкиниане // Лит. обозрение. М., 1990. № 8. С. 29 – 34. [А. Пушкин в интерпретации Д. Мережковского и др.]

444.**Кулешова О.В.** «Живо сердце России» (Мережковский-критик в эмиграции) // Литературовед. журн. М., 2001. № 15. С. 100 – 107.

445.**Кулешова О.В.** Классика и современность в оценке Д.С. Мережковского // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920 – 1930-х годов. М., 2005. Ч. 1. С. 60 – 71.

446.**Кулешова О.В.** Концепция философского романа в творчестве Д.С. Мережковского // Культурология. М., 2009. № 4. С. 137 – 152.

447.**Кулешова О.В.** Особенности философской концепции Д.С. Мережковского в период эмиграции // Культурология. М., 2010. № 2. С. 149 – 169.

448.**Кулешова О.В.** Третий завет Д.С. Мережковского в контексте мировой культурной традиции // Человек: образ и сущность. Гуманит. аспекты. Диалог культур. М., 2004. С. 86 – 111.

449.**Кумпан К.А.** Д.С. Мережковский-поэт (у истоков «нового религиозного сознания») // Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 5 – 114.

450.**Купцова И.В.** Д. Мережковский и А. Белый о «Вехах» // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. Екатеринбург, 1998. С. 37 – 38.

451.**Купцова И.В.** Духовные искания Д. Мережковского (по материалам «Записных книжек» 1891 г.) // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Иваново, 1998. С. 378 – 380.

452.**Курков И.Н.** «Триумвират» // Здабыткі: Дакум. помнікі на Беларусі. Мінск, 2001. Вып. 4. С. 149 – 164. [Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов, а также В. Злобин в литературно-общественной жизни Минска 1920 г.]

453.**Кушкова А.В.** Отражение событий первой русской революции в дневниках и письмах А.А. Блока и Д.С. Мережковского // Путь в науку. Ярославль, 2001. Вып. 6. С. 31 – 33.

454.**Кшицова Д.** Итальянское Возрождение в творчестве Д.С. Мережковского // Litteraria Humanitas V. Brno, 1998. С. 110 – 121.

455.**Лавров А.В.** Архив П.П. Перцова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1973. Л., 1976. С. 25 – 50. [Д. Мережковский и др.]

456.**Лавров А.В.** Д.С. Мережковский в эмиграции: публицистика // Литература русского зарубежья (1920 – 1940-е годы): Взгляд из XXI века. СПб., 2008. С. 8 – 13.

457.**Лавров А.В.** История как мистерия: Египетская дилогия Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Мессия. СПб., 2000. С. 5 – 27. [См. также: **Лавров А.В.** История как мистерия. Египетская дилогия Д.С. Мережковского // Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 440 – 454.]

458.**Лавров А.В.** Наполеон Неизвестный Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Наполеон. СПб., 1998. С. 5 – 26. [См. также: **Лавров А.В.** Наполеон Неизвестный Д.С. Мережковского // Лавров А.В. Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 427 – 439.]

459.**Лагашина О.** Два Наполеона: К проблеме «Алданов и Мережковский» // Studia Slavica III. Таллинн, 2003. С. 167 – 175.

460.**Лагашина О.** Заглавие, или Некоторые черты из жизни исторического романа // Рус. филология. Тарту, 2004. № 15. С. 68 – 73. [О поэтике заглавий исторических романов М. Алданова и Д. Мережковского.]

461.**Леденев А.В.** Литературные группировки в русском символизме первой половины 1900-х годов // Из истории русской литературы конца XIX – начала XX века. М., 1988. С. 91 – 104. [Д. Мережковский и др.]

462.**Лекманов О.А.** Пушкинская речь Блока: Контекст и подтексты // И время и место: Ист.-филол. сборник к шестидесятилетию А.Л. Осповата.

М., 2008. С. 479 – 486. [Скрытые отсылки к статье Д. Мережковского «Пушкин» в блоковском тексте.]

463.**Лекманов О.А.** Тынянов и Мережковский // Тыняновский сборник. М., 2009. Вып. 13. С. 237 – 241.

464.**Лекманов О.А.** Шустовский спотыкач, мюнхенское пиво и Д.С. Мережковский // Новое лит. обозрение. М., 1998. № 30. С. 268 – 270.

465.**Лещенко Л.** Вопрос польско-русского примирения в философско-религиозном творчестве Дмитрия Мережковского // Literatury Słowian Wschodnich. Tendencje rozwojowe, przewartościowania. Zielona Góra, 1999. S. 1 – 7.

466.**Лещенко Л.** Восприятие и интерпретация религиозно-философских идей Дмитрия Мережковского в Польше // Русская литература XX века в контексте мировой литературы: VI Крымские международные Шмелевские чтения. Алушта, 1997. С. 239 – 240.

467.**Лещенко Л.** «Польская эра» Дмитрия Мережковского (1920 год) // Przegląd Rusycystyczny. Katowice, 1999. Nr 3 – 4. S. 39 – 53.

468.**Ломинадзе С.** Вместо послесловия // Вопр. лит. М., 1989. № 10. С. 123 – 131. [О статье Д. Мережковского «М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества».]

469.**Лопатина О.В.** Д.С. Мережковский о мессианской роли России и Польши // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 2005. Вып. 7. С. 107 – 119.

470.**Лузина Т.И.** Тема народного богоискания в русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право. СПб., 1997. Вып. 4. С. 37 – 42. [Д. Мережковский и др.]

471.**Лузина Т.И.** «Я» Н. Бердяева versus «Мы» Д. Мережковского (о неохристианстве с позиции экзистенциальной философии) // Я и МЫ: история, психология, перспективы. СПб., 2002. С. 40 – 43.

472.**Лурье Я.С.** Лев Толстой и мыслители «серебряного века» // Звезда. СПб., 1993. № 7. С. 173 – 183. [Д. Мережковский и др.]

473.**Лысов А.** Последний автограф: О романе Л.М. Леонова «Пирамида» // Literatura. Vilnius, 2001. № 41 – 43 (2). С. 15 – 50. [В частности, философская проблематика романа Л. Леонова в свете апокалиптики Д. Мережковского.]

474.**Лю Кунь.** Об антропологическом значении исторических романов Д. Мережковского: На примере египетской дилогии // Объед. науч. журн. М., 2007. № 13. С. 37 – 41.

475.**Любимова Е.** Трилогия «Христос и Антихрист» // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 2. С. 760 – 764.

476.**Любимова Е.** Трилогия «Царство Зверя» // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 657 – 661.

477.**Ляшева Р.** Точка бифуркации // Лит. Россия. М., 2007. № 12. С. 10. [Д. Мережковский и А. Лосев в истории культуры Серебряного века.]

478.**Магомедова Д.М.** Блок в полемике с Мережковским в 1917 – 1918 гг. // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 274 – 279.

479.**Магомедова Д.М.** О Д.С. Мережковском и его романе «Юлиан Отступник» // Мережковский Д.С. Смерть богов: Юлиан Отступник. М., 1993. С. 3 – 14.

480.**Мазунин А.И.** Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 408 – 409. [«Протопоп Аввакум» Д. Мережковского.]

481.**Макаров В.** Журавли над Атлантидой // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. М., 2011. Т. 1. С. 5 – 28.

482.**Максимов Д.** «Новый путь» // **Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.** Из прошлого русской журналистики: статьи и материалы. Л., 1930. С. 129 – 254. [Д. Мережковский и др.]

483.**Максимов Д.** «Северный вестник» и символисты // **Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.** Из прошлого русской журналистики: статьи и материалы. Л., 1930. С. 88 – 92, 106, 108, 114, 118 – 119, 122 – 124. [Д. Мережковский и «Северный вестник».]

484.**Максимов П.С.** «Грядущий Хам» Д.С. Мережковского и тенденции развития культуры в условиях глобализации // 100 лет Серебряному веку. М., 2001. С. 75 – 80.

485.**Малашонок М.Г.** Д.С. Мережковский как литератор и религиозный деятель // Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Тамбов, 2007. Вып. 9 (53). С. 162 – 165.

486.**Малашонок М.Г.** Проблема синтеза религии и культуры в понимании Д.С.Мережковского // Вестник Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Тамбов, 2007. Вып. 12 (56). С. 74 – 79.

487.**Markov V.F.** Цитатная проза у Мережковского // Studia linguistica Alexandro Vasillii filio Issatschenko a collegis amicique oblata. Lisse, 1978. P. 253 – 262.

488.**Маркович В.М.** Миф о Лермонтове на рубеже XIX – XX веков // Russian Literature. Amsterdem, 1995. Vol. XXXVIII. № 2. P. 157 – 188. [Д. Мережковский и др. См. также: **Маркович В.М.** Миф о Лермонтове на рубеже XIX – XX веков // Имя – сюжет – миф. СПб., 1996. С. 115 – 139.]

489.**Марченко Т.В.** «В конце концов будем надеяться»: Несостоявшаяся Нобелевская премия // Литературовед. журн. М., 2001. № 15. С. 61 – 99. [Д. Мережковский и др.]

490.**Марченко Т.В.** В ожидании чуда (нобелевские мытарства Дмитрия Мережковского) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 2000. Т. 59. № 1. С. 25 – 35.

491.**Матич О.** Христианство Третьего Завета и традиция русского утопизма // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 106 – 118.

[См. также: **Matich O.** The Merezhkovskys' Third Testament and the Russian utopian tradition // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. II: Russian Culture in Modern Times. Berkeley, 1994. P. 158 – 171.]

492.**Махрина И.А.** Религиозно-философские искания в творчестве поэтов-символистов // Славянские чтения – 2008. Старый Оскол, 2008. С. 197 – 200. [Д. Мережковский и др.]

493.**Мезенцева А.С.** Мотив бала у сатаны: В.Я. Брюсов «Огненный ангел», Д.С. Мережковский «Воскресшие боги» // Littera Terra. Екатеринбург, 2008. Вып. 4. С. 198 – 202.

494.**Мень А.** Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гиппиус: Лекция, прочитанная в 1989 году // Рус. мысль. Париж, 1994. № 4055. С. 17; № 4056. С. 17.

495.**Миночкина Л.И.** А.А. Григорьев и русская философская мысль рубежа XIX – XX веков (Д.С. Мережковский) о творчестве И.С. Тургенева // Проблемы изучения литературы и фольклора: Ист., культурол. и теорет. подходы. Челябинск, 2008. Вып. 9. С. 107 – 115.

496.**Миночкина Л.И.** Психологический метод: творчество И.А. Гончарова в интерпретации «субъективно-художественной» критики Д.С. Мережковского // Проблемы изучения литературы. Анализ художественного текста: исследования и методика. Челябинск, 2002. Вып. III. С. 45 – 51.

497.**Миночкина Л.И.** Сюжетная линия Онегин – Татьяна Ларина в интерпретации критика-философа Д.С. Мережковского // Проблемы изучения литературы. Челябинск, 2000. Вып. II. С. 71 – 77.

498.**Миночкина Л.И.** У истоков современного прочтения творчества И.А. Гончарова (Мережковский о Гончарове) // Литература в контексте современности. Челябинск, 2002. С. 55 – 60.

499.**Минц З.Г.** А. Блок в полемике с Мережковскими // Блоковский сборник. [Вып.] 4: Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Тарту,

1981. С. 116 – 222. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 535). [См. также: **Минц З.Г.** Блок в полемике с Мережковскими // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 537 – 620.]

500.**Минц З.Г.** О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 459. Тарту, 1979. С. 101 – 104. [См. также: **Минц З.Г.** О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 59 – 96.]

501.**Минц З.Г.** О трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Мережковский Д.С. Христос и Антихрист: Трилогия. М., 1989. Т. 1. С. 5 – 26. [См. также: **Минц З.Г.** О трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 223 – 241.]

502.**Минц З.Г.** У истоков «символистского Пушкина» // Пушкинские чтения в Тарту. Таллин, 1987. С. 72 – 76. [См. также: **Минц З.Г.** У истоков «символистского Пушкина» // Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 146 – 149.]

503.**Митина Н.Г.** Проект «Третьего царства» Д.С. Мережковского // В мире научных открытий. Красноярск, 2010. № 3 – 4. С. 12 – 16.

504.**Михайлов О.Н.** Венок Мережковскому // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 662 – 666.

505.**Михайлов О.Н.** Мережковский – исторический романист // Мережковский Д.С. Александр Первый. М., 1994. С. 5 – 24.

506.**Михайлов О.Н.** О Д.С. Мережковском и этой книге // Мережковский Д.С. 14 декабря: Роман; Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский: Воспоминания. М., 1991. С. 3 – 8.

507.**Михайлов О.Н.** Пленник культуры // Мережковский Д.С. Павел I. Александр I. Больная Россия: Драма для чтения. Роман. Эссе. М., 1989. С. 4 – 24.

508.**Михайлов О.Н.** Пленник культуры (о Д.С. Мережковском и его романах) // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 3 – 22. [См. также: **Михайлов О.Н.** Пленник культуры (о Д.С. Мережковском и его романах) // Мережковский Д.С. Александр Первый: Роман. Тула, 1993. С. 440 – 446. **Михайлов О.Н.** Пленник культуры (о Д.С. Мережковском и его романах) // Мережковский Д.С. Петр и Алексей. М., 1994. С. 3 – 24.]

509.**Михайлова И.М.** Миф о Павле I в одноименной драме Д.С. Мережковского // Sciences and humanities: современное гуманит. знание как синтез наук. Мосты памяти. СПб., 2005. С. 156 – 161.

510.**Михайлова И.М.** Миф о Петре I в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Герменевтика в гуманит. знании. СПб., 2006. С. 117 – 120.

511.**Михайлова И.М.** Принцип двоения в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. СПб., 2007. Вып. 1. Ч. 1. С. 15 – 18. [См. то же: Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья: Сборник статей и материалов: Памяти Л.А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2010. С. 321 – 325.]

512.**Михайлова И.М.** Проблема двойничества в художественно-философской концепции романа Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Живое русское слово. СПб., 2006. С. 71 – 74.

513.**Михайлова И.М.** Традиции и новаторство в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Материалы XXXV междунар. филол. конф. Вып. 17. История русской литературы. СПб., 2006. С. 138 – 145.

514.**Михайлова Л.Е.** Теория символа в работах конца XIX – начала XX в. // Риторика и интерпретация. Тверь, 2004. Вып. 1. С. 117 – 120. [Д. Мережковский и др.]

515.**Михайлова М.В.** Троцкий о Мережковском // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 326 – 336.

516.**Михайлович Г.Ф.** Критика взглядов русских идеалистов на роль интеллигенции в общественном развитии и современность // История философии и современная идеологическая борьба. Новосибирск, 1981. С. 134 – 150. [Д. Мережковский и др.]

517.**Михин А.Н.** Государь и цесаревич в драме «Павел I» Д.С. Мережковского // «Благословенны первые шаги...». Магнитогорск, 1997. С. 32 – 50.

518.**Михин А.Н.** Концепция и архитектоника романа Д.С. Мережковского «Александр I» // «Благословенны первые шаги...». Магнитогорск, 1999. Вып. II. С. 35 – 44.

519.**Михин А.Н.** Русская национальная картина мира и принципы создания художественной картины мира в творчестве Д.С. Мережковского // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира. В 2 ч. Магнитогорск, 2007. Ч. I. С. 183 – 207.

520.**Михин А.Н.** Специфика художественного времени в романе Д.С. Мережковского «Александр I» // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2006. Вып. XVI/2. С. 310 – 315.

521.**Млечко А.В.** До и после Апокалипсиса: мифологическая символика Д.С. Мережковского в «русском тексте» «Современных записок» // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Волгоград, 2005. Вып. 4. С. 64 – 73.

522.**Млечко А.В.** Романная дилогия Д.С. Мережковского «Рождение богов – Мессия» и «русский текст» «Современных записок» // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Волгоград, 2005. С. 736 – 741.

523.**Мнухин Л.** Когда же скончался Д.С. Мережковский? // Рус. мысль. Париж, 1998. № 4216. С. 10.

524.**Мозговая Э.Я.** В.С. Соловьев и Д.С. Мережковский: грани соприкосновения // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1996. Вып. XIX. С. 112 – 125.

525.**Морозова И.Н.** Христианская культура как ценность в отечественной философии конца XIX – начала XX веков // Ценности интеллигибельного мира. Магнитогорск, 2006. Вып. 3: В 2 т. Т. 2. С. 112 – 122. [Д. Мережковский и др.]

526.**Москвина И.К.** Город-символ: образ Петербурга в творчестве Д.С. Мережковского // Город и культура. СПб., 1992. С. 147 – 152.

527.**Москвина И.К.** Критика «буржуазности» и «духовного мещанства» у Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова // Сборник науч. трудов. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К. Крупской. Л., 1989. Т. 130. С. 156 – 165.

528.**Москвичев В.Н.** Образ и идеи Франциска Ассизского в художественном сознании писателей серебряного века (Д.С. Мережковский, С.М. Соловьев и др.) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. М., 2010. № 1. С. 200 – 203.

529.**Москвичев В.Н.** Образы христиан в романе Д.С. Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)» // Наука: 21 век. Саратов, 2008. № 1. С. 93 – 97.

530.**Москвичев В.Н.** Проблематика и жанровое своеобразие малой прозы Д.С. Мережковского 1890-х – начала 1900-х годов (цикл «Итальянские новеллы») // Изучение литературы в вузе. Саратов, 2007. Вып. 6. С. 82 – 87.

531.**Московкина И.И.** Евангельские истории Л. Андреева и «Иисус Неизвестный» Д. Мережковского // Вісник Харківського національного

університету імені В.Н. Каразіна. Сер. філологія. Харків, 2007. № 765. Вип. 50. С. 130 – 132.

532.**Мстиславская Е.П.** Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус: Лирический диалог (1889 – 1903) // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 244 – 261.

533.**Муриков Г.** К неведомому богу (Дмитрий Мережковский: исповедание Третьего Завета) // **Муриков Г.** Падение Вавилонской башни. СПб., 2009. С. 39 – 69.

534.**Муртузалиева Е.А.** Д.С. Мережковский и В.С. Соловьев о М.Ю. Лермонтове // Вестник Дагестан. гос. ун-та. Махачкала, 2005. № 6. С. 40 – 45.

535.**Муртузалиева Е.А.** Д.С. Мережковский о И.С. Тургеневе // Вестник Дагестан. гос. ун-та. Махачкала, 2006. № 6. С. 28 – 32.

536.**Муртузалиева Е.А.** Критический очерк Д.С. Мережковского «Майков»: проблематика и критические оценки // Вестник Дагестан. гос. ун-та. Махачкала, 2007. № 6. С. 38 – 43.

537.**Муртузалиева Е.А.** Критический очерк Д.С. Мережковского «Пушкин»: проблематика, идейно-композиционное и жанровое своеобразие // Вестник Дагестан. гос. ун-та. Махачкала, 2004. № 6. С. 11 – 15.

538.**Муртузалиева Е.А.** Пушкин в оценке Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского (в одноименных очерках «Пушкин»): сопоставительный анализ // Вестник Дагестан. гос. ун-та. Махачкала, 2009. № 3. С. 35 – 41.

539.**Муртузалиева Е.А.** «Суворин и Чехов» Д.С. Мережковского: жанровое своеобразие и композиция // Вестник Дагестан. гос. ун-та. Махачкала, 2010. № 3. С. 33 – 40.

540.**Набокина М.Е.** Н.Я. Данилевский, Д.С. Мережковский и Н.А. Бердяев в контексте идейного своеобразия России во второй пол. XIX – первой пол.

XX вв. // Актуальные проблемы гуманит. и естественных наук. М., 2009. № 4. С. 73 – 75.

541.**Нартыев Н.Н.** Раннее творчество Д.С. Мережковского в оценке журнала «Русское богатство» // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 76 – 81.

542.**Нартыев Н.Н.** Человек и природа в поэзии Д. Мережковского // Природа и человек в художественной литературе. Волгоград, 2001. С. 223 – 229.

543.**Неверова Т.А.** Контекстуальная синонимия в языковой картине мира Д.С. Мережковского // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2007. № 6. С. 47 – 55.

544.**Неверова Т.А.** Опыт классификации контекстуальных синонимов (на материале трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист») // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб., 2008. № 61. С. 188 – 192.

545.**Неверова Т.А.** Функционирование сравнительных союзов в составе контекстуальных синонимических рядов (на материале трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист») // Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. Пятигорск, 2008. № 3. С. 154 – 158.

546.**Низова И.И.** К проблеме художественной рефлексии Мережковского и Мандельштама // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 280 – 301.

547.**Низова И.И.** Мотив сада и статуи в творчестве Д.С. Мережковского и пушкинская традиция // Пушкинский сборник. М., 1999. С. 63 – 78.

548.**Никитаев А.** «Пушкин и Гоголь»: Об источнике сюжета // Лит. обозрение. М., 1994. № 9/10. С. 49 – 51. [Реферат Д. Мережковского «Гоголь и отец Матвей» как источник для миниатюры Д. Хармса «Пушкин и Гоголь».]

549.**Никитин В.А.** «Новое религиозное сознание» и проблема конвергенции культуры и религии // Путь Православия. М., 1994. № 3. С. 187 – 193.

[Д. Мережковский и др. См. также: **Никитин В.А.** «Новое религиозное сознание» и проблема конвергенции культуры и религии // Культура и религия: линии сопряжения. М., 1994. С. 85 – 91.]

550.**Никитина М.А.** «Заветы» реализма в романах старших символистов («Христос и Антихрист» Дм. Мережковского. «Мелкий бес» Ф. Сологуба) // Связь времен. М., 1994. С. 205 – 224.

551.**Николаев П.А.** Философско-эстетический идеализм и литературная мысль в России на рубеже XIX и XX вв. // Классическое наследие и современность: Сборник. Л., 1981. С. 59 – 68. [Д. Мережковский и др.]

552.**Николеску Т.** Мережковский и Бунин // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 302 – 311.

553.**Николюкин А.Н.** Данте и русская эмиграция // Дантовские чтения, 2001. М., 2002. С. 173 – 181. [Д. Мережковский и др.]

554.**Николюкин А.Н.** Два биографических романа Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Данте. Наполеон. М., 2000. С. 3 – 10.

555.**Николюкин А.Н.** Русское зарубежье о Д.С. Мережковском (материалы для Словаря писателей русского зарубежья) // Русское литературное зарубежье. М., 1993. Вып. 2. С. 17 – 20.

556.**Николюкин А.Н.** Самозаклание Д.С. Мережковского // Николюкин А.Н. Наедине с русской классикой. М., 2013. С. 285 – 305.

557.**Николюкин А.Н.** «Свершитель роковой безвестного веленья...» // Мережковский Д.С. Наполеон. М., 1993. С. 288 – 293.

558.**Николюкин А.Н.** Феномен Мережковского // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 7 – 28.

559.**Никулина Н.А.** Жанр книги в творчестве Д.С. Мережковского // Динамика культурной ментальности в системе гуманит. образования XXI века. Тюмень, 2004. С. 137 – 141.

560.**Никулина Н.А.** Идея «жизнь Иисуса» в письменной культуре // Теория и экология разума. Тюмень, 2000. С. 74 – 81. [Д. Мережковский и др.]

561.**Никулина Н.А.** Монтень и Мережковский – «вечные спутники» // Зарубежная литература: историко-культурные и типологические аспекты. Тюмень, 2005. Ч. 1. С. 64 – 66.

562.**Никулина Н.А.** Поиски метода. Книга Д.С. Мережковского «Иисус неизвестный» и «Исторический Иисус» Д.Ф. Штрауса и Э. Ренана // Культурологические проблемы развития региона. Тюмень, 1999. С. 104 – 106.

563.**Никулина Н.А.** Франция в жизни и творчестве Д.С. Мережковского // Франция – Россия: Проблемы культурных диффузий. Тюмень, 2008. Вып. 2. С. 215 – 218.

564.**Носов С.** Классика вольнодумства // Рус. мысль. Париж, 1992. № 3931. С. 13. [О сборнике статей Д. Мережковского «Больная Россия». (Л., 1991).]

565.**Осипова Н.** Вл. Соловьев и художественно-эстетические искания русского театра начала XX века // Сквозь границы. Киров, 2004. Вып. 3. С. 86 – 91. [Д. Мережковский и др.]

566.**Осипова Н.О.** Пасторальность как точка пересечения модальностей в структуре символистского романа (Д.С. Мережковский «Юлиан Отступник») // Пастораль – идиллия – утопия. М., 2002. С. 86 – 94. [Д. Мережковский и др.]

567.**Осьминина Е.А.** «Атлантидные» мотивы в творчестве Д.С. Мережковского // Рус. речь. М., 2009. № 4. С. 22 – 25.

568.**Осьминина Е.А.** Г. Масперо и Дм. Мережковский: французский ученый и русский писатель // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. М., 2009. № 1. С. 93 – 106.

569.**Осьминина Е.А.** Египетская «Книга мертвых» в прозе Д. Мережковского // Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М., 2012. С. 387 – 397.

*570.***Осьминина Е.А.** Египетские мотивы в творчестве Д.С. Мережковского // Рус. речь. М., 2009. № 2. С. 21 – 28.

571.**Осьминина Е.А.** Концепция единства культуры в прозе Д.С. Мережковского // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. М., 2008. Вып. 543. С. 142 – 159.

572.**Осьминина Е.А.** Мережковский // Литература русского зарубежья. 1920 – 1940. Вып. 4. М., 2008. С. 98 – 143.

573.**Осьминина Е.А.** Миф об Озирисе и Изиде в толковании Д.С. Мережковского // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. М., 2009. Вып. 569. С. 125 – 140.

574.**Осьминина Е.А.** «Мы объявим <...> наш Союз Духа существующим...» (Мережковские и Н.В. Чайковский в начале 1920-х) // Диаспора: Новые материалы. СПб., 2003. Вып. 5. С. 611 – 627.

575.**Павлова М.** Мученики великого религиозного процесса // Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция. М., 1999. С. 7 – 54.

576.**Панченко Дм.** Леонардо и его эпоха в изображении Д.С. Мережковского // Мережковский Д.С. Воскресшие боги: Леонардо да Винчи. М., 1990. С. 629 – 639.

577.**Пахмусс Т.** Вступительная статья // Мережковский Д.С. Испанские мистики: Св. Тереза Авильская. Св. Иоанн Креста: Прил.: Маленькая Тереза. Томск, 1998. С. 9 – 20.

578.**Пахмусс Т.** Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус как авторы сценариев // Новый журн. Нью-Йорк, 1987. Кн. 167. С. 215 – 218.

579.**Pachmuss T.** Достоевский в произведениях Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского // Dostoevsky Studies: The Journal of the International Dostoevsky Society. Tübingen. 2002. Vol. 6. P. 56 – 62.

580.**Пахмусс Т.** Достоевский в произведениях Мережковского периода эмиграции // Новый журн. Нью-Йорк, 1991. Кн. 184 – 185. С. 270 – 274.

581.**Пахмусс Т.** «Зеленая лампа» в Париже // Лит. обозрение. М., 1996. № 2. С. 70 – 72. [Д. Мережковский и др.]

582.**Пахмусс Т.** З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский в эмиграции (1920 – 1945) // Новый журн. Нью-Йорк, 2007. Кн. 246. С. 207 – 211.

583.**Пахмусс Т.** Маленькая Тереза // Мережковский Д. Маленькая Тереза. Ann Arbor (Michigan), 1984. С. 14 – 30.

584.**Пахмусс Т.** Мережковский в эмиграции: романы-биографии и сценарии // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 72 – 81.

585.**Пахмусс Т.** Метафизические концепции Мережковских // Мережковский Д. Маленькая Тереза. Ann Arbor (Michigan), 1984. С. 30 – 46.

586.**Пахмусс Т.** Новое религиозное сознание и Человечество Третьего Завета // Мережковский Д. Маленькая Тереза. Ann Arbor (Michigan), 1984. С. 46 – 76.

587.**Пахмусс Т.** Предисловие // Мережковский Д.С. Испанские мистики: Св. Тереза Авильская. Св. Иоанн Креста: Прил.: Маленькая Тереза. Томск, 1998. С. 209 – 221.

588.**Пахмусс Т.** Предисловие // Мережковский Д.С. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Томск, 1999. С. 5 – 9.

589.**Петров А.В.** Литературная «цитата» в поэтике Д.С. Мережковского (драма «Павел I») // «Благословенны первые шаги...». Магнитогорск, 1999. Вып. 2. С. 26 – 34.

590.**Петров А.В.** Некоторые аспекты проблемы «Человек и власть» в трилогии Д.С. Мережковского «Царство зверя»: Образы Павла I и Александра I // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 1996. Вып. 3. Ч. 2. С. 304 – 309.

591.**Петров А.В.** Некоторые сюжетно-композиционные особенности драмы Д.С. Мережковского «Павел I» // Современная наука и совершенствование учебно-воспитательного процесса в вузе и школе.

Магнитогорск, 1996. С. 128 – 129.

592.**Петров А.В.** Человек и История в структуре русской исторической трагедии («Борис Годунов» А.С. Пушкина и «Павел I» Д.С. Мережковского) // IX Пуришевские чтения. М., 1997. С. 149.

593.**Петрова М.Г.** Солженицын и Мережковский // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 312 – 325.

594.**Петрухина М., Тыссовский Ю.** «В чужом мне мире, сложном и огромном...» // Эхо планеты. М., 1988. № 4. С. 36 – 38. [О письмах Д. Мережковского и др. в архиве А. Федорова.]

595.**Петухова С.** Философско-религиозные мотивы творчества Д.С. Мережковского // Философия, эстетика, культурология: Статьи, заметки, документы. М., 1995. Вып. 1. С. 46 – 53.

596.**Пильд Л.** Мережковский и Тургенев // Рус. лит. СПб., 1998. № 1. С. 16 – 34.

597.**Пильд Л.** Н.С. Лесков в оценке Мережковских // Блоковский сборник. [Вып.] 15: Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX – XX вв. Тарту, 2000. С. 76 – 89.

598.**Пильд Л.** «Наполеон» Д. Мережковского: право на историософию // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. [Вып.] 8: История и историософия в литературном преломлении. Тарту, 2002. С. 239 – 251.

599.**Плешкова О.И.** «День Петра» А.Н. Толстого: преломление традиций Д.С. Мережковского // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии. Барнаул, 2011. С. 320 – 328.

600.**Плешкова О.И.** Образ Петра I в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Вестник Алтайской гос. пед. акад. Сер.: Гуманит. науки. Барнаул, 2010. Вып. 4. С. 63 – 71.

601.**Плешкова О.И.** Тема Петра I в русской литературе XIX – 1/3 XX веков // Культура и текст. Литературоведение. СПб.; Барнаул, 1998. Ч. II. С. 55 – 59. [Анализ образов и мотивов романа Д. Мережковского «Антихрист

(Петр и Алексей)».]

602.**Поварцов С.** Возвращение Мережковского // Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М., 1991. С. 332 – 350.

603.**Поварцов С.** «Люди разных мечтаний» (Чехов и Мережковский) // Вопр. лит. М., 1988. № 6. С. 153 – 183.

604.**Поварцов С.** Мережковский, Уэллс и Красная звезда // Вопр. лит. М., 2002. № 6. С. 168 – 187.

605.**Поварцов С.** «...Надо через нас пройти» // Лит. газ. М., 1990. № 3. С. 5. [О Д. Мережковском.]

606.**Поварцов С.** Траектория падения (о литературно-эстетических концепциях Д. Мережковского) // Вопр. лит. М., 1986. № 11. С. 153 – 191.

607.**Поддубная Р.Н.** «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского в «Иисусе неизвестном» Д. Мережковского // Достоевский и XX век. В 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 310 – 319.

608.**Подоплекина М.В.** Литературно-критический портрет Н.В. Гоголя в интерпретации Д.С. Мережковского // Филол. штудии. Иваново, 2005. Вып. 9. С. 196 – 199.

609.**Подоплекина М.В.** Поэтические мотивы дьяволического дискурса на примере рецепции образа Н.В. Гоголя в критике Д.С. Мережковского // Проблемы школьного и вузовского анализа литературного произведения в жанрово-родовом аспекте: теория, содержание, технологии. Иваново, 2006. С. 84 – 94.

610.**Покачалов М.В.** Идиллическое и эсхатологическое в художественной структуре повести Д.С. Мережковского «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» // Историческая поэтика пасторали. М., 2007. С. 106 – 114.

611.**Покачалов М.В.** Кризис римской цивилизации в романе Д.С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник» // Русский символизм и мировая культура. М., 2004. Вып. 2. С. 14 – 19.

612.**Покачалов М.В.** Пророчество и предостережение позднего

Мережковского: «Атлантида – Европа: Тайна Запада» // Восток – Запад: Диалог культур и цивилизаций. М., 2000. С. 130 – 131.

613.**Покачалов М.В.** Terra incognita: Атлантида в творчестве В.Я. Брюсова и Д.С. Мережковского // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. М., 2008. № 3. С. 161 – 166.

614.**Полевик Т.Н.** Д.С. Мережковский: опыт осмысления истории (на примере романа «Александр I») // Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр): XX век. В 2 т. Омск, 2000. Т. 2. С. 37 – 40.

615.**Полевик Т.Н.** Д.С. Мережковский: становление личности: Опыт интеллектуальной биографии // Вестник Челябин. гос. ун-та. Сер. 1. История. Челябинск, 2005. № 1. С. 93 – 115.

616.**Полевик Т.Н.** «Идеальные порывы духа» в творчестве Д.С. Мережковского // Вестник Челябин. гос. ун-та. Сер. 1. История. Челябинск, 2002. № 1. С. 96 – 98.

617.**Полевик Т.Н.** Петербургское религиозно-философское сообщество в творческой жизни Д.С. Мережковского // Наука и власть: Научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. М., 2002. С. 33 – 34.

618.**Полевик Т.Н.** Творчество Д.С. Мережковского как предмет историографического исследования // Россия в Новое время: поиск формулы национальной истории. М., 2001. С. 73 – 76.

619.**Полевик Т.Н.** Творчество Д.С. Мережковского: точки соприкосновения литературы и истории // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества: Интеллектуальные ландшафты (конец XIX – начало XXI в.). Омск, 2003. С. 50 – 52.

620.**Полещук Л.З.** Дмитрий Мережковский о христианстве // Дни славянской письменности и культуры. Владивосток, 1997. С. 51 – 53.

621.**Полещук Л.З.** Образ Петра в романе Д. Мережковского «Антихрист.

Петр и Алексей» в контексте «петербургского мифа» // Античность и христианство в литературах России и Запада. Владимир, 2008. С. 142 – 146.

622.**Полещук Л.З.** Тема «двойничества» в символистском романе Дмитрия Мережковского «Петр и Алексей» // Материалы науч. конф. студентов и аспирантов ДВГУ. Апрель, 1998. Владивосток, 1999. С. 36 – 39.

623.**Полещук Л.З.** Тема Петра в романе Мережковского «Петр и Алексей» и пушкинская традиция (некоторые аспекты) // Дни славянской письменности и культуры. Владивосток, 1998. С. 77 – 78.

624.**Полещук Л.З., Рахманина А.С.** «Петербургский и петровский мифы» в символистском романе (Д. Мережковский «Антихрист. Петр и Алексей», А. Белый «Петербург») и литературная традиция // Проблемы славянской культуры и цивилизации. Уссурийск, 2003. С. 117 – 120.

625.**Половинкин С.М.** На изломе веков. О религиозно-философских собраниях 1901 – 1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901 – 1903 гг.). М., 2005. С. 490 – 510. [Д. Мережковский и др.]

626.**Полонский В.В.** В. Розанов глазами Д. Мережковского // Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2009. С. 155 – 161. [См. то же в переработанном виде: **Полонский В.В.** Между традицией и модернизмом: Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. М., 2011. С. 355 – 369.]

627.**Полонский В.В.** Д.С. Мережковский и Иоахим Флорский (к вопросу о метафизике истории) // Голоса молодых ученых. Вып. 2. М., 1997. С. 20 – 24.

628.**Полонский В.В.** Д.С. Мережковский – писатель и политик // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2008. Т. 5. С. 353 – 364.

629.**Полонский В.В.** Данте в оценке Д.С. Мережковского и А.К. Дживелегова: классический феномен между символистским мифом

и социологической критикой // Дживелеговские чтения. Вып. 1. Ч. 1. Ереван, 2009. С. 7 – 18. [См. то же: **Полонский В.В.** Между традицией и модернизмом: Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. М., 2011. С. 266 – 270.]

630.**Полонский В.В.** К проблеме нереализованного потенциала классики: Заметки о пушкиниане русских символистов // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 2007. Т. 66. № 3. С. 65 – 69. [Д. Мережковский и др. См. то же: **Полонский В.В.** Между традицией и модернизмом: Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. М., 2011. С. 209 – 219.]

631.**Полонский В.В.** К вопросу о текстовой стратегии Д.С. Мережковского (на материале творчества 1920 – 1930-х годов) // Текст в гуманит. знании. М., 1997. С. 190 – 195.

632.**Полонский В.В.** К проблеме «христианского кода» в творчестве Д.С. Мережковского периода эмиграции (1920 – 1930-е годы) // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Петрозаводск, 2005. Вып. 4. С. 562 – 575.

633.**Полонский В.В.** Книга Мережковского «Наполеон»: к типологии биографического жанра // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 89 – 105.

634.**Полонский В.В.** Между метафизикой, историей и политикой: религиозная мифология в позднем творчестве Д.С. Мережковского // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 186 – 199. [См. то же в переработанном виде: **Полонский В.В.** Между традицией и модернизмом: Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. М., 2011. С. 251 – 265. В пер. на англ. яз.: **Polonsky V.** Between Metaphysics, History and Politics: Religious Mythology in the Late Literary Works of Dmitry Merezhkovsky // Social Sciences. Миннеаполис; М., 2006. № 3. P. 34 – 43.]

635.**Полонский В.В.** О некоторых аспектах самосознания символизма в

контексте мировой культуры (Д.С. Мережковский и Данте) // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе (проблемы теоретической и исторической поэтики). Гродно, 1996. С. 154 – 169.

636.**Полонский В.В.** О предыстории закрытия Петербургских религиозно-философских собраний 1901 – 1903 годов // Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки: Исследования и публикации: В честь В.А. Келдыша. М., 2008. С. 137 – 146. [Д. Мережковский и др. См. то же: **Полонский В.В.** Между традицией и модернизмом: Русская литература рубежа XIX – XX веков: история, поэтика, контекст. М., 2011. С. 370 – 381.]

637.**Полонский В.В.** Об оценке религиозно-философских собраний в русской периодике начала 1900-х годов // Империя и религия: К столетию Петербургских религиозно-философских собраний 1901 – 1903 гг. СПб., 2006. С.180 – 190. [Д. Мережковский и др.]

638.**Полонский В.В.** Отношения писателя с властью в контексте модернизирования ереси: Д.С. Мережковский и Б. Муссолини // Ежегодная Богословская конф. Православ. Свято-Тихоновского богословского ин-та. М., 2001. С. 352 – 357.

639.**Полонский В.В.** Полилингвизм, профетизм и символистский подтекст: языковые «игры» Д.С. Мережковского // Мультилингвизм и генезис текста. М., 2007. С. 29 – 35.

640.**Полонский В.В.** Чехов и драматургия русских символистов (Д.С. Мережковский, Ф. Сологуб) // Диалози с Чехов: 100 години по-късно. София, 2004. С. 297 – 306.

641.**Полонский В.В.** Чеховский след в драматургии русских символистов: О «страсти уныния», «заложниках жизни» и «будущей радости» // Вопр. лит. М., 2007. № 6. С. 147 – 162. [Д. Мережковский и др.]

642.**Полонский В., Глухова Е.** Переписка В. Розанова с литераторами «круга Мережковских»: предварительные итоги изучения и перспективы

научного издания // Текстологический временник: Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 573 – 581.

643.**Пономарева Г.М.** «В Европу прорубить окно...» // Рус. речь. М., 1991. № 4. С. 18 – 19. [Реминисценция из «Медного всадника» в романе Д. Мережковского «Петр и Алексей».]

644.**Пономарева Г.М.** Заметки о семантике «перепутанных цитат» в исторических романах Д.С. Мережковского // Классицизм и модернизм. Тарту, 1994. С. 102 – 111.

645.**Пономарева Г.М.** Источники образа «Божьей матери всех скорбящих радости» в романе Д.С. Мережковского «Петр и Алексей» // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 897. Тарту, 1990. С. 72 – 80.

646.**Пономарева Г.М.** К цензурной истории романа Д.С. Мережковского «Александр I» // Блоковский сборник. [Вып.] 13: Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 74 – 85.

647.**Пономарева Г.М.** Проблема контакта с народом в «религиозном народничестве» // А. Блок и русский постсимволизм: Тезисы докладов науч. конф. Тарту, 1991. С. 55 – 63. [Д. Мережковский и др.]

648.**Понурова Г.Е.** Д.С. Мережковский – продолжатель традиций русской классики (мотивы Ф.М. Достоевского в трилогии «Христос и Антихрист») // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Новосибирск, 2004. Т. II. С. 144 – 148.

649.**Понурова Г.Е.** Особенности художественного пространства дневника героя (на материале романа Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи») // Восток – Запад: пространство русской литературы. Волгоград, 2005. С. 373 – 378.

650.**Понурова Г.Е.** Функция гротеска в прозе Д.С. Мережковского // Вопр. филол. наук. М. , 2004. № 3 (7). С. 8 – 9.

651.**Попова О.С.** Русские мыслители о пушкинской поэзии (Д.С. Мережковский о творчестве А.С. Пушкина) // «Порой опять

гармонией упьюсь...»: Проблема гармонии в современных реалиях. Краснодар, 2009. С. 52 – 57.

652.**Потапова Г.Е.** Д.С. Мережковский и «Записки А.О. Смирновой» // Pro memoria: Памяти акад. Г.М. Фридлендера (1915 – 1995). СПб., 2003. С. 272 – 280.

653.**Приходько И.С.** «Вечные спутники» Мережковского. (К проблеме мифологизации культуры) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 198 – 206.

654.**Прозорова Н.И.** Образ Данте в прозе Бориса Зайцева и Дмитрия Мережковского: герменевтический аспект // Богословско-исторический сборник. Калуга, 2009. № 4. С. 26 – 32.

655.**Прокопова О.А.** Героико-титанический миф в эстетике Д.С. Мережковского и Вяч.И. Иванова // Русская философия и православие в контексте мировой культуры. Краснодар, 2005. С. 245 – 250.

656.Пророк Третьего Завета [без указания автора] // Стратегия России. М., 2006. № 3. С. 85 – 90. [Д. Мережковский и его историософская концепция.]

657.**Проскурин О.А.** Мечты и жизнь русской поэзии // Жизнь и поэзия одно: Стихотворения. М., 1987. С. 3 – 13. [О Д. Мережковском и др.]

658.**Пчелина О.В.** «Великая сила» или «великая неудача»? (Д.С. Мережковский и Н.А. Бердяев о роли культуры в развитии общества) // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Соц. науки. Н. Новгород, 2007. № 2. С. 169 – 174.

659.**Пчелина О.В.** Д. Мережковский и А. Меллер ван ден Брук: путь к Третьему царству // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. М., 2010. № 1. С. 107 – 113.

660.**Пчелина О.В.** Д.С. Мережковский о роли духовной культуры в развитии общества // Актуальные проблемы современного науч. знания.

Йошкар-Ола, 2003. С. 54 – 59.

661.**Пчелина О.В.** Д.С. Мережковский о России и «стране святых чудес» // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 7. В 2 ч. Ч. 2. С. 145 – 146.

662.**Пчелина О.В.** Д.С. Мережковский: цивилизация или культура? // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусств. М., 2008. № 2. С. 29 – 33.

663.**Пчелина О.В.** Личность и культура в философских исследованиях Д.С. Мережковского // Материалы междисцип. науч. конф. аспирантов и соискателей АПК и ПРО. М., 1998. Ч. 2. С. 44 – 48.

664.**Пчелина О.В.** Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Д.С. Мережковского // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. М., 2008. № 1. С. 128 – 134.

665.**Пчелина О.В.** «Ум отвергает, а сердце ищет Бога» (о религиозно-философских исканиях Д.С. Мережковского) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. М., 2007. № 3/4. С. 145 – 152.

666.**Пчелина О.В.** Философские идеи в русской литературе: Д. Мережковский // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Философские науки. М., 2008. № 1. С. 135 – 141.

667.**Пчелина О.В.** Этика Д.Мережковского и духовный кризис нашего времени // Альм. соврем. науки и образования. Тамбов, 2009. № 7(26). Ч.1. С. 112 – 113.

668.**Рабинович В.** Русская лира о жизни и смерти. XX век // Человек. М., 1991. № 2. С. 185 – 186. [Вступ. статья к подборке стихотворений Д. Мережковского.]

669.**Разумовская А.Г.** Природное пространство в поэме Д. Мережковского «Старинные октавы» и пушкинская романная традиция // Вестник Новгородского гос. ун-та. Вел. Новгород, 2009. № 54. С. 57 – 60.

670.**Рассадин С.В.** Философия культуры Д.С. Мережковского. Стратегии использования ницшеанского дискурса // Философия и культура. Тверь,

2002. С. 99 – 110.

671.**Ревякина И.А.** Мережковский о Горьком: против и за // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 243 – 257.

672.Религиозное сознание и революция: Мережковские и Савинков в 1911 году / Предисл. М.А. Колерова, К.Н. Морозова // Вопр. философии. М., 1994. № 10. С. 138 – 142.

673.**Розенталь Б.Г.** Мережковский и Ницше. (К истории заимствований) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 119 – 135.

674.**Розенталь Б.Г.** Стадии ницшеанства: интеллектуальная эволюция Мережковского // Историко-философский ежегодник. 1994. М., 1995. С. 191 – 212. [См. также: **Rosenthal B.G.** Stages of Nietzscheanism: Merezhkovsky’s intellectual evolution // Nietzsche in Russia. Princeton, 1986. P. 69 – 93.]

675.**Романова И.А.** Функции экфрасиса в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» // Филол. этюды. Вып. 11. В 3 ч. Саратов, 2008. Ч. I – II. С. 82 – 86.

676.**Рохманалиев Р.** Исторические романы М.А. Алданова и Д.С. Мережковского в контексте исторической прозы XX столетия // Алданов М.А. Заговор; Мережковский Д.С. Александр I: Ист. романы. Бишкек, 1992. С. 3 – 8.

677.**Руднева С.Ф.** Богоискательство в религиозно-культурной концепции Д.С. Мережковского // Вестник Тюменского гос. ун-та. Тюмень, 2007. № 1. С. 60 – 65.

678.**Руднева С.Ф.** Влияние культуры России на судьбу Запада в творчестве Д.С. Мережковского // Проблемы истории культуры. Нижневартовск, 2007. Вып. 4. С. 149 – 153.

679.**Рычков А.Л.** Д.С. Мережковский и К.Г. Юнг: «Встреча во гнозисе» (Свидетельство Э.К. Метнера) // Судьбы литературы Серебряного века и

русского зарубежья: Сборник статей и материалов: Памяти Л.А. Иезуитовой: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2010. С. 202 – 211.

680.**Рябова Т.И.** Спор о Великой России (П.Б. Струве, Д.С. Мережковский, Е.Н. Трубецкой) // Проблемы славяноведения. Брянск, 2003. Вып. 5. С. 121 – 126.

681.**Савельев С.Н.** Воспоминания о будущем (идеология культа и ее критики) // Философия и освободительное движение в России. Л., 1989. С. 205 – 224. [Д. Мережковский в свете полемики богоискателей и богостроителей.]

682.**Савельев С.Н.** Послесловие // Мережковский Д.С. «Больная Россия». Л., 1991. С. 238 – 268.

683.**Савельев С.Н.** Предисловие // Мережковский Д.С. «Больная Россия». Л., 1991. С. 3 – 10.

684.**Сажин Д.В.** Бюрократия и революция в трилогии Д.С. Мережковского «Царство Зверя» // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петерб. чтения – 2007. СПб., 2008. С. 159 – 166.

685.**Салма Н.** Д.С. Мережковский (1866 – 1941) теоретик и прозаик (вариант религиозного волюнтаризма) // Acta Univ. Szegediensis de Attila Jozsef nominatae. Sect. historiae litterarum. Diss. Slavicae. Szeged, 1989. № 20. С. 143 – 159.

686.**Сапожков С.В.** Д.С. Мережковский: от поэзии «гражданской» к поэзии «символической» (о некоторых аспектах композиции первого сборника «Стихотворений» 1888 года) // Высшая школа: проблемы преподавания словесности. В 2 ч. Улан-Удэ, 2003. Ч. 2. С.141 – 144.

687.**Сапожков С.В.** Мережковский-поэт // Лит. в шк. М., 2000. № 8. С. 6 – 11.

688.**Саруханян И.** По поводу заметки Л. Мнухина «Когда же скончался Д.С. Мережковский?» // Рус. мысль. Париж, 1998. № 4219. С. 13.

689.**Сарычев Я.В.** А.С. Пушкин в концепции Д.С. Мережковского: к

вопросу о методологии анализа пушкинского наследия // Творчество А.С. Пушкина и русская культурная традиция. Липецк, 2000. С. 84 – 87.

690.**Сарычев Я.В.** В поисках «новой формы творчества»: специфика художественной организации произведений Д.С. Мережковского // Вестник Науч.-практ. лаборатории по изучению литературного процесса XX века. Воронеж, 2000. Вып. 4. С. 25 – 38.

691.**Сарычев Я.В.** Д.С. Мережковский глазами современников // Традиции и поиски: Русская литература XX века. Воронеж, 1997. С. 110 – 120.

692.**Сарычев Я.В.** Д.С. Мережковский и Б.М. Эйхенбаум: два взгляда на задачи искусства // Эйхенбаумовские чтения. Воронеж, 1996. С. 49 – 51.

693.**Сарычев Я.В.** Идея андрогинизма в системе творчества Д.С. Мережковского // Проблемы эстетики и социологии. Липецк, 1996. С. 33 – 42.

694.**Сарычев Я.В.** К вопросу о методологических основах изучения творчества Д.С. Мережковского, В.В. Розанова и литературы «нового религиозного сознания» // Русское литературоведение в новом тысячелетии. В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 121 – 130.

695.**Сарычев Я.В.** К вопросу о характере структуры религиозно-философских идей Д.С. Мережковского // Русская классика: проблемы интерпретации. Липецк, 1996. С. 35 – 37.

696.**Сарычев Я.В.** К методологии понятия «литература русского зарубежья»: Мережковский и Бунин // Центральная Россия и литература русского зарубежья (1917 – 1939): Исследования и публикации. Орел, 2003. С. 8 – 12.

697.**Сарычев Я.В.** Л. Толстой в литературно-философских концепциях И. Бунина и Дм. Мережковского («Освобождение Толстого» и «Л. Толстой и Достоевский: Жизнь. Творчество. Религия») // И.А. Бунин и русская культура XIX – XX веков. Воронеж, 1996. С. 21 – 24.

698.**Сарычев Я.В.** На перекрестках эстетического самосознания

(К. Леонтьев. – Д. Мережковский. – И. Бунин) // И.А. Бунин: Диалог с миром. Воронеж, 1999. С. 115 – 124.

699. **Сарычев Я.В.** Пророчество и провокация: «неохристианская» догматика и символистское «жизнетворчество» (некоторые типологические параллели) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Воронеж, 2005. № 1. С. 222 – 237. [Взаимосвязь эстетической концепции младосимволистов и религиозно-философских исканий конца XIX – начала XX вв.: Д. Мережковский, В. Розанов, Н. Бердяев.]

700. **Сарычев Я.В.** Пушкин и Л. Толстой в свете гностической концепции Д.С. Мережковского // Л.Н. Толстой и А.С. Пушкин: сопричастность идей, образов, судеб. Тула, 1999. С. 199 – 206.

701. **Сарычев Я.В.** Религиозно-философская концепция Д.С. Мережковского (функция «героев сладострастия») // Литературное произведение: Человек и мир. Липецк, 1996. С. 54 – 61.

702. **Сарычев Я.В.** Смысл творчества и проблема «андрогинного» статуса личности в романах Д.С. Мережковского // Русская литература и эстетика конца XIX – начала XX в.: Проблема человека. Сборник I. Липецк, 1999. С. 25 – 48.

703. **Сарычев Я.В.** «Субъективная критика» в системе теоретических и художественных исканий Д.С. Мережковского // Русская литературная критика серебряного века. Новгород, 1996. С. 73 – 77.

704. **Севрюгина Е.В.** Трилогия Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист»: аспекты русских религиозно-философских исканий // Вестник ун-та Рос. академии образования. М., 2006. № 3. С. 67 – 75.

705. **Седов А.В.** Художественное воплощение концепции трех заветов в египетской дилогии Д.С. Мережковского // Вестник Череповецкого гос. ун-та. Череповецк, 2008. Т. 2. С. 32 – 36.

706. **Семигин В.Л.** Дмитрий Мережковский: от литературы к религии //

Вестник Моск. ун-та. Сер. 8: История. М., 2000. № 3. С. 36 – 54.

707.**Сергеева Н.М.** Игра как составляющая творческого метода Д.С. Мережковского // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2007. № 2. С. 150 – 154.

708.**Сергеева Н.М.** Игровой компонент романа Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» // Грехневские чтения. Н. Новгород, 2007. Вып. 4. С. 164 – 169.

709.**Сергеева Н.М.** Поэтика сновидений в художественном сознании Д.С. Мережковского // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2008. № 1. С. 140 – 143.

710.**Сергеева Н.М.** Роман Д.С. Мережковского «Александр I» в рецепции современников // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2008. № 3. С. 196 – 199.

711.**Сергеева Н.М.** Роман Д.С. Мережковского «Смерть богов. Юлиан Отступник» в свете представления об игровой природе культуры // Филол. традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 187 – 190.

712.**Сергеева Н.М.** Семантика снов в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» // Филол. штудии. Иваново, 2008. Вып. 11. С. 5 – 12.

713.**Сергеева Н.М.** Судьба христианства в представлении Д.С. Мережковского (на материале романа «Смерть богов. Юлиан Отступник») // Духовно-нравственные основы русской литературы. В 2 ч. Кострома, 2007. Ч. 1. С. 303 – 309.

714.**Сергеева Н.М.** Феномен Леонардо да Винчи в творческом осмыслении Д.С. Мережковского и А.Л. Волынского // Филол. штудии. Иваново, 2006. Вып. 10. С. 14 – 22.

715.**Сергеева Н.М.** Царь-антихрист: художественное осмысление личности Петра I в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» //

2007 год – год русского языка: Философия и филология русского классического текста. Пенза, 2007. С. 139 – 140.

716.**Серкова В.А.** Естественная установка и проблема множественности описаний храма св. Софии Константинопольской: от Н. Гумилева к Э. Гуссерлю // Пространственность развития и метафизика Саратова. Саратов, 2001. С. 27 – 33. [Д. Мережковский и др.]

717.**Серкова В.А.** Пространство храма в описаниях русских путешественников // Христианство и культура. СПб., 2001. Вып. 1. С. 126 – 134. [Д. Мережковский и др.]

718.**Синкина Е.В.** Архитектурно-живописный код поэзии Д.С. Мережковского // Филол. анализ текста. Барнаул, 2004. Вып. 5. С. 117 – 122.

719.**Синкина Е.В.** Архитектурность пейзажей в лирике Д.С. Мережковского // Гуманит. науки в Сибири. Сер.: Филология. Новосибирск, 2006. № 4. С. 9 – 11.

720.**Синкина Е.В.** Культурный Космос Д.С. Мережковского // Культура и текст: миф и мифопоэтика. СПб.; Самара; Барнаул, 2004. С. 265 – 267.

721.**Синкина Е.В.** Пейзажи-настроение в лирике Д.С. Мережковского // Культура и текст – 2005: В 3 т. СПб.; Самара; Барнаул, 2005. Т. 2. С. 34 – 39.

722.**Слинько М.А.** Драма Д.С. Мережковского «Павел I» как предчувствие трагической судьбы русской монархии // Вестник Науч.-практ. лаборатории по изучению литературного процесса XX века. Воронеж, 2008. № 12. С. 87 – 94.

723.**Слинько М.А.** Жанровые особенности романов «старших» символистов «после символизма» // Концептуальные проблемы литературы: типология и синкретизм жанров. Ростов н/Д., 2007. С. 238 – 244. [Д. Мережковский и др.]

724.**Слинько М.А.** Миф об Атлантиде в интерпретации Д. Мережковского и

В. Брюсова (проблемы войны и мира) // Филол. зап. Воронеж, 2006. Вып. 25. С. 241 – 245.

725.**Слинько М.А.** О некоторых особенностях символистского романа (на материале исторических произведений В. Брюсова и Д. Мережковского) // Вестник Науч.-практ. лаборатории по изучению литературного процесса XX века. Воронеж, 2000. Вып. IV. С. 39 – 43.

726.**Слинько М.А.** О частном случае использования мифа в поэтике И. Бунина (к проблеме «И. Бунин и символисты» после символизма) // Метафизика И.А. Бунина. Воронеж, 2008. С. 149 – 161. [Миф об Атлантиде у И. Бунина и Д. Мережковского.]

727.**Слинько М.А.** Эссе «Религия и революция» (1907) как отражение новой концепции в духовных поисках Д. Мережковского // Вестник Науч.-практ. лаборатории по изучению литературного процесса XX века. Воронеж, 2007. № 11. С. 52 – 61.

728.**Смирнов В.Е.** Роман «Петр и Алексей» Д.С. Мережковского // Проблемы русской литературы. Магнитогорск, 1992. Вып. 2. С. 53 – 65.

729.**Собенников А.С.** А.П. Чехов и Д.С. Мережковский (к проблеме религиозного символа) // Чеховские чтения в Ялте: Чехов: взгляд из 1980-х. М., 1990. С. 87 – 96.

730.**Собенников А.С.** «Чайка» Чехова и «Гроза прошла» Мережковского (к типологии героя-«декадента») // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 195 – 199.

731.**Соболев А.Л.** «Грядущее» Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус // De visu. М., 1993. № 2. С. 42 – 43.

732.**Соболев А.Л.** Мережковские в Париже (1906 – 1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. № 1. С. 319 – 371.

733.**Соболев А.Л.** Мережковский в работе над романом «Смерть богов. Юлиан Отступник» // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 31 – 50.

734.**Созина Е.К.** Гностическая традиция в романной трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» (1896 – 1905) // Творчество писателя и литературный процесс: Слово в художественной литературе. 1994. Иваново, 1994. С. 86 – 94.

735.**Солнцева Е.Г.** Сюжет об Атлантиде в творчестве Д.С. Мережковского // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. М., 1999. № 4. С. 33 – 36.

736.**Солнцева Н.** Третий Завет Дмитрия Мережковского // Мережковский Д.С. Вечные спутники. М., 1996. С. 5 – 40.

737.**Солнцева Н.М.** О «Бедном Авросимове» Б. Окуджавы и «14 декабря» Д. Мережковского // Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии. М., 2002. С. 215 – 224.

738.**Соловьева Т.** Здесь начинался Мережковский // С.-Петербургская панорама. СПб., 1993. № 3. С. 17 – 18.

739.**Солодова Т.М.** Тема духовных исканий и религиозная философская мысль в произведениях русских эмигрантов первой волны // Славянские чтения – 2008. Старый Оскол, 2008. С. 215 – 218. [Д. Мережковский и др.]

740.**Соснина Е.** Русские философы о Лермонтове // Сура. Пенза, 2002. № 2. С. 196 – 202. [Д. Мережковский и др.]

741.**Старосельская Н.** «Сгоревших книг забытые слова» // Современная драматургия. М., 1992. № 1. С. 192 – 204. [Д. Мережковский и др. драматурги Серебряного века.]

742.**Стебляк В.В.** Провидческая функция русской художественной культуры рубежа XIX – XX веков (М.А. Врубель, Д.С. Мережковский) // Художественная культура и гуманизация образования. СПб., 1992. С. 40 – 48.

743.**Степанов С.Г**. Идеал грядущего «Царства духа» в философии Д.С. Мережковского // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер.: Философия. Тверь, 2008. № 36 (96). С. 53 – 60.

744.**Степанов С.Г**. Проблема культурно-исторического творчества в религиозной философии Д.С. Мережковского // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб., 2008. № 76. С. 333 – 336.

745.**Страда В.** Между романом и реальностью: История критической рефлексии // Бахтинский сборник. М., 2004. Вып. 5. С. 22 – 40. [Диада «Толстой – Достоевский» в истории эстетической мысли XX в.: Д. Мережковский и др.]

746.**Страшкова О.К.** Лермонтовские аллюзии в «барочной» драме Д. Мережковского «Сильвио» // Лермонтовские студии. Ставрополь, 2009. С. 48 – 57.

747.**Суханова И.А.** Взаимоотношения художественного текста с интермедиальным источником (образ Иоанна Предтечи в романе Д.С. Мережковского «Леонардо да Винчи») // Русское слово: литературный язык и народные говоры. Ярославль, 2008. С. 420 – 426.

748.**Суханова И.А.** Два уровня вербализации элементов картины в художественном тексте (на материале романа Д.С. Мережковского «Леонардо да Винчи») // Культура. Литература. Язык. Ярославль, 2005. Ч. 1. С. 68 – 72.

749.**Суханова И.А.** Роль иконических образов в создании портретов исторических персонажей в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. Ярославль, 2008. С. 136 – 146.

750.**Суханова И.А.** Сквозной образ лебедя в романе Д.С. Мережковского «Леонардо да Винчи» // Культура. Литература. Язык. Ярославль, 2005. Ч. 1. С. 72 – 77.

751.**Суханова И.А.** Созвучие искусств в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» // Рус. речь. М., 2006. № 4. С. 15 – 24.

752.**Суханова И.А.** Языковые средства воссоздания произведений изобразительного искусства в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. Ярославль, 2009. Вып. 2. С. 141 – 150.

753.**Сыроватко Л.В.** Святой Третьего Завета (к мотивной структуре рассказа Г. Газданова «Нищий») // Литература в диалоге культур – 2. Ростов н/Д., 2004. С. 282 – 294. [Апокалипсис как тема духовной нищеты в рассказе Г. Газданова в контексте полемики писателя с учением Д. Мережковского о Третьем Завете.]

754.**Тайманова Т.С.** Жанна д'Арк и духовные искания русского зарубежья // Рус. лит. СПб., 2006. № 4. С. 188 – 193. [Образ Орлеанской девы в книге Д. Мережковского «Жанна д'Арк» и монографии С. Оболенского «Жанна – Божья Дева».]

755.**Тараскина В.Н.** Духовность в религиозно-философской концепции Д.С. Мережковского // XXI век: Россия и Запад в поисках духовности. Пенза, 2003. С. 104 – 106.

756.**Тараскина В.Н.** Опыт социальной демонологии в творчестве Д.С. Мережковского // Исторические корни российской ментальности. Томск, 2002. С. 279 – 284.

757.**Тараскина В.Н.** Проблема «нового религиозного сознания» в творчестве Д.С. Мережковского // Системы воспитания: теория и практика. В 2 ч. Саранск, 2003. Ч. 2. С. 237 – 240.

758.**Тараскина В.Н.** Символизм Д.С. Мережковского: нравственно-эстетический аспект // XXXI Огаревские чтения. В 3 ч. Саранск, 2002. Ч. 1. С. 54 – 57.

759.**Тележкина Т.Ю.** Особенности художественного сознания в лирике Д.С. Мережковского // Наука – вуз – школа. Магнитогорск, 2005. Вып. 10. С. 319 – 324. [См. также на **Ковальчук Т.Ю.**]

760.**Тележкина Т.Ю.** Философия экзистенциализма в лирике

Д.С. Мережковского // «В рассеянии сущие…»: культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 15 – 16 февраля 2005). М., 2006. С. 203 – 209. [См. также на **Ковальчук Т.Ю.**]

761. **Тиме Г.А.** Две «Атлантиды» (Г. Гауптман и Д. Мережковский: непреднамеренный диалог) // Рус. лит. СПб., 1999. № 1. С. 111 – 133.

762. **Тимофеева В.Г.** К вопросу об историческом мышлении у Д.С. Мережковского // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века. Тверь, 2002. С. 113 – 114.

763. **Толстая Е.** Привыкши выковыривать изюм // Новое лит. обозрение. М., 2005. № 73. С. 232 – 234. [Аллюзии на роман Д. Мережковского «Леонардо да Винчи» в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова.]

764. **Трубчанинов А.Л.** Д.С. Мережковский: идея андрогинизма как ключ к новому пониманию синергийности божественного и человеческого // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. СПб., 2009. № 92. С. 158 – 162.

765. **Уразаева Т.Т.** М.Ю. Лермонтов в восприятии русских религиозных философов (В.С. Соловьев и Д.С. Мережковский) // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1998. С. 163 – 165.

766. **Урясова И.А.** Религиозно-философские искания в творчестве поэтов-символистов «серебряного века» // Славянские чтения – 2008. Старый Оскол, 2008. С. 224 – 229. [Д. Мережковский и др.]

767. **Усок И.Е.** «Ночное светило русской поэзии». (Мережковский о Лермонтове) // Д.С. Мережковский: Мысль и слово. М., 1999. С. 258 – 273.

768. **Успенская А.В.** Греческая трагедия в переводах Д.С. Мережковского // Эсхил. Софокл. Еврипид. Трагедии / Пер. с греч. Дмитрия Мережковского. М., 2009. С. 5 – 54. [См. то же в сокращении: Античность и культура Серебряного века. М., 2010. С. 231 – 238.]

769. **Успенская А.В.** Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Собрание стихотворений. СПб., 2000. С. 6 – 44.

770.**Успенская А.В.** Еврипид в переводах Мережковского // Университетское переводоведение. СПб., 2005. Вып. 6. С. 439 – 449.

771.**Успенская А.В.** Мережковский и Набоков // Литературовед. журн. М., 2001. № 15. С. 108 – 123.

772.**Федоренко Е.О.** «Субъективная» критика Д.С. Мережковского (1890-е гг.) // Студент и научно-технический прогресс: Филология. Новосибирск, 1987. С. 22 – 31.

773.**Федоров В.С.** «Эолова арфа» России: Этапы жизни и религиозно-философского творчества Д.С. Мережковского // Вече. СПб., 1997. Вып. 8. С. 25 – 50.

774.**Флорова Л.Н.** Андрогин и проблема двойничества в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // На рубежах эпох: стиль жизни и парадигмы культуры. М., 2005. Вып. 2. С. 165 – 172.

775.**Флорова Л.Н.** Трилогия Д. Мережковского «Христос и Антихрист» в оценке И.А. Ильина // Актуальные проблемы современного литературоведения. М., 1997. С. 85 – 89.

776.**Флорова Л.Н.** Философские основы творчества Д.С. Мережковского // Филология. Краснодар, 1995. № 5. С. 31 – 34.

777.**Флорова Л.Н.** Философские основы творчества Д.С. Мережковского. Идея Мережковского о синтезе // Проблемы современного литературоведения: теория, история, методика. М., 1994. С. 162 – 164.

778.**Фридлендер Г.М.** Д.С. Мережковский и Генрик Ибсен (у истоков религиозно-философских идей Мережковского) // Рус. лит. Л., 1992. № 1. С. 43 – 57. [См. то же: **Фридлендер Г.М.** Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб., 1995. С. 411 – 434.]

779.**Фридлендер Г.М.** Д.С. Мережковский и Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 10. СПб., 1992. С. 3 – 20.

780.**Фризман Л.Г.** Пушкин в концепции Мережковского // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1991. Т. 50. № 5. С. 454 – 458.

781.**Фурман Т.Г.** Культура переходного периода в манифесте Д.С. Мережковского // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Тюмень, 2006. № 6. С. 123 – 127.

782.**Холиков А.А.** *Автобиографическая заметка* Д.С. Мережковского как механизм самозапечатления в культурной памяти [Электронный ресурс] // AvtobiografiЯ: Rivista di studi sulla scrittura e sulla rappresentazione del sé nella cultura russa. Padova, 2012. № 1. P. 89 – 100. URL: http://journals.padovauniversitypress.it/avtobiografija/content/refraction-self-autobiographical-forms-and-genres-and-memoirs-russian-culture-19th-and-20th

783.**Холиков А.А.** «Автобиографическая заметка» Д.С. Мережковского: стратегия самосотворения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Т. 17. Сер.: Гуманит. науки. Энтелехия. Кострома, 2011. № 23. С. 46 – 50.

784.**Холиков А.А.** «Авторские микротексты» в прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского (к постановке проблемы) // Наукові записки Харківського нац. пед. ун-ту ім. Г.С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. Харків, 2012. Вип. 2 (70). С. 107 – 115.

785.**Холиков А.А.** Авторское предисловие к прижизненному полному собранию сочинений Д.С. Мережковского: «рефлективный» аспект // Изв. Саратовского ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. Саратов, 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 82 – 86.

786.**Холиков А.А.** Д.С. Мережковский в истории русской литературы досоветского периода // Мир русского слова. СПб., 2011. № 1. С. 73 – 77.

787.**Холиков А.А.** Д.С. Мережковский и В.Я. Брюсов в спорах о Л.Н. Толстом // Брюсовские чтения 2006 года. Ереван, 2007. С. 429 – 435.

788.**Холиков А.А.** Д.С. Мережковский и У.Б. Йейтс (опыт сопоставительной характеристики) // Рус. словесность. М., 2005. № 8. С. 28 – 33.

789.**Холиков А.А.** Забытая история одного текста («Чехов и Горький» Д.С. Мережковского) // Діалогі молодих філологів: колективна

монографія / Упор. і редктор О.А. Андрущенко. Київ, 2013. С. 52 – 61.

790.**Холиков А.А.** Исследовательские возможности текстологии: случай Д. Мережковского // Вопр. лит. М., 2013. № 4. С. 40 – 74.

791.**Холиков А.А.** «Мало ли что из подлости можно сделать!»: Об эволюции взглядов Д. Мережковского на учение Л. Толстого // Вопр. лит. М., 2009. № 3. С. 454 – 467.

792.**Холиков А.А.** Мережковсковедение: становление, развитие и современное состояние // Библиография. М., 2011. № 4. С. 114 – 122.

793.**Холиков А.А.** О письмах русских писателей-эмигрантов первой волны к М. Хандамирову (к вопросу о русско-шведских культурных связях) // Вопр. лит. М., 2008. № 3. С. 335 – 345. [Обсуждение проблемы перевода на шведский язык произведений русских писателей-эмигрантов в переписке профессора-слависта Лундского университета М. Хандамирова с Д. Мережковским и др.]

794.**Холиков А.А.** Основные научные работы о Д.С. Мережковском: материалы к библиографии // Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология. М., 2011. Вып. 2 (24). С. 107 – 167.

795.**Холиков А.А.** Пол как «семантическое поле» во втором прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Вестник Моск. гос. обл. ун-та». 2013. № 3. URL: http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/431

796.**Холиков А.А.** «Религия» как сверхтема во втором прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского // Сибирский филол. журн. Новосибирск, 2013. № 3. 79 – 87.

797.**Холиков А.А.** Трансформация памяти о писателе на пересечении словесного и визуального «пространств» [Электронный ресурс] // AvtobiografiЯ. Padova, 2013. № 2: The Space of Memory. Russian Auto-Biographical Genres and European Context. Part 1. P. 73 – 87. URL:

http://journals.padovauniversitypress.it/avtobiografija/content/space-memory-russian-auto-biographical-genres-and-european-context-part-i

798.**Хон Ки-Сун.** Буддийские мотивы в поэзии Д.С. Мережковского // Изучение русского языка и русской культуры в странах АТР. Владивосток, 2005. С. 310 – 317.

799.**Храповицкая Г.Н.** Три Юлиана // Филол. науки. М., 1996. № 5. С. 15 – 24. [Образ Юлиана Отступника в романе Д. Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)» и драме Г. Ибсена «Кесарь и галилеянин».]

800.**Хрисанфов В.И.** Д. Мережковский и З. Гиппиус: Из Петрограда в Варшаву // Петербургские чтения. 1997. СПб., 1997. С. 252 – 254.

801.**Хромова И.А.** Варьирование образов небесной стихии в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Русская литература XX века. Типологические аспекты изучения. М., 2004. Вып. 9. С. 538 – 542.

802.**Хромова И.А.** Образный мир природы и пейзажных зарисовок (роман Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)») // Риторика – лингвистика. Вып. 4. Смоленск, 2003. С. 35 – 43.

803.**Хромова И.А.** Семантика художественного образа царевича Алексея в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Русская филология. Ученые записки. Смоленск, 2003. Т. 7. С. 104 – 112.

804.**Хромова И.А.** Структура образов в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Язык. Человек. Культура. В 2 ч. Смоленск, 2005. Ч. I. С. 212 – 222.

805.**Хромова И.А.** Тема хамства и гротескно-карнавальный мир в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Русская филология. Ученые записки. Смоленск, 2004. Т. 8. С. 317 – 327.

806.**Хромова И.А.** Художественное пространство в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Смоленский филол. сборник. Смоленск, 2004. Вып. III. С. 62 – 76.

807.**Хромова И.А.** Черты символистского «текста-мифа» в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // Русская филология. Ученые записки. Смоленск, 2004. Т. 9. С. 229 – 246.

808.**Хуберт М.А.** Жанр портрета в литературно-критическом наследии Д. Мережковского // Перспективи. Одеса, 1998. № 3/4. С. 33 – 37.

809.**Хуберт М.А.** Концепция субъективно-художественной критики в работах Д.С. Мережковского 90-х годов XIX в. // Літературознавчі обрії: Праці молодих учених України. К., 2000. Вип. 1. С. 159 – 162.

810.**Хуберт М.А.** Система жанров субъективной критики Д. Мережковского // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. Ізмаїл, 2002. Вип.12. С. 195 – 200.

811.**Царева Н.А.** Движение к Вселенской Церкви в философии Дм. Мережковского // Православие на Урале: исторический аспект, актуальность развития и укрепления письменности и культуры. В 2 ч. Челябинск, 2007. Ч. 2. С. 97 – 102.

812.**Царева Н.А.** Творчество как предмет антропологического анализа в философии русского символизма // Философия образования. Новосибирск, 2006. № 2. С. 269 – 273. [Д. Мережковский и др.]

813.**Цыбин В.** Атлантида – на заклании истории // Мережковский Д.С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. М., 1992. С. 3 – 10.

814.**Чепкасов А.В.** Личность художника в контексте мировой культуры у Д.С. Мережковского // Диалог культур. Барнаул, 1998. С. 50 – 54.

815.**Чепкасов А.В.** Миф и символ в критическом дискурсе Д.С. Мережковского («Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев») // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе XX века (архетип, мифологема, мотив). Томск, 2002. С. 33 – 43.

816.**Чепкасов А.В.** Миф о Петербурге в творчестве Д.С. Мережковского 1900 – 1910-х гг. // Проблемы литературных жанров. Томск, 1999. Ч. II.

С. 82 – 85.

817.**Чепкасов А.В.** Мифы об Антихристе у Д.С. Мережковского и В.С. Соловьева // Культура и текст. СПб.; Барнаул, 1997. Вып. I: Литературоведение. Ч. II. С. 54 – 55.

818.**Чепкасов А.В.** Мотив двойничества в творчестве Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского // Этногерменевтика: некоторые подходы к проблеме. Кемерово, 1999. С. 206 – 211.

819.**Чепкасов А.В.** Мотив двойничества у Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского // Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. Новокузнецк, 1998. С. 51 – 54.

820.**Чепкасов А.В.** Неомифологизм в поэтике и литературной критике Д.С. Мережковского 1890 – 1900-х годов // Проблемы литературных жанров. Томск, 1996. С. 115 – 117.

821.**Чепкасов А.В.** Неомифологизм в романах трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Серебряный век: Философско-эстетические и художественные искания. Кемерово, 1996. С. 40 – 45.

822.**Чепкасов А.В.** Оппозиция «языческое – христианское» как структурообразующий принцип в раннем творчестве Д.С. Мережковского // Православие – культура – образование. Кемерово, 2002. С. 277 – 285.

823.**Чепкасов А.В.** Особенности «субъективной критики» Д.С. Мережковского (миф о Лермонтове – поэте сверхчеловечества) // Вестник Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки (филология). Томск, 2000. Вып. 6. С. 30 – 35.

824.**Чепкасов А.В.** Отражение символистской концепции женственности в романах Д.С. Мережковского 1890 – 1910-х годов // Женские образы в русской культуре. Кемерово, 2001. С. 30 – 37.

825.**Черкасов В.А.** Мифопоэтическая модель Д.С. Мережковского в эссе

«Данте» // Писатель и литературный процесс. Белгород, 2010. С. 82 – 88.

826.**Черников И.Н.** Библия в поэтической системе символистских исторических текстов Д.С. Мережковского // Сибирский филол. журн. Новосибирск, 2010. № 4. С. 68 – 75.

827.**Четина Е.М.** Образы зла в литературе рубежа веков: специфика интерпретаций // Проблемы межкультурной коммуникации. Пермь, 1999. С. 12 – 18. [В частности, образ Антихриста у Д. Мережковского.]

828.**Чувакова В.Н., Козьменко М.В.** Д.С. Мережковский – цензор Андреева (к вопросу о несостоявшейся постановке «Собачьего вальса» в Александринском театре) // Леонид Андреев: Материалы и исследования. М., 2000. С. 162 – 165.

829.**Чудаков А.П.** Чехов и Мережковский: два типа художественно-философского сознания // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 50 – 67. [В пер. на англ. яз.: **Chudakov A.** Chekhov and Merezhkovskii: Two Types of Artistic-Philosophical Consciousness // Anton Chekhov Through the Eyes of Russian Thinkers: Vasilii Rozanov, Dmitrii Merezhkovskii and Lev Shestov. L.; N.Y., 2010.]

830.**Чураков Д.О.** Эстетика русского декаданса на рубеже веков: ранний Мережковский и другие // Русский исторический процесс глазами современных исследователей. М., 2007. С. 48 – 68.

831.**Шабаршина В.В.** Антиномии Д.С. Мережковского («Религия Л. Толстого и Достоевского») // Вестник Моск. гос. откр. пед. ун-та им. М.А. Шолохова. Филол. науки. М., 2003. № 4. С. 37 – 53.

832.**Шабаршина В.В.** Гоголь и Мережковский (на материале работы Д.С. Мережковского «Гоголь и черт») // Русское литературоведение в новом тысячелетии. В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 201 – 204.

833.**Шабаршина В.В.** Жизнь Л.Н. Толстого в критике Д.С. Мережковского // Русское литературоведение в новом тысячелетии. В 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 313 – 316.

834.**Шабаршина В.В.** Основные положения критики Д.С. Мережковского // Актуальные проблемы современного литературоведения. М., 2001. Вып. 5. С. 128 – 131.

835.**Шабаршина В.В.** Творчество Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского // Русское литературоведение в новом тысячелетии. В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 232 – 234.

836.**Шадракова Г.К.** Документальное начало в романе Д.С. Мережковского «Данте» // Гуманит. исследования. Астрахань, 2009. № 4. С. 235 – 241.

837.**Шевчук Т.С.** Традиции французского символизма в лирике Д.С. Мережковского // Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. Ізмаїл, 1999. Вип. 6. С. 184 – 192.

838.**Шевчук Т.С.** Традиции французского символизма в лирике Д.С. Мережковского 80-х годов // Літературознавчі обрії: Праці молодих учених України. К., 2000. Вип. 1. С. 214 – 219.

839.**Шелогурова Г.** Страсти по «Ипполиту»: И. Анненский в скрытой полемике с Д. Мережковским // Вопр. лит. М., 2009. № 2. С. 169 – 201.

840.**Шеров И.Н.** Путь нравственного обновления в новом религиозном сознании Д. Мережковского // Гуманитарий. Саранск, 2000. С. 82.

841.**Шеррер Ю.** Об одной теологии революции: Мережковский и русский символизм // Ступени. СПб., 1992. № 1 (4). С. 70 – 93.

842.**Щенникова Л.П.** Дмитрий Мережковский: структура сознания философствующего поэта на пороге XX века // Филол. науки. М., 2002. № 6. С. 3 – 11.

843.**Эйхенбаум Б.** Д.С. Мережковский-критик // Северные записки. 1915. № 4. С. 130 – 138. [См. также: **Эйхенбаум Б.** Д.С. Мережковский-критик // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001. С. 322 – 330.]

844.**Элбакян Е.С.** В поисках «нового религиозного сознания» // Религиоведение. Благовещенск; М., 2002. № 1. С. 81 – 95; № 2. С. 61 – 77. [Д. Мережковский и др.]

845.**Эльзон М.Д.** «В литературе известен такой случай...» (Н.С. Лесков против… Д.С. Мережковского) // Рус. лит. СПб., 1995. № 4. С. 156 – 159.

846.**Юльметова С.Ф.** Лев Толстой и «Вехи» // Яснополянский сборник 1988. Тула, 1988. С. 54 – 66. [Д. Мережковский и др.]

847.**Юхименко Е.М.** Старообрядческие источники романа Д.С. Мережковского «Петр и Алексей» // De visu. М., 1994. № 3/4. С. 47 – 59.

848.**Якимова Ж.В.** Д.С. Мережковский о древнегреческой трагедии в связи с постановкой его переводов пьес Софокла и Еврипида на Александринской сцене // Изв. Рос. гос. пед. ун-та. им. А.И. Герцена. СПб., 2008. № 69. С. 333 – 336.

849.**Янишевская И.В.** Тема антихриста в трилогии Д.С. Мережковского // Человек. Природа. Общество: Актуальные проблемы. СПб., 1999. С. 122 – 124.

850.**Ясюнас С.В.** Две забытые итальянские статьи о романе Д.С. Мережковского // Русский символизм и мировая культура. М., 2009. Вып. 3. С. 220 – 222. [На стр. 222 – 230 публикуются статьи Э. Коррадини «Романы и новеллы. “Воскрешение богов” Д. Мережковского» и «Напрасная точность».]

§ 4.4. Научные исследования на иностранных языках[1664]

1920-е

1. **Chuzeville J.** D. Merejkowski: l’âme russe et nous. P., 1922.

1940-е

2. **Lednicki W.** D.S. Merezhkovsky, 1865 – 1941 // The Russian Review. Cambridge (MA), 1942. Vol. 1. № 2. P. 80 – 85.

[1664] Из этого списка диссертант имел возможность использовать только англоязычные исследования.

1950-е

3. **Gras M.** Die Religionsphilosophie von D.S. Merežkovskij mit besonderer Berücksichtigung der Lehre der drei Testamente. Münch., 1955.
4. **Matlaw R.E.** The Manifesto of Russian Symbolism // Slavic and East European Journal. Madison, 1957. Vol. 1. № 3. P. 177 – 191.
5. **Bedford C.H.** D.S. Merezhkovsky: the Forgotten Poet // Slavonic and East European Review. L., 1957. Vol. 36. № 86. P. 159 – 180.
6. **Bedford C.H.** Dmitry Merezhkovsky, the Intelligentsia and the Revolution of 1905 // Canadian Slavonic Papers. Toronto, 1959. Vol. 3. P. 27 – 42.

1960-е

7. **Секулић И.** Из страних књижевности. 2. Нови Сад, 1962. [Из содерж.: Сабласна моћ русије. «Царевић Алексије».]
8. **Salgaller E.** Dmitrij Samozvanec – A Dramatic Fragment by D.S. Merezkovskij // Slavic and East European Journal. Minneapolis (MN), 1963. Vol. 7. № 4. P. 392 – 400.
9. **Bedford C.H.** Dmitry Merezhkovsky, the Third Testament and the Third Humanity // Slavonic and East European Review. L., 1963. Vol. 42. № 98. P. 144 – 160.
10. **Stammler H.A.** Julianus Apostata Redivivus. Dmitrij Merežkovskij: Predecessors and Successors // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1966. Jg. 11. Hf. 1 – 2. S. 180 – 204.
11. **Stammler H.A.** D.S. Merezhkovskij: 1865 – 1965. A reappraisal // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1967. Jg. 12. Hf. 2. S. 142 – 152.
12. **Svatonova I.** Kultura jako tvorba hodnot: nad esejemi D. Merežkovskeho // Československa Rusistiká. Praha, 1967. Roč. 12. S. 1 – 4.

13. **Levitzky S.** An Unnoticed Anniversary – On Merezhkovsky's Role in Russian Culture // The Russian Review. Cambridge (MA), 1968. Vol. 27. № 3. P. 321 – 326.

1970-e

14. **Scanlan J.P.** The New Religious Consciousness: Merezhkowskii and Berdiaev // Canadian Slavic Studies. Montreal, 1970. Vol. 4. № 1. P. 17 – 35.
15. **Spengler U.** D.S. Merežkovskij als Literaturkritiker. Versuch einer religiösen Begründung der Kunst. Luzern; Frankfurt a/M., 1972.
16. **Zakiewicz Z.** Dymitr Mieriezkowski w kregu Młodej Polski // Zeszyty nauk. Wydz. humanistycznego. (Uniw. Gdánski). Filologia ros. 1973. № 3. S. 43 – 54.
17. **Rosenthal B.G.** Nietzsche in Russia. The Case of Merezhkovsky // Slavic Review. Urbana (IL), 1974. Vol. 33. № 3. P. 429 – 452.
18. **Rosenthal B.G.** Dmitri Sergeevich Merezhkovsky and the Silver Age: The Development of a Revolutionary Mentality. The Hague, 1975.
19. **Bedford H.C.** The Seeker: D.S. Merezhkovskiy. Lawrence (KS), 1975.
20. **Stammler H.A.** Russian Metapolitics: Merezhkovsky's Religious Understanding of the Historical Process // California Slavic Studies. Berkeley, 1976. Vol. 9. P. 123 – 138.
21. **Golik I.** Thomas Mann, Merezhkovskij und die russische Literatur // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Jena, 1976. Jg. 25. Nr. 3. S. 339 – 343.
22. **Jahn G.R.** A Note on the Concept of the Artist in Thomas Mann and Dmitry Merezhkovsky // Germano-Slavica. Waterloo (Canada), 1978. Vol. 2. № 6. P. 451 – 454.
23. **Holovaty O.** Merezhkovsky. Christ and Antichrist // Dissertation Abstracts. Section A. Humanities and Social Science. Ann Arbor (MI), 1978. Vol. 38. 4875A.

1980-е

24. **Rosenthal B.G.** Eschatology and the Appeal of Revolution: Merezhkovsky, Bely, Blok // California Slavic Studies. Berkeley, 1980. Vol. 11. P. 105 – 139.
25. **Clowes E.** The Integration of Nietzsche's Ideas of History, Time and «Higher Nature» in the Early Historical Novels of D. Merezhkovsky // Germano-Slavica. Waterloo (Canada). 1981. Vol. 3. № 3. P. 401 – 416.
26. **Pyman A.** Aleksandr Blok and the Merezhkovskijs. New Material and General Survey // Aleksandr Blok Centennial Conference. Columbus (OH), 1984. P. 237 – 270.
27. **Rosenthal B.G.** Stages of Nietzscheanism: Merezhkovsky's Intellectual Evolution // Nietzsche in Russia. Princeton, 1986. P. 69 – 93.
28. **Christensen P.G.** The Role of the Artist in Andrei Tarkovski's Andrei Rublev and Dmitri Merezhkovski's The Romance of Leonardo da Vinci // Soviet and East-European Drama, Theatre and Film. N.Y., 1986. Vol. 6. № 2. P. 10 – 24.
29. **Hart P.** Time Transmuted: Merezkovskij and Brjusov's Historical Novels // Slavic and East European Journal. Tucson, 1987. Vol. 31. № 2. P. 187 – 201.
30. **Caprioglio N.** Sulla poesia di Dmitrij Sergeevic Merezkovskij // Humanitas: Rivista bimestrale di Cultura. Brescia, 1987. Anno 42. № 6. P. 900 – 911.
31. **Caprioglio N., Spendel G.** Dmitrij Merekovskij e Dante Alighieri // Dantismo russo e cornice europea. Firenze: Leo S. Olschki Editore, 1989. Vol. I. P. 341 – 350.
32. **Bedford C.H.** Tragedy as Ideology: D.S. Merezhkovsky's Paul I // Journal of Ukrainian Studies. Toronto, 1989. Vol. 14. № 1 – 2 P. 241 – 248.
33. **De Grève C.** Perspectives de regénération païenne en Europe à la fin du dixneuvième siècle (Nietzsche, Mérejkovski, Louÿs) // Fin de siècle: terme-évolution-révolution? Toulouse, 1989. P. 393 – 404.

1990-е

34. **Rosenthal B.G.** From Decadence to Christian Renewal: The Parallel Paths of Merezhkovsky and Ivanov // Slavic and East European Arts. Stony Brook (N.Y.), 1990. Vol. 6. № 2. P. 33 – 50.
35. **Christensen P.G.** Christ and Antichrist as Historical Novel // Modern Language Studies. Providence, 1990. Vol. 20. № 3. P. 67 – 77.
36. **Christensen P.G.** Yourcenar and Merezhkovsky: Critical History and Patriarchy // Orbis litterarum. Copenhagen, 1990. Vol. 45. № 3. P. 273 – 285.
37. **Pachmuss T.** D.S. Merezhkovsky in Exile: The Master of the Genre of Biographie Romancée. N.Y., 1990.
38. **Christensen P.G.** Merezhkovsky and Berdyaev: Leonardo and the Meaning of the Creative Act // Symposium: A Quarterly Journal in Modern Literatures. Syracuse (N.Y.), 1991. Vol. 45. № 3. P. 172 – 182.
39. **Fontenot M.J.** Symbolism in Persuasion: the Influence of the Merezhkovskii Circle on the Rhetoric of Aleksandr Fedorovich Kerenskii // Canadian-American Slavic Studies. Tempe, 1992. Vol. 26. № 1 – 4. P. 241 – 265.
40. **Christensen P.G.** Religion and Revolution in Merezhkovskii's Russian Trilogy // Canadian-American Slavic Studies. Tempe, 1992. Vol. 26. № 1 – 4. P. 63 – 75.
41. **Szędzielorz J.** Dymitr Miereżkowski – filozoficzna ekspresja powieści i koncepcja bohatera // Rocznik Naukowo-Dydaktyczny. Kraków, 1992. Z. 149. S. 93 – 101.
42. **Caprioglio N.** Dmitrij S. Merezkovskij: Fino alla fine del mondo // Rivista di Estetica. Torino, 1993. Vol. 32. № 40 – 41. P. 145 – 161.
43. **Pyman A.** Vjačeslav Ivanov and «Novyi put'»: Lico ili maska? // Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph. Heidelberg, 1993. S. 289 – 306.
44. **Matich O.** The Merezhkovskys' Third Testament and the Russian Utopian Tradition // Christianity and the Eastern Slavs. Vol. II: Russian Culture in Modern Times. Berkeley, 1994. P. 158 – 171.

45. **Davis G.A.** Symbol, Idol, and Belief in Dmitrii Merezhkovskii's The Death of the Gods // Christianity and Literature. Carrollton, 1994. Vol. 43. № 2. P. 151 – 166.

46. **Le Fleming S.** Chekhov and Merezhkovskii // Russian Writers on Russian Writers. Oxford, 1994. P. 27 – 37.

47. **Шумская Л.М.** Пецярбург у рамане Д.С. Мережкоускага «Петр и Аляксей» // Веснік Беларус. дзяржаунага ун-та им. У.И. Ленина. Сер. 4. Филалогия. Журналистыка. Педагогика. Психалогия. Минск, 1994. № 3. С. 14 – 16.

48. **Przechodzki E.** Antinomii pol'sko-russkogo konflikta i religioznye osnovy ikh reshenija v publicistike D.S. Merezhkovskogo // Przegląd Rusycystyczny. Katowice, 1994. Z. 3/4. S. 145 – 152.

49. **Grzymkowska J.** Dwie prawdy i «Trzecie królestwo» – apokaliptyczny świat pierwszej powieści Dymitra Mereżkowskiego // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. Prace Filologiczne. Olsztyn, 1995. Z. 1. S. 125 – 131.

50. **Suszka C.** Na granicy epok: «Żywe kamienie» Wacława Berenta a «Chrystus i Antichryst» Dymitra Mereżkowskiego // Ruch Literacki. Kraków, 1995. Z. 2. S. 173 – 191.

51. **Капцау У.А.** Д.С. Мережкоуски: «Вопыт суб'ектыунай мифатворчцасци» // Веснік Беларус. дзяржаунага ун-та им. У.И. Ленина. Сер. 4. Филалогия. Журналистыка. Педагогика. Психалогия. Минск, 1995. № 1. С. 16 – 17.

52. **Pachmuss T.** Ancient Myth in Merezhkovsky's Napoleon // Slavica Gandensia. Ghent, 1995. Issue 22. P. 127 – 145.

53. **Durrant J.S.** An Unpublished Letter from D.S. Merezhkovsky to Gerhart Hauptmann // Germano-Slavica. Waterloo (Canada), 1996. Vol. 9. № 1 – 2. P. 125 – 134. [Включая текст письма.]

54. **Christensen P.G.** Merezhkovsky and Ancient Greece: A Search for the Roots of Christianity in Crete, Alantis, and Samothrace // New Zealand Slavonic Journal. Wellington, 1996. P. 53 – 80.
55. **Christensen P.G.** Dionysus and Witches' Sabbath in Merezhkovsky's The Romance of Leonardo da Vinci // New Zealand Slavonic Journal. Wellington, 1997. Vol. 31. P. 127 – 143.
56. **Iwińska M.** Dymitr Mereżkowski w Wilnie // Znad Wilii. Wilno,1997. Nr 3. S. 4.
57. **Iwińska M.** Dymitr Mereżkowski: portret literacki Piłsudskiego // Znad Wilii. Wilno, 1997. Nr 5. S. 4.
58. **Węcowski M.** Julian Apostata pod kołami parowozu dziejów // Mówią Wieki. Warszawa, 1997. Nr 3. S. 13 – 14.
59. **Gamziukaite-Maziuliene R.** Kaiser Julian in der Sicht von Dmitrij Merezkovskij und Henrik Ibsen // Ibsen im europäischen Spannungsfeld zwischen Naturalismus und Symbolismus. Frankfurt a/M., 1998. S. 309 – 322.
60. **Cieślik K.** U źródeł symbolizmu w Rosji. Działalnośc krytycznoliteracka Dymitra Mieriežkowskiego w czasopismie «Siewiernyj Wiestnik» // Zeszyty Naukowe. Szczecin, 1998. Nr 198. S. 21 – 29.
61. **Хуберт М.О.** Д. Мережковский о поетике символа // Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. Ізмаїл, 1999. Вип. 8. С. 166 – 169.

2000-е

62. **Leszczenko L.** Kwestia polska w twórczości rosyjskich myślicieli religijno-filozoficznych przełomu XIX-XX wieku (Włodzimierz Sołowjow, Dymitr Mereżkowski, Mikołaj Bierdiajew) // Studia Słowianoznawcze. Piotrków Trybunalski, 2000. T. 1. S. 95 – 109.
63. **Шевчук Т.С.** Інтерпретація основних естетичних категорій у ранній творчості Д.С. Мережковського // Науковий вісник Ізмаїльського

державного педагогічного інституту. Ізмаїл, 2000. Вип. 9. С. 197 – 203.

64. **Kalb J.E.** Merezhkovskii's Third Rome: Imperial Visions and Christian Dreams // Ab Imperio. Казань, 2001. № 1/2. P. 125 – 140.

65. **Kalb J.E.** Dmitrii Sergeevich Merezhkovsky // Russian Writers of the Silver Age, 1890 – 1925. Detroit (MI), 2004. P. 307 – 318.

66. **Bagnó V.** El Quijote visto por Merezhkovski // Mundo Eslavo. Granada, 2005. № 4. P. 157 – 163.

67. **Fonseca B.** Druga «Trylogia» Dymitra Mieriezkowskiego – problem wladzy absolutnej w swietle idei wiary prawoslawnej // Slavia Orientalis. Kraków, 2005. Nr 2. S. 171 – 85.

68. **Андрущенко О.А.** Дві «таємниці» Д.С. Мережковського // Науковий вісник Чернівецького Торгівельно-економічного інститут КНТЕУ. Гуманітарні науки: філологія. Вип. 2 – 3. Чернівці, 2005. С. 15 – 20.

69. **Dudek A.** «Historyczne» i «nowe» chrześcijaństwo w refleksji Dymitra Mereżkowskiego // Prace Komisji Kultury Słowian Polskiej Akademii Umiejętności. Kraków, 2007. T. VI. S. 73 – 87.

70. **Dudek A.** Motyw sporów religijnych u schyłku Imperium Rzymskiego w dramaturgicznej interpretacji Dymitra Mereżkowskiego (dramat Julian Apostata) // Romantyczna Antiquitas. Rzymskie inspiracje w teatrze i dramacie XIX wieku z uwzględnieniem mediacji calderonowskiej i szekspirowskiej. Poznań, 2007.

71. **Frajlich A.** The Legacy of Ancient Rome in the Russian Silver Age. Amsterdam, 2007.

72. **Senelick L.** Before Stoppard: Merezhkovsky's Bakunin Play // Slavic and East European Performance: Drama, Theatre and Film. N.Y., 2007. Vol. 27. № 1. P. 41 – 54.

73. **Garzonio S.** Figure sottomarine nella poesia russa. Una lirica di Dmitrij Merezkovskij // Da Ulisse a ...: Il viaggio negli abissi marini tra immaginazione e realtà. Pisa, 2007. P. 209 – 217.

74. **Dagnino A.** Francesco d'Assisi nell' estetica di Merežkovskij (Versione Definitiva) // Святой Франциск и Россия: Францисканские чтения. 2006. СПб., 2008. P. 155 – 175.

75. **Люцканов Й.Д.** Дрехата на съдбата: романът на Дмитрий Мережковски «Юлиан Отстъпника» (анализ на класицистичния му символизъм). София, 2008.

76. **Andrić N.** Model svakodnevice u romanu «Smrt bogova. Julijan Otpadnik» // Zbornik Matice srpske za slavistiku. Novi Sad, 2008. Br. 74. S. 49 – 62.

77. **Andrić N.** Motiv istorijske crkve u romanu D.S. Mereškovskog «Smrt bogova. Julijan Otpadnik» // Slavistika. Beograd, 2008. Br. 12. S. 206 – 211.

78. **Andrić N.** Model svakodnevice u romanu Dmitrija Mereškovskog «Vaskrsli Bogovi. Leonardo da Vinči» // Slavistika. Beograd, 2009. Br. 13. S. 262 – 266.

79. **Kholikov A.** Writer's Biography: Genre without Rules // Social Sciences. 2009. № 2. P. 51 – 66.

80. Anton Chekhov through the Eyes of Russian Thinkers: Vasilii Rozanov, Dmitrii Merezhkovskii and Lev Shestov. L.; N.Y., 2010. [Из содерж.: **Chudakov A.** Chekhov and Merezhkovskii: Two Types of Artistic-Philosophical Consciousness. **Crone A.L.** Negating His Own Negation: Merezhkovskii's Understanding of Chekhov's Role in Russian Culture. **Thaidigsmann K.** An Illuminating Misinterpretation? On Merezhkovskii's Literary Criticism of Chekhov. **Golstein V.** Can Merezhkovskii See the Spirit in the Prose of Flesh?]

81. **Friedman J.** A Powerless Seeker: Merezhkovsky's Romance of Leonardo as Life-Writing // Symbolism, Its Origins and Its Consequences. Newcastle upon Tyne, 2010. P. 531 – 547.

82. **Lodge K.** Mirrors in Russian Decadent and Symbolist Prose: Valery Briusov and Dmitry Merezhkovsky // Studies in Twentieth and Twenty First Century Literature. Manhattan (KS), 2010. Vol. 34. № 2. P. 163 – 164. [См. также в

специальном выпуске: Reflections and Refractions: The Mirror in Russian Culture. Manhattan (KS), 2011. P. 207 – 232.]

83. **Lim S.S.** Russia, East Asia and the Search for the «Real Europe»: Dmitry Merezhkovsky and Andrey Bely // Other Voices: Three Centuries of Cultural Dialogue between Russia and Western Europe. Newcastle upon Tyne, 2011. P. 55 – 74.
84. **Pondopulo A.** Merezhkovsky, Blum and Petit: An Impossible Relationship // Other Voices: Three Centuries of Cultural Dialogue between Russia and Western Europe. Newcastle upon Tyne, 2011. P. 189 – 202.

§ 4.5. Эпистолярное и связанное с ним наследие писателя[1665]

1. Розанов В.В. Из предсмертных писем: М. Горькому, Д.С. Мережковскому / Публ. и предисл. Э. Г<оллербаха> // Вестник лит. Пг., 1919. № 8. С. 14. [См. также: Розанов В.В. Письма. Д.С. Мережковскому. <Декабрь 1918> / Публ. и коммент. Николюкина А.Н. // Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 526 – 527. Полный текст писем см.: Иванова Евг. О последних днях и кончине В.В. Розанова // В.В. Розанов. Письма 1917 – 1919 / Публ. и коммент. Евг. Ивановой и Т. Померанской // Лит. учеба. М., 1990. Кн. 1. С. 70 – 76.]
2. Начало газеты «Возрождение»: Неизданные письма Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, М.П. Арцыбашева, В.Л. Бурцева, А.И. Каминки и Г.А. Ландау из архива П.Б. Струве / Публ. Г.П. Струве // Мосты. Мюнхен, 1959. № 3. С. 374 – 392.
3. Полонский Я.П. [Письмо Д. Мережковскому. Выдержки] // Орлов П. Я.П. Полонский. Рязань, 1961. С. 62. [Отзыв о поэзии Д. Мережковского.]
4. Из переписки З.Н. Гиппиус с М.Л. Кантором (1927 – 1936) / Публ. Г.П. Струве // Новый журн. Нью-Йорк. 1973. № 112. С. 227 – 239. [На с. 235

[1665] В данный список, составленный в хронологическом порядке, не включены открытые письма Мережковского, которые стоят в одном ряду с газетно-журнальными публикациями писателя.

опубликовано письмо Д. Мережковского к М. Кантору от 12.11.1927.]

5. Минц З.Г. А. Блок в полемике с Мережковскими // Блоковский сборник. [Вып.] 4: Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Тарту, 1981. С. 116 – 222. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 535). [См. то же: Минц З.Г. Блок в полемике с Мережковскими // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 537 – 620. На с. 594 – 597 опубликованы письма Д. Мережковского к А. Блоку.]
6. Pachmuss T. Из архива Мережковских // Cahiers du monde russe et sov. P., 1981. Vol. 22. № 4. P. 461 – 470. [Письма Д. Мережковского к И. Бунину.]
7. Письма [Мережковских к В.А. Злобину] / Публ., примеч. и коммент. Т. Пахмусс // Мережковский Д. Маленькая Тереза. Ann Arbor (Michigan), 1984. С. 127 – 200.
8. Петрухина М., Тыссовский Ю. «В чужом мне мире, сложном и огромном...» // Эхо планеты. М., 1988. № 4. С. 36 – 38. [О письмах Д. Мережковского и др. в архиве А. Федорова.]
9. Д.С. Мережковский и М.Э. Здзеховский: Письма из Парижа в Вильнюс / Вступ. ст., публ. и примеч. А. Йокубайтиса // Вильнюс. 1990. № 1. С. 147 – 156.
10. Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцову / Вступ. заметка, публ. и примеч. М.Ю. Кореневой // Рус. лит. Л., 1991. № 2. С. 156 – 181. № 3. С. 132 – 159.
11. Из писем Д.С. Мережковского / Сост. и примеч. С.Н. Поварцова // Мережковский Д.С. Акрополь: Избр. лит.-критич. статьи. М., 1991. С. 323 – 325. [Публикуется 5 писем Д. Мережковского к Я.П. Полонскому, Л.Н. Андрееву, В.Ф. Комиссаржевской, В.Я. Брюсову, В.Э. Мейерхольду.]
12. Из архива А.Г. Достоевской: Письма Д.С. Мережковского и С.Н. Булгакова. Переписка с В.В. Розановым / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее. [Вып.] 9. М., 1992. С. 235 – 293.

13. Мережковский Д.С. Письма к О.Л. Костецкой / Предисл. и публ. А.В. Лаврова // Лица. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 170 – 183.
14. Письмо Д.С. Мережковского к А.Л. Волынскому / Публ. Н.К. Пушкаревой // Рос. арх. М., 1992. Вып. 2 – 3. С. 245 – 246.
15. Из писем к Веселовскому: Д.С. Мережковский / Публ. М.Ю. Кореневой // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 340 – 346.
16. Записные книжки и письма Д.С. Мережковского / Публ. Е.А. Андрущенко, Л.Г. Фризмана // Рус. речь. М., 1993. № 4. С. 30 – 35. № 5. С. 25 – 40.
17. «Как бы мне хотелось с Вами много и много поговорить»: Письма Д.С. Мережковского М.Н. Ермоловой / Публ. и послесл. Р. Островской // Театр. М., 1993. № 7. С. 95 – 97.
18. Письма к Т.Л. Толстой: А.М. Ремизов, М.И. Цветаева, Ф.И. Шаляпин, И.Е. Репин, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский / Публ., подгот. текста и коммент. Н.А. Калининой // Неизвестный Толстой в архивах России и США. Рукописи, письма, воспоминания, наблюдения, версии. М., 1994. С. 404 – 423.
19. Книгоиздательство К.Ф. Некрасова и русские писатели начала XX века / Публ. И. Вагановой // Рос. арх. М., 1994. Вып. 5. С. 436 – 474. [Публикуются письма Д. Мережковского и др. К. Некрасову 1911 – 1916 гг.]
20. Дюррант Д.С. По материалам архива Д.В. Философова // Лица. Вып. 5. М.; СПб., 1994. С. 444 – 459. [В тексте статьи публикуются фрагменты из переписки писателя с Мережковскими и Б. Савинковым 1920-х гг.]
21. Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1901 – 1903 гг.) / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева; вступ. заметка и коммент. Т.В. Воронцовой // Рос. литературовед. журн. М., 1994. № 5 – 6. С. 276 – 322.

22. Письма Д.С. Мережковского к В.В. Розанову (1899 – 1908) / Публ., вступ. заметка и коммент. А.М. Ваховской // Рос. литературовед. журн. М., 1994. № 5 – 6. С. 234 – 251.

23. Мережковский Д.С. Письма к С.Я. Надсону / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // Новое лит. обозрение. М., 1994. № 8. С. 174 – 192. [См. также: Надсон С.Я. Письма к Мережковскому // Новый путь. СПб., 1903. № 4. С. 151 – 154. То же: Надсон С.Я. Проза. Дневники. Письма. СПб., 1912. С. 531 – 533 (2-е изд. – СПб., 1913); Надсон С.Я. Полное собрание сочинений. Т. II. Пг., 1917. С. 486 – 487.]

24. Письма Д.С. Мережковского к Л.Н. Вилькиной / Публ. В.Н. Быстрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 209 – 251.

25. Письма Д.С. Мережковского А.В. Амфитеатрову / Публ., вступ. заметка и примеч. М. Толмачева, Ж. Шерона // Звезда. СПб., 1995. № 7. С. 158 – 169.

26. Письма Д.С. Мережковского к супругам Пети / Публ. Р. Нежинской // Новое лит. обозрение. М., 1995. № 12. С. 109 – 117.

27. Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1904 – 1906) / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева; коммент. Т.В. Воронцовой // Рос. литературовед. журн. М., 1996. № 7. С. 200 – 226.

28. Письма Д.С. Мережковского к А.П. Чехову / Подгот. текста и коммент. А.М. Долотовой // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 258 – 268.

29. Королева Н.В. Неизвестные письма А.А. Блока к Д.С. Мережковскому и З.Н. Гиппиус в американском архиве // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1994. М., 1996. С. 27 – 43.

30. [Письмо Ф. Сологуба к Мережковским от 9 мая 1922 г. /

Публ. А.В. Лаврова] // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 300 – 301.

31. Пахмусс Т.А. Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «главном» // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 70 – 101.

32. Лавров А.В. Письма Андрея Белого и Валерия Брюсова в собрании Амхерстского центра русской культуры // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1996. М., 1998. С. 45 – 57. [В тексте статьи публикуются письма А. Белого (1906 – 1910) и В. Брюсова (1906 – 1911) к Д. Мережковскому, З. Гиппиус и Д. Философову].

33. «...Наша культура, отраженная в капле...»: Письма И. Бунина, Д. Мережковского, З. Гиппиус, Г. Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923 – 1928) / Публ. О.А. Коростелева // Минувшее. [Вып.] 24. СПб., 1998. С. 123 – 165.

34. Переписка Д.С. Мережковского с В.И. Ивановым / Публ. и коммент. М. Цимборской-Лебоды и Н.А. Богомолова // Studia Rossica. 7. W kraju i na obczyźnie. Literatura rosyjska XX wieku. Warszawa, 1999. S. 81 – 92.

35. Pachmuss T. Письма В.А. Злобина З.Н. и Д.С. Мережковским, 1934 – 1936 // Rev. des études slaves. P., 1999. T. 71. Fasc. 1. P. 131 – 158. Fasc. 2. P. 461 – 483. Fasc. 3/4. P. 709 – 730. – 2000. T. 72. Fasc. 1/2. P. 255 – 278.

36. Pachmuss T. Письма Мережковских В.А. Злобину из Италии, 1937 // Rev. des études slaves. P., 2000. T. 72. Fasc. 3/4. P. 541 – 568.

37. Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Е.А. Андрущенко // Мережковский Д.С. Драматургия. Томск, 2000. С. 662 – 670, 762 – 765. [Публикуется 11 писем Д. Мережковского с купюрами к Д.В. Философову, Ф.Д. Батюшкову, В.А. Теляковскому, Г.С. Саркисову, Н.В. Дризену.]

38. «Что собрания поэтов?»: Письма Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус К.К. Случевскому (1899 – 1902) / Публ. О.А. Коростелева // Литературовед. журн. М., 2001. № 15. С. 261 – 270.

39. Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1906 – 1909) / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева; коммент. Т.В. Воронцовой // Литературовед. журн. М., 2001. № 15. С. 124 – 260. [Публикуется также письмо Д. Мережковского к М. Гофману.]

40. Мережковские и Горький в годы революции (Письма Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского М. Горькому) / Вступ. ст., публ. и примеч. Н.Н. Примочкиной // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 737 – 763. [См. также: Примочкина Н.Н. Горький и писатели русского зарубежья. М., 2003. С. 29 – 52.]

41. «Уж такова наша судьба...»: Новое из Варшавского архива Д.В. Философова / Вступ. ст., предисл. и публ. Дж.С. Дюрранта // Наше наследие. М., 2002. № 63/64. С. 64 – 91. [Публикуется переписка Д. Философова с Мережковскими, Б. Савинковым, М. Домбровской 1920 – 1932 гг.]

42. Из переписки Зинаиды Николаевны Гиппиус и Павла Николаевича Милюкова 1922 – 1930 годов / Подгот. текстов Х. Барана (США) и Н.В. Королевой; вступ. и коммент. Н.В. Королевой // Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования. М., 2002. С. 195. [Среди прочего публикуется совместное письмо Д. Мережковского и З. Гиппиус к П.Н. Милюкову.]

43. [Письмо К.И. Чуковскому от 29 декабря 1907 г. Фрагмент] / Публ. Е.В. Ивановой // Чуковский К.И. Собр. соч. В 15 т. Т. 6. М., 2002. С. 575 – 576. [Отзыв на статью К. Чуковского «Д.С. Мережковский (Тайновидец вещи)».]

44. «Религиозная общественность» и террор: Письма Д. Мережковского и

З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908 – 1909) / Вступ. ст., публ. и примеч. Е.И. Гончаровой // Рус. лит. СПб., 2003. № 4. С. 140 – 161.

45. [Флоренский П.] Переписка с Мережковскими // Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Ивановой. М., 2004. С. 508 – 517. [Публикуется два черновика писем П. Флоренского к Мережковским, датированные приблизительно 1905 годом, и одно письмо З. Гиппиус к нему от 24 февраля 1904 г.]

46. [Письмо Н. Рябушинского к Д. Мережковскому от 26 июня 1906 г.] // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 53 – 54.

47. [Письмо П. Карпова к Д. Мережковскому от 12 января 1912 г.] // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 285 – 287.

48. Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В. Брюсовым (1910 – 1919) / Публ. и подгот. текста М.В. Толмачева; коммент. Т.В. Воронцовой // Литературовед. журн. М., 2005. № 19. С. 165 – 257.

49. «Заграничные связи нам тоже слишком дороги»: письма З. Гиппиус, Д. Мережковского, Д. Философова к Б. Савинкову. 1912 – 1913 годы / Вступ. ст., публ. и примеч. Е.И. Гончаровой // Рус. лит. СПб., 2006. № 1. С. 192 – 218. № 2. С. 160 – 174.

50. Письма О.А. Флоренской, П.А. Флоренского, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус / Публ. В.П. и П.В. Флоренских и Т.А. Шутовой // Культура и время. М., 2006. № 3. С. 40 – 63.

51. Флоренский П.В.; Шутова Т. Три тысячи верст и четверть века пролегли между нами // Наше наследие. М., 2006. № 79 – 80. С. 114 – 135. [Комментированная публикация переписки П. Флоренского, С. Троицкого, О. Флоренской, З. Гиппиус и Д. Мережковского].

52. «Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...»: Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому / Вступ. ст., публ. и коммент. А. Холикова // Вопр. лит. М., 2006. № 1. С. 135 – 185.

53. Ливак Л. Ранний период русской эмиграции: По материалам собрания Софии и Эжена Пети // A century's perspective: Essays on Russian literature in honor of Olga Raevsky-Hughes and Robert P. Hughes. Stanford, 2006. С. 416 – 451. [Публикация писем Д. Мережковского и Д. Философова за 1920 – 1924 гг. к С. Пети и Э. Пети.]

54. Воронцова И.В. Участие А.В. Карташева в религиозном движении «неохристиан» и эволюция его взглядов на «историческую» Церковь: По письмам 1906 – 1907 годов // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История рус. православ. церкви. М., 2006. Вып. 3 (20). С. 27 – 46. [На материале писем А. Карташева к Д. Мережковскому и З. Гиппиус.]

55. Три тысячи верст и четверть века пролегли между нами: Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус в переписке с О.А. Флоренской / Публ. подгот. А.И. Олексенко, В.П. Флоренский, П.В. Флоренский, Т.А. Шутова // Наше наследие. М., 2007. № 82. С. 26 – 47.

56. Из переписки В.Ф. Ходасевича с Мережковскими / Вступ. ст., публ. и коммент. Н.А. Богомолова // Новое лит. обозрение. М., 2008. № 90. С. 115 – 147. [В приложении публикуются письма В.Ф. Ходасевича и Д.С. Мережковского к И.Д. Гальперину-Каминскому. См. то же: Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 241 – 259.]

57. Шутова Т. «Нечаянная радость»: Письма Д.С. Мережковского О.А. Флоренской // Новый журн. Нью-Йорк, 2008. № 253. С. 140 – 160.

58. Шутова Т. «Да будут совершены воедино...»: Переписка Мережковских с О. Флоренской // Новый журн. Нью-Йорк, 2009. № 256. С. 97 – 137.

59. Шутова Т. «...Наш тихий светлый ангел»: Переписка Мережковских с О. Флоренской. 1911 // Новый журн. Нью-Йорк, 2009. № 257. С. 175 –

206.

60. К истории парижского архива З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского: По материалам переписки В.А. Злобина с Б.И. Николаевским и М.С. Цетлиной / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. М.М. Павловой // Рус. лит. СПб., 2009. № 2. С. 207 – 223.
61. «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. Е.И. Гончаровой. СПб., 2009.
62. [Письмо Д. Мережковского к Ф. Сологубу от 27 мая 1922 г.] // Муриков Г. Падение Вавилонской башни. СПб., 2009. С. 63 – 64.
63. Шутова Т. Кощунство к Чаше: Переписка Мережковских с О.А. Флоренской (1912 – 1914) // Новый журн. Нью-Йорк, 2010. № 258. С. 67 – 98.
64. Лавров А.В. «Забытые» фрагменты переписки Брюсова и Мережковского // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 198 – 223.
65. «Не везет мне с “Современными записками”»: З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский и В.А. Злобин / Публ., вступ. ст. и примеч. Н.А. Богомолова // «Современные записки» (Париж, 1920 – 1940): Из архива редакции. М., 2013. Т. 3. С. 207 – 430.